Вл. А. Семенов

ТООРА-ДАШ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Vl. A. Semenov

Toora-Dash

MULTILAYERED SITE ON THE YENISEI IN TUVA

Saint Petersburg
2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

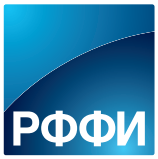
Вл. А. Семенов

Тоора-Даш

МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА НА ЕНИСЕЕ В ТУВЕ

Санкт-Петербург
2018

УДК 902/904
ББК 63.4



Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 18-19-00155, не подлежит продаже

Утверждено к печати Ученым Советом ИИМК РАН

Authorized for publication by the Academic Board of the Institute for the History of Material Culture RAS

Ответственный редактор к. и. н. *М. Е. Килуновская*

Chief editor Dr. *M. E. Kilunovskaya*

Рецензенты: д. и. н. *М. А. Дэвлет*, к. и. н. *А. В. Поляков*

Prepublication reviews by Dr. hab. *M. A. Devlet*, Dr. *A. V. Polyakov*

Семенов Вл. А. **Тоора-Даш — многослойная стоянка на Енисее в Туве.** — Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография, 2018. — 340 с. : ил.

Semenov Vl. A. **Toora-Dash — Multilayered Site on the Yenisei in Tuva.** — St. Petersburg: IHMC RAS; The Neva Book Printing House, 2018. — 340 p. : figs.

ISBN 978-5-907053-05-2
DOI: 10.31600/978-5-907053-05-2

Монография посвящена исследованию ключевого для археологии Центральной Азии памятника — стоянки Тоора-Даш. Подобный памятник на территории Центральной Азии исследован впервые. Его раскопки проводились в течение семи полевых сезонов (1978–1984 гг.), после чего Тоора-Даш был затоплен водами резервуара Саяно-Шушенской ГЭС. Материалы стоянки впервые публикуются в полном объеме. Представлена стратиграфия и материалы всех 13 слоев. Для аналогии публикуются данные раскопок и находки из других многослойных памятников в Саянском каньоне Енисея: Хадынных I и II, Хем-Теректиг, Базага, Сосновка-Джойская и Усть-Кантегир. В монографии также помещены материалы эпохи бронзы из Тоджинской котловины и другие источники, включая культовые и погребальные памятники, относящиеся к бронзовому веку и синхронные слоям 6 и 7 Тоора-Даш.

Монография предназначена для археологов, этнографов, историков, студентов и всех интересующихся археологией и древней историей Тувы и Северной Евразии.

The monograph is devoted to the study of the key site for the archeology of Central Asia — site of Toora-Dash. Such site was first investigated on the territory of Central Asia. Its excavations were conducted during seven field seasons (from 1978 till 1984), then Toora-Dash was flooded by the water of reservoir of Sayano-Shushenskaya power plant. Data from the settlement is first published in full. Materials and stratification for all 13 layers is presented. Data from other multilayered sites of Sayan canyon of Yenisei is given for analogy. Those are sites of Hadynnyh I and II, Khem-Terektig, Bazaga, Sosnovka-Dzhoyskaya and Ust'-Kantegir. Also there are materials of Bronze Age from Todzha basin and other sources including ritual and burial sites, which could be referred to Bronze Age and synchronous to layers 6 and 7 of Toora-Dash.

The monograph is intended for archaeologists, ethnographers, historians, students and all who are interested in archeology and ancient history of Tuva and Northern Eurasia.

© Институт истории материальной культуры РАН / Institute for the History of Material Culture of the RAS, 2018
© Невская Книжная Типография, 2018 / Neva Book Printing House, 2018
© Семенов Вл. А. / Semenov Vl. A., 2018

ISBN 978-5-907053-05-2
DOI: 10.31600/978-5-907053-05-2

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 9

Глава 1. Природная среда и история изучения древних культур Тувы 11

Глава 2. Местонахождение многослойного памятника Тоора-Даш 16

Глава 3. История исследования Тоора-Даша 20

Глава 4. Планиграфия и стратиграфия стоянки Тоора-Даш 28

Глава 5. Неолитические слои 38

5.1. Первый культурный слой 38

5.2. Второй культурный слой 56

5.3. Третий культурный слой 92

5.4. Четвертый культурный слой 105

Глава 6. Энеолит — пятый культурный слой 107

Глава 7. Окуневская культура — шестой и седьмой культурные слои 122

7.1. Шестой культурный слой 122

7.2. Седьмой культурный слой 140

Глава 8. Предскифское время — восьмой и девятый культурные слои. Длительный переход к железному веку 176

8.1. Восьмой культурный слой 176

8.2. Девятый культурный слой 183

Глава 9. Скифское и гунно-сарматское время — 10А, 10-й и 10α культурные слои 189

9.1. Культурный слой 10А 189

9.2. Десятый культурный слой 193

9.3. Культурный слой 10α 206

Глава 10. Раннее и позднее средневековье — 11-й, 12-й и 13-й культурные слои 211
10.1. Одиннадцатый культурный слой 211
10.2. Двенадцатый культурный слой 219
10.3. Тринадцатый культурный слой 225
Глава 11. Тоора-Даш и его культурное окружение 229
11.1. Стоянки Саянского каньона Енисея 230
11.1.1. Стоянка Хадынных I 231
11.1.2. Стоянка Хадынных II 264
11.1.3. Стоянка Хем-Теректиг 268
11.1.4. Стоянка Базага 277
11.1.5. Стоянка Сосновка-Джойская 278
11.1.6. Стоянка Усть-Кантегир 285
11.2. Стоянки Тоджинской котловины 290
11.3. Стоянка Этекшил I 306
Глава 12. Погребения и жертвенно-поминальные комплексы эпохи бронзы и раннего железного века в Туве 309
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 326
Приложение. Радиоуглеродные даты стоянки Тоора-Даш 329
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ 330
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 337
SUMMARY 338

Contents

INTRODUCTION 9

Chapter 1. Tuva ancient cultures natural environment and history of study 11

Chapter 2. Location of Toora-Dash multilayered site 16

Chapter 3. History of study of Toora-Dash 20

Chapter 4. Toora-Dash site stratification and planigraphy 28

Chapter 5. Neolithic layers 38

5.1. First cultural layer 38

5.2. Second cultural layer 56

5.3. Third cultural layer 92

5.4. Fourth cultural layer 105

Chapter 6. Eneolithic — Fifth cultural layer 107

Chapter 7. Okunevo culture — Sixth and Seventh cultural layers 122

7.1. Sixth cultural layer 122

7.2. Seventh cultural layer 140

Chapter 8. Proto-Scythian time — Eighth and Ninth cultural layers. Long conversion to the Iron Age 176

8.1. Eighth cultural layer 176

8.2. Ninth cultural layer 183

Chapter 9. Scythian and Hunnu-Sarmatian time — cultural layers 10A, 10th and 10α 189

9.1. 10A cultural layer 189

9.2. 10th cultural layer 193

9.3. 10α cultural layer 206

Chapter 10. Early and late Medieval — cultural layers 11th, 12th, 13th 211
10.1. Eleventh cultural layer 211
10.2. Twelfth cultural layer 219
10.3. Thirteenth cultural layer 225
Chapter 11. Toora-Dash and its cultural environment 229
11.1. Sites in Sayan canyon of the Yenisey 230
11.1.1. Site of Hadynnyh I 231
11.1.2. Site of Hadynnyh II 264
11.1.3. Khem-Terektig Site 268
11.1.4. Site of Bazaga 277
11.1.5. Site of Sosnovka-Dzhoyskaya 278
11.1.6. Site of Ust'-Kantegir 285
11.2. Sites of Todzha basin 290
11.3. Site of Etekshyl I 306
Chapter 12. Tombs and sacrificial complexes of the Bronze and Early Iron Age in Tuva 309
CONCLUSIONS 326
Supplement. ^{14}C dates for Toora-Dash site 329
BIBLIOGRAPHY AND SOURCES 330
ABBREVIATIONS 337
SUMMARY 338

Введение

Изучение тувинских древностей началось более века назад. За последние десятилетия источниковая база по археологии Тувы выросла в несколько раз. Большой вклад в это внесли работы Саяно-Тувинской экспедиции Института истории материальной культуры РАН (до того — ЛОИА АН СССР). Большие успехи достигнуты в изучении древнекаменного века, что нашло отражение в книге С. Н. Астахова (*Астахов*, 2008). Эпоха ранних кочевников довольно полно освещена в монографиях А. Д. Грача (*Грач*, 1980), М. П. Грязнова (*Грязнов*, 1980), Л. Р. Кызласова (*Кызласов*, 1979), наскальное искусство — в работах М. А. Дэвлет (*Дэвлет*, 1976, 1980, 1982, 1990, 1996, 1998, 2004). В результате раскопок кургана Аржан Туву стали считать одним из центров формирования культур скифского типа. Интенсивные раскопки курганов ранних кочевников, включая элитные памятники, такие как Аржан-2 (раскопки К. В. Чугунова, Г. Парцингера и А. Наглера, 2006), Кош-Пейские курганы (раскопки М. Е. Килуновской и Вл. А. Семенова, 1995), многочисленные некрополи рядового населения, как скифского, так и раннего средневековья, изменили сложившиеся ранее представления об этнокультурных процессах в этом регионе Центральной Азии. Что же касается неолита и бронзового века Тувы, то долгое время этот период был представлен лишь сборами с развеянных дюнных местонахождений и Тоджинских стоянок (Восточная Тува).

Уникальная возможность для изучения неолита и палеометалла, а также последующих периодов представилась в Саянском каньоне Енисея, где были открыты и исследованы многослойные стоянки с четкой стратиграфией, на базе которых удалось установить хронологическую последовательность древних культур III–II тыс. до н. э., а также более поздних I тыс. до н. э. — II тыс. н. э. Характерно, что тувинская периодизация неолита и бронзы не совпадает с периодизацией Минусинских степей. Здесь не выявлены, например, андроновские памятники, практически не представлен карасукский пласт, афанасьевские и окуневские материалы отличаются известным своеобразием, что отражает локальные особенности развития этих культур в Туве. Вместе с тем ощущается роль афанасьевского субстрата в сложении окуневской культуры. Обобщающая работа по стоянкам Саянского каньона Енисея и на сопредельных территориях была издана в начале 1990-х гг. в виде небольшой книги, что не позволило полноценно опубликовать весь объем материалов (*Семенов*, 1992).

В настоящей книге полностью представлены материалы многослойной стоянки Тоора-Даш, затопленной водами Саяно-Шушенского водохранилища. Для сравнения и дополнения информации приводятся материалы других поселенческих памятников — 1-го Куйлуг-Хемского грота в Центральной Туве со слоями эпохи верхнего палеолита и неолита, стоянок Тоджинской котловины Азас I и Азас II с керамикой, аналогичной керамике шестого и седьмого слоев Тоора-Даша, разновременных стоянок Саянского каньона Енисея и Уюкской котловины.

Глава 1.
Природная среда и история изучения древних культур Тувы

Тува — горная область, расположенная в центре Азиатского континента. В столице Тувы г. Кызыле расположен географический центр Азии. В широтном направлении Туву пересекает ряд горных хребтов — Картушибинский, Уюкский, Западный и Восточный Танну-Ола, между которыми располагаются остепненные межгорные котловины — Турано-Уюкская, Улуг-Хемская (или Центрально-Тувинская), Хемчикская. На юге Тувы к хребту Танну-Ола примыкает Убсунурская котловина (с крупнейшим в Центральной Азии бессточным озером Убсу-Нур), на востоке расположена Тоджинская котловина с таежной растительностью.

По мере нарастания засушливости климата с севера на юг происходит постепенное обеднение видового состава растительности. Особо следует подчеркнуть наличие в нижней (и отчасти в верхней) части склонов так называемой горной лесостепи, представляющей своеобразное сочетание лесной и степной стаций, что обусловлено степенью расчлененности рельефа и экспозицией склонов. Склоны широтно вытянутых гряд и возвышенностей, обращенных на юг, покрыты ксерофитной растительностью каменистых степей, северные же одеты лиственничными парковыми лесами с подлеском из влаголюбивых кустарников.

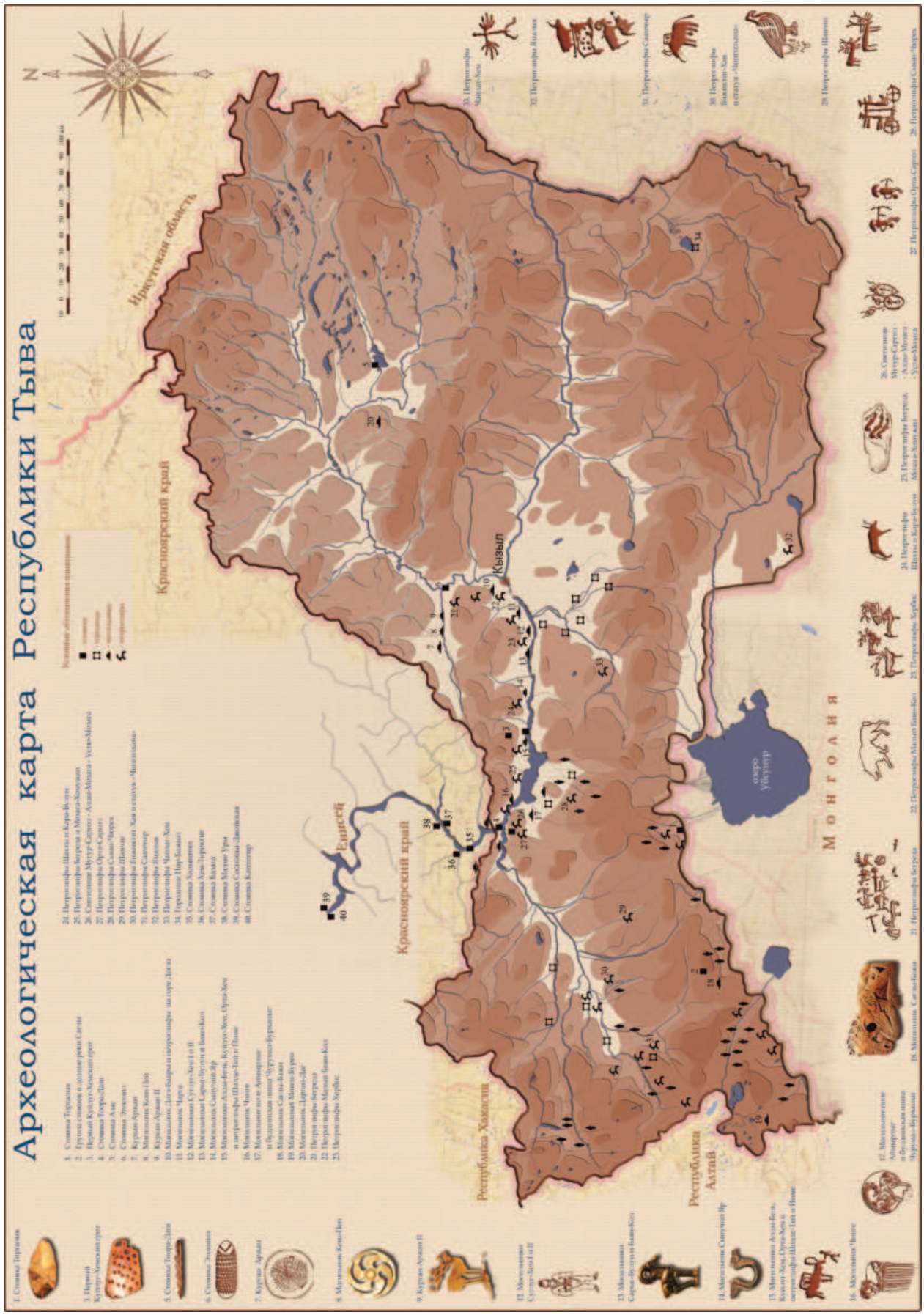
В западной части республики климат засушливый, количество осадков сравнительно невелико, сильная ветровая эрозия препятствует почвообразованию, что объясняет отсутствие памятников с сохранившимся культурным слоем в степных регионах и накладывает свою специфику на археологические исследования.

Крупнейшие реки Тувы — Улуг-Хем (191 км) и две его составляющие — Каа-Хем (610) и Бий-Хем (525 км). Улуг-Хем течет по северной окраине Тувинской котловины от Кызыла до левого притока р. Хемчик, а затем круто поворачивает на север и прорезает горные хребты Западного Саяна (Геология, 1966. С. 29–33). Здесь начинается так называемый Саянский каньон Енисея протяженностью более 300 км, который заканчивается выходом в Хакасско-Минусинские степи. В настоящее время каньон заполнен водами Саянской ГЭС. Накопление пойменного аллювия в этой горной теснине способствовало консервации культурного слоя древних стоянок и возникновению здесь уникальных для всего Саяно-Алтая многослойных памятников, речь о которых пойдет ниже.

Значение Тувы, как центрально-азиатского региона, расположенного на стыке с сибирской тайгой, чрезвычайно велико. Именно здесь находился узел этнического и культурного взаимодействия тюрко-монгольских, самодийских, кето-язычных и, вероятно, тунгусоязычных народов. Тува входила в зону формирования двух крупнейших хозяйственно-культурных типов Азии (до недавнего времени сохранившихся у тувинцев) — кочевых скотоводов степей и охотников-оленеводов тайги (*Вайнштейн*, 1971. С. 77).

Значительно раньше, возможно, уже в неолите и наверняка — в афанасьевское время, в Туву проникают первые волны европеоидов, антропологический тип которых сохранялся вплоть до скифского времени (*Гохман*, 1980. С. 28–29).

Археологическое изучение Тувы началось сравнительно давно. В XIX в. ее посещали финские исследователи Ю. Р. Аспелин и О. Х. Апеллгрен-Кивало, а также крупнейший русский археолог-сибировед А. В. Адрианов. После 1920 г. в Туве работал С. А. Теплоухов, раскопавший несколько сотен курганов в Уюкской и Улуг-Хемской котловинах и открывший в 1926 г. развеянную стоянку с каменным инвентарем на р. Ангачи (История Тувы, 1964. С. 378). Им же была найдена керамика


Археологическая карта Республики Тыва
Иркутская область
Красноярский край
Кызыл
Енисей
Красноярский край
Республика Хакасия
Республика Алтай
Монголия
озеро Убсунур

на р. Туран, которую можно уверенно отнести к энеолиту или эпохе бронзы.

В 1947 г. рекогносцировочную археологическую поездку по Туве совершил С. В. Киселев, принимавший участие в этой экспедиции Л. Р. Кызласов собрал с развеянных дюнных стоянок на р. Ангачи, Чааты, Баян-Кол в Улуг-Хемской котловине подъемный материал, который он отнес к неолиту. Он же в 1955 г. на р. Шурмак раскопал три каменных выкладки с энеолитической керамикой (*Кызласов*, 1969. С. 5–14).

Л. Р. Кызласов предложил и первую периодизацию древних культур Тувы, в которой он выделяет палеолит, неолит и эпоху бронзы (*Кызласов*, 1958. С. 74). Эта периодизация, не претерпев существенных изменений, была включена автором и в его последнюю монографию, вышедшую двумя десятилетиями позже (*Кызласов*, 1979. С. 34).

Тогда же в 1950-е гг. С. И. Вайнштейн открыл стоянку, относящуюся к переходному периоду от неолита к эпохе бронзы, расположенную в Тодже, на берегу р. Тонмак (*Вайнштейн*, 1957. С. 36–38). Этот памятник фигурирует в археологической литературе как Тоджинская стоянка, Тонмак, Азас I (*Сидоров*, 1969. С. 137–139; *Дэвлет*, 1973а. С. 76–80). На правом берегу р. Уюк (по дороге от пос. Хадын в совхоз Уюк) он же раскопал первое в Туве погребение эпохи бронзы. Это погребение С. И. Вайнштейн определил как андроновское, что было не верно (*Вайнштейн*, 1954. С. 142). В 1950-е гг. в западных районах Тувы работала комплексная археолого-этнографическая экспедиция МАЭ АН СССР, но памятников, относящихся к неолиту и энеолиту, там обнаружено не было. Все данные, накопленные за этот период по каменному бронзовому веку Тувы, обобщены в первом томе «Истории Тувы» (История Тувы, 1964. С. 18–22).

Следующий этап археологического изучения Тувы связан с работой Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА. Начиная с 1965 г. эта экспедиция производила исследования в зоне затопления Саянской ГЭС в долине Енисея и по его притокам на территории Тувинской АССР и за ее пределами (в Красноярском крае и в Хакасской АО). Экспедиция получила археологические материалы не только из Тувы, но и с территории контактной зоны между северными районами Центральной Азии и Южной Сибири.

За первые шесть полевых сезонов работы экспедиции С. Н. Астаховым была обследована долина Енисея (от р. Демир-Суг до р. Урбюн), долина р. Хемчик (от Баяжи до Устья), долина р. Саглы, совершались отдельные разведывательные маршруты по притокам и сухим долинам Хемчика, осмотрена стоянка Ангачи и т. д. Всего за эти годы найдено 156 памятников, 56 из них отнесено к неолиту (*Астахов*, 1971. С. 84). Помимо многочисленных дюнных стоянок открыты и первые памятники с сохранившимся культурным слоем. Так, в 1966 г. в урочище Биче-Оймак С. Н. Астахов раскопал стоянку-мастерскую Ак-Даш (*Астахов*, 1968. С. 242), затем в начале Саянского каньона (против устья р. Хемчик) он исследовал стоянку Усть-Хемчик III, относимую исследователями к раннему неолиту (*Астахов, Беляева*, 1970. С. 180–182; *Беляева*, 1972. С. 114).

Наиболее изученным памятником эпохи неолита и бронзы на территории Тувинской АССР является стоянка Тоора-Даш, расположенная на правом берегу Енисея в 196 км ниже г. Кызыла. Этот памятник исследовался в течение семи полевых сезонов — с 1978 по 1984 гг. (*Семенов*, 1979а, 1980, 1981, 1983).

Наиболее важным открытием на стоянке Тоора-Даш является выделение неолитической культуры гребенчатой керамики, получившей название «верхнеенисейской». Культурные слои с верхнеенисейской керамикой изучены также в 1-м Куйлуг-Хемском гроте (*Семенов*, 2004. С. 70–87). Опубликованные даты по ^{14}C из неолитических слоев 1-го Куйлуг-Хемского грота подтверждают концепцию о раннем возрасте верхнеенисейской неолитической культуры (*Тимофеев и др.*, 2004. С. 49), но стоянка Тоора-Даш несомненно остается опорным памятником для обширного региона в бассейне Верхнего Енисея и Западного Саяна.

Другие памятники с сохранившимся культурным слоем расположены уже за пределами административной границы Республики Тыва, проходящей на Енисее по порогу Сарыг-Хая. Это стоянки Хадынных I, Хем-Теректиг, Базага (раскопки автора настоящей работы 1973–1975, 1977, 1979 гг.) и стоянка Малый Ур (*Васильев*, 1980. С. 194–195). Эти стоянки расположены на территории, в естественном и культурном отношении примыкающей к Западной Туве (*Длужневская*, *Семенов*, 1979. С. 87–89). Ряд других памятников, в нижней части Саянского каньона, расположен уже в пределах Южной Сибири. Это стоянки Сосновка-Голованьская (*Васильев*, 1981. С. 123–125); Усть-Кантегир и Сосновка-Джойская (*Семенов*, 1986. С. 127–131). Эти памятники находятся на значительном удалении от территории Тувы, но содержат материалы, близкие полученным в Туве.

Параллельно с работами Саяно-Тувинской экспедиции ряд стоянок эпохи бронзы исследовался совместной экспедицией Института археологии АН СССР и Тувинского республиканского краеведческого музея. Эта экспедиция под руководством М. А. Дэвлет производила свои раскопки в Тодже, где было продолжено исследование Тоджинской стоянки, открытой С. И. Вайнштейном и получившей теперь название Азас I. Экспедиция обнаружила ряд ранее неизвестных памятников Азас II, Тоора-Хем «Первая Поляна» и Тоора-Хем «Вторая Поляна», расположен-

ных на первой надпойменной террасе р. Тоора-Хем (правого притока Бий-Хема) (*Дэвлет*, 1971, 1973а, 1973б). Материалы, полученные с этих стоянок, не всегда однородны, но, как нам представляется, в большинстве своем могут быть отнесены к раннему этапу окуневской культуры в Туве. В 1989–1991 гг. работы на стоянках Азас I и II проводил автор данной монографии (*Семенов*, 1990).

К эпохе бронзы относится целый ряд наскальных изображений. Прежде всего, к таковым можно отнести привлекавшие внимание многих исследователей личины окуневского времени в урочище Мугур-Саргол (*Дэвлет*, 1980; *Формозов*, 1969; *Шер*, 1980), изображения на скалах Бижиктиг-Хая на Хемчике (*Грач*, 1957), на горе Алды-Мозага на правом берегу р. Чинге (*Дэвлет*, 1989. С. 49–59), многочисленные изображения колесниц в разных районах Тувы (*Килуновская*, 2011. С. 129–133). Интересна большая плита с изображением колесниц, быков, лучников, «идущих по дороге», лежащая у подножия горы Устю-Мозага на правом берегу Улуг-Хема, которая была названа М. А. Дэвлет «Каменный компас» (*Дэвлет*, 2004). В нижней части Саянского каньона были расположены хорошо известные писаницы у р. Джой, на ручье Сосновка-Джойская и группа изображений ниже устья Кантегира, часть которых можно связать с существующими здесь стоянками. В целом наскальные изображения, относимые к эпохе бронзы, позволяют судить о более плотном заселении Тувы в то время, нежели это можно представить только на основании известных стоянок и могильников, число которых пока невелико.

Целый ряд могил окуневского времени был раскопан А. М. Мандельштамом на р. Чаа-Холь у г. Бош-Даг (могильник Аймырлыг). В 1978 г. приблизительно в 2 км по р. Чаа-Холь от упоминавшейся группы было раскопано еще несколько окуневских погребений. На Аймырлыге же обнаружено и разрушенное погребение с двумя бронзовыми браслетами андроновской культуры (*Мандельштам, Стамбульник*, 1980. С. 47; *Стамбульник, Чугунов*, 2006. С. 292–302).

Наряду с погребениями, сопоставимыми с окуневской культурой, А. М. Мандельштамом исследованы и другие памятники эпохи бронзы. К ним относятся два больших каменных округлых сооружения, раскопанных на территории портовой площадки г. Новый Шагонар (*Мандельштам и др.*, 1979. С. 247). Не менее интересна открытая в Уюкской котловине прямоугольная ограда (13 × 17 м). Найденная внутри ограды керамика позволила датировать этот памятник эпохой бронзы (*Мандельштам, Резепкин*, 1979. С. 246).

В 1990 г. на левом берегу Бий-Хема исследована развеянная стоянка Этекшил, где была обнаружена керамика окуневской культуры, а также получена большая коллекция гравированных галек (*Семенов*, 2007. С. 70–73). Материалы эпохи бронзы были получены и на стоянке Кара-Орга недалеко от Белого озера в Уюкской котловине, раскопки на которой проводились в 2010 и 2011 гг. в процессе работ по трассе железной дороги Элегест — Кызыл — Курагино. На стоянке обнаружены плиты с изображением окуневских личин (*Семенов*, 2011. С. 129–133). В 2013 г. на склонах Куртушибинского хребта в этом же Пий-Хемском кожууне сотрудником Государственного Эрмитажа Н. Жоговой обнаружено шесть стоянок, на которых представлены фрагменты разновременной лепной керамики (от эпохи бронзы и до скифского времени) и кремневые отщепы, сколы и орудия (*Жогова*, 2014). Исследования проводились по специальной программе, предусматривающей поиск сезонных стоянок не на берегу водоемов, а в удобных горных котловинах, где до сих пор существуют зимники местного населения.

На территории Тувы найдено около десятка карасукских бронз, исчерпывающую характеристику которых дал еще Л. Р. Кызласов (1979. С. 27–31). Единственное погребение с инвентарем «карасукской принадлежности» было обнаружено в 1966 г. на р. Куйлуг-Хем А. Д. Грачом (*Грач*, 1971. С. 94). Вероятно, близка по времени карасуку какая-то часть безынвентарных погребений монгун-тайгинской культуры (Там же. С. 94–96). Вполне возможно, что большая часть их относится к предскифскому или к раннескифскому времени, особенно если принять во внимание раннюю дату для кургана Аржан-1 (*Чугунов*, 1994. С. 43–53). Следует также иметь в виду, что сооружения подобного типа широко распространены и за пределами Тувы, например в Северо-Западной и частично Центральной Монголии; близкие по облику сооружения встречаются и в северо-восточных областях Средней Азии (*Мандельштам*, 1983б. С. 7). Безынвентарность погребений затрудняет датировку всех этих памятников, тем не менее, найденные в костях погребенных на могильнике Бай-Даг III кремневые наконечники стрел позволяют отнести этот могильник к заключительным этапам эпохи бронзы (*Мандельштам, Стамбульник*, 1980. С. 45–46). Подобные погребения были исследованы А. Д. Грачом в Саглы-Бажи (*Грач*, 1966. С. 85–95) и одно погребение Вл. А. Семеновым в могильной группе Торгалык II в 1984 г. (*Семенов*, 1985). К. В. Чугунов разработал типологию и относительную хронологию этих памятников, объединив их в монгун-тайгинскую культуру (*Чугунов*, 1994, 2002, 2009).

За минувшее десятилетие 2006–2015 гг. (особенно в результате раскопок Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН по трассе строящейся железной дороги Элегест — Кызыл — Курагино) корпус памятников монгун-тайгинского типа значительно вырос,

что требует нового их исследования с учетом вновь полученных данных, вариабельности наземных сооружений и серии антропологического материала.

Если допустить, что поздние «монгунцы» являются предшественниками скифов Тувы, а слои восемь и девять стоянки Тоора-Даш непосредственно оставлены носителями монгун-тайгинской культуры, то между ними существовал определенный хиатус (это относится к временному разрыву в заселении Тоора-Даша).

Скифская культура Тувы достаточно разнообразна и длительна. От возникновения кургана Аржан-1 до затухания уюкско-саглынской культуры могло пройти не менее 700 лет. За это время здесь сменилось несколько культур скифского типа, ареалы которых могли быть не всегда однородны. Этапы и хронология скифских культур Тувы в настоящее время освещены в целом ряде публикаций, в которых рассмотрены все аспекты их существования (см. работы М. Е. Килуновской, Вл. А. Семенова, К. В. Чугунова). Открытие элитных курганов, таких как Аржан-2 или Кош-Пей в Уюкской котловине, и серия раскопанных погребений рядового населения в долине рек Суглуг-Хем и Ээрбек, на Белом озере, равных по числу памятникам, исследованным предшественниками, ведет к смене парадигмы, сформированной в прошлом веке. Однако культурная секвенция, естественно зафиксированная на стоянке Тоора-Даш, остается неизменной. Тоора-Даш «доказывает» неизменность периодизации культур, созданной С. А. Теплоуховым, М. П. Грязновым, Г. А. Максименковым, строивших ее по материалам погребальных памятников, сосуществование которых не может быть полностью исключено, как об этом пишет Э. Б. Вадецкая, рассматривая проблемы афанасьевской и окуневской культур Минусинской котловины. Также нельзя обойти вниманием и длительное существование верхнеенисейской неолитической культуры, выделенной по материалам стоянки Тоора-Даш, характерной особенностью которой является гребенчатая керамика и ряд других признаков, контакты которой с носителями афанасьевской культуры не исключены.

Глава 2.
Местонахождение многослойного памятника Тоора-Даш

Многослойная стоянка Тоора-Даш расположена в Улуг-Хемском районе Республики Тыва на правом берегу Енисея в 5 км ниже устья р. Хемчик (рис. 1). Стоянка исследовалась в течение семи полевых сезонов (1978–1985 гг.). Мощность напластований, в которых залегали культурные слои, превышает 4 м. Выделено тринадцать культурных слоев, охватывающих периоды от неолита до позднего средневековья.

Приблизительно в 3 км к востоку от стоянки расположена самая высокая в окрестности гора Алага, абсолютная высота которой достигает почти 2000 м (рис. 2). В полутора километрах ниже по течению Енисея начинается ущелье сухого ручья Шугур, огибающего Алагу с севера и соединяющегося с долиной р. Урбюн. Ущелья Шугура и Урбюна разделены невысоким перевалом, одна кочевая тропа ведет от устья р. Чинге и по

Рис. 1. Устье реки Хемчик (впадает в Улуг-Хем с левой стороны)

Рис. 2. Гора Алага

ее долине поднимается на Алагу, другая — в Шугур, в верховьях которого всегда есть вода (здесь стоят тувинские зимники и летники). Таким образом, по ущельям Шугура и Чинге и по кочевой тропе через вершину Алаги стоянка Тоора-Даш была связана с Центральной Тувинской котловиной и глубинными районами Енисейского каньона. От устья Чинге тропа идет по правому берегу Енисея вверх в Центральную Туву, здесь же существует переправа через Енисей. Наскальные изображения, расположенные как в устье Чинге, так и на другом берегу Енисея в Мугур-Сарголе, свидетельствуют о большой древности этой переправы.

От Мугур-Саргола по ущелью идет кочевая дорога в Саргольскую долину, и через относительно невысокий перевал она спускается в урочище Каравей, где начинается собственно степная Тува. Через урочище Мугур-Саргол вдоль берега Енисея проложена так называемая «каменная дорога Чингисхана», которая выходит к устью Хемчика. На противоположном берегу Хемчика расположены обширные могильники скифского, тюркского и кыргызского времен.

По левому берегу Енисея ниже устья Хемчика также проходит кочевая тропа, по которой, свернув в ущелье Ур-Саир, можно попасть к священному источнику Аржан Ур-Саир (Уур-Сайыр, Ир-Сайлых, Ажыг-Суг — см. *Ондар*, 2007. С. 81), до сих пор весьма почитаемому местным населением (рис. 3–5). В долине Ур-Саира встречаются тюркские и кыргызские курганы и стелы (одна из них с тюркской руникой была доставлена в Национальный музей Республики Тыва им. Алдын Маадыр). Скифские, гунно-сарматские и кыргызские могильники тянутся практически без перерыва от урочища Сарыг-Хая до Шугура и далее до Тоора-Даша.

Таким образом, стоянка Тоора-Даш расположена в зоне высокой концентрации археологических памятников. По горным ущельям в летнее время кочевые группы тувинцев со своими стадами переходили от Тоора-Даша (или от Шугура) до устья Чинге и в Центрально-Тувинскую котловину. Зимой эта связь могла осуществляться по льду Енисея.

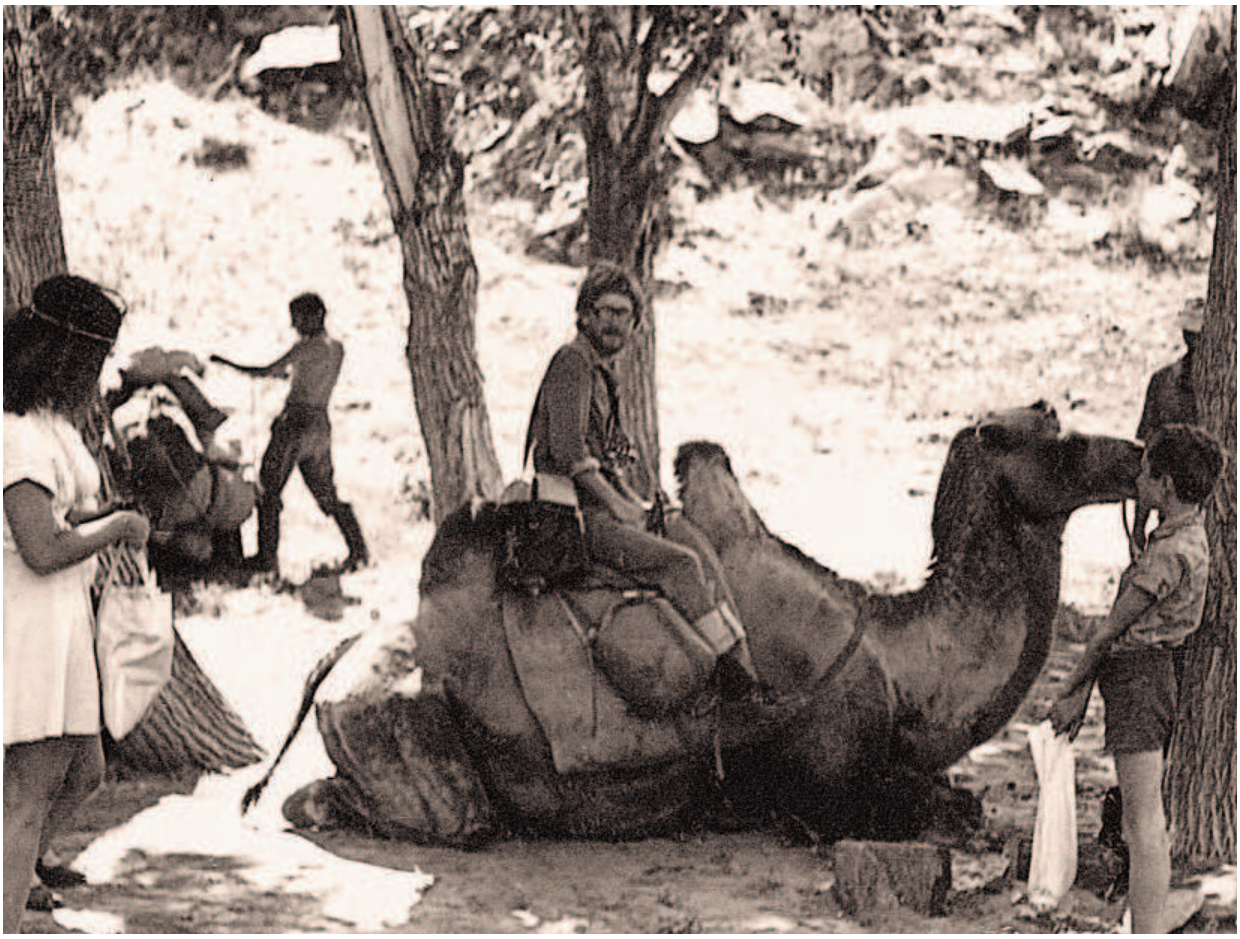


Рис. 3. Урочище Ур-Саир

Рис. 4. Каньон Енисея. Слева от отмели — подъем к источнику Ур-Саир

Рис. 5. Вид на стоянку со скалы Тоора-Даш (с северо-востока)

Глава 3.
История исследования Тоора-Даша

Местонахождение Тоора-Даш было обнаружено случайно в 1975 г. В то время я копал стоянку Хадынных (1973–1975 гг.), расположенную в 27 км ниже устья реки Хемчик. Передвижение по Енисею было возможно только на моторных лодках. Моторист Саша (так записано в паспорте) Тюлюш причалил к берегу, чтобы пообщаться со своими родичами, войлочный шалаш которых (иначе это не назовешь) стоял на высокой террасе реки. Воспользовавшись остановкой, я осмотрел размываемый рекой берег и обнаружил на пляже много расколотых зеленокаменных галек. Я отметил этот факт для себя. Потом мы отправились дальше, в поселок Чаа-Холь, ныне снесенный и затопленный.

В последующие годы мне пришлось работать на реках Кантегир и Сосновка-Джойская, на которых были выявлены слои, связанные с неолитом и ранней бронзой. Эти памятники располагались в непосредственной близости от строящегося гидроузла Саяно-Шушенской ГЭС (*Семенов*, 1986. С. 127–131).

В августе 1977 г. я вновь перебрался в Туву и спустился вниз до урочища Базага, где ранее в процессе осмотра береговой линии Енисея в 1976 г. была обнаружена стоянка. После недолгого пребывания на Базаге мы с Н. А. Лазаревской на некоторое время остановились на Шугуре в отряде Г. В. Длужневской и вновь осмотрели урочище Тоора-Даш. Тогда я убедился в перспективах исследования этого местонахождения.

В 1978 г. 4-й отряд Саяно-Тувинской экспедиции, которым я руководил, приступил к раскопкам Тоора-Даша. В тот сезон в состав отряда входили сотрудник МАЭ к. и. н. Ю. Е. Березкин, сотрудник ЛОИВ АН к. ф. н. И. М. Стеблин-Каменский, археологи В. И. Осипов и М. В. Осипова, студентка исторического факультета ЛГУ Т. И. Шаскольская, дьякон Никольского собора И. Н. Кондрашов, бухгалтер завода «Пролетарский труд» Т. А. Кондрашева, моторист из г. Шагонар И. И. Шведов.

Стоянка получила свое наименование по скале, от которой приблизительно в 200 м к западу она была расположена, имеющей название Тоора-Даш (с тувинского «Поперечная скала») (рис. 6). Всего в течение 1978 г. было вскрыто 93 кв. м. В результате раскопок было выявлено семь культурных слоев (от первого до седьмого), занимающих разную площадь. Раскопки велись по квадратам и по слоям. Квадраты (сторона 1 м) были пронумерованы в направлении с запада на восток

Рис. 6. Стоянка Тоора-Даш. Общий вид с севера

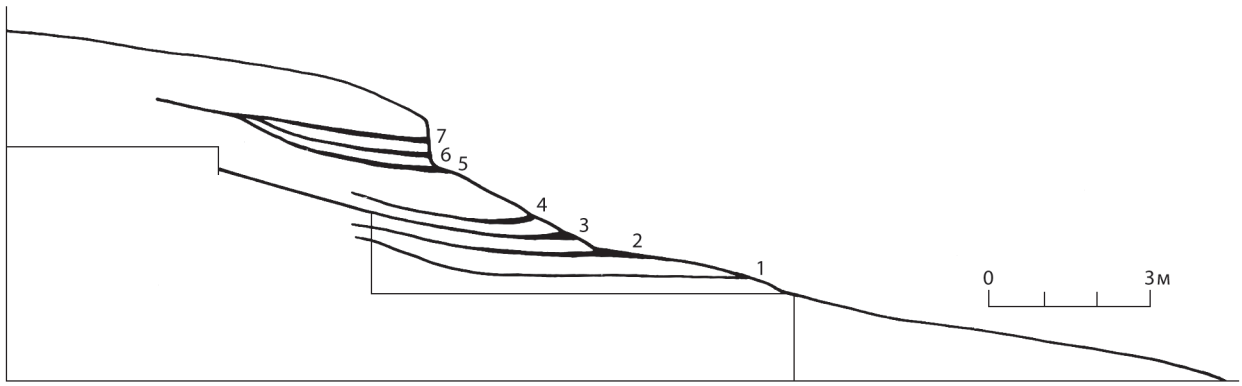
(вдоль берега Енисея) от 1 до 15 и получили буквенные обозначения от А до Ч в направлении с юга на север. Культурные остатки, приуроченные к этим слоям, встречались неравномерно и в некоторых из названных слоев концентрировались на пространстве одного-двух квадратов.

В целях изучения пойменных отложений в 1978 г. была заложена траншея по линии смыва первой террасы до Енисея длиной 11 м и шириной 1 м. Координаты траншеи А-7-Л-7 (рис. 7–9). Она прорезала однородные аллювиальные наносы мелкозернисторого песка, сильно увлажненные, с несколькими отемненными прослойками. В этой траншее в кв. Ж-7 был обнаружен кремневый топорик без определенной привязки к отемненным прослойкам. По-видимому, он происходил из одного из культурных слоев и попал в дюну в результате разрушения террасы. Наиболее полная стратиграфическая картина представлена в кв. Р-1-Р-7. По этой линии нижние культурные слои (1–4) перекрывались верхними слоями (5–7), которые были смыты по линии П-1-П-7, тогда как нижние слои наоборот выклинивались по линии С-1-С-7. Таким образом, квадраты по линии Р-1-Р-7 дали наиболее полную литологическую колонку (рис. 10; 11):

Рис. 7. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Вид с реки

Рис. 8. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Стратиграфическая траншея. Вид с севера

№	Слой	Глубина (м)
1	Супесь темная	0,00–0,08
2	Песок темный	0,08–0,13
3	Глина	0,13–0,18
4	Песок темный	0,18–0,25
5	Песок серый	0,25–0,36
6	Песок темный (**7-й культурный слой**)	0,36–0,48
7	Глина	0,48–0,60
8	Песок темный (**6-й культурный слой**)	0,60–0,73
9	Глина	0,73–0,80
10	Песок	0,80–0,90
11	Глина	0,90–0,95
12	Супесь гумусированная **(5-й культурный слой**)	0,95–1,20
13	Глина	1,20–1,25
14	Песок чистый речной	1,25–1,68
15	Глина **(4-й культурный слой)**	1,68–1,75
16	Песок светло-коричневый **(3-й культурный слой)**	1,75–1,80
17	Песок серый	1,80–1,95
18	Суглинки (**2-й культурный слой**)	1,95–2,10
19	Песок мелкозернистый (перекрывает сооружение из камней)	2,10–2,20
20	Песок мелкий (перекрывает сооружение из камней)	2,20–2,30
21	Суглинок — уровень, на котором построено сооружение **(1-й культурный слой)**	2,30–2,40
22	Песок с гумусной прослойкой (перерезан курганной ямой)	2,40–2,60
23	Песок с гумусной прослойкой	2,60–2,80
24	Песок	2,80–3,20
25	Песок и обломки скал	3,20 и далее



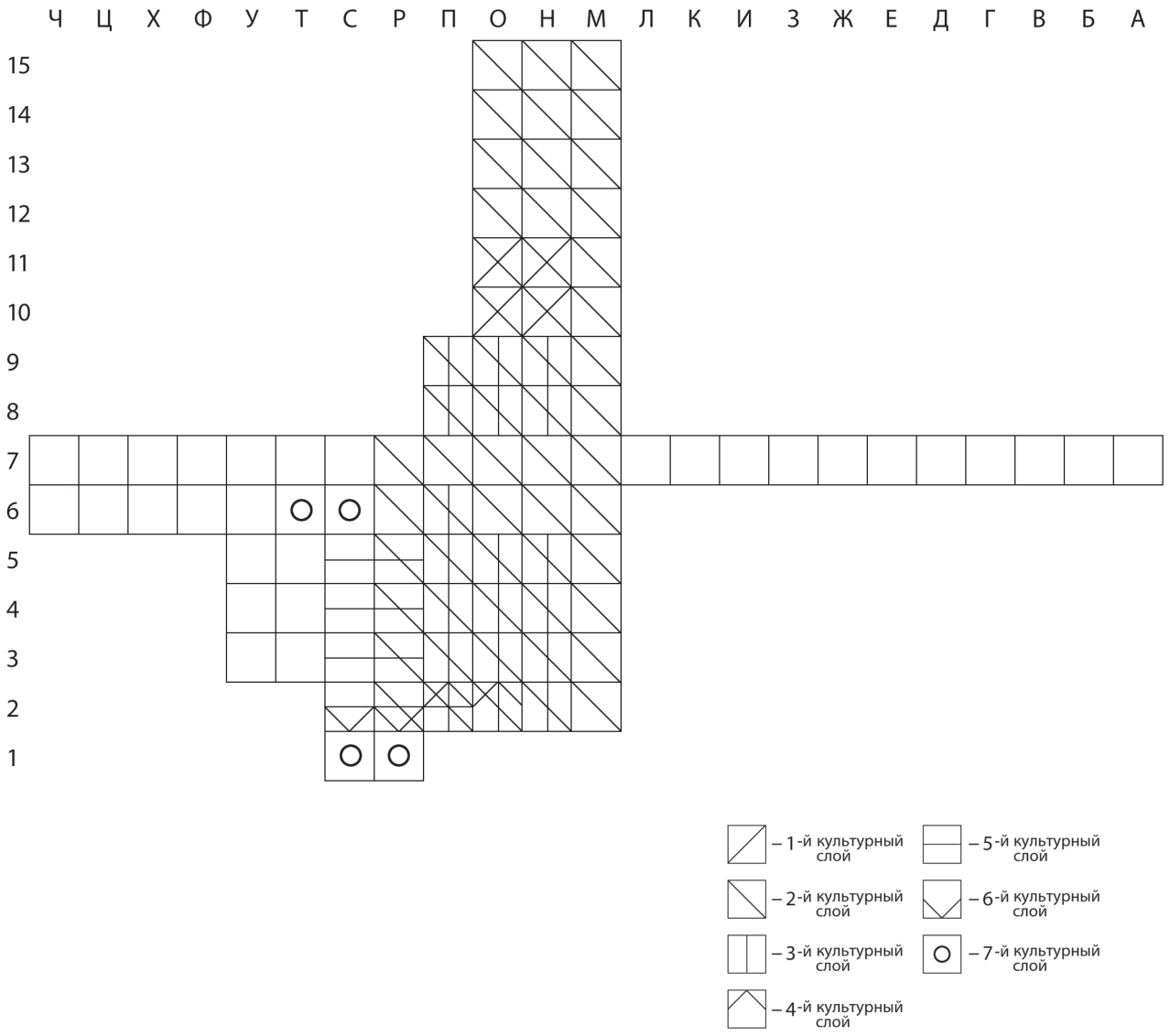


Рис. 9. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Схема раскопов и траншеи

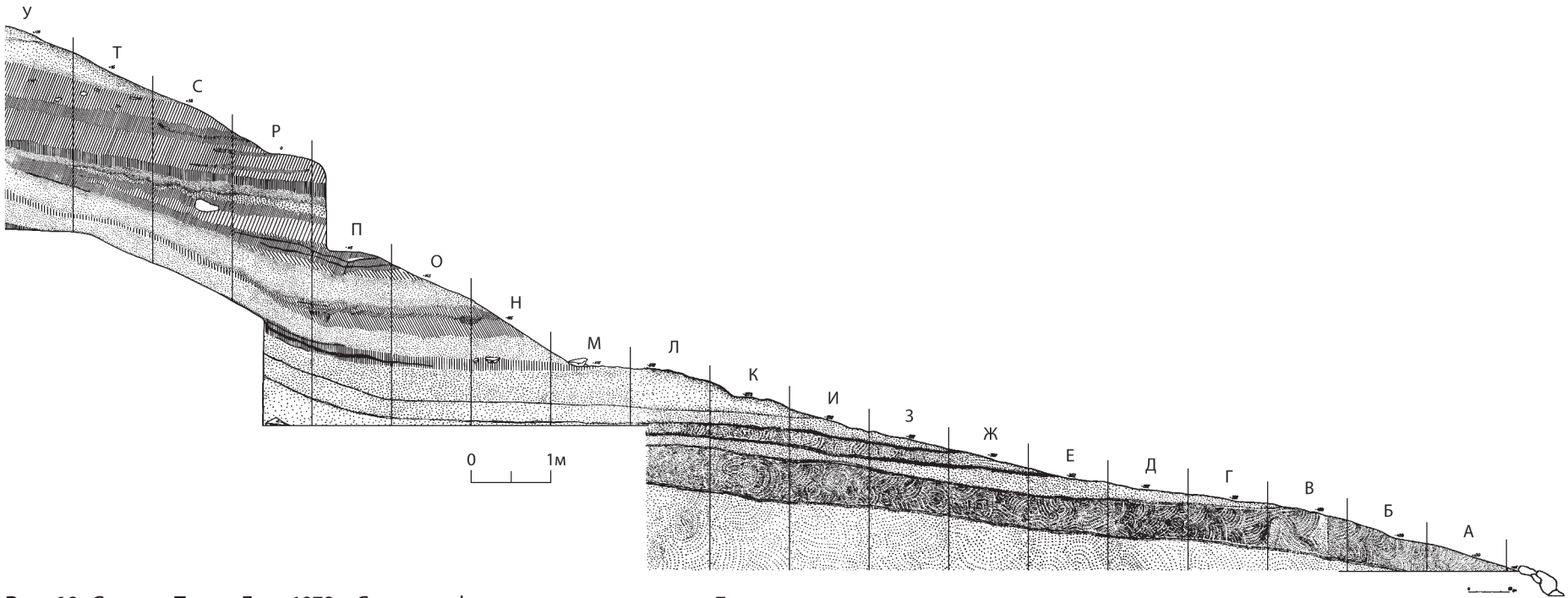


Рис. 10. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Стратиграфия траншеи по линии кв. 7

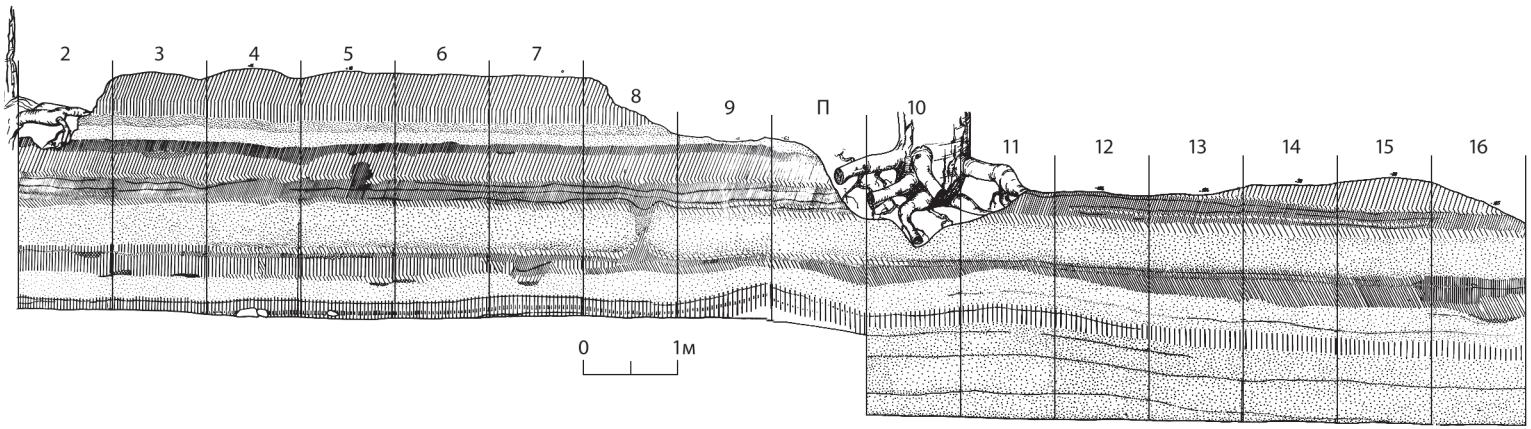


Рис. 11. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Стратиграфия раскопа. Северная стенка

Первый культурный слой артефактов не содержал, но в нем было обнаружено каменное сооружение. Эта стратиграфия в последующие годы была дополнена и уточнена (рис. 12).

Рис. 12. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Каменное сооружение из первого культурного слоя

Полевой сезон 1978 г. длился более двух месяцев и в результате исследовательских работ на Тоора-Даше были выявлены слои (с 1 по 4) неолитического времени — культуры, раннее не известной на территории Тувы, и три слоя энеолита и ранней бронзы, сопоставимые: 5-й слой — с афанасьевской культурой, а два других (6-й и 7-й слои) — синхронны окуневской культуре в Минусинской котловине.

В последующие годы (1979 по 1984) было вскрыто 560 кв. м (рис. 13). Мощность напластований возрастала от уреза воды в сторону скал и выявлялись более поздние слои. Особенностями образования террасы: нижние слои аллювиальные, верхние были перекрыты щебневыми оползнями, т. е. каллювием, — объясняется нумерация слоев снизу вверх от 1 до 13, поскольку первый раскоп был разбит на речной надпойменной террасе с целью обнаружения наиболее ранних культурных слоев Тоора-Даша.

В 1979 г. было вскрыто на двух раскопах в общей сложности 84 кв. м (рис. 14). Раскоп 1 (площадью 48 кв. м) непосредственно продолжал раскоп 1978 г. и имел буквенную нумерацию от Н до С (от реки к скалам) и цифровую от 16 до 23 (вверх по течению реки). Раскоп 2 (площадью 36 кв. м) был вписан в ту же квадратную сетку и имел координаты 41-46-Н-О. В раскопе 2 по всей площади были вскрыты слои с 5-го по 7-й. Нижние слои в этом раскопе выклинивались и были вскрыты на площади до 24 кв. м. На глубине 3 м были зафиксированы три каменных сооружения, подобные раскопанному в 1978 г., но они были законсервированы и исследованы в 1980 г.

В 1980 г. площадь раскопов составила 132 кв. м (рис. 15). Первый раскоп в кв. М-О-1-I-III был прирезан с запада к раскопу 1978 г. Второй раскоп примыкал к раскопам 1979 г. с севера и востока вглубь террасы — Т-Х-14-23, М-Ф-23-30, Л-Ф-30-35. В результате возросло число литологических слоев, пять из которых содержали культурные остатки — это слои 8-й и 9-й предскифского времени, слой 10-й (разделялся на два горизонта 10 и 10А) скифского времени, слой 11-й — гунно-сарматского времени и слой 12-й — времени кыргызского великодержавия. Кроме того пятый культурный слой разделился на два горизонта — верхний и нижний, а второй культурный слой — на три горизонта, разделенных прослойками глины и суглинка. В северо-западном углу раскопа оказался скальный выход, на котором начиная с 6-го культурного слоя и далее вниз до первого культурного слоя эти слои выклиниваются. Поэтому в этой части раскопа представлены только верхние шесть слоев, из которых слой 10 перекрыт и сильно потревожен скальным оползнем. Более резко, чем по северной, нижние слои выклиниваются по западной стенке раскопа. В 1980 г. в первом культурном слое было раскопано восемь каменных сооружений. В результате этих раскопок стал очевиден их погребальный характер.

В 1981 г. работы продолжались между раскопами 1980 и 1979 гг., в кв. М-С-35-43 площадью 56 кв. м. Северная стенка раскопа проходила по линии С, а восточная — по 43. Исследовались культурные слои 10 и 10А, 9, 8, 7, 6 и 5 (рис. 16). После разборки пятого культурного слоя раскоп был законсервирован и нижележащие неолитические слои не исследовались.

В 1982 г. были проведены самые большие раскопки в пределах кв. Е-Ц-35-47. Их площадь — 145 кв. м. Был доследован 1-й культурный слой, законсервированный в 1979 г. в пределах кв. Е-Л-41-46. Также были исследованы неолитические слои, законсервированные в 1981 г. в кв. Л-С-35-42. В 1982 г. был завершен раскоп в пределах кв. 35-47-Е-Ф, а в кв. Х-Ц-35-44 исследованы только 12-й и 11-й культурные слои. Кроме того работы велись

Рис. 13. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Вид с юга (с реки)

Рис. 14. Стоянка Тоора-Даш. 1984 г. Вид с реки

Рис. 15. Стоянка Тоора-Даш. 1980 г. Общий вид с востока

на участке П-Ф-8-15, расположенном между раскопами 1978–1980 гг. Таким образом были получены 45-метровый стратиграфический разрез по линии Ф с севера и 15-метровый разрез по линии 47 с востока. Выделилась новая прослойка 10α с фрагментами керамики таштыкского облика и очажными пятнами. В первом

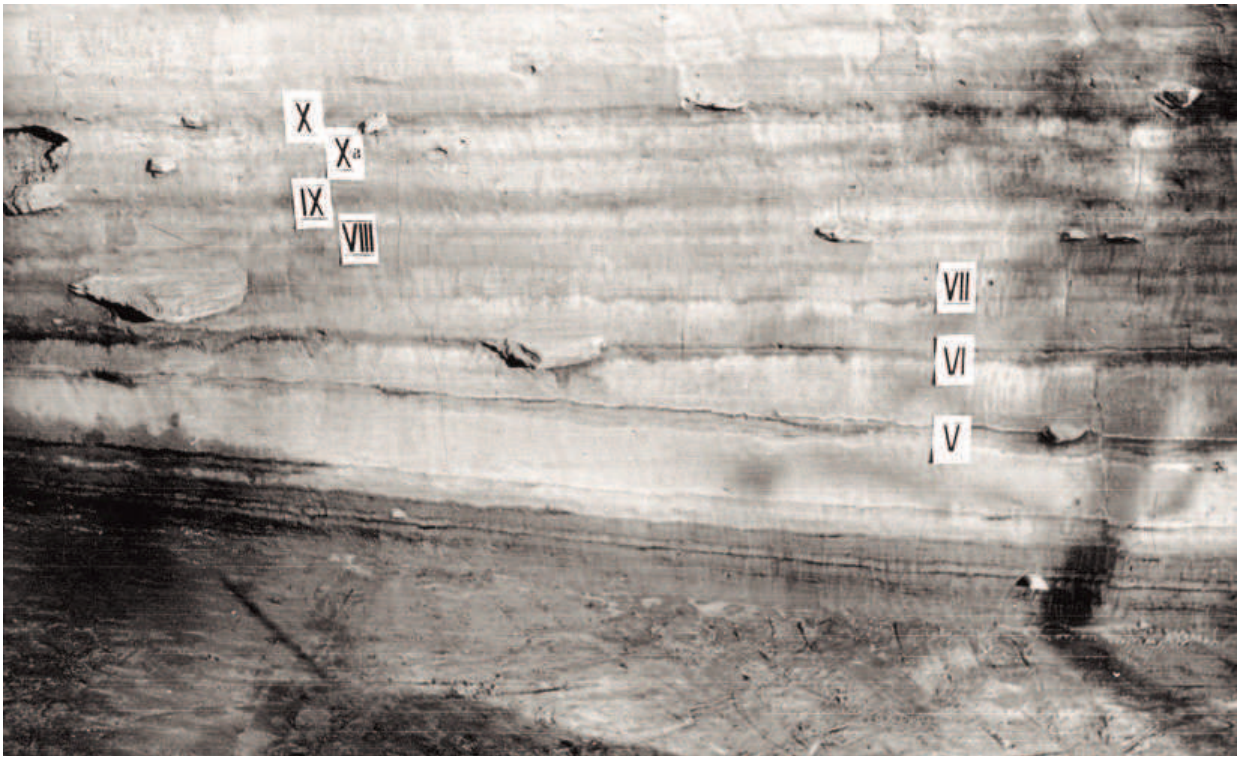


Рис. 16. Стоянка Тоора-Даш. 1981 г. Стратиграфия. Северная стенка

культурном слое было раскопано два каменных сооружения. В седьмом культурном слое в кв. Т-П-42-44 исследованы остатки жилища в виде полуземлянки с очагом в центре и двумя хозяйственными ямами.

В 1983 г. раскапывался участок в верхней части террасы на площади 66 кв. м в кв. Х-Э-30-47. Мощность культурных напластований до 3 м. Первый культурный слой на этом участке отсутствовал, но зато в верхней пачке напластований появился 13-й культурный слой с материалами, которые можно отнести к позднему средневековью. Верхние культурные слои (11-й, 12-й и 13-й) залегали в равномерных толщах супесчаных и суглинистых отложений, окрашенных в светло-коричневый цвет. В квадратах по линии Э-Ц 12-й культурный слой перекрывает скальный оползень. В этих квадратах этот слой практически отсутствует. Одиннадцатый культурный слой расположен по всей площади раскопа. Слои 10α, 10 и 10А выклинивались по линии кв. Щ-Ш. На уровне этих слоев скальные оползни достигают значительной мощности. Слои 9 и 8 также теряются в толще скальных оползней в квадратах по линии Ш-Щ. Нижележащие слои 5, 6 и 7 исчезают в кв. Ш-Ч. Культурный слой 4 на данном участке стоянки отсутствует. Слои 3 и 2 лежат по всей площади раскопа, но чрезвычайно бедны культурными остатками, а слой 1 отсутствует. Таким образом, почти все слои выклинивались по линии Э-Ш. Поэтому продолжать раскопки в этом направлении представлялось нецелесообразным. Раскоп здесь был законсервирован на уровне 10-го культурного слоя и развернут в направлении кв. Х-Ц-30-47, где культурные слои разделялись стерильными прослойками и хорошо были видны в бровке раскопа.

В 1984 г. вскрыто 113 кв. м (рис. 17). Было два основных раскопа: первый — с севера вверху береговой террасы в кв. Х-Ч-18-29 и второй — в западной части стоянки в кв. А-К-47-55, к которой была сделана прирезка по линии 54 и 55 (оказалась без буквенного обозначения). Были исследованы все 13 слоев. В первом культурном слое найдено еще два каменных сооружения в кв. Б-В-51-53. Второй слой никаких культурных остатков не содержал, зато в третьем слое выделилось два уровня.

В 1985 г. Тоора-Даша не стало. Поднявшиеся воды резервуара гидроэлектростанции разрушили памятник. Затем они были временно сброшены, но когда я прибыл на Тоора-Даш в июне 1985 г., то смог лицезреть руины своих раскопов — смешанную груду земли и камней. За все годы работы на Тоора-Даше я получал мизерные суммы на раскопки этого памятника. Теперь, увы, ничего подобного в Саянском каньоне Енисея исследовано быть не может, а там были и другие многослойные стоянки, но время ушло…

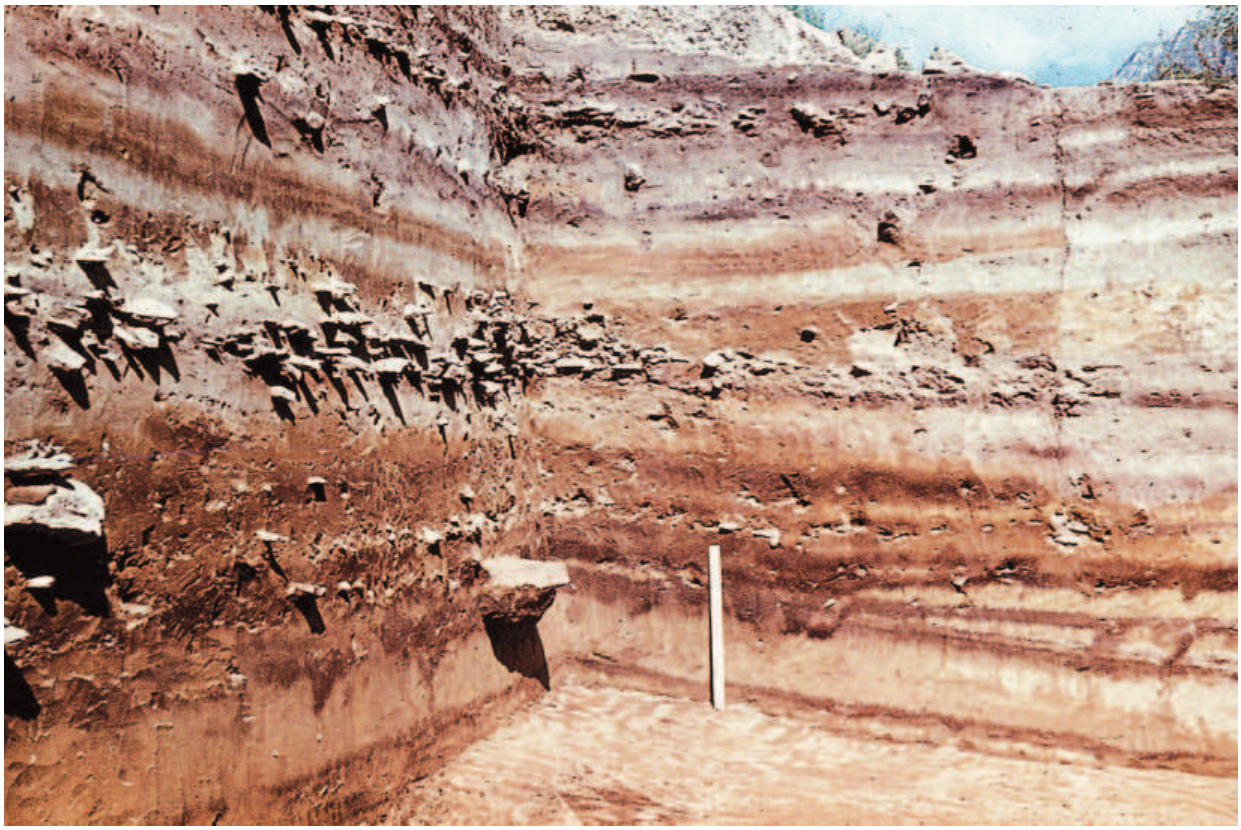


Рис. 17. Стоянка Тоора-Даш. 1984 г. Стратиграфия. Северная и западная стенки

Глава 4.
Планиграфия и стратиграфия стоянки Тоора-Даш

Стоянка приурочена к берегу реки. С запада и с севера к стоянке примыкают скалы (рис. 18; 19). Через стоянку, реку и ближайшие склоны гор с помощью теодолита был проведен разрез, на котором видно, что стоянка находится очень низко над уровнем воды и безусловно во время паводков постоянно затапливалась (рис. 20).

Общая площадь раскопов на стоянке Тоора-Даш составляет 670 кв. м (рис. 21). Раскопы имеют общую сетку координат. Цифровые обозначения (от 1 до 55) располагаются по направлению с запада на восток (вверх по течению реки) и римские цифры (от I до III) присвоены квадратам, расположенным к западу от линии 1 вниз по реке, буквенные обозначения (от А до Э) присвоены квадратам от реки в сторону скал. Эта часть террасы наиболее узкая.

Культурные слои со стороны реки здесь подверглись значительному разрушению, тогда как верхние

Рис. 18. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Общий вид с северо-запада

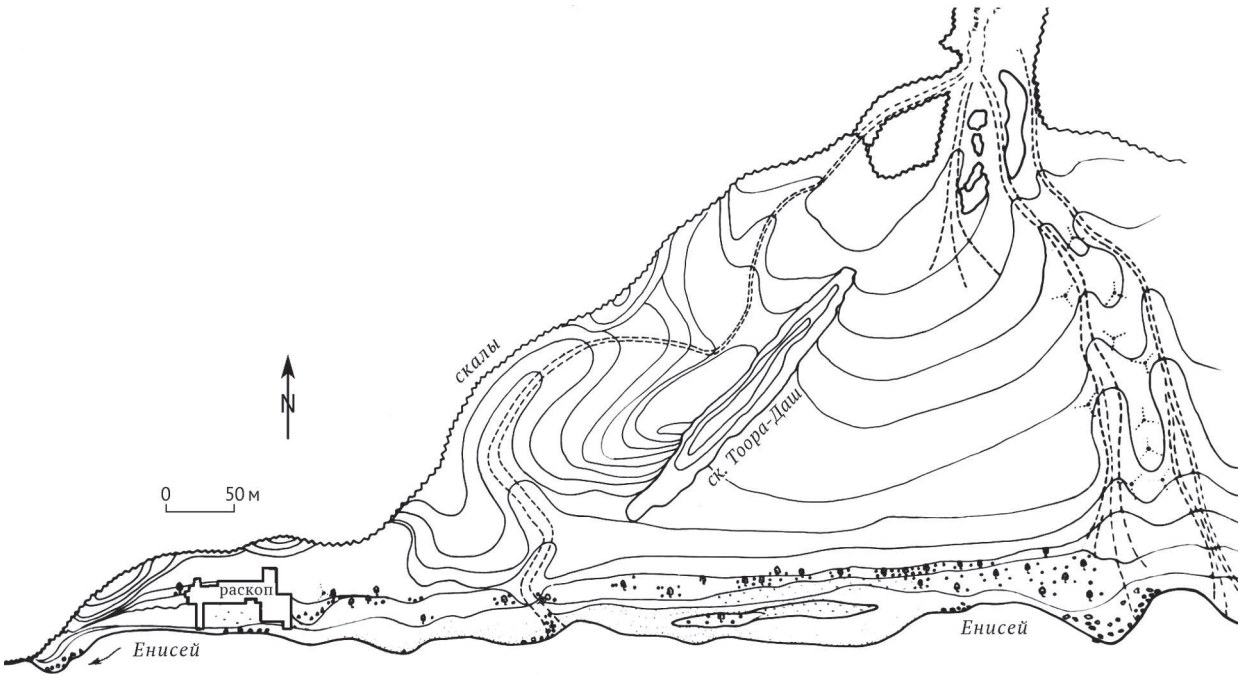


Рис. 19. План местонахождения стоянки Тоора-Даш

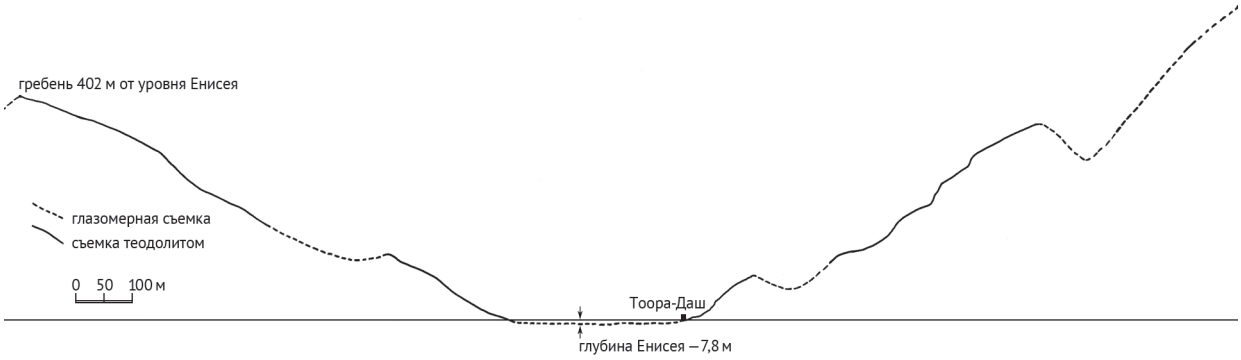


Рис. 20. Разрез стоянки Тоора-Даш через Енисей

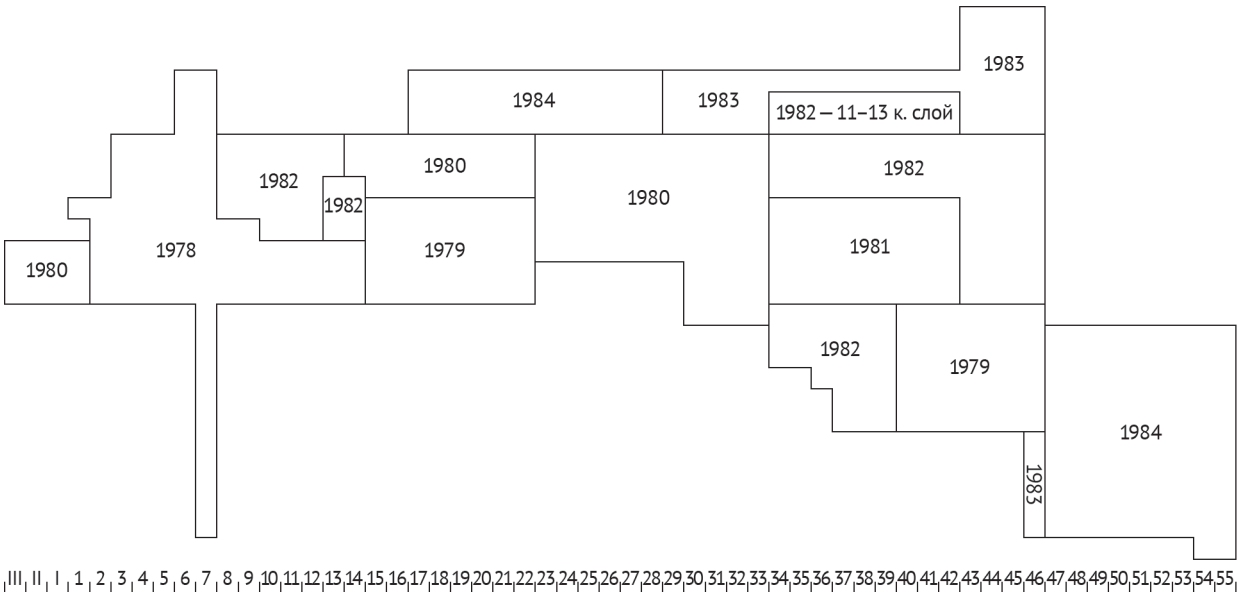


Рис. 21. Стоянка Тоора-Даш. Схема раскопов

погребены под щебеночными оползнями. По мере расширения террасы к востоку и юго-востоку нижние культурные слои расширяются по направлению к реке, но зато верхние слои (выше седьмого), не разделенные щебеночными оползнями, теряются в стратиграфии (это относится только к раскопу 1984 г.).

Слои с первого по третий прослеживаются по всей площади раскопа, за исключением траншеи в кв. М-А-7, врезанной в пойменные отложения ниже линии смыва этих слоев, и кв. 1-18-П-Ч, где в раскоп попадает скальный выход. Эти слои поднимаются вверх по террасе к скалам, и перепад между нижними участками Н-А и верхними Ч-Ф составляет не менее 1 м.

Слой 4, залегающий в светлой глине между третьим и пятым культурными слоями, выклинивается по линиям М-Н в восточной части раскопа и Р-С — в западной.

Слои 5–7 смыты по линиям 0 от 1 по 16 кв., далее они постепенно расширяются (в районе кв. 47–55): пятый слой доходит до линии А, шестой слой — до линии Г и седьмой слой — до линии Е. В этих квадратах стерильные прослойки между слоями достигают мак-

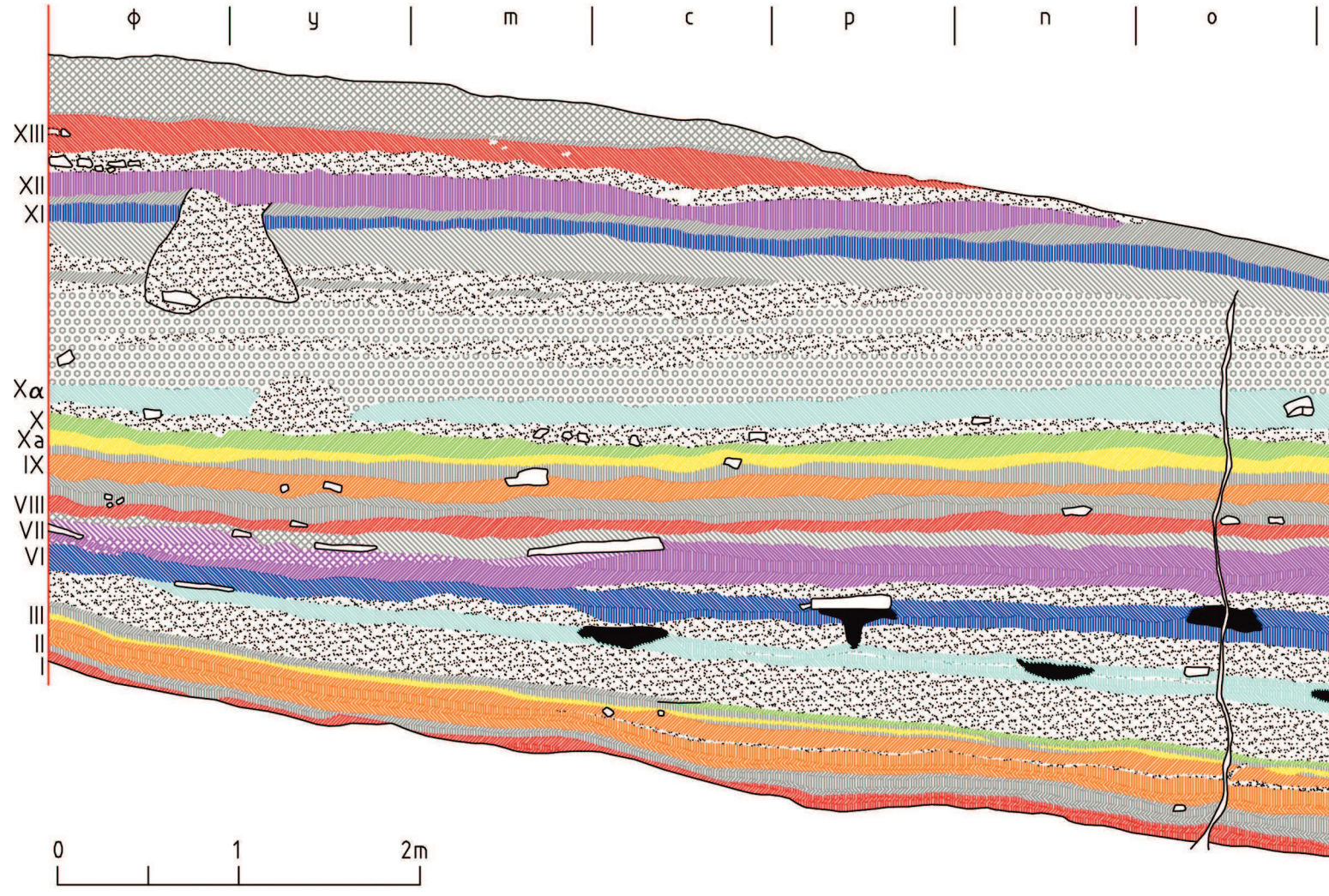


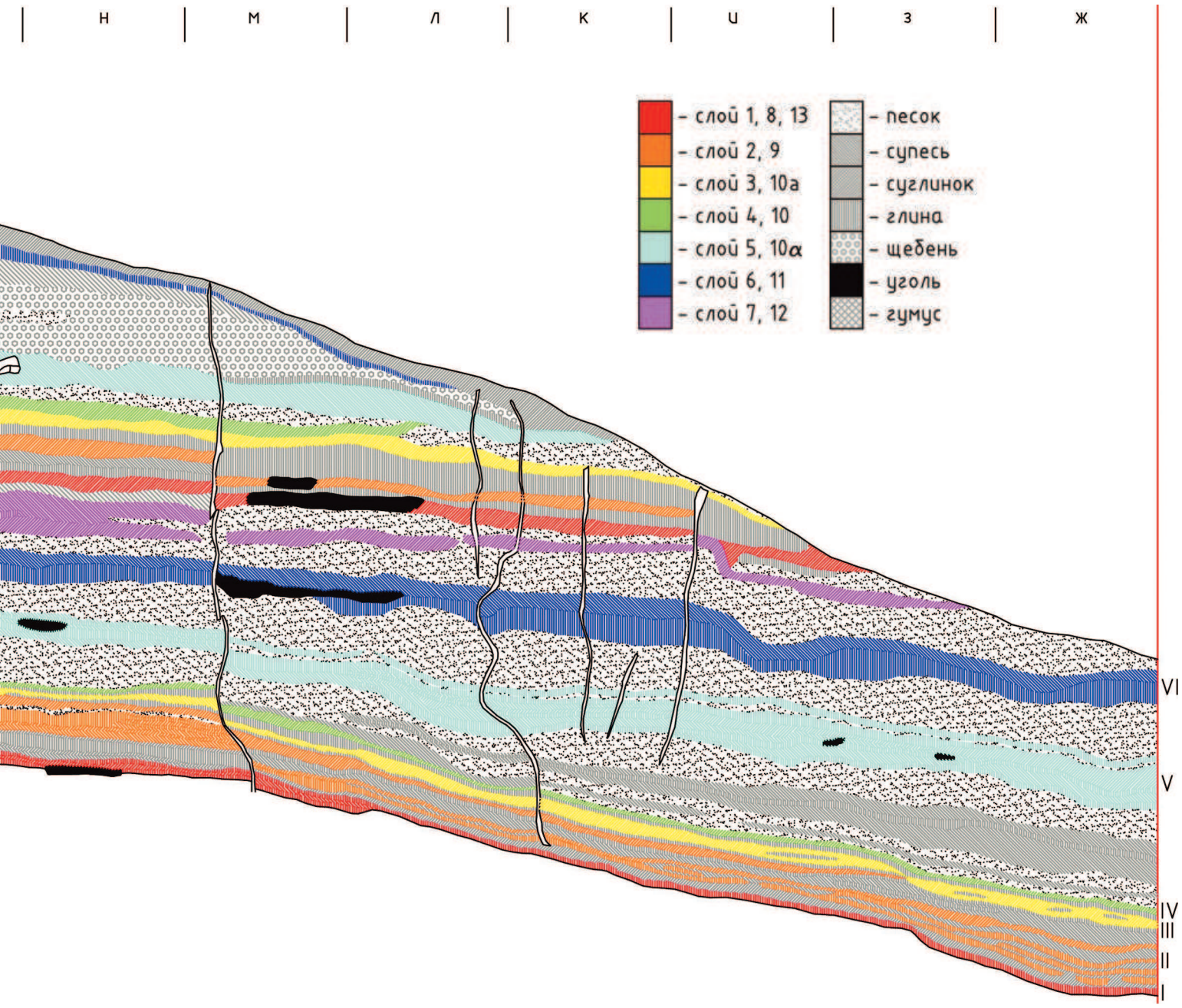
Рис. 22. Стоянка Тоора-Даш. 1982. Стратиграфия. Восточная стенка

симальной толщины (до 1 м). В кв. 1–16 слои резко выклиниваются и перекрывают скальный выход. Стерильные прослойки истончаются и исчезают по линии Ф. Далее за линией Ф в кв. Х-Ч слои с пятого по седьмой сохраняются, но или различаются по составу почв, или в ряде мест между ними остаются прослойки толщиной около 1 см.

Слои восьмой и девятый выклиниваются к реке по линии 9 и уходят в бровку по линии Ч, десятый слой — по линии Р, одиннадцатый — по линии С, двенадцатый и тринадцатый — по линиям Т и У.

Через стоянку проведено три генеральных разреза в направлении север-юг — по линиям кв. 7 (траншея 1978 г.), 35 (1980 г.) и 47 (1982 г.), а также два в направлении запад-восток — по линии 0 до кв. 35 по линии С (1980 г.) и от кв. 47 до кв. 8 по линии Ф (1982 г.). Кроме того стратиграфия изучалась в каждом отдельном раскопе в процессе исследования стоянки.

В результате этих работ была получена следующая обобщенная колонка: по линии кв. 47 (от берега реки к скалам, 1982 г. восточная стенка) длина разреза составляла 14 м (рис. 22):



№	Слой	Мощность (м)
1	Песок темный гумусированный пылеватый	до 0,3
2	Супесь темная (**13-й культурный слой**), выклинивается по линии Ф	0,2–0,3
3	Песок мелкий	0,07
4	Супесь темная (**12-й культурный слой**), выклинивается по линии Т	до 0,25
5	Суглинки, прослойка	не более 0,05
6	Супесь	до 0,25
7	Песок темный (**11-й культурный слой**), выклинивается по линии С	до 0,1
8	Глина	до 0,1
9	Суглинок	до 0,5
10	Песок, в нижних горизонтах встречаются культурные остатки (**культурный слой 10*а***)	до 0,1
11	Глина	до 0,1
12	Супесь («слой с ямами»)	до 0,06
13	Суглинок темный (**10-й культурный слой**), выклинивается по линии П	до 0,1
14	Глина	0,05
15	Супесь (**культурный слой 10А**), выклинивается по линии О	0,15
16	Суглинок	до 0,1
17	Суглинок светло-коричневый (**9-й культурный слой**), выклинивается по линии О-Н	до 0,1
18	Глина	0,05
19	Суглинок (**8-й культурный слой**), выклинивается по линии О-Н	до 0,08
20	Глина	до 0,1
21	Супесь отемненная (**7-й культурный слой**), на некоторых участках разделяется на два горизонта, выклинивается по линии Д. По линии кв. Х-Ч и далее слои седьмой, шестой и пятый сливаются в одну пачку без стерильных прослоек	до 0,2
22	Глина	до 0,1
23	Супесь (**6-й культурный слой**), в кв. по линиям Д-К отделен от 7-го культурного слоя помимо слоя глины супесями и песком мощностью до 0,2 м (6-й слой в этих квадратах становится суглинистым)	до 0,1
24	Глина	до 0,07
25	Песок крупнозернистый, выклинивается в направлении с юго-востока к северо-западу от реки к скалам	0,05–1
26	Глина	до 0,05
27	Супеси отемненные, разделенные на три горизонта (**5-й культурный слой**)	до 0,3
28	Суглинок	до 0,1

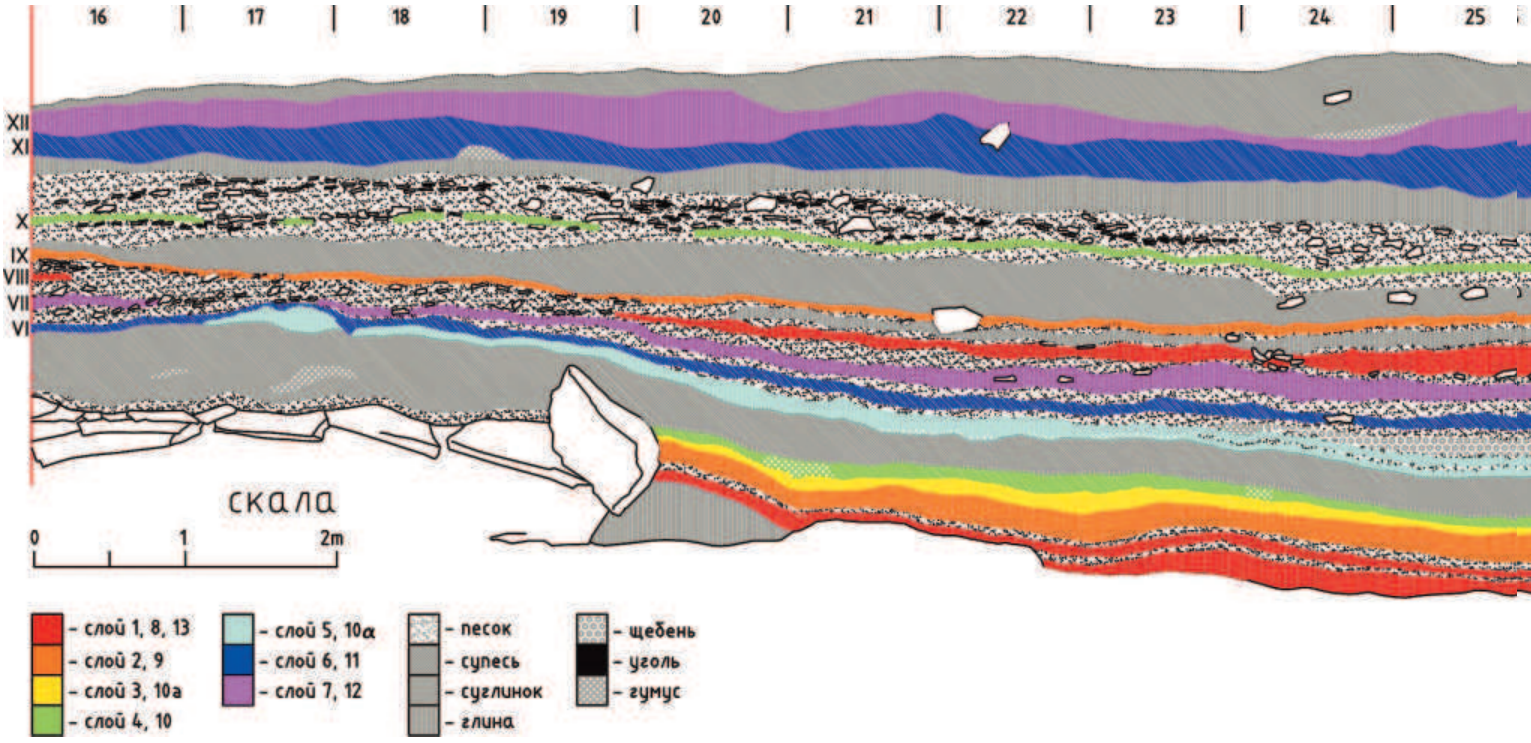
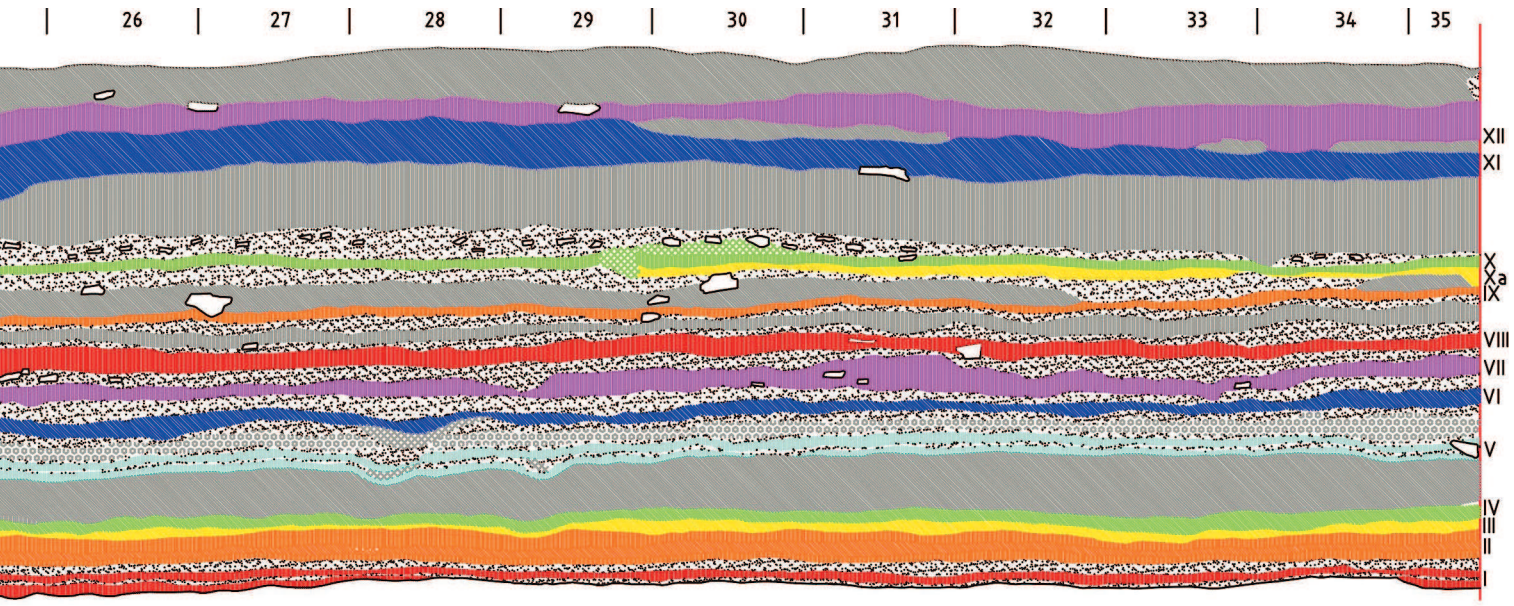


Рис. 24. Стоянка Тоора-Даш. 1980 г. Стратиграфия. Северная стенка

29	Песок	0,07
30	Глина, в этой глине иногда встречаются линзы с костями животных (**культурный слой 4А**)	0,1
31	Суглинок темный (**4-й культурный слой**), выклинивается по линии Н-О, в отдельных участках доходит до линии Ф	0,05–0,1
32	Глина	до 0,1
33	Супесчано-суглинистый слой (**3-й культурный слой**) (в ряде мест делится на три горизонта)	до 0,1
34	Глинистая прослойка	0,02
35	Глинисто-супесчаные прослойки (в них обнаружен очаг) (**культурный слой 3А**)	0,03–0,3
36.	Суглинистые и супесчаные прослойки (**три горизонта 2-го культурного слоя**)	до 0,2
37	Глина	до 0,1
38	Суглинки (на этих суглинках сооружены кольца **1-го культурного слоя**)	до 0,6
39	Отемненные супеси с прослойками глины и супесями	

Другой показательный разрез представлен на северной стенке по линии С (работы 1980 г.). Длина разреза 22 м (рис. 23; 24):

Рис. 23. Стоянка Тоора-Даш. 1980. Стратиграфия. Северная стенка



№	Слой	Мощность (м)
1	Супесь	до 0,15
2	Песок темный гумусированный пылеватый	0,15–0,3
3	Суглинок (**12-й культурный слой**), выклинивается по линии У	0,3–0,5
4	Супесь	0,5–0,55
5	Песок темный (**11-й культурный слой**), выклинивается по линии Т	0,55–0,75
6	Суглинок отемненный	0,75–1,2
7	Песок	0,12–1,24
8	Суглинок темный **(10-й культурный слой**)	1,24–1,34
9	Глина темная (**культурный слой 10А**). Культурные слои **10** и **10А** выклиниваются по линии Р	1,34–145
10	Глина с супесью	1,45–1,55
11	Суглинок коричневый (**9-й культурный слой**)	1,55–1,65
12	Глина светлая	1,65–1,75
13	Суглинок (**8-й культурный слой**)	1,75–1,83
14	Глина светлая	1,83–1,90
15	Суглинок с супесью (**7-й культурный слой**)	1,90–2,00
16	Глина светлая	2,00–2,12
17	Песок с супесью (**6-й культурный слой**)	2,12–2,18
18	Глина	2,18–2,27
19	Песок крупнозернистый	2,27–2,42
20	Глина	2,42–2,44
21	Супесь	2,44–2,48
22	Суглинок с супесью (**5-й культурный слой**)	2,48–2,50
23	Глина	2,50–2,54
24	Суглинки	2,54–2,60
25	Супесь серая	2,60–2,90
26	Суглинок темный (**4-й культурный слой**)	2,90–2,94
27	Супесь	2,94–3,00
28	Песок (**3-й культурный слой**)	3,00–3,08
29	Суглинок (**1-й горизонт 2-го культурного слоя**)	3,08–3,15
30	Глина (**2-й горизонт 2-го культурного слоя**)	3,15–3,18
31	Суглинок (**3-й горизонт 2-го культурного слоя**)	3,18–3,22
32	Песок	3,22–3,25
33	Суглинки	3,25–3,34
34	Суглинки (**1-й культурный слой**)	3,34–3,40
35	Суглинки темные оторфованные	

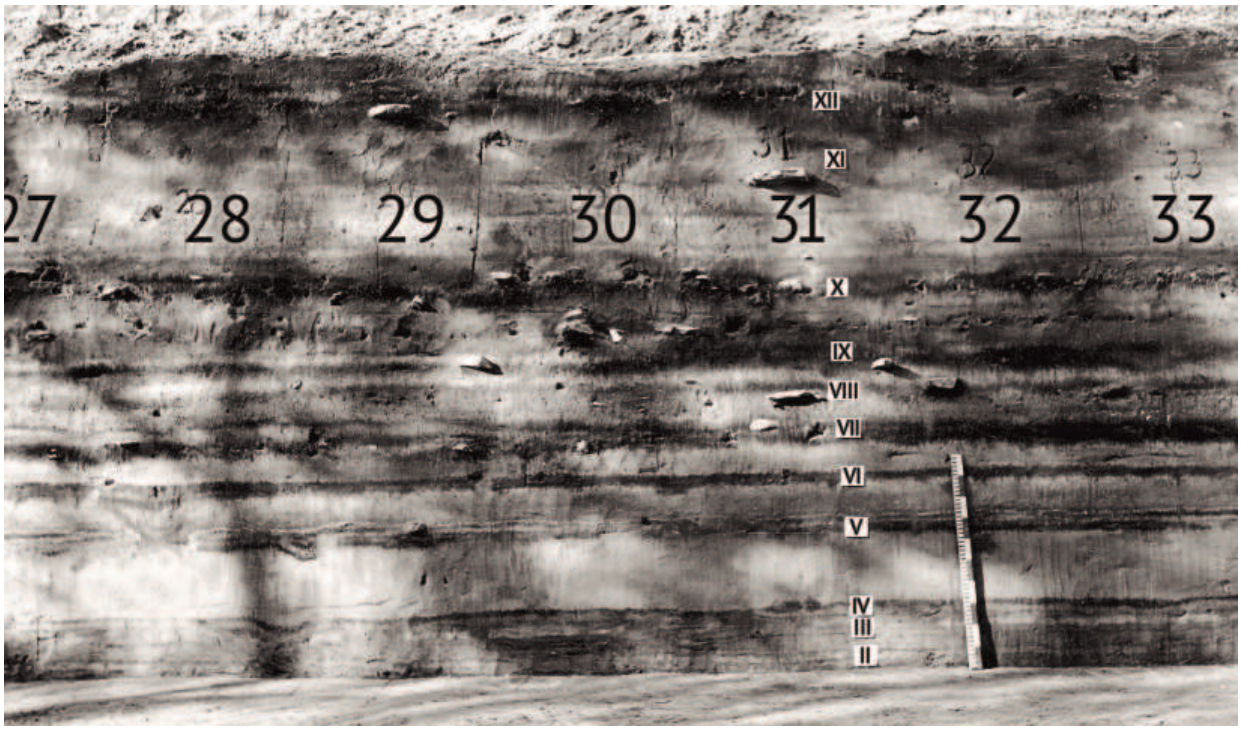


Рис. 25. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Восточная стенка

Здесь последовательность литологических слоев сохранялась по всей площади, однако с северо-востока находился скальный выход, на котором слои с шестого по первый выклиниваются. Слой 10 перекрыт и сильно потревожен скальным оползнем.

Подобная картина прослежена и в разрезе по линии Ф в раскопе 1982 г. (рис. 25; 26).

Далее вниз раскоп заливал Енисей. Под первым культурным слоем в квадратах, лежащих ближе к горам, находились останцы скал и мощные слои щебня.

Благодаря периодическим паводкам Енисея в урочище Тоора-Даш отлагался пойменный аллювий, и культурные слои различных эпох оказались законсервированными в вертикальной последовательности. Это позволило вычленить чистые комплексы археологических культур, многие из которых впервые изучались по поселениям в горностепном регионе Центральной Азии.

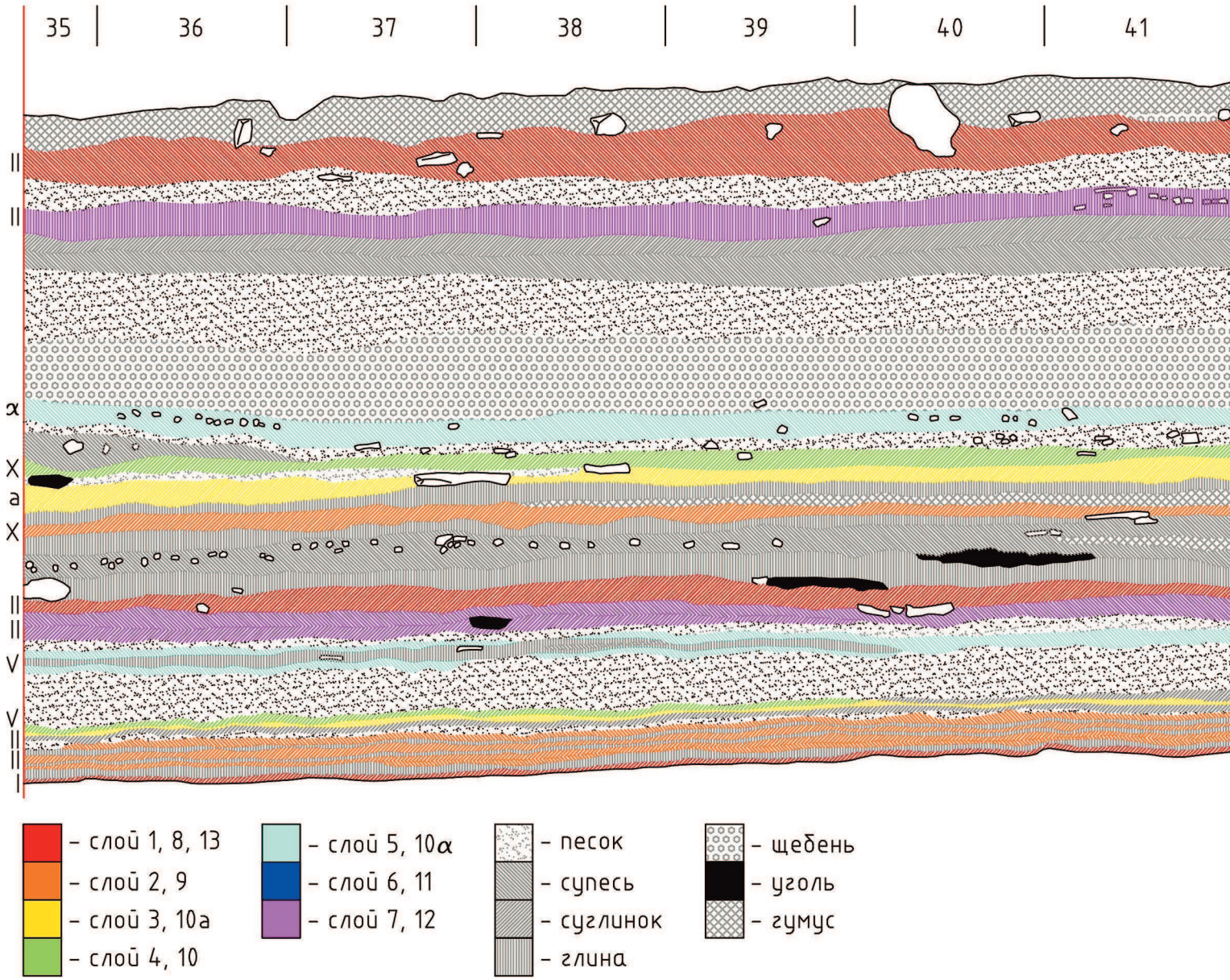
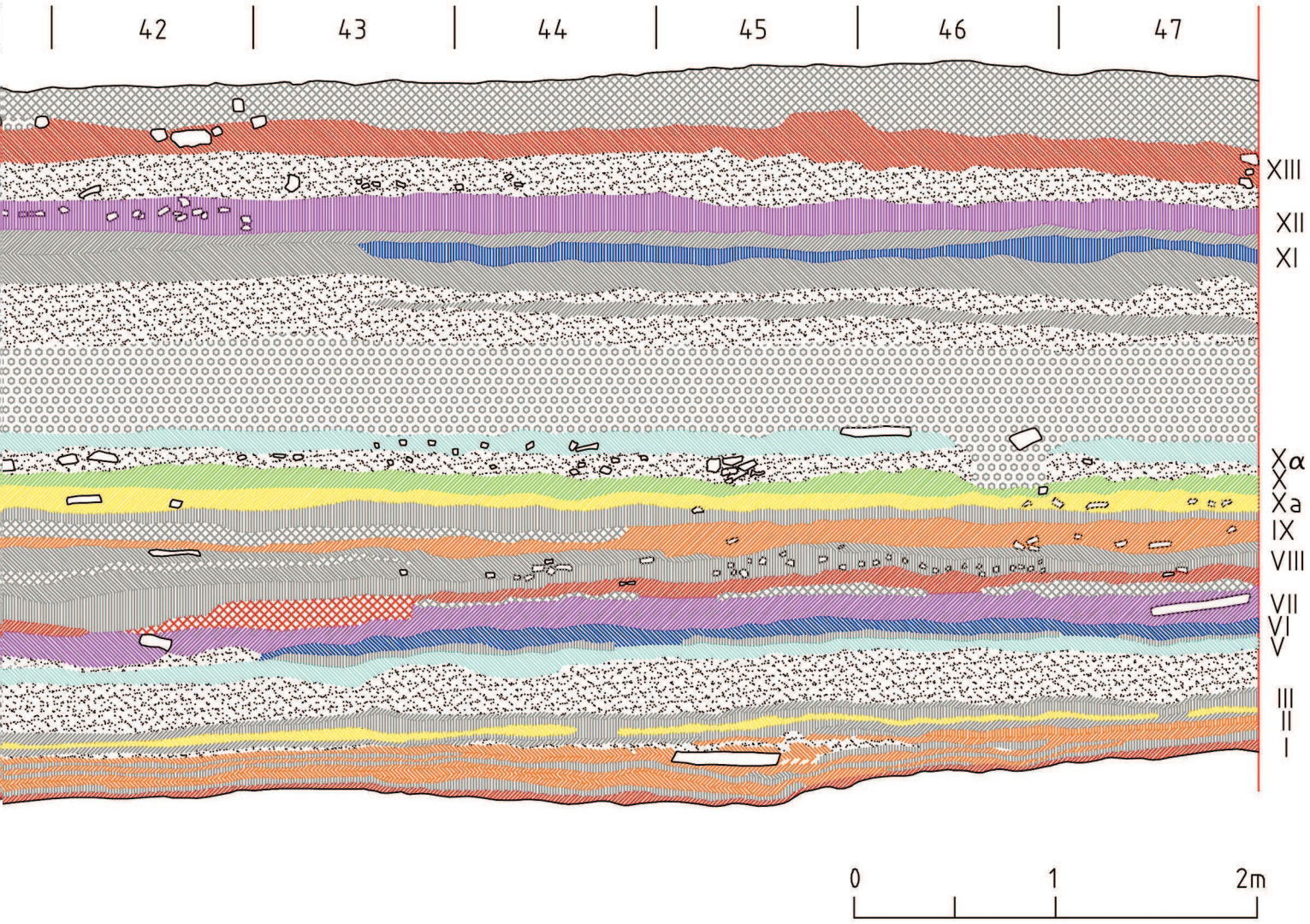


Рис. 26. Стоянка Тоора-Даш. 1982. Стратиграфия. Северная стенка


42
43
44
45
46
47
XIII
XII
XI
Xα
X
Xa
IX
VIII
VII
VI
V
III
II
I
0
1
2m

Глава 5.
Неолитические слои

Самые ранние слои с первого по четвертый (отсчет слоев ведется снизу вверх) относятся к эпохе неолита.

5.1. Первый культурный слой

Слой 1-й вскрыт на площади 540 кв. м. Он представлял собой древнюю дневную поверхность, на которой были возведены каменные сооружения овальной в плане формы, напоминающие надмогильные постройки степных курганных культур более позднего времени. Его исследование началось в 1978 г., когда в траншее были обнаружены остатки каменного сооружения. В результате последующих раскопок в первом культурном слое выявлена цепочка из 13 каменных сооружений, возможно, связанных с погребальной обрядностью (рис. 27). Они были затянуты более поздними речными отложениями, и впоследствии на этом месте возникло неолитическое поселение (второй культурный слой). В результате развала камней края сооружений сомкнулись, тем не менее, они отчетливо различались. В центре колец находились открытые ямы. При расчистке колец найдено много костей животных и фрагменты керамики с гребенчатой орнаментацией. Сооружения первого слоя возведены на тонкой прослойке красной глины. Сверху они перекрыты супесчаными и суглинистыми прослойками, образовавшимися в результате паводков Енисея.

Сооружение 1 расположено в кв. 10-11-Н-О, диаметр его развала превышал 2 м. Раскопано в 1978 г. Оно сложено из довольно значительных каменных блоков и было расчищено и разобрано как обычные курганные конструкции (аналогично разбирались и все сооружения этого слоя). Была предпринята попытка воссоздать его первоначальный облик. Это каменное сооружение возведено на пойменных отложениях немногим выше уровня воды, и речные паводки, достигавшие его, разрушили курган. Первоначально в песке вскрывалась яма около 0,5 м глубиной, такого же диаметра, затем на этом месте разводился огонь (прослеживается зольная прослойка 0,5 см на площади 4 кв. м), после чего вокруг ямы возводилось каменное кольцо высотой не менее 1 м (о чем можно судить по величине развала). В яме найдено 60 отщепов халцедона без следов использования и два фрагмента кости человека (рис. 28–30).

Сооружения 2–9 были раскопаны в 1979–1980 гг. (рис. 31–39). Сооружения 2–4 были обнаружены в 1979 г. и законсервированы. Они сохранились лучше, чем другие пять, открытые и раскопанные в 1980 г. (рис. 31–34).

Сооружение 2 одним краем примыкало к выходящей в раскоп скале. Развал его смыкался с сооружением 3. В центре прослеживалась западина, не перекрытая камнями. Диаметр развала превышал 3 м. После его разборки выяснилось, что данная постройка имеет трапециевидные очертания около 2,5 м по длинной оси. В развале камней найден один фрагмент керамики, кости и угли. Вокруг центральной ямы, глубиной не более полуметра, была возведена стенка из мощных каменных блоков, сохранившаяся в некоторых местах в два и даже в три ряда (рис. 35). Контуры ямы как этого, так и всех остальных сооружений не прослеживались. В яме ничего обнаружено не было. К юго-востоку от нее в кв. 17-18-Р-П находилось гумусное пятно с большим количеством мелких кремневых чешуек, среди которых встречено несколько сломанных наконечников стрел, рог оленя и кости животных (рис. 38). В кв. П-16 найден костяной гарпун (рис. 39, *1*).

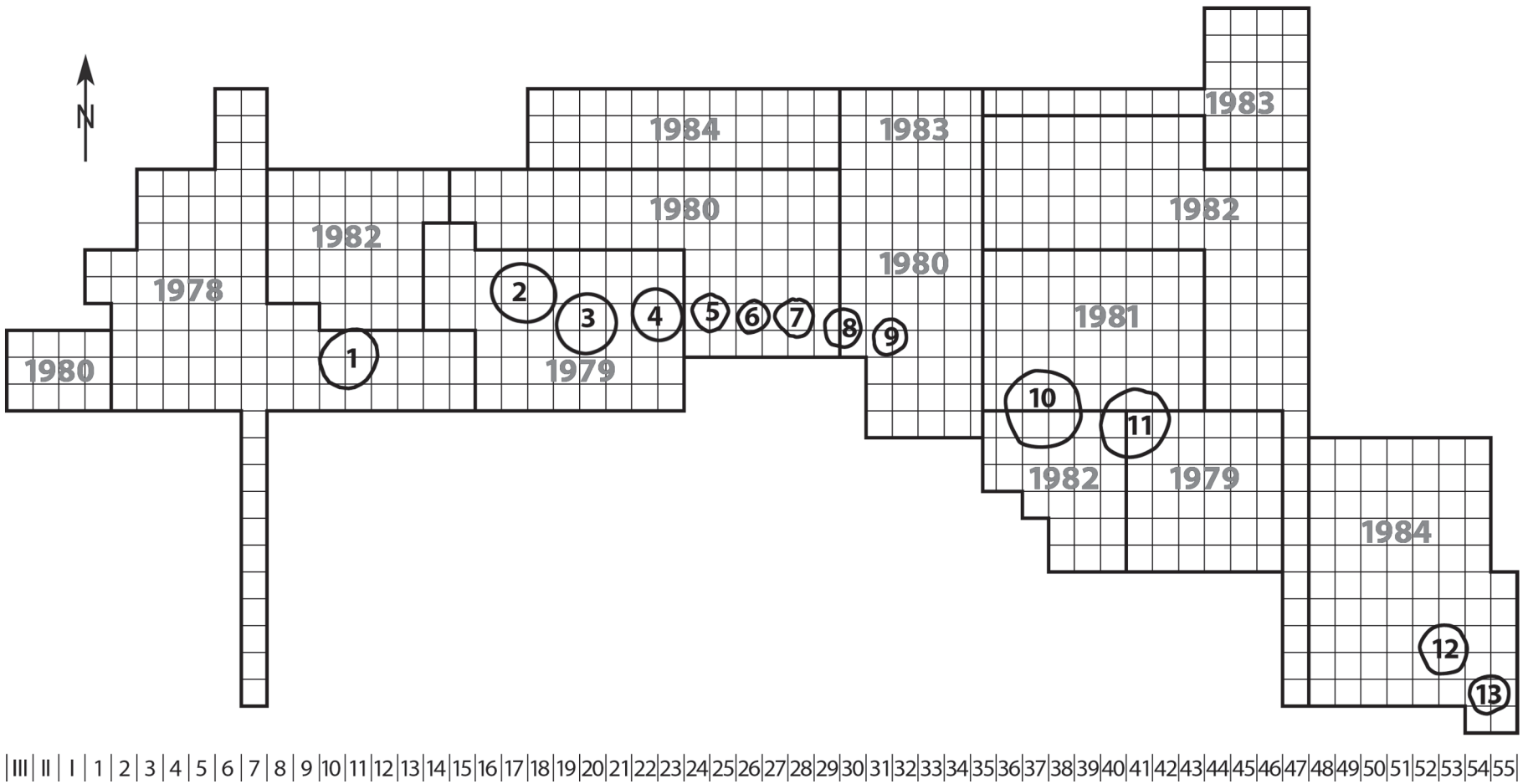


Рис. 27. Стоянка Тоора-Даш. Схема расположения каменных сооружений в первом культурном слое

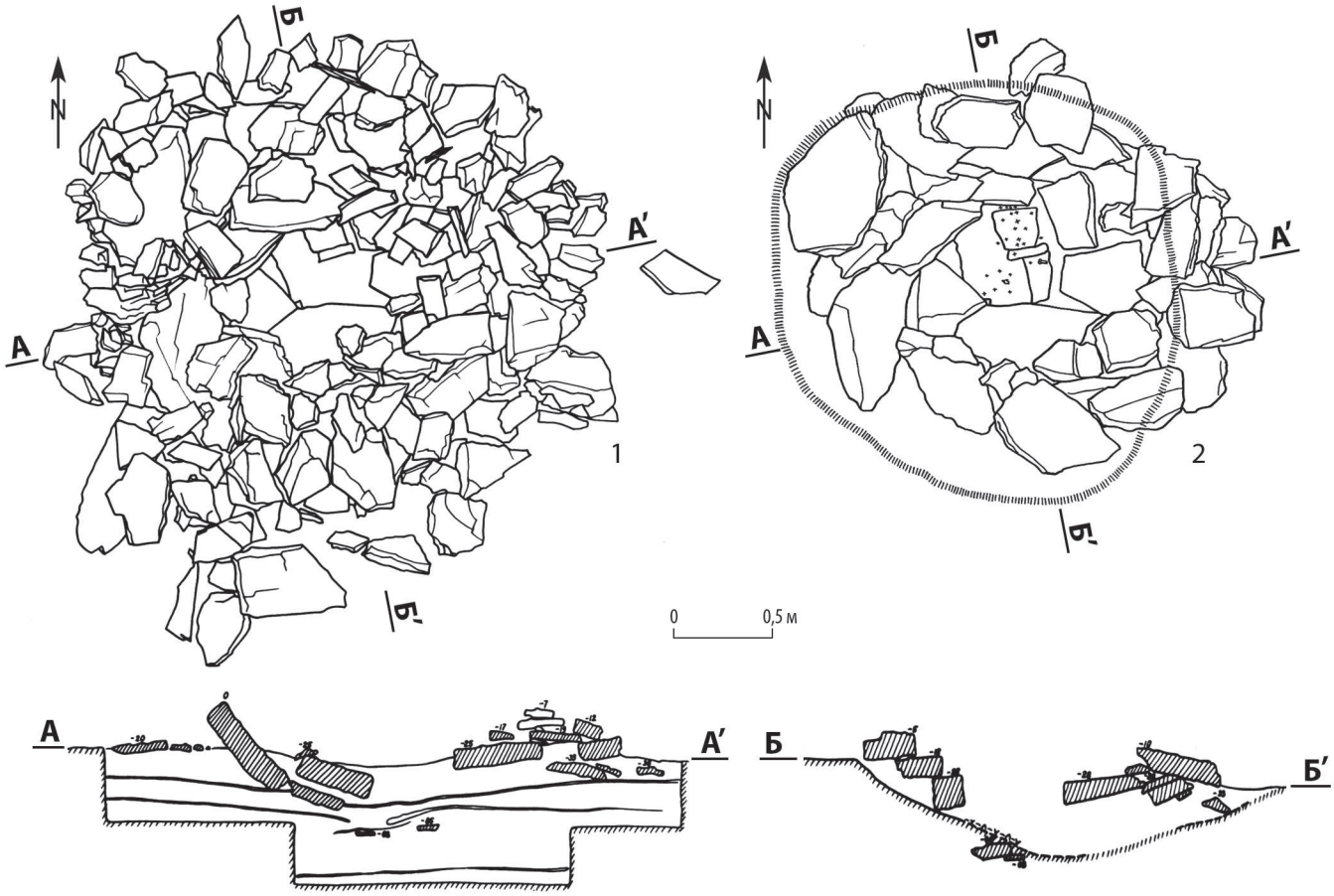


Рис. 28. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Первый культурный слой. Сооружение 1.
Планы: *1* — до разборки; *2* — после разборки

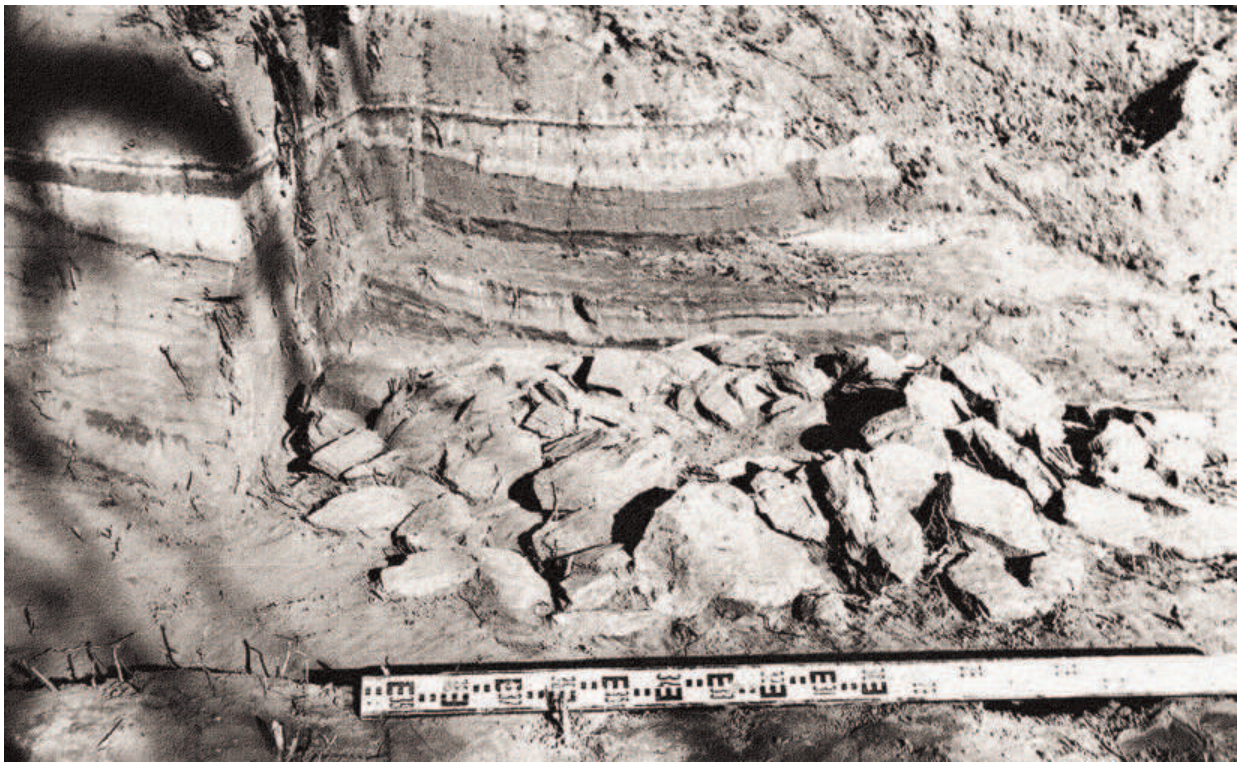


Рис. 29. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Первый культурный слой. Сооружение № 1 в момент обнаружения в траншее

Рис. 30. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Первый культурный слой. Сооружение 1.
Фото: *1* — до разборки; *2* — после разборки

Рис. 31. Стоянка Тоора-Даш. 1979–1980 гг. Первый культурный слой. Вид сооружений 2, 3 и 4 с юго-востока

Рис. 32. Стоянка Тоора-Даш. 1980 г. Первый культурный слой. Сооружения 5–9. Вид с востока

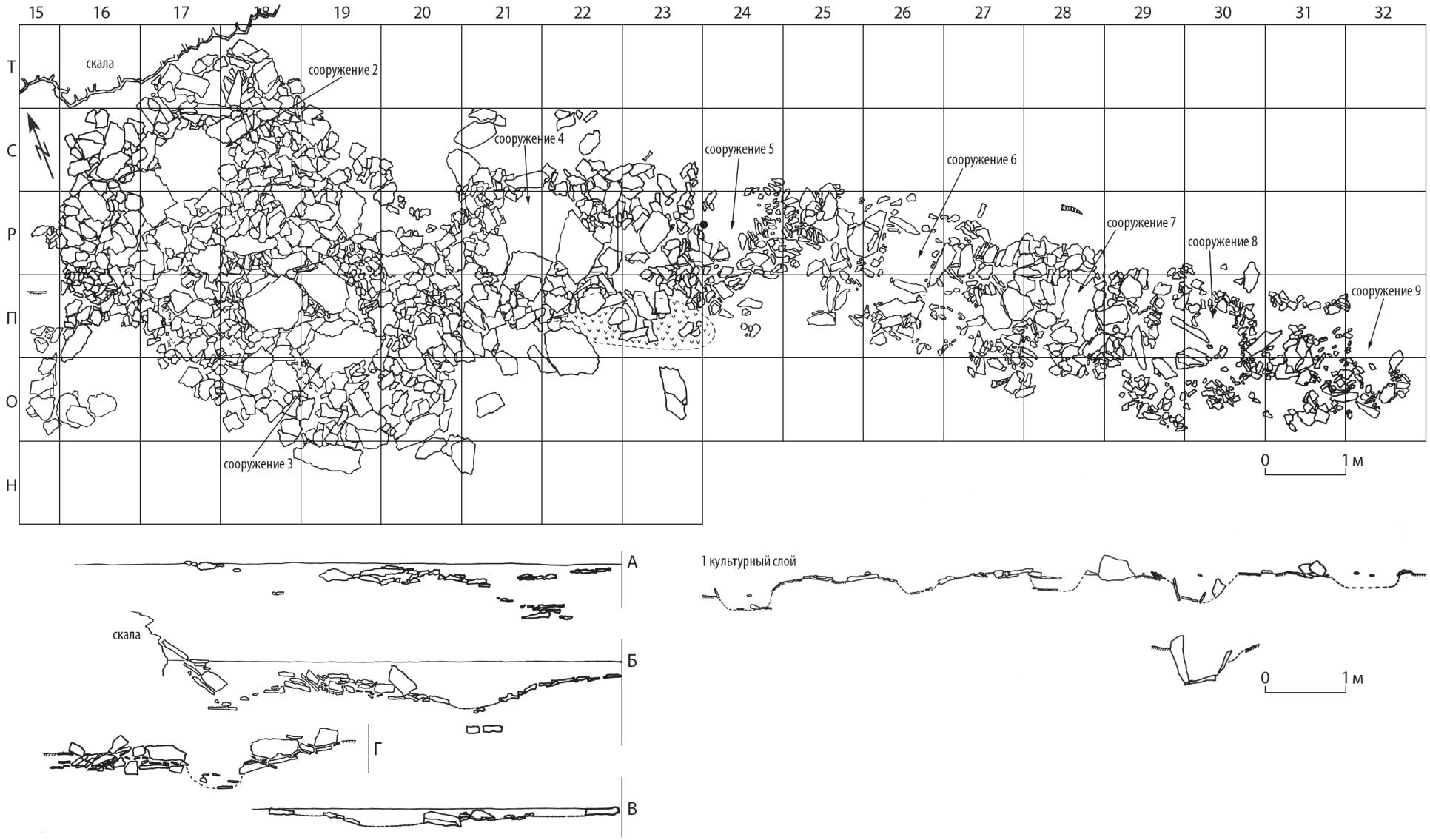


Рис. 33. Стоянка Тоора-Даш. 1979–1980 гг. Первый культурный слой. План сооружений 2–9 до разборки

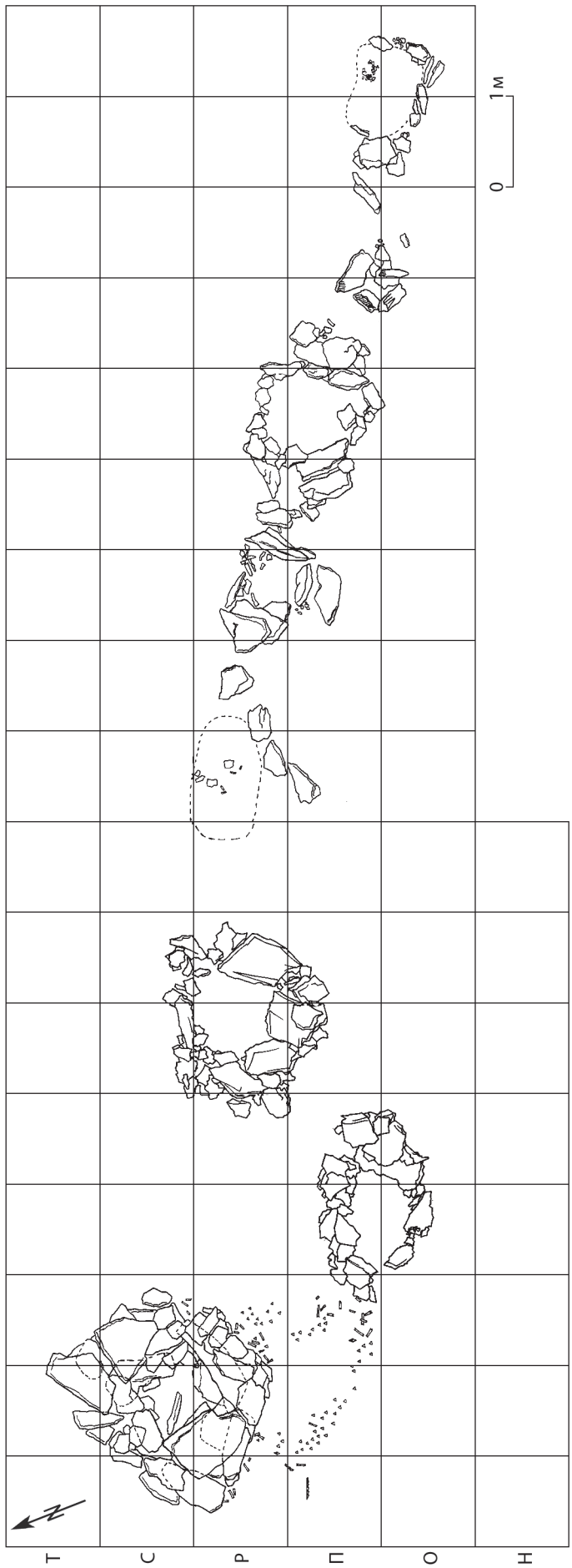


Рис. 34. Стоянка Тоора-Даш. 1979–1980 гг. Первый культурный слой. План сооружений 2–9 после разборки

Рис. 35. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Первый культурный слой. Сооружение 2 в процессе исследования

Рис. 36. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Первый культурный слой. Сооружение 4 в процессе исследования

Рис. 37. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Первый культурный слой. Сооружение 3 после расчистки

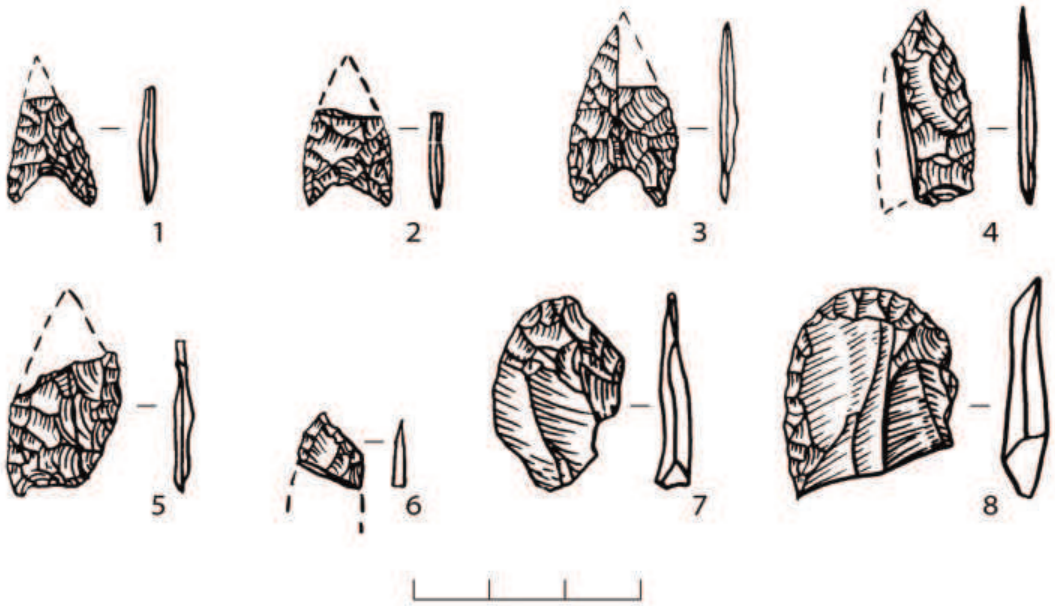


Рис. 38. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Первый культурный слой. Каменный инвентарь, найденный между сооружениями 2 и 3

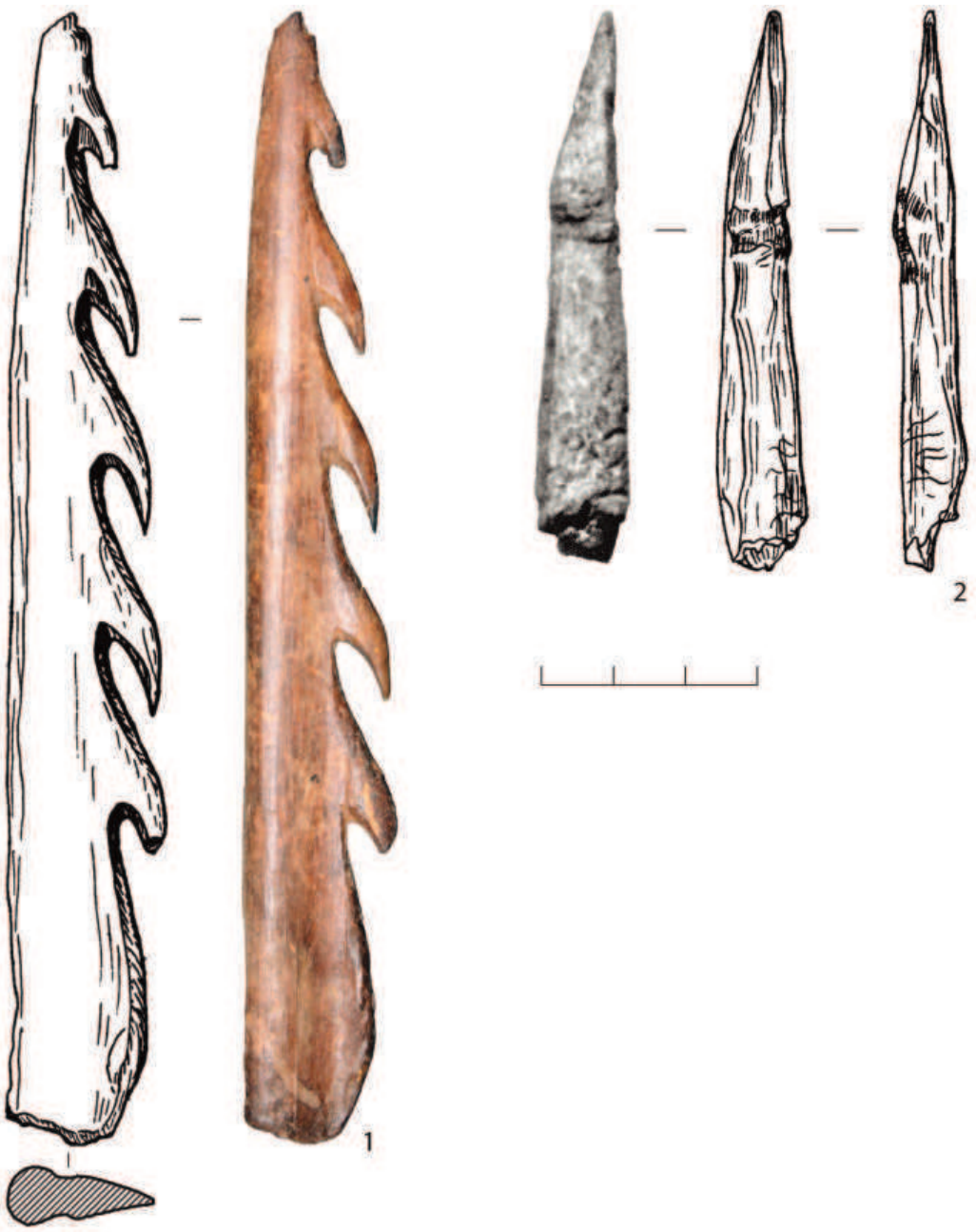


Рис. 39. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Первый культурный слой. *1* — костяной гарпун из сооружения 2; *2* — роговое острие из сооружения 4

Сооружение 3 сохранилось значительно хуже сооружения 2. От первоначальной кладки остались только камни нижнего ряда. Яма в центре кольца была размыта, дно ее фиксировалось мелкими плитками, стены не прослеживались (рис. 36).

Сооружение 4 после разборки имело диаметр около 2 м (рис. 37). Северная стенка подверглась значительному разрушению, с юга сохранились массивные каменные блоки. В заполнении ямы обнаружено костяное острие (рис. 39, *2*).

Сооружения 5–9 были возведены из более мелких камней, их кладки сохранились гораздо хуже (рис. 32).

Сооружение 5 представлено развалом мелких плит. На своих местах сохранилось всего четыре камня, прилегающие с юго-востока к овальной яме, на дне которой найдены кости мелкого хищника.

Сооружение 6 представляло собой прямоугольную ограду. Около юго-западного угла ее найдены кости животных и сломанный наконечник стрелы.

Сооружение 7 — овальная ограда около 1,5 м в диаметре, сооруженная вокруг ямы не более 0,2 м глубиной. В яме ничего не было обнаружено. С северной и южной стороны ограды лежали два рога горного козла, острие рогов направлено на восток.

Сооружение 8 состояло из четырех вертикально поставленных плит. Дно ямы покрыто каменной плитой. В яме ничего не было.

Сооружение 9 — нетронутые камни сохранились с южной стороны неглубокой ямы диаметром более 1 м. В яме обнаружены отщепы халцедона.

Сооружения с 2 по 9 выстроены в цепочку от скалы вдоль берега реки (с запада на восток) и занимают естественную ложбину, вытянутую в этом же направлении, образовавшуюся по какой-то причине на древнем береговом пляже Енисея. Заполнение этой впадины речными отложениями четко читается на восточной стенке раскопа. В этой же ложбине расположены и сооружения 10 и 11, отстоящие от сооружения 9 на 4 м, которые были раскопаны в 1982 г. (кв. 36-42-М-И) (рис. 40; 41).

Рис. 40. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Первый культурный слой. Сооружения 10 и 11. Фото

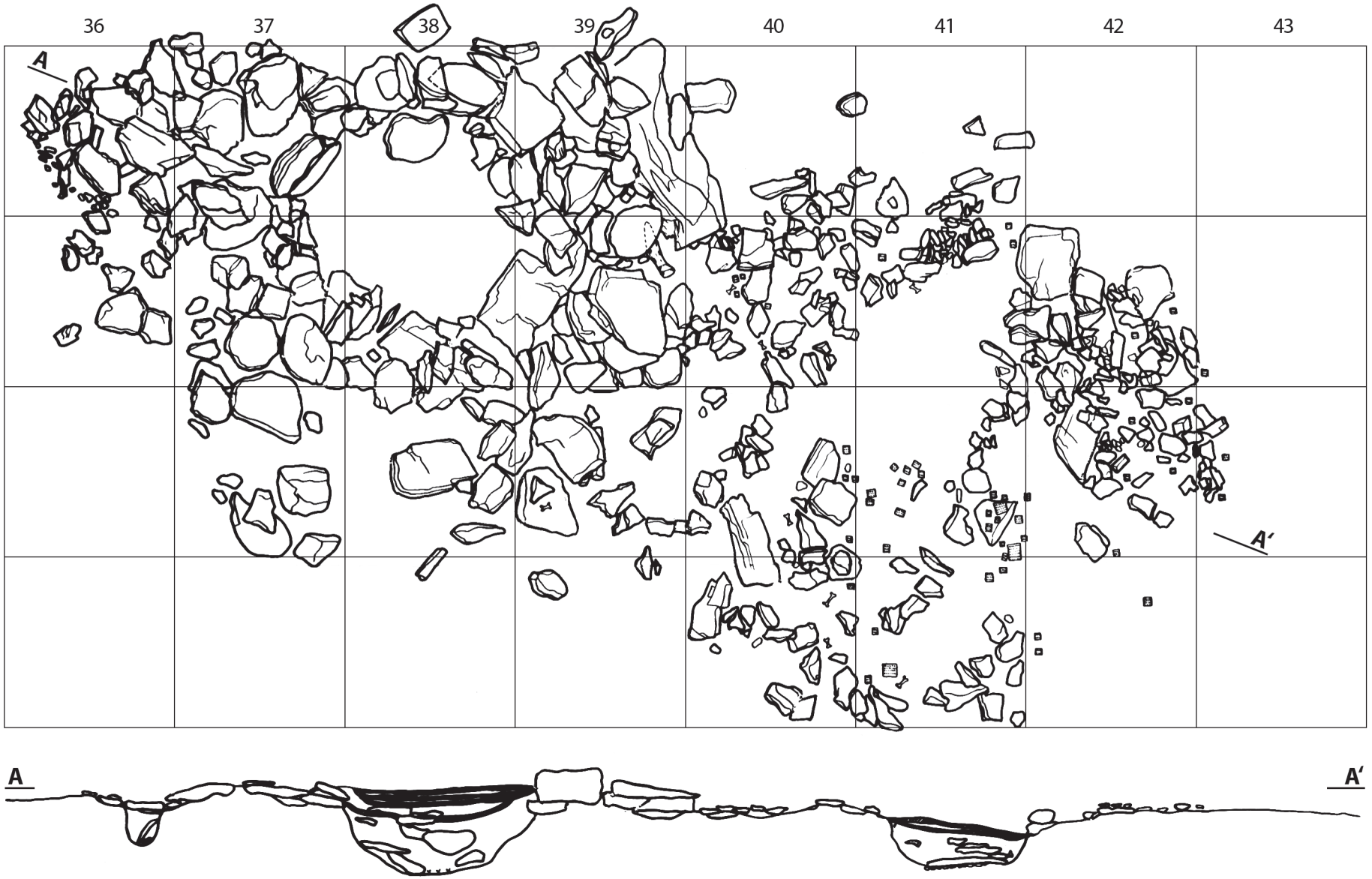


Рис. 41. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Первый культурный слой. Сооружения 10 и 11. План и разрез

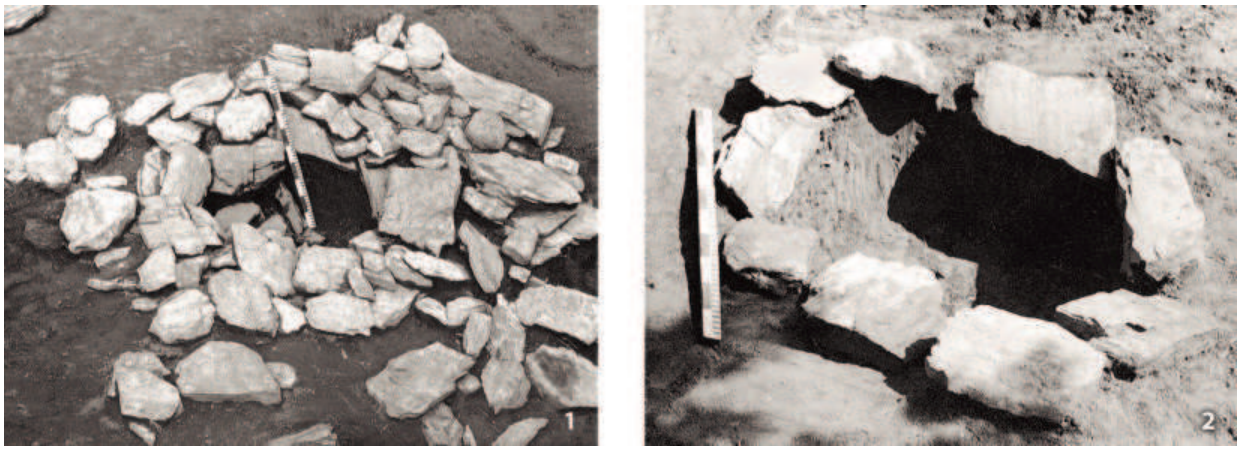


Рис. 42. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Первый культурный слой. Сооружение 10. Фото: *1* — до разборки; *2* — после разборки

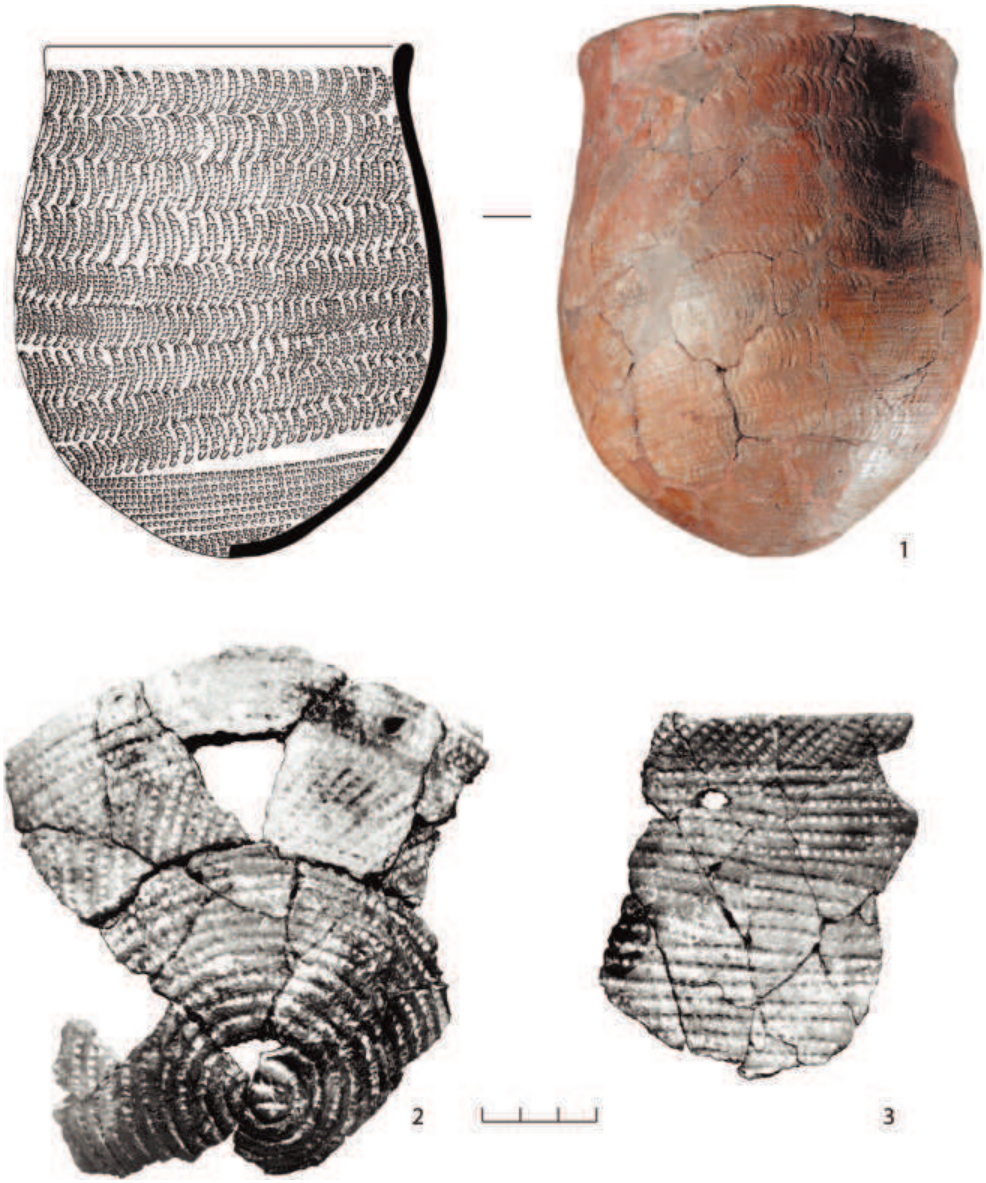


Рис. 43. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Первый культурный слой. Сооружение 11. Керамика: *1* — сосуд; *2, 3* — фрагменты

Сооружение 10 имело четкие очертания, сложено из крупных камней (кладка хорошо сохранилась). Диаметр ямы в центре кольца превышал 1 м, глубина ее не менее 0,8 м. Часть плит обрушилась в яму. В яме ничего не было найдено, с запада к этому сооружению примыкала маленькая каменная выкладка с неглубокой ямой в центре. С северо-востока пристроено маленькое кольцо, диаметром 40 см. В сооружении культурных остатков не было (рис. 42, *1, 2*).

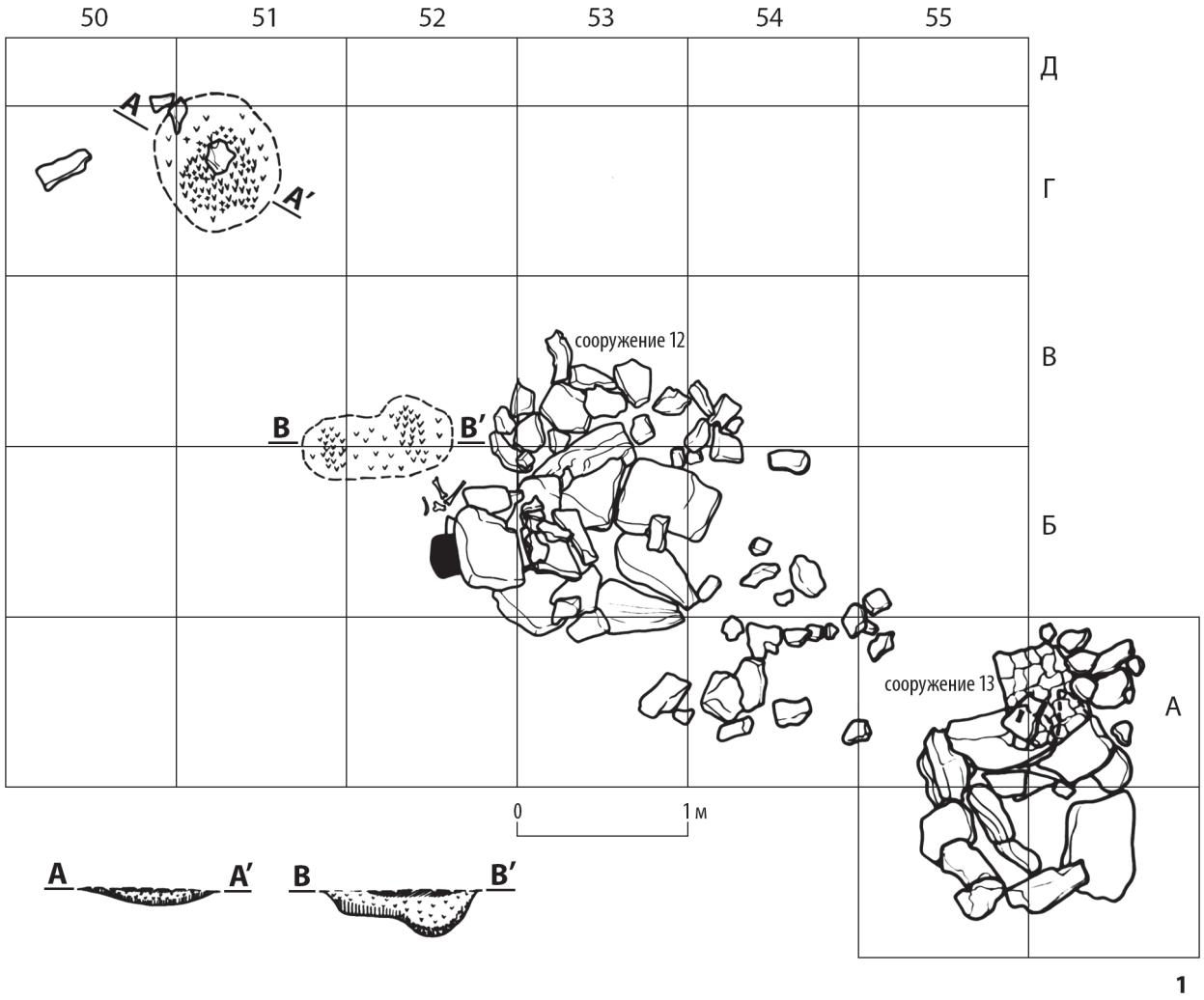
Сооружение 11 пристроено к сооружению 10 с востока. Диаметр развала этого каменного кургана превышал 3,6 м с северо-востока на юго-запад. Сооружение было сильно разрушено. Часть камней свалилось в яму диаметром около 1 м и глубиной 0,4 м. В яме находились два рога козла и несколько фрагментов от керамических сосудов. Оставшиеся камни кладки разрушились с восточной стороны кольца, и в развале камней с востока, севера и юга собрано большое количество фрагментов керамики от трех сосудов, один из которых реставрирован полностью (рис. 43, *1*). Часть фрагментов этого сосуда обнаружена в яме в центре кольца, там же найдены два рога козы. Большой разброс керамики от одного сосуда, найденный в яме под камнями развала и за его пределами, позволяет предположить, что каменное кольцо сооружалось после того, как была вырыта яма и разбит горшок (рис. 43, *2, 3*). Вероятно, обрядовые действия, с которыми были связаны эти сооружения, проходили в несколько этапов, возможно, через большие промежутки времени (чем и объясняются аморфные очертания ямы, почти полное отсутствие в них артефактов, разная величина каменных колец или их незаконченность). Рядом с сооружением 11 в кв. И-45 было выявлено очажное пятно 25 × 40 см.

Сооружения 12 и 13 были раскопаны в 1984 г. (рис. 44; 45).

Сооружение 12 располагалось в кв. 51-52-Б-В. Оно представляло собой каменное кольцо, возведенное вокруг ямы диаметром до 1 м и глубиной 0,5 м. Часть камней с южной стороны ямы расслоилась, поэтому при разборке сооружения они были убраны, а на своих первоначальных местах осталось только четыре камня с северо-западной стороны ямы. Одна плита сползла в яму, затянутую в результате паводков суглинками. С запада к этому сооружению примыкало очажное пятно с глубиной прокала до 20 см, второе пятно располагалось в кв. 49-50-Г.

Сооружение 13 находилось от сооружения 12 в 2 м к юго-востоку. Диаметр этого сооружения не превышал 1 м. Каменное кольцо сохранилось вокруг ямы глубиной 0,5 м. У западного края кольца найдено несколько фрагментов керамики.

Рис. 44. Стоянка Тоора-Даш. 1984 г. Первый культурный слой. Сооружения 12 и 13. Фото



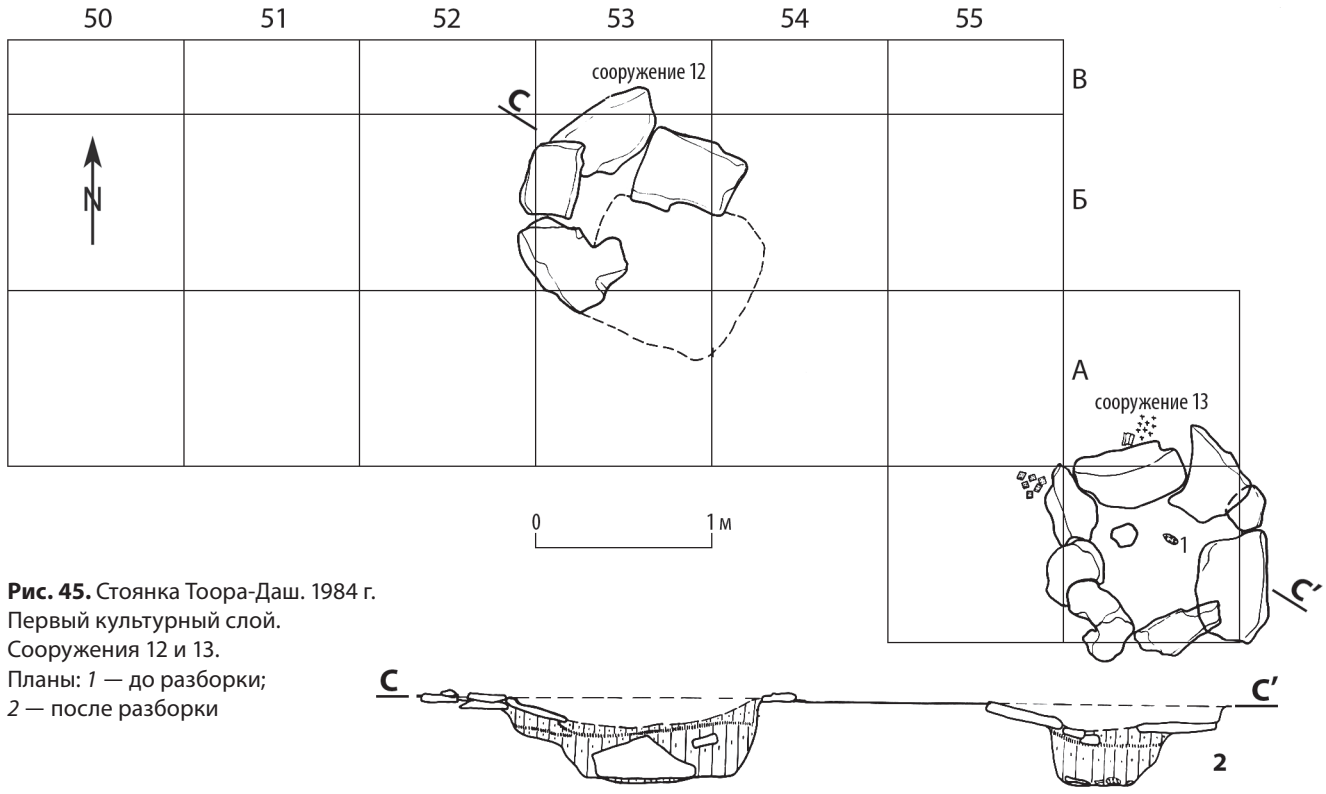


Рис. 45. Стоянка Тоора-Даш. 1984 г.
Первый культурный слой.
Сооружения 12 и 13.
Планы: *1* — до разборки;
2 — после разборки

Керамика, обнаруженная в первом культурном слое Тоора-Даша, представляет собой самый ранний комплекс керамической культуры в Туве, выделенный на основании четкой стратиграфии. Керамика этого слоя родственна керамике, полученной из последующих неолитических слоев (ее более подробная характеристика, так же как и каменных орудий, будет дана ниже).

Каменные сооружения первого слоя мы можем связывать с погребальной обрядностью (возможно, это поминальники). В пользу этого предположения могут свидетельствовать: обычное для могильников построение в цепочку, значительность самих сооружений, наличие в них (или около них) целых вещей (гарпун, целый сосуд). Некоторые детали можно приписать существующему в то время обряду — ломаные наконечники стрел, отщепы халцедона в ямах, рога горного козла. Отсутствие скелетов (если это погребальные, а не поминальные сооружения) может быть объяснено тем, что ямы в центре колец не перекрывались. Вода и воздух свободно проникали в эти сооружения, что не способствовало сохранности захоронений.

Погребальные сооружения, подобные обнаруженным на Тоора-Даше, известны в Тоджинской котловине и, возможно, в Забайкалье (*Ивашина*, 1979. С. 35–37).

Каменный инвентарь первого культурного слоя

Каменный инвентарь первого культурного слоя представлен обломками семи миниатюрных наконечников стрел из кварцита, одним скребком и одним зубчатым орудием (рис. 38). У двух наконечников стрел обломлены жальца, четыре расколоты вдоль, один представлен фрагментом базы. Незначительное число чешуек, найденных вместе со сломанными наконечниками, не дает оснований для предположения о существовании здесь кремнеобрабатывающей мастерской. Скорее всего, тут имела место преднамеренная порча орудий в связи с сооружениями погребального или поминального назначения. Скребок и зубчатое орудие найдены в яме сооружения 9. Скребок небольшой, с выпуклым рабочим краем, заостренным мелкой плоской ретушью. Зубчатое орудие сделано на продольном крае кварцитового отщепа (рис. 46, *1, 2*).

В сооружениях 1 и 9 обнаружено большое количество отщепов и орудий из халцедона. Халцедон — прозрачная скрытокристаллическая разновидность кварца. Объяснение присутствия этого минерала в каменных сооружениях первого слоя Тоора-Даша находим в книге М. Элиаде (1998. С. 26–30). Он пишет, что кристаллы кварца играют значительную роль в обрядах инициации у целого ряда племен Австралии, морских даяков Борнео, эскимосов и т. д., которые эти кристаллы воспринимают как «отвердевший свет». В процессе инициации сверхъестественное существо убивает неофита, разрезает его на куски и начиняет кристаллами горных пород; возвратившись к жизни, неофит обретает способность видеть духов, читать чужие мысли, летать по небу, становиться невидимым. Благодаря горным кристаллам, укрепляющим его тело, а главное голову, целитель (бывший неофит) существует по-иному, чем простые смертные. Этим необыкновенным авторитетом кварц обязан, согласно представлениям австралийцев, своему небесному происхождению. Трон тотемного первопредка — «великого отца» Байаме, живущего на небе, сделан из кристаллов кварца, а сам Байаме кидает на землю кусочки, откалывающиеся от этого трона. Считается, что кристаллы падают с Небесного свода и в каком-то смысле они представляют собой «отвердевший свет». Морские даяки называют кристаллические породы «камни-огни». Эскимосские шаманы считают, что сверхъестественный свет исходит непосредственно в их тело в форме горных кристаллов. Тело целителя или шамана в процессе инициации и пережитой им «смерти» начиняют кристаллами, символами божественного небесного света. Возможно, параллели отдаленные, но М. Элиаде считает, что архаическое

Рис. 46. Стоянка Тоора-Даш. 1984 г. Первый культурный слой. Каменный инвентарь

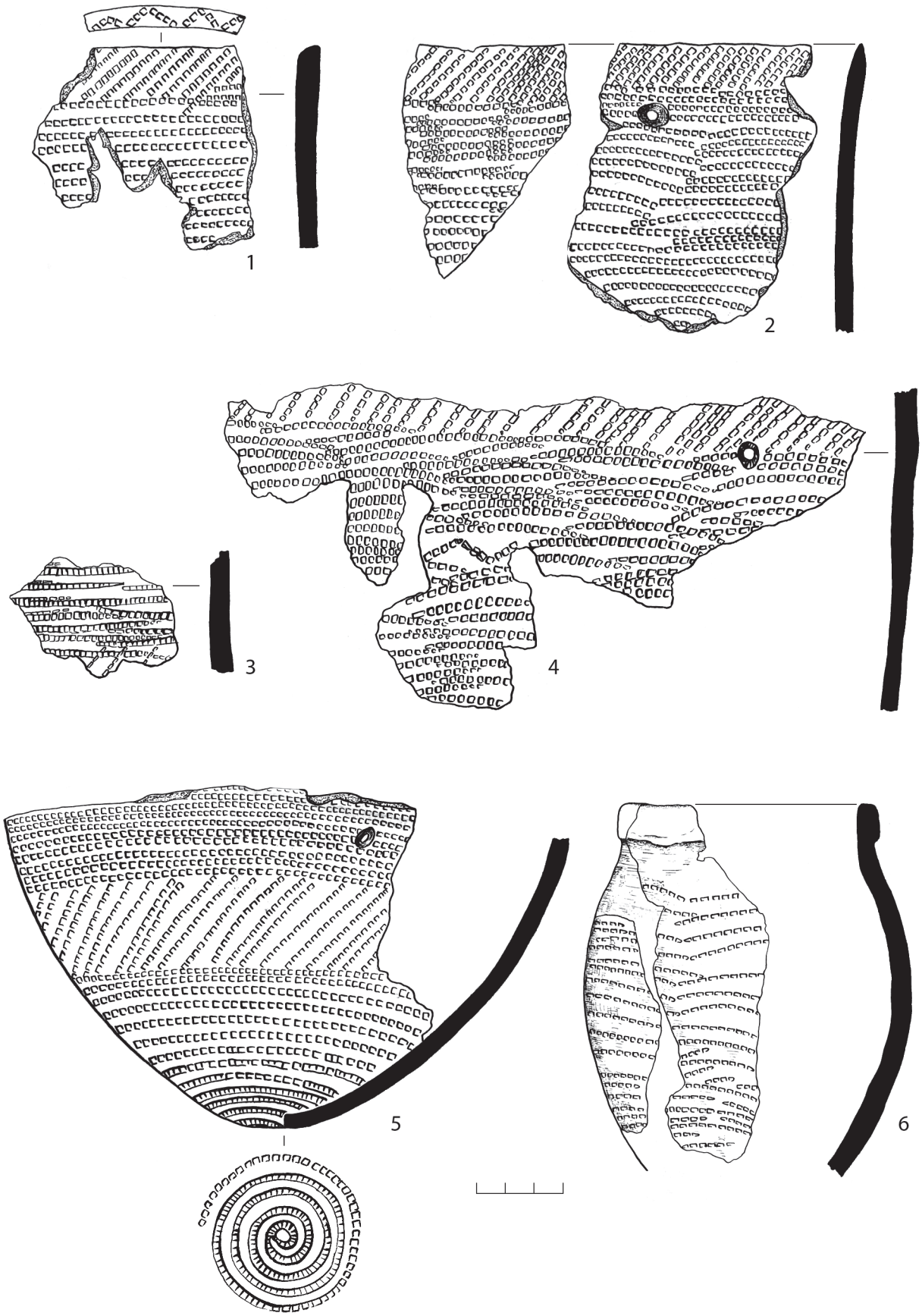


Рис. 47. Стоянка Тоора-Даш. 1984 г. Первый культурный слой. Керамика

мировоззрение, с которым мы сталкиваемся у современных народов Евразии, Океании или Австралии, имеет гораздо более глубокие корни, проникающие в самые отдаленные сферы подсознания.

Орудия из кости и рога первого культурного слоя

Из первого культурного слоя происходят костяной гарпун и роговое острие с выделенной головкой и насечками на противоположном конце, о которых уже упоминалось выше (рис. 39). Костяной гарпун (рис. 39, *1*) является уникальной находкой для территории Тувы и не имеет прямых аналогий на сопредельных территориях Саяно-Алтая, включая и Приангарье. Роговое острие (рис. 39, *2*) — орудие универсального типа, и никакие аналогии в данном случае значения не имеют. Существенным фактом является его находка внутри каменного кольца — предполагаемого могильного сооружения.

Керамика первого культурного слоя

В первом культурном слое выявлены фрагменты от шести керамических сосудов (рис. 43; 47; 48). Вся керамика, за исключением одного сосуда, была приурочена к каменным кольцеобразным выкладкам. В развале сооружения 2 был найден фрагмент керамики с гребенчатым орнаментом (рис. 47, *3*). Горизонтальные оттиски длинного (2,5 см) и узкого (1–1,5 см) штампа покрывают всю поверхность черепка. Абрис оттиска зубчика прямоугольный, оттиски неглубокие. Толщина фрагмента 0,5–0,7 см. Черепок пористый, примеси к глиняному тесту визуально не прослеживаются.

Развалы трех сосудов находились в сооружении 11. Один из сосудов реставрирован полностью. Его диаметр по венчику 20,5 см, диаметр шейки 20 см, наибольший диаметр тулова 23 см, высота сосуда 28 см. Дно округлое. Венчик округлый, гладкий, без орнамента. Орнамент — оттиски близко поставленной шагающей гребенки, сплошь покрывают тулово сосуда. Придонная часть покрыта оттисками горизонтального гребенчатого штампа. Оттиски штампа неглубокие, слегка заглаженные. Толщина стенок 0,7–0,8 см. Цвет черепков в изломе красно-коричневый (рис. 43, *1*).

Венчики двух других сосудов имели одинаковую орнаментацию, но один из них приострен, а край у другого ровно срезан и декорирован оттисками штампа (рис. 47, *1, 2*). Верхняя часть этих сосудов украшалась диагональным орнаментом длиной 2 см, тулово покрывали оттиски горизонтально идущих строчек.

Рис. 48. Стоянка Тоора-Даш. 1984 г. Первый культурный слой. Керамика

В придонной части орнамент менялся. Здесь снова проходил ряд диагональных оттисков штампа длиной 4 см, и ниже все дно было покрыто спиральным узором, завиток спирали завершался на дне сосуда (рис. 47, *4, 5*). Не ясно, которому из сосудов — с острым или ровно срезанным краем венчика — принадлежит это днище, так как они идентично орнаментированы, а подобрать полный профиль в данном случае не удалось.

Фрагменты от пятого горшка находились между сооружениями 11 и 12 и были приурочены к слабому очажному пятну (рис. 47, *6*). Этот сосуд 9 см диаметром по венчику, высота сохранившейся части 13,5 см. Край венчика утолщен налепом, неорнаментирован. Обломки стенок сосуда декорированы горизонтально поставленным штампом (рис. 47, *4*). Фрагмент от шестого сосуда найден в развале сооружения № 13. Эти сосуды также как и вся остальная керамика первого слоя, имеют гребенчатый декор.

5.2. Второй культурный слой

Второй культурный слой был вскрыт на площади 540 кв. м и приурочен к темным суглинкам речного происхождения.

Стратиграфически он расчленяется на три культурных горизонта — первый, второй и третий, разделенных стерильными прослойками малой мощности (3–5 см) в толще однородных гумусированных суглинков. Отсчет горизонтов — сверху вниз. Стерильные прослойки едва ли имеют аллювиальное происхождение, скорее всего, являются смывами с гор. Все три горизонта содержали однородные по своему характеру артефакты.

В 1978 г. исследовано 56 кв. м. Здесь слой выклинивался по линии 2-С и 7-С и подвергался разрушению от паводков по линии 2-М-15-М. В 1979 г. второй слой был исследован на площади 48 кв. м в первом раскопе, а во втором раскопе он был представлен тонкой прослойкой без культурных остатков. В раскопе 1980 г. (площадь 136 кв. м) был представлен очень фрагментарно: остатки первого горизонта в виде костей животных были обнаружены в двух местах: в кв. 24–26 по линии Ф и в кв. 24–25 по линиям Л-П. Самое интересное — это позвоночник козерога в кв. 25-Л. Во втором горизонте большая часть находок концентрировалась в кв. 32-34-Ф. Здесь найдены кости, отщепы, незначительные фрагменты керамики. В третьем горизонте ничего обнаружено не было.

В 1982 г. второй слой был вскрыт почти на всей площади (145 кв. м), и здесь во всех трех горизонтах найдены культурные остатки, которые концентрировались вокруг очажных пятен.

В раскопе 1983 г. слой оказался очень беден находками: в первом горизонте ничего не было, во втором — довольно мощное очажное пятно в кв. 35-Х, а в третьем — только слабомощные зольные пятна.

В 1984 г. на площади 113 кв. м во втором слое обнаружены очаги в первом горизонте в кв. 23-28-Х-Ц и в третьем горизонте в кв. 20-21-Х-Ц.

Первый (верхний) горизонт второго культурного слоя залегал в коричневых супесях. Он был сильно гумусирован, в нем повсеместно встречались мелкие угольки и зольники (рис. 49–53). Основные скопления культурных остатков встречены в кв. 2-Н-П, 5-6-Н-О, 1-9-Н, 12-14-Н (рис. 49). Здесь встречались кости, угли и осколки кремня в довольно большом количестве. Основными находками 1-го горизонта второго слоя являются орудия из камня и кости, среди которых встречаются целые лопатки и челюсти копытных животных. Из каменных орудий можно назвать наконечники стрел с выемчатой базой, скребла высоких форм и боковые скребла. Около очагов были расколотые речные гальки, а также плиты и желваки горной породы. Керамики в этом горизонте найдено немного. В основном это мелкие обломки, орнаментированные гребенчатым штампом. В кв. Н-2 найден фрагмент придонной части остродонного сосуда.

Скопления приурочены в основном к очажным пятнам. Более ярко выражены очажные пятна в кв. 16-18-П-О и 20-21-П-Р. Очаг в кв. 20-21-П-Р был обложен мелкими камнями. К югу и востоку от него лежали плоские плиты без следов огня, вокруг очага в кв. 16–18 встречались речные гальки, довольно много костей, большая часть которых расколота (рис. 50). Здесь найдено всего два фрагмента керамики. Довольно много костей, расколотых галек, чешуек и отщепов кремня, но орудий и их обломков нет. К западу от этих больших очагов по всей площади слоя были рассеяны угли, орудия, отщепы и чешуйки, мелкие фрагменты керамики, кости животных. Здесь не встречено значительных скоплений артефактов. Особо можно выделить пластинку из окаменевшего дерева с геометрическим орнаментом, два обломка которой были обнаружены в кв. 9-Н-О (рис. 51).

К востоку от центра этого горизонта в кв. 24-25-П-О обнаружено несколько ребер, а в кв. 25-Л — позвоночник козерога. Далее к востоку выше по реке в кв. 37-38-И-К было вскрыто еще одно очажное пятно ярко-красного цвета и диаметром чуть более полуметра (рис. 53). Вокруг этого пятна лежала керамика — все фрагменты от одного сосуда, орнаментированного плотно поставленной шагающей гребенкой. От большинства фрагментов остались только

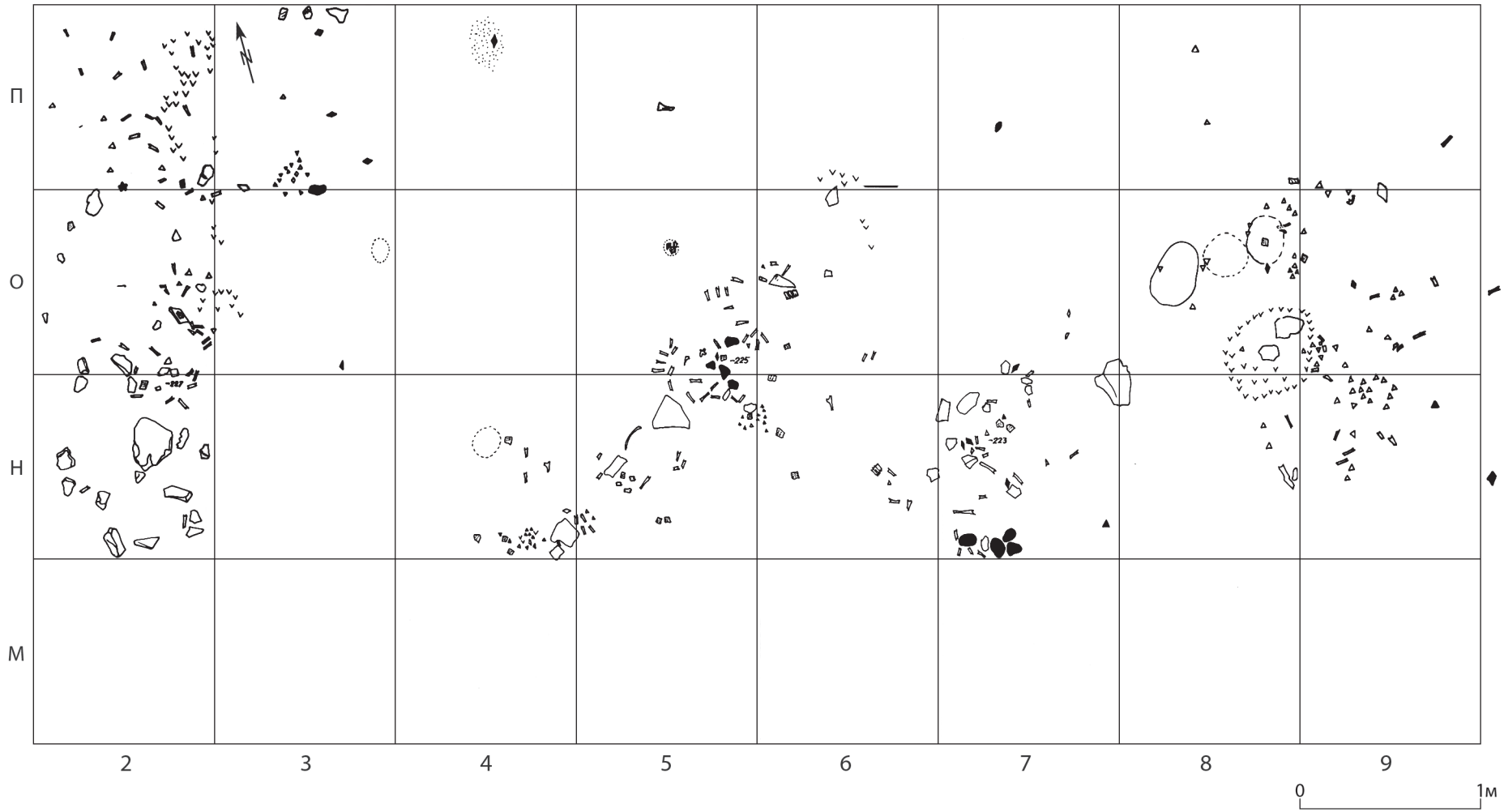


Рис. 49. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Второй культурный слой, 1-й горизонт. План раскопа в кв. 2-15-М-П

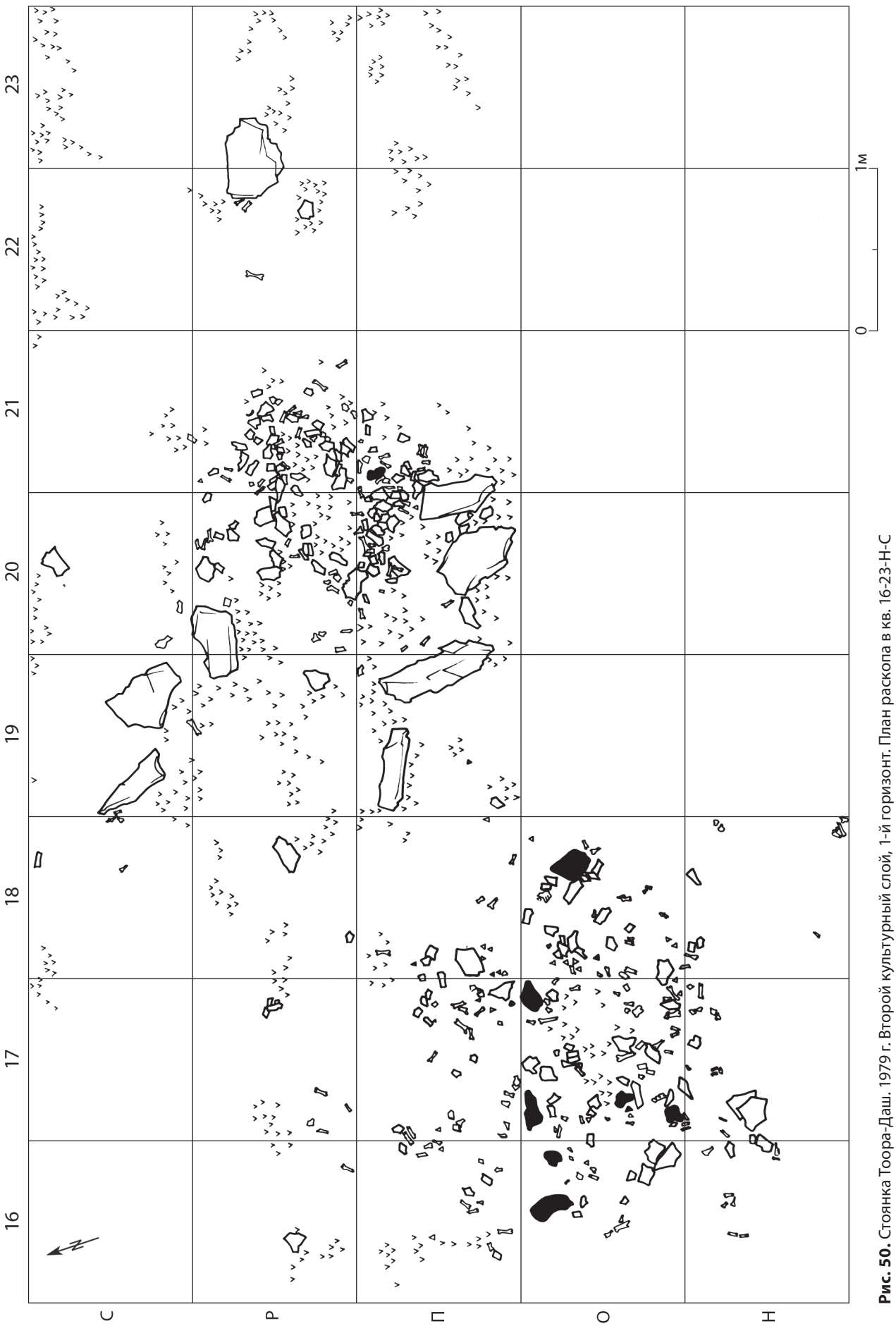


Рис. 50. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Второй культурный слой, 1-й горизонт. План раскопа в кв. 16-23-Н-С

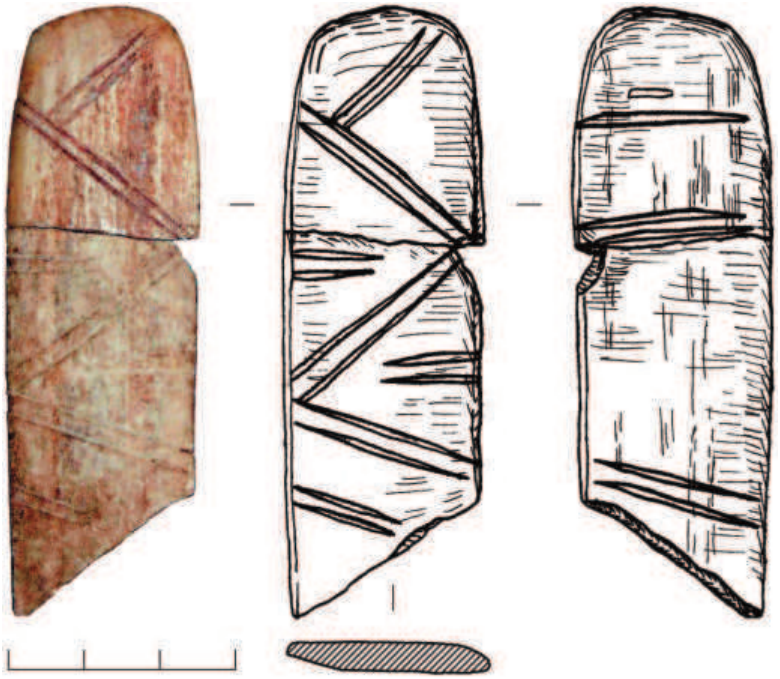


Рис. 51. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Второй культурный слой, 1-й горизонт. Пластинка из окаменевшего дерева

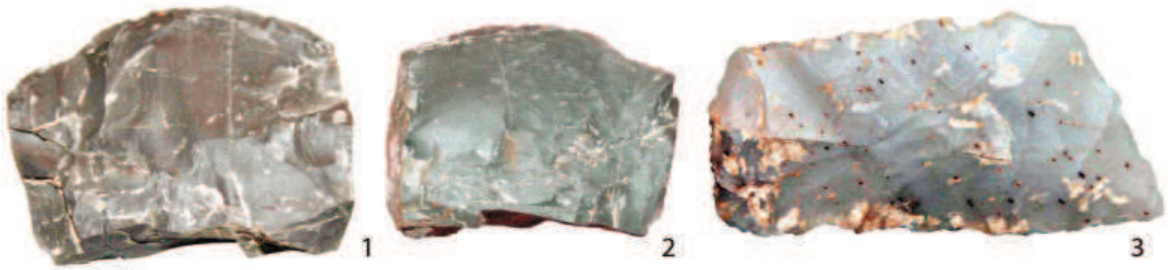


Рис. 52. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь: *1*, *2* — долотовидные орудия; *3* — вкладыш

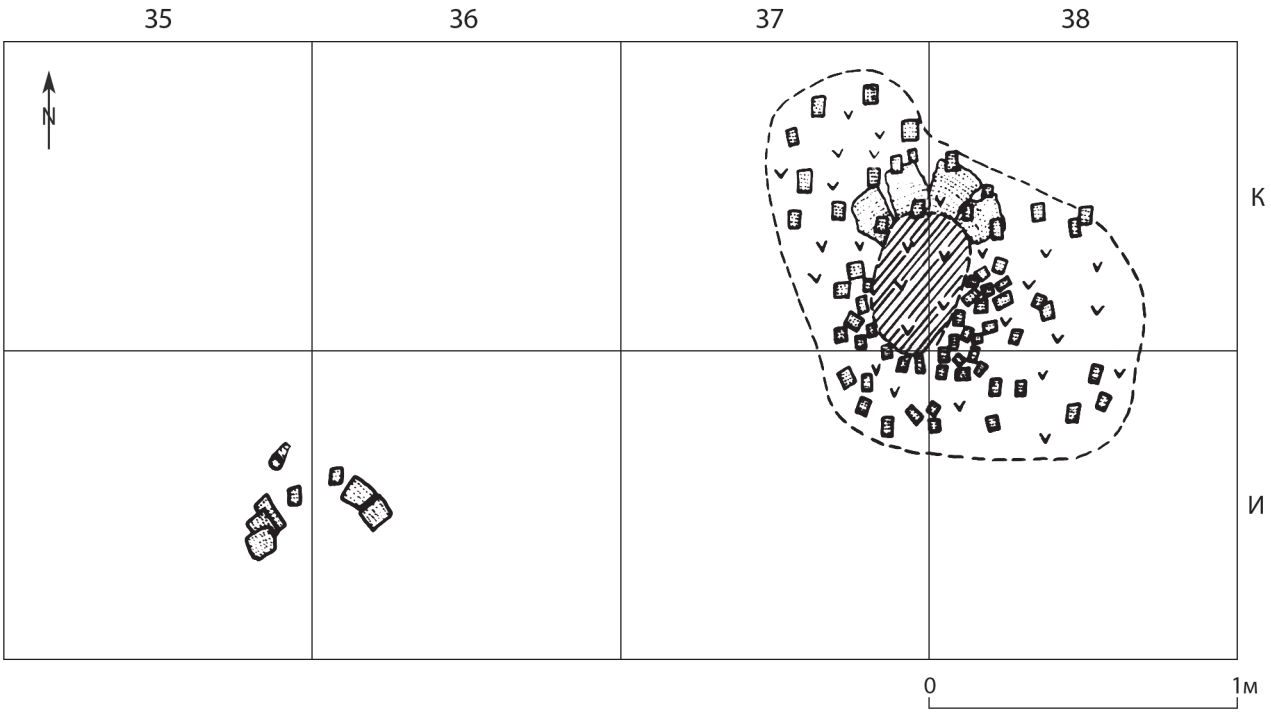


Рис. 53. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Второй культурный слой, 1-й горизонт. План раскопа в кв. 35-38-И-К

труха и отпечатки в глине. Некоторое количество керамики найдено в кв. 36-35-И. Между скоплениями в кв. 37-38-И-К и кв. 24-25-П-О первого горизонта второго культурного слоя ничего существенного найдено не было.

В 1980 г. второй культурный слой оказался практически исчерпанным: в 1-м горизонте культурные остатки обнаружены в двух местах — в кв. 24-26 по линии Ф и в кв. 34-25 по линиям Л-П. В обоих случаях найдены, в основном, только кости животных.

В 1981 г. был обнаружен очаг в кв. 37-38-К-И. Вокруг интенсивно прокаленного очажного пятна диаметром около 0,5 м обнаружено большое количество фрагментов сосудов с гребенчатой орнаментацией. Керамика очень плохой сохранности, сквозь нее проросли корни деревьев.

В 1984 г. в кв. 24-25-Ц-Х обнаружен очаг мощностью 0,25 м: в нем и вокруг него находилось большое количество костей животных, отщепов, сколов и фрагментов керамики, а на краю лежали плоские речные гальки (рис. 54).

В целом о 1-м горизонте второго культурного слоя можно сказать, что он отражает завершающую стадию и запустение бытовавшего здесь поселения, погребенного в скором времени речным аллювием.

Центр стоянки **второго горизонта во втором культурном слое** (рис. 55–64; 70–75; 79, *5–12, 17–20*; 80, *1, 3–7*; 81; 84; 85; 86; 89–91) располагался примерно в тех же квадратах, что и в первом горизонте, но насыщенность находками здесь значительно выше. В кв. 12-14-М-О обнаружено огромное количество обломков костей, охватывающих кольцом зольник, расположенный в кв. 12-13-М-Н, южная граница которого проходила по линии смыва (рис. 55). Среди этих костей обнаружено изрядное количество кремневых отщепов, чешуек, а также целые орудия и их обломки. Орудия в основном представлены теми же формами, что и в первом горизонте, за исключением одного двусторонне обработанного орудия, использовавшегося как долото (рис. 56, *1*).

В кв. 14-О находились фрагменты сосуда, орнаментированного шагающей гребенкой (рис. 57), вокруг которых были расположены три подвески из атрофированных клыков марала. Рядом в кв. 14-Н находился олений рог, но очень плохой сохранности. В прилегающих к этому скоплению кв. 10-11-Н-О находок почти не было. Именно в этих квадратах находилось сооружение 1 из первого культурного слоя. Насыщенность слоя возрастала от этих пустых квадратов к западу, где в кв. 3-4-О, а также кв. 5-6-О-П имелись значительные скопления костей, каменных орудий и керамики, приуроченных к довольно мощным зольникам аморфных очертаний.

В кв. 3-4-0 вокруг неглубокой ямы, заполненной песком, найдена керамика с гребенчатой орнамента-

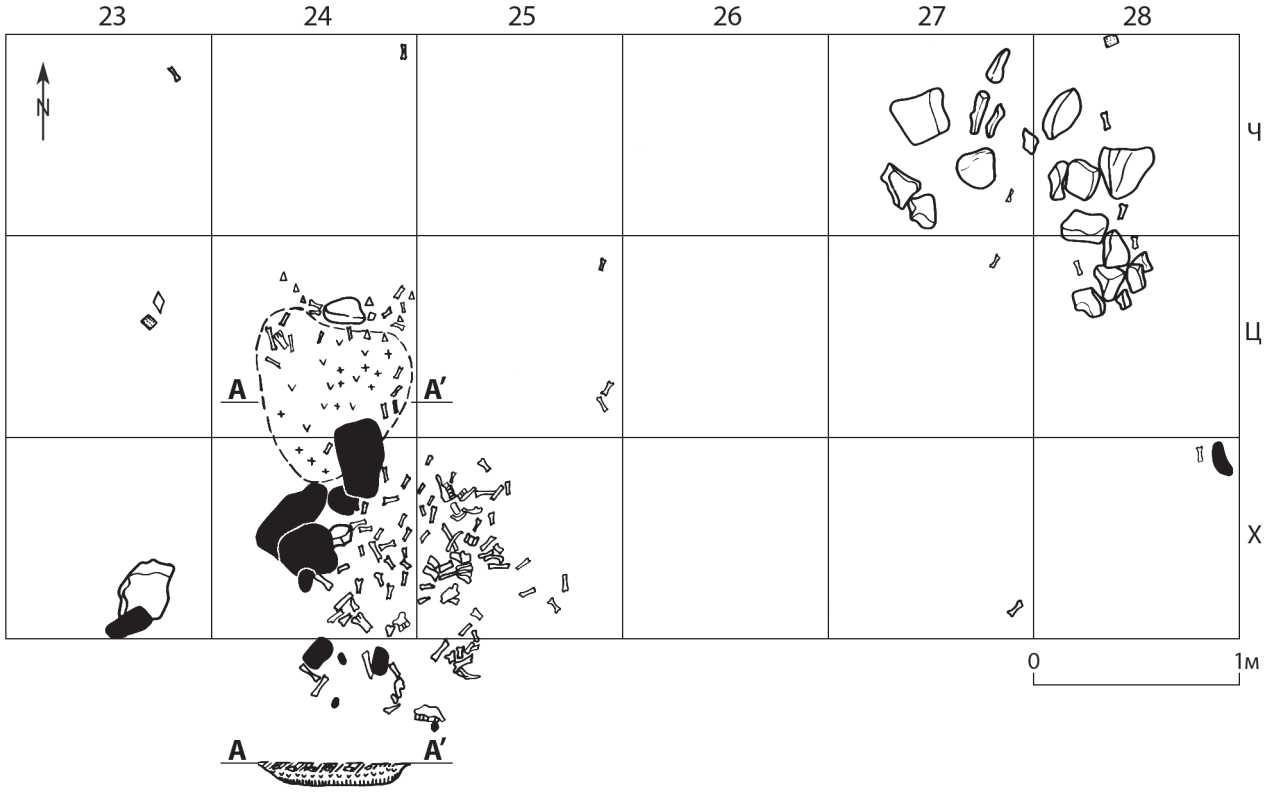


Рис. 54. Стоянка Тоора-Даш. 1984 г. Второй культурный слой, 1-й горизонт. План раскопа в кв. 23-28-Х-Ч

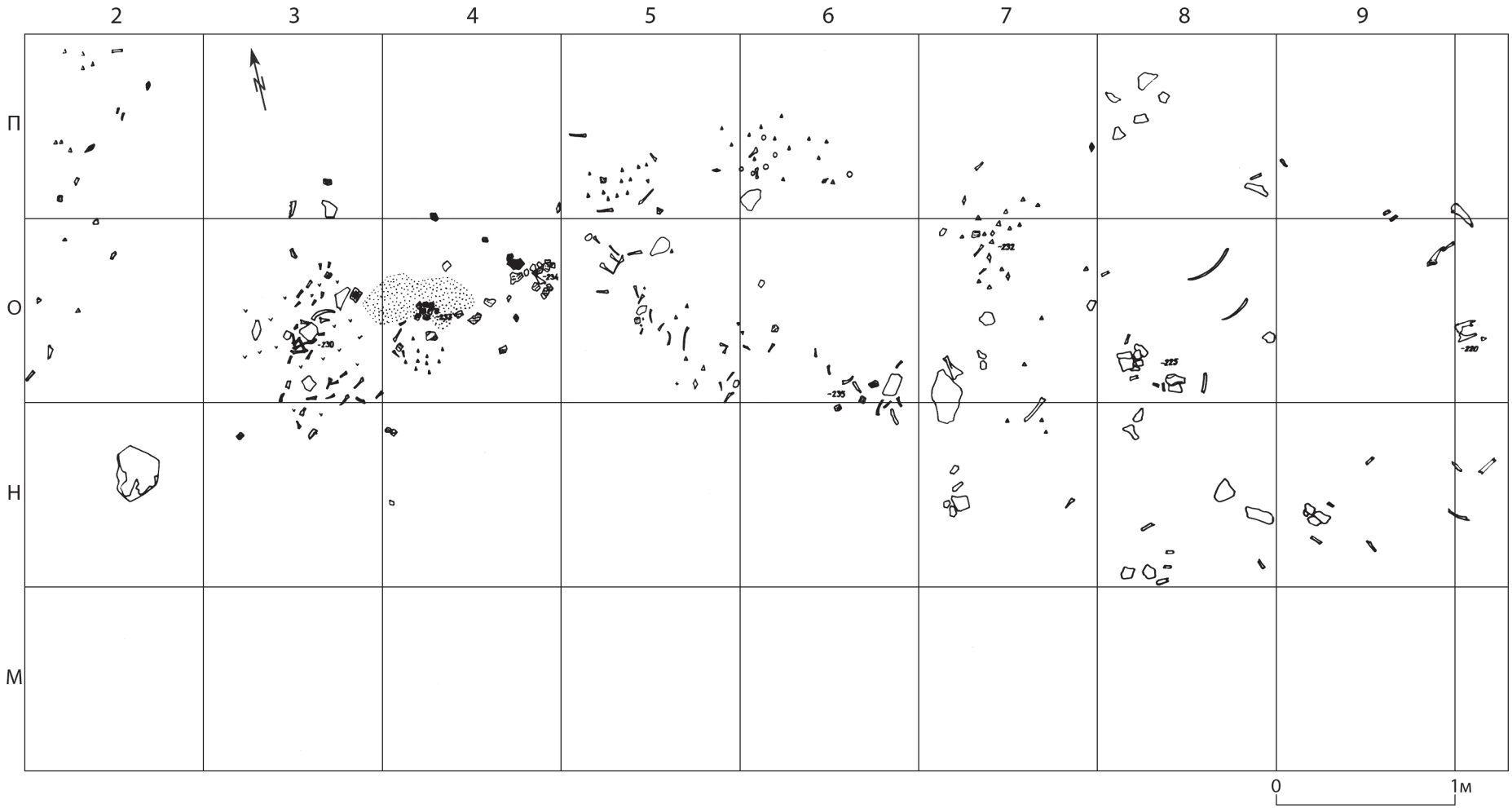


Рис. 55. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Второй культурный слой, 2-й горизонт. План раскопа в кв. 2-15-М-П

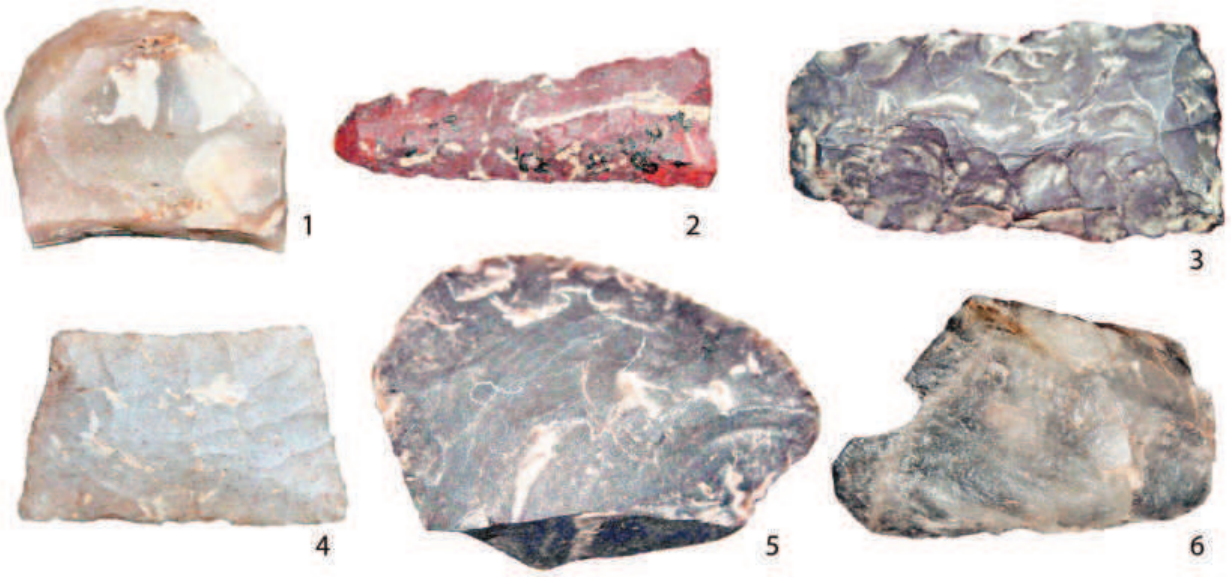


Рис. 56. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Второй культурный слой, 2-й горизонт. Каменный инвентарь: *1* — долото; *2–4* — вкладыши; *5*, *6* — скребла

Рис. 57. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Второй культурный слой, 2-й горизонт. Керамика

цией. Венчик сосуда отогнут наружу и под ним расположен ряд наколов острым концом орнаментира. Керамика имела очень плохую сохранность. Из орудий можно назвать скребки из халцедона, боковые скребла, зачастую неправильной формы. Из костей преобладают останки козерога, найдено много астрагалов и зубов.

Здесь же, в кв. 21-22-О-Р и кв. 18-20-О-Р вскрыто несколько очажных пятен значительной мощности. Вокруг этих пятен концентрируются остатки хозяйственной деятельности обитателей стоянки. Это кости, среди которых много челюстей козерога, речные гальки, плоские плиты, уложенные около очагов. Найдено много чешуек и отщепов кремня, халцедона и яшмы, целых орудий и их обломков (скребки высоких форм на отщепах, вкладыши, наконечники стрел с выемчатым основанием). В кв. 21-22-Н-Р собрано более 200 фрагментов керамики от одного сосуда, который удалось почти полностью склеить за исключением дна. Этот сосуд сплошь покрыт гребенчатым орнаментом (рис. 58).

Другое значительное скопление артефактов выявлено в кв. 12-14-Н-П. Здесь вокруг зольника было расчищено очень большое скопление костей, лежащих в несколько слоев. В кв. 14-О зафиксирован целый рог оленя. Помимо костей в этом скоплении найдены отщепы и чешуйки, целые орудия, среди которых можно выделить долотовидное орудие (рис. 81, *3*). В кв. 14-П на северной окраине скопления костей обнаружена придонная часть сосуда, орнаментированного шагающей гребенкой, и три подвески из атрофированных клыков марала. Хотя скопление располагалось очень компактно, его нижняя часть была смыта рекой.

Далее в кв. 1-9-Н-П и кв. 1-11-Н-П находки располагались более равномерно. Здесь, так же как и в первом горизонте, почти по всей площади встречаются кости, отщепы и чешуйки. Из орудий преобладают скребки и наконечники стрел с выемчатым основанием.

В кв. 1-О располагалось нечеткое очажное пятно, вокруг которого были разбросаны кости, чешуйки и отщепы. К востоку от основного скопления находок практически нет. Здесь в кв. 24-25-Н-О вскрыто зольное пятно, при расчистке которого найдено несколько костей, отщепов и обломок орудия. Далее, в кв. 32-34-Т-Ф, где культурный слой повышался по направлению к скалам (т. е. на склоне террасы), было найдено несколько фрагментов керамики плохой сохранности,

Рис. 58. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Второй культурный слой, 2-й горизонт. Керамика

несколько костей и отщепов. В кв. 36-37-К-Л выявлен еще один очаг с небольшим количеством керамики и кремневых чешуек.

В 1979 г. во втором культурном слое выявлена большая концентрация находок в кв. 16-23-Н-С (рис. 60; 61). Все это скопление приурочено к очагу в кв. 21-22-Р-П. Здесь найдено более сотни фрагментов от сосуда, орнаментированного горизонтальными оттисками близко поставленной шагающей гребенки, сотни чешуек и мелких отщепов кремня, три наконечника стрел с выемчатым основанием, большое количество двусторонне ретушированных вкладышей, скребки высоких форм на отщепах и т. д. Основное сырье, из которого изготовлялись орудия, — кремень, халцедон, яшма.

В 1980 г. большая часть находок концентрировалась в кв. 32-34-Ф. Здесь найдены кости, отщепы, незначительные фрагменты плохо сохранившейся керамики. В кв. 24-35-О-Н найдены следы очажного пятна.

В 1981 г. обнаружены очажные пятна в кв. 44-45-С и кв. 46-47-Р-П (рис. 62). Здесь найдено несколько мелких фрагментов керамики. Вокруг очажного пятна в кв. Л-К-37 было найдено несколько десятков отщепов кремня и единичные фрагменты керамики.

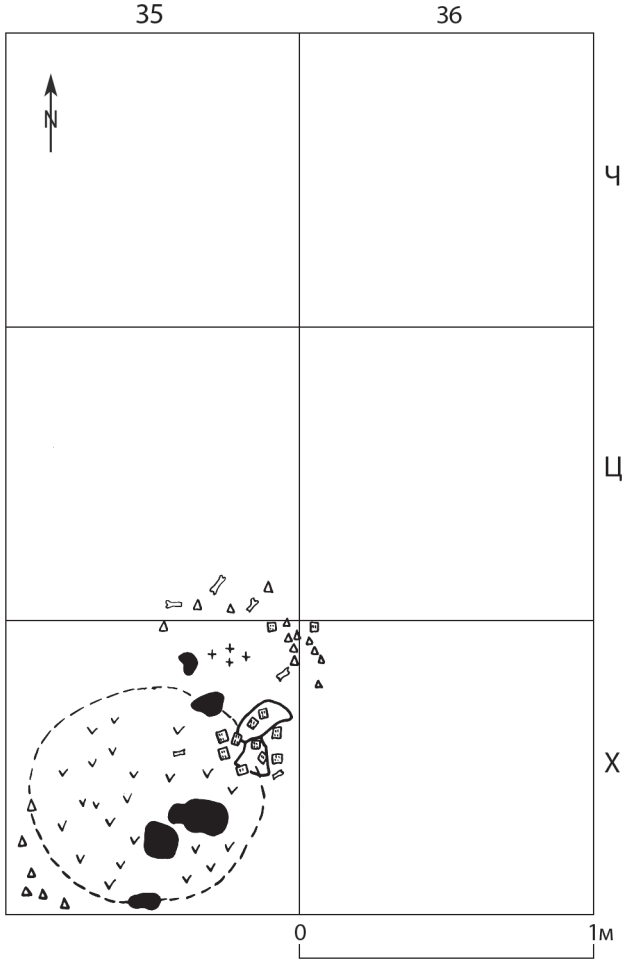


Рис. 59. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Второй культурный слой, 2-й горизонт. План раскопа в кв. 35-36-Х-Ч

В 1982 г. в кв. 37-Л-К вокруг очажного пятна найдено несколько десятков отщепов кремня и единичные фрагменты керамики (рис. 63). Еще два очажных пятна вскрыты в кв. 44-45-С и 46-47-Р-П (рис. 64). Около первого очага найдено несколько мелких фрагментов керамики.

В 1983 г. было выявлено очажное пятно значительной мощности, расположенное в кв. 35-Х. Около него и в самом очаге были обнаружены керамика, мелкие кости и осколки кремня, речные гальки.

Третий горизонт второго культурного слоя вскрыт на ту же площадь, что и два предыдущих, но здесь прослеживается еще большая фрагментарность остатков древнего поселения, возникшего на наносах, перекрывающих каменные сооружения первого культурного слоя. Он приурочен к тем же темным суглинкам и отделяется от второго горизонта супесчаной прослойкой (не более 1–2 см) светлого цвета. Этот горизонт содержал большое количество костей животных. Концентрация костей прослеживалась в кв. 2-Н и кв. 6-7-Н-О (рис. 65). В тех же квадратах находился развал сосуда, орнаментированного оттисками гребенчатого штампа, с прямым венчиком и слегка выделенной шейкой. Несколько мелких фрагментов гребенчатой керамики найдено и в других квадратах этого горизонта. Нужно отметить, что керамика в этом горизонте представляет собой основную категорию находок. Каменных орудий также было довольно много, из которых можно выделить скребки высоких форм, скребла и наконечники стрел. В кв. 6-Н обнаружено двусторонне обработанное орудие в виде топорика (рис. 66, *3*).

На месте центра стоянки, выявленном во втором и третьем горизонтах в кв. 20-21-О-П, располагался очаг, обложенный мелкими, должно быть рассыпавшимися плитами сланца и речными гальками (рис. 67; 68). В развале этих камней найдены фрагменты сосуда, орнаментированного косой гребенкой. Край каменной выкладки приходился на стенку ямы — следы провала в центре сооружения 4 в первом слое. По краям ямы лежали отщепы и обломки орудий. Другое скопление мелких костей и чешуек, среди которых найдена и керамика, было выявлено в кв. 6-7-Н-О, третье — в кв. 2-3-М-П. В последнем скоплении собрано более 100 фрагментов керамики от одного сосуда с зональной орнаментацией (рис. 91).

К востоку от основного очага (в кв. 20-21-О-П) обнаружен еще один очаг в кв. 35-36-К-Л (рис. 69). Этот очаг имел ограждение из мелких камней, около него найден кремневый нож. Очаги и скопления третьего культурного горизонта находятся над каменными

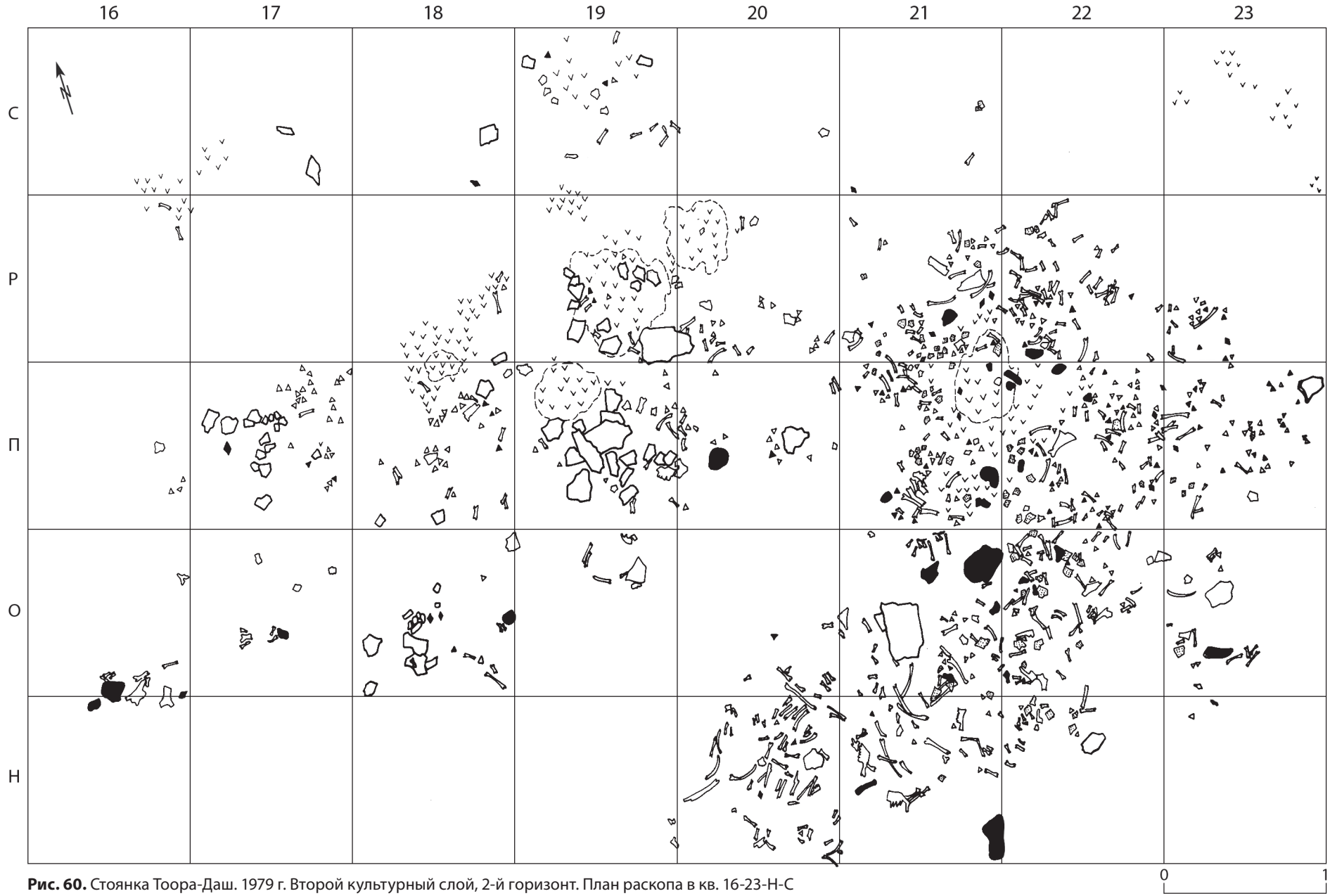


Рис. 60. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Второй культурный слой, 2-й горизонт. План раскопа в кв. 16-23-Н-С

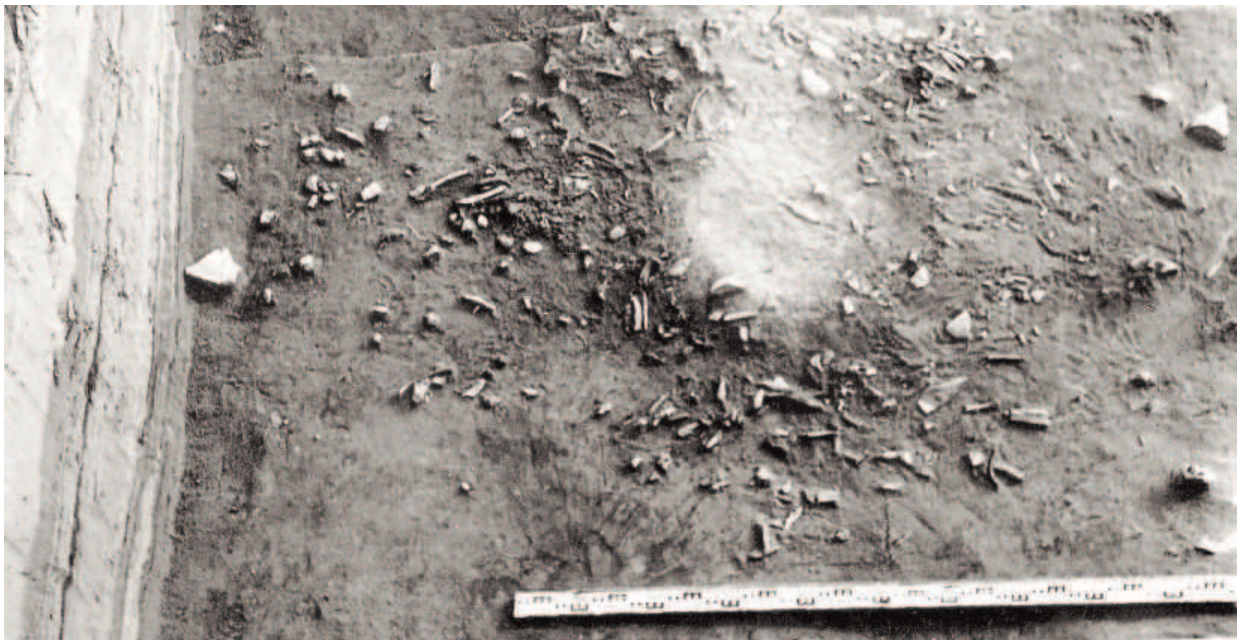


Рис. 61. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Второй культурный слой, 2-й горизонт. Фото раскопа в кв. 16-23-Н-С

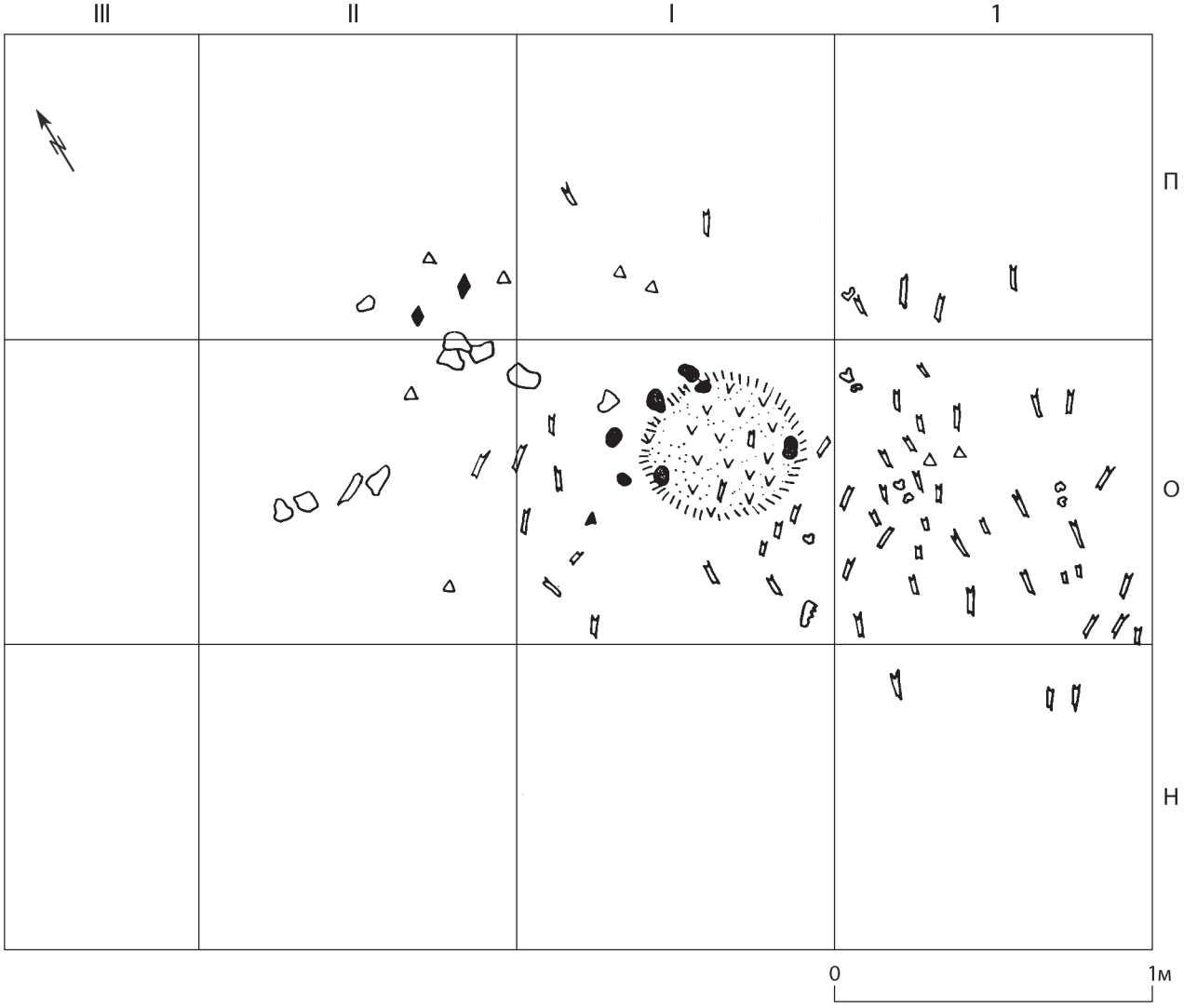


Рис. 62. Стоянка Тоора-Даш. 1980 г. Второй культурный слой, 2-й горизонт. План раскопа в кв. III-I-1-Н-П

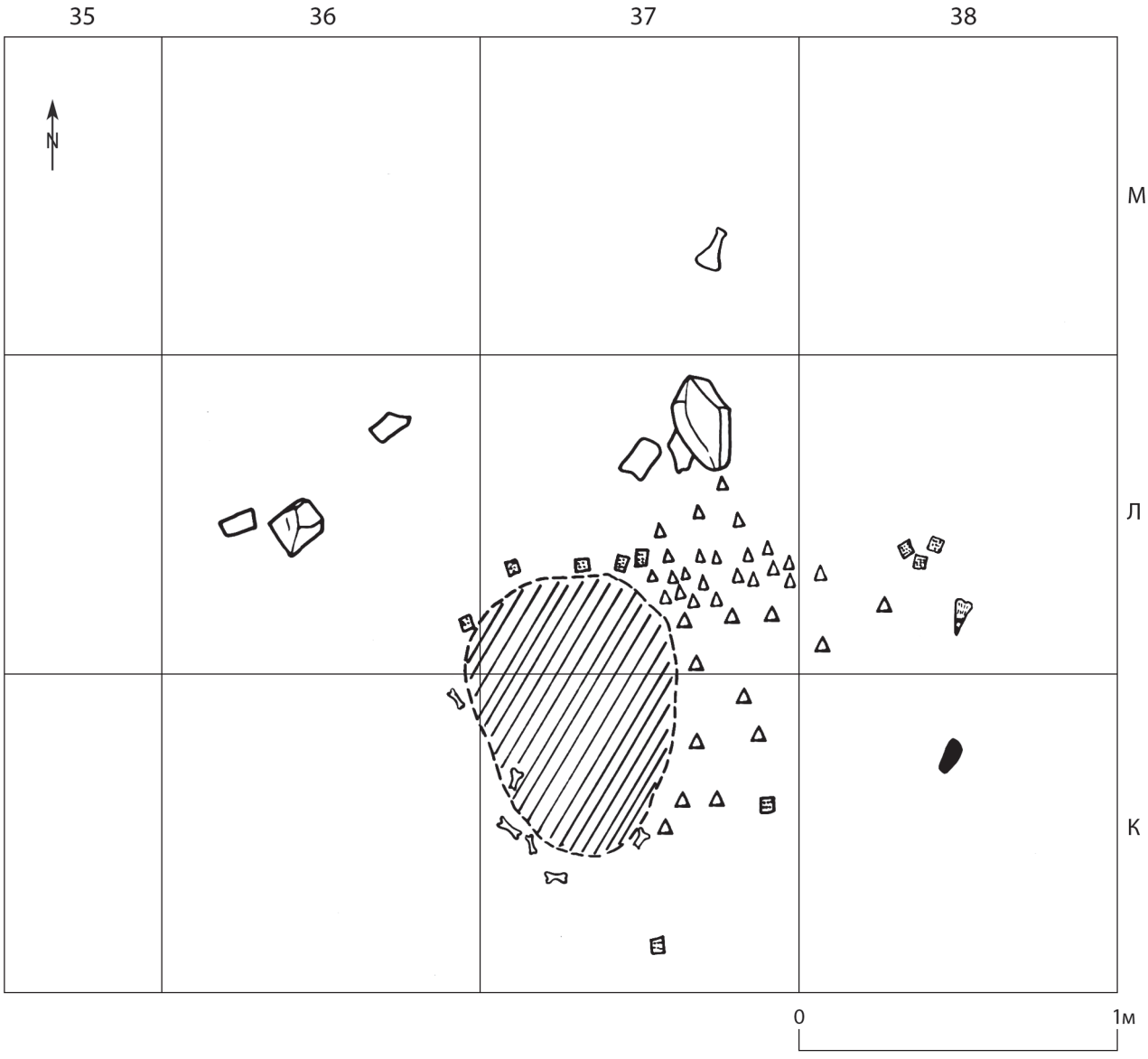


Рис. 63. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Второй культурный слой, 2-й горизонт. План раскопа в кв. 35-38-К-М

сооружениями первого слоя и приурочены к той же узкой западине, в которой располагаются последние. Третий горизонт отделен от вышележащего слоем глины 7–8 см.

Основные скопления ***артефактов*** во всех трех горизонтах второго слоя выявлены практически в одних и тех же квадратах раскопа. Возможно, это центры трех последовательно сменяющих друг друга сезонных стоянок какой-то одной группы людей. Как можно увидеть ниже, керамика и каменный инвентарь этих стоянок не противоречат заключению, сделанному на основании планиграфии культурного слоя. Традиционным центром этих стоянок являются очаги, обнаруженные в квадратах по линиям 17-22-О-Р. К северо-западу от них имеется выход скалы, к югу от которого открыты скопления костей в горизонтах 1 и 2. Далее с юго-западной стороны этого скального выхода на площади более 30 кв. м во всех трех горизонтах встречается довольно равномерное распределение различных хозяйственных остатков, как-то: отщепы, чешуйки, кости животных, маломощные очажные пятна, фрагменты керамики. Вероятно, здесь проходила повседневная жизнь древних обитателей стоянки. В стороне от основного центра в кв. 36-38-К-М во всех трех горизонтах обнаружены перекрывающие друг друга очаги. В этой части стойбища, вероятно, селилась какая-то

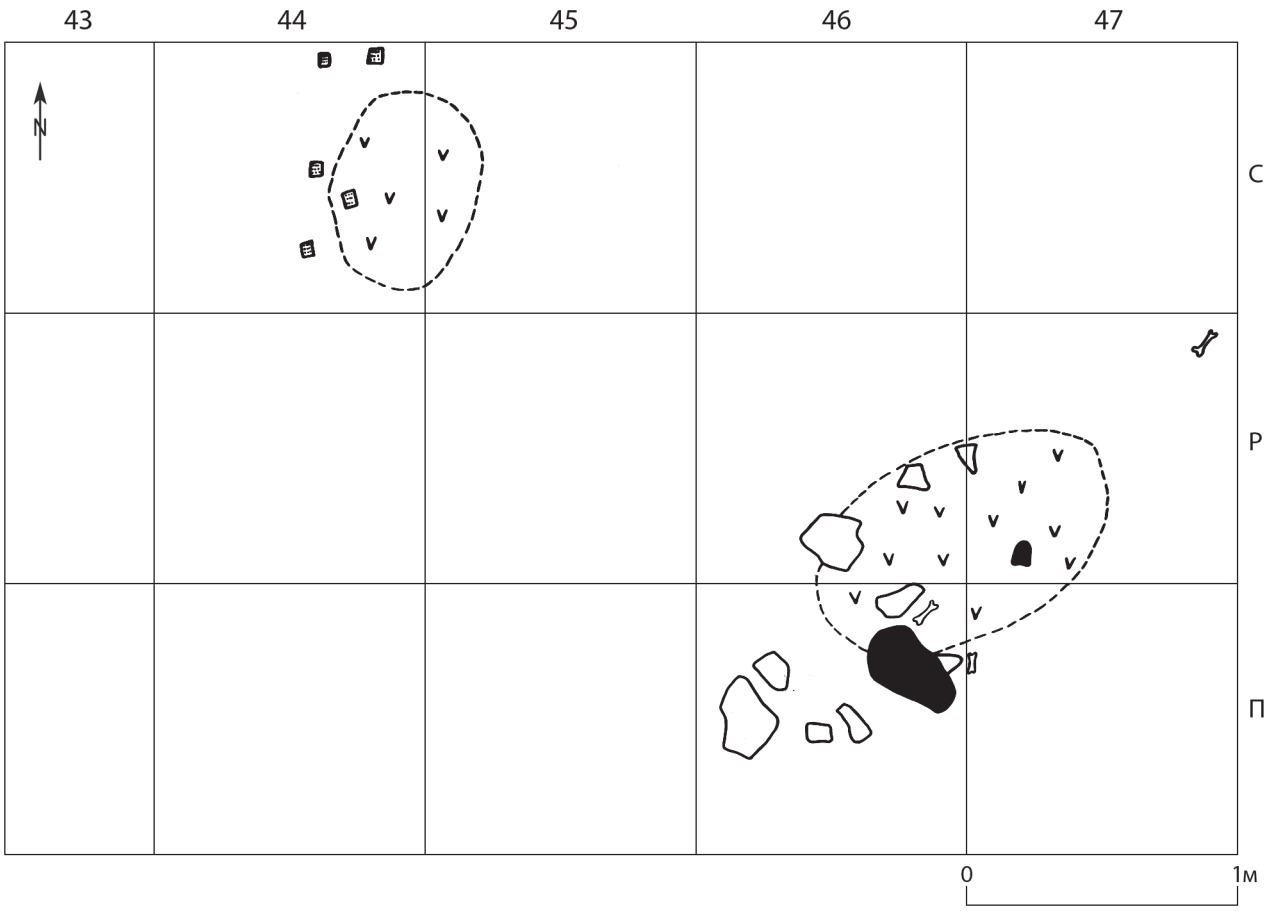


Рис. 64. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Второй культурный слой, 2-й горизонт. План раскопа в кв. 43-47-П-С

группа, родственная «основной». Под очагами этой группы также располагались два каменных кольца в первом культурном слое. Это может быть не случайное совпадение, а какая-то закономерность, связанная с существованием определенного коллектива, оставившего стоянки трех горизонтов второго культурного слоя и имевшего отношение к каменным кольцам (погребениям?) первого культурного слоя.

На сравнительно большом расстоянии от берега реки в кв. 35-Х во втором горизонте второго слоя было выявлено очажное пятно значительной мощности. Около очага и в очаге обнаружена керамика, мелкие кости и осколки кремня. В заполнении очага встречены речные гальки. Мелкие очажные пятна располагались в третьем горизонте второго слоя в кв. 35-Х и кв. 40-41-Ц. Здесь же найдены гребенчатая керамика и кости животных.

Орудия из камня и облик керамики позволяют объединить все три горизонта в один культурный слой, тем более что разделяющие их стерильные прослойки весьма незначительны, а в кв. 8-15-М-П прослойка, разделяющая второй и третий горизонты, вообще отсутствует.

Почти по всей площади раскопа 1978 г. второй культурный слой имел одинаковую мощность, за исключением тех квадратов, где он подвергался смыву (там он лежал прямо под дерном), и тех, где этот слой выклинивался вверх по древней террасе (квадраты по линии Р и частично по линии С). На этих линиях второй культурный слой хоть и сохранял отчетливую окраску, но находок уже почти не содержал, за исключением одного орудия в третьем горизонте в кв. 2-Р. В кв. 36-38-И-Л во всех трех горизонтах находились очаги. Наличие трех очагов (одного над другим) может свидетельствовать о сезонном характере жизни стоянки. Основные находки во втором культурном слое приурочены к береговой линии, залегающей над сооружениями первого культурного слоя. Далее проходит склон древней террасы, на котором артефактов и следов жизни человека нет, но начиная от линии П снова появляются следы стоянки, с чем связано их открытие в кв. 44-47-Р-С в 1982 г.

Каменный инвентарь второго культурного слоя

Каменный инвентарь второго культурного слоя стоянки Тоора-Даш насчитывает 18 ядрищ, 890 крупных

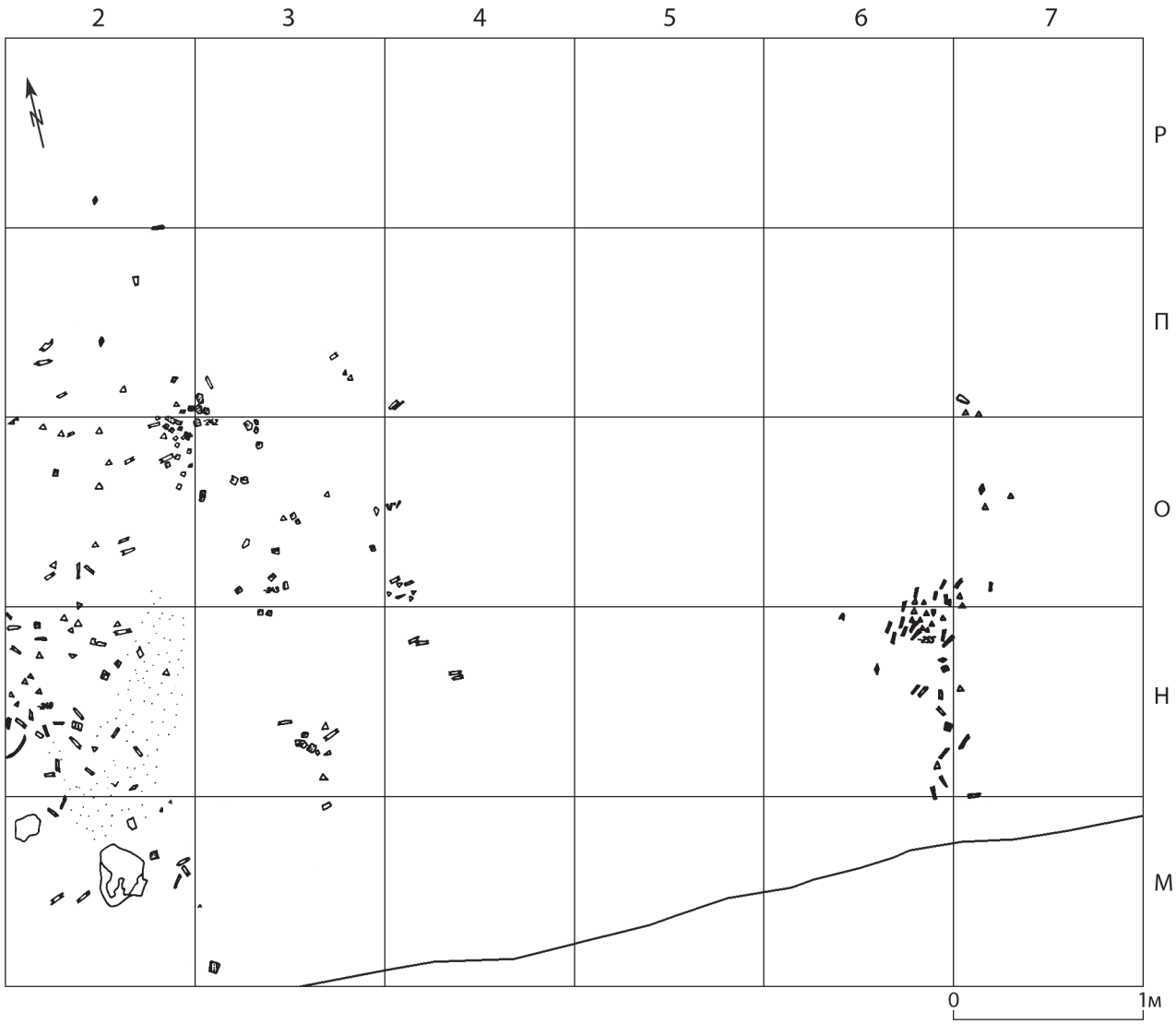


Рис. 65. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Второй культурный слой, 3-й горизонт. План раскопа в кв. 2-7-М-Р

Рис. 66. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь, 3-й горизонт: *1*, *2* — скребла; *3* — топорик

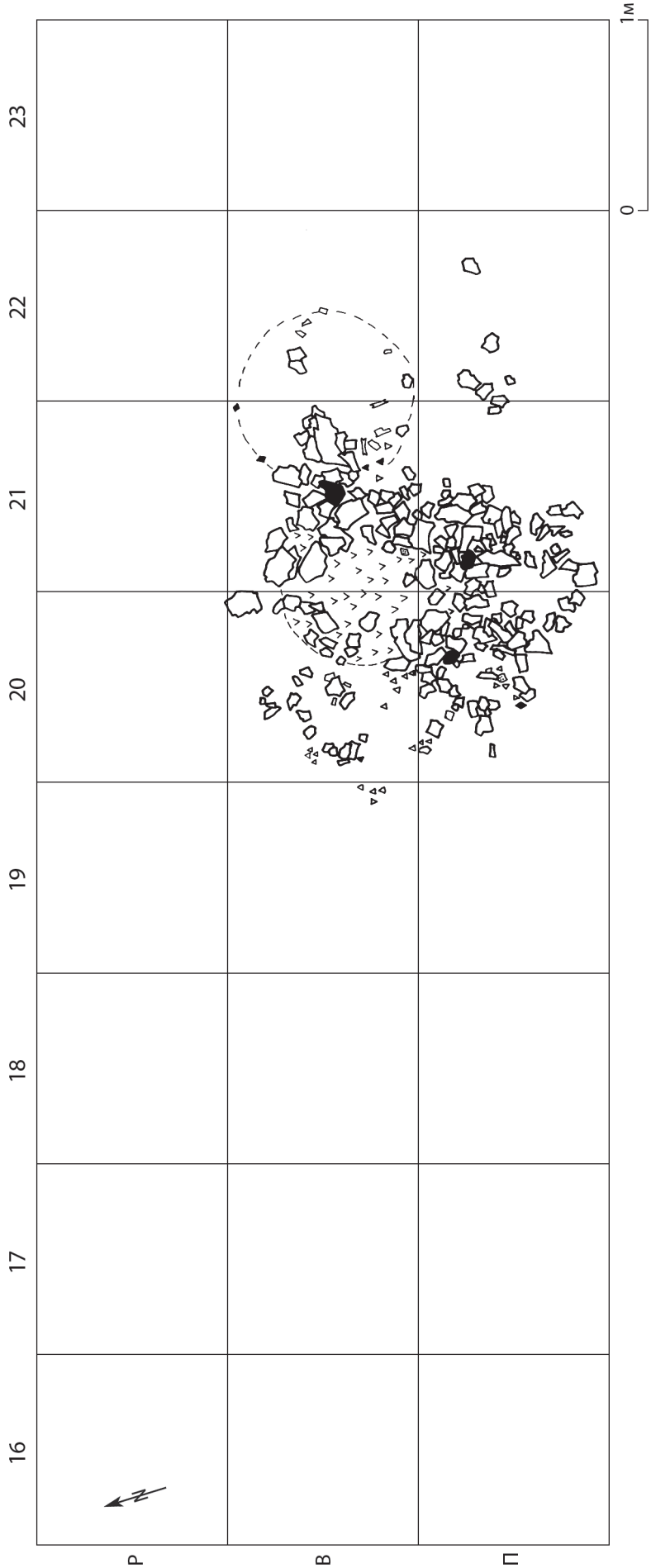


Рис. 67. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Второй культурный слой, 3-й горизонт. План раскопа в кв. 16-23-О-Р

Рис. 68. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Второй культурный слой, 3-й горизонт. Фото раскопа в кв. 16-23-О-Р

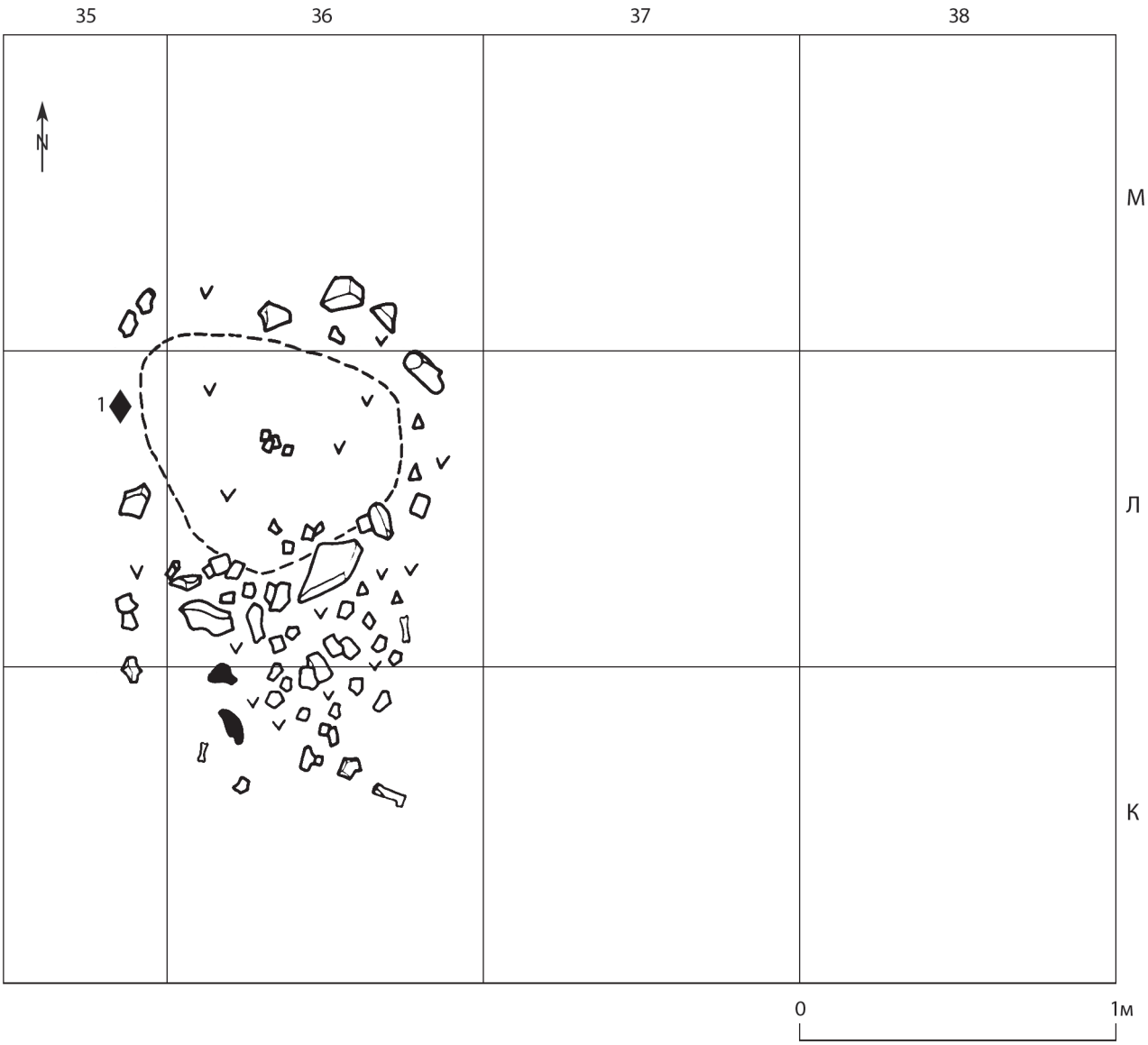


Рис. 69. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Второй культурный слой, 3-й горизонт. План раскопа в кв. 35-38-К-М

и средних отщепов, 1500 мелких отщепов и чешуек, 36 кусков породы и 148 орудий и их обломков, включая отщепы с ретушью и отщепы с ретушью утилизации. Сырьем для изготовления орудий служил черный желвачный кремень низкого качества, красный кремень, яшмовидная порода, кварцит, а также использовались простой плитняк и речные гальки.

На стоянке встречены в основном одноплощадочные нуклеусы из обломков породы (семь экземпляров — рис. 70, *3–6*), одноплощадочные поперечные нуклеусы с параллельным скалыванием (два экземпляра — рис. 70, *2*), дисковидный нуклеус (рис. 71, *8*), нуклеус двуплощадочный поперечный (рис. 71, *5*), плоские поперечные нуклеусы на отщепах (два экземпляра — рис. 71, *1*), два торцовых сильносработанных микронуклеуса (рис. 71, *3, 4*), два нуклевидных обломка (рис. 71, *2*). Несмотря на наличие двух микронуклеусов, на стоянке практически отсутствуют изделия из микропластин, основная же масса орудий сделана на отщепах.

В количественном отношении преобладают *скребки* (62 экземпляров). Для скребков использовались небольшие отщепы, которые делятся на следующие категории:

— скребки высоких форм на отщепах с округлым рабочим краем (40 экземпляров — рис. 72, *6, 8, 10, 11, 13, 17–19, 21–26, 28–35, 37*; 74, *1–6, 8–10, 12–15, 17, 19–21*);

— с боковой выемкой (два экземпляра — рис. 72, *12–14*);

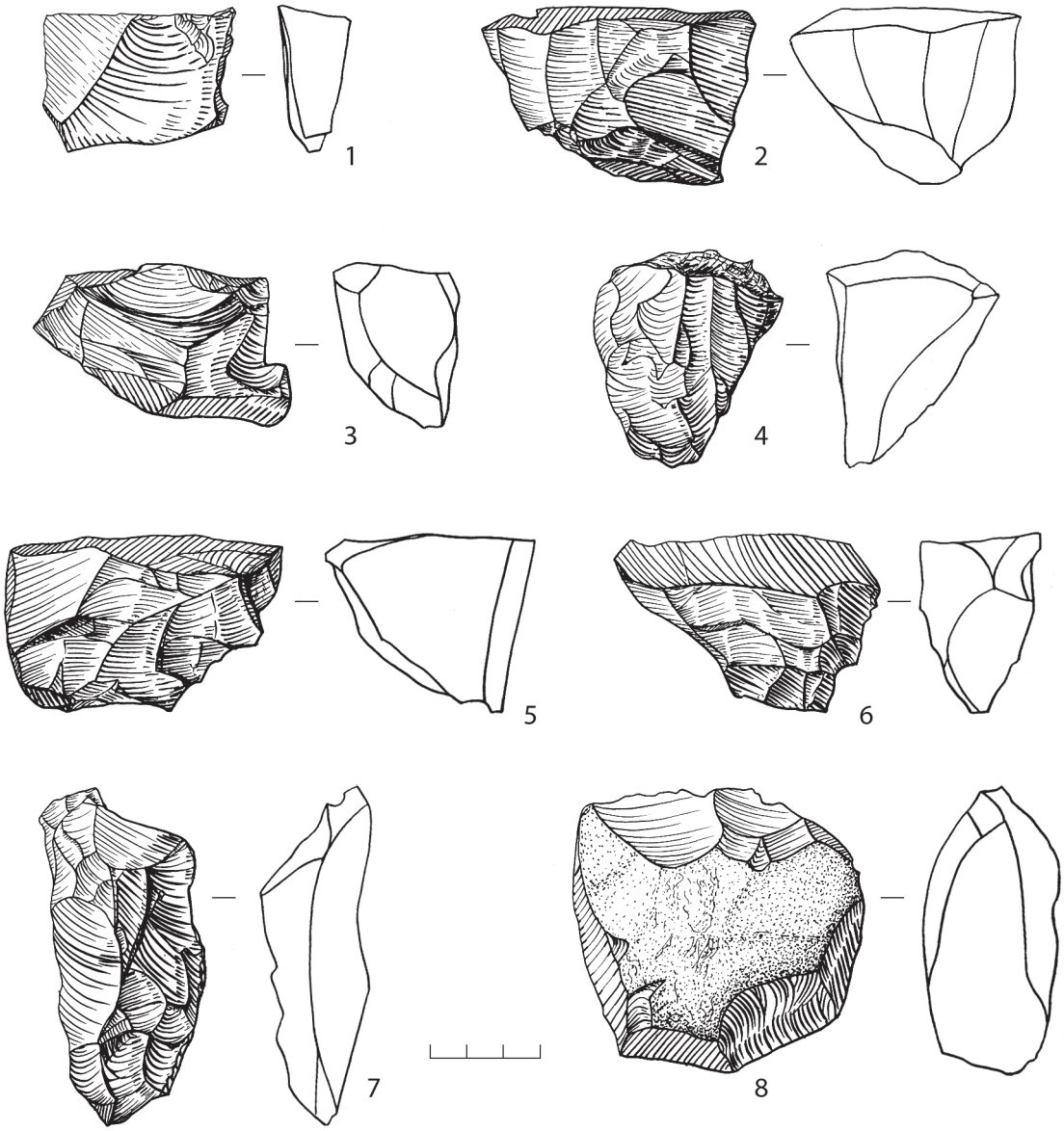


Рис. 70. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь из второго культурного слоя, 2-го горизонта: *1–8* — нуклеусы одноплощадочные

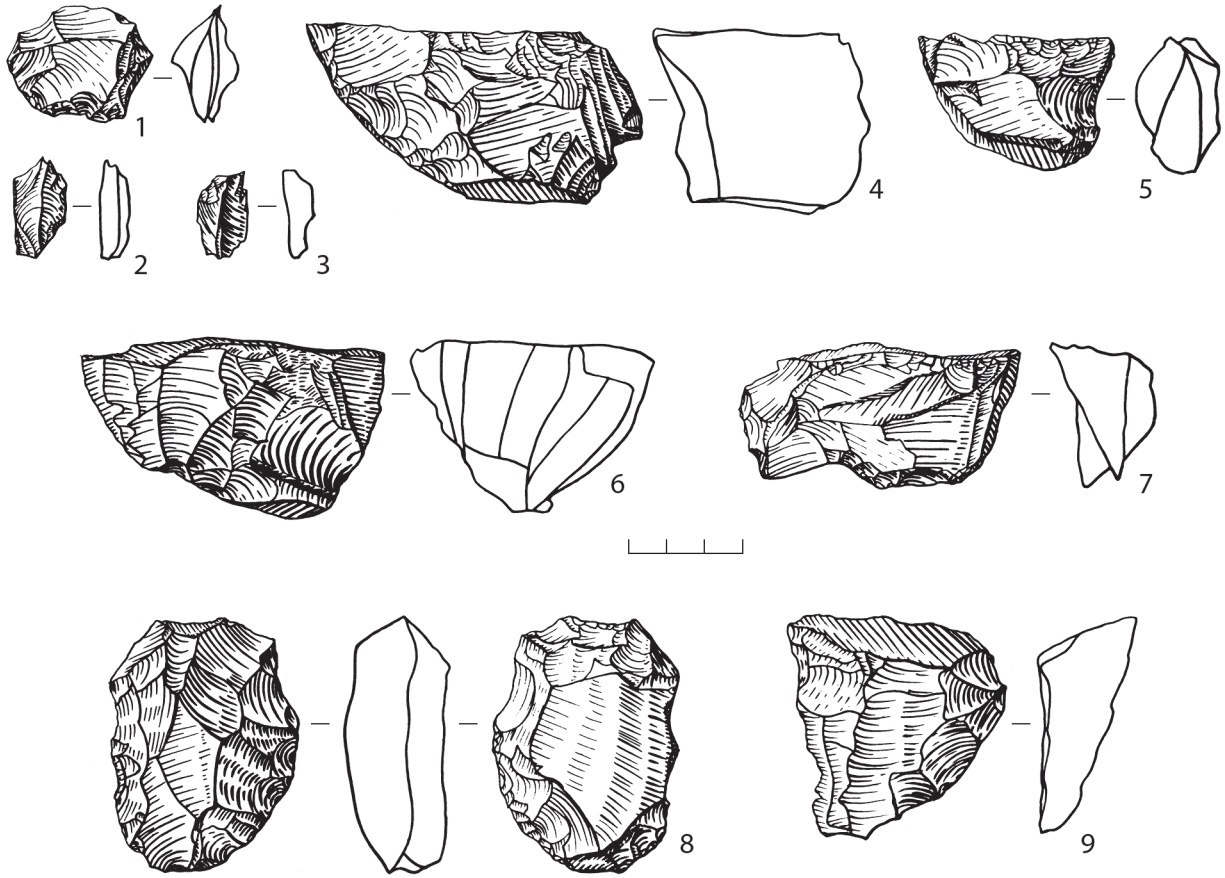


Рис. 71. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь из второго культурного слоя, 2-го горизонта: *1–9* — нуклеусы

— боковые (два экземпляра — рис. 72, *9*; 74, *18*);

— зубчатые (два экземпляра — рис. 72, *32*; 74, *16*);

— сегментовидный, обработанный по периметру (один экземпляр — рис. 72, *7*);

— угловые на отщепах (два экземпляра — рис. 72, *5, 6*) и скребок угловой, на пластине (один экземпляр — рис. 74, *22*);

— боковой на поперечном сколе (один экземпляр — рис. 73, *11*);

— концевой (один экземпляр — рис. 74, *7*);

— поперечный (один экземпляр — рис. 74, *11*);

— боковой с ретушью с поперечного края (один экземпляр — рис. 73, *3*);

— двойной (один экземпляр — рис. 72, *4*);

— с противолежащей ретушью вдоль продольных краев (один экземпляр — рис. 72, *16*);

— боковой с выемкой в основании (один экземпляр — рис. 72, *15*);

— боковой сегментовидный (один экземпляр — рис. 72, *10*);

— веерообразный (один экземпляр — рис. 72, *1*);

— с прямым продольным краем и ретушью с обоих краев, по одному краю на брюшке (один экземпляр — рис. 72, *27*);

— боковой на отщепе (один экземпляр — рис. 72, *2*);

— скребок с ретушью на брюшке (один экземпляр — рис. 72, *24*).

Скребла представлены 17 экземплярами, семь из которых — из первого горизонта второго слоя, девять — из второго горизонта второго слоя, одно — из третьего горизонта второго слоя. Скребла сделаны, как правило, на удлиненных или пластинчатых отщепах из черного и красного кремня или кварцита. Среди них семь продольных скребел (рис. 75, *4, 6*; 76, *1–5*), три — продольновыпуклых (рис. 75, *7*; 76, *6, 7*), три — поперечных с прямым рабочим краем (рис. 77, *3, 10*), два — поперечновыпуклых (рис. 77, *1, 8*) (одно из которых имеет скошенный рабочий край). Наконец, можно отметить два скребла: поперечное, прямое на сколе оживления (рис. 77, *5*) и крупнозубчатое поперечное (рис. 77, *11*).

Вкладыши (14 экземпляров) изготовлялись на пластинчатых отщепах длиной от 2,5 до 3,5–4 см и шириной 1–1,3 см. Исключение составляет один микровкладыш размером 1,8 × 0,4 см (рис. 78, *1*). Все вкладыши обработаны с двух сторон мелкой отжимной ретушью. Их можно разделить на три типа: концевые,

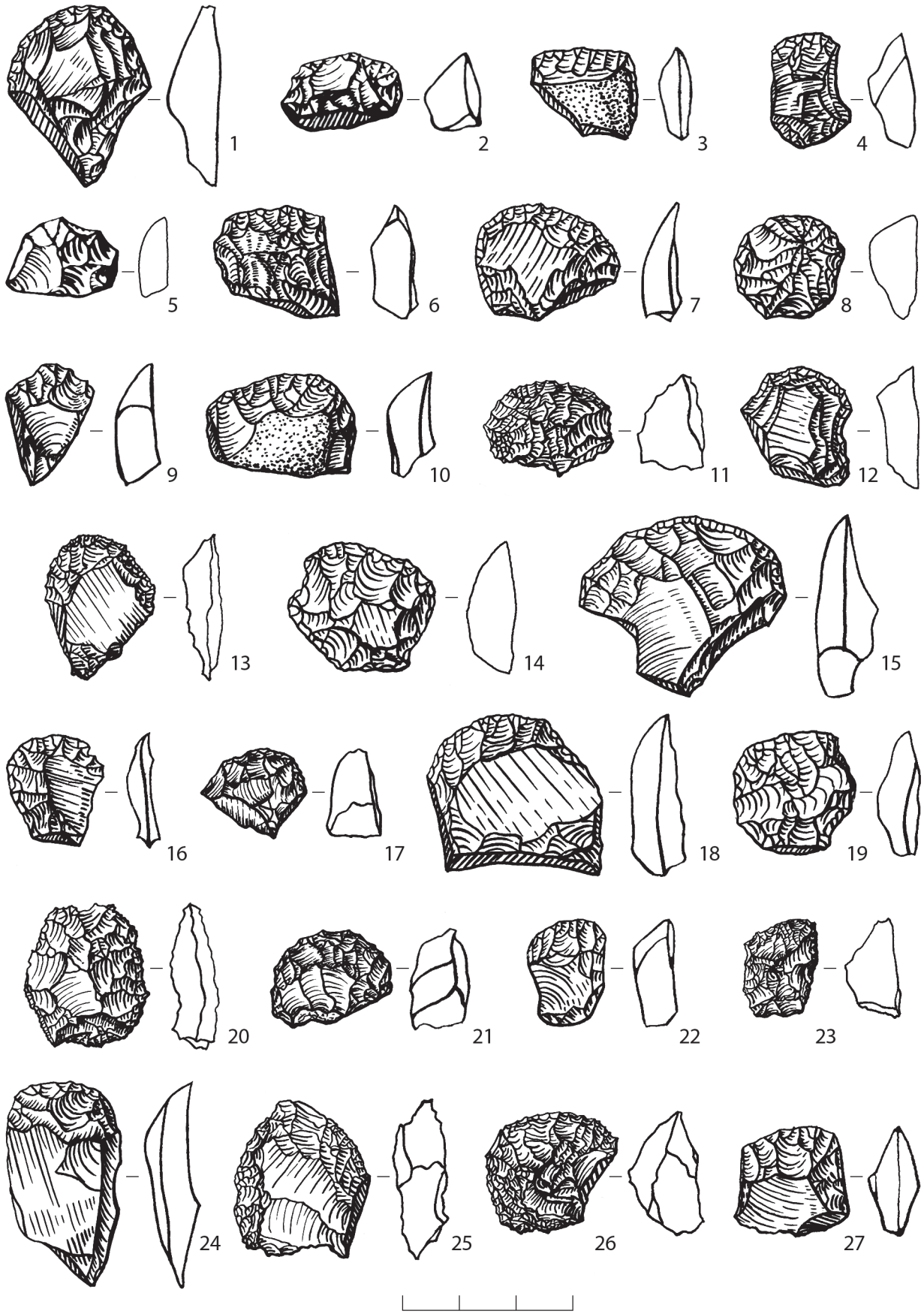


Рис. 72. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь из второго культурного слоя, 2-го горизонта: *1–27* — скребки

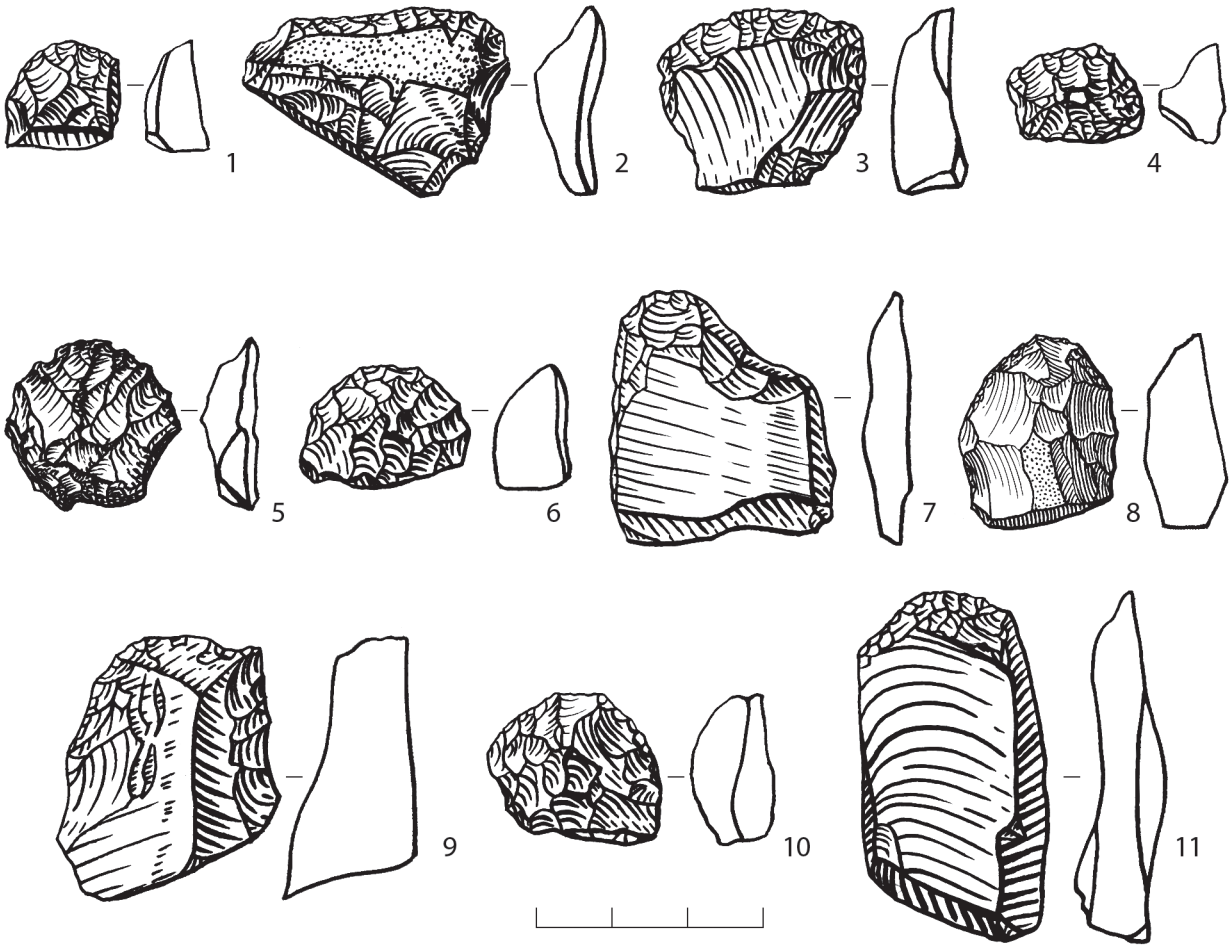


Рис. 73. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь из второго культурного слоя, 2-го горизонта: *1–11* — скребки

прямоугольные с параллельными продольными краями и трапециевидные. Среди них выделяется крупный трапециевидный вкладыш из белого кварцита (рис. 78, *12*). Длина его основания — 4 и 3 см, высота — 2,3 см. Другой подобный вкладыш имел длину основания 3,5 и 3 см со сторонами 2 и 1,5 см (рис. 78, *9*). Вероятно, вкладыши использовались для наборных режущих лезвий ножей, наконечников стрел и дротиков или копий.

Наконечники стрел и их обломки — всего 21 экземпляр (пять — в первом, 14 — во втором и два — в третьем горизонте второго культурного слоя) — изготовлены из мелких кремневых и кварцитовых отщепов. Размеры наконечников варьируют от 2,3–2,5 × 1,3–1,4 см до 1,7 × 1,3 см. Все наконечники имеют выемку в основании глубиной от 0,1–0,2 см до 0,5 см. Форма наконечников треугольная симметричная (рис. 79, *3, 14*), треугольная асимметричная (рис. 79, *1, 4, 9, 6*), вытянутых пропорций, приближающаяся к миндалевидной (рис. 79, *8, 10*). Часть наконечников не имеет выемки в основании, но это, очевидно, незаконченные заготовки.

Помимо мелких наконечников стрел с выемчатой базой имеются обломки более крупных сломанных наконечников (три экземпляра) с округлым основанием (рис. 79, *17–19*) и верхняя часть острия крупного наконечника (рис. 79, *16*).

Долотовидные орудия — 12 целых экземпляров и обломок с изогнутым лезвием шириной 3,5 см (рис. 80; 81) По три целых экземпляра происходят из первого и второго горизонтов второго культурного слоя. Три орудия сделаны из кварцита, обломок — из черного кремня, два орудия из серого кремня с прожилками и одно — из красного кремня. Одно из кварцитовых орудий на прямоугольном отщепе из первого горизонта второго культурного слоя с двумя поперечными рабочими краями имеет бифасиальную подтеску (рис. 82, *5*). Два орудия из второго горизонта на отщепах неправильных очертаний имеют по два противолежащих лезвия со следами сработанности (рис. 82, *9*). Миниатюрные

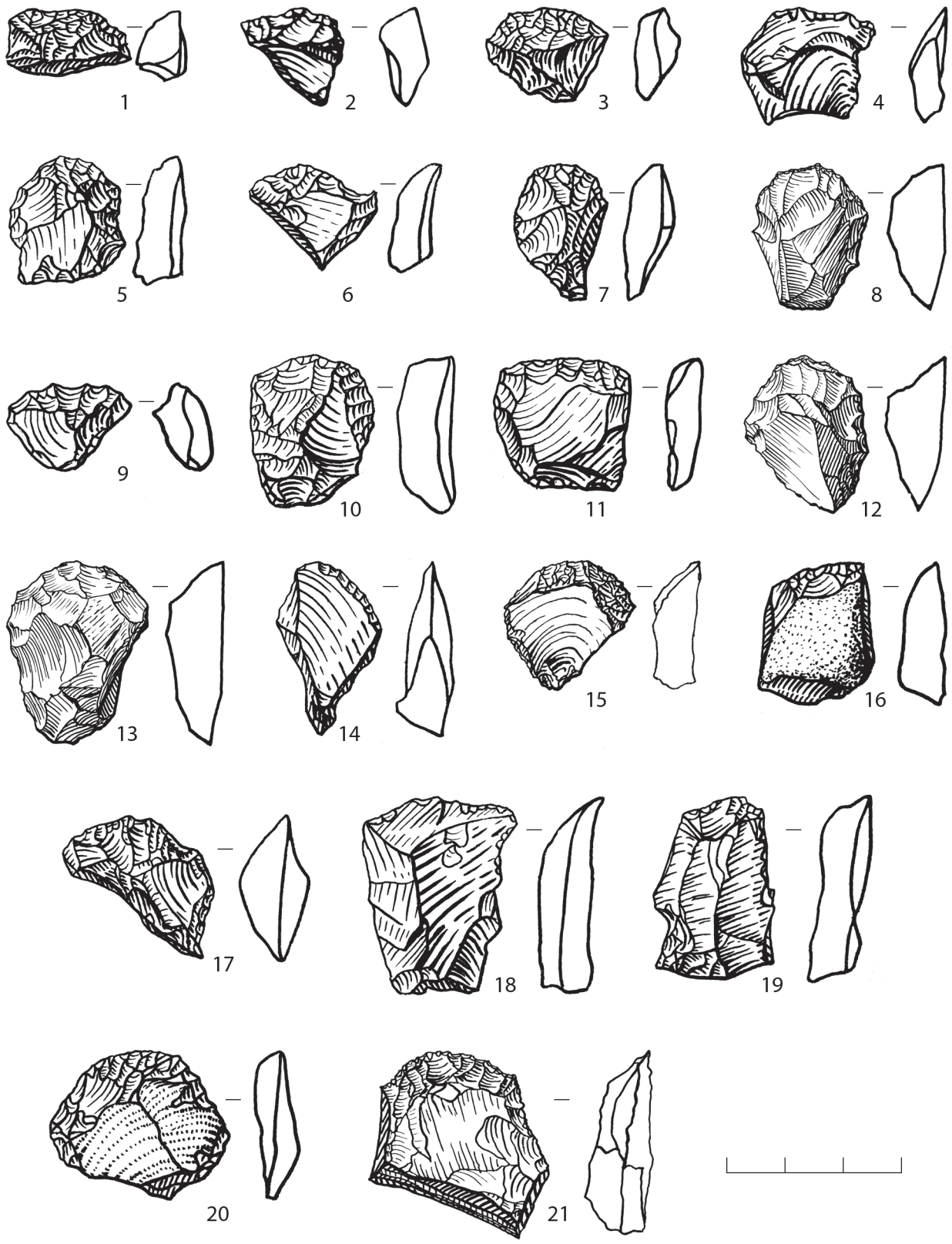


Рис. 74. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь из второго культурного слоя, 2-го горизонта: *1–21* — скребки

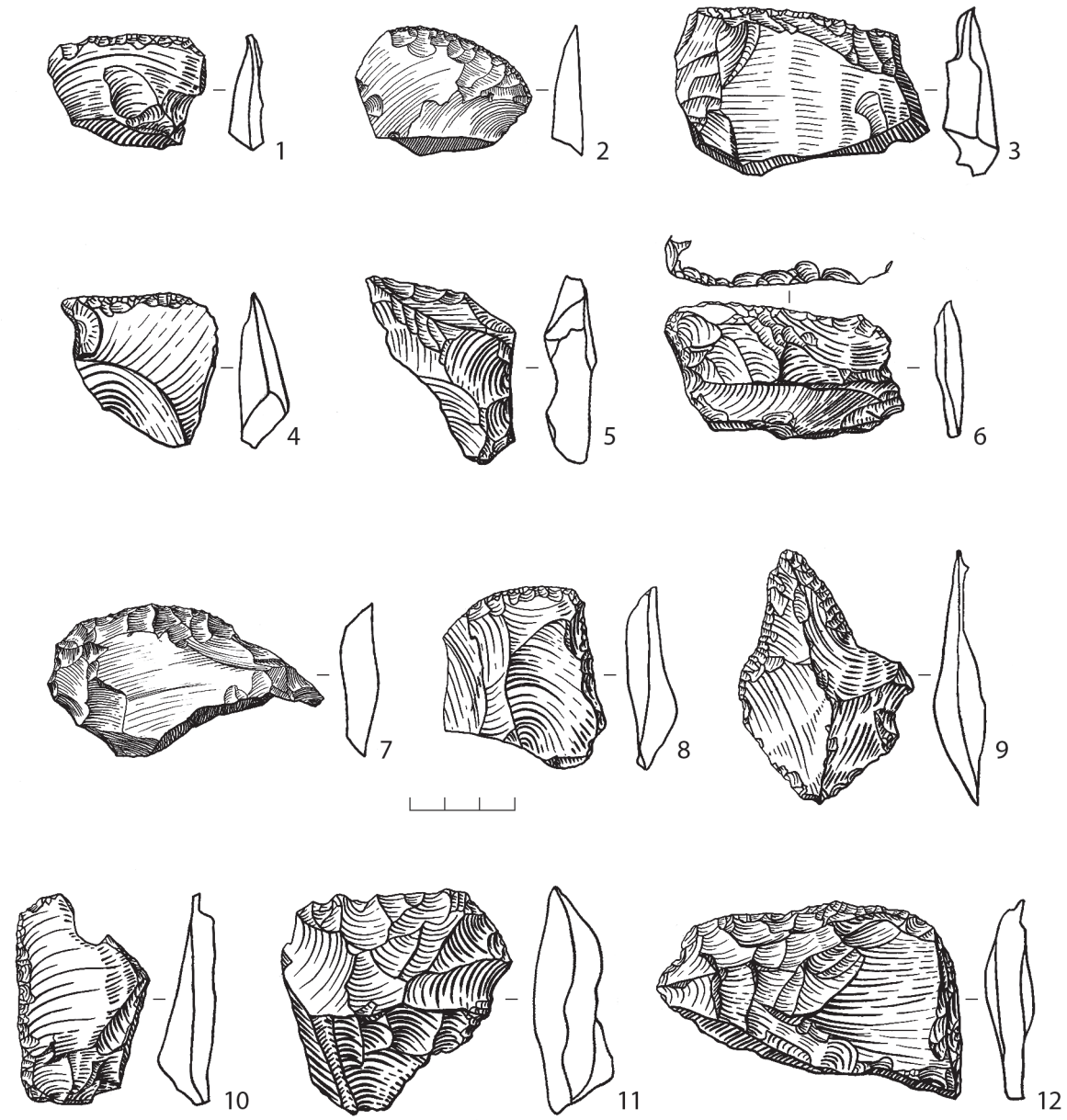


Рис. 75. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь. Скребла из второго культурного слоя, 2-го горизонта:
1, 8 — поперечновыпуклые; *2* — веерообразное; *3, 10* — поперечные с прямым рабочим краем; *4, 6* — продольные; *5* — поперечновыпуклое на сколе оживления; *7* — продольновыпуклое; *11* — крупнозубчатое, поперечное

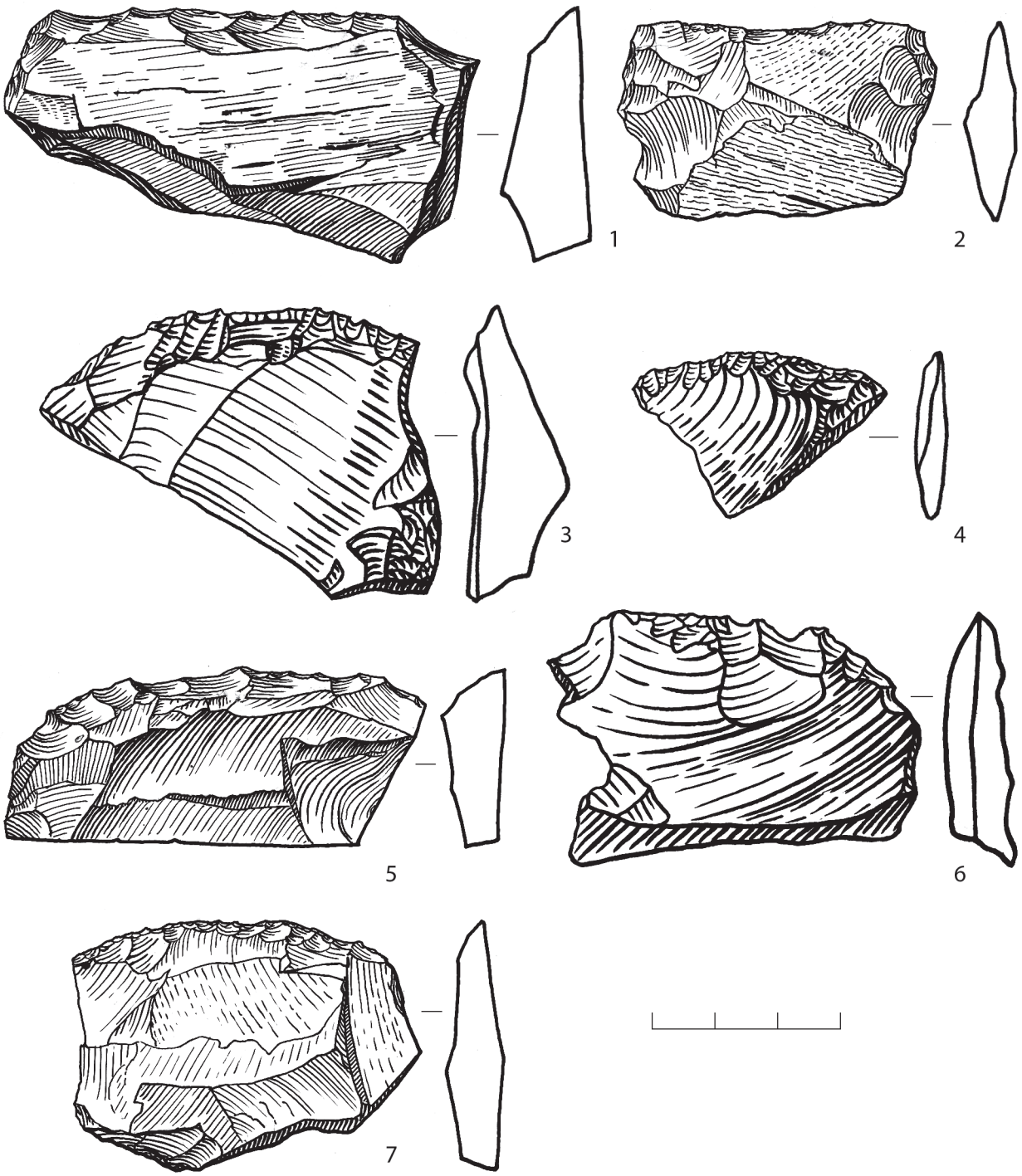


Рис. 76. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь. Скребла из второго культурного слоя, 1-го горизонта:
1–5 — продольные; *6, 7* — продольновыпуклые

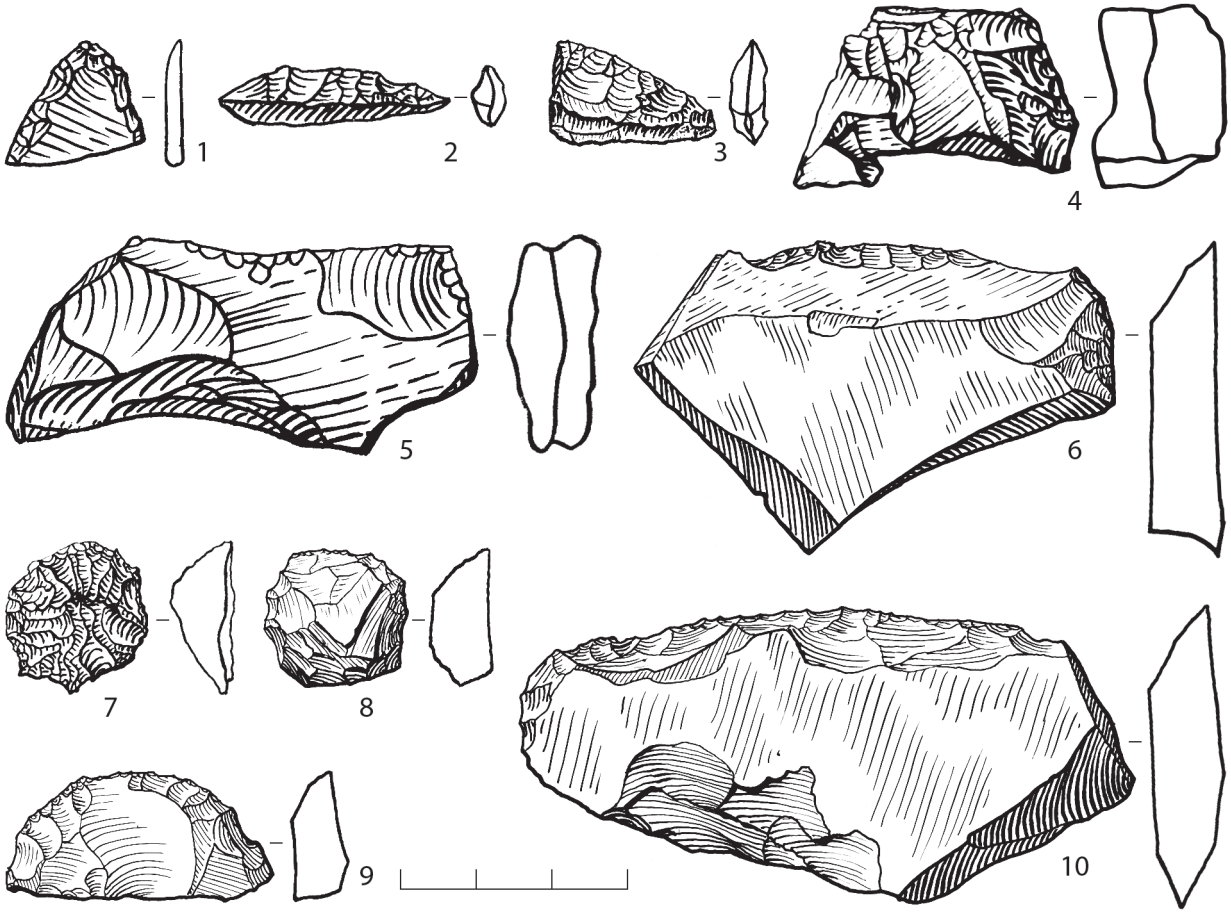


Рис. 77. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь из второго культурного слоя: *1* — 2-й горизонт 2; *2–4, 6–10* — 3-й горизонт; *5* — 1-й горизонт (*1, 2* — обломки орудий; *3* — вкладыш; *4* — нуклеус; *5, 6, 10* — скребла; *7–9* — скребки)

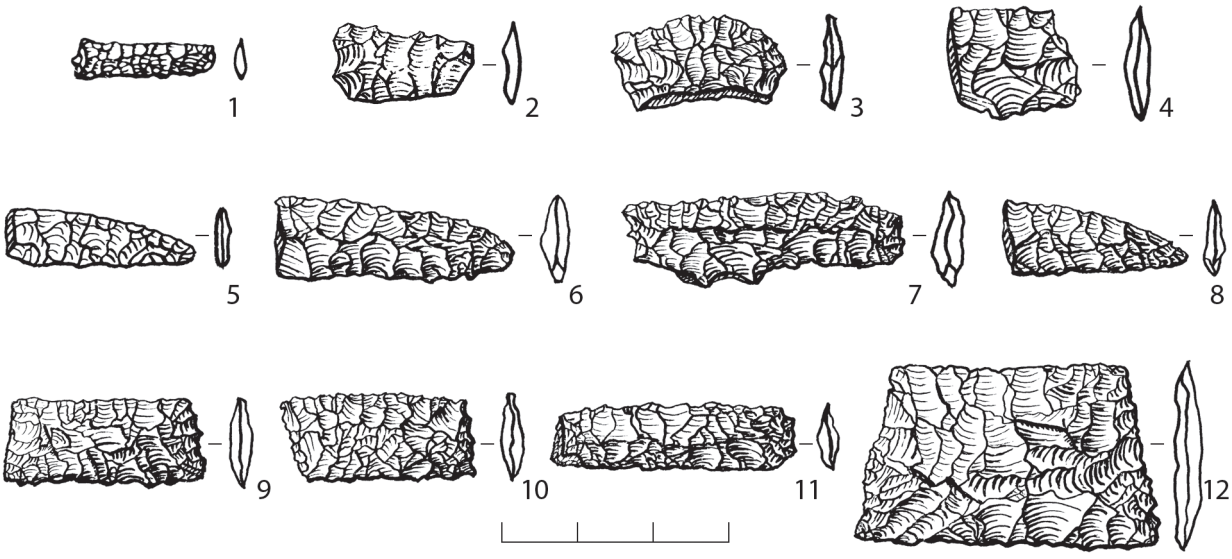


Рис. 78. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь из второго культурного слоя, 2-го горизонта: *1–12* — вкладыши

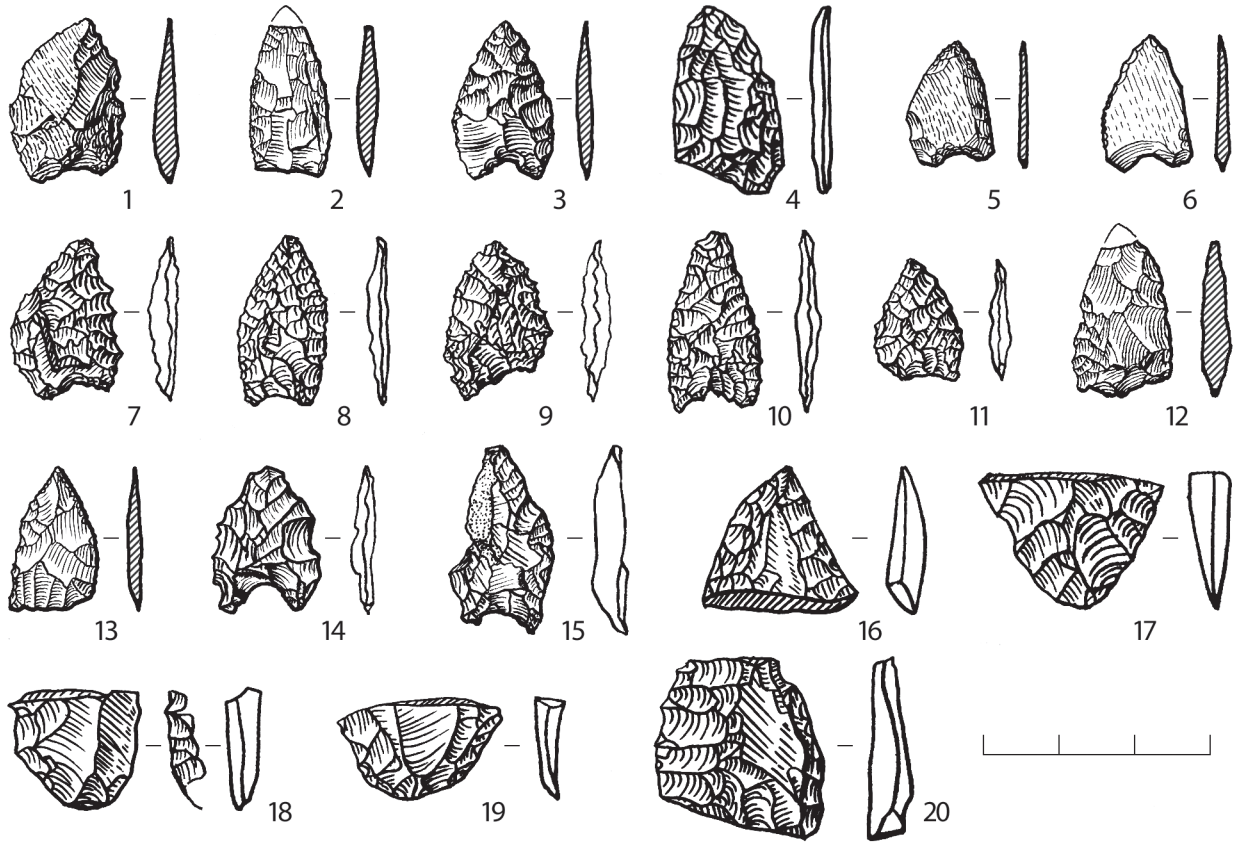


Рис. 79. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь. Наконечники стрел из второго культурного слоя:
1–4 — 1-й горизонт; *5–12, 17–20* — 2-й горизонт; *13, 14* — 3-й горизонт

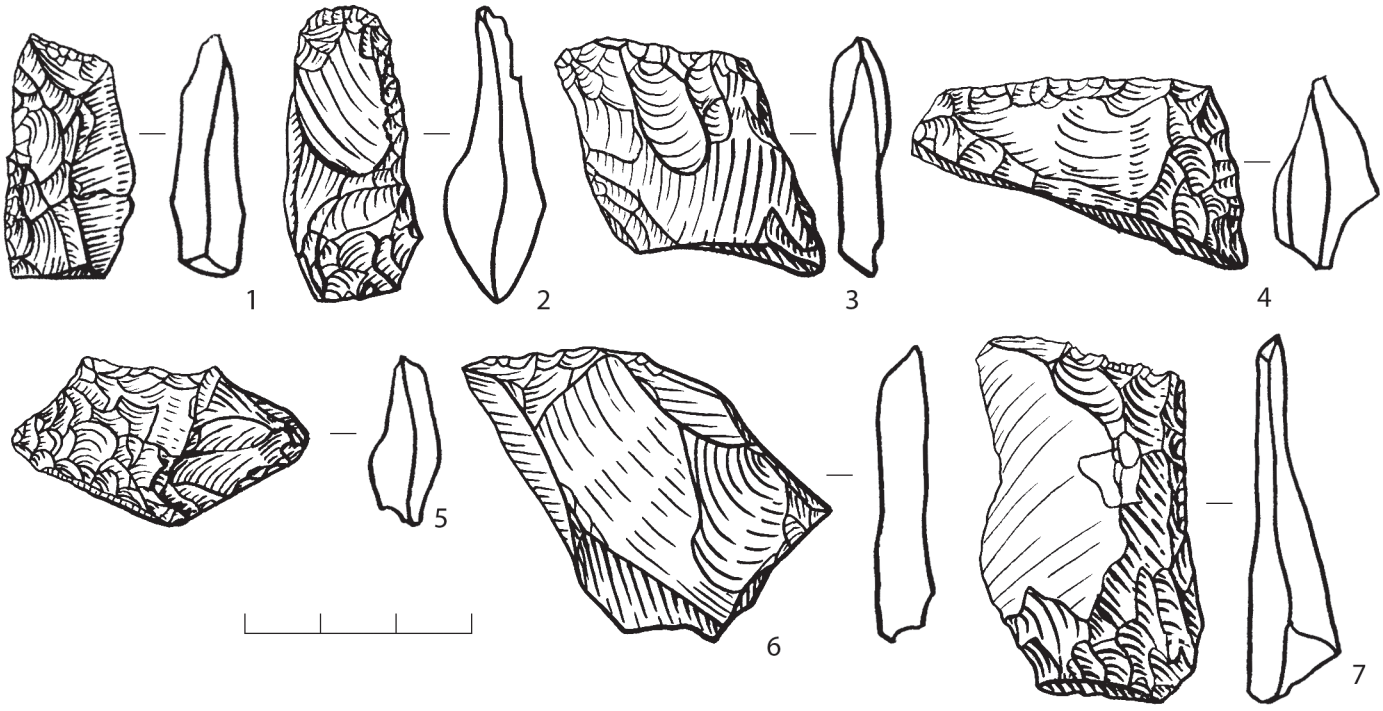


Рис. 80. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь. Долотоловидные орудия из второго культурного слоя:
1, 3–7 — 2-й горизонт; *2* — 1-й горизонт

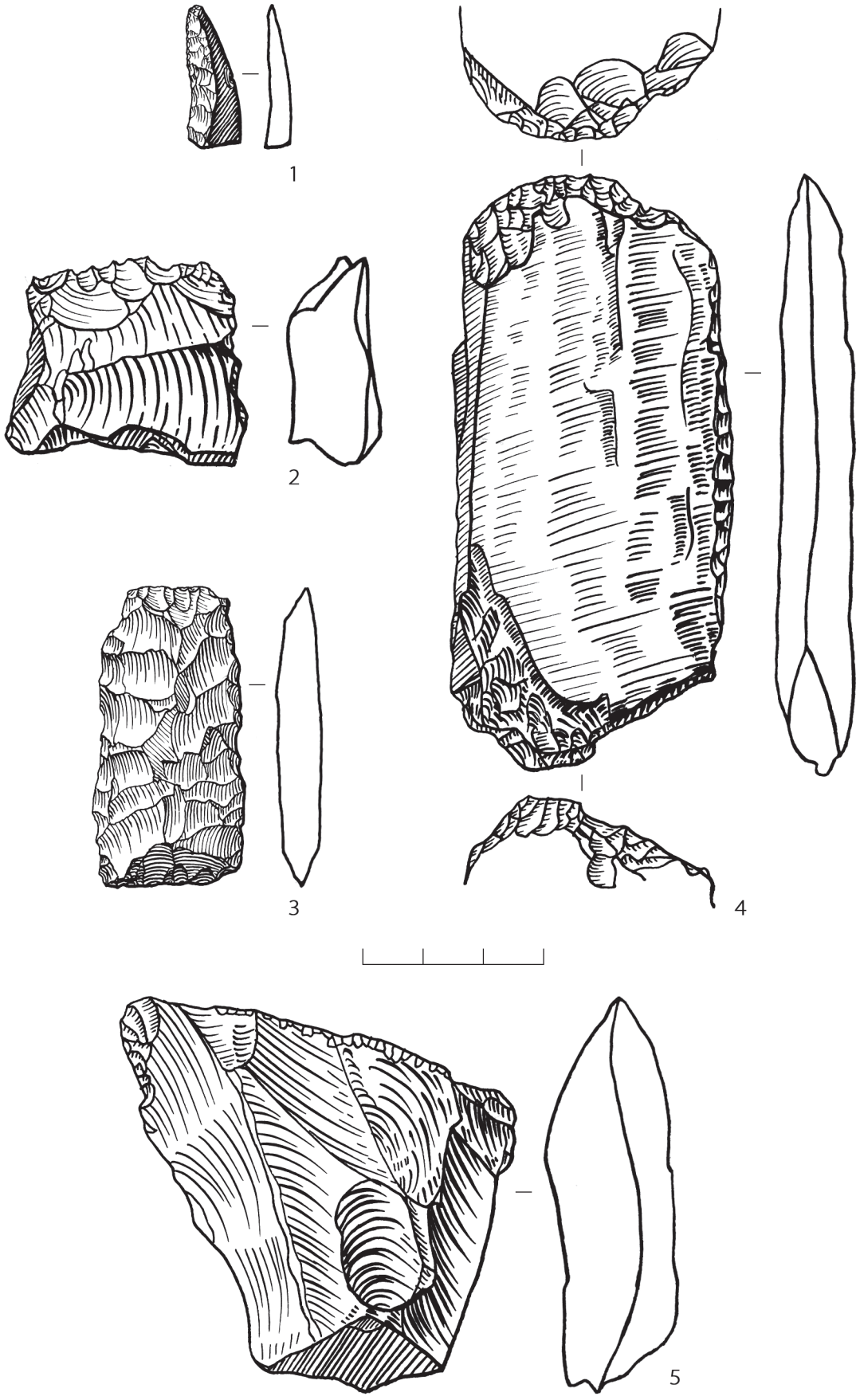


Рис. 81. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь: *1–5* — орудия из второго культурного слоя, 2-й горизонт

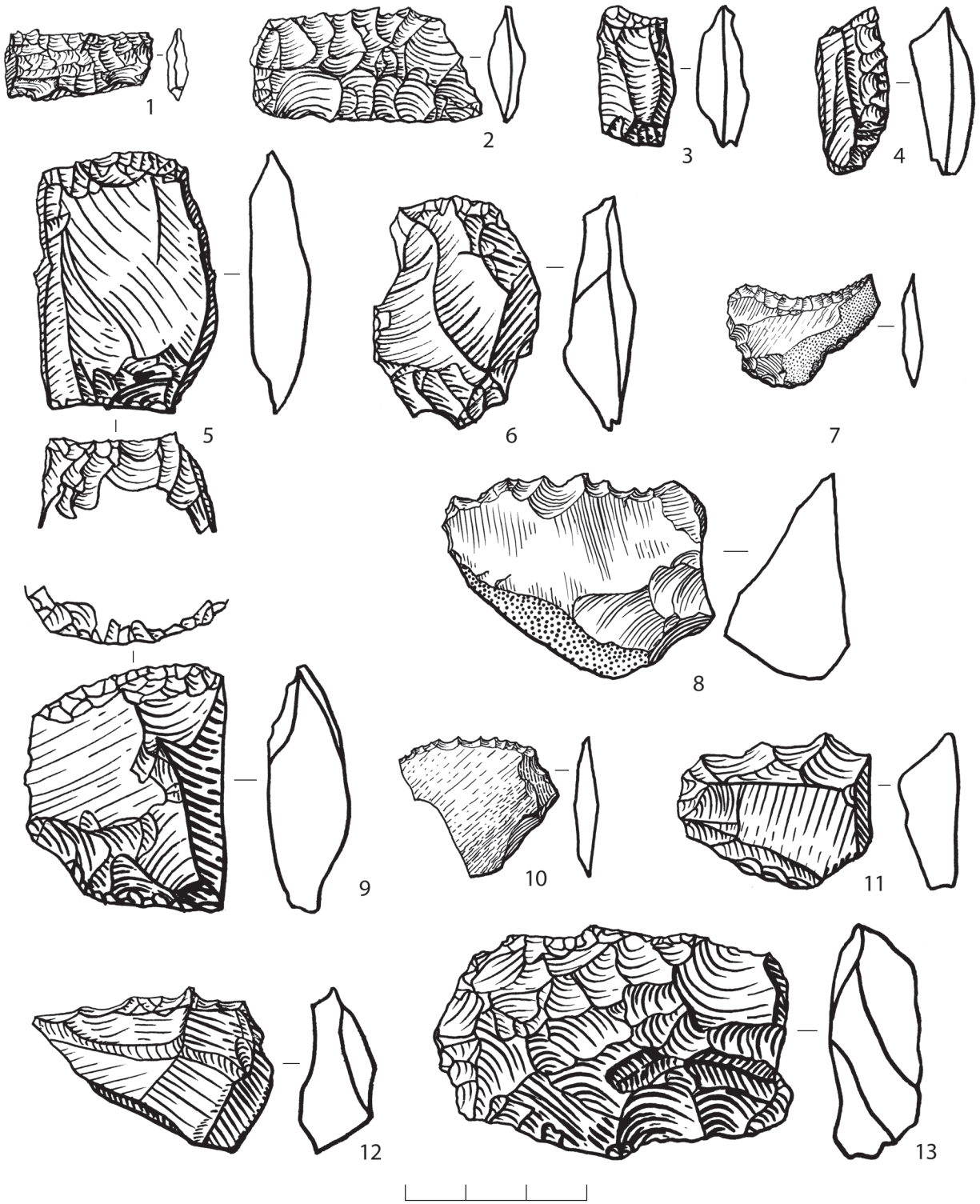


Рис. 82. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь. Орудия из второго культурного слоя, 1-й горизонт:
1, 2 — вкладыши; *3, 4* — миниатюрные долотовидные орудия; *5* — кварцитовое орудие на прямоугольном отщепе с бифасиальной подтеской на поперечном крае; *6, 9* — долотовидные орудия; *7* — орудие с боковой выемкой, обработанной мелкой ретушью со спинки; *8* — зубчатое орудие с рабочим краем, выполненным со стороны брюшка; *10–13* — зубчатые орудия

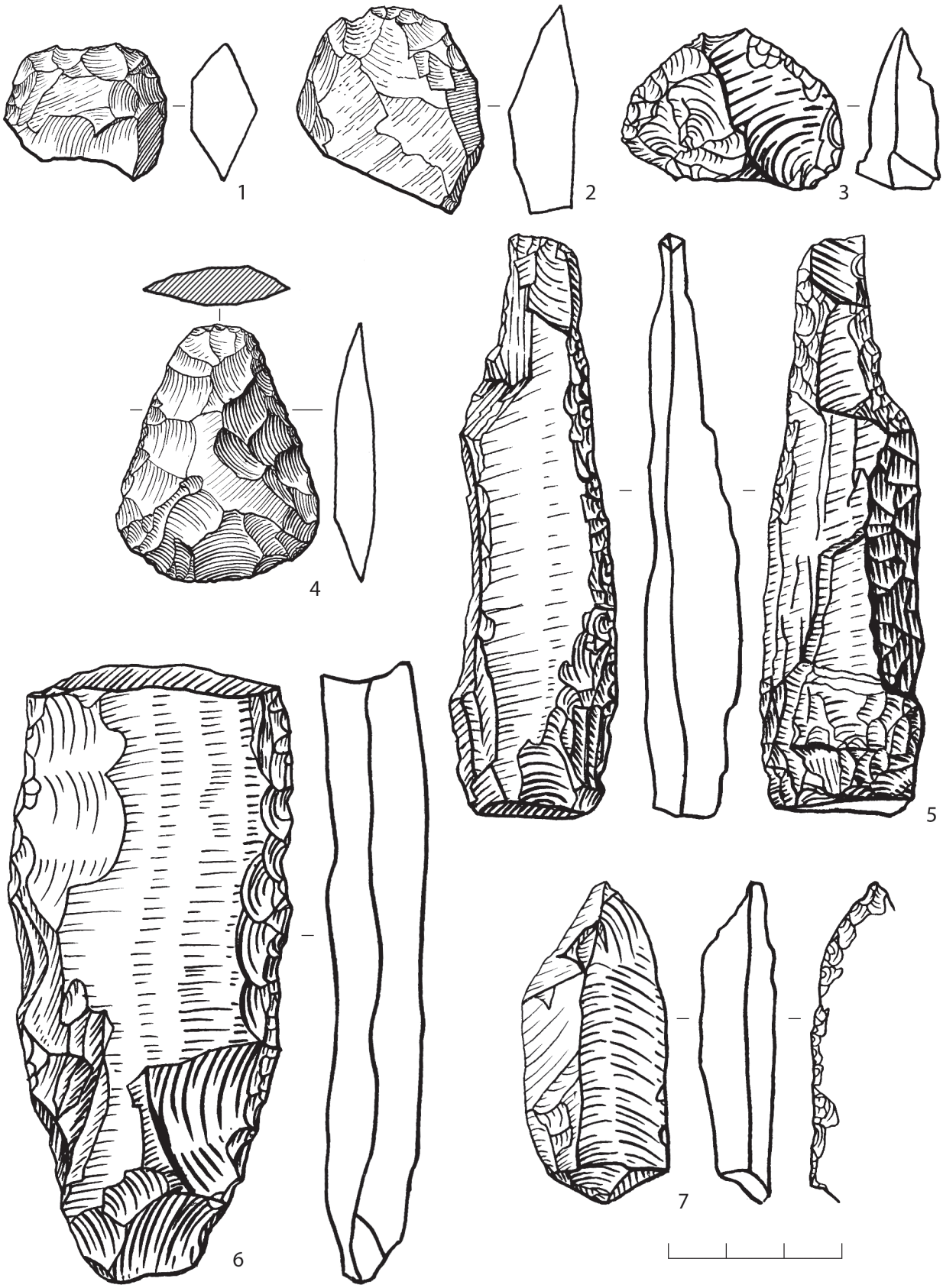


Рис. 83. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь. Орудия из второго культурного слоя, 3-й горизонт: *1–3* — бифасиальные орудия грубой обивки; *4* — топорик или тесло, бифасиально обработанный; *5* — лезвие на продольном крае, оформленное ретушью с брюшка; *6* — рубящее орудие; *7* — нож на отщепе черного кремня

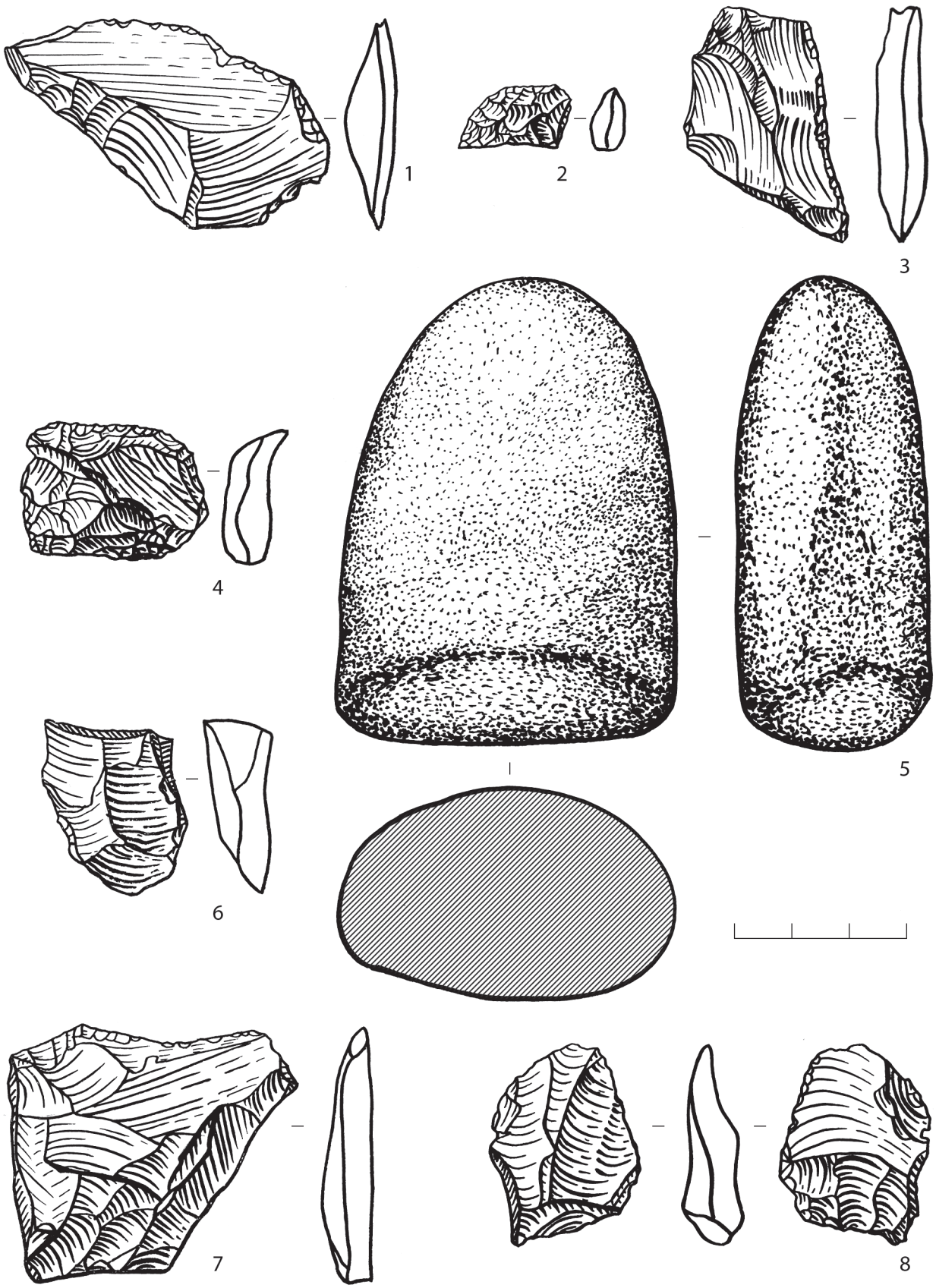


Рис. 84. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь. Орудия из второго культурного слоя, 2-й горизонт:
1, 3, 6–8 — отщепы с ретушью утилизации; *4* — бифасиальное орудие; *5* — пест

долотовидные орудия из кремня происходят из первого горизонта (рис. 82, *2*). Узкие их лезвия образованы на поперечном крае пластинчатых отщепов. Другое орудие из второго горизонта со скошенным узким рабочим краем также сделано на отщепе (рис. 80, *3*), обушок его сломан. В третьем горизонте второго культурного слоя долотовидных орудий не найдено.

Зубчатых орудий всего пять (рис. 82, *8, 10–13*), четыре из них были обнаружены в первом горизонте и одно — во втором горизонте второго культурного слоя. Все орудия изготовлялись на средних по величине отщепах. Одно из них — поперечное, имеет рабочий край, выполненный со стороны брюшка (рис. 82, *8*), другое — сравнительно небольших размеров, из красного кремня, отличается тщательной отделкой мелких зубчиков вдоль рабочего края (рис. 80, *7*).

Всего одно *выемчатое орудие* происходит из второго горизонта второго культурного слоя. Оно сделано на массивном треугольном отщепе черного кремня. Наибольшая выемка оформлена мелкой ретушью с брюшка на продольной длинной грани отщепа (рис. 81, *5*).

Ножи — два экземпляра, из третьего горизонта второго культурного слоя. Один на отщепе из черного кремня длиной 5,3 см и шириной 2,4 см (рис. 83, *7*). Лезвие оформлено приостряющей ретушью с брюшка. Другой нож изготовлен на пластинчатом отщепе со снятым ударным бугорком. Лезвие на продольном крае оформлено ретушью с брюшка (рис. 83, *5*).

Бифасиально обработанных орудий — четыре. Одно из них тщательно обработано с двух сторон и имеет приостренные продольные края (рис. 83, *6*). Длина орудия — 10,4 см, ширина — 4,5 см. Возможно, это заготовка для наконечника стрелы. Остальные бифасы представлены обломками грубо оббитых орудий (рис. 83, *1–3*).

В третьем горизонте найден фасетированный *топорик или тесло*. Его длина 5 см, ширина 2,5 см (рис. 83, *4*).

Из других орудий следует отметить *орудие треугольной формы* с ретушью по периметру (рис. 77, *1*) из первого горизонта второго культурного слоя, *острие или проколку* из кремня из второго горизонта (рис. 81, *1*), *орудие с боковой выемкой*, обработанной мелкой ретушью со спинки, из первого горизонта (рис. 82, *7*), обломок кварцита с подтеской (рис. 81, *4*), обломки орудий неясного назначения — семь экземпляров (рис. 79, *3*), два сланцевых острия на треугольных пластинках из первого горизонта (рис. 85, *1, 2*). Кроме того в этом же слое встречены отщепы с ретушью (рис. 84, *1*) и отщепы с ретушью утилизации.

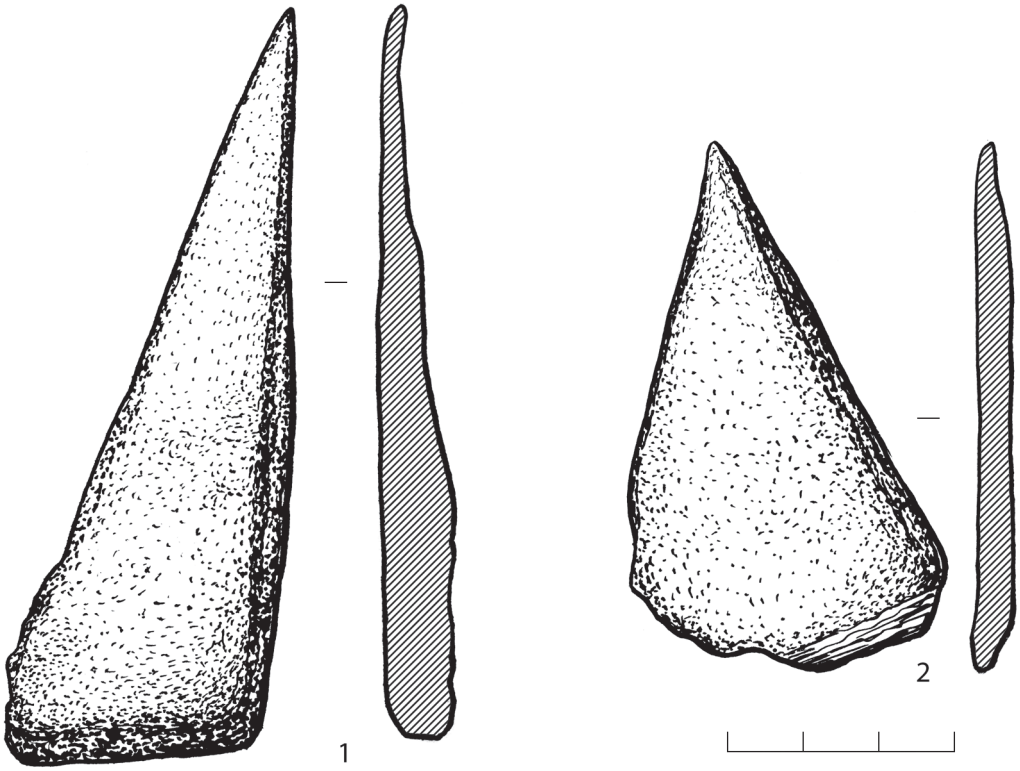


Рис. 85. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь. Сланцевые орудия из второго культурного слоя, 2-го горизонта

Орудия из кости и рога из второго культурного слоя

Во втором культурном слое обнаружено роговое тесло длиной 8 см. Ширина рабочей части 2,2 см, ширина обушка 3 см. Поверхность тесла заполирована, что может свидетельствовать о его использовании в качестве лощила, но следы забитости на обушке и приостренный противоположный рабочий край позволяют рассматривать это орудие как тесло или долото (рис. 86, *4*). Другое костяное орудие, 7,4 см длиной, неясного назначения, из второго слоя имеет овальное сечение. Один его конец круглый, с небольшой выемкой в основании, другой — уплощенный с такой же выемкой. Поверхность всего орудия заполирована (рис. 86, *5*).

Украшения из второго культурного слоя

К украшениям относятся три подвески из атрофированных клыков марала из второго горизонта второго культурного слоя (рис. 86, *1–3*). Подвески имеют отверстия в верхней корневой части клыка. Подобные подвески широко распространены на территории Сибири и встречаются в различных культурах вплоть до скифского времени.

В этом же слое в первом горизонте найдена сломанная пластинка из окаменевшего дерева. Длина уцелевшей части пластинки 8 см, ширина 2,5 см. Сохранившийся конец слегка приострен и заполирован. На одной стороне этого орудия процарапан зигзагообразный орнамент (двойные треугольники), на другой — параллельные линии (рис. 51). На пластинке сохранились следы красной краски.

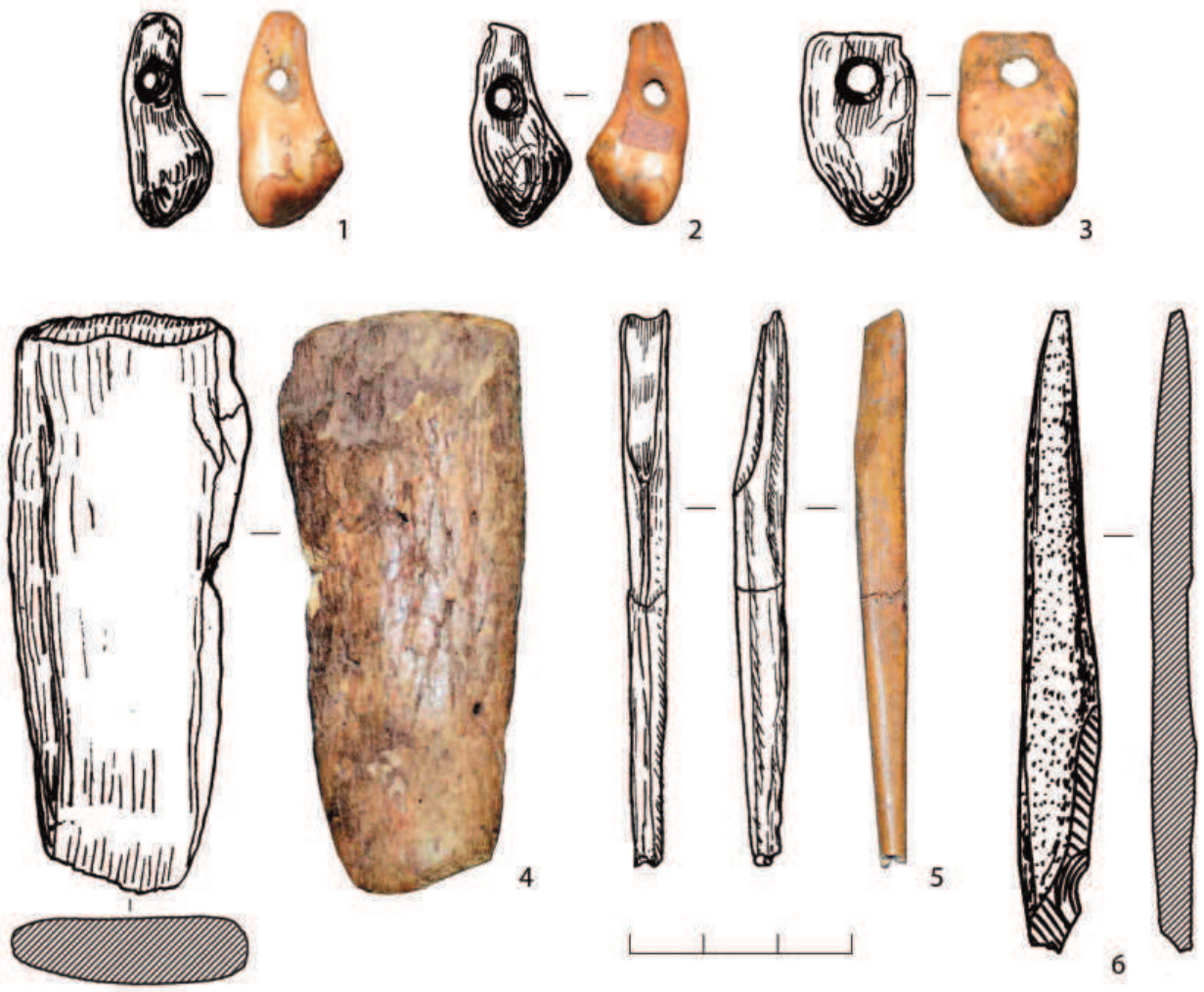


Рис. 86. Стоянка Тоора-Даш. Находки из второго культурного слоя: *1–3* — подвески из атрофированных клыков марала; *4* — роговое тесло; *5* — костяная проколка; *6* — каменная проколка

Керамика из второго культурного слоя

Во всех трех горизонтах второго культурного слоя была обнаружена керамика.

Из первого горизонта второго слоя происходит около 100 обломков от 10 разных сосудов. Наиболее интересен из них сосуд с орнаментом из близкопоставленной шагающей гребенки (рис. 87, *8, 10*; 88, *1*), имитирующей сетку-плетенку. Этот орнамент аналогичен узору на сосуде из второго горизонта (рис. 89).

Особо следует отметить наличие венчика от тонкостенного сосуда (толщина стенки не более 3 мм, тогда

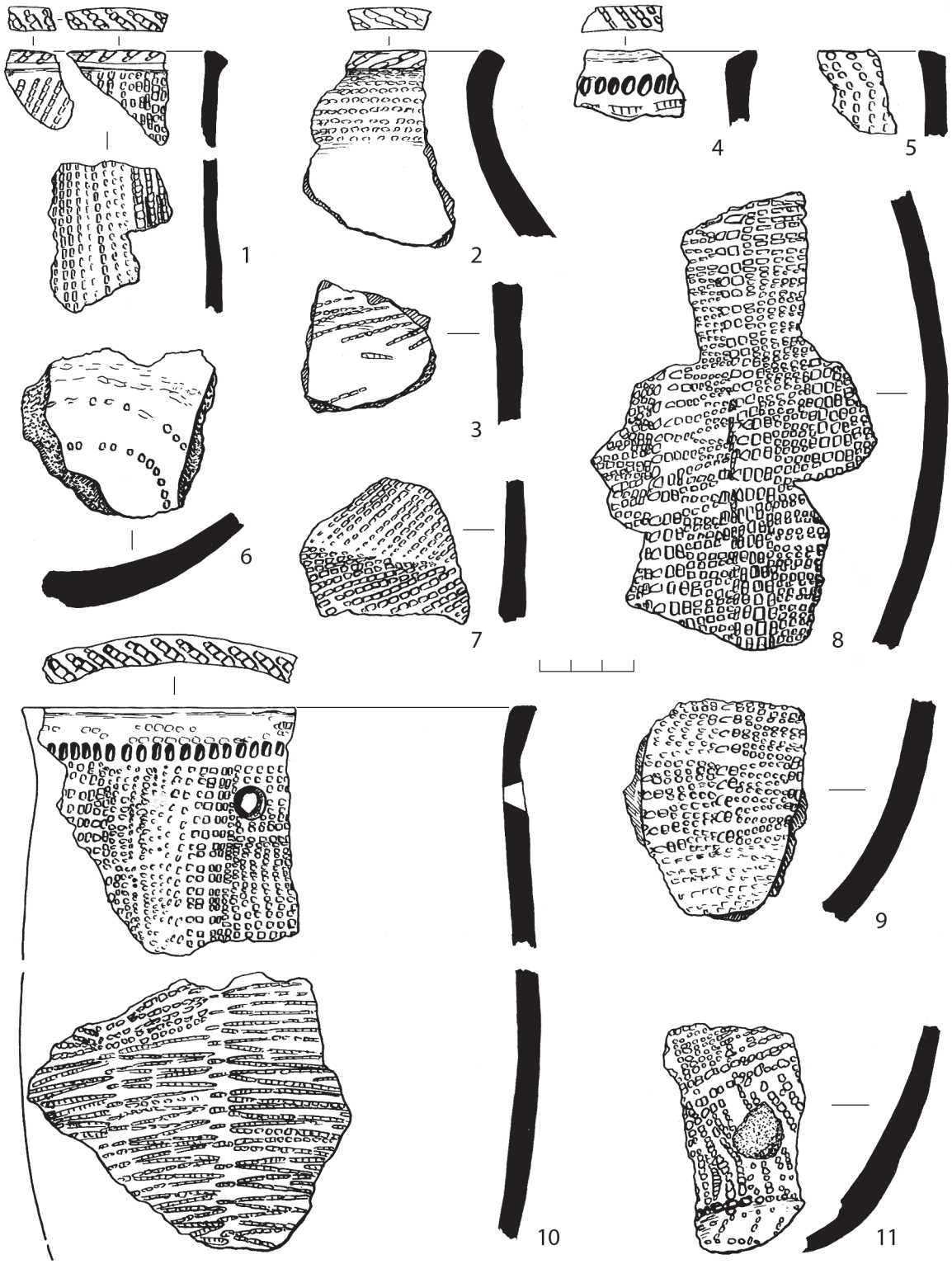


Рис. 87. Стоянка Тоора-Даш. Керамика из второго культурного слоя, 1-го горизонта

Рис. 88. Стоянка Тоора-Даш. Керамика из второго культурного слоя, 1-го горизонта

как обычно керамика и из второго слоя имеет толщину 0,7–1 см с уплощенным грибовидным венчиком и редкими оттисками гребенки (рис. 87, *1*). Здесь же найдено много разрозненных фрагментов стенок с гребенчатой орнаментацией и часть днища округлодонного сосуда (рис. 87, *7, 11*).

Керамика второго горизонта представлена фрагментами нескольких сосудов. Наиболее целый из них имеет диаметр по венчику 18 см (рис. 89). Толщина стенок 0,8 см, венчик слегка отогнут наружу, причем отогнутый край специально налеплен на первоначально приостренную глиняную ленту, что хорошо видно по спаю этого налепа с краем венчика. Однообразный орнамент из горизонтально поставленной шагающей гребенки сплошь покрывает все тулово сосуда, при этом достигается эффект текстильного орнамента. В этом же горизонте было еще несколько фрагментов от такого же сосуда, декорированного шагающей гребенкой (рис. 90, *2*). Около 100 обломков найдено от сосуда диаметром 22,5 см. Сохранность черепков плохая и подобрать полный профиль этого сосуда не удалось. Он весь покрыт бессистемными оттисками крупнозубчатого штампа, край венчика сильно отогнут и орнаментирован, по шейке имеются два ряда наколов острым концом орнаментира (рис. 90, *5*; 91). Этот сосуд наиболее сильно профилирован из всей керамики второго слоя. Он представляет собой некий переходный вариант к керамике третьего культурного слоя, о которой будет сказано ниже.

Из этого же горизонта происходит значительное число фрагментов от различных сосудов. Среди них

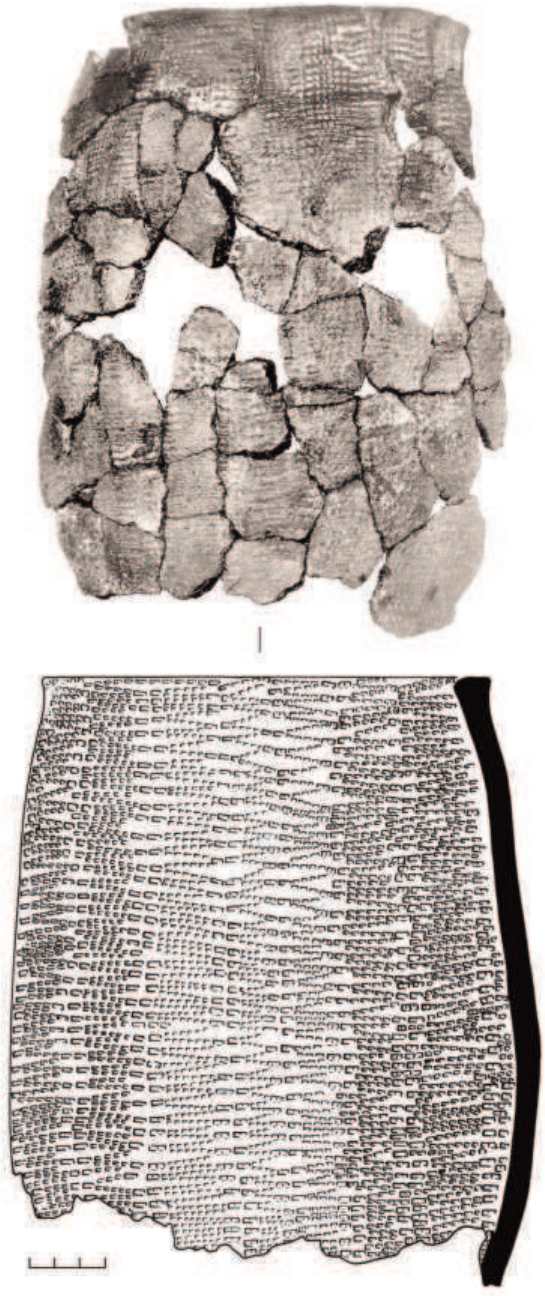


Рис. 89. Стоянка Тоора-Даш. Керамический сосуд из второго культурного слоя, 2-го горизонта

обломки стенок с елочным гребенчатым декором (рис. 90, *3, 6*). Фрагмент венчика с близкопоставленным штампом, образующим елочный орнамент, напоминает аналогичный сосуд из третьего горизонта (рис. 90, *3*). Найдены фрагменты сосудов с гребенчатой орнаментацией, сделанной чередующимися полосами отступающим штампом (рис. 90, *2*).

В третьем горизонте найдены фрагменты от пяти сосудов (рис. 92; 93), один из которых восстановлен почти полностью, отсутствует только дно (рис. 93, *1*). Диаметр этого сосуда 20 см, высота сохранившейся

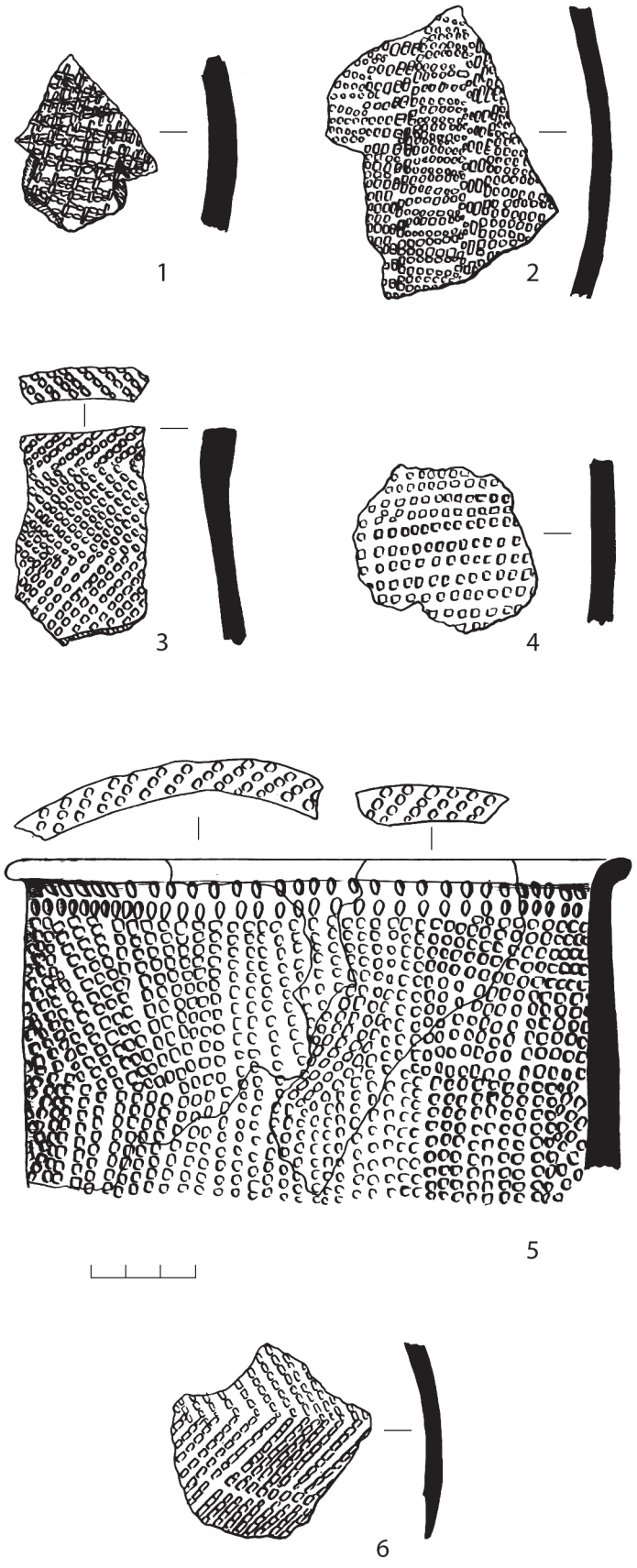


Рис. 90. Стоянка Тоора-Даш. Керамика из второго культурного слоя, 2-го горизонта

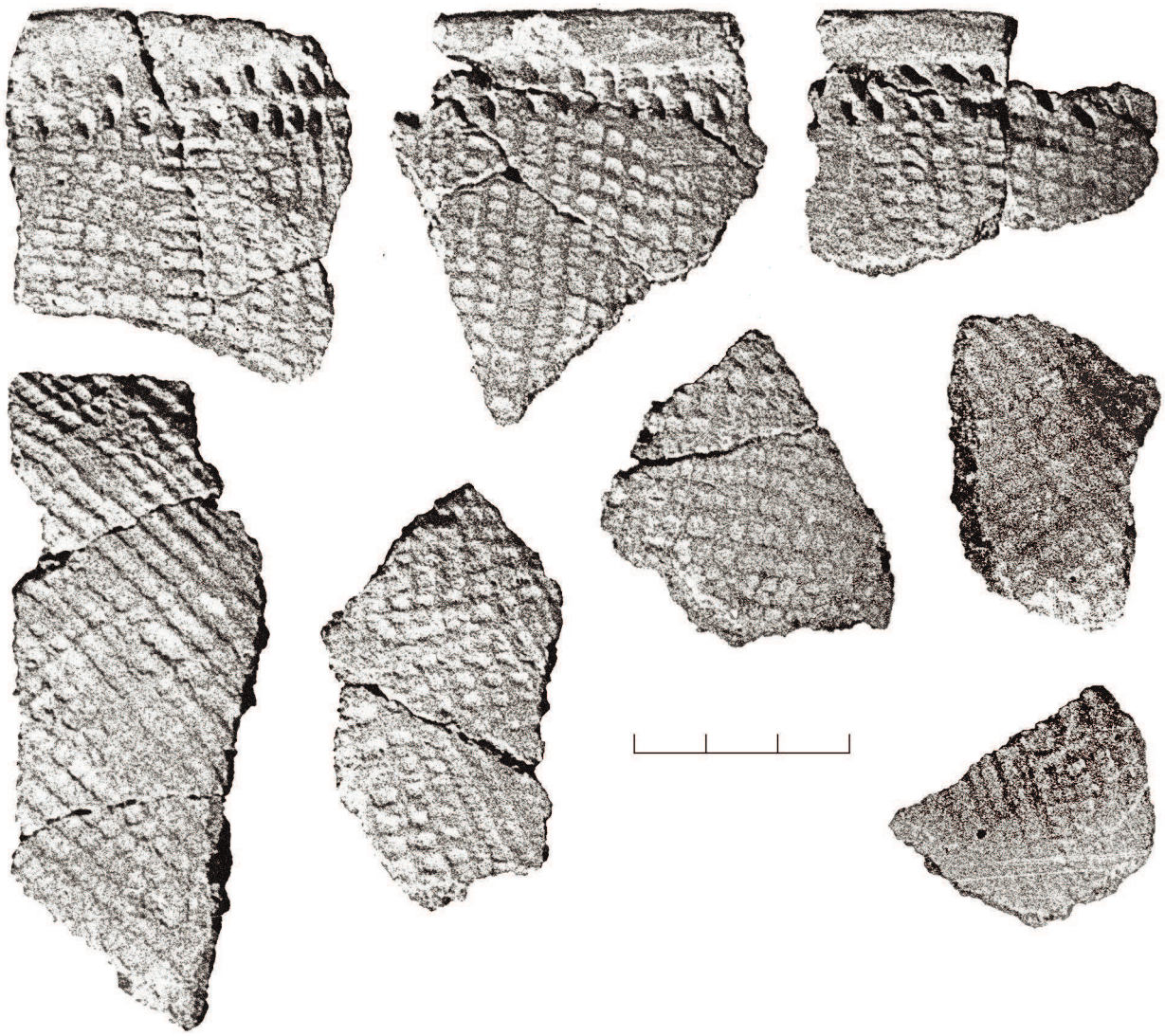


Рис. 91. Стоянка Тоора-Даш. Керамика из второго культурного слоя, 2-го горизонта. Фрагменты сосуда с сильно отогнутым венчиком

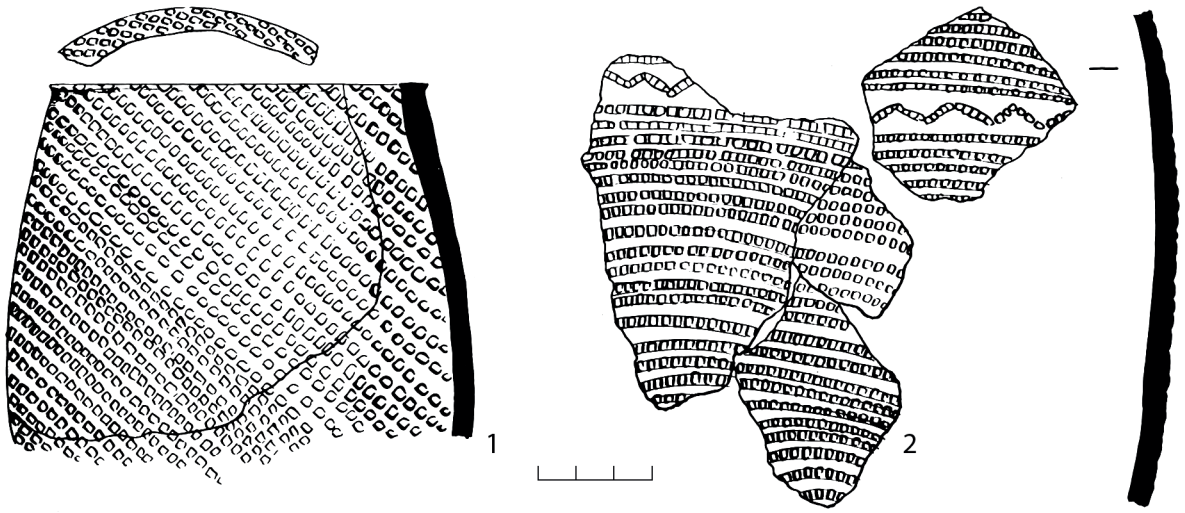


Рис. 92. Стоянка Тоора-Даш. Керамика из второго культурного слоя, 3-го горизонта

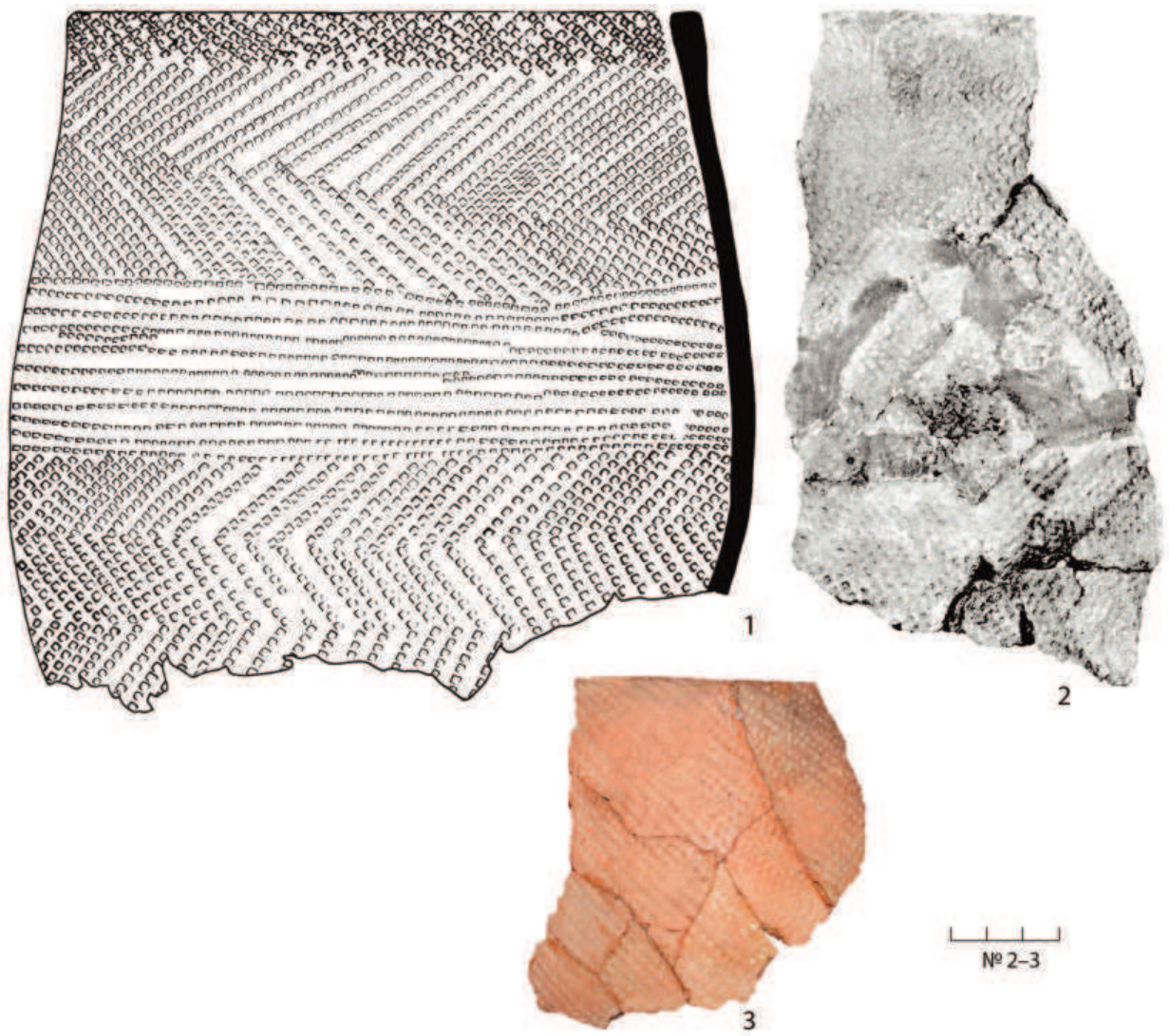


Рис. 93. Стоянка Тоора-Даш. Керамика из второго культурного слоя, 3-го горизонта

части 22 см, толщина стенок 0,8 см. Край венчика ровно срезан и орнаментирован. Верхняя часть венчика выделена с помощью небольшого утолщения и орнаментации пересекающимися оттисками штампа. Шейка, слегка намеченная в профилировке, покрыта елочным узором, затем плавно переходит в тулово. Условное плечико сосуда подчеркнуто пересекающимися оттисками штампа точно так же, как и венчик. Тулово тоже украшено гребенчатым орнаментом, образующим горизонтальные строчки. Придонная часть имеет вертикальный елочный узор. Таким образом, с помощью одного орнаментального приема создается сложный и богатый декор и одновременно подчеркивается зональность орнаментации, выделяются венчик, шейка, плечико, тулово и придонная часть сосуда. Такое разделение орнаментального поля на самостоятельные зоны получило более широкое развитие в последующей энеолитической культуре. На Тоора-Даше же такая зональность появилась еще в первом культурном слое.

Другие два сосуда из третьего горизонта орнаментированы более скромно. Один из них, диаметром 20 см, покрыт елочным узором, край венчика орнаментирован тем же штампом (рис. 93, *2*). Другой сосуд меньших размеров (его диаметр всего 10,5 см) украшен оттисками длинного гребенчатого штампа, поставленного по диагонали относительно орнаментального поля сосуда. Край венчика этого сосуда также декорирован (рис. 92, *1, 2*). Здесь же найдено довольно много фрагментов с елочным орнаментом.

5.3. Третий культурный слой

Третий культурный слой вскрыт на площади 540 кв. м. Он отделен от второго слоем серого мелкого песка мощностью около 0,15 м. Культурные остатки приурочены к границе темно-коричневого и светло-коричневого песка. Распределение их по слою было крайне неравномерным. В раскопе 1978 г. культурных остатков было немного. Так, в кв. 3-О-П найдено несколько фрагментов керамики, покрытых оттисками зубчатого штампа (керамика серого цвета, довольно плотная), кости животных и мелкие отщепы. В кв. 8-9-Н-П зафиксирована выкладка из плоских плит неопределенного назначения (рис. 94; 95). В кв. 2-П прослежены остатки костра с мелкими костями в прокаленной почве. Такие же незначительные остатки кострища обнаружены и в кв. Н-О-10, причем никаких артефактов, кроме обломков костей, не было приурочено к этому очагу (рис. 94).

В 1979 г. слой также не дал большого количества материала. Здесь были очажные пятна в кв. 17-18-Р-П и кв. 20-21-П-С (рис. 96). В кв. П-23 —один фрагмент керамики, кости животных, обломки кремневых орудий, рыбий позвонок и костяная игла. В кв. 20-23-П-С была прослежена небольшая прослойка, которая отделялась тонким слоем суглинка от основного третьего слоя и получила наименование «слой 3а». Здесь, в кв. 20-21-П-С было очажное пятно с большим количеством костей животных и камнями (рис. 97).

В 1980 г. в кв. 33-32-Ф-У и кВ. 33-34-С-Р найдена керамика, орнаментированная оттисками гребенки. В кв. 24-25-Н-О открыт очаг, в котором сохранились кости рыб. Здесь же найдено костяное острие. В кв. по линии М-Л залегали позвонки крупного животного — быка или яка (рис. 98). Скопление артефактов расчищено в кв. 23-25-М-С. В нем найдены кости рыб и животных, отщепы и чешуйки, сломанное костяное острие. В кв. 31-35-Р-Ф локализовано второе скопление, концентрирующееся вокруг гумусного пятна со следами прокала. Здесь были мелкие камни, обломки

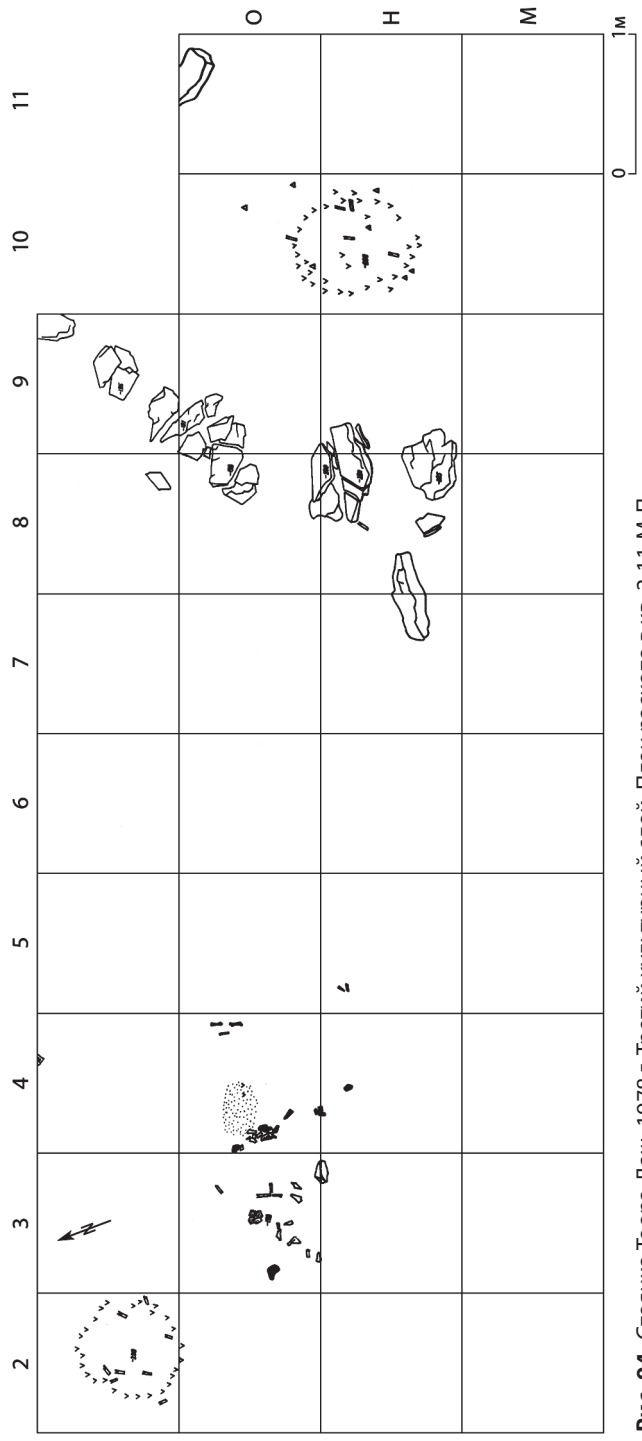


Рис. 94. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Третий культурный слой. План раскопа в кв. 2-11-М-П

Рис. 95. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Третий культурный слой. Выкладка в кв. 7-9-Н-П

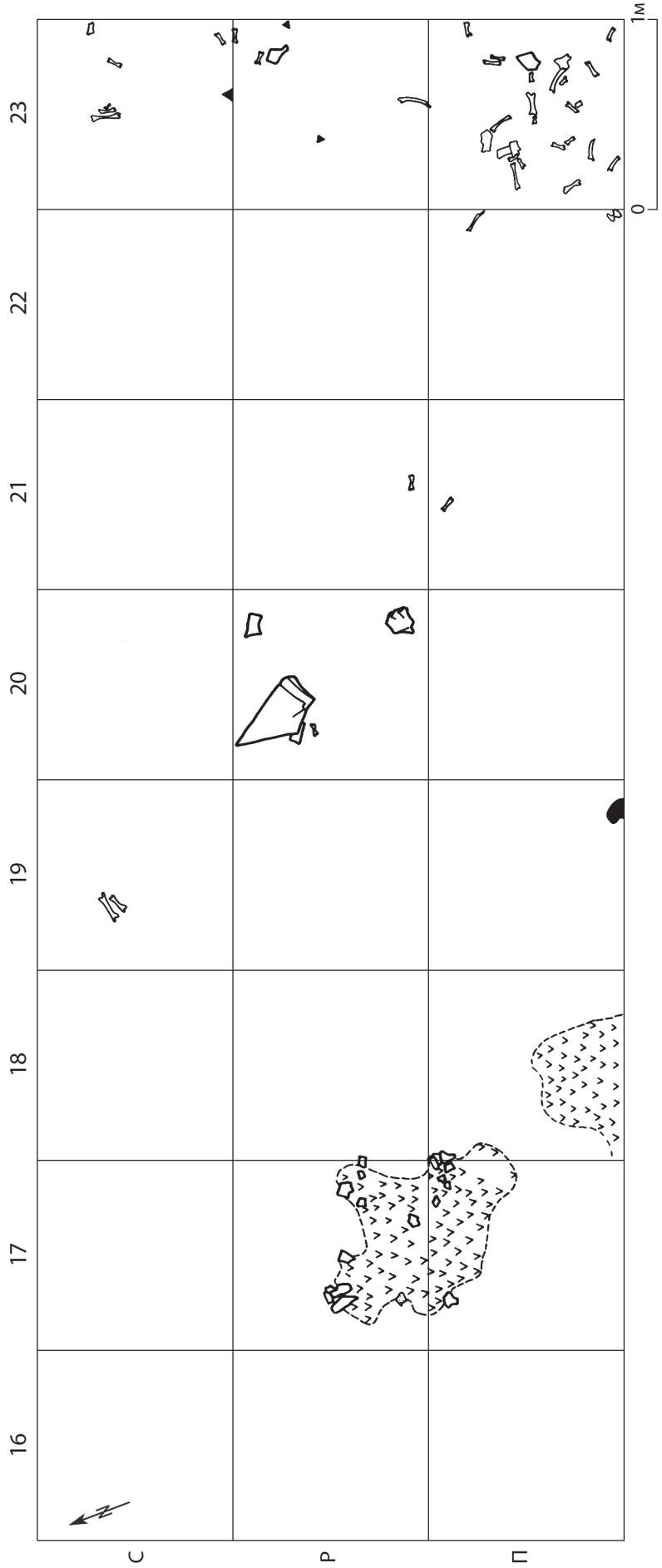


Рис. 96. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Третий культурный слой. План раскопа в кв. 16-23-П-С

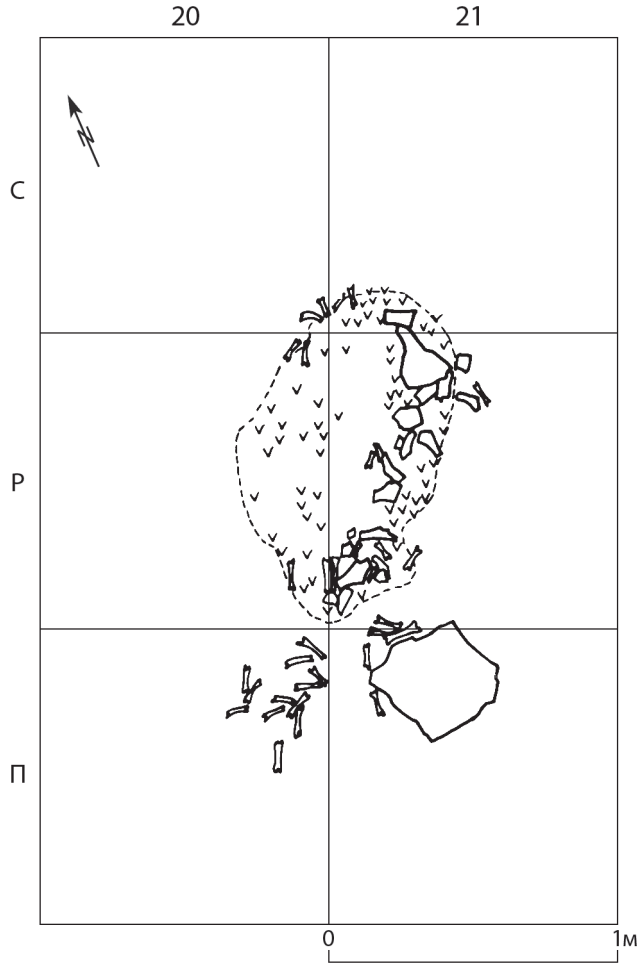


Рис. 97. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г.
Третий культурный слой. План раскопа в кв. 20-21-П-С

костей, керамики очень плохой сохранности, но в большом количестве. Третье скопление — в кв. 31-32-Л-О представлено остатками нескольких очажных пятен, между которыми располагались мелкие плоские камни, кости, позвонки крупного животного. Между этими скоплениями оставались обширные площади без каких-либо находок. В кв. 36-37-Н-С находилась та же керамика, что и в скоплении в кв. 31-35-Р-Ф. В кв. 42-43-С-Т — каменная выкладка с большим количеством костей. Кости животных встречались и в кв. 35-43-Т-У-Ф. Здесь же обнаружены слабые зольники, крупные речные гальки и обломки плоских плит.

Другая, более обширная каменная выкладка раскопана в кв. 44-46-Р-Т. К востоку от этой выкладки сохранился слабый зольник, с северной стороны примыкало очажное пятно размером более полуметра в диаметре (кв. Т-46). В камнях встречено много костей, отдельные фрагменты керамики , отщепы. В северо-западной части найдено несколько скребков округлых форм, мелкие отщепы и чешуйки. К северу от примыкающего к выкладке очажного пятна лежала большая галечная плита, на которой, вероятно, и производилось раскалывание камня. На плите сохранились следы забитости и глубокие выбоины.

В раскопе 1980 г. также было прослежено, что третий культурный слой отчетливо сохраняется по мере повышения террасы в направлении от реки к скалам. Здесь в кв. 30-31-Х-Ч выявлено скопление керамики, встречались кремневые орудия. В квадратах по линии Ц прослеживалось темное гумусное пятно, вытянутое с востока на запад. На некоторых участках, расположенных ближе к реке, этот слой расчленяется на два культурных горизонта.

В 1982 г. слой вскрыт в кв. 36-4-Н-Ф (рис. 99). Все находки были приурочены к нижнему горизонту светло-коричневого песка, залегающего под серой супесью. Керамика и кости животных рассеяны по кв. 35-43-Ф-С и 35-36-Н-С. Здесь не было каких-либо скоплений. Слабые зольные пятна находились в кв. 38-39-У, 40-41-Ф-У и 41-42-У-Т. Керамика найдена в основном в кв. 36-37-С-Н. Вся керамика имеет гребенчатую орнаментацию. В кв. 42-43-С-Т среди мелких камней обнаружено много костей животных. В кв. 44-46-С-Т выявлена выкладка из камней диаметром около 1,5 м неправильных очертаний (рис. 100). Камни лежали в один слой. Среди них много расколотых трубчатых костей. С севера в кв. 46-Т к выкладке примыкало очажное пятно диаметром 0,5 м. К западу от него находилось скопление чешуек и отщепов. В этом скоплении были найдены скребки округлых форм. К северу от очажного пятна в кв. 46-Т лежала каменная наковальня со следами забитости. Далее, в кв. 46-Ф-У находилось еще одно очажное пятно около 1 м в диаметре. К югу от каменной выкладки найдено несколько фрагментов керамики.

В 1983 г. третий культурный слой выявлен по всей площади раскопа, но артефакты встречались только в кв. 30-35-Х-Ч (рис. 101). Здесь по линии квадратов Ц проходит гумусированное пятно, вытянутое с запада на восток. В кв. 30-31-Х-Ч выявлено скопление керамики с гребенчатой орнаментацией. Здесь же было несколько кремневых орудий.

В 1984 г. третий слой делился на два уровня. Он залегал в супеси коричневого цвета мощностью 0,1 м. Культурные остатки этого слоя, как и всех неолитических слоев, приурочены к речному пляжу и располагались только в кв. 50-55-А-Д и выше в сторону скал не встречались (рис. 102). В кв. 50-Г-Д было большое скопление кремня. Среди отщепов найдена костяная игла с ушком и призматический нуклеус. В кв. 52-53-Г-В был расположен очаг, около которого находились плоские каменные плитки, вероятно, остатки расслоившейся

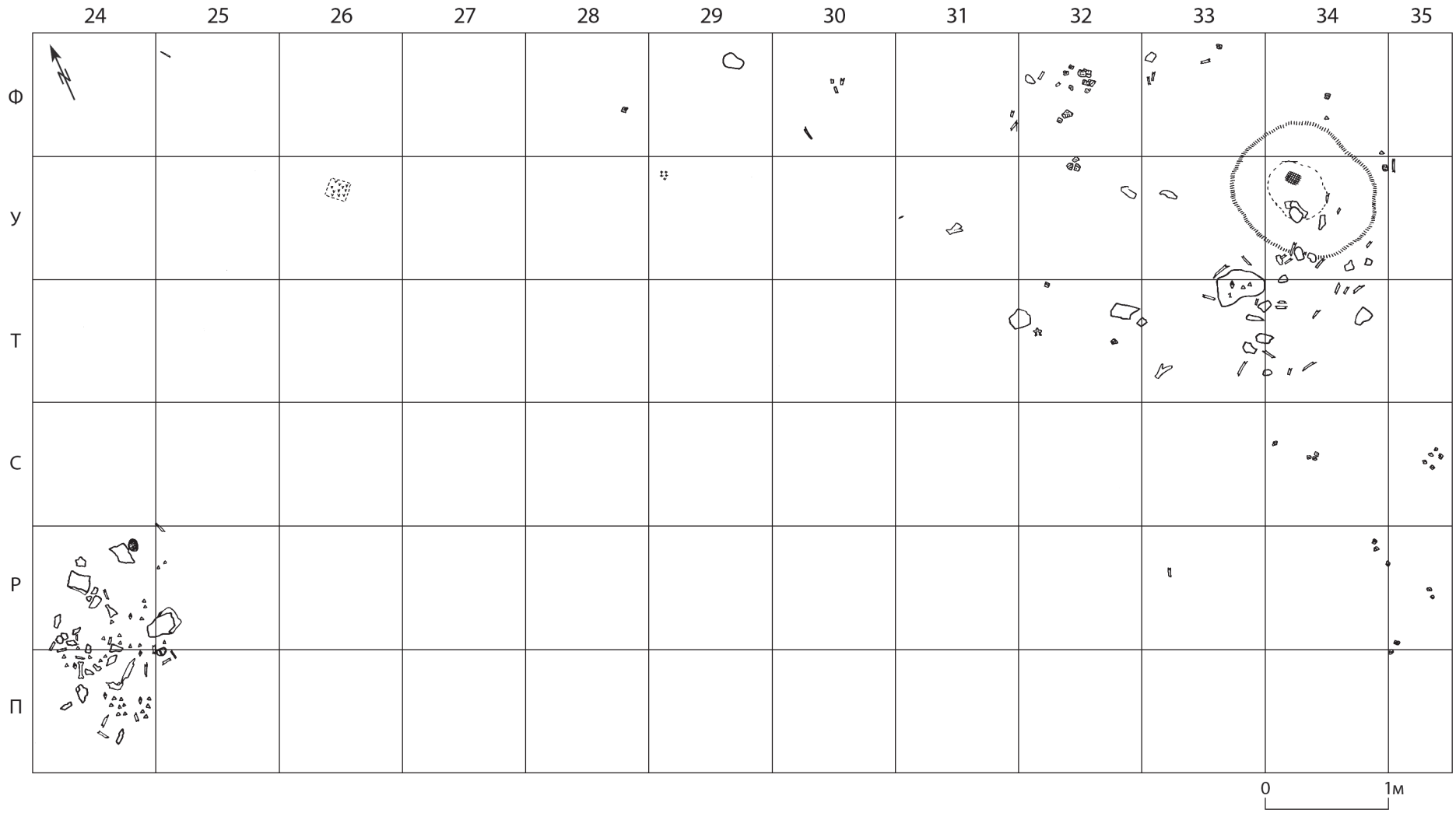


Рис. 98. Стоянка Тоора-Даш. 1980 г. Третий культурный слой. План раскопа в кв. 24-35-П-Ф

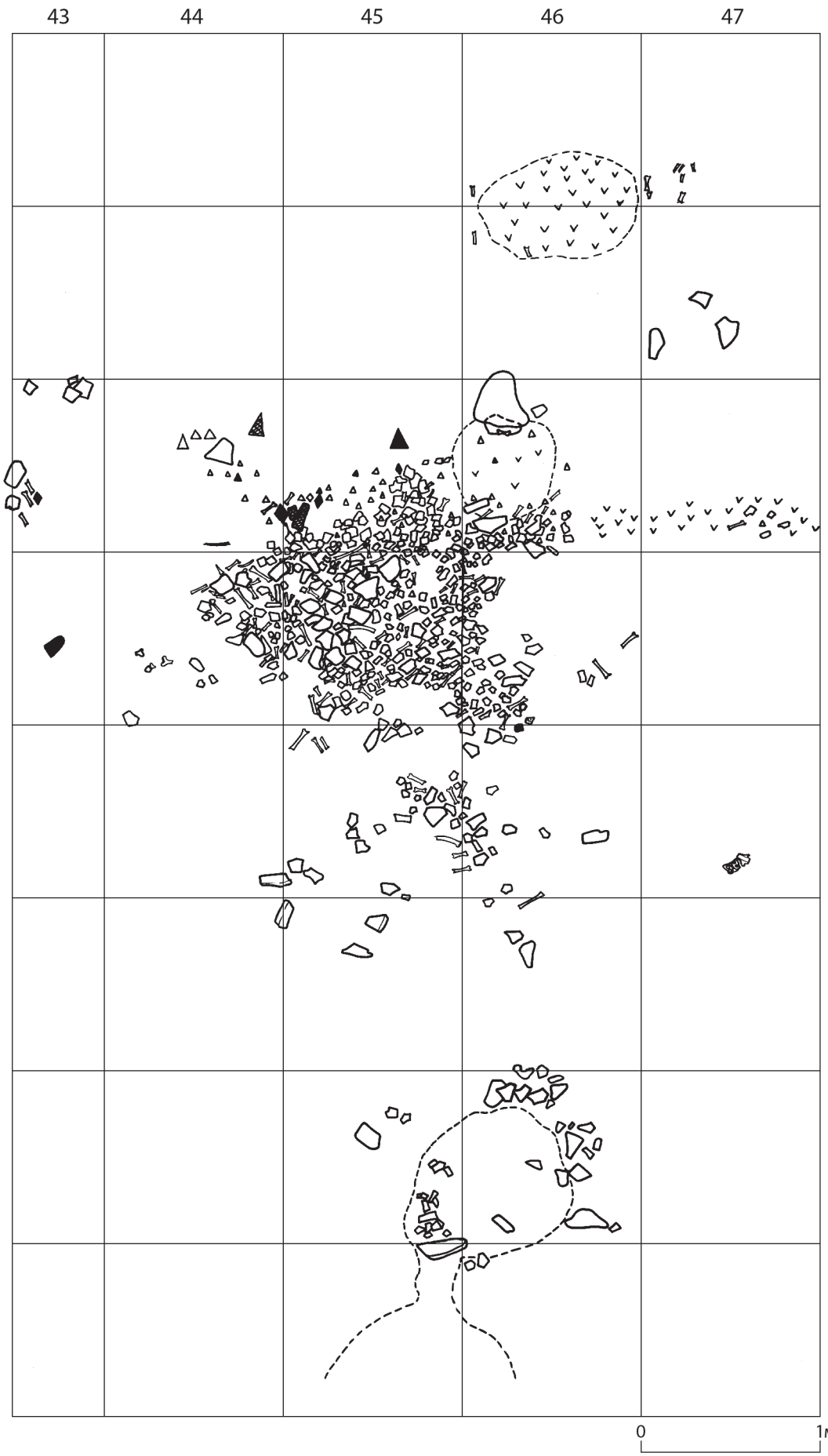


Рис. 99. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Третий культурный слой. План раскопа в кв. 43-47-Н-Ф

Рис. 100. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Третий культурный слой. Фото каменной выкладки в кв. 44-46-Р-Т

большой плиты (рис. 103). Во втором горизонте в кв. 53-54-В находилось очажное пятно, а также в кв. 51-54-В-Д были рассеяны кости животных.

Каменный инвентарь третьего культурного слоя

В третьем культурном слое обнаружено 12 одноплощадочных нуклеусов (рис. 104, *2–6, 8–11*), один нуклеус двуплощадочный (рис. 104, *7*), один нуклеус вторичный на отщепе (рис. 104, *1*) и один обломок нуклеуса. Одноплощадочные нуклеусы сделаны из аморфных кусков породы. Отходы производства насчитывают 500 отщепов и чешуек.

Орудий с вторичной обработкой всего 14: семь скребел, шесть скребков, одно зубчатое орудие на отщепе (рис. 105, *1*). Из скребел: три продольные, одно поперечное (рис. 106, *1*), одно поперечновыпуклое со скошенным рабочим краем (рис. 106, *6*), одно диагональное (рис. 106, *3*) и одно продольное на пластине длиной 12 см и шириной 5 см (рис. 106, *13*). Лезвие скребла оформлено приостряющей ретушью со спинки. Диагональное скребло сделано на треугольном отщепе. Длина лезвия 9 см. Лезвие со спинки оформлено крутой ретушью. Со стороны брюшка следов обработки нет (рис. 106, *5*). Из других скребел следует указать на поперечное скребло с прямым рабочим краем, оформленным с двух сторон плоской приостряющей ретушью. Длина лезвия 8 см. Скребло сделано из хорошего коричневого кремня (рис. 106, *4*). Одно скребло, длиной 8 см и шириной 4,5 см, поперечновыпуклое со скошенным рабочим краем на отщепе из черного кремня (рис. 106, *2*).

Скребки (шесть экземпляров), имеют размеры 2,5–3 см. Все они сделаны из черного кремня низкого качества. Скребки имеют следующие характеристики: зубчатый скребок 2,5 × 2 см (рис. 105, *4*); скребок укороченный сегментовидный (рис. 105, *6*), округлый скребок 2,5 × 1,5 см высокой формы (рис. 105, *7*), боковой скребок 2,8 см длиной (рис. 105, *3*) и скребок с боковым ретушированным краем (рис. 105, *5*). На одном из скоплений кремня в кв. 46-Т-Р обнаружена галечная наковальня, служившая для раскалывания камня. Размеры наковальни (подтреугольной формы) 30 × 30 см. На ее поверхности отчетливо видны следы забитости и глубокие выбоины.

Скребки и скребла из третьего культурного слоя, а также зубчатое орудие вполне сопоставимы с каменным инвентарем из второго культурного слоя, но здесь

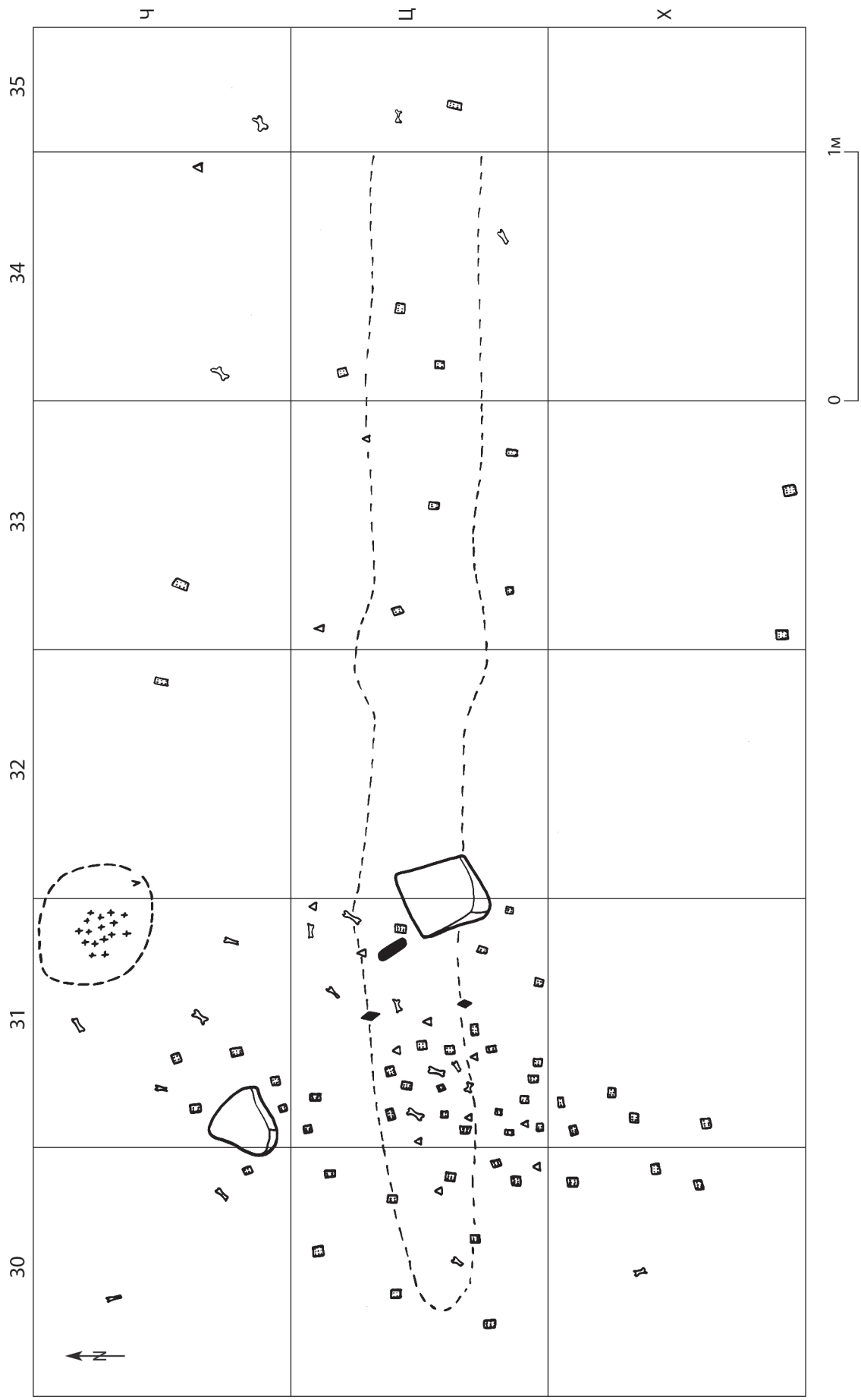


Рис. 101. Стоянка Тоора-Даш. 1983 г. Третий культурный слой. План раскопа в кв. 30-34-Х-Ч

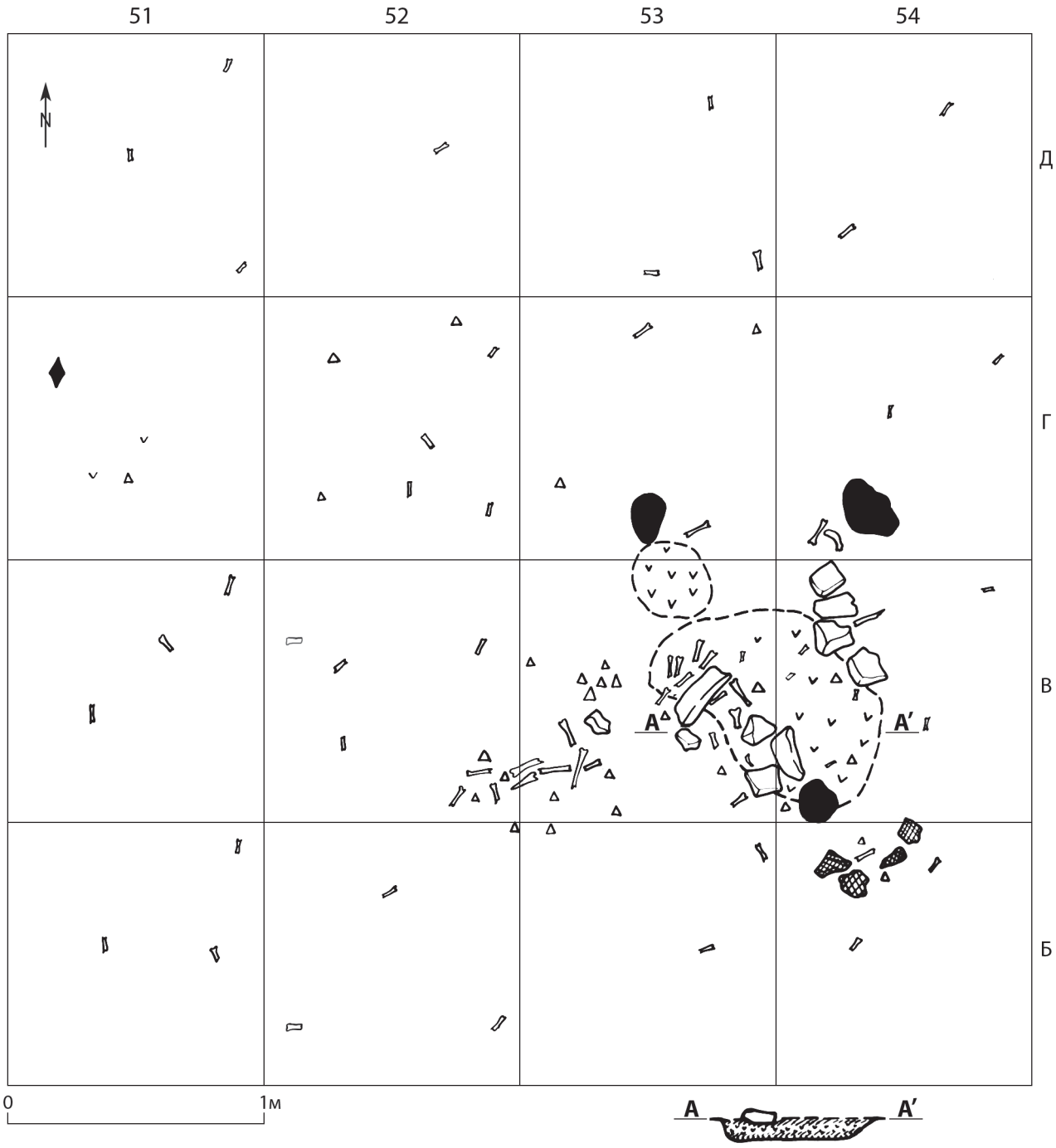


Рис. 102. Стоянка Тоора-Даш. 1984 г. Третий культурный слой. План раскопа в кв. 51-54-Б-Д. Первый уровень разборки очага

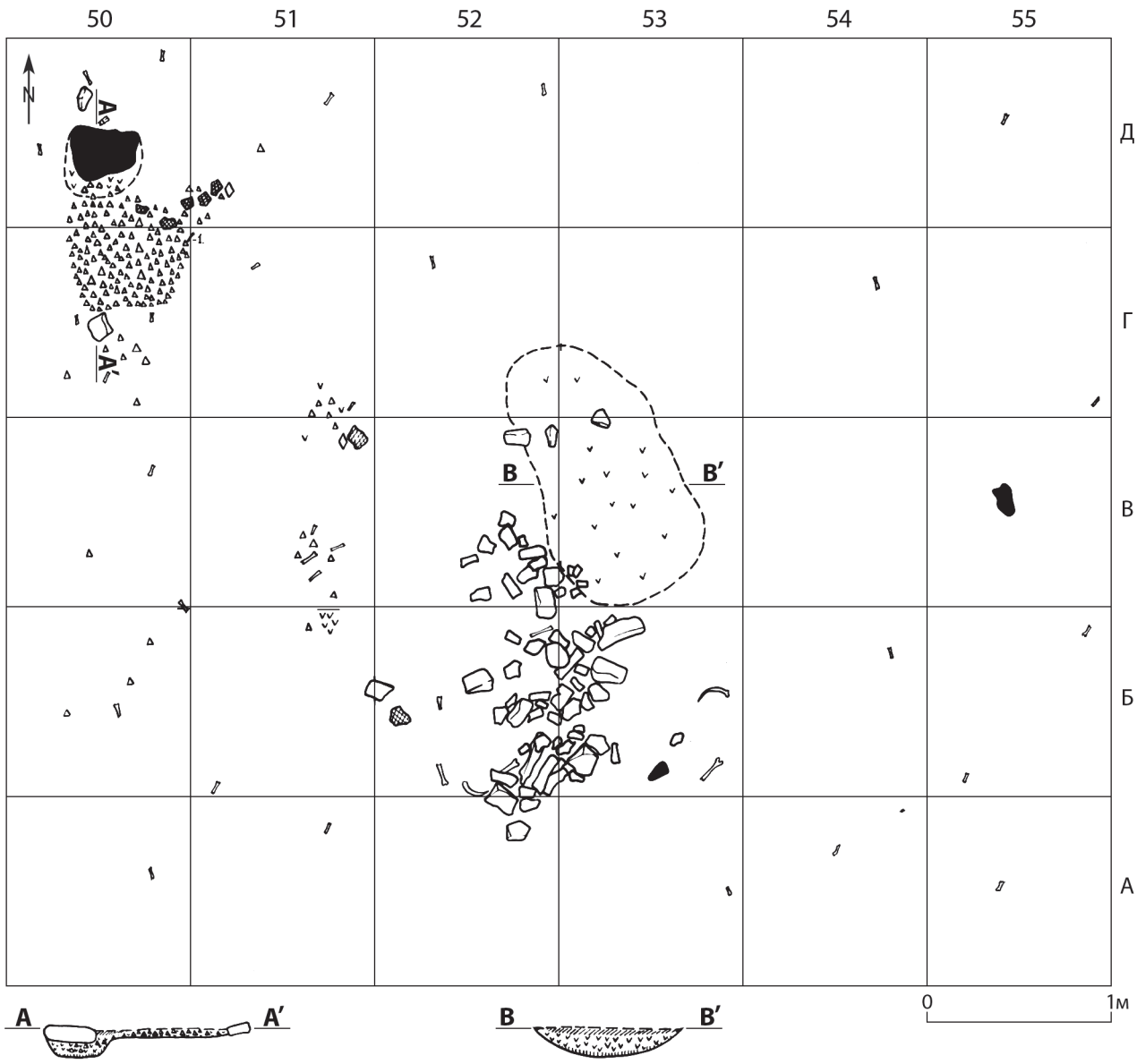


Рис. 103. Стоянка Тоора-Даш. 1984 г. Третий культурный слой. План раскопа в кв. 50-55-А-Д. Второй уровень разборки очага

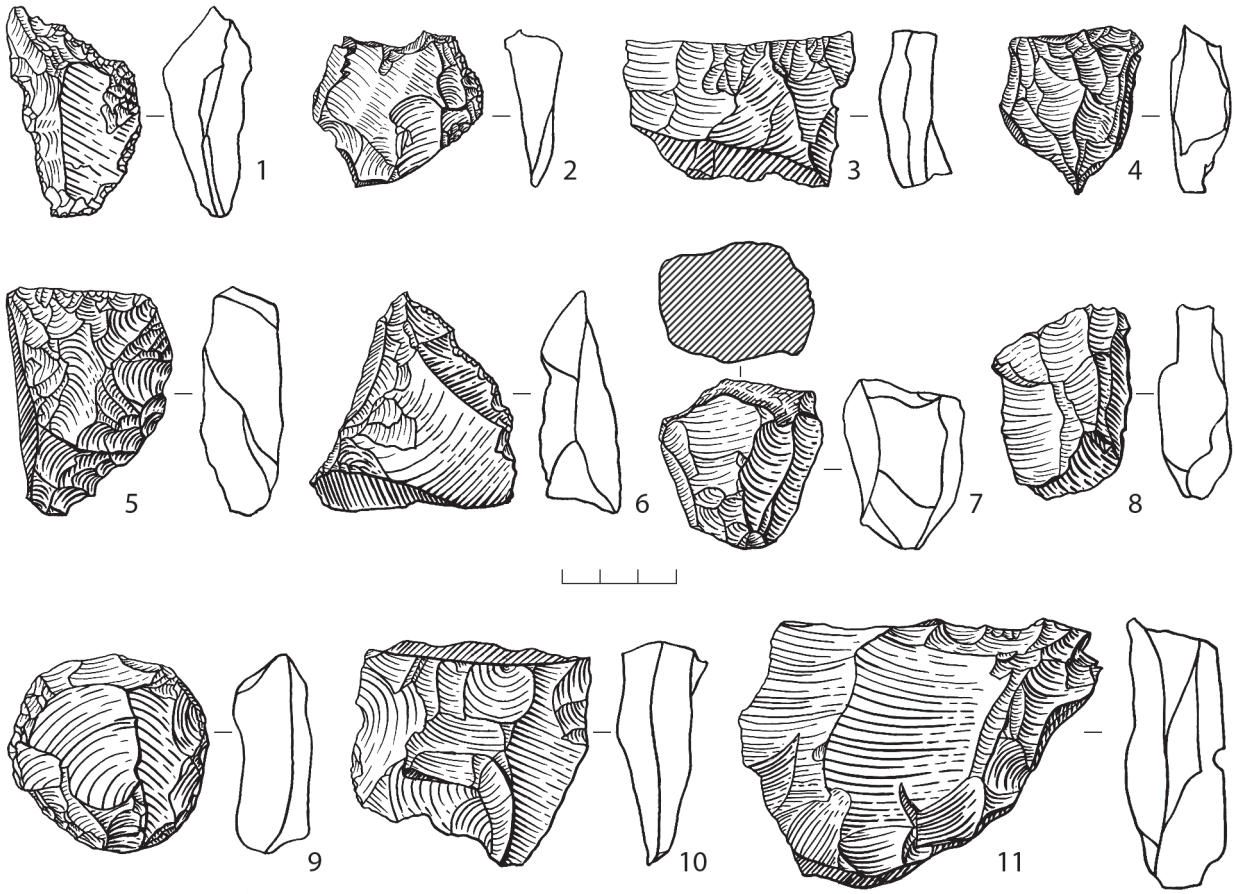


Рис. 104. Стоянка Тоора-Даш. Третий культурный слой. Каменный инвентарь. Нуклеусы

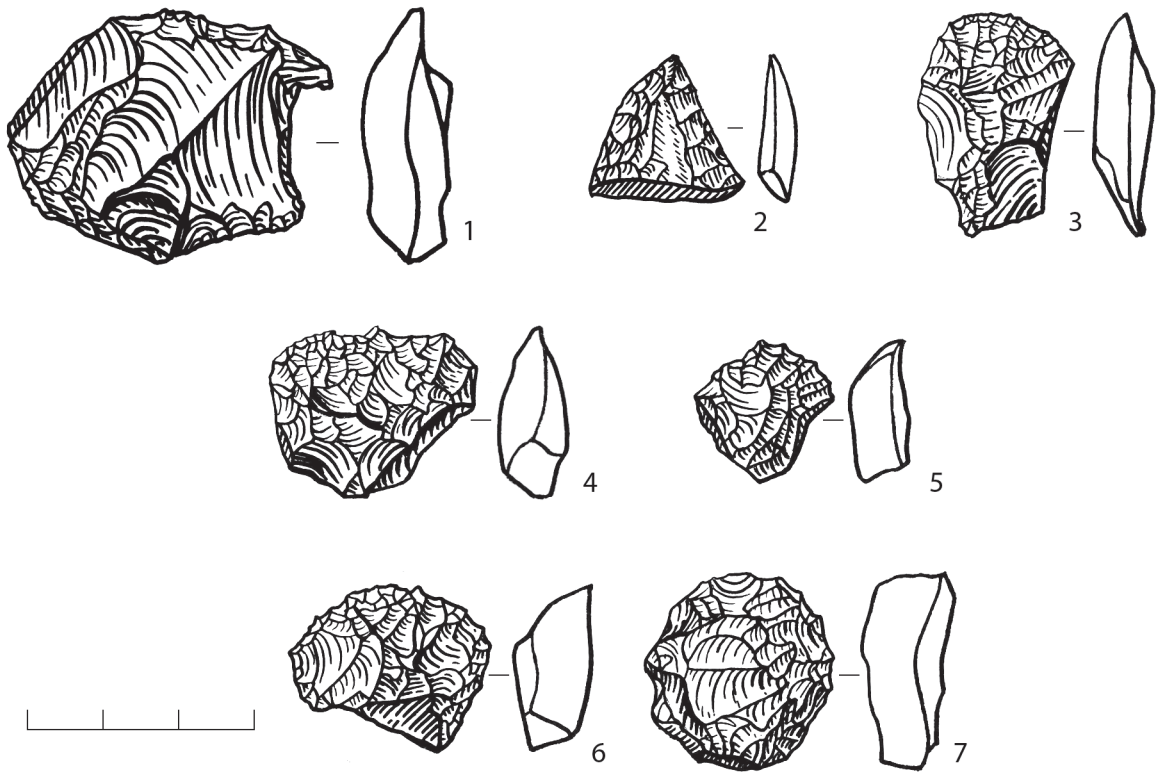


Рис. 105. Стоянка Тоора-Даш. Третий культурный слой. Каменный инвентарь: *1* — зубчатое орудие; *2–7* — скребки

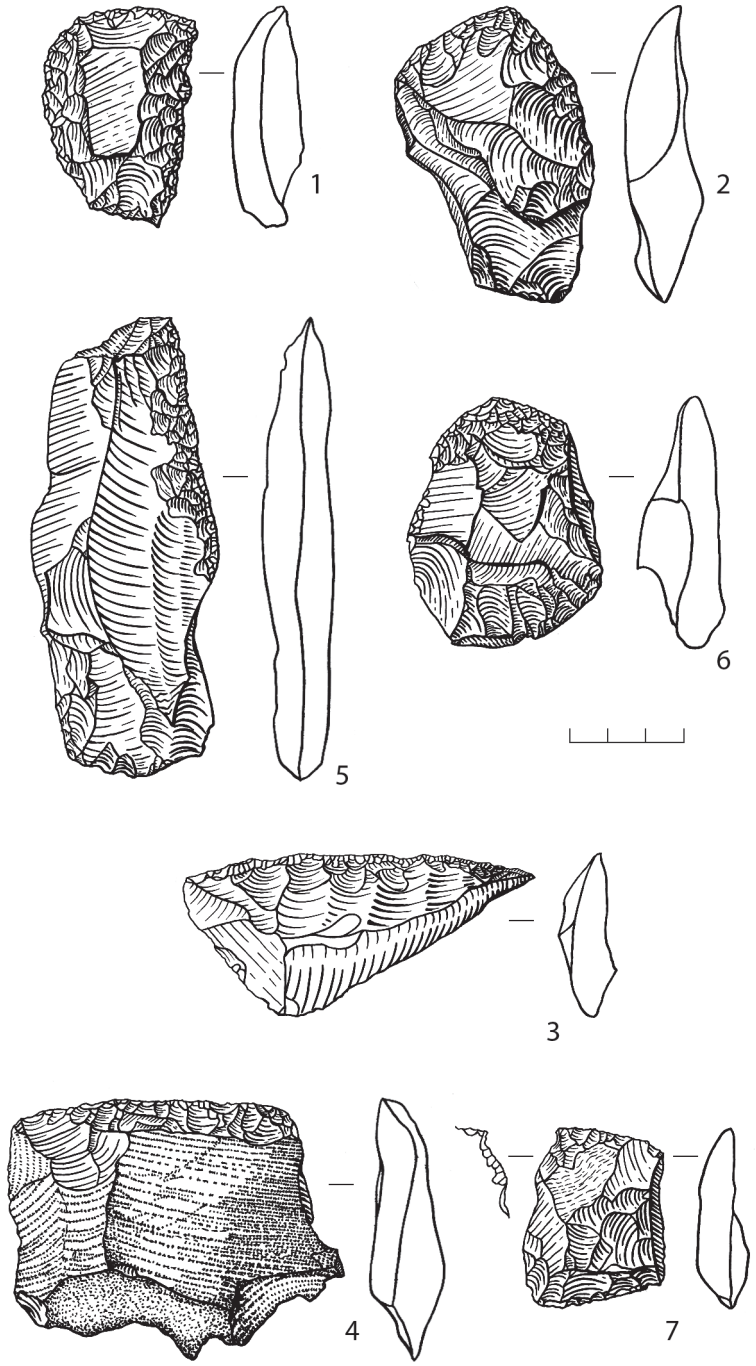


Рис. 106. Стоянка Тоора-Даш. Третий культурный слой. Каменный инвентарь: *1, 4* — скребла поперечные; *2* — скребло поперечновыпуклое; *3* — скребло диагональное; *5* — скребло продольное на пластине; *6* — скребло поперечновыпуклое со скошенным рабочим краем; *7* — скребло поперечное с ретушью со стороны брюшка

Рис. 107. Стоянка Тоора-Даш. Третий культурный слой. Изделия из кости

не найдено ни наконечников стрел, ни двусторонне ретушированных вкладышей.

Орудия из кости и рога из третьего культурного слоя

Третий культурный слой представлен тремя изделиями из кости. Костяное острие длиной 15,2 см, шириной в основании 1,5 см. Оно сделано из трубчатой лучевой кости какого-то животного. Верхний конец его заполирован до блеска, в нижнем имеется небольшое отверстие (рис. 107, *3*). В этом же слое найдены две костяные иглы. Одна из них овальная в сечении длиной 4,9 см и диаметром ≈ 1,5 мм. Вся игла заполирована до блеска. Один конец острый, в основании противоположного сохранилось миниатюрное ушко для вдевания в него нитки (рис. 107, *2*). Другая игла подобна вышеописанной, но ушка на ней не было (рис. 107, *1*).

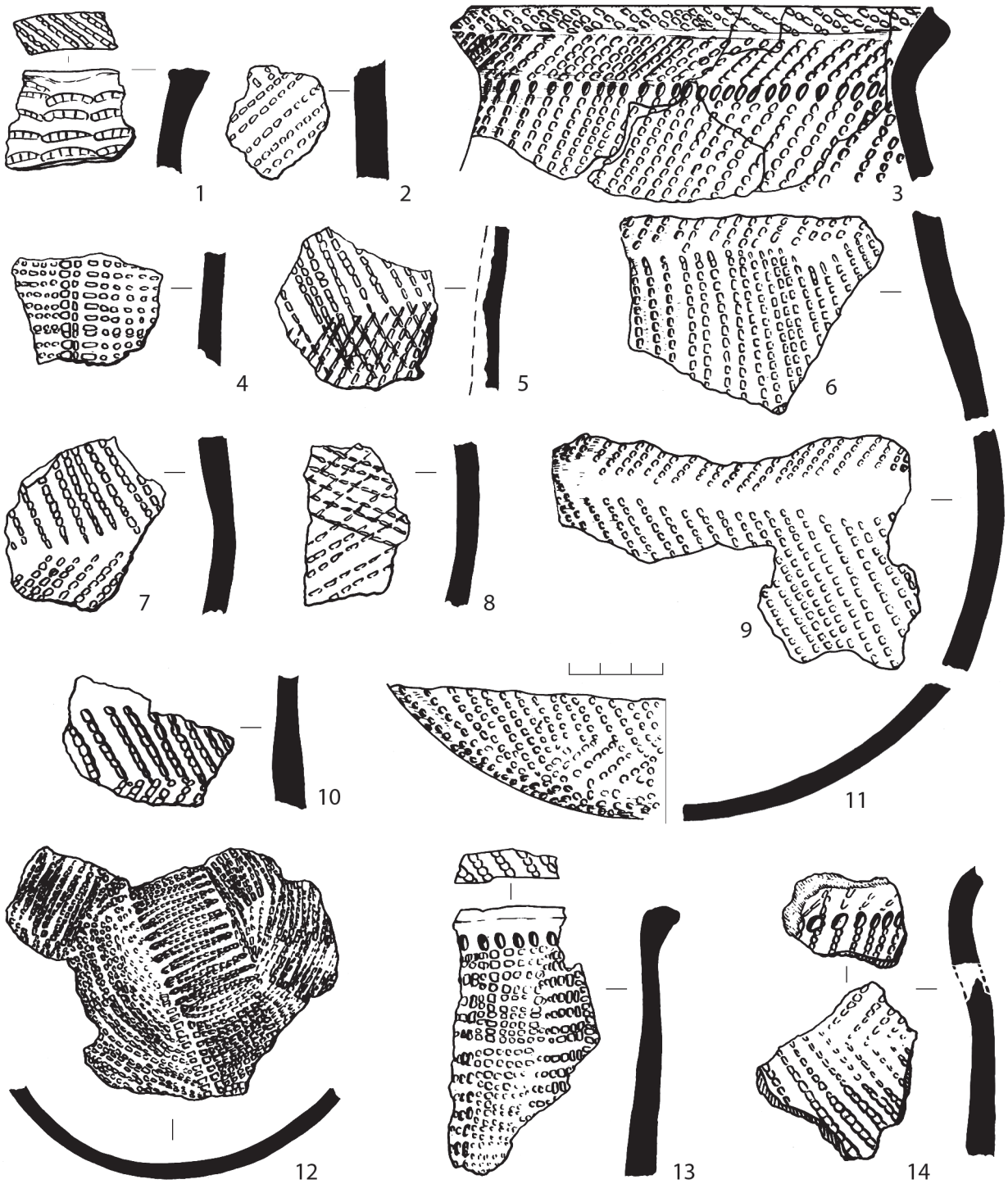


Рис. 108. Стоянка Тоора-Даш. Третий культурный слой. Керамика

Рис. 109. Стоянка Тоора-Даш. Третий культурный слой. Керамика

Керамика из третьего культурного слоя

Керамика третьего культурного слоя, в силу неблагоприятных условий залегания, сохранилась очень плохо. Однако же удалось собрать коллекцию, превышающую 100 фрагментов не менее чем от четырех сосудов. На этой керамике сохраняется чистая гребенчатая орнаментация, как и в предыдущих культурных слоях. Обнаружены венчики двух типов. Один — сильно отогнутый наружу, с приостренным налепом и орнаментированным краем. По шейке сосуда проходит ряд наколов концом орнаментира. Стенки покрыты елочным декором. Зубчики штампа имеют нечеткие, аморфные очертания. Орнамент образован не оттисками, а прокатыванием штампа, что могло иметь место и ранее на керамике второго слоя (рис. 108, *3–11*). Вместе с тем существует керамика со слабыми оттисками шагающей гребенки, имеющей аналогии на посуде первого слоя. Венчик этого прямостенного сосуда слегка отогнут наружу и под ним проходит ряд наколов (рис. 108, *13*). Вся керамика рыхлая, расслаивается, вероятно, из-за плохого обжига. Полную противоположность являет обнаруженное в третьем слое округлое дно сосуда (рис. 108, *12*), довольно тонкое (0,4 см), очень плотное — с примесью мела или талька, орнаментированное сплошными оттисками шагающей гребенки.

В заключение **о всей неолитической посуде** можно сказать следующее: она имеет только гребенчатую орнаментацию. Диаметр сосудов, когда это удавалось установить, варьировал от 18 до 22 см, два сосуда имели диаметр 9 и 10,5 см. Высота единственного целого сосуда 28 см. Часть керамики покрывалась сплошной шагающей гребенкой или елочным орнаментом — в обоих случаях оттиски штампа ставились вплотную друг к другу, что создавало имитацию сетчатого или текстильного орнамента. В других случаях керамика украшалась более разреженным узором, и тогда на посуде выделялись особые орнаментальные зоны, которые подчеркивали функционально важные части изделия — шейку, тулово и дно. Характерно, что именно по границам этих частей проходил спай лент сосудов, по которым главным образом они и ломались. Наряду с сосудами с ровно срезанным или приостренным венчиком найдены и профилированные сосуды, на которых появляется налепной отогнутый край венчика. Этот налеп постепенно эволюционирует и, утрачивая связь с оформлением края венчика, переходит несколько ниже, превращаясь в налепной валик в верхней части сосуда. Стенки всех сосудов ровные, прямые. Днища округлые, орнаментируются тем же приемом, что и сами сосуды. В одном случае на дне зафиксирован спиральный завиток. В целом керамика первого и второго слоев представляется как единое целое, в то время как в третьем слое намечаются некоторые изменения, впрочем, в рамках всего комплекса они весьма незначительны.

Анализ каменного инвентаря и керамики из трех нижних слоев стоянки Тоора-Даш демонстрирует их однородность и следовательно однокультурность, с одной стороны, и определенное своеобразие — с другой, что выделяет данный культурный комплекс из всего ранее известного на территории Тувы. Этот культурный комплекс предлагается именовать «верхнеенисейской неолитической культурой».

Изделий из кости и рога в трех нижних слоях стоянки найдено сравнительно мало — это первые достоверные изделия неолитической поры, выполненные из такого материала.

5.4. Четвертый культурный слой

Третий слой отделен от четвертого слоя светлыми суглинками. Слой 4-й представлен тонкой гумусной суглинистой прослойкой, залегающей между двух мощных слоев глины. Эта прослойка прослеживалась почти по всей площади раскопа до выклинивания этих глин по линиям Т-У. Очень редко в прослойке, именуемой четвертым культурным слоем, встречались мелкие отщепы и отдельные кости животных. Так, в кв. П-2-3 найдено около сотни мелких кремневых чешуек, а в кв. П-7 имелось очажное углубление, проникшее в нижележащий третий культурный слой. С этим очажным углублением не связано ни одной находки как в четвертом, так и в третьем слое.

В кв. У-Т-28-29 прослежены аморфные гумусированные линзы непонятного происхождения (раскоп 1980 г.). В кв. Л-М-25 в тонкой линзе темной супеси, отделенной от 4-го слоя глинистой прослойкой (залегающей над 4-м культурным слоем), обнаружено очажное пятно, вокруг которого концентрировались раздробленные кости и мелкие чешуйки кремня

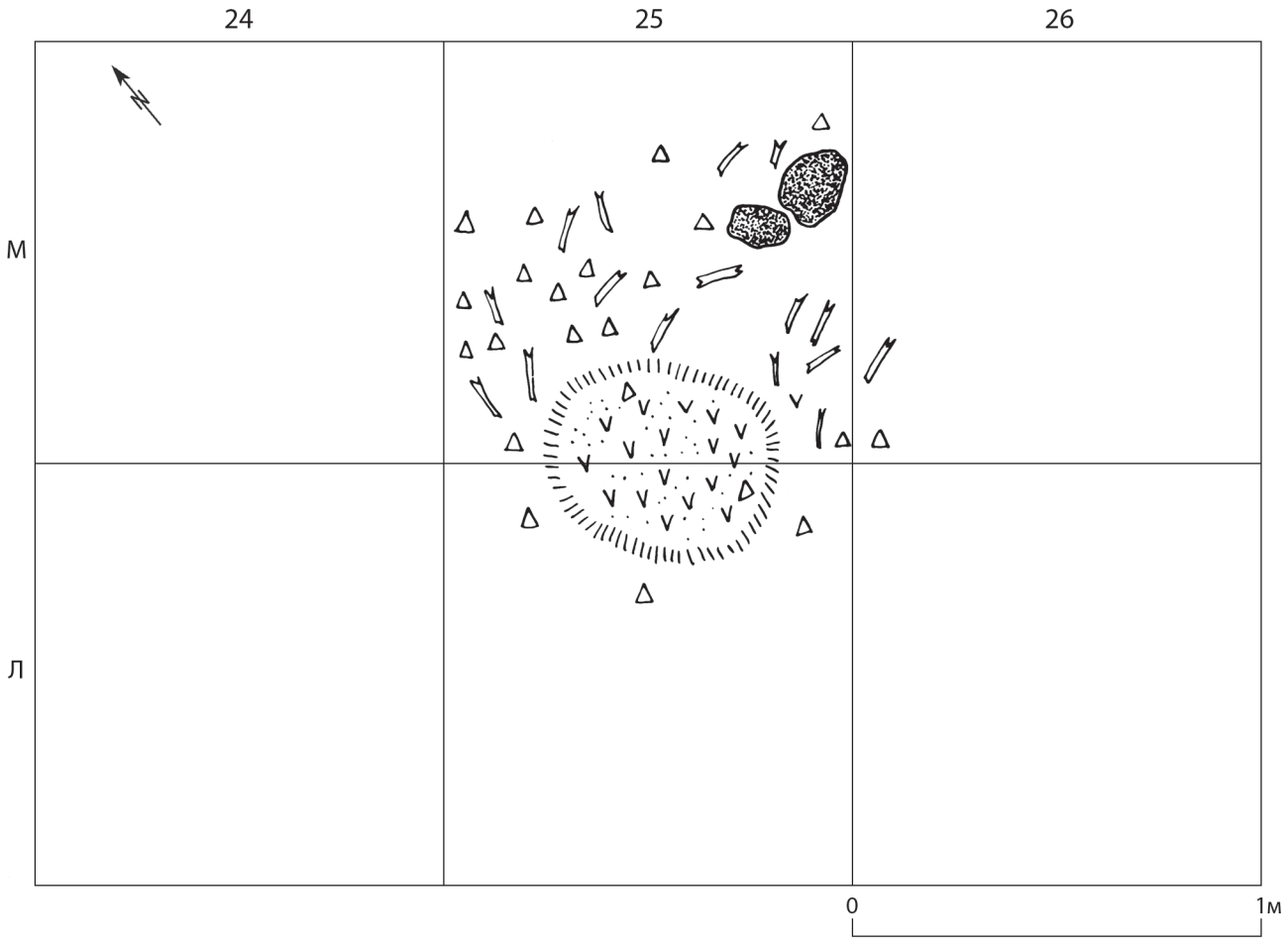


Рис. 110. Стоянка Тоора-Даш. 1980 г. Четвертый культурный слой. План раскопа в кв. 24-26-Л-М

(слой 4а) (рис. 110). В кв. 26-29-Н-Р была вскрыта каменная выкладка размером приблизительно 2,8 × 2,8 м, сохранившаяся вокруг очажного пятна. Среди камней найдено много мелких раздробленных костей (рис. 111). Эта выкладка точно такого же типа, как и во всех прочих неолитических слоях Тоора-Даша, и потому, несмотря на отсутствие каких-либо других артефактов, этот слой может быть отнесен к неолиту. В 1984 г. в слое в кв. А-51 найдены кости передних ног барана.

* * *

Разрыв между нижележащими неолитическими слоями и последующим афанасьевским слоем свидетельствует о длительном времени, прошедшем между существованием неолитической и афанасьевской культур. Эоловые отложения (до 0,3 м) между неолитическими слоями и появлением ранних скотоводов возникли в результате остепнения-опустынивания этих территорий, что способствовало проникновению сюда «афанасьевцев» и уходу охотников в таежные зоны Саяно-Алтайского нагорья.

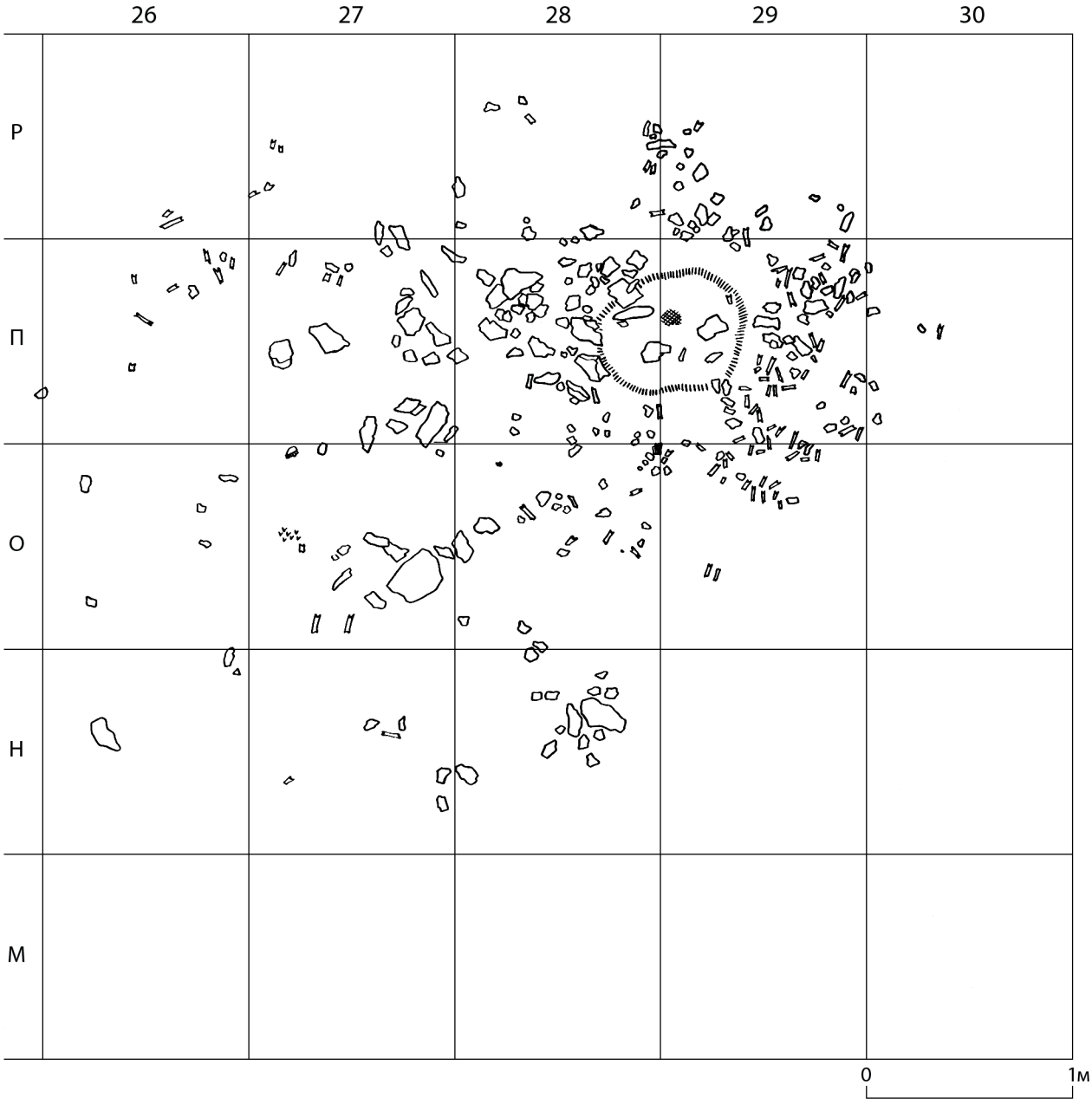


Рис. 111. Стоянка Тоора-Даш. 1980 г. Четвертый культурный слой. План раскопа в кв. 26-30-М-Р

Глава 6.
Энеолит — пятый культурный слой

Пятый культурный слой вскрыт на площади в 440 кв. м (рис. 112–126). Его стратиграфическое положение между неолитом, с одной стороны, и слоями окуневской культуры, с другой, а также бесспорно афанасьевский облик выявленной здесь керамики позволяют с уверенностью связать пятый слой Тоора-Даша с этой культурой. Почти на всей площади его перекрывал слой мелкощебеночных пород, мощность которого изменялась в направлении от реки к скалам.

В раскопе 1978 г. он вскрыт на площади 10 кв. м (кв. Р-С-1-5) и был приурочен к первой надпойменной террасе, где культурные остатки залегали в темной супеси мощностью 0,25 м. По линии П это слой был смыт, а начиная с линии Т выклинивался и сливался с вышележащими шестым и седьмым культурными слоями. Но даже на небольшом сохранившемся участке было довольно много находок. В кв. 2-3-Р-С обнаружены фрагменты орнаментированного сосуда, который удалось полностью восстановить (рис. 112; 113). Он имел яйцевидную форму и был орнаментирован сплошь оттисками короткого гребенчатого штампа, образующего спиралевидный узор, охватывающий от венчика все тулово и дно сосуда. В кв. 2-3-С находилось золистое пятно, а в кв. 3-4-Р — скопление углей. Костей животных найдено немного.

В 1979 г. пятый слой исследован на площади 32 кв. м и выклинивался на склоне террасы по линии О. Он сильно пострадал от корней деревьев, которые буквально растащили и переместили все его «содержимое». В основном здесь были кости животных, приуроченные к очажному пятну в кв. 21-Р (рис. 114). Найдено небольшое количество галечных отщепов и одно орудие из кремня — обломок наконечника

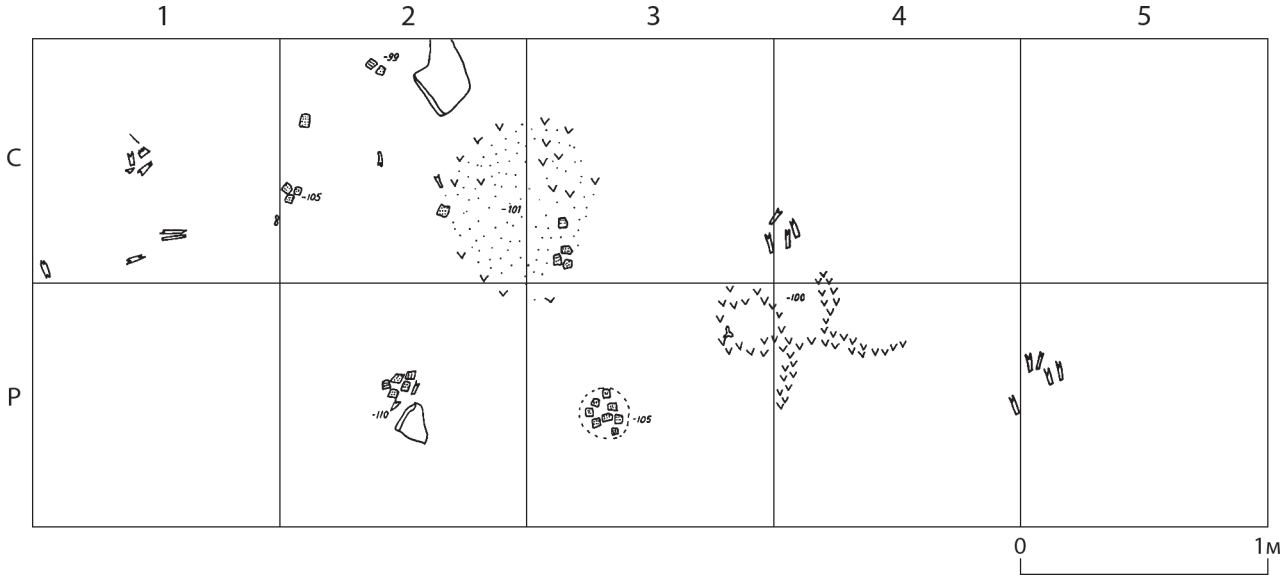


Рис. 112. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Пятый культурный слой. План раскопа в кв. 1-5-С-Р

Рис. 113. Стоянка Тоора-Даш. 1978 г. Пятый культурный слой. Развал сосуда

стрелы с прямым основанием (кв. 1-7-Т). В кв. 22-О найдены также фрагменты от придонной части сосуда. В кв. 41-42-Н-О в очажном пятне найдены кости животных и обломок сосуда с высокой шейкой и маленьким уплощенным дном.

В 1980 г. площадь раскопа достигала более 100 кв. м (рис. 115). Слой состоял из четырех культурных горизонтов, но число находок было невелико. Среди них выделяются четыре наконечника стрел (рис. 122, *2–4, 7*), найденные в 1-м горизонте; верхняя часть горшка с прямым венчиком и ложношнуровой орнаментацией из 2-го горизонта (рис. 125, *2*); в горизонтах 3 и 4 археологического материала не содержалось.

В 1981 г. слой исследовался на площади более 56 кв. м. Здесь выделялось два горизонта. Верхний залегал под мелкой щебенкой и отделялся от нее тонкой прослойкой глины мощностью не более 1 см. Культурные остатки этого горизонта вскрыты в кв. 35-39-С-Н. В кв. 35-37-П-О, 37-Р-П, 37-38-С выявлены прокаленные пятна аморфных очертаний. В кв. 35-36-П-Р к северу от одного из таких пятен были рассеяны мелкие фрагменты сосуда с ложношнуровой орнаментацией. В этом же горизонте встречаются гальки и кости животных плохой сохранности. Мощность горизонта 1–1,5 см (рис. 116).

Второй горизонт отделен от первого двухсантиметровой прослойкой серого песка. Основные находки сделаны в кв. 41-42-П-М, где вокруг очажного пятна малой мощности концентрировались мелкие халцедоновые чешуйки и раздробленные кости животных. Здесь же найдено два ромбовидных наконечника стрел (рис. 122, *5, 6*). Мощность горизонта не превышает 1,5 см, его подстилает слой глины толщиной 2–3 см. Был прослежен и третий горизонт, но в нем культурных остатков не было.

В 1982 г. слой исследовался в двух раскопах. В первом раскопе в кв. 36-40-К он залегал под крупнозернистым песком. Корни деревьев пронизывали всю толщу слоя. В этих квадратах он делился на два горизонта. Толщина верхнего горизонта 3–4 см. Он имел светло-коричневую окраску. В кв. 36-37-К открыто очажное пятно мощностью не более 1–1,5 см и скопление отщепов кварцита (рис. 117). В кв. 40-К на границе с кв. 41 обнаружены две речные гальки значительных размеров: одна около 30 см в диаметре, другая треугольных очертаний (около 15 см длиной). К северу от галек найдена придонная часть сосуда.

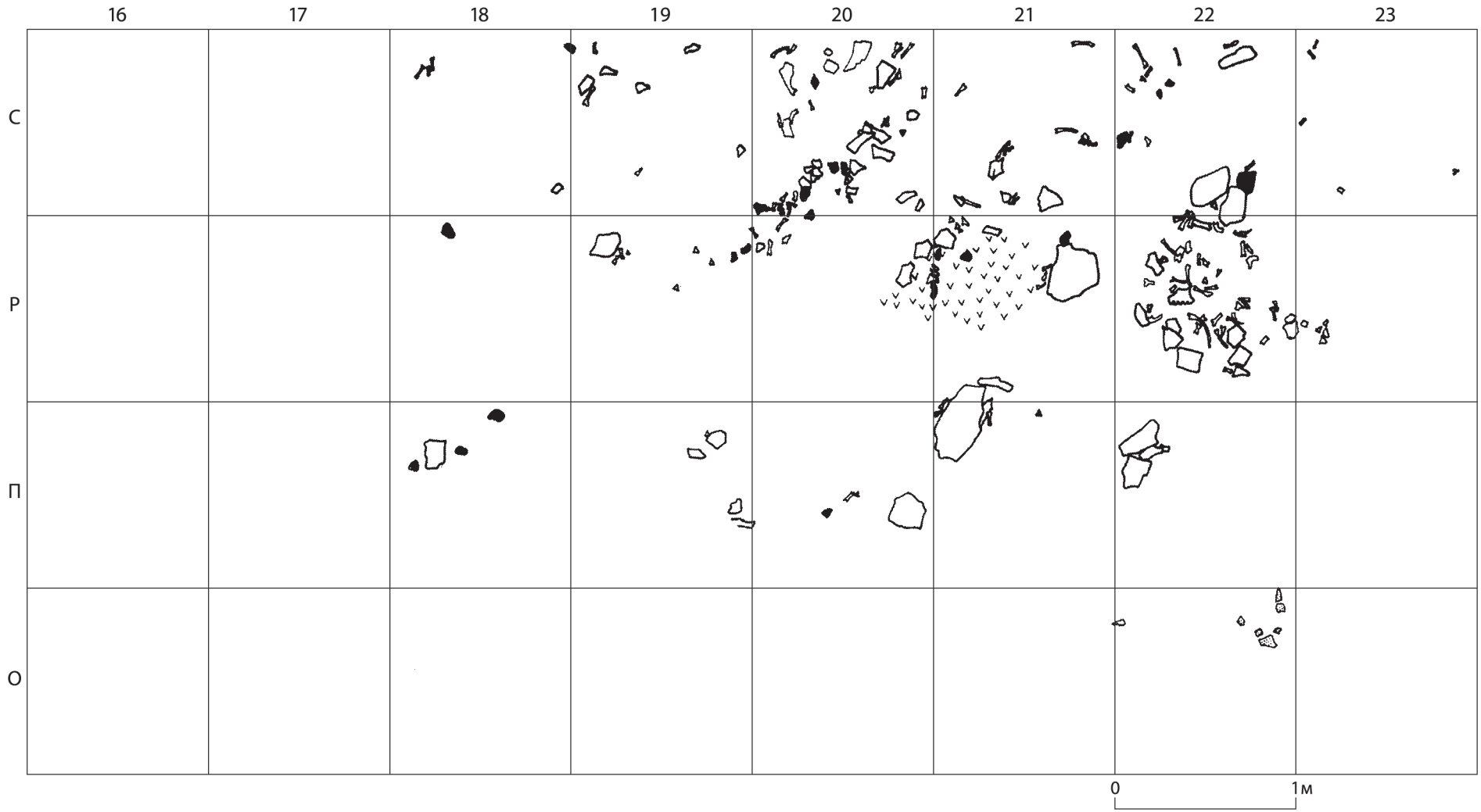


Рис. 114. Стоянка Тоора-Даш. 1979 г. Пятый культурный слой. План раскопа в кв. 16-23-О-С

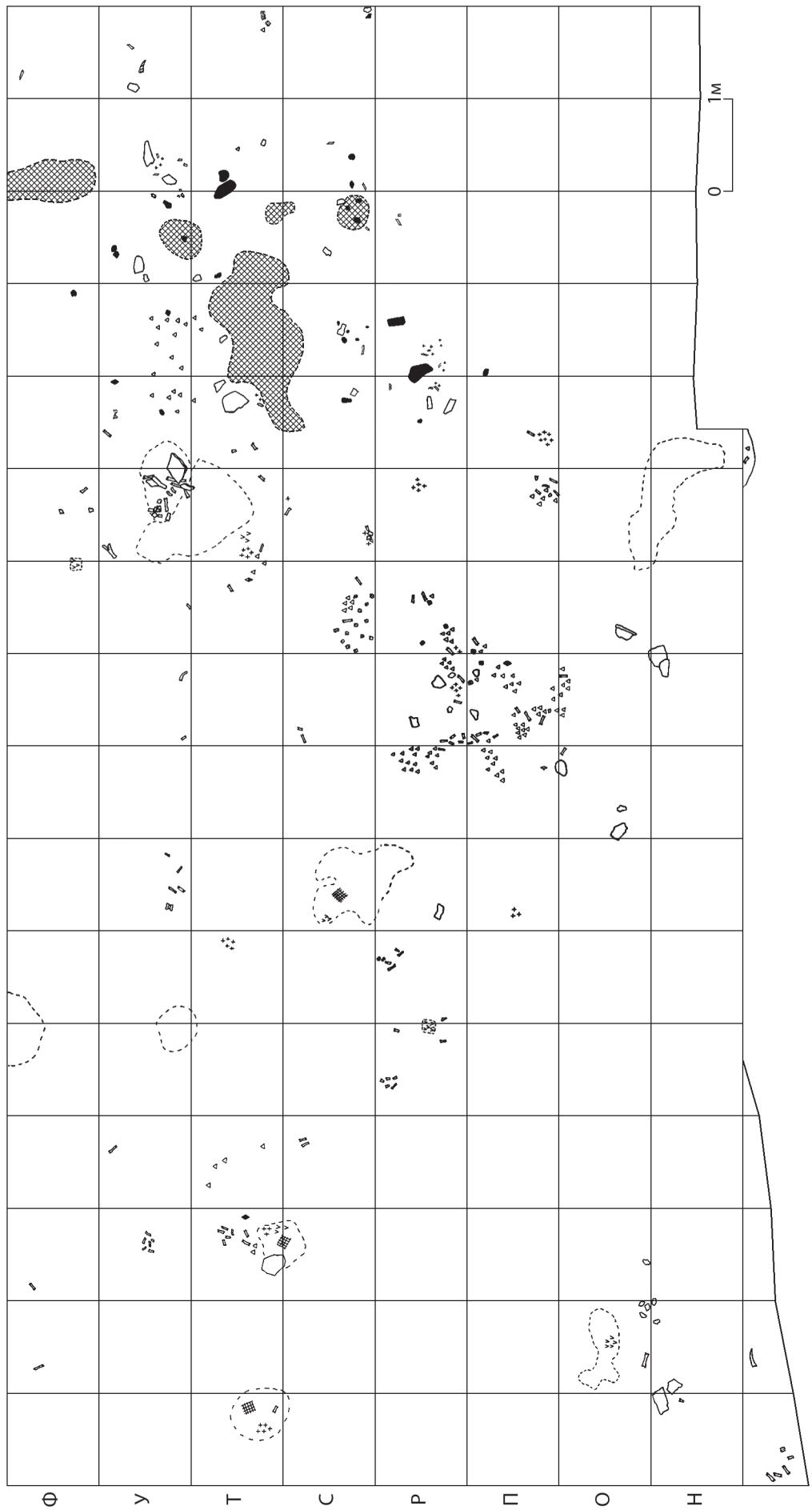


Рис. 115. Стоянка Тоора-Даш. 1980 г. Пятый культурный слой. План раскопа в кв. 24-39-Н-Ф

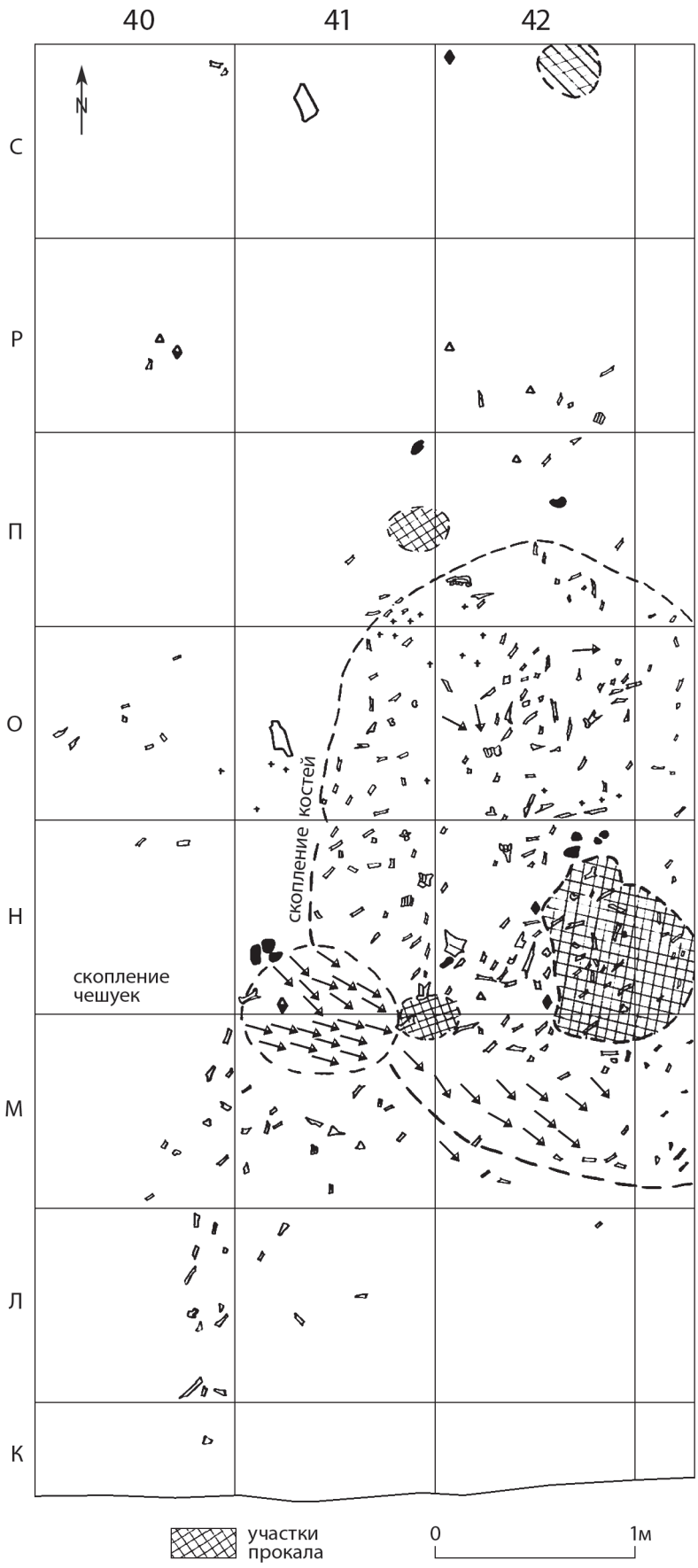


Рис. 116. Стоянка Тоора-Даш. 1981 г. Пятый культурный слой. 2-й горизонт. План раскопа в кв. 40-42-К-С

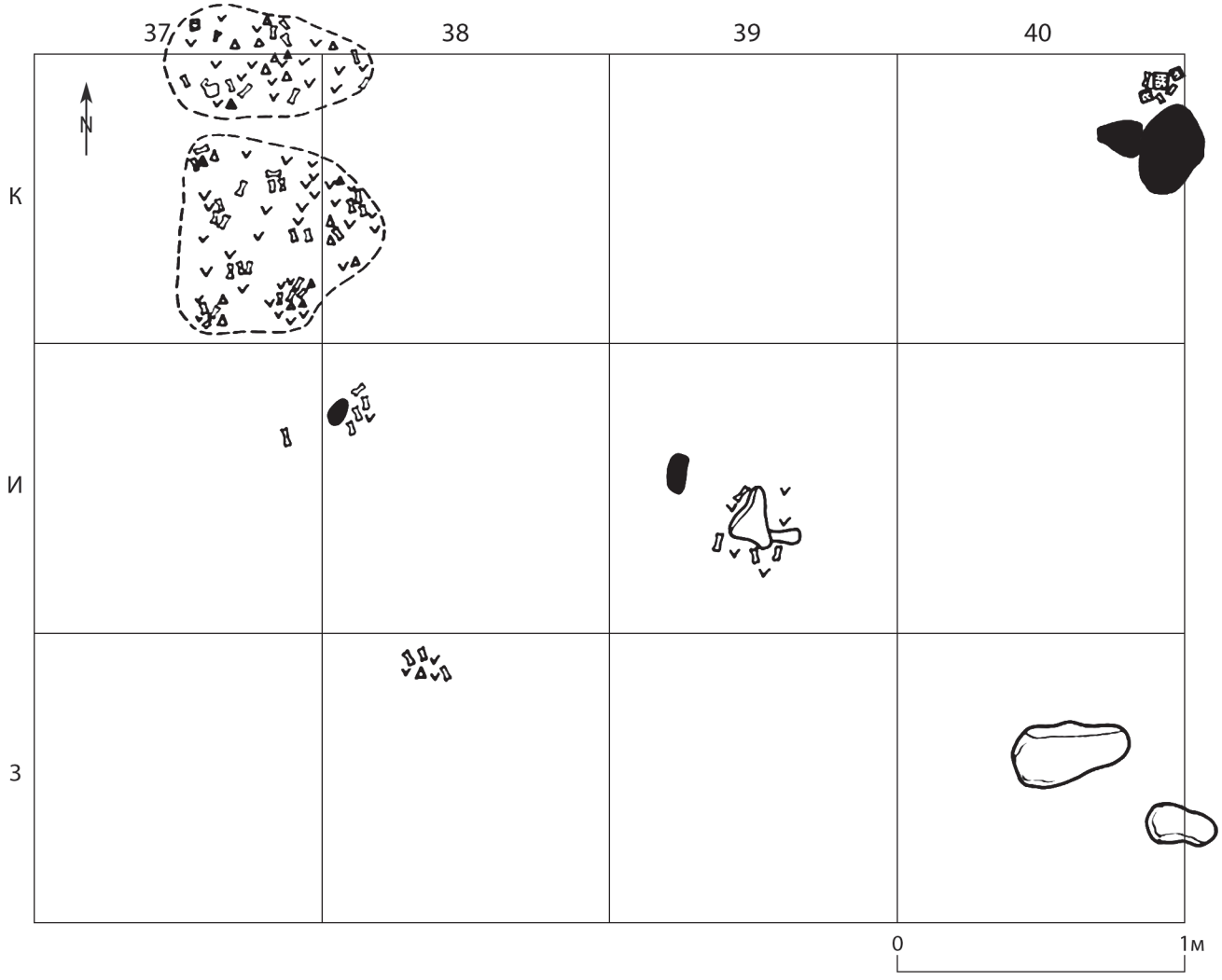


Рис. 117. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Пятый культурный слой. План раскопа в кв. 37-40-3-К

Его дно уплощенное, орнаментировано. Несколько фрагментов этого сосуда (в том числе ивенчик) было найдено в 1979 и 1980 г. (рис. 125, *1*). Второй горизонт отделен от первого прослойкой глины в 4 см. Здесь никаких находок не сделано.

Во втором раскопе (1982 г.) пятый культурный слой был вскрыт в кв. 35-47-М-Т, где было обнаружено пять очажных пятен мощностью около 5 см (рис. 118). В кв. П-44 расположен вытянутый с севера на юг очаг, на поверхности которого лежали речные гальки и наконечник стрелы. В кв. Н-45 в заполнении очажной ямы встречено много костей животных. К западу от этого очага лежала речная галька, рядом с которой были рога козерога. Между очажными пятнами в кв. М-44-45 и Н-43-44 находилось скопление костей, а в кв. М-45 скопление отщепов кремня. Еще одно маломощное пятно выявлено в кв. С-Т-46-47. В этом направлении слой становился довольно тонким, второй горизонт исчезает, крупнозернистый песок, перекрывающий его, выклинивается.

Кроме того исследовались кв. 31-43-Т-Ф. Здесь находки были приурочены к первому горизонту. В кв. 38-У найден фрагмент керамики, в кв. 38-39-Т очажное пятно с обломками трубчатых костей животных, а в кв. 40-41-Т-У — другое очажное пятно, в заполнении которого встречались мелкие кремневые отщепы. В кв. 35-36-Т-У обнаружен каменный ящик подквадратной формы 0,6 × 0,6 м, высота стенок 0,12–0,15 м, на северном краю лежала большая плита, вокруг ящика разбросаны фрагменты керамики и в заполнении прокал. В кв. 43-У обнаружена небольшая яма диаметром 0,3 м и глубиной до 0,1 м. В этой яме находилось большое количество костей козы или овцы (не менее трех особей). Найдены 10 астрагалов, разрубленные позвонки, трубчатые кости (рис. 119). Недалеко от скопления лежал небольшой терочный камень серповидной формы (рис. 123).

В 1983 г. пятый культурный слой выклинивался почти по всей площади раскопа и только в его западной части, начиная с кв. 35, слой становится

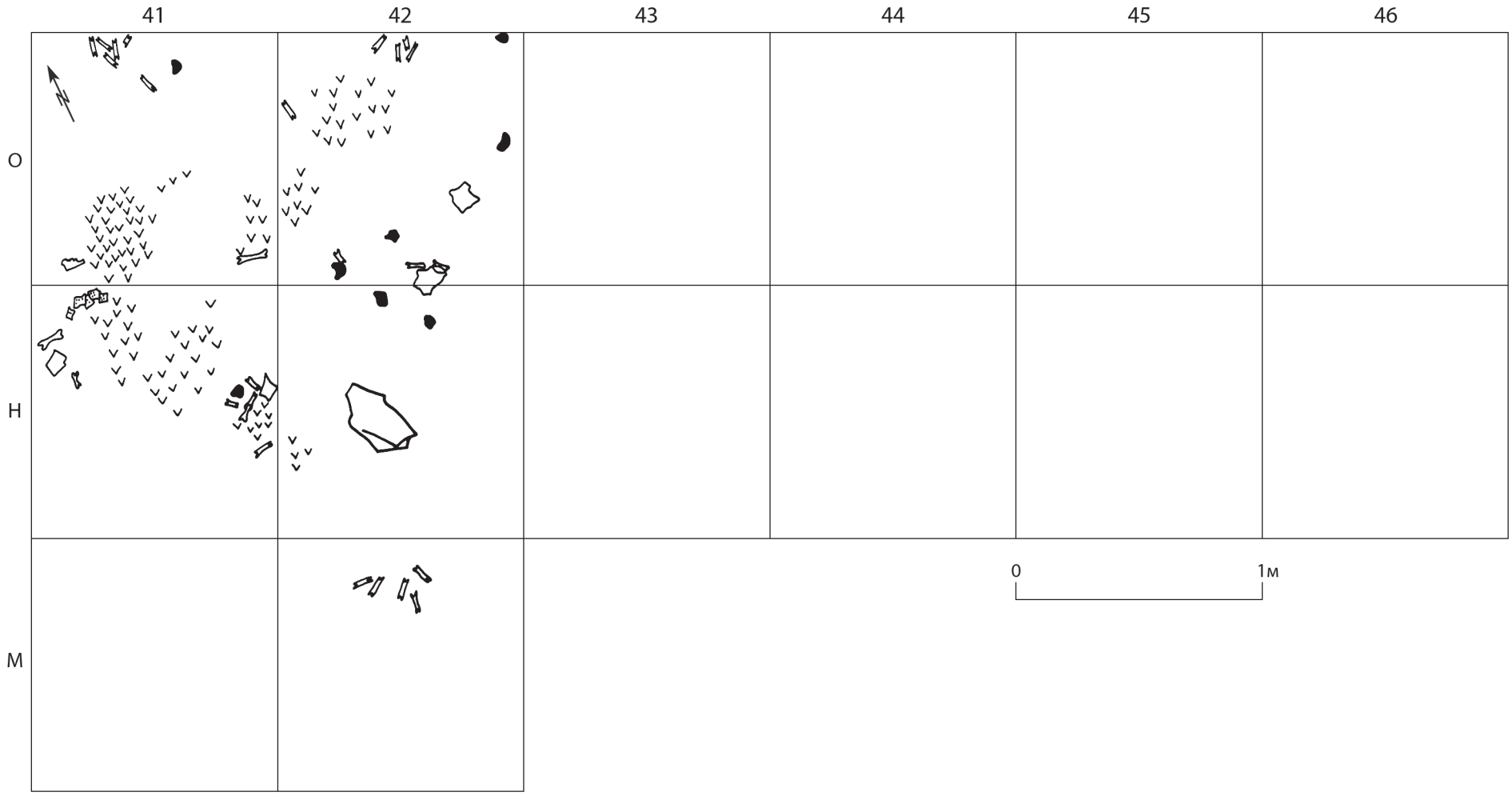


Рис. 118. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Пятый культурный слой. План раскопа в кв. 43-47-М-Т

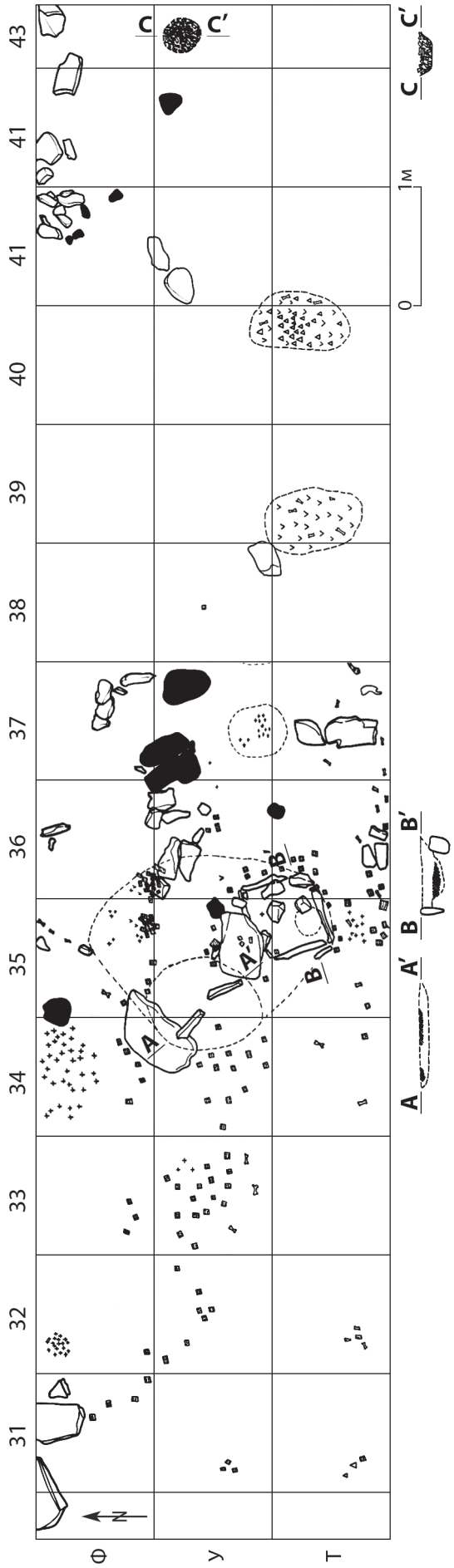


Рис. 119. Стоянка Тоора-Даш. 1982 г. Пятый культурный слой. План раскопа в кв. 31-43-Т-Ф

выраженным более четко. Здесь к довольно большому очажному пятну, расположенному в кв. 31-32-Ч, была приурочена керамика очень плохой сохранности, орнаментированная гребенчатым штампом, образующим геометрические узоры.

В 1984 г. слой вскрыт на площади 50 кв. м. Он делится на два горизонта. Верхний горизонт отделен от щебеночного песочного конуса выноса тонкой (не более 1–2 см) прослойкой глины. Непосредственно под этой глиной в слое темного суглинка залегали культурные остатки. Под суглинком была прослойка светлой глины, под которой находился нижний горизонт пятого слоя. Весь слой пронизан корнями деревьев. В верхнем горизонте в кв. 52-54-Г-Д выявлены очажные пятна, в заполнении которых встречалась речная галька и кости животных. Мощность пятен 5–6 см. К юго-востоку от них на границе кв. 54-55-Г-В был обнаружен развал сосуда с гребенчатой орнаментацией, который удалось отреставрировать полностью. Несколько фрагментов другого сосуда, но также с гребенчатой орнаментацией были в кв. 53-К. В кв. 3-И выявлено три очажных пятна и в кв. 54-К —следы углистой прослойки (рис. 120).

В нижнем горизонте культурные остатки выявлены только по линиям Д-Г-49-54 и В-А-53-54. Мощность слоя 3–5 см. Здесь расположено восемь очажных пятен с прокалом от 3 до 10 см. Их диаметр варьирует от 0,25 до 1 м. В заполнении этих очагов и между ними рассеяны кости животных и мелкие отщепы кремня. Среди них найден обломок лезвия нефритового тесла (рис. 121; 122, *17*).

Пятый слой разделялся на три отчетливые гумусные прослойки. Почти все находки были приурочены к верхней из них, и лишь в отдельных квадратах второго горизонта (второй прослойки) встречались очажные пятна и места обработки камня. По мере выклинивания слоя по направлению к скалам стерильные прослойки между горизонтами исчезали, а затем в одну пачку с пятым слоем практически слились слои шесть и семь. Тем не менее их можно было различить по составу почв.

Пятый культурный слой сравнительно беден находками. Очажные пятна, кости животных, осколки галек и кремня спорадически рассеяны по всей площади раскопа. Более или менее отчетливые скопления в первом горизонте локализованы в кв. 2-3-С-Р, 20-22-С-Р, 35-38-О-Р, 40-42-И-К, 44-45-М-О и 52-54-IV-Д. В этих пунктах к очагам аморфных очертаний приурочено наибольшее количество культурных остатков, среди которых встречаются фрагменты керамики и продукты расщепления камня, кусок медной руды. В кв. 43-У была расположена ямка, насыщенная дробленными костями более чем трех особей козы или овцы.

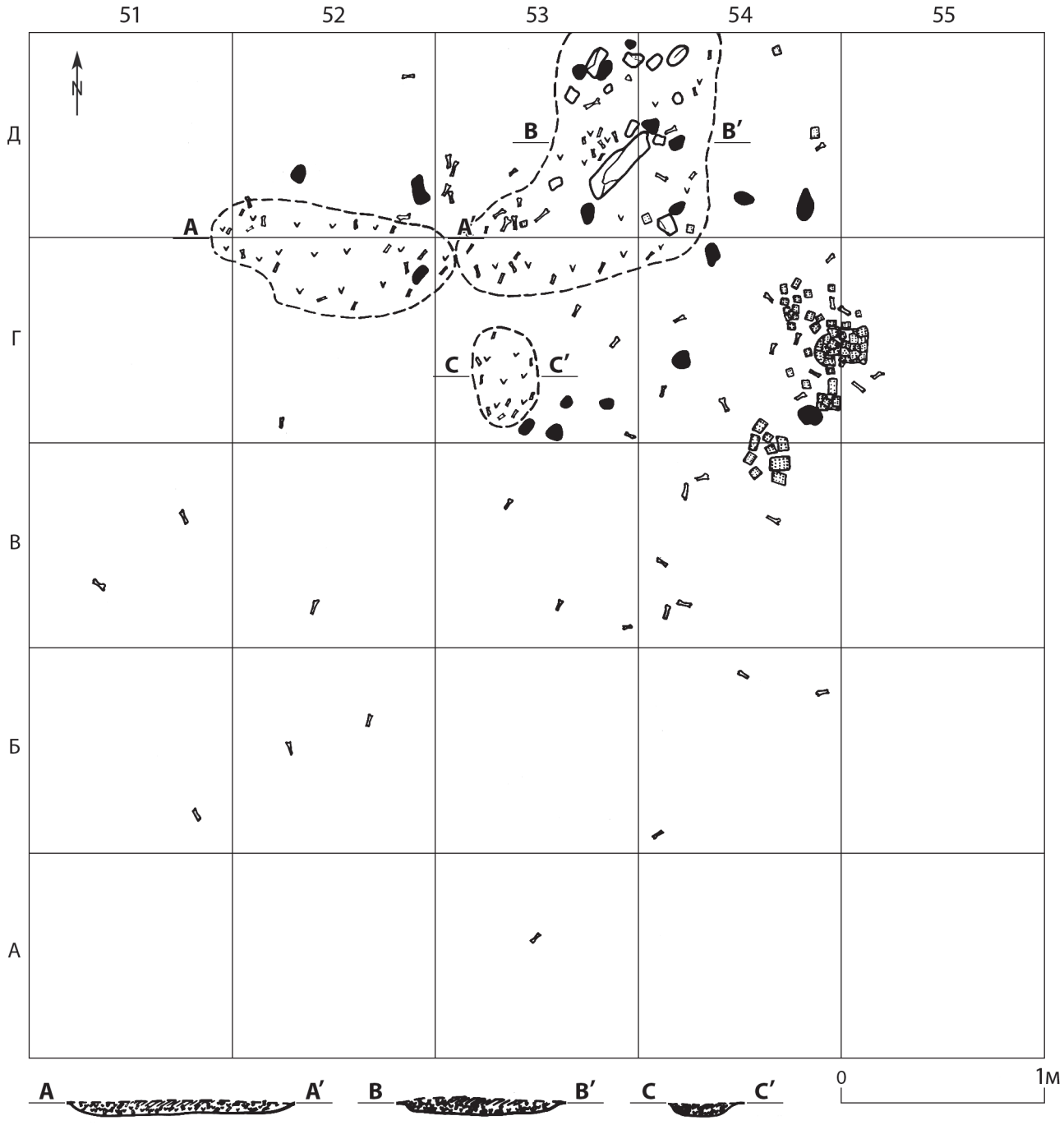


Рис. 120. Стоянка Тоора-Даш. 1984 г. Пятый культурный слой. Верхний горизонт. План раскопа в кв. 51-55-А-Д

Здесь найдены 10 астрагалов, разрубленные позвонки, суставы и трубчатые кости.

В верхнем горизонте в кв. 35-39-С-Н были обнаружены пятна аморфных очертаний. К северу от этих пятен были рассеяны мелкие фрагменты сосуда с ложношнуровой орнаментацией. Здесь же встречаются речные гальки и кости животных плохой сохранности.

Второй горизонт отделяется от первого двухсантиметровой прослойкой серого песка. Во втором горизонте культурные остатки встречались в кв. 29-38-С-Р. Здесь находился камень, который использовался как пест (или отбойник) и наковальня, вокруг которых были разбросаны раздробленные трубчатые кости. Далее в кв. 41-43-М-П вокруг очажного пятна малой мощности на площади свыше 6 кв. м рассеяны мелкие халцедоновые чешуйки и раздробленные кости животных. Здесь же найдено два ромбовидных наконечника стрел. Мощность второго горизонта не превышала 1,5 см. Несколько большей мощности (3–5 см) этот горизонт достигает в квадратах по линиям 52-56-Г-Д и в кв. 55-56-А-Б. В этой части раскопа, расположенной

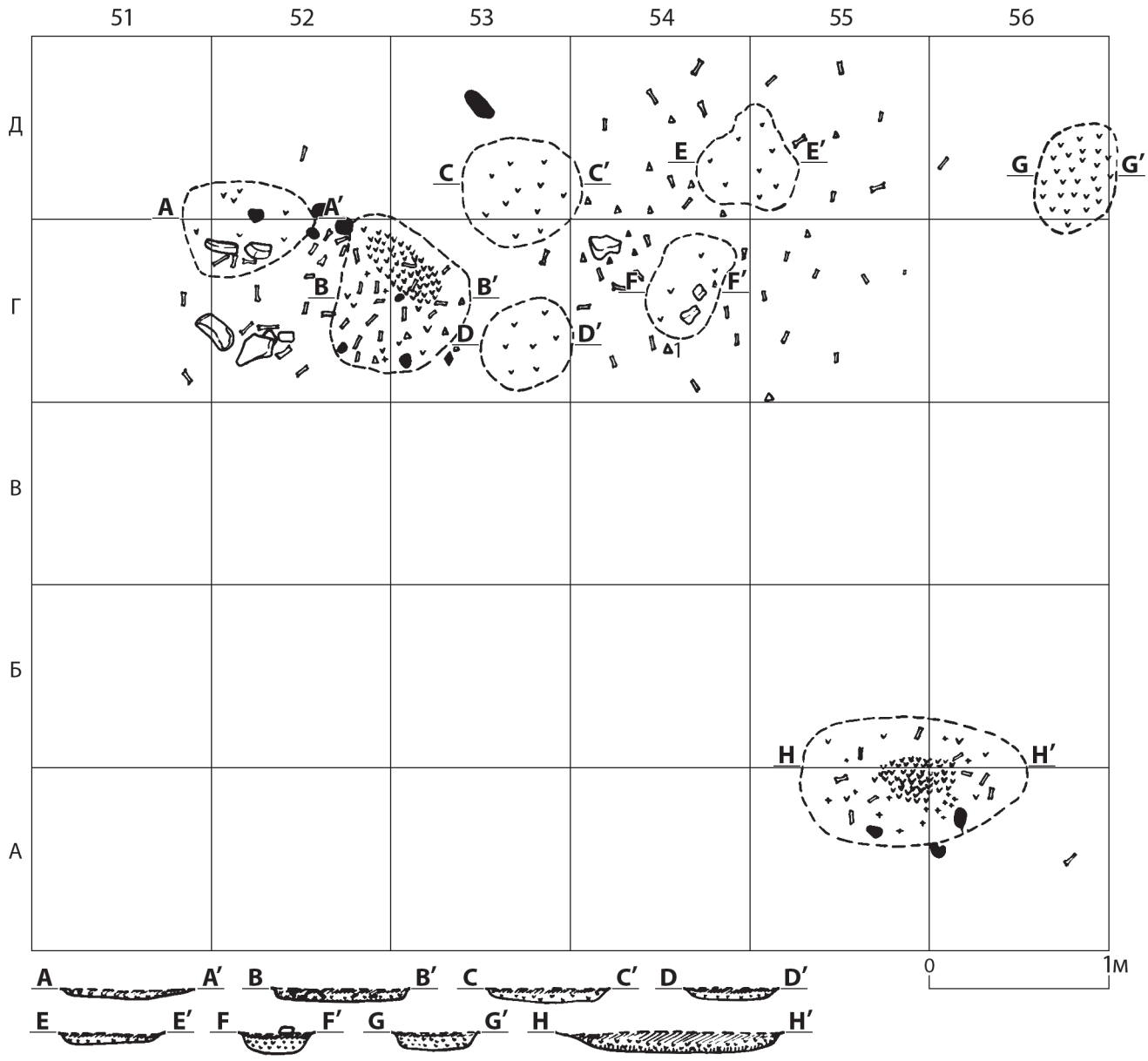


Рис. 121. Стоянка Тоора-Даш. 1984 г. Пятый культурный слой. Нижний горизонт. План раскопа в кв. 51-56-А-Д

в большой близости к реке, выявлено восемь очажных пятен с прокалом от 3–4 до 7–10 см. Их диаметр варьирует от 0,25 до 1 м. Заполнение этих очагов и слоя между ними состояло из костей животных и мелких отщепов кремня. Во втором горизонте пятого слоя керамика полностью отсутствовала.

В третьем горизонте культурных остатков не обнаружено. Отсутствие керамики во втором горизонте может поставить вопрос принадлежности последнего к афанасьевской культуре, но обнаруженные здесь наконечники стрел идентичны наконечникам из первого культурного горизонта. В свою очередь афанасьевские наконечники стрел существенно отличаются от предшествующих неолитических и более поздних окуневских, на основании чего можно утверждать, что первый и второй горизонты пятого слоя являются однокультурными и отражают два периода заселения Тоора-Даша афанасьевским населением. Промежуток между этими периодами был сравнительно невелик, о чем свидетельствуют маломощные и однородные стерильные прослойки между культурными горизонтами. Такая же глинистая прослойка перекрывает и первый горизонт, над которым образовался слой мелкощебеночной породы.

Каменный инвентарь пятого культурного слоя

Каменный инвентарь пятого культурного слоя сравнительно беден (рис. 122). Здесь собрано всего 246 отщепов и 48 чешуек кремня. Из них 20 отщепов с ретушью утилизации, четыре крупных первичных скола с галек, каменный пест (для которого использовалась естественная галька), два скребка, 10 наконечников стрел, их обломков и заготовок, нож, обломок

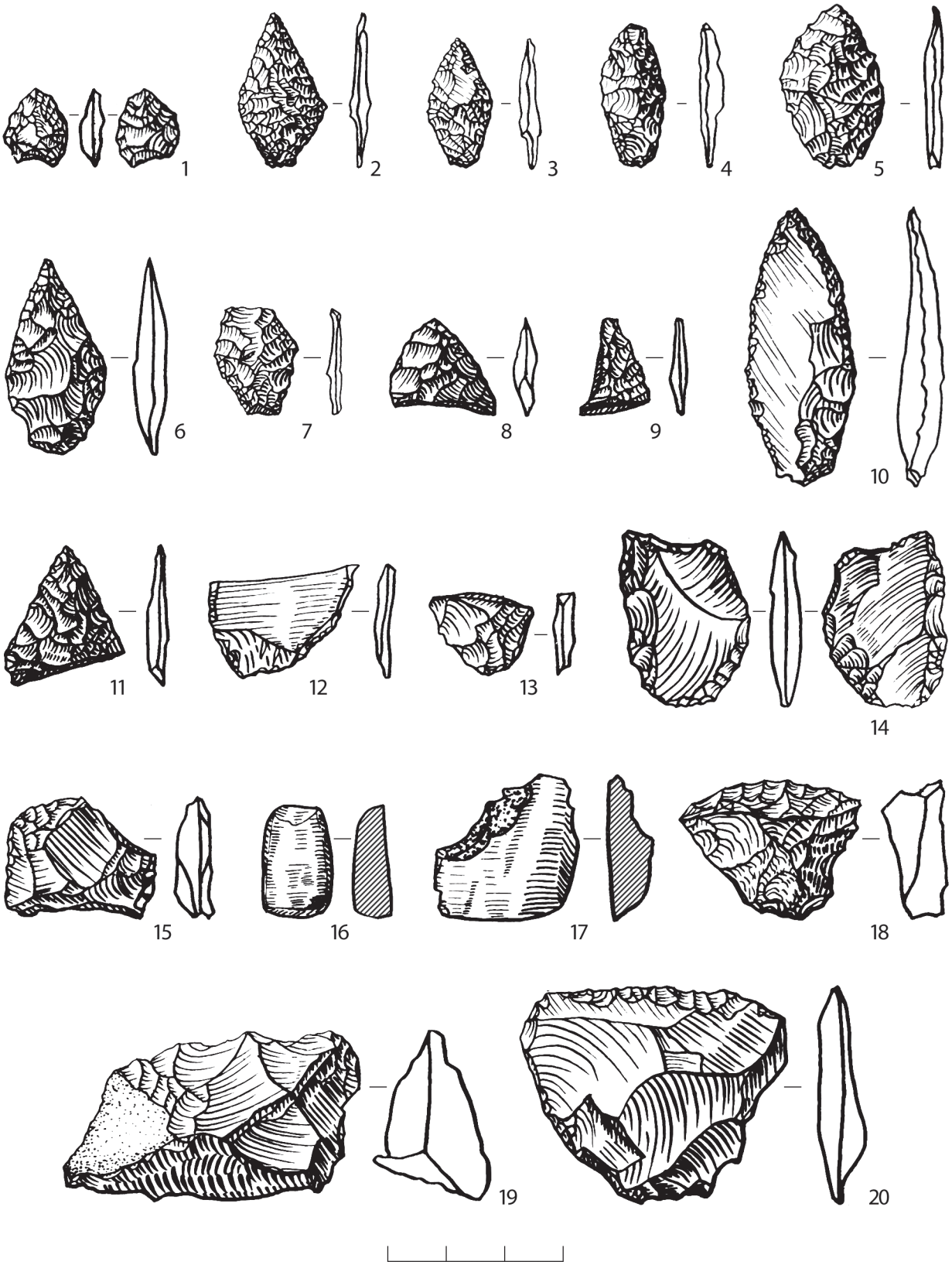


Рис. 122. Стоянка Тоора-Даш. Пятый культурный слой. Каменный инвентарь

лезвия нефритового тесла (рис. 122, *17*), заготовка для орудия.

Кроме того здесь обнаружены три незаконченных наконечника стрел. Один на пластинчатом отщепе длиной 4 см (рис. 122, *10*). Отщеп обработан приостряющей ретушью со стороны брюшка, а ударный бугорок слегка снят. Несколько первичных снятий произведено со спинки. Другие две заготовки представлены почти законченными изделиями, одно из которых, 2,5 см длиной, обработано по периметру плоской ретушью (рис. 122, *4*). Другое — миндалевидной формы, 2,4 см длиной и 1,5 см шириной, острие этого наконечника обломлено, насад слегка приострен с плоской стороны (рис. 122, *5*).

В слое были обломки наконечников стрел: треугольный обломок крупного асимметричного наконечника (рис. 122, *11*) и два обломка края наконечника (рис. 122, *8, 9)*. Оба не дают представления о форме. Одно маленькое овальное изделие с обломанным жальцем и слегка намеченной выемкой в основании, которая характерна для неолитических изделий (рис. 122, *1*), и один наконечник ромбовидной формы с шипом в широкой части, с обломанным жальцем и основанием (рис. 122, *7*).

Здесь представлено три целых наконечника: миндалевидный со слабонамеченным черешком, его длина 2,2 см, ширина 1,2 см (рис. 122, *3*); два других ромбовидные. Один 2,6 см длиной и 1,5 см шириной, на боковом тупом углу шип, противоположный угол закруглен (рис. 122, *2)*. Другой — 3,3 × 1,7 см, шип снят, боковые углы закруглены (рис. 122, *6*).

В пятом слое найдено два экземпляра скребков на отщепах. Один скребок плоский в сечении, с овальным рабочим краем, приостренным мелкой ретушью (рис. 122, *18*), другой ассиметричный, с ретушью с левого края (рис. 122, *15*).

Нужно отметить еще нож на треугольном отщепе, лезвие которого на продольном крае оформлено мелкой ретушью со стороны спинки (рис. 122, *20*).

Керамика пятого культурного слоя

В пятом культурном слое найдены остатки девяти керамических сосудов, три из них восстановлены полностью (археологически целые сосуды), два лишены придонной части, от одного сосуда сохранилась только часть днища и еще три представлены фрагментарно. Вся керамика приурочена к верхнему горизонту пятого слоя.

Целые сосуды

Первый целый сосуд высотой 31 см, диаметр венчика 15,5 см, диаметр шейки 15 см и тулова 30 см. Дно округло-овальное, слегка уплощенное. Сосуд вытянутых пропорций, мешковидной формы. Край венчика отогнут наружу, напоминает сосуды с открытой раструбом шейкой. Венчик покрыт косой гребенкой, на шейке и плечиках — елочный узор. Тулово опоясано горизонтальными строчками косо поставленного штампа, между которыми сохраняются широкие неорнаментированные пояса. Ниже проходит широкая зона без орнамента с характерными для афанасьевской посуды бессистемными расчесами. Придонная часть сосуда выделяется диагональными оттисками штампа и горизонтальными параллельными рядами гребенки. На дне радиальнорасходящийся от центра чеканный орнамент (рис. 124).

Второй целый сосуд имеет типично афанасьевскую форму — с округлым дном и хорошо выраженной шейкой, венчик отогнут наружу, высота 16 см, диаметр

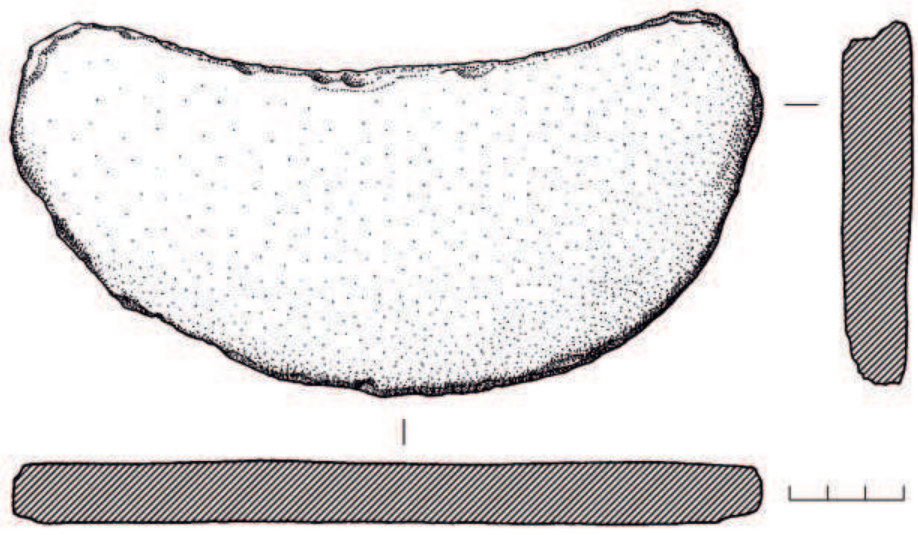


Рис. 123. Стоянка Тоора-Даш. Пятый культурный слой. Терочный камень

Рис. 124. Стоянка Тоора-Даш. Пятый культурный слой. Керамический сосуд

по венчику 10 см. Орнамент выполнен оттисками короткого гребенчатого штампа, сплошь покрывающими все орнаментальное поле, разделенное с помощью вариаций композиции на четыре горизонтальные зоны: венчик, шейка, тулово и дно сосуда. Кроме того на шейке имеются два круглых отверстия на расстоянии 3 см друг от друга. Вокруг отверстий керамика сохранила красный цвет, тогда как остальная часть сосуда черная или серая. Вероятно, здесь находилась заплата, скреплявшая треснувший венчик (рис. 125, *2*).

Третья целая форма представлена сосудом высотой 12,5 см, с маленьким (2,5 см) уплощенным дном и диаметром по венчику 9 см. Его характерной особенностью является наличие налепного валика по венчику — деталь, ставшая обычной на посуде следующего этапа. Глиняные ленты соединяются не встык, как на керамике афанасьевской культуры, а внахлест, что более характерно для окуневской керамической традиции (*Иванова*, 1968. С. 251–253). Тем не менее этот сосуд относится к пятому афанасьевскому слою Тоора-Даша и случайное попадание его в этот слой исключено. Он декорирован точно таким же коротким гребенчатым штампом, как и совершенно типичный для афанасьевской культуры сосуд, описанный выше, но орнамент нанесен вертикально сверху вниз от налепа на венчике до уплощенного дна. Венчик покрыт косой сеткой, дно орнаментировано тем же штампом (рис. 125, *1*).

Частично восстановленные сосуды

Два сосуда не имеют придонной части. Диаметр одного из них 10,5 см. Край венчика волнистый. Сосуд декорирован горизонтальными оттисками зубчатого штампа. Исходя из пропорций целых форм, где диаметр венчика на одну треть меньше высоты, можно предположить, что высота этого сосуда составляет около 14 см (рис. 126, *2*).

Второй сосуд без дна был 7,5 см в диаметре. Край венчика слегка уплощен. Венчик и стенки украшены имитацией шнурового орнамента. Его предположительная высота около 10 см (рис. 126, *5*).

Фрагменты керамики

Остатки четырех сосудов представлены обломками разной величины. Среди них фрагмент округлого днища и часть стенки (рис. 126, *6*). Стенки орнаментированы гребенчатым штампом. Само дно украшено концентрическими или спиральными кругами, образованными наколами овального орнаментира.

В кв. 53-54-Д найдено 16 керамических обломков с двумя орнаментальными зонами. Здесь представлен елочный орнамент в сочетании с горизонтальными линиями, выполненными прокатыванием гребенчатого штампа (рис. 126, *1, 3*). Еще один фрагмент из пятого культурного слоя был украшен редкими насечками (рис. 126, *4*).

Рис. 125. Стоянка Тоора-Даш. Пятый культурный слой. Керамические сосуды

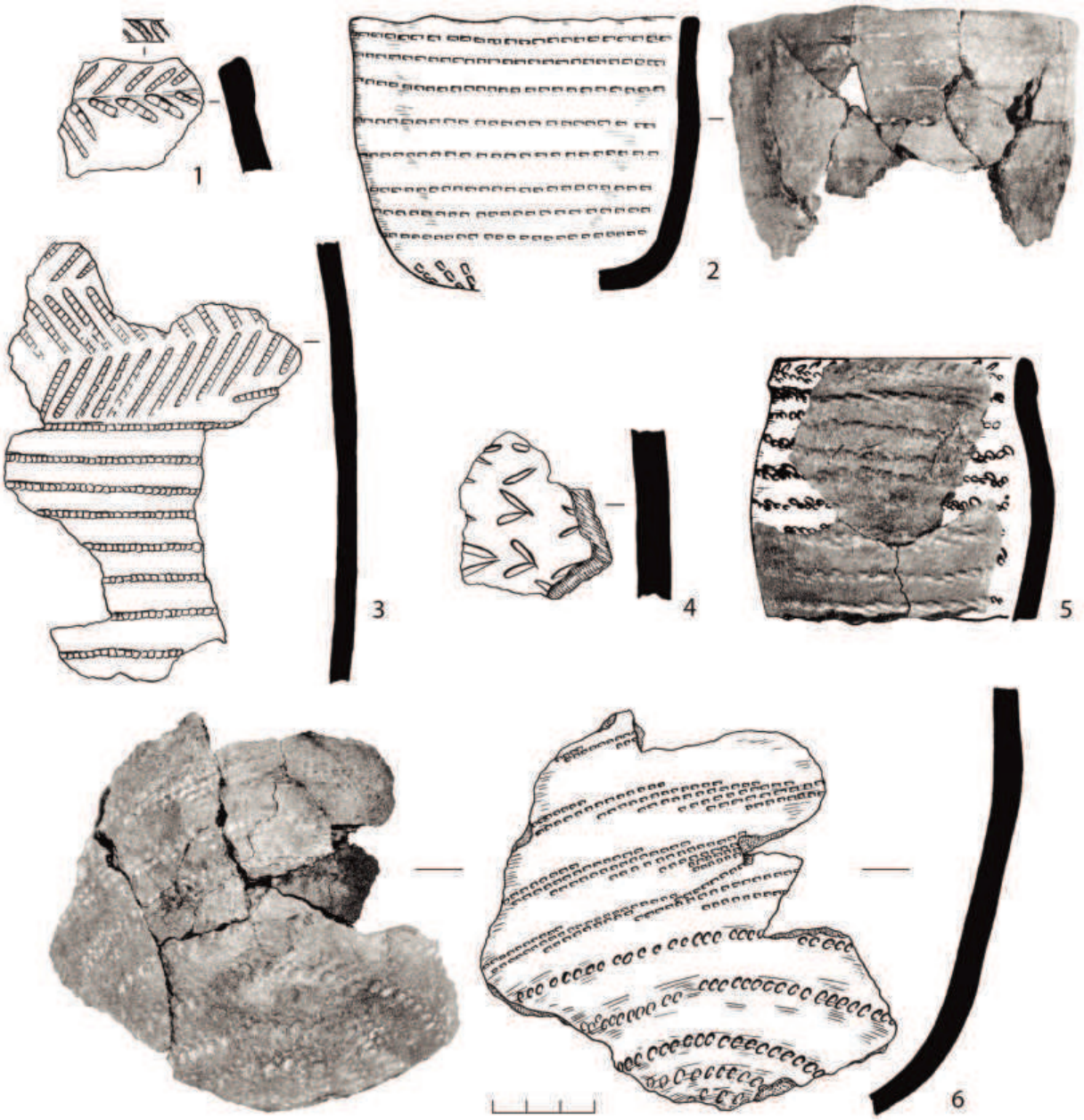


Рис. 126. Стоянка Тоора-Даш. Пятый культурный слой. Керамика

***

Афанасьевская посуда из пятого культурного слоя, несмотря на свою малочисленность, представляет сочетание черт, свойственных неолитической керамике, с одной стороны (к ним относится гребенчатый декор, присущий в основном и афанасьевской керамике Тоора-Даша, орнаментальные пояса, подчеркивающие венчик, тулово и дно сосуда, спиральный завиток на дне), и окуневской — с другой. Это позволяет впервые поставить вопрос об ассимиляции мигрантов неолитическим населением и уточнить вклад афанасьевской культуры в окуневскую.

Надо отметить, что тип хозяйства, судя по остеологическим данным, на стоянке Тоора-Даш оставался неизменным. Согласно определению зоолога А. В. Гальченко, обитатели второго культурного слоя охотились на сибирского горного козла, горного барана (архара), косулю, дзерена, кулана, кабана и медведя. В третьем слое найдены кости благородного оленя, кулана, косули, дзерена, кабана, сибирского горного козла, горного барана, лисы, мелкого хищника, крупного рогатого скота, а также 100 мелких рыбьих костей. В пятом слое встречены остатки сибирского козерога, архара, мелких парнокопытных, крупного рогатого скота, собаки, лося, кулана, дзерена. В шестом слое найдены кости мелких парнокопытных, крупного рогатого скота, косули, козерога, горного барана и лося.

Глава 7.
Окуневская культура — шестой и седьмой культурные слои

7.1. Шестой культурный слой

Шестой культурный слой вскрыт на площади 470 кв. м. Культурные остатки приурочены к контакту между серыми супесями и перекрывающим их песком. Представляет собой гумусированную супесчаную прослойку, которая как и пятый слой, смыта по линии М и сливается с пятым и седьмым слоями по линиям Т и У.

Слой насыщен костями, обломками керамики, золистыми прослойками, следами очагов, расколотыми речными гальками и другими следами повседневной деятельности человека, выявлена производственная мастерская, специализировавшаяся на изготовлении наконечников стрел. Здесь найдено более 2000 отщепов и чешуек и больше двух десятков заготовок для стрел и сломанных или законченных изделий. Отходы производства концентрировались в кв. 21-22-С и 18-19-С-Р (раскопки 1979 г.). К востоку от мастерской были расположены очаги, обломки костей, керамических сосудов. Площадь участка, открытого в 1979 г., составляла не менее 100 кв. м (кв. 16-42-К-С) (рис. 127). Кроме того отдельные чешуйки были рассеяны между скоплениями. По заготовкам можно судить о том, что здесь изготавливались наконечники двух типов —миндалевидные с округлым основанием и черешковые. Использовался в мастерской черный кремень низкого качества.

К северу от линии Ф находки единичны, к югу от линии М в кв. 36–42 слой был смыт рекой, на линии смыва в кв. 32-Л-К сохранился каменный ящик размерами 0,4 × 1 м. Его назначение осталось неясным.

Каменный ящик в кв. 32-Л-К был исследован до начала раскопок стоянки, он оказался, вероятно, ограбленным; плиты перекрытия хотя и сохранились, но лежали в беспорядке. Внутри ящика зафиксирован мощный слой крупных углей. По всей вероятности, ящик был впущен из 6-го слоя в нижележащий слой крупнозернистого песка, поскольку он был виден на склоне террасы, местное население приспособило его под рыбокоптильню.

В кв. 22-У-Т находилось скопление мелких чешуек кремня — продолжение кремнеобрабатывающей мастерской, исследованной в основном в 1979 г. В кв. 22-23-Ф — несколько фрагментов гребенчатой керамики. Основное скопление культурных остатков располагалось в кв. 27-30-У-О: здесь найдено большое количество костей животных, отходы кремнеобрабатывающего производства, целые орудия из кремня, в частности, наконечники стрел и керамика.

В кв. 27-28 по линии Ф обнаружена неглубокая очажная яма, прокопанная, однако, до нижележащего 5-го культурного слоя, относящегося к афанасьевской культуре. Найденная в этой яме керамика более походит на афанасьевскую, нежели на керамику окуневской культуры, обнаруженную в 6-м культурном слое.

Следующее четкое скопление культурных остатков приурочено к очажным пятнам в кв. 44-47-О-Т. Здесь найдено довольно много керамики, рассеянной на этом участке, ее наибольшая концентрация в кв. 45-46-О (рис. 128). Керамика имела гребенчатую, накольчатую и ложношнуровую орнаментацию.

В 1981 г. слой был вскрыт на площади более 46 кв. м. Мощность слоя здесь невелика и все находки приурочены к его поверхности, к контакту между серыми супесями и перекрывающим их песком. Находок также немного. В кв. Р-42 было обнаружено большое

количество отщепов, а в кв. С-Н-36-37 встречены мелкие кости животных, незначительные зольные пятна и фрагменты керамики с гребенчатой и прочерченной орнаментацией.

В 1982 г. шестой культурный слой вскрыт на площади 60 кв. м, в кв. 35-47-Т-Ф и 43-47-С-Ф (рис. 128; 129). На первом участке находок было мало (рис. 129). В кв. 43-Ф-У и 45-46-Т-С были очажные пятна, между которыми находились скопления камней (рис. 128). В кв. 44-45-Т-Н рассеяно большое количество фрагментов керамики, образующей скопление в кв. 45-46-О. Керамика имела гребенчатую, накольчатую и ложношнуровую орнаментацию. Часть керамики была с налепным венчиком. В кв. 47-О-П —группы плоских камней. Эти камни вместе с камнями в кв. 45-46-Т-П и 45-46-О образовывали овальную выкладку, но ее очертания нечетки и интерпретация ее невозможна. К югу от выкладки в кв. 45-П обнаружены терочные камни. В кв. 45-46-Н была найдена придонная часть горшка, лопатка и ребра барана (рис. 130; 131).

В раскопе 1983 г. слой был загроможден обломками скал, среди которых встречено несколько мелких фрагментов керамики и мелкие обломки костей. В кв. 30-35-Х-Ц были мелкие кости, речные гальки и угли. В кв. 38-Х найден наконечник стрелы из кварцита. Очевидно, что раскоп 1983 г. пришелся на периферийную часть стоянки этого времени.

В 1984 г. слой вскрыт на площади 28 кв. м. Он выклинивался по линии Г. Отделен от седьмого слоя крупнозернистым песком. Культурные остатки приурочены к суглинкам. Слой насыщен костями, обломками керамики, золистыми прослойками, остатками очагов, речными гальками и другими следами повседневной деятельности человека. Наиболее насыщенный артефактами участок стоянки был раскопан в 1984 г. (кв. 52-55-Д-К) (рис. 132). Он максимально приближен к реке и располагался на небольшом мысу, образованном оползнем, перекрывающим пятый культурный слой, благодаря чему не подвергся размыву рекой. В этой части раскопа слой становится более суглинистым в отличие от супесчаного в начале раскопа. Здесь находился наиболее крупный очаг диаметром более 1,5 м. К нему примыкает участок с большим количеством костей и обломков керамики. Встречено много мелких речных галек. Наиболее крупные очаги расположены в кв. 52-53-Г-Д, т. е. частично приурочены к линии выклинивания слоя. С северной стороны в кв. 52-54-Е-Ж к очагам примыкает участок, насыщенный костями животных. В кв. 51-54-З-К также было много фрагментов гребенчатой керамики. По линии кв. 54-Д-К находилось много обломков скал. Более мелкие очаги располагались в кв. 52-И и 54-К.

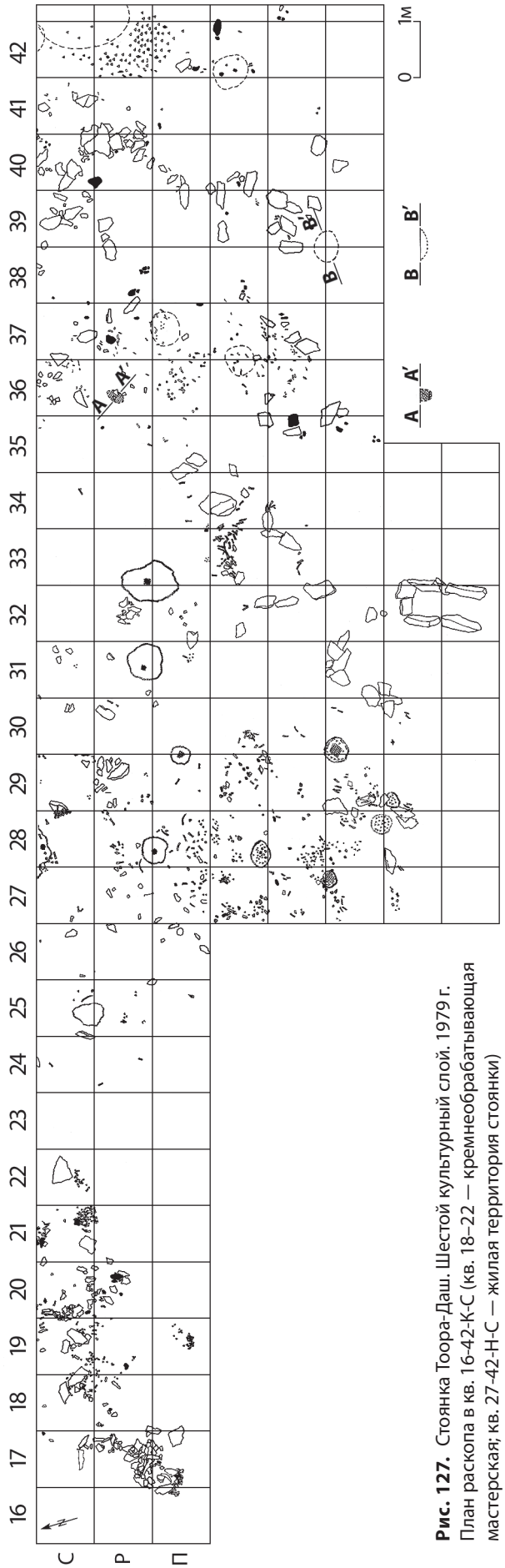


Рис. 127. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. 1979 г. План раскопа в кв. 16-42-К-С (кв. 18–22 — кремнеобрабатывающая мастерская; кв. 27-42-Н-С — жилая территория стоянки)

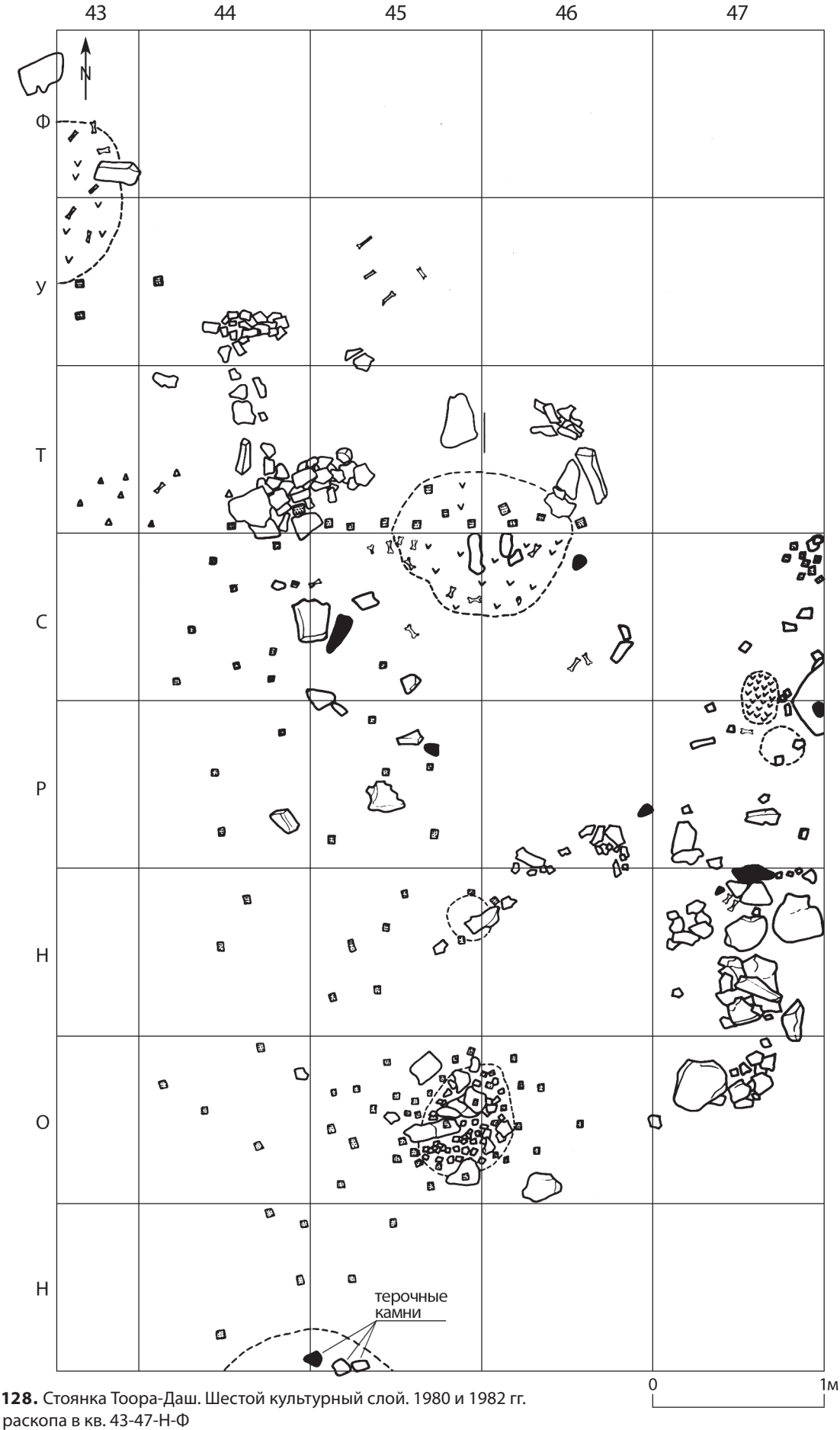


Рис. 128. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. 1980 и 1982 гг.
План раскопа в кв. 43-47-Н-Ф

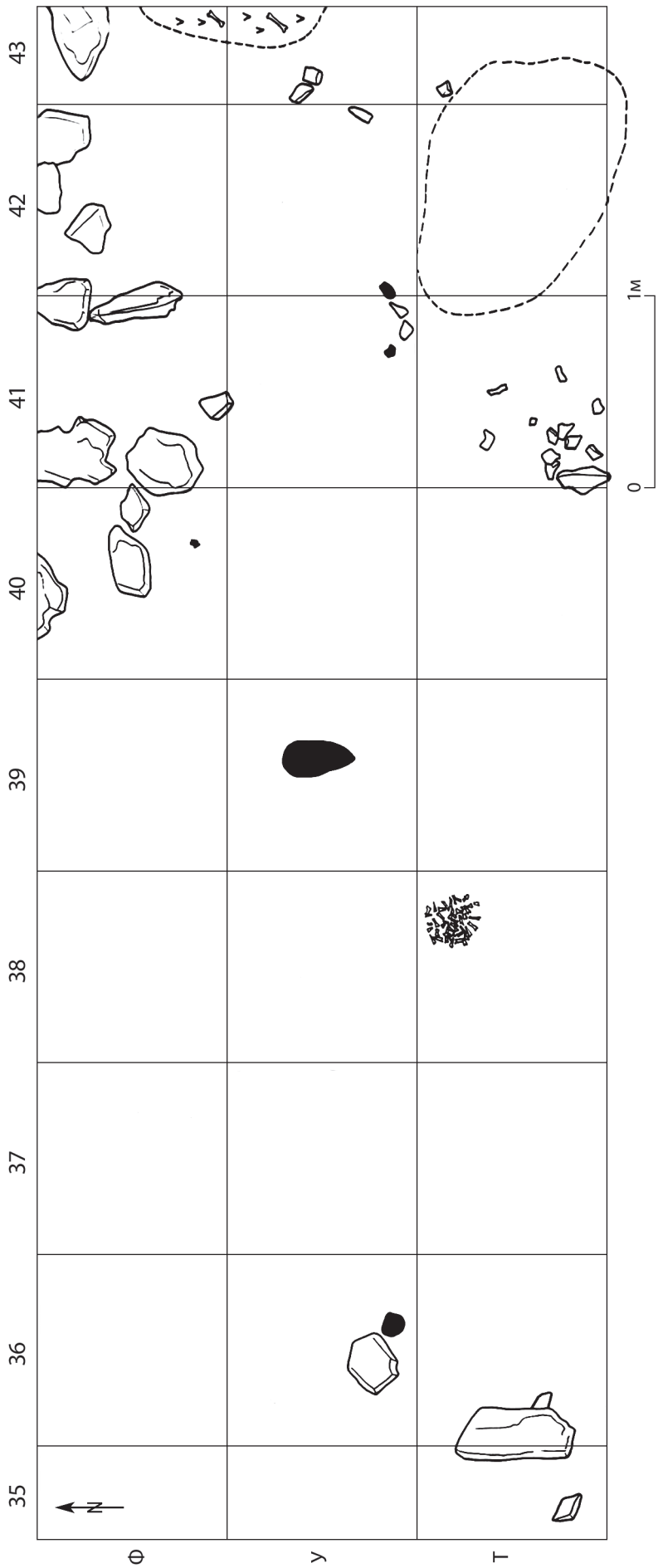


Рис. 129. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. 1982. План раскопа в кв. 35-43-Т-Ф

Рис. 130. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. 1982 г. Дно сосуда в кв. 45-Н

Рис. 131. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. 1982 г. Рога косули в кв. 46-Н

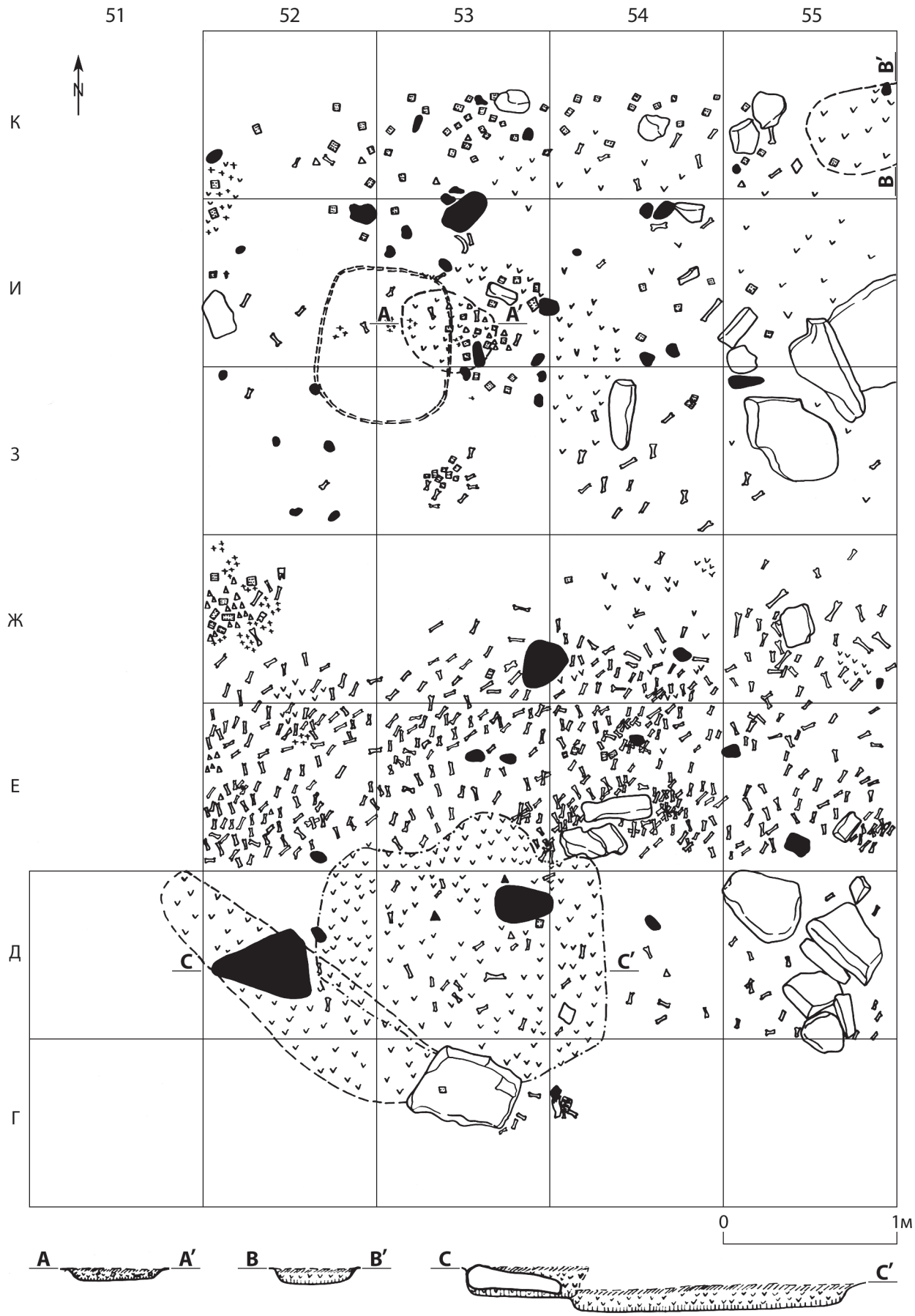


Рис. 132. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. 1984 г. План раскопа в кв. 51-55-Г-К

Таким образом, в шестом культурном слое, относимом к первому этапу окуневской культуры в Туве, было выявлено большое количество орудий из камня (главным образом наконечников стрел и их заготовок), обломков керамических сосудов, часть которых археологически целые. Помимо этого массового материала в шестом слое в 1984 г. в кв. 28-29-Х-Ц найдены терочные камни и зернотерка с курантом (рис. 133–135). Исследованы остатки кремнеобрабатывающей мастерской и жилые участки стоянки. Хотя следов долговременных жилых построек не выявлено, можно полагать, что в местах наибольшей концентрации культурных остатков могли стоять легкие переносные жилища типа чумов.

Каменный инвентарь шестого культурного слоя

В шестом культурном слое исследована кремнеобрабатывающая мастерская, специализировавшаяся на изготовлении наконечников стрел, чем объясняется своеобразие полученного из этого слоя каменного инвентаря. Мастерская локализована в кв. 21-22-С-У и кв. 18-19-С-Р. Здесь к трем каменным наковальням (плоские сланцевые плиты) были приурочены отходы производства, отщепы, чешуйки, нуклевидные сколы и т. п. общим числом 2570 единиц. Около первой наковальни собрано 317 отщепов и чешуек, около второй — 890 и у третьей — 306. Вне этих скоплений собрано еще 1057 единиц отходов, полученных при раскалывании кремня. Здесь же найдено 22 целые заготовки для наконечников стрел в разной стадии обработки, 17 сломанных заготовок для наконечников обычных размеров (3,5–2,5 см) и четыре крупные заготовки длиной 4–5 см и шириной 2,5–3 см (рис. 136–138). Учитывая, что отсутствует, как мини-

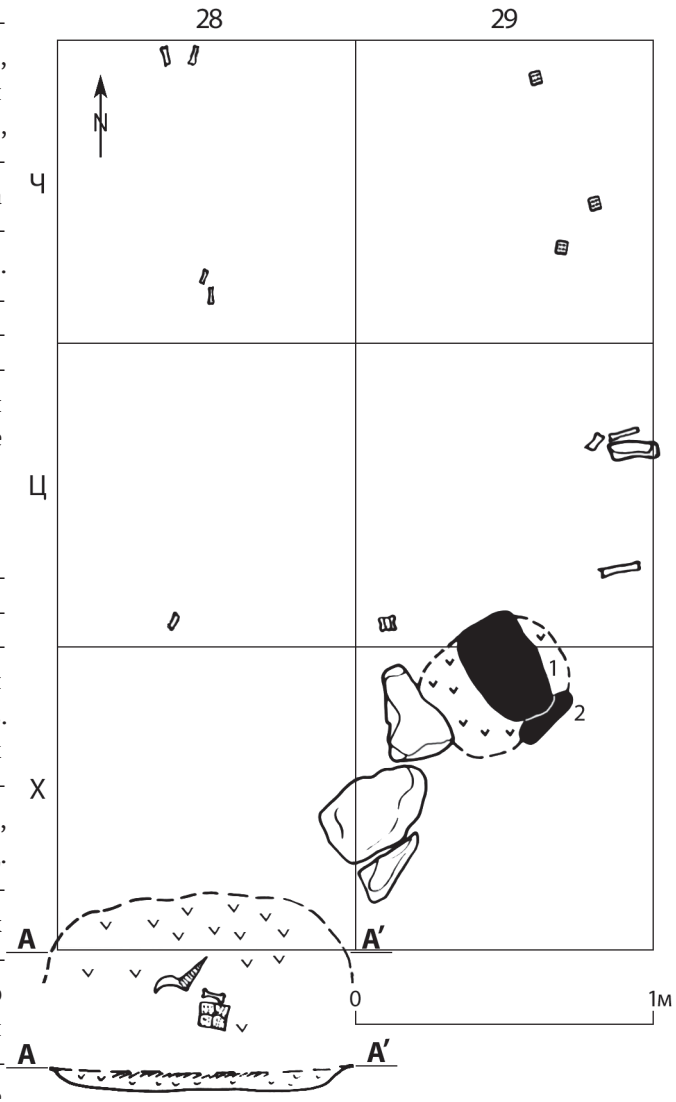


Рис. 133. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. 1984 г. План раскопа в кв. 28-29-Х-Ч

Рис. 134. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. 1984 г. Очаг с зернотеркой и курантом в кв. 28-29-Х-Ч

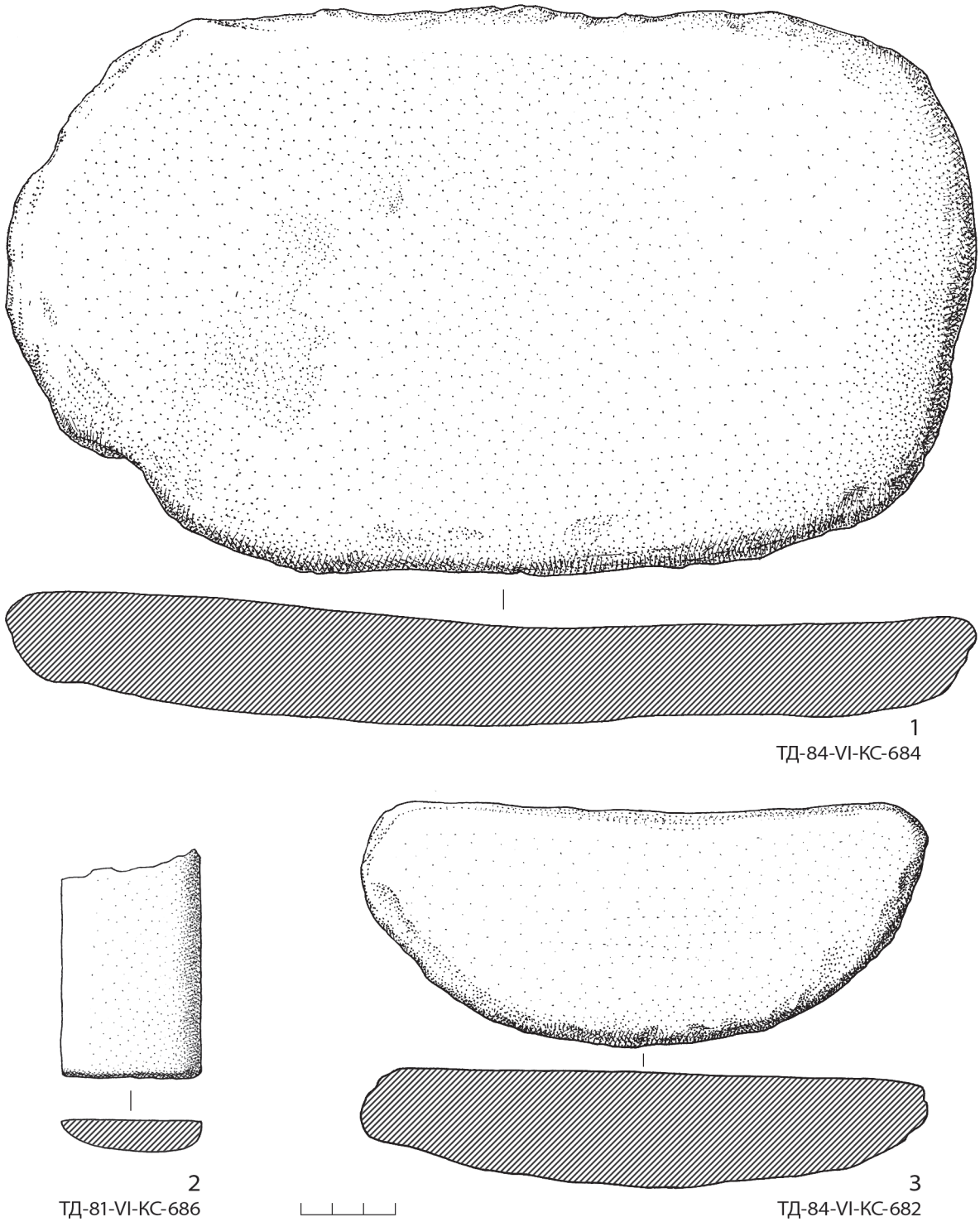


Рис. 135. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. 1984 г. Зернотерка с курантом, терочные камни

мум, половина этих изделий, их первоначальную величину можно считать равной 8–10 см. Таких крупных изделий в слое не найдено, но среди подъемного материала на берегу Енисея подобран экземпляр длиной 5,5 см (рис. 137, *10*), типологически сопоставимый с наконечниками из шестого слоя.

Некоторые обломки являются почти законченными изделиями, другие представляют начальные фазы обработки камня, о чем можно судить по трем грубо оббитым отщепам в первичной стадии изготовления орудия (рис. 136, *24, 28, 29*).

Законченных целых наконечников стрел за пределами мастерской найдено еще три в других частях стоянки (рис. 137, *16, 17, 19*). Сырьем служил местный валунный кремень низкого качества. При этом следует отметить одну особенность: пять целых наконечников

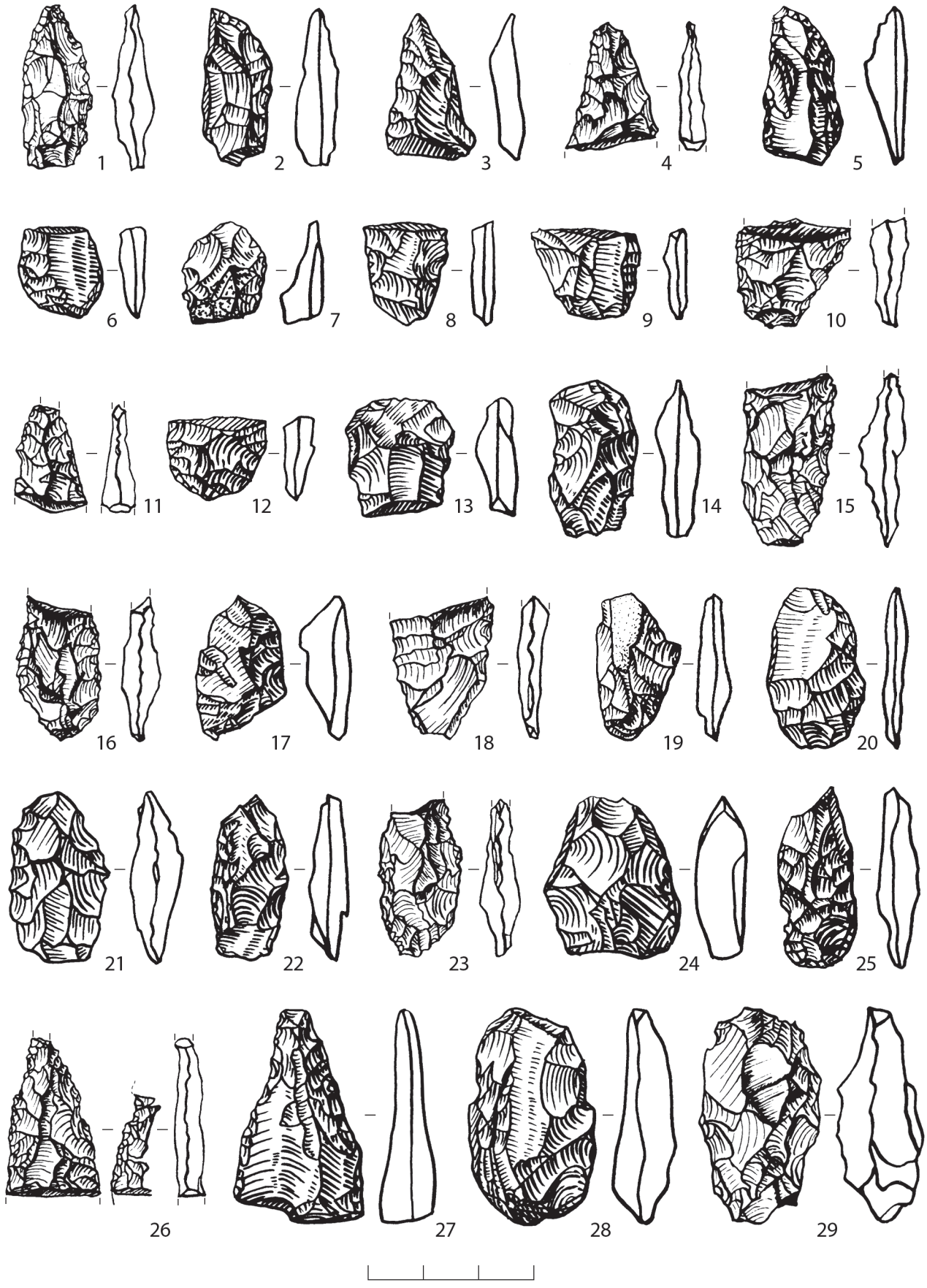


Рис. 136. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. Каменный инвентарь. Заготовки наконечников стрел

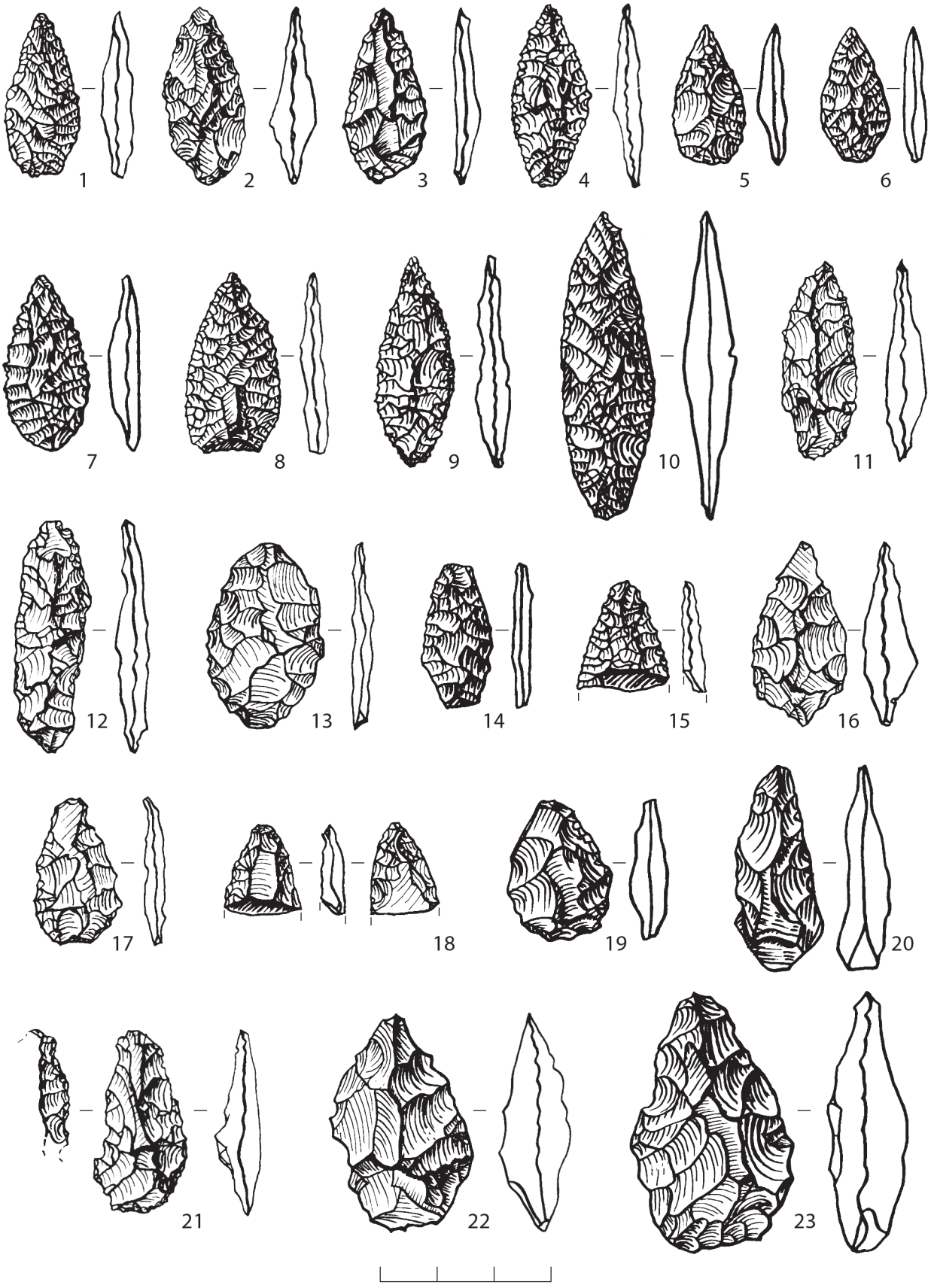


Рис. 137. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. Каменный инвентарь: *1–10, 13* — наконечники стрел; *11, 12, 16, 17, 19–23* — заготовки наконечников стрел в процессе изготовления изделий; *14* — наконечник с обломанным жальцем; *15, 18* — сломанные заготовки наконечников стрел

Рис. 138. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. Наконечники стрел из разных мелкозернистых пород камня

стрел сделаны из совершенно другого материала (хороший полупрозрачный кремень), заготовки из которого в мастерской не найдены (рис. 137, *3–5, 7, 9*).

Четыре целых наконечника (один с небольшими повреждениями) изготовлены из белого кремня или кварцита (рис. 137, *2, 6, 8, 11*), заготовки которого есть на стоянке —19 целых и сломанных поделок (рис. 136, *1–6*; 137, *12, 13, 16, 17, 19–23*).

Две сломанные заготовки сделаны из высококачественного белого кремня или халцедона (рис. 137, *14, 18*), но целых изделий из этого материала не обнаружено, и, наконец, нет ни одного законченного изделия из черного местного кремня, хотя заготовки из него представлены 18 экземплярами (рис. 136, *7–26*).

Скалывание производилось с торцовых нуклеусов (рис. 139, *14*) и аморфных ядрищ. Судя по нескольким выразительным отщепам и крупным заготовкам, первичная обработка заключалась в подтеске спинки, снятии ударного бугорка и грубой оббивке краев отщепа по периметру (рис. 136, *10, 11, 21, 28, 29*), в результате чего получалось бифасиально обработанное пикообразное орудие. Найденные целые экземпляры имеют миндалевидную форму, длиной 4–4,5 см при ширине 1,5–3 см (рис. 137, *21–23*). Дальнейшая обработка этих заготовок шла путем снятия мелких чешуек и придания им искомой формы, причем большинство целых изделий и их заготовок имеют вытянутые пропорции, где длина превышает ширину в два или более раз. Целые изделия имеют либо округлое основание (рис. 137, *17, 18, 20*), либо слегка приостренный насад (рис. 137, *13, 14*). Края трех наконечников обработаны пильчатой ретушью (рис. 137, *4, 7, 8*; 138, *5*), Один из них имел длину 3,2 см при ширине 1,5 см (рис. 137, *8*; 138, *1*), а другой выразительный экземпляр обработан по краям мелкой приостряющей ретушью (3,7 × 1,5 см) (рис. 137, *10*; 138, *2*). Подобны последнему еще три сохранившихся наконечника стрел (рис. 137, *2, 3, 6*; 138, *4*).

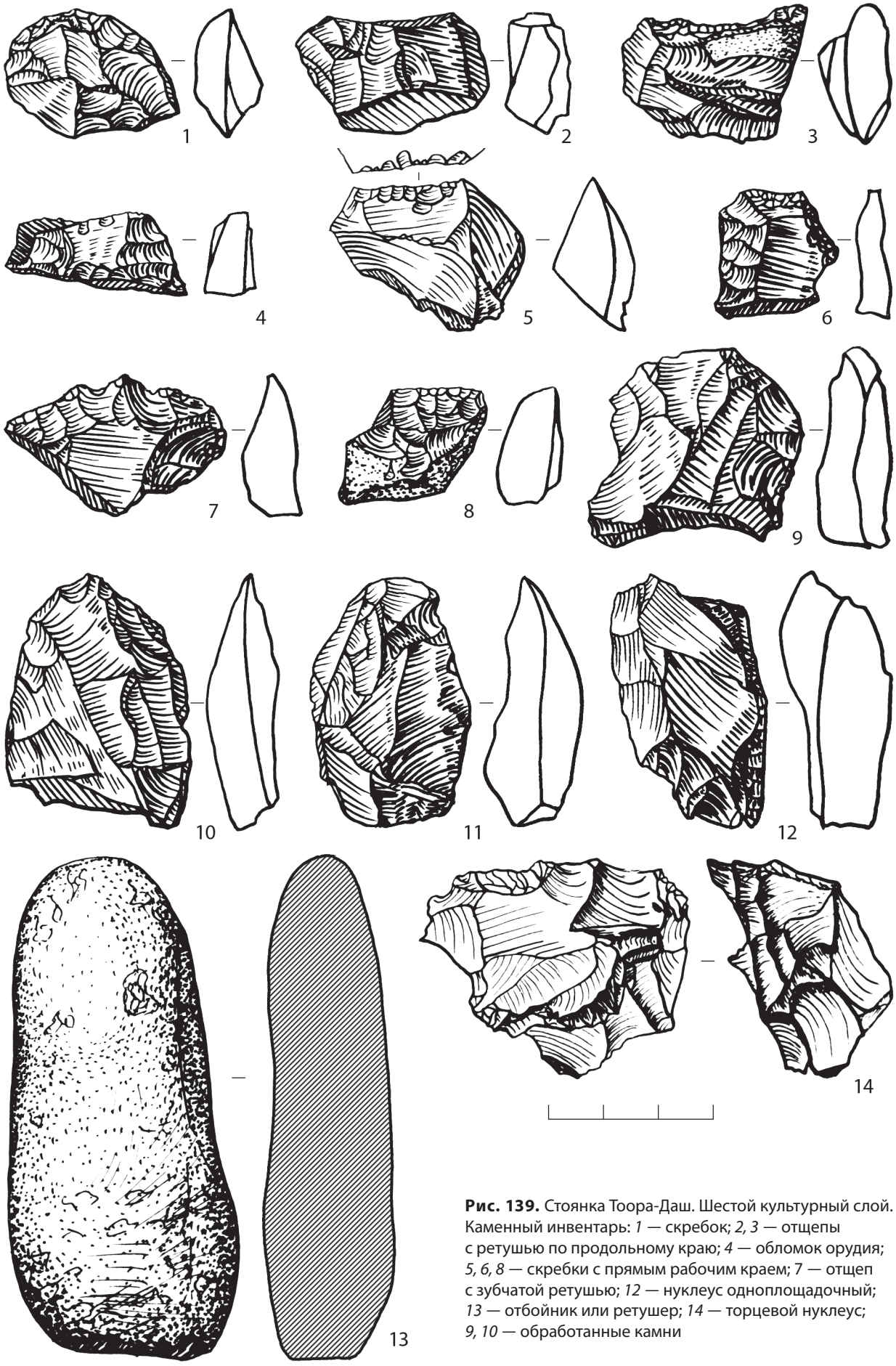


Рис. 139. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. Каменный инвентарь: *1* — скребок; *2, 3* — отщепы с ретушью по продольному краю; *4* — обломок орудия; *5, 6, 8* — скребки с прямым рабочим краем; *7* — отщеп с зубчатой ретушью; *12* — нуклеус одноплощадочный; *13* — отбойник или ретушер; *14* — торцевой нуклеус; *9, 10* — обработанные камни

Одна из продолговатых плоских галек с оббитым концом имеет следы забитости на узких гранях и затертость на плоскости. Возможно, она служила отбойником или ретушером (рис. 139, *13*).

Помимо мастерской в шестом культурном слое найдено также 40 отщепов, среди которых три отщепа имели ретушь по продольному краю (рис. 139, *2, 3*) и еще один был с зубчатой ретушью (рис. 139, *7*), обломок орудия неясного назначения (рис. 139, *4*), нуклеус на гальке одноплощадочный (рис. 139, *12*), нуклеус кремневый одноплощадочный, отщеп сланцевый, три абразивных камня (рис. 139, *9–11*) и скребки с прямым рабочим краем (рис. 139, *5, 6, 8*), а также зернотерка с курантом (рис. 135).

Изделия из кости шестого культурного слоя

Костяные изделия представлены всего тремя предметами: изделиями из расколотых трубчатых костей (рис. 140, *1–3*). Одно из них, 10 см длиной с хорошо заполированным острым концом, могло использоваться как шило (рис. 140, *3*), на другое, без видимых следов использования, нанесены три параллельные насечки (рис. 140, *2*), и один обломок фаланги был просверлен (рис. 140, *1*).

Керамика шестого культурного слоя

В шестом культурном слое обнаружено более 500 фрагментов керамики не менее чем от 30 сосудов (рис. 141–147). Этот керамический материал чрезвычайно ценен, так как на его основании в Туве выделен ранний этап окуневской культуры (*Семенов*, 1992. С. 42–44; 1997б. С. 152–160). Главным образом, здесь найдены небольшие плоскодонные сосуды с гребенчатой орнаментацией (иногда орнаментировалось и днище). Характерной особенностью являются налепные валики на венчике, утолщенный или отогнутый край венчика, который иногда декорировался. В целом несложные орнаментальные композиции в отдельных случаях восходят к предшествующей афанасьевской культуре. Это прежде всего ряды оттисков, выполненных отступающим гребенчатым штампом, горизонтально опоясывающие тулово сосуда, ложный шнуровой орнамент и сами налепные валики, появившиеся на афанасьевской посуде.

Рис. 141. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. Фрагмент керамического сосуда с налепным валиком (№ 5 на рис. 142)

Рис. 140. Стоянка Тоора-Даш. Изделия из кости:
1–3 — шестой культурный слой; *4, 5* — седьмой культурный слой

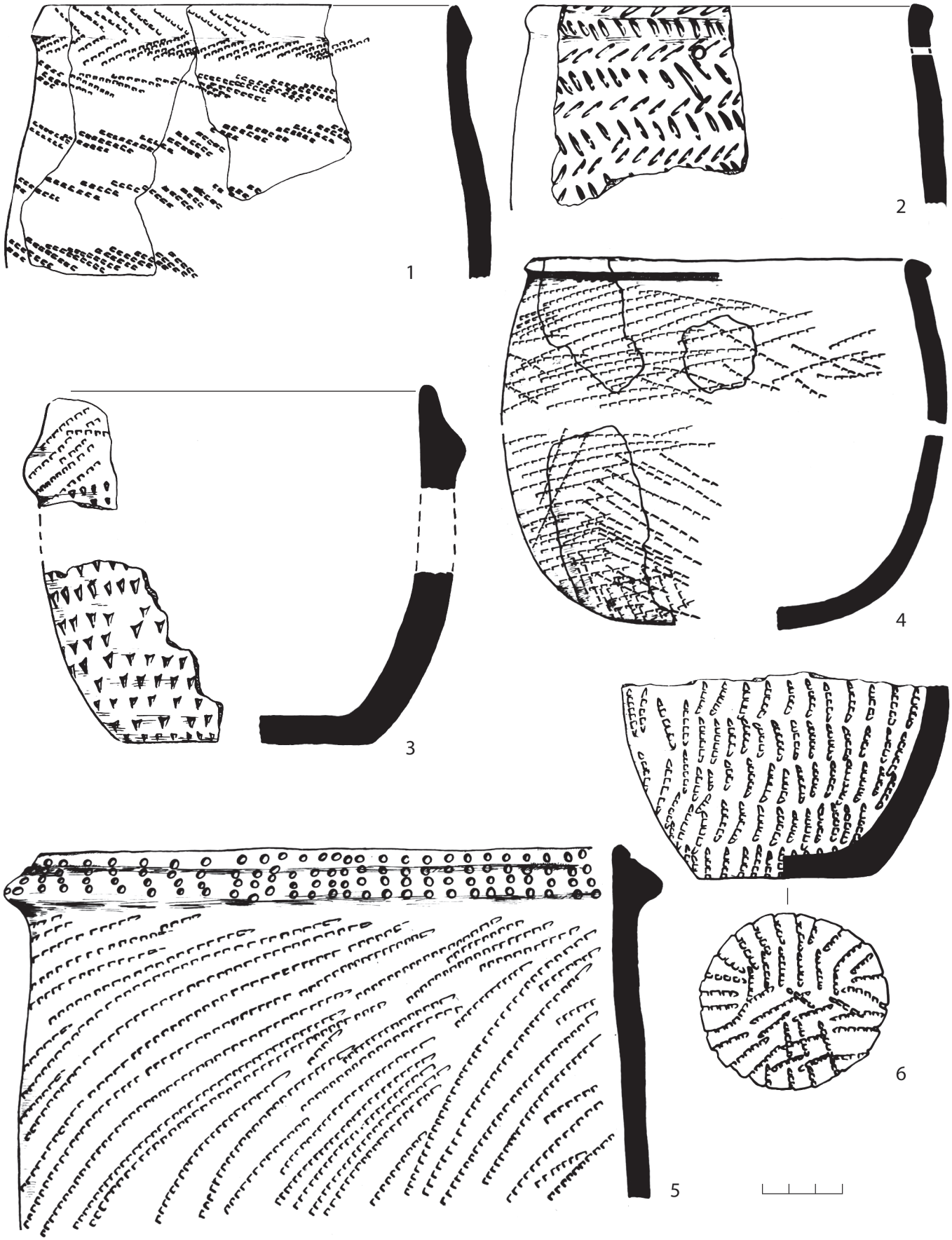


Рис. 142. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. Керамика

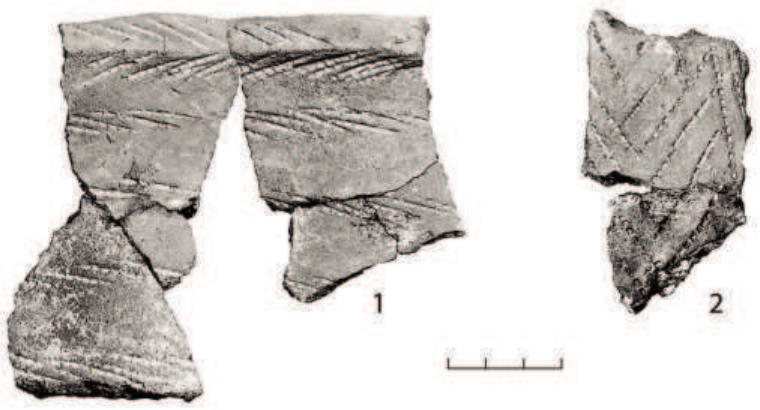


Рис. 143. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. Керамика. Фрагменты сосудов: *1* — № 1 на рис. 142; *2* — № 9 на рис. 146

Сосуды с налепными валиками

Самый крупный из них диаметром 22 см имел массивный валик шириной 1 см. И венчик, и валик покрыты ямчатыми вдавлениями, стенки сосуда оттисками косой гребенки (рис. 141; 142, *5*). Цвет керамики красный в изломе. Черепок рыхлый, примеси к глиняному тесту визуально не прослеживаются. Два сосуда имели сплошную гребенчатую орнаментацию. На обоих по налепу проходил елочный орнамент. Стенки одного из них покрывал точечный декор, склеенный из двух фрагментов второй сосуд был опоясан горизонтальными рядами отступающего штампа (он подклеен из двух фрагментов — рис. 142, *1*; 143, *1*). Днища от этих трех сосудов не сохранились. Еще один небольшой тонкостенный сосуд с гребенчатым елочным узором имел налепной валик типа карниза (рис. 146, *5*).

Три сосуда с налепными валиками были декорированы не гребенчатым штампом, среди них один археологически целый, высотой более 15 см и диаметром венчика 10 см и дна — 5 см, был орнаментирован вертикальными строчками шагающего гладкого штампа, венчик покрыт ямочными вдавлениями. Налеп средних размеров, выделена шейка, а дно орнаментировано бессистемными тычками (рис. 144, *6*).

Сосуд с псевдошнуровым орнаментом имел диаметры венчика и дна, соответственно, 10 и 5 см. Стенки этого сосуда украшены вертикальным шнуровым орнаментом. Дно сплошь покрыто оттисками шнура. Восстановить полностью орнаментальную композицию не удалось из-за фрагментарности керамики (рис. 144, *4*). Седьмой сосуд с массивным валиком представлен фрагментом венчика, дна и стенки. На венчике слабые следы гребенки, стенки украшены треугольными наколами, дно без орнамента. Толщина стенок более 1 см (рис. 142, *3*).

Керамика с гребенчатой орнаментацией

Гребенчатая орнаментация является наиболее распространенной на посуде шестого культурного слоя. Наибольшее число фрагментов керамики покрыто елочным декором, выполненным широким (более 2 мм) гребенчатым штампом. Интерес представляет нижняя часть сосуда, декорированная гусеничным штампом. Вертикальные оттиски штампа сплошь покрывают стенки и дно сосуда. Дно уплощенное. Орнамент дна продолжает орнаментацию стенок, как и на округлодонных сосудах (рис. 142, *6*).

Подобным же орнаментом украшены венчики сосуда с округлым краем (рис. 146, *2*). Фрагменты с гладким отогнутым наружу венчиком были покрыты косой гребенкой (по диагонали справа налево). Часть оттисков сделана в противоположном направлении. В целом орнамент бессистемный. Диаметр сосуда 15 см (рис. 142, *4*).

Фрагменты другого сосуда с гладким, отогнутым наружу венчиком были также покрыты оттисками косой гребенки, но в другом направлении — слева направо. На этом сосуде есть жемчужины, что на керамике шестого слоя является важной инновацией, получившей развитие на следующем этапе окуневской культуры. Диаметр этого сосуда тоже 15 см (рис. 144, *1*). Орнамент, выполненный отступающей гребенкой, покрывает поверхность маленького горшковидного сосуда (рис. 144, *2*).

Любопытен сосуд с отогнутым наружу венчиком, сверху покрытым ямочными вдавлениями, подобными ямкам большого сосуда с налепом (рис. 142, *5*). Стенки рассматриваемого сосуда украшены горизонтальными гребенчатыми вдавлениями (рис. 147, *1*).

Гребенчатый декор имеют два фрагмента венчика от миниатюрного сосуда, диаметром 4 см, и фрагмент днища, украшенного зигзагами (рис. 144, *3*). Из других

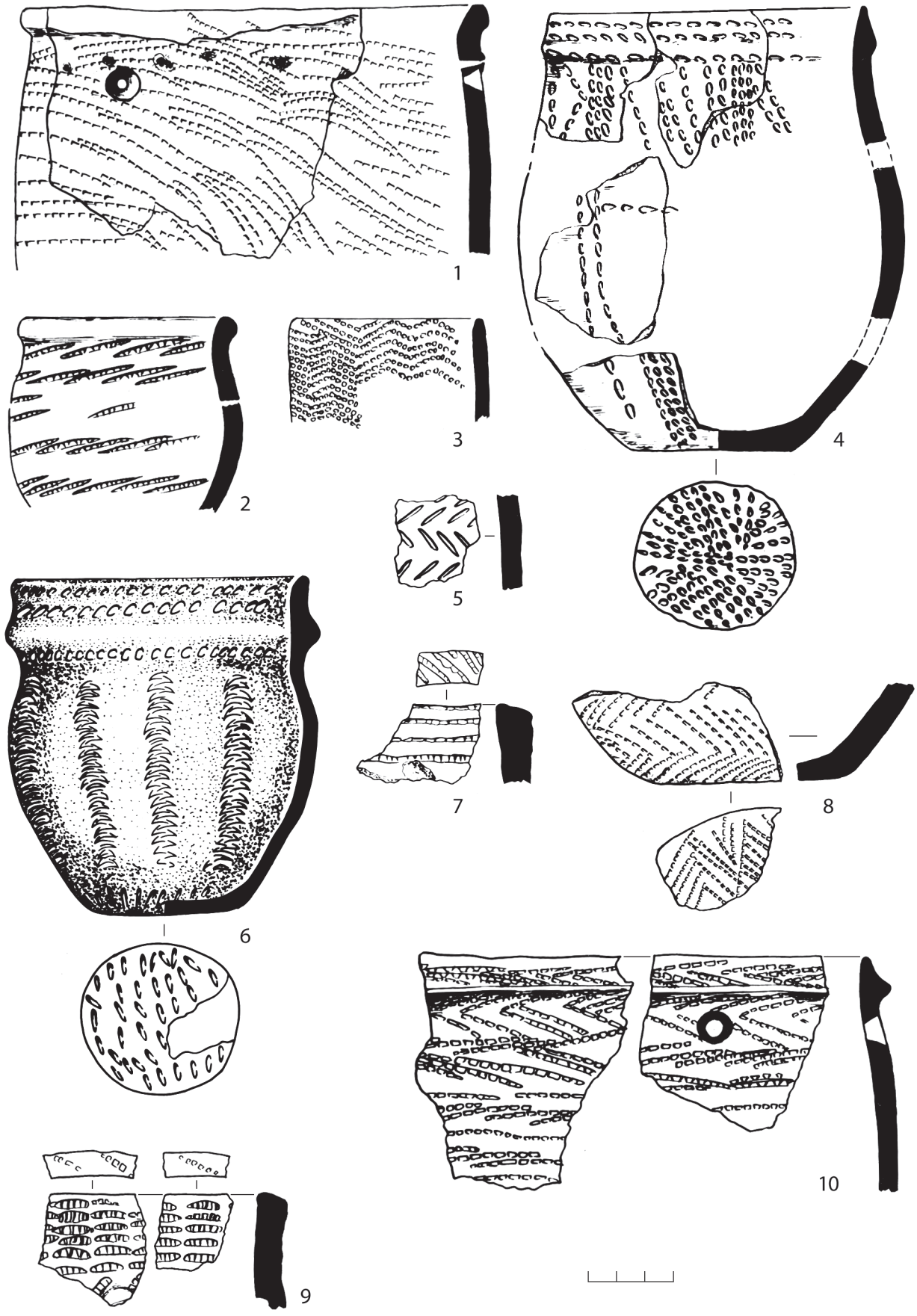


Рис. 144. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. Керамика

Рис. 145. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. Фрагменты сосуда (№ 4 на рис. 144)

обломков сосудов с гребенчатым орнаментом можно указать на венчик с утолщением по краю и косой гребенкой, направленной справа налево (рис. 146, *2*). Впрочем, он ближе к керамике с налепным валиком. Гладкий елочный орнамент покрывает стенки и венчики сосудов (рис. 142, *2*; 144, *5*; 146, *10*). Еще один фрагмент венчика сосуда имеет край и стенки, декорированные горизонтальными линиями гребенчатого штампа (рис. 144, *7*).

Другие приемы орнаментации

Другими приемами орнаментации, помимо уже упоминавшихся трех случаев на сосудах с налепным валиком (один украшен ложношнуровым, другой накольчатым орнаментом, третий рядом тычков), является только прочерченный елочный орнамент и оттиски овального гладкого штампа в форме цветочного лепестка, также образующего подобие зигзагообразного орнамента.

Прочерченный елочный узор имеют 33 фрагмента от двух сосудов. На одном из них декорирован по краю ровно срезанный асимметричный венчик (рис. 144, *2*). Другой имеет слегка отогнутый наружу венчик, край также орнаментирован, узор по стенкам елочный (рис. 142, *2*). У сосудов с округлым штампом венчик утолщенный, украшенный с наружной стороны, край приостренный, без орнамента (рис. 146, *1*). Ближайшие аналогии керамике шестого слоя мы находим на стоянке Хадынных I и на стоянках в Тоджинской котловине.

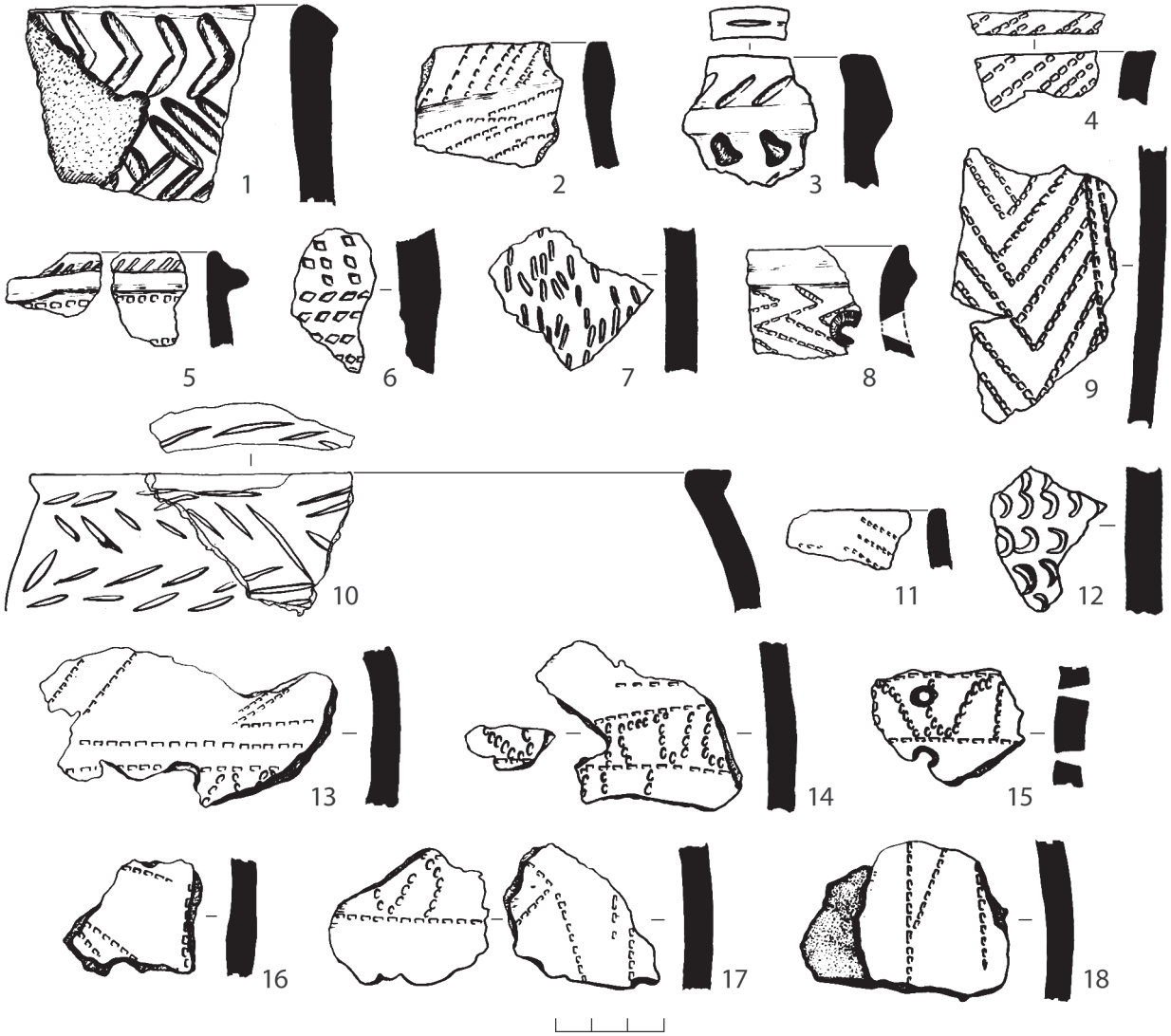


Рис. 146. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. Керамика: *1* — венчик с круглым штампом, скошен наружу; *2* — венчик с уплощением по краю и косой гребенкой; *3* — венчик с массивным налепом; *4* — венчик сосуда с гребенчатым орнаментом; *5* — венчик с карнизобразным налепом; *6* — стенка со штампом веревочного орнамента; *7* — стенка с хаотично нанесенным орнаментом; *8* — венчик сосуда с елочным орнаментом и небольшим налепом по краю; *9* — стенка с елочным орнаментом; *10* — венчик сосуда с хаотичным орнаментом; *11* — венчик сосуда с гребенчатым декором; *12* — стенка с ногтевым орнаментом; *13–18* — стенки сосуда с ложношнуровым орнаментом

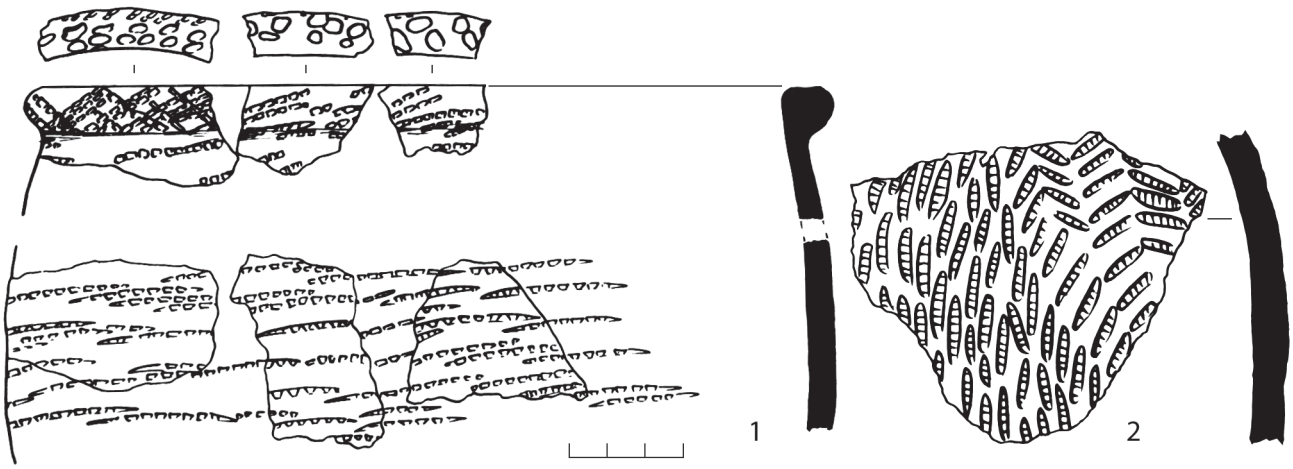


Рис. 147. Стоянка Тоора-Даш. Шестой культурный слой. Керамика: *1* — стенки и венчики сосуда с горизонтальными оттисками штампа и ямочным декором по краю венчика; *2* — фрагмент стенки сосуда с елочным орнаментом

7.2. Седьмой культурный слой

Седьмой культурный слой относится ко второму этапу окуневской культуры. На стоянке он вскрыт на площади 411 кв. м (рис. 148). Здесь обследовано жилище, хозяйственные ямы, каменные сооружения культового или поминального значения, что позволяет полнее, чем для предыдущих периодов, восстановить черты быта древних обитателей Тоора-Даша. Слой приурочен к темным супесям.

В раскопах 1978 и 1979 гг. он выклинивался по склону террасы, имел небольшой уклон к реке и был пронизан корнями растений. На этих участках культурных остатков обнаружено сравнительно немного — это кости животных и полтора десятка фрагментов керамики с различной орнаментацией в кв. 19-20-П-Р (рис. 149). Особо следует упомянуть обломок бронзового предмета, возможно, котла и кремневый наконечник стрелы миндалевидной формы (рис. 150). В кв. 17-У найдены каменный пест и терочный камень.

В 1980 г. этот слой вскрыт на площади 100 кв. м. Седьмой культурный слой выклинивался по линии Д, по линии Ф он залегал глубине 1,9–2 м, приурочен к суглинкам. На границе кв. 15-16-Т-У обнаружено очажное пятно с развалом сосуда, орнаментированного ногтевым орнаментом, дна и венчика от этого сосуда не было, на границе кв. Т-У-17 найдены каменный пест и круглая каменная плитка (рис. 151).

В кв. 22-23-Т сохранилось несколько фрагментов гребенчатой керамики. Далее в кв. 25-26-С-П обнаружена группа плоских каменных плит (рис. 152), частично перекрывающих друг друга. Среди этих плит встречены обломки костей и керамики. Под плитой, расположенной в кв. 35-П, лежали в анатомическом порядке кости ног барана (рис. 153). В кв. С-Т-26, У-27-28, 33-34-Ф-У находились золистые пятна, вокруг последнего найдены фрагменты от двух сосудов баночной формы. В кв. 33-Р был возведен каменный ящик с кальцинированными костями, размеры ящика 0,5 × 0,5 м, высота плит 0,15–0,2 м (рис. 154).

Характерной особенностью является наличие в слое каменных ящиков и круглых в плане сооружений. Каменные ящики встречены в кв. 6-Т (1980 г., рис. 155), 37-38-У-Ф (1982 г., рис. 156; 157), 35-36-Х-Ц (1983 г., рис. 158; 159) и 33-Ф. В кв. 39-40-Ц-Ч выявлены остатки округлого сооружения. В заполнении последнего под прокалом находилось скопление мелких речных галек (1983 г., рис. 160). В прямоугольных оградках встречались кальцинированные кости животных, иногда керамика. В кв. 6-Т оградка или очаг, сложенная из шести камней, ориентированная длинной осью север-юг, была заполнена гумусом с остатками золы и углей (раскоп 1978 г.).

Большое овальное сооружение из врытых на ребро плит диаметром до 1,5 м и глубиной 0,5 м было расположено в кв. 20-21-У-Ф, раскопки 1980 г. (рис. 161; 162). Его перекрывало три слоя плит. Не исключено, что плиты просто расслоились. Под перекрытием обнаружено два куска рога оленя, на дне ямы — фрагмент трубчатой кости. Внутри сооружения над перекрытием прослежена следующая стратиграфия: слой щебня, слой глины, перекрывающей весь седьмой слой, темный гумусный слой. Данное сооружение, возможно, являлось погребальным или поминальным. Можно представить его конструкцию: первоначально была вырыта неглубокая яма, впущенная в светлую глину, разделяющую 6-й и 7-й культурные слои, затем установили высокие плиты, которые имели небольшой наклон, затем яму перекрыли тремя, а в ряде случаев и четырьмя слоями плит. Не исключено, что плиты разной толщины расслаивались неравномерно, и потому оказалось несколько слоев. Рядом с сооружением в кв. 22-У найден бронзовый однолезвийный нож. В кв. 22-23-Т сохранилось несколько фрагментов гребенчатой керамики.

Одна плита в кв. 25-П покрывала кости ног барана, находящиеся в сочленении. Еще одна большая яма исследована на участке 8-10-Т-Ф и в кв. С-6 — каменный ящик из шести камней. Это каменное сооружение имело гумусное заполнение с остатками золы и углей.

В 1981 г. слой был вскрыт на площади 45 кв. м и выклинивался по линии М. В том же году в кв. М-Н-38-39 исследовано овальное сооружение из плит, врытых на ребро под небольшим углом, но впоследствии, когда

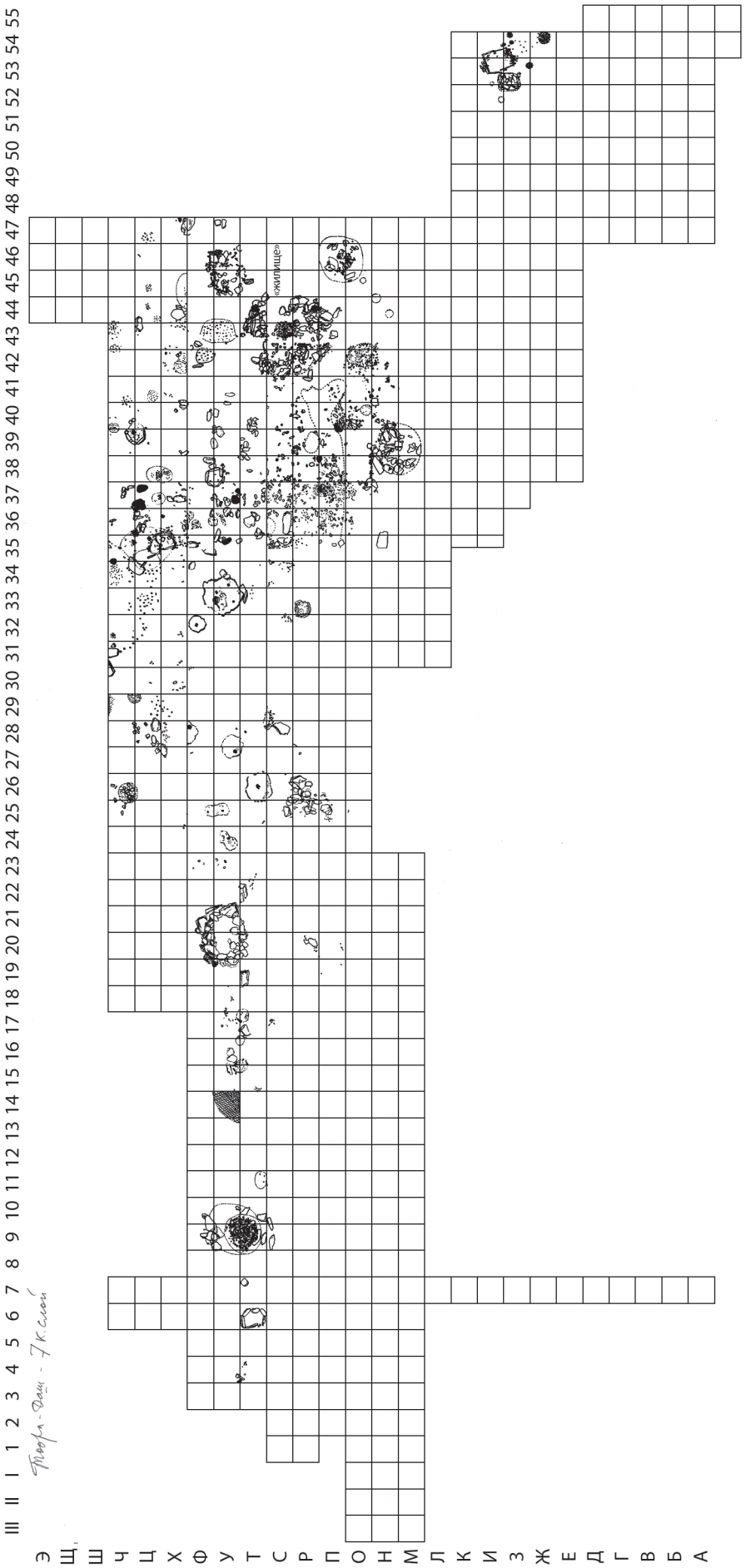


Рис. 148. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Общий план (кв. III-I-1-55-А-Э)

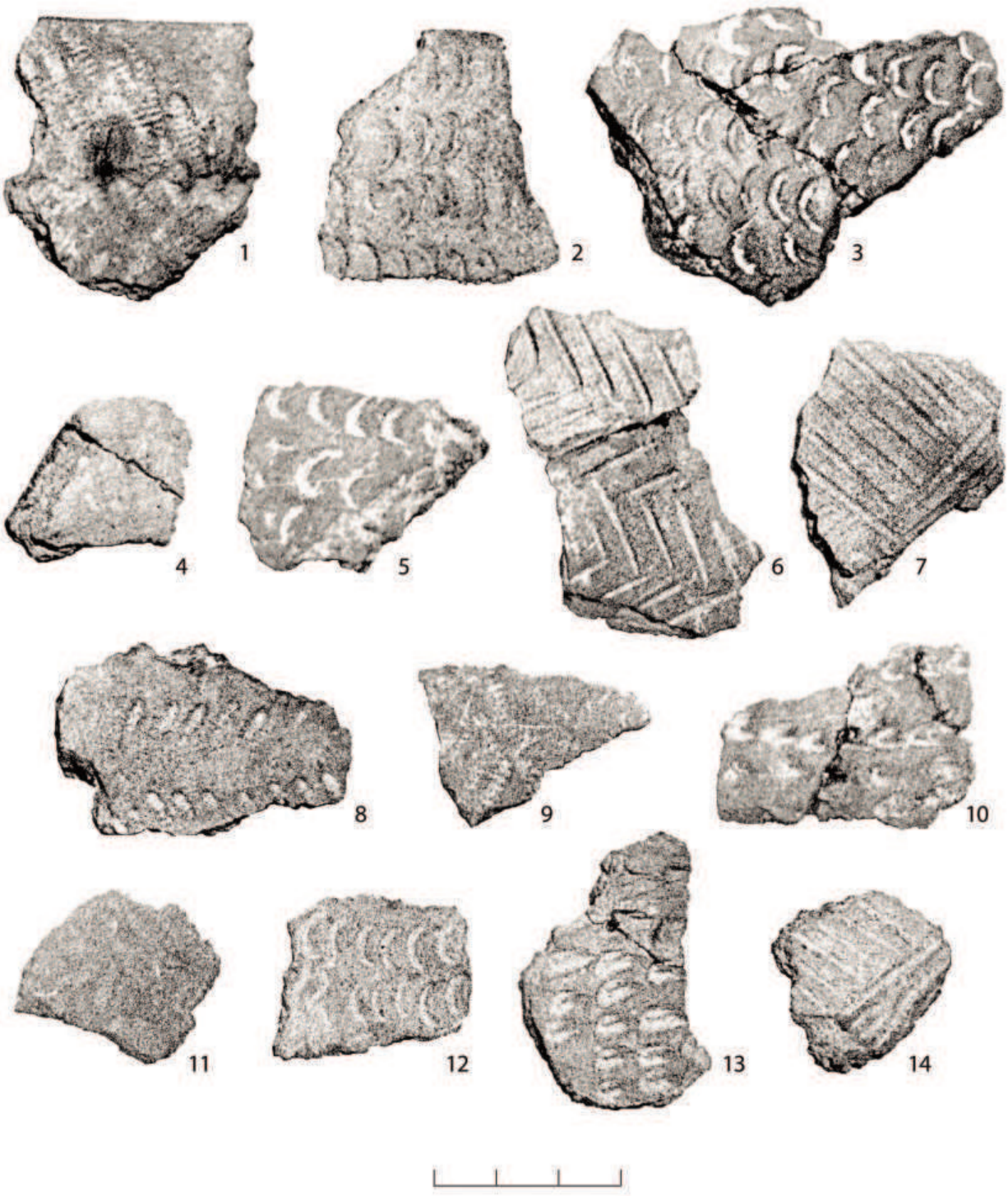


Рис. 149. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1979 г. Керамика из кв. 19-20-П-Р

Рис. 150. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1979 г. Кремневый наконечник стрелы из кв. 19-20-П-Р

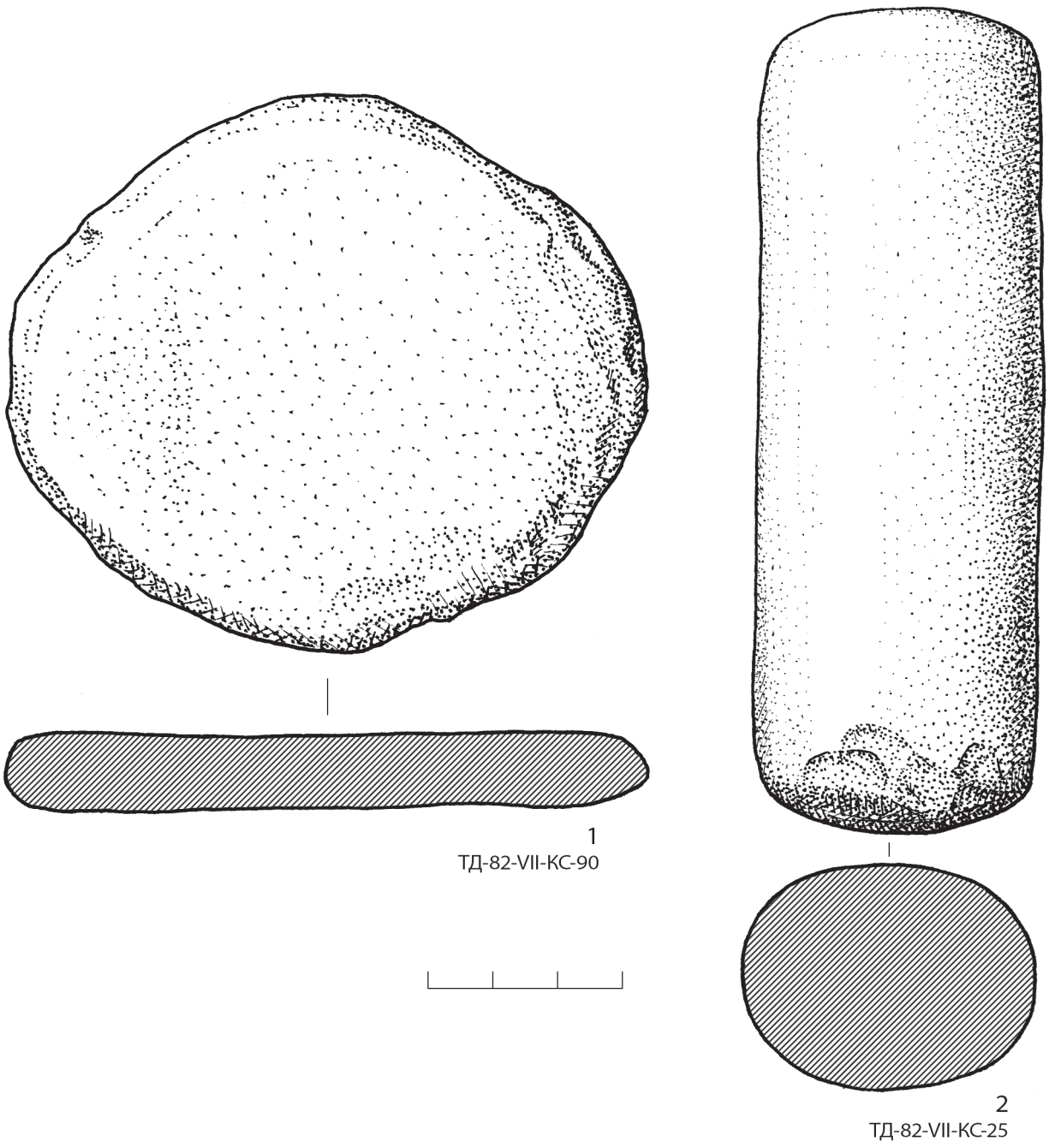


Рис. 151. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1980 г. Каменный пест и терочник из кв. 17-У

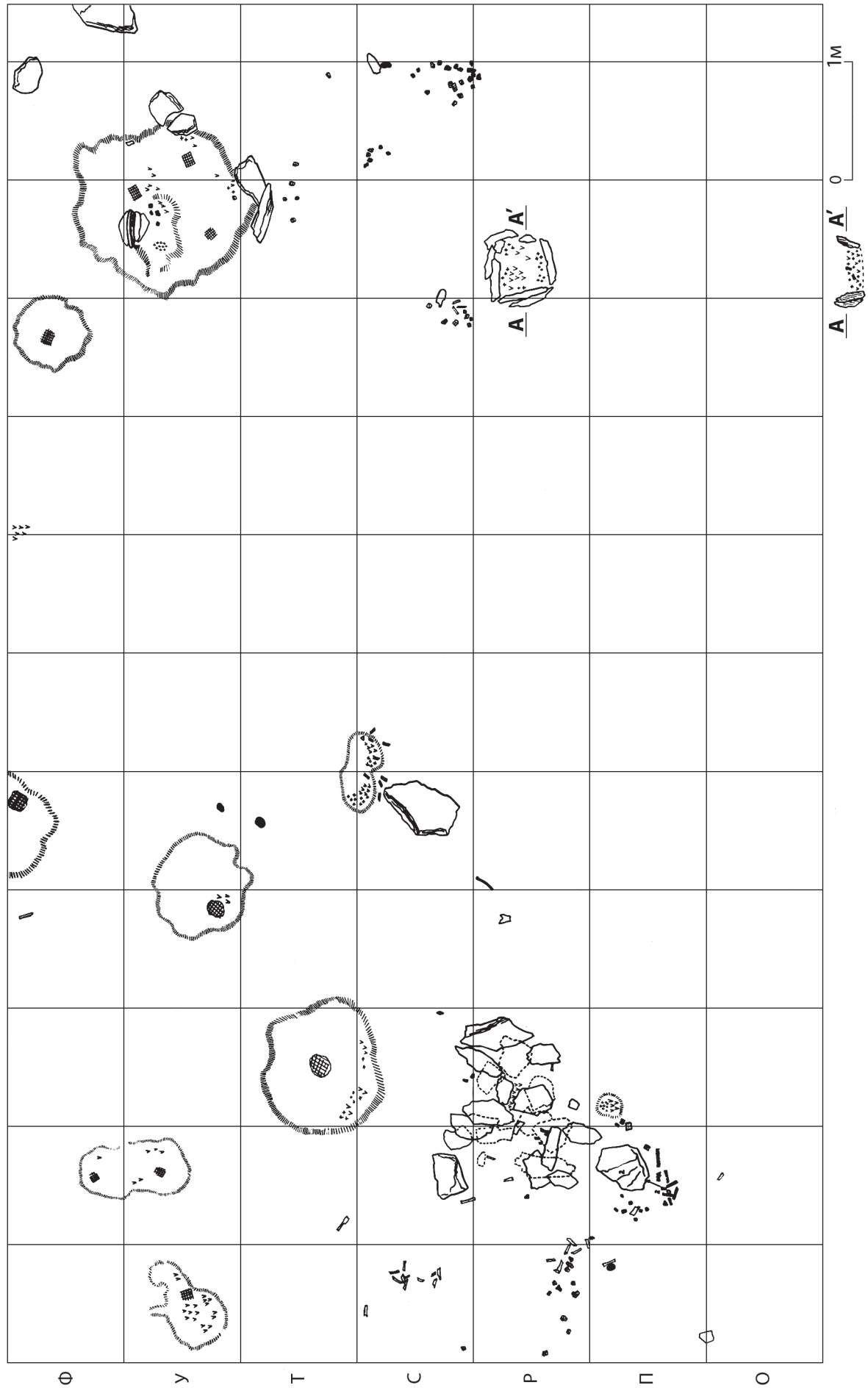


Рис. 152. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1980 г. План раскопа в кв. 24-35-О-Ф

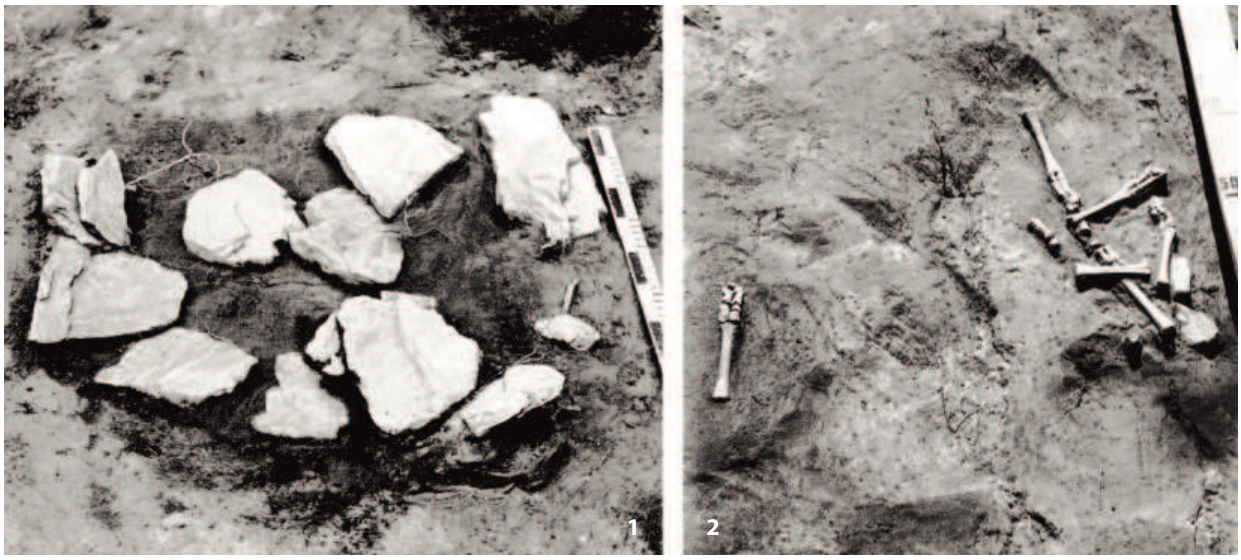


Рис. 153. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1980 г. Каменная выкладка в кв. 25-П (1) и кости барана под ней (2)

Рис. 154. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1980 г. Каменный ящик в кв. 33-Р

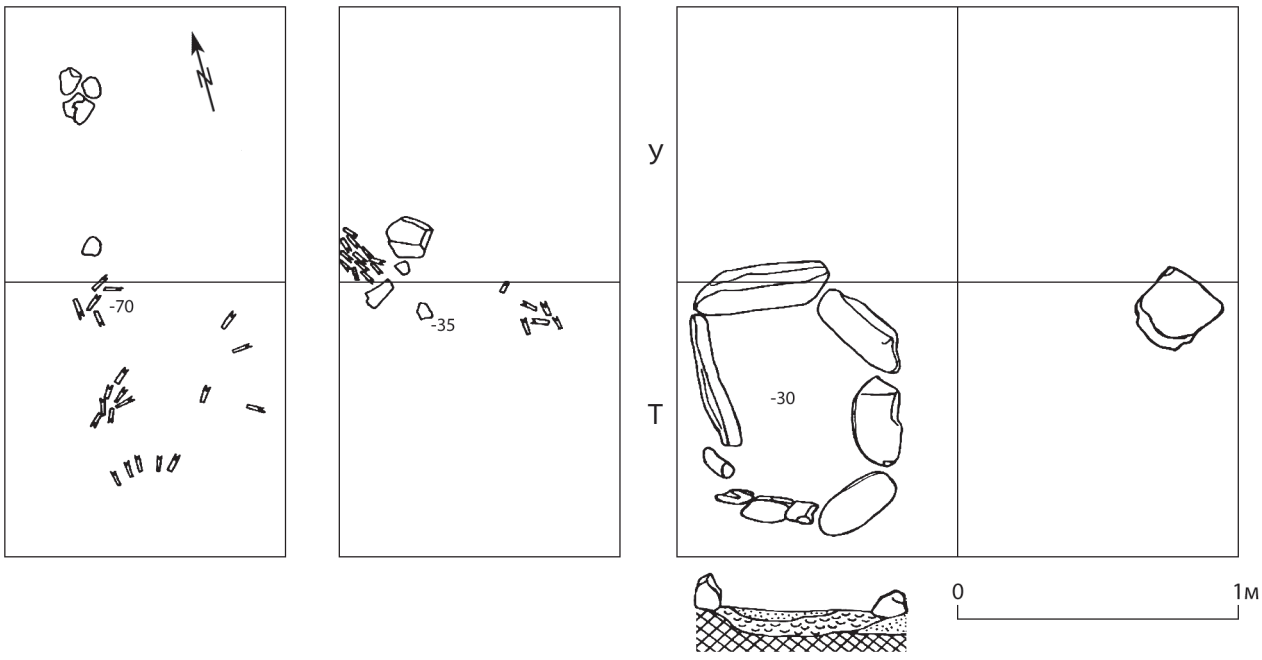


Рис. 155. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1980 г. Каменный ящик в кв. 6-Т

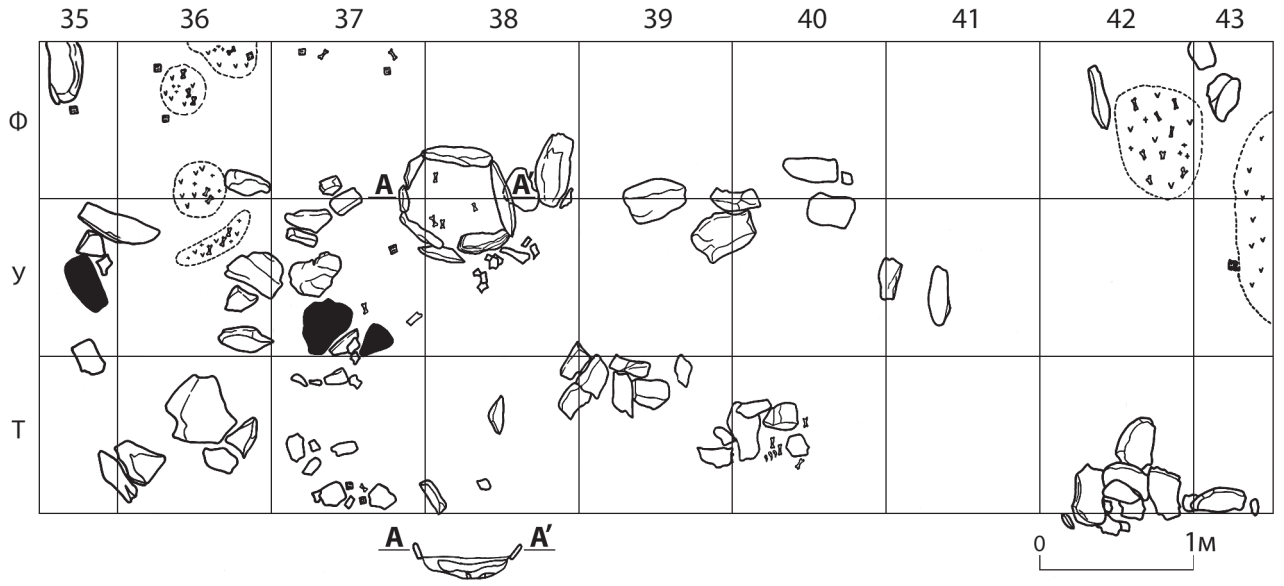


Рис. 156. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1982 г. План раскопа в кв. 35-43-Т-Ф

край террасы был подмыт и ополз, сооружение частично развалилось и некоторые плиты лежали на поверхности по склону террасы (рис. 163). Через сооружение еще прошла трещина (кстати, по уровню седьмого слоя терраса имеет несколько разломов, т. е. трещин, проходящих в направлении запад-восток), и некоторые плиты завалились в нее. Таким образом, на своих местах остались плиты только северо-восточного сектора. Здесь сохранились высокие полуметровые плиты.

К северо-востоку от описанного сооружения в кв. 40-42-О открыты очажные пятна, в целом незначительные по площади. В кв. 40-О такое пятно было не более 0,4 м в диаметре. К юго-востоку от него около плоского камня обнаружено дно раздавленного горшка довольно больших размеров. Далее в кв. 42-Н-О вокруг очажного пятна находилось большое количество мелких фрагментов керамики. В кв. 40-О-П открыто скопление костей. Здесь по линии П проходила граница большого аморфного прокаленного пятна (0,9 × 0,7 м).

В кв. 41-42-С-Р обнаружена яма, по краям которой лежали камни. Глубина ямы не более 10 см. В яме встречаются мелкие угольки и кости. Большое скопление культурных остатков выявлено в кв. 35-38-С-П. Здесь по поверхности слоя лежали камни различной величины. В кв. 35-Р-С обнаружено более 40 фрагментов от плоскодонного сосуда, орнаментированного геометрическими фигурами (заштрихованные треугольники по венчику, горизонтально прочерченные линии) в сочетании с ячеистым орнаментом. На фрагментах дна сосуда — прочерченные линии. Керамика, обнаруженная в кв. 37-38-П-С, имела гребенчатую и прочерченную орнаментацию. В этих квадратах обнаружены кости животных, отщепы, речные гальки (рис. 163).

Помимо керамики в седьмом слое обнаружены два бронзовых ножа, орудия из камня (пест, наконечники стрел, скребки), каменные пластинки с процарапанным орнаментом.

В 1982 г. слой вскрыт на площади 60 кв. м по кв. Ф-Т-35-42, Ф-Н-43-47 и Ф-Т-8-14 (между раскопами 1978 и 1980 гг.). Специфика последнего участка такова, что здесь все культурные слои начиная с шестого и выше резко поднимаются, так как под шестым слоем лежит скальный выход. Нижние слои здесь отсутствуют. Кроме того верхние слои до седьмого слоя загромождены щебеночными оползнями. Культурные остатки в них отсутствуют. В седьмом слое обнаружена яма, расположенная в кв. 9-10-Т-Ф (рис. 164). По краям ямы с северной и южной стороны сохранились камни, которыми она была обложена. В заполнении ямы под слоем щебня была мощная гумусная прослойка, в щебне встречались кости животных. Диаметр ямы 2 м, глубина до 0,3 м. На дне найден один фрагмент керамики. В кв. 14-У в мощном очажном пятне найден крупный фрагмент керамического сосуда, орнаментированного серповидным штампом.

В кв. 35-40-Ф-Т встречалось довольно много щебенки и крупных обломков скал. В кв. У-35 и У-37 находились крупные речные гальки. В кв. 36-Ф-У — четыре небольших очажных пятна с мелкими костями в заполнении. В кв. 37-Т — два фрагмента керамики.

Остатки круглого в плане жилища выявлены в кв. 42-44-П-Т (рис. 165). Оно исследовалось в 1981 и 1982 гг. Под него был выкопан котлован глубиной до 0,5 м и диаметром 3 м, который прорезал нижележащий шестой слой. Вокруг котлована сохранился земляной

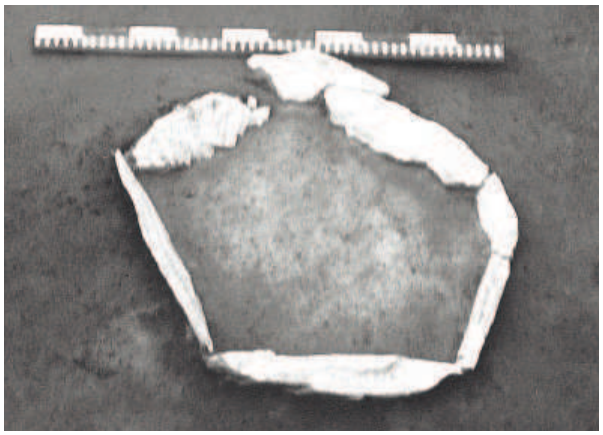


Рис. 157. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1982 г. Каменный ящик в кв. 27-38-Ф-У

валик выброса, поверх которого лежали плоские камни. В центре находился очаг, обложенный мелкими плитками, диаметром около 0,5 м. Вероятно, это было шалашеобразное круговое жилище, покрытое корой или шкурами животных. В пределах предполагаемого помещения культурных остатков встречено мало (несколько костей животных и фрагментов керамики), но к юго-востоку и к северо-востоку от него располагались хозяйственные ямы (№ 1 и № 2). Ямы были заполнены гумусированным песком, в котором встречались обломки костей, керамика, мелкая галька. Возможно, впрочем, что они имели и иное назначение.

Яма № 1 в кв. 45-47-О-П (диаметром 1,5 м и глубиной до 0,3 м) была заполнена прокаленным песком, кальцинированными костями барана, а также в ней находились обломки рога оленя и керамика (рис. 166; 167). Внутри ямы вдоль ее стенок лежали четыре плоских камня. На поверхности ямы находилась мелкая щебенка. В кв. 44-45-О-Н к юго-западу от ямы были расположены три овальные ямки диаметром от 0,3 до 0,25 м и глубиной до 0,15 м.

Яма № 2 в кв. 45-46-У-Ф имела диаметр 1,5 м и глубину 0,5 м (рис. 168). На поверхности и в ее заполнении обнаружено гораздо больше мелких и крупных камней (рис. 169). Мелкие камни лежали на поверхности заполнения ямы, а крупные располагались по краям наклонно вдоль стенок ямы. В заполнении были кости животных и несколько фрагментов керамики. К северу от жилища в кв. 43-44-У-Ф примыкало очажное пятно диаметром 1 м. Здесь было найдено несколько фрагментов керамики и скребло на круглой гальке.

Вся хозяйственная деятельность протекала на площадке, расположенной в кв. 35-41-М-Ч. На этом участке, частично уничтоженном рекой (линия смыва проходит по квадратам М), зафиксирована наибольшая концентрация культурных остатков. Это прежде всего следы многочисленных очагов и вокруг них скопления

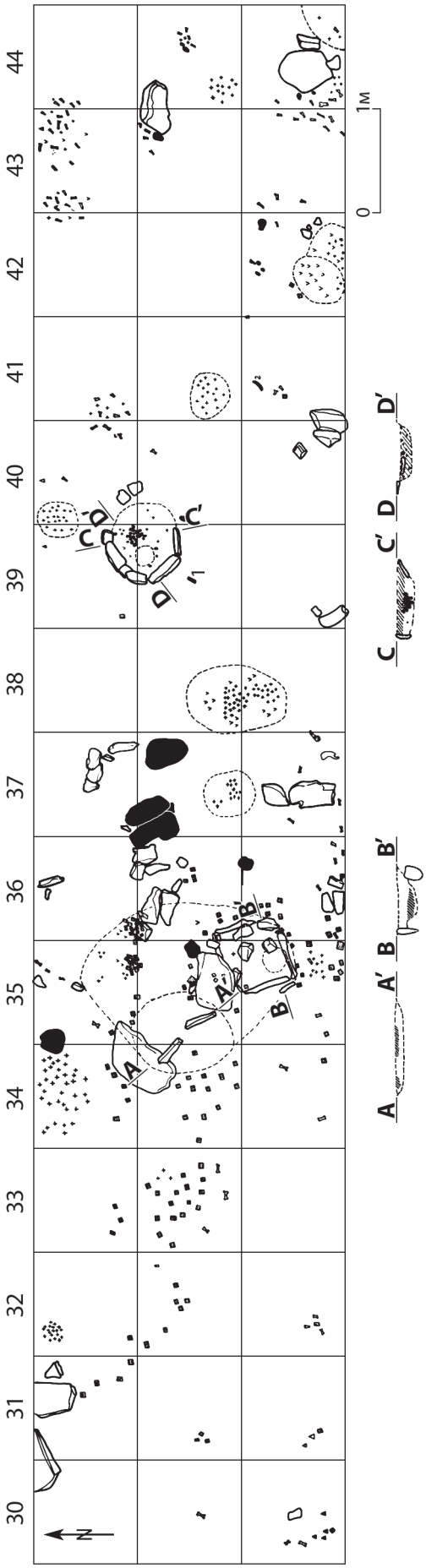


Рис. 158. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1983 г. План раскопа в кв. 30-44-Х-Ч

Рис. 159. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1983 г. Каменный ящик в кв. 35-36-Х-Ц

Рис. 160. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1983 г. Округлое сооружение в кв. 39-40-Ц-Ч

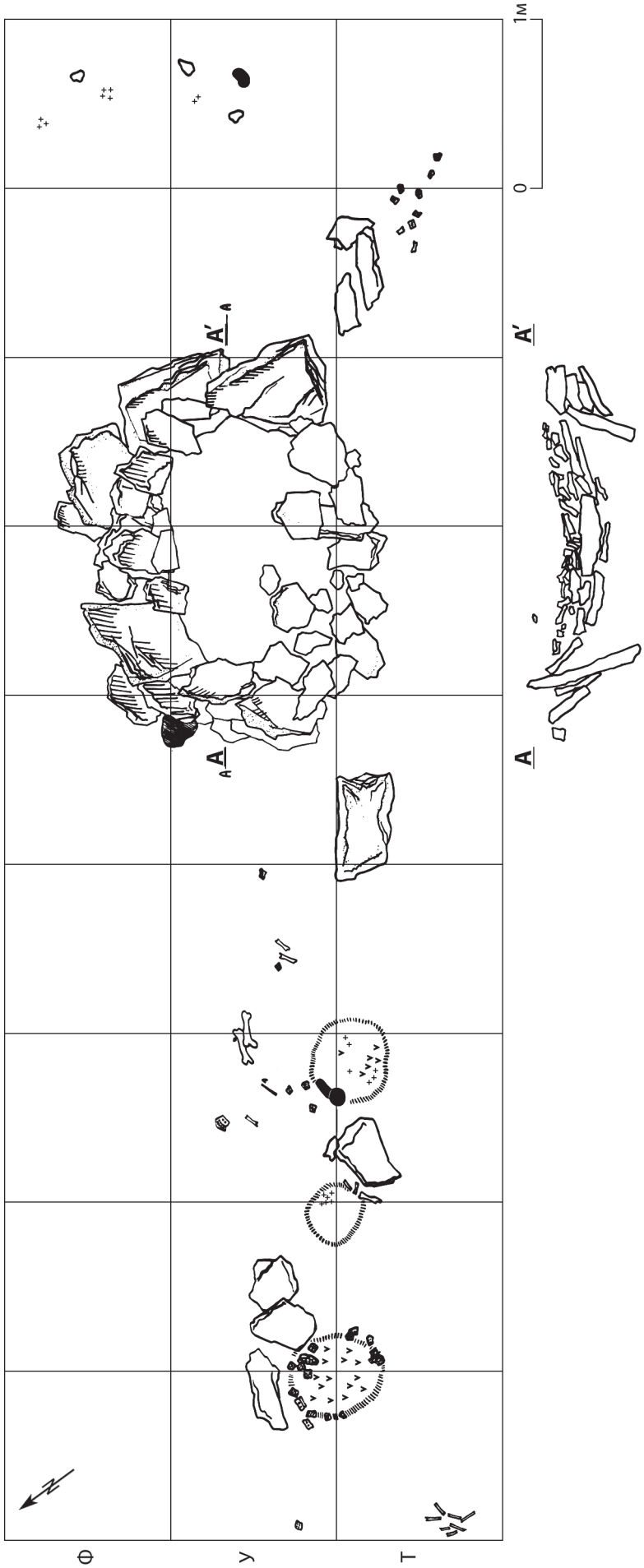


Рис. 161. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1980 г. План раскопа в кв. 15-23-Т-Ф

Рис. 162. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1980 г. Овальная каменная ограда в кв. 19-21-У-Ф (1) и бронзовый нож из кв. 22-У (2)

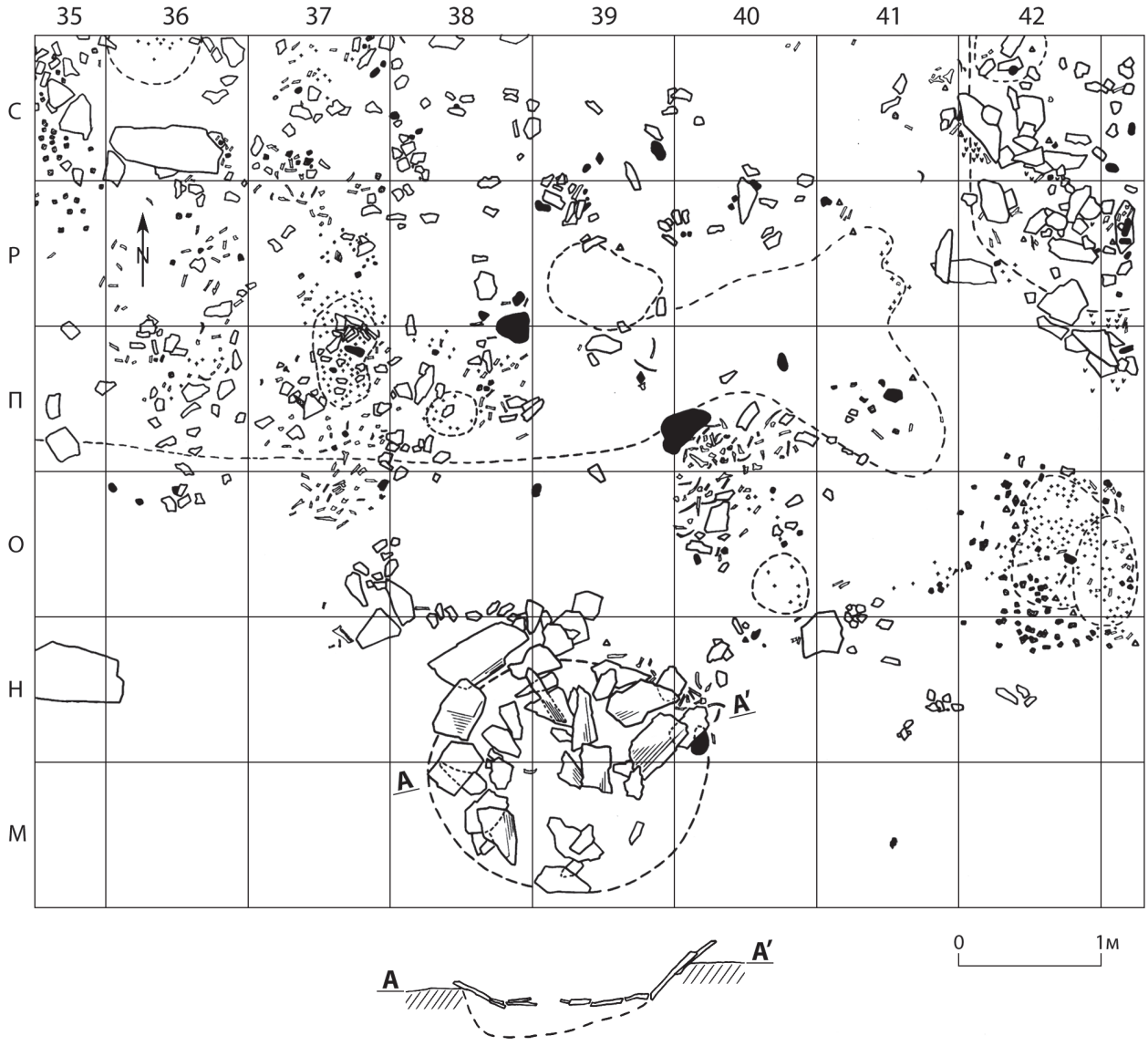


Рис. 163. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1981 г. План раскопа в кв. 35-41-М-С

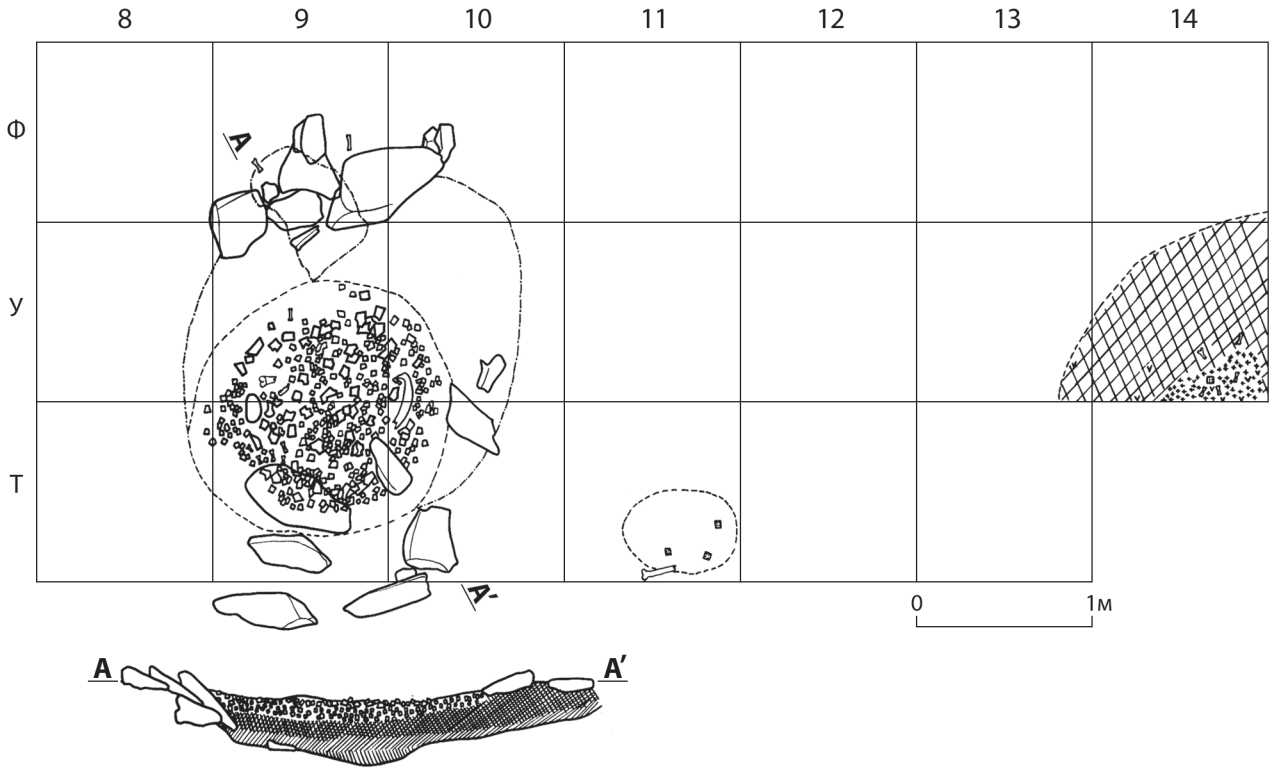


Рис. 164. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. 1981 г. План раскопа в кв. 8-14-Т-Ф

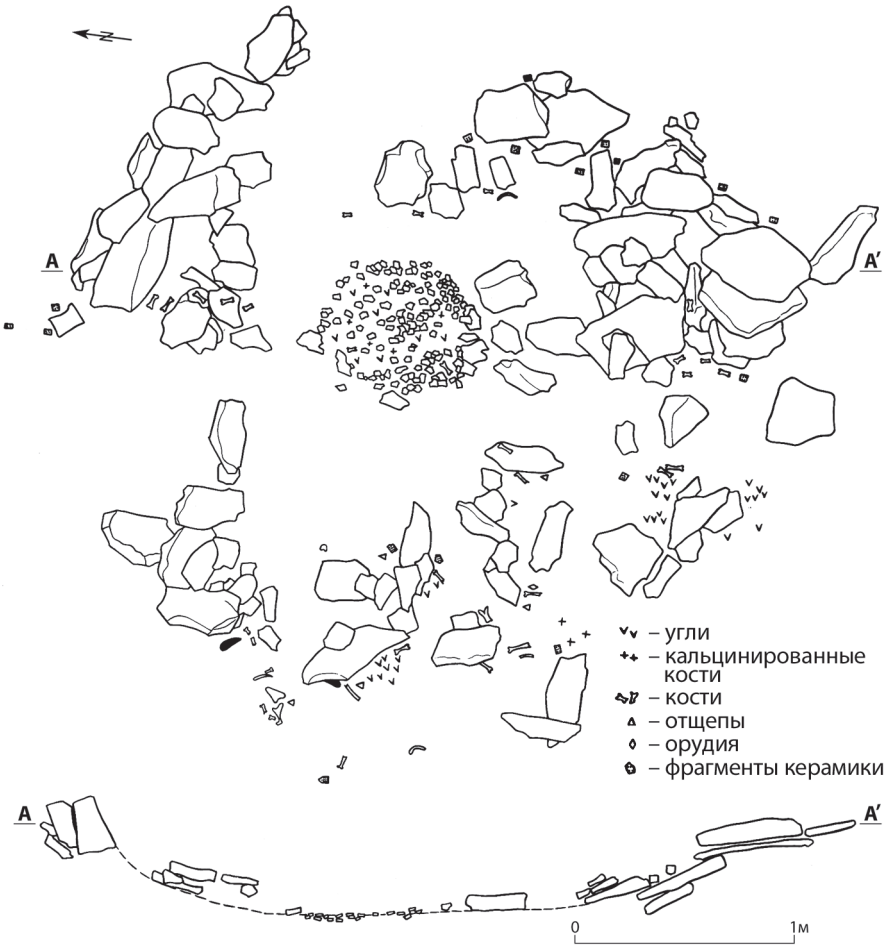


Рис. 165. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Жилище в кв. 42-44-П-Т

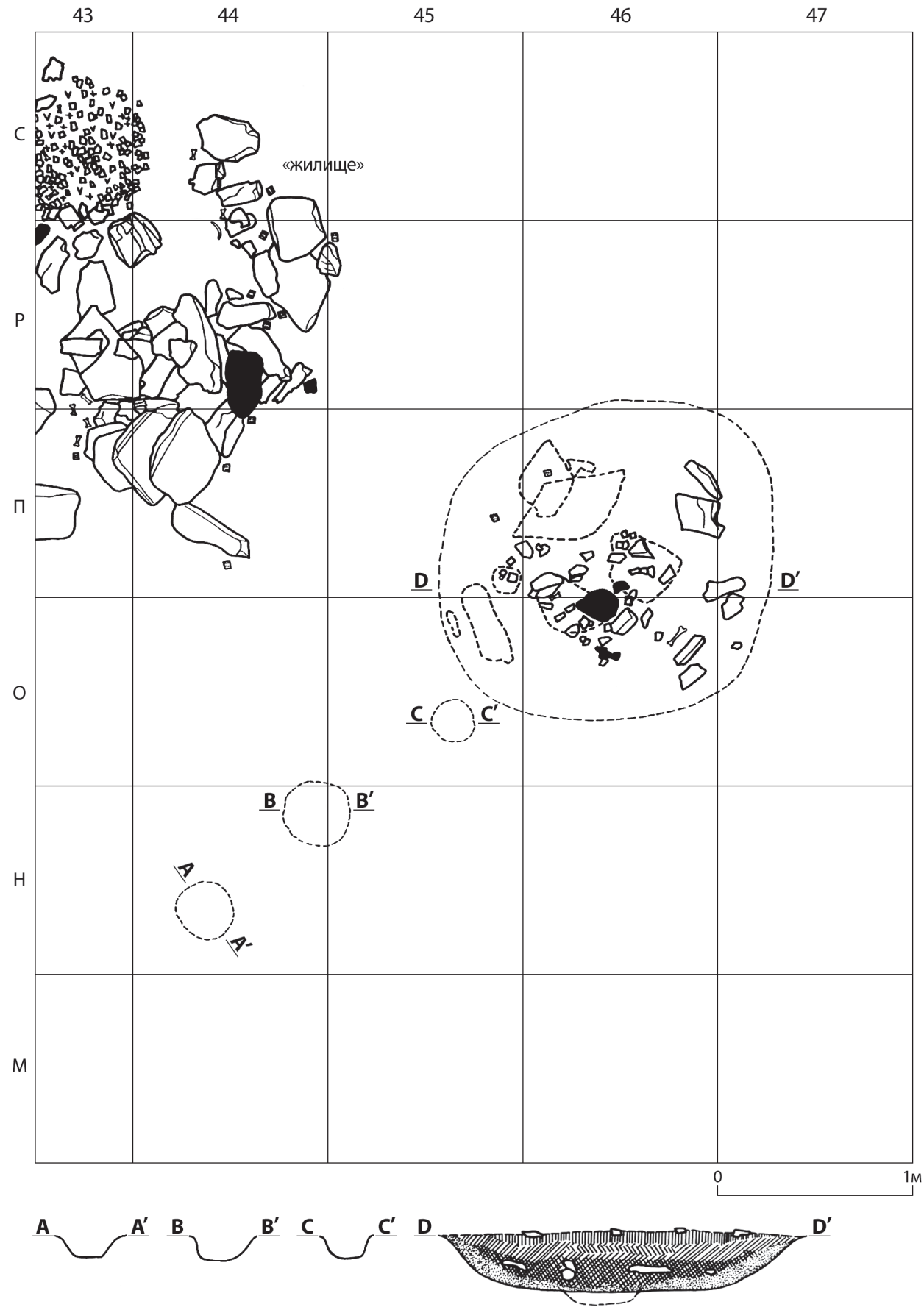


Рис. 166. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. План раскопа в кв. 43-47-М-С. Яма № 1

Рис. 167. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Яма № 1 в кв. 45-47-О-П

костей и керамики. В кв. 38-39-М-Н имелась еще одна яма, возможно, хозяйственного назначения.

Площадь раскопа в 1983 г. составила 54 кв. м (рис. 158). Мощность слоя достигала 0,2 м. Внутри слоя прослеживались прослойки песка и супеси, углистые линзы. Культурные остатки приурочены к нижнему уровню слоя. Здесь расположены каменный ящик и кольцо из камней, восточная часть которого разрушена. Каменный ящик находился в кв. 35-36-Х-Ц (рис. 159). Он имеет форму ромба размерами 0,6 × 0,6 м, глубиной 0,2 м. В заполнении темно-коричневая супесь. Он находился в южном конце овального гумусированного пятна размерами 2 × 1,5 м. В западном конце пятна — очаг, в котором было два камня, вероятно, остатки очажного ограждения. Вокруг ящика рассеяна керамика с гребенчатой орнаментацией. Все фрагменты принадлежали одному большому сосуду.

К востоку от ящика в кв. 37-Ц-Ч лежали четыре крупные речные гальки. Далее располагалось очажное пятно малой мощности (кв. 38-Ц-Х) и каменное кольцо (кв. 39-40-Х-Ц) (рис. 160). Это кольцо 0,8 м в диаметре было возведено вокруг очажного прокала мощностью 0,15–0,2 м. Из ограждения сохранилось шесть камней. Внутри кольца в кв. 39-Ч находилось скопление мелких речных галек, а рядом — отвердевший прокаленный песок, вероятно, остатки какого-то сосуда или мешка, который имел форму цилиндра высотой 10 см. К западу от кольца в кв. Ч-39 обнаружены фрагменты венчика сосуда с гребенчатой орнаментацией. В кв. 40-47-Х-Ч рассеяны кости животных, а по линии Х-Ц встречались отдельные маломощные зольники. В кв. 41-Х был найден бронзовый однолезвийный нож с приостренным насадом и слегка отогнутым лезвием. У бровки в кв. 47-Х находилось днище сосуда, орнаментированного полулунным штампом.

В раскопе 1984 г. в кв. Ж-К-51-54 был исследован интересный комплекс, указывающий на какие-то ритуальные действия, совершаемые с костями животных. Здесь в верхней части слоя в кв. 53-54-Ж-И было исследовано очажное пятно размерами 1,3 × 1,3 м с мощностью 10 см. С севера и востока к этому пятну примыкало два камня. Вокруг камней, очага и в очаге встречено большое количество отщепов, чешуек и нуклевидных сколов с кремня. Среди них найдены три сломанных наконечника стрел и скребок высокой

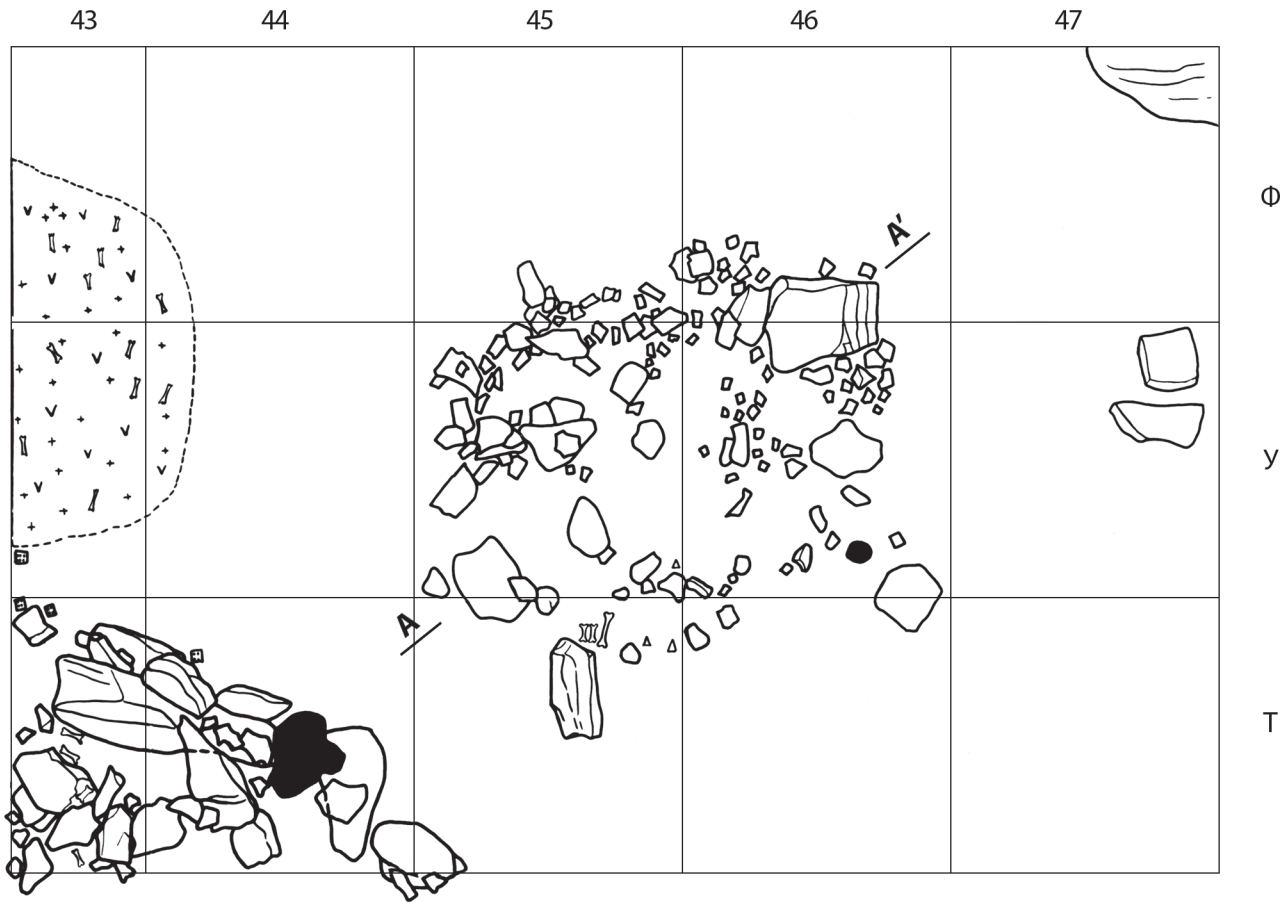


Рис. 168. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. План раскопа в кв. 43-47-Т-Ф. Яма № 2 до расчистки камней

формы. Здесь, вероятно, располагалась кремнеобрабатывающая мастерская (рис. 170).

Под очагом и остатками мастерской находился каменный ящик, ориентированный по длинной оси север-юг, с небольшим отклонением на северо-запад — юго-восток. Размеры ящика 1 × 0,85 м, высота стенок до 0,2 м. Каждая стенка составлена из двух вертикальных плит толщиной 3–4 см. В юго-восточном углу ящика лежали обломки плоскодонного горшка без орнамента. Прокал внутри ящика достигал 10 см (рис. 171).

К юго-востоку в 1,15 м от ящика была расположена яма диаметром 0,25 м, наполненная костями животных. У юго-восточного угла ящика в крупнозернистом песке, отделяющем седьмой слой от шестого, обнаружены еще три небольшие ямки, заполненные дроблеными костями, четвертая ямка располагалась в полуметре к югу от юго-западного угла ящика. Все ямы плотно забиты дроблеными трубчатыми костями. С западной стороны в кв. 51-52-3-И к ящику примыкала овальная яма размерами 0,8 × 0,9 м. Яма прорезала шестой культурный слой, на уровне которого находилось каменное перекрытие. Под перекрытием найдены черепа двух быков и трех козлов или баранов (рис. 171; 172) Впервые ямка с дроблеными костями была встречена в пятом афанасьевском слое. Захоронение черепов, а также ямка с дроблеными костями, отдельно захороненные кости ног баранов свидетельствуют о каком-то не вполне ясном скотоводческом ритуале (рис. 173).

Каменный инвентарь седьмого культурного слоя

Каменный инвентарь седьмого культурного слоя по сравнению с шестым значительно беднее. Тем не менее, здесь найдено несколько характерных изделий из кремня и галек. Всего в седьмом слое найдено 58 отщепов и кусок кремня, три пластинчатых отщепа, два нуклевидных обломка, отщеп с ретушью утилизации, 10 галечных отщепов и три расколотые гальки, нуклеус двуплощадочный, кремневый и галечный дисковидный нуклеус (рис. 174).

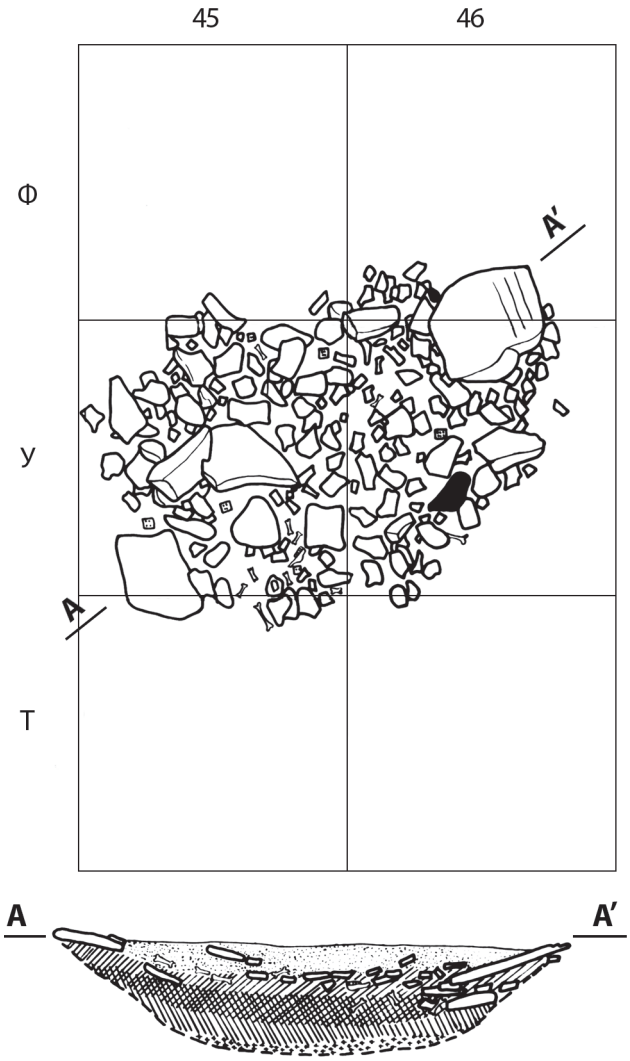


Рис. 169. Стоянка Тоора-Даш.
Седьмой культурный слой. Яма № 2 в кв. 45-46-Т-Ф после расчистки камней

Орудий из кремня здесь найдено только три: скребок с выделенным носиком, обломок наконечника стрелы и миндалевидный наконечник стрелы, близкий по типу наконечникам из шестого культурного слоя (рис. 174, *2, 4, 10*).

Из галек сделаны пест, скребло, обработанная галька: 1) пест овальный в сечении диаметром 3,5–4 см и длиной 12 см. С этим пестом была найдена овальная плоская галька диаметром 9,5 см (рис. 174, *13, 14*); 2) скребло на естественной плоской гальке с выпуклым рабочим краем. Лезвие обработано ударной ретушью с двух сторон. Размеры скребла 11 × 7 см. Плоская продолговатая галька с чашевидными углублениями, расположенными с двух диагонально противоположных концов (рис. 174, *12*); 3) продолговатая галька расколота, имеет следы забитости с торца (рис. 174, *11*).

Использовались также слоистые породы. Обнаружена сланцевая заготовка шлифованного наконечника дротика длиной 10,5 см (рис. 174, *8*) и сланцевая пластина с обработанным краем, возможно, скребло (рис. 174, *7*). Найденное нами в шурфе на городище Бажын-Алаак нефритовое тесло (рис. 174, *6*) было обнаружено вместе с керамикой, по облику схожей с керамикой из седьмого культурного слоя Тоора-Даша (см. рис. 183, *2*). Фрагмент такого нефритового тесла был обнаружен в 5-м культурном слое Тоора-Даша (см. рис. 122, *17*). Отшлифованные сланцевые пластины также по облику схожи с нефритовым теслом с Бажын-Алаака, что говорит в пользу его датировки окуневским временем.

В седьмом слое также обнаружено два грузика для сетей (?), сделанные из сланцевых плиток (рис. 175). Один полуокруглой формы, размерами 7 × 4,5 см с отверстием в середине, другой — каплевидной формы (4 × 2,8 см) с отверстием в верхней части. Подобные изделия в большом количестве обнаружены в 10-м культурном слое.

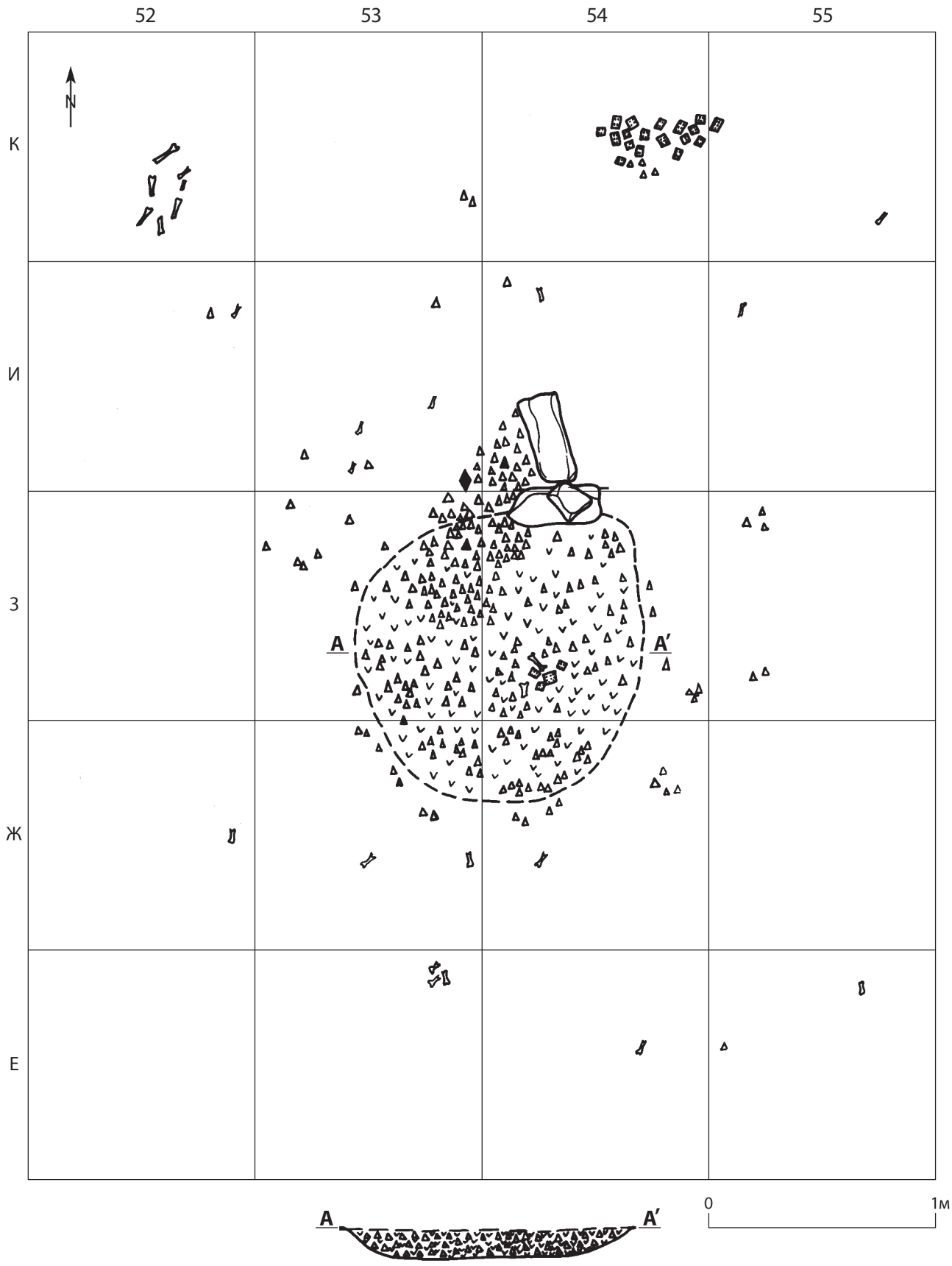


Рис. 170. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. План раскопа в кв. 52-55-Е-К. Кремнеобрабатывающая мастерская

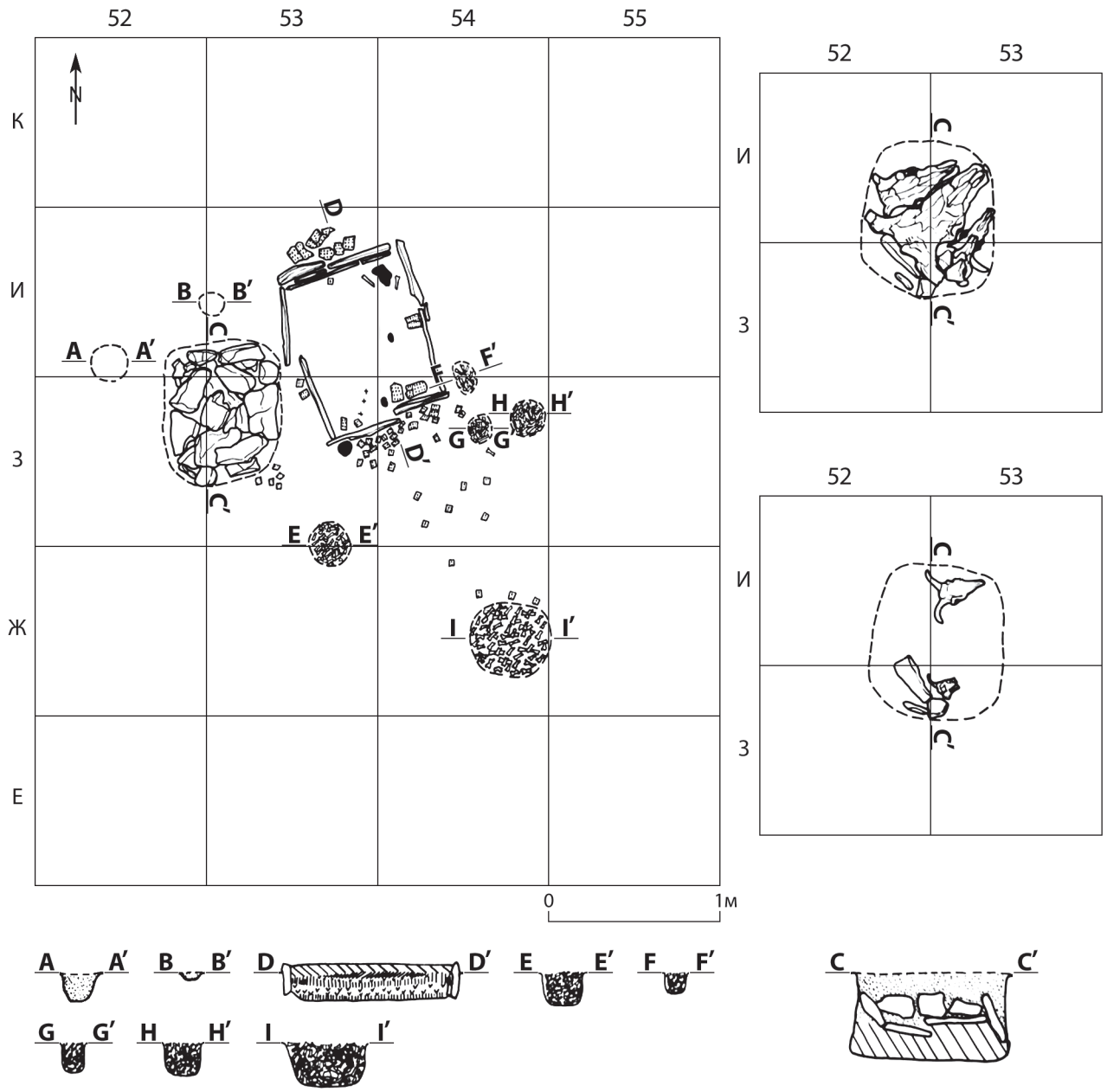


Рис. 171. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. План раскопа в кв. 52-55-Е-К. Комплекс культовых объектов

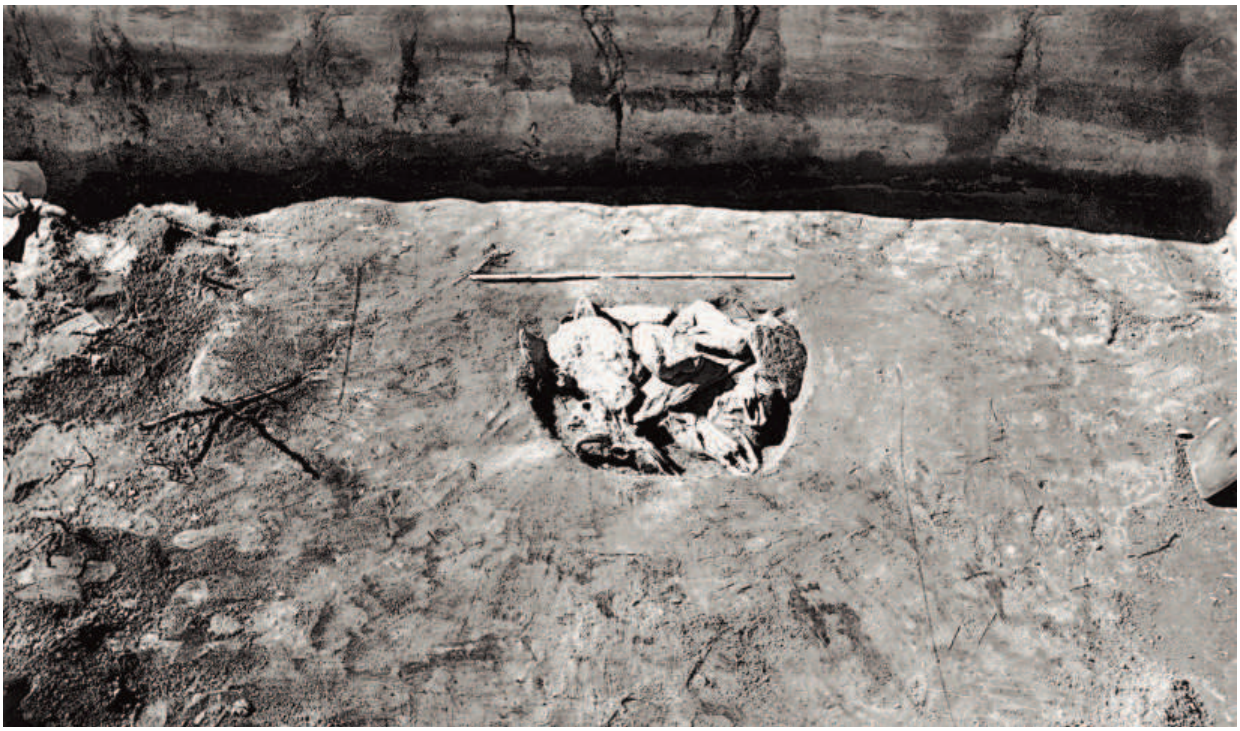


Рис. 172. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Яма с захоронениями черепов быков и козлов в кв. 52-53-3-И

Рис. 173. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Захоронения черепов быков и козлов в яме (кв. 52-53-3-И)

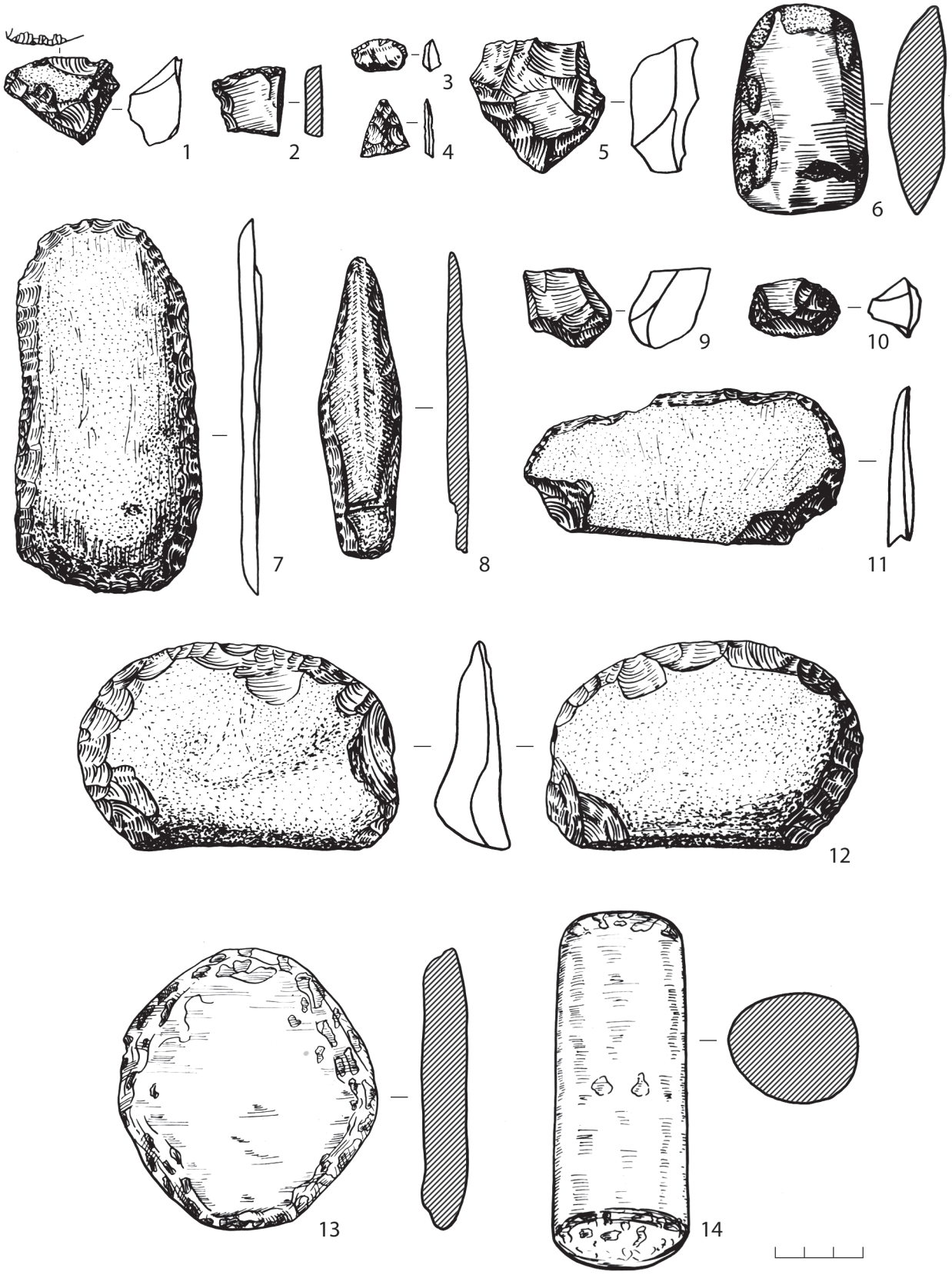


Рис. 174. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Каменный инвентарь (*1–5, 7–14*) и городище Бажын-Аллак (*6*): *1, 2* — отщепы с ретушью утилизации; *3, 10* — скребки; *4* — обломок наконечника стрелы; *5* — нуклеус двуплощадочный; *6* — нефритовое тесло с городища Бажын-Алаак; *7* — сланцевая пластина с обработанным краем; *8* — сланцевая заготовка для наконечника дротика; *9* — обломок нуклеуса; *11* — расколотая продолговатая галька; *12* — скребло на плоской гальке; *13* — обработанная плоская галька; *14* — пест

Особый интерес представляют три сланцевые плитки с геометрическим процарапанным орнаментом (рис. 176, *3, 4, 6*). Одна, прямоугольной формы, размерами 6,5 × 4 см, украшена орнаментом в виде косых крестов, другая, подтреугольной формы (3,3 × 6 см), имеет выделенный треугольником верх и ниже орнамент в виде косой сетки. Третья плитка (7 × 2 см) имеет заостренный конец, оформленный треугольником, поверхность заполнена косыми прочерченными параллельными линиями. Плитки из слоистого песчаника с геометрическим орнаментом были обнаружены в шестом и девятом слоях (рис. 176, *10, 11*). В шестом слое (11 × 3 см) плитка удлиненной формы разделена прочерченными линиями на шесть частей. По краям идут косые насечки, а в центре каждого отсека по три косые полосы. Один из концов отделен треугольником. На другой стороне также имеются косые прочерченные линии. Плитка из девятого слоя имеет размеры 9 × 3 см, разделена прочерченной горизонтальной линией на две части, которые оформлены 15 вертикальными прочерченными линиями.

Подобные плитки или гальки с геометрическими прочерченными узорами обнаружены на других памятниках окуневского времени в Туве — например, на стоянках Хадынных I в Саянском каньоне и Этекшил I на р. Бий-Хем (рис. 176, *1, 2, 5, 7–9*), а также на поселении Торгажак в Минусинской котловине (*Семенов*, 2007. С. 70–73). Наличие таких галек на памятниках брон-

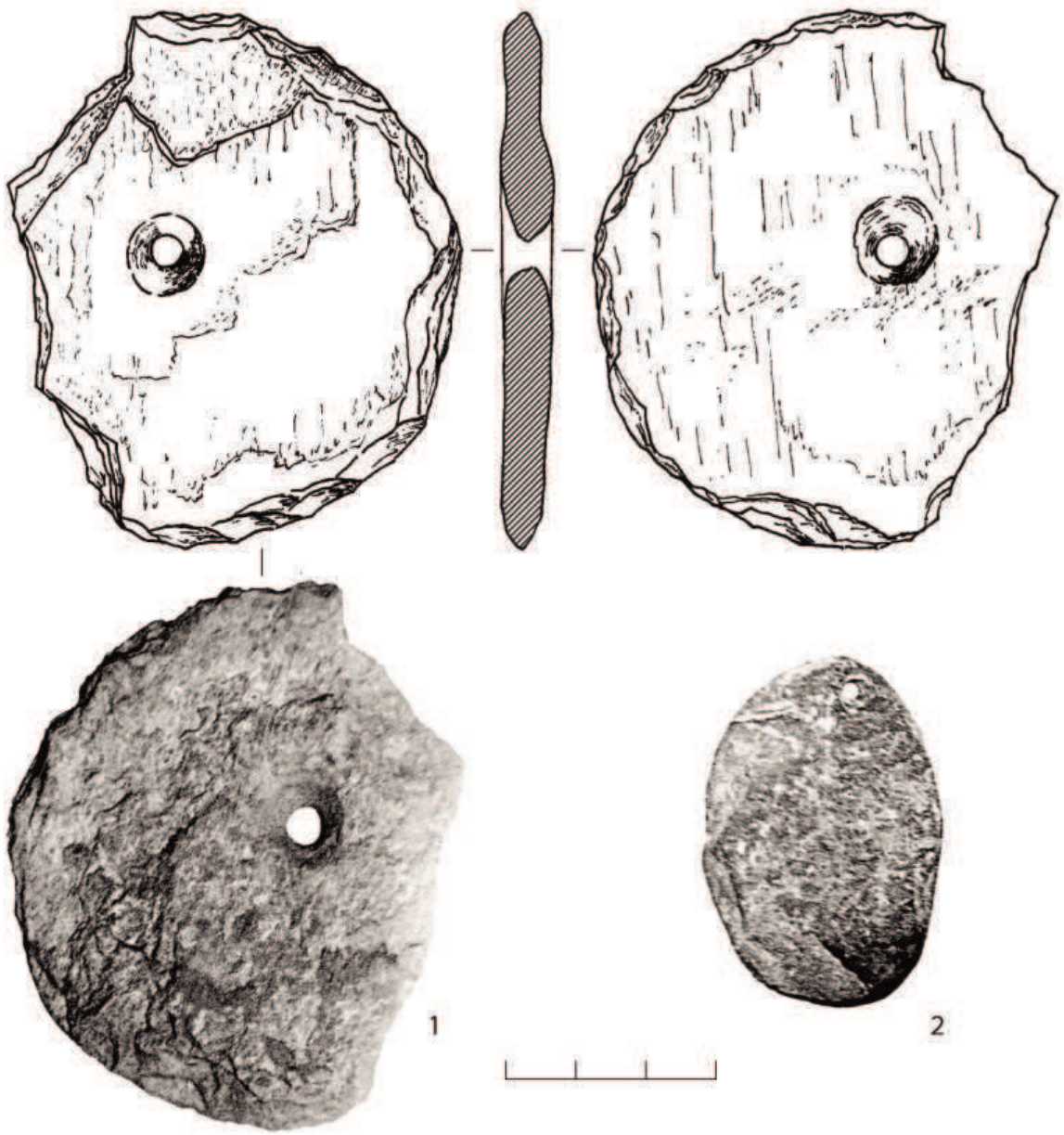


Рис. 175. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Каменные грузики для сетей

зового века говорит о какой-то устойчивой культурной традиции, существовавшей в этот период на поселенческих памятниках.

Изделия из кости седьмого культурного слоя

Из кости сделано шило длиной 9 см с заполированным заостренным концом и одна заготовка изделия из длинной кости мелкого рогатого скота, срезанной пополам и заполированной (рис. 177).

Изделия из бронзы седьмого культурного слоя

В седьмом культурном слое найдено два бронзовых однолезвийных ножа (рис. 178). Один из них, с выделенной рукоятью, длиной 10,5 см и шириной 2,5 см, имеет плавно выпуклый обушок и слегка оттянутый назад конец лезвия, которое немного обкрошилось. Второй нож с вогнутым обушком, приостренным насадом и слегка оттянутым назад лезвием имел длину 8 см и ширину 1,5 см.

Территория бытования и хронологические рамки таких изделий будут рассмотрены ниже.

Керамика седьмого культурного слоя

В седьмом культурном слое собрано около 500 фрагментов керамики приблизительно от 45 сосудов (рис. 179–192). От четырех сосудов имеются венчики, стенки, днища, от 18 — только венчики и стенки, от семи — только днища и стенки и от 16 со-

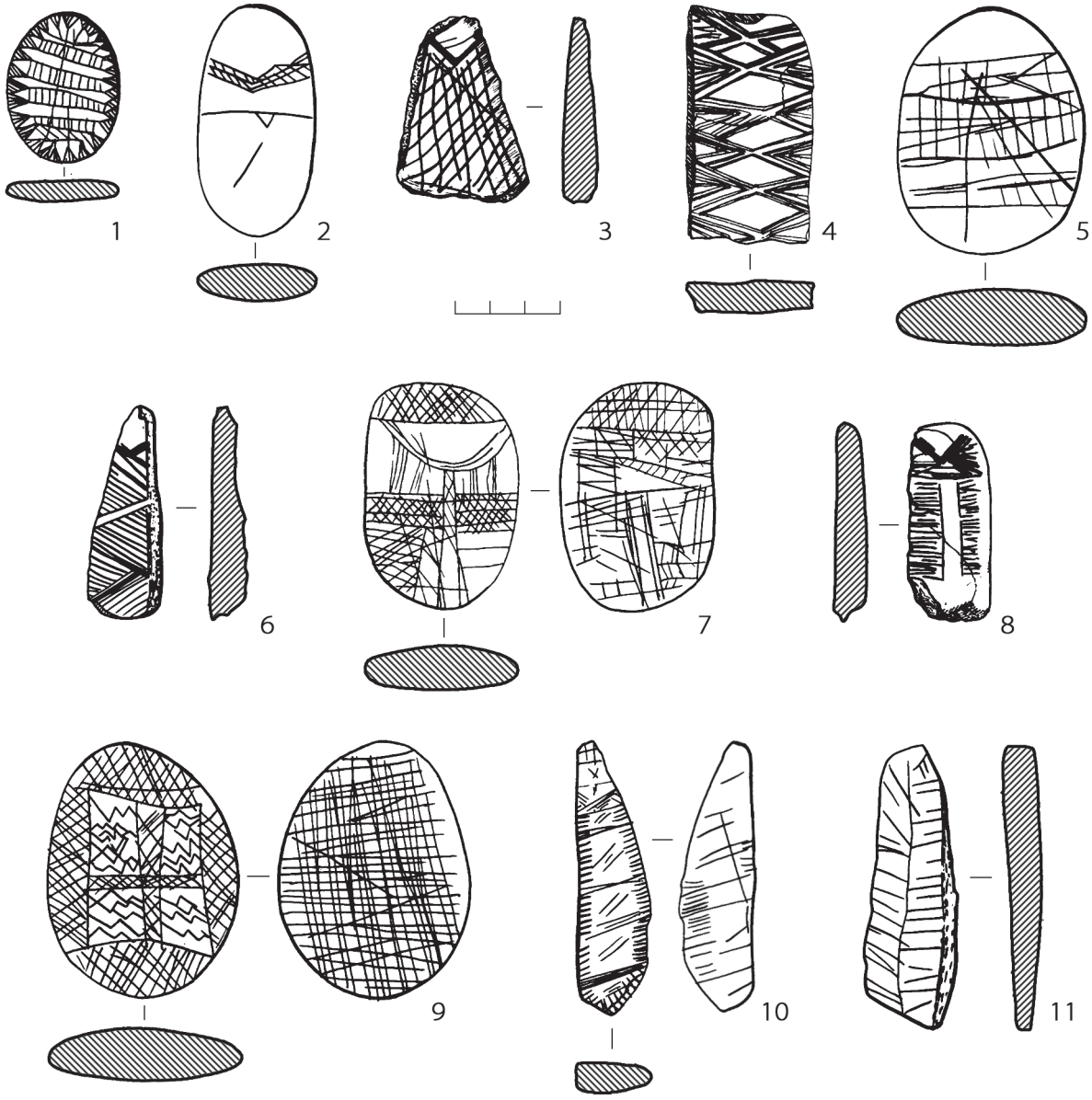


Рис. 176. Камни с гравировками из Тувы: *1, 2, 5, 7, 9* — стоянка Этекшил I; *3, 4, 6* — Тоора-Даш, седьмой культурный слой; *8* — стоянка Хадынных I; *10* — Тоора-Даш, шестой культурный слой; *11* — Тоора-Даш, девятый культурный слой

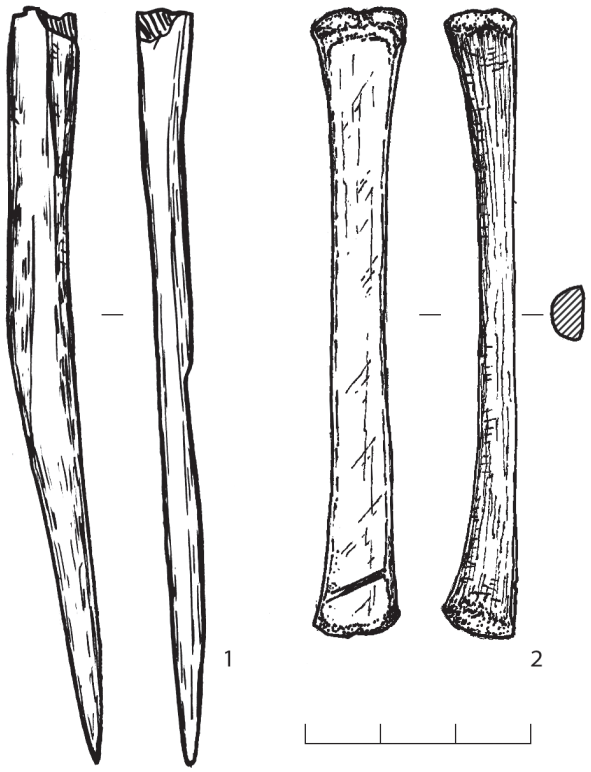


Рис. 177. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Изделия из кости

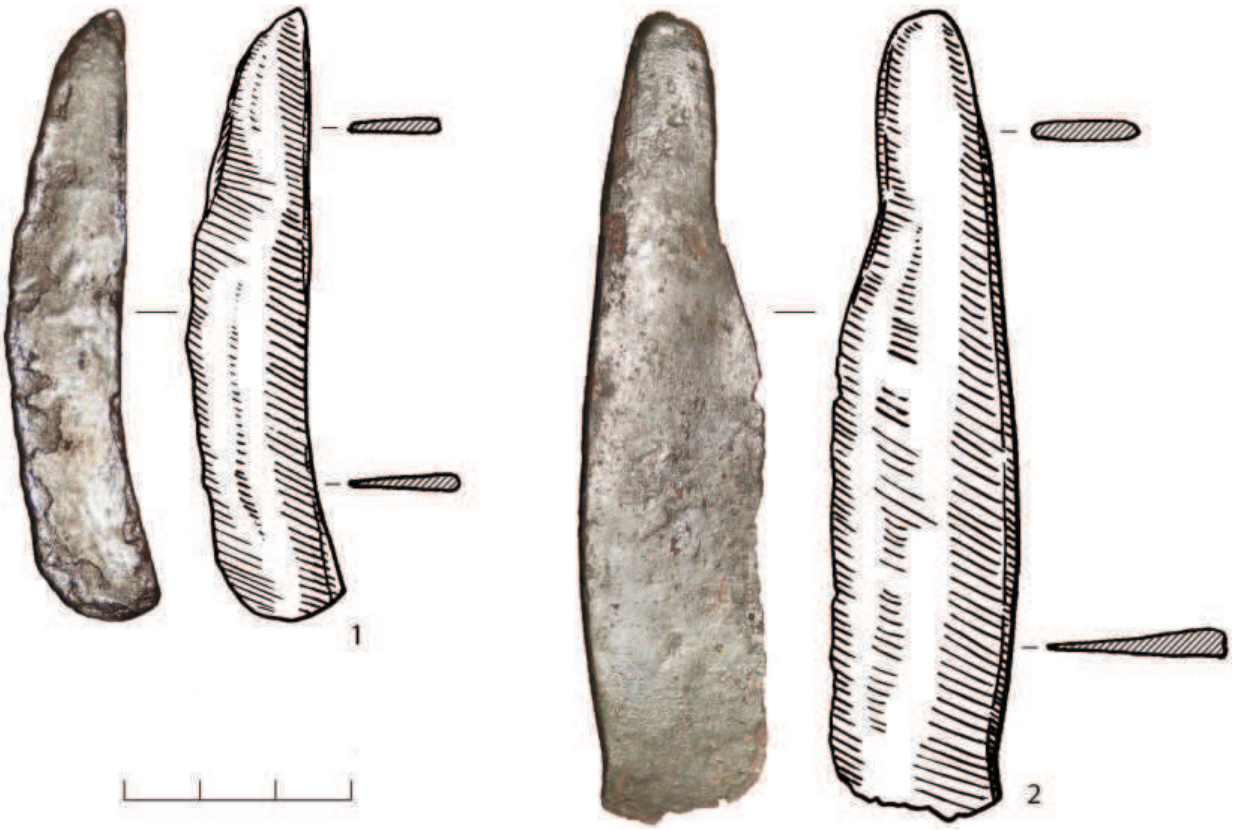


Рис. 178. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Бронзовые однолезвийные ножи

судов — только фрагменты стенок. Фрагменты стенок, найденные в одном скоплении и одинаково орнаментированные, принимаются за один сосуд. Те обломки, которые обнаружены на достаточном расстоянии, хотя бы с одинаковым декором, считаются принадлежащим разным сосудам (это касается главным образом керамики с елочным гребенчатым узором). Часть фрагментов стенок имела своеобразный декор и может быть уверенно отнесена к определенным сосудам.

Керамика седьмого слоя вся без исключения плоскодонная. Днища иногда орнаментированы, иногда нет (рис. 181, *4*). Баночные сосуды двух типов: 1) закрытые, бочонковидной формы, 2) открытые, у которых наибольший диаметр приходится на венчик. Размеры двух археологически целых сосудов составляют: у одного — диаметры 17 см по венчику и 10 см по дну, наибольший диаметр по стенкам 19,5 см при высоте 18,5 см, у другого — высота 12 см, диаметр венчика 12 см и дна 4,5 см (рис. 180, *3*; 181, *3*). Для сравнения можно привести размеры сосуда из погребения на р. Уюк, раскопанного С. И. Вайнштейном и относящегося к этому же этапу окуневской культуры. Этот сосуд при высоте 17 см имел диаметр венчика 15 см и дна 7 см (рис. 181, *2*). В среднем получается, что высота сосуда чуть больше или равна диаметру венчика, а диаметр дна в два раза меньше наибольшего диаметра сосуда. Многие диаметры венчиков сосудов из седьмого слоя устанавливаются вполне надежно, некоторые из них достигают 20 см и более. Но этих данных, конечно, недостаточно, чтобы с полной уверенностью восстанавливать высоту сосуда и его форму.

Формы венчиков варьируют: наибольшее число прямых и округлых симметричных венчиков, но встречаются округлые и приостренные асимметричные венчики с налепными валиками (рис. 180, *5*; 184, *2*).

По видам орнаментации керамика группируется следующим образом: 1) сосуды с гребенчатым орнаментом (рис. 185, *1–17*; 188, *1, 2, 8, 12, 13*); 2) сосуды, декорированные скобчатым и производными от скобчатого штампами (рис. 184, *1; 17*; 187); 3) сосуды с прочерченным и желобчатым орнаментом (рис. 179, *1*; 183, *1*); 4) прочие, декорированные вычурными рельефными узорами в сочетании с геометрическим орнаментом (рис. 188, *1*; 191, *1*). Основой композиции являются горизонтальные линии орнамента. Построение по другим принципам встречается как исключение.

Интересную серию представляют обломки шести сосудов с прямыми симметричными венчиками, с гребенчатым орнаментом и жемчужинами, определяющими в данном случае условную зону венчика, отделяющего его от стенки (рис. 179, *2*; 184, *3, 7, 10*). У трех сосудов жемчужины были расплющены. Верхняя поверхность венчика у одного из них декорирована перекрещивающимися оттисками штампа. От верхнего края венчика до пояса жемчужин проходит наклонный орнамент, ниже на стенке штамп накладывался крестообразно, заполняя все орнаментальное поле (рис. 184, *10*). Ширина штампа 2 мм — в дальнейшем этот штамп будет именоваться широким штампом. Толщина стенки 0,9 см, расстояние между жемчужинами 1,5–2 см. Два других сосуда также орнаментированы широким штампом. До пояса жемчужин орнамент наклонный, стенки имеют елочный узор. Край одного из сосудов декорирован (рис. 184, *3*). Орнаментальная композиция двух других построена несколько по-иному. Зона венчика декорирована пятью горизонтальными гребенчатыми линиями, на стенках елочный узор. Край венчика одного из них ровный, орнаментированный, у другого — овальный, тоже с орнаментом (рис. 184, *13, 16*). Шестой из этих сосудов имеет более сложный декор. Край венчика гладкий, внешняя поверхность покрыта беспорядочными ямочными вдавлениями овальной формы, между жемчужинами проходят два горизонтальных ряда ямок. Стенки украшены елочным узором (рис. 184, *5–7*). Толщина стенок всех этих сосудов примерно одинакова, цвет черепков красный, примесью к глиняному тесту служили зерна кварца.

В тесной связи с этой керамикой находятся два фрагмента венчика с горизонтальными рядами гребенчатого штампа. Стенки этого сосуда имеют елочный орнамент. 58 фрагментов стенок от четырех сосудов с елочным орнаментом, выполненным широким гребенчатым штампом, и фрагменты дна. Придонная часть сосуда украшена аналогично. Штамп имеет овальные очертания, он накладывается с упором на верхний конец так, что остается пояс вдавленных овальных углублений (рис. 184, *5–11*).

Несколько иной вид широкого овального штампа (свыше 2 мм) представлен на четырех фрагментах от придонной части сосуда с елочным орнаментом и декорированным дном. Зубчики этого штампа более крупные, абрис зубчика прямоугольный.

Два других сосуда представлены 56 фрагментами. Их стенки орнаментированы крупнозубчатым штампом. Обломки днища этих сосудов в отличие от стенок покрыты широкими прочерченными линиями. К сожалению, невозможно восстановить полную орнаментальную композицию дна, но, вероятно, здесь имели место либо зарешеченные прямоугольники, либо заштрихованные треугольники. Подобный орнамент дна, но тоже не восстановленный полностью, был на сосуде из уюкского погребения. Производным от гребенчатого можно считать узор, выполненный

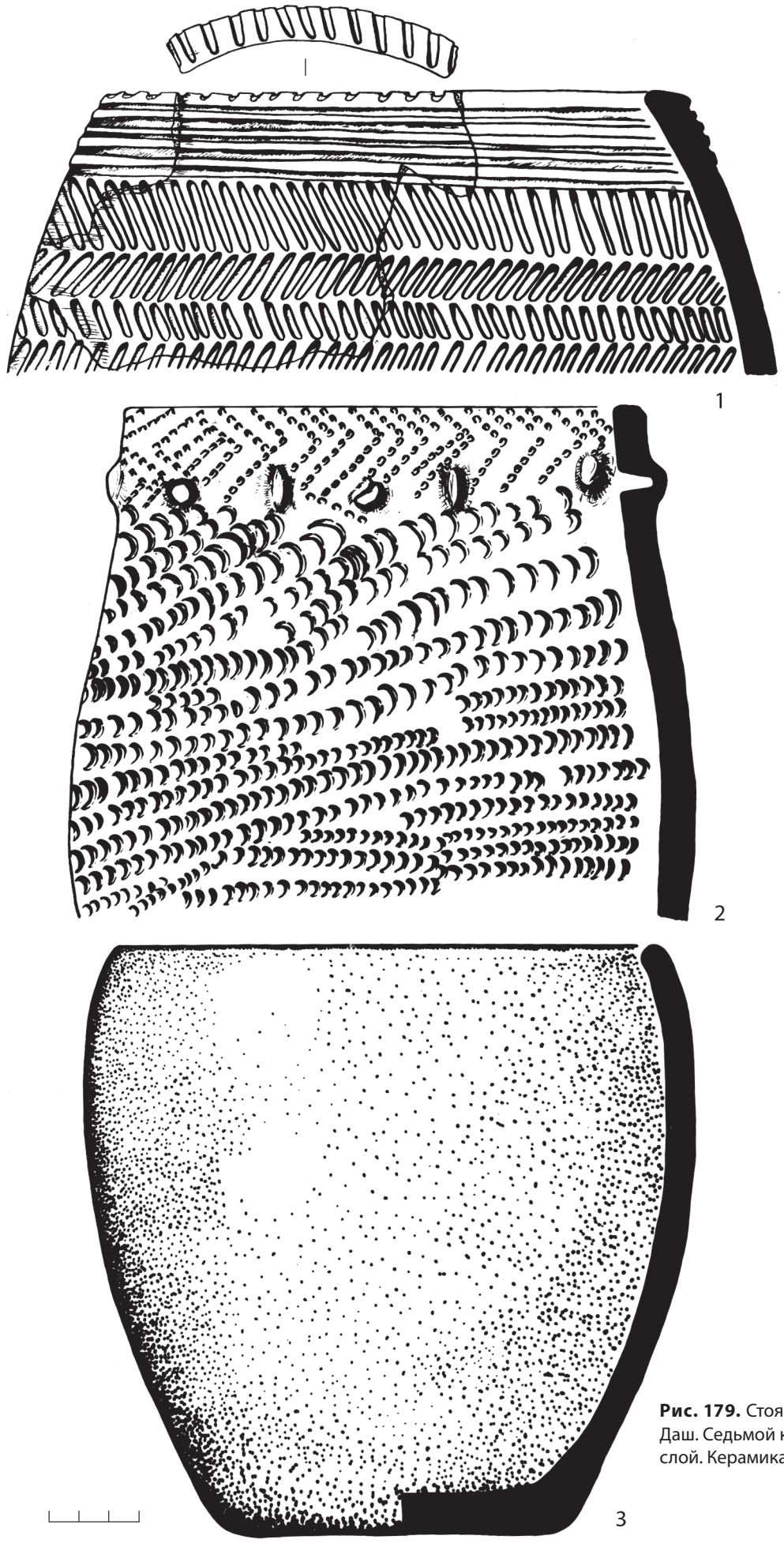


Рис. 179. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Керамика

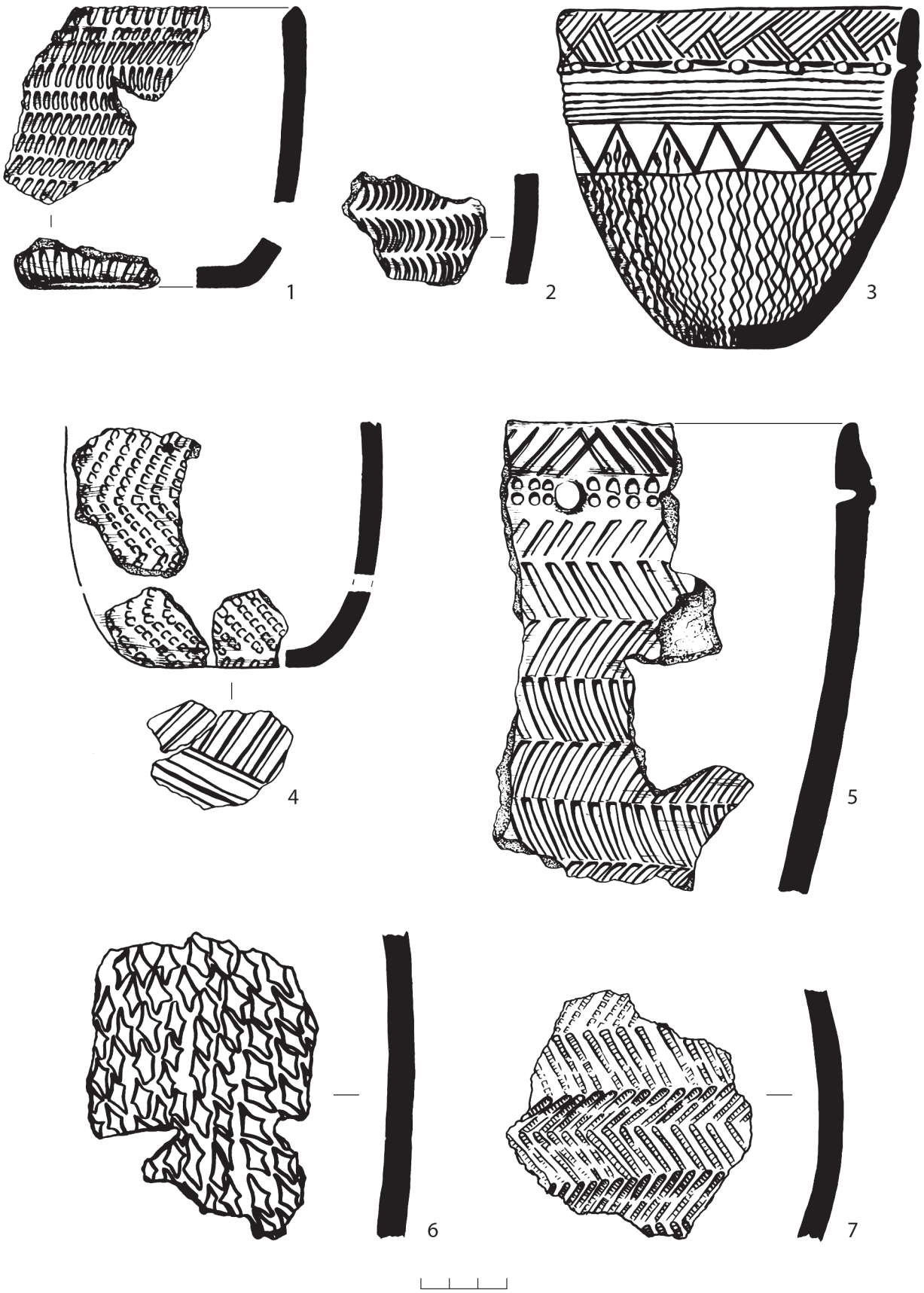


Рис. 180. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Керамика

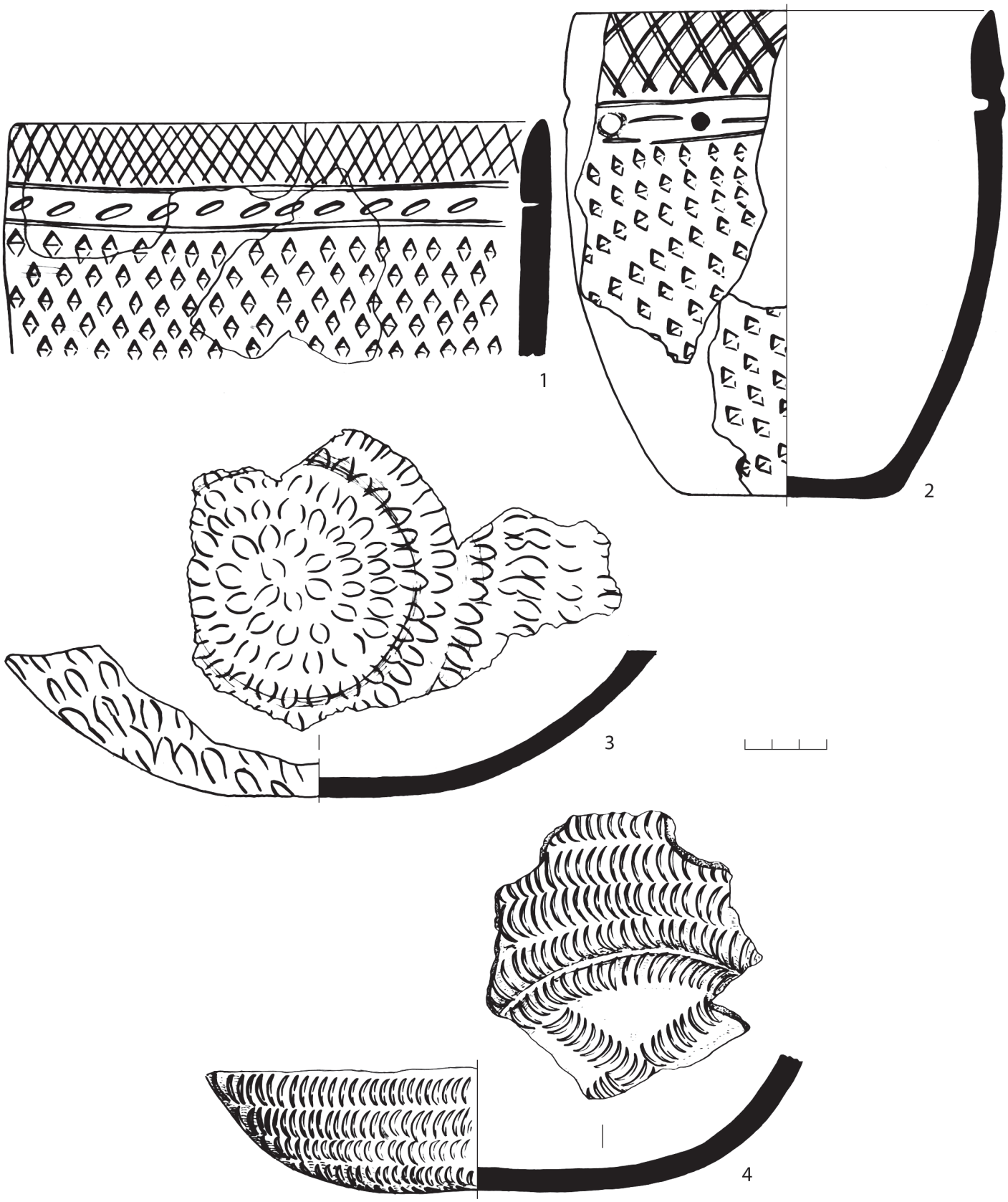


Рис. 181. Керамика из седьмого культурного слоя Тоора-Даша (*1, 3, 4*) и сосуд из погребения на р. Уюк (*2* — по Вайнштейн, 1954)

Рис. 182. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Керамика. Орнаментированное дно сосуда (№ 3 на рис. 181)

отступающей палочкой. В седьмом слое таким орнаментом, образующим зигзагообразный или елочный декор, украшены обломки двух сосудов. Фрагменты дна одного из них имеют на внутренней поверхности следы заглаживания. Это очень рыхлая, расслаивающаяся керамика с примесью зерен кварца (рис. 188, *13*). Один фрагмент был декорирован узким гребенчатым штампом с треугольным абрисом зубчика.

Особый интерес представляют два массивных асимметричных овальных фрагмента венчика, с внешней стороны которых проходила гребенчатая елка (штамп средней ширины). На стенках горизонтальные оттиски гребенки, под венчиком пояс из слабо выпуклых жемчужин (рис. 184, *2*). Наконец, один фрагмент венчика с гладким ровно срезанным краем покрывали косые оттиски штампа с овальными зубчиками, напоминающими ложный шнур (рис. 184, *5–8*).

Шесть сосудов представлены фрагментарно и декорированы насечками, прочерченными желобчатыми линиями. Из них насечками, образующими елочный узор, орнаментировано всего семь фрагментов, предположительно от двух сосудов, и обломок стенки был покрыт зигзагообразными, глубоко врезанными линиями (рис. 184, *5–14*).

Интересен и сложен по декору большой сосуд приблизительно 19–23 см в диаметре. Стенки этого сосуда толщиной 0,8 см орнаментированы гладким штампом шириной 0,3 см и длиной 2,5 см, оттиски которого образуют зигзагообразный узор. Асимметрично овальный венчик с внешней стороны покрыт косыми прочерченными линиями (слева направо с переходом справа налево), в точке пересечения получаются два треугольника с внутренним рядом коротких насечек, из-за чего край венчика кажется волнистым. Зона венчика ограничена небольшим утолщением или налепом с поясом жемчужин в обрамлении двойного ряда ямочных вдавлений. Всего от этого сосуда найдено семь крупных фрагментов (рис. 180, *5*).

Другой сосуд с внешне асимметричным овальным венчиком имел три орнаментальные зоны: венчик

Рис. 183. Керамика из седьмого культурного слоя Тоора-Даша (*1*) и из Бажын-Алаака (Чаа-Хольского городища) (*2*)

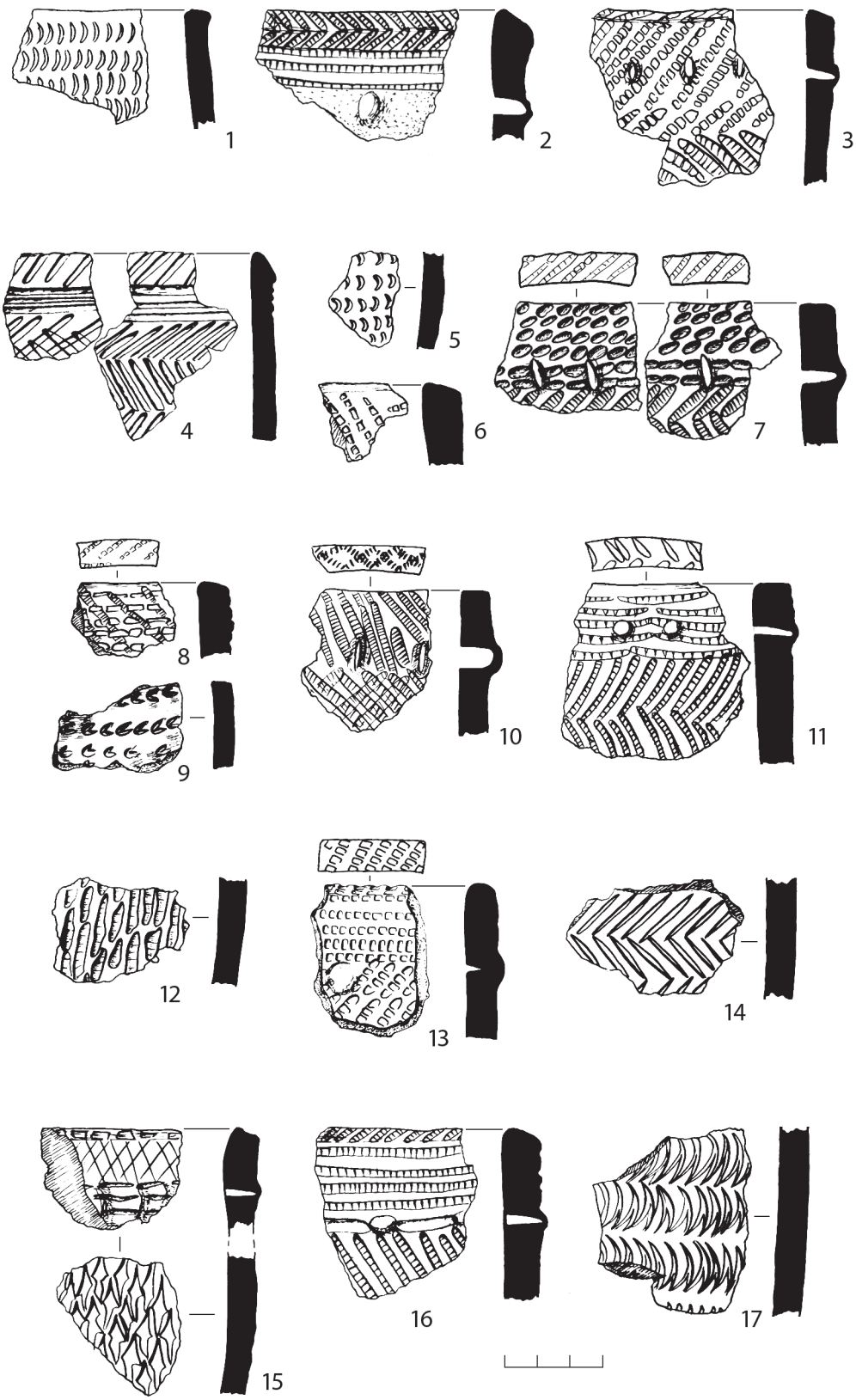


Рис. 184. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Керамика

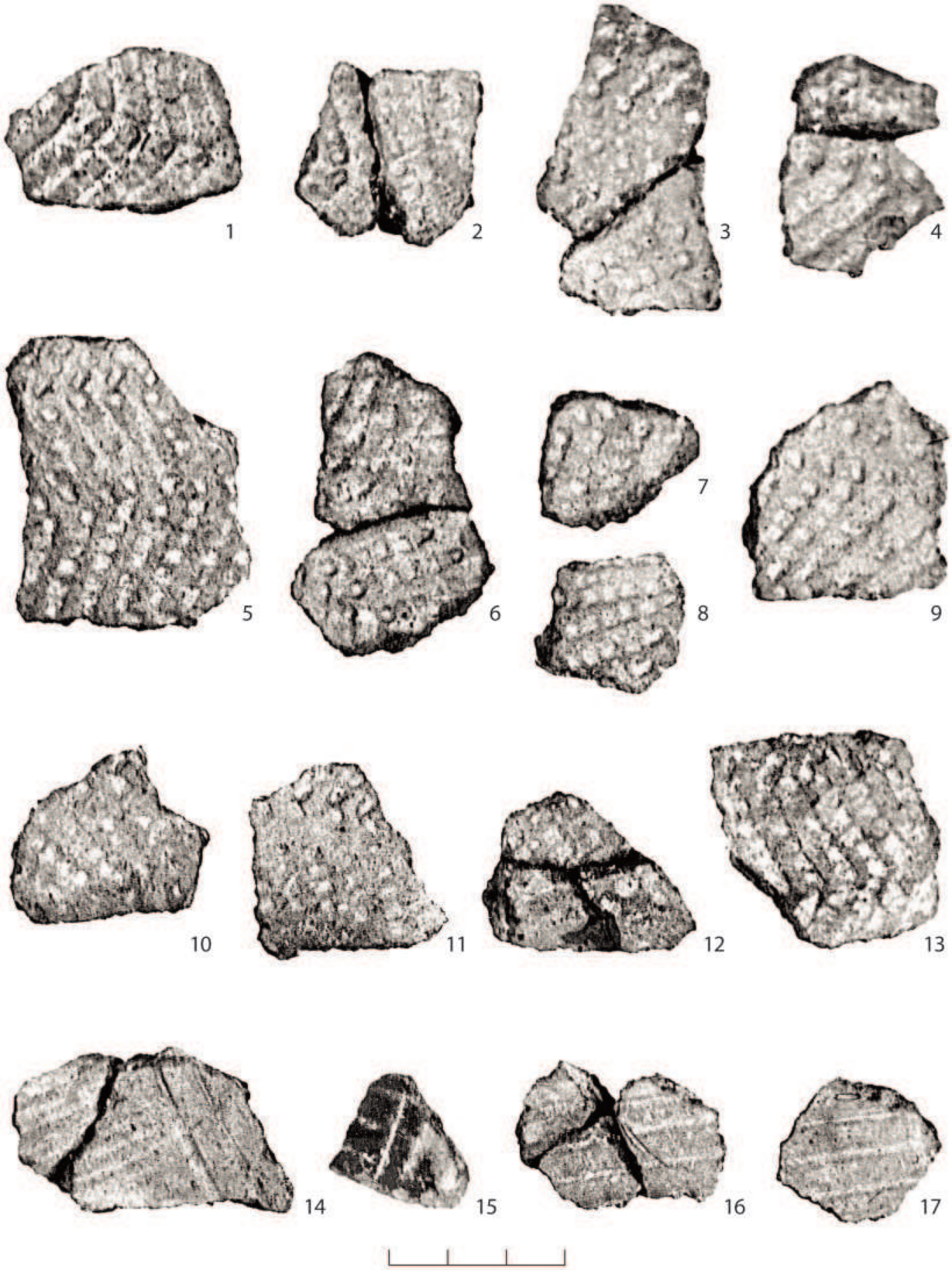


Рис. 185. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Керамика

Рис. 186. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Баночный сосуд без орнамента

с насечками по внешней стороне, зону под венчиком с четырьмя горизонтальными желобчатыми линиями и стенки с гладким елочным орнаментом (рис. 184, *4*).

Нечто подобное прослеживается на сосуде закрытой формы с широким ровно срезанным краем, по которому проходит ряд косых насечек, по внешней стороне венчик опоясывают пять желобчатых линий, ниже — гладкий елочный узор (рис. 179, *1*).

Орнаментальная композиция обоих последних сосудов чрезвычайно близка, но отличие заключается в том, что в первом случае косые, в правую сторону, насечки нанесены на внешнюю сторону венчика, а во втором — на край. Внутренний край венчика даже слегка приострен, что еще больше конструктивно сближает эти два сосуда. К этой же категории сосудов можно отнести и фрагменты стенки с косой прочерченной сеткой и жемчужинами (рис. 184, *14*).

Скобчатым, ногтевым орнаментом и производными от него декорировано девять сосудов. От двух из них имеются целые днища с придонной частью тулова, от трех — венчики, четыре других представлены только стенками, орнаментированными штампами разных размеров. Для этих мелких фрагментов характерно расположение орнамента по горизонтали.

Тоже можно сказать и об орнаментации венчиков двух сосудов с ровным грибовидным краем (рис. 184, *1, 2*). Оба фрагмента украшены рядами оттисков штампа средней величины.

Один из таких сосудов орнаментирован несколько богаче. От него собрано 30 крупных фрагментов, но отсутствует дно, и потому композицию декора нельзя восстановить полностью. Это закрытый сосуд бочонковидной формы с ровно срезанным орнаментированным краем венчика, диаметр которого 17 см. У бочонковидных сосудов высота превышает диаметр приблизительно в 1,5 раза, следовательно, у этого сосуда она равнялась 25–27 см. Внешняя часть венчика украшена елочным узором, выполненным орудием с неровными зубчиками. Зона венчика шириной 3,5 см отделена от тулова поясом расплющенных жемчужин. Стенки сплошь покрыты скобчатым штампом. В верхней части орнамент наклонный, в нижней горизонтальный (рис. 179, *2*).

Обнаруженные днища сосудов этой группы также имеют декор. Одно из них, около 10–12 см в диаметре, украшено по периметру полосой оттисков изящного скобчатого штампа, продолжающегося на стенках сосуда, затем по дну проходят два ряда штампа, пересекающегося в центре, образуя фигуру в виде креста

Рис. 187. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Дно сосуда с ногтевым орнаментом (*1*) и бронзовый нож (*2*)

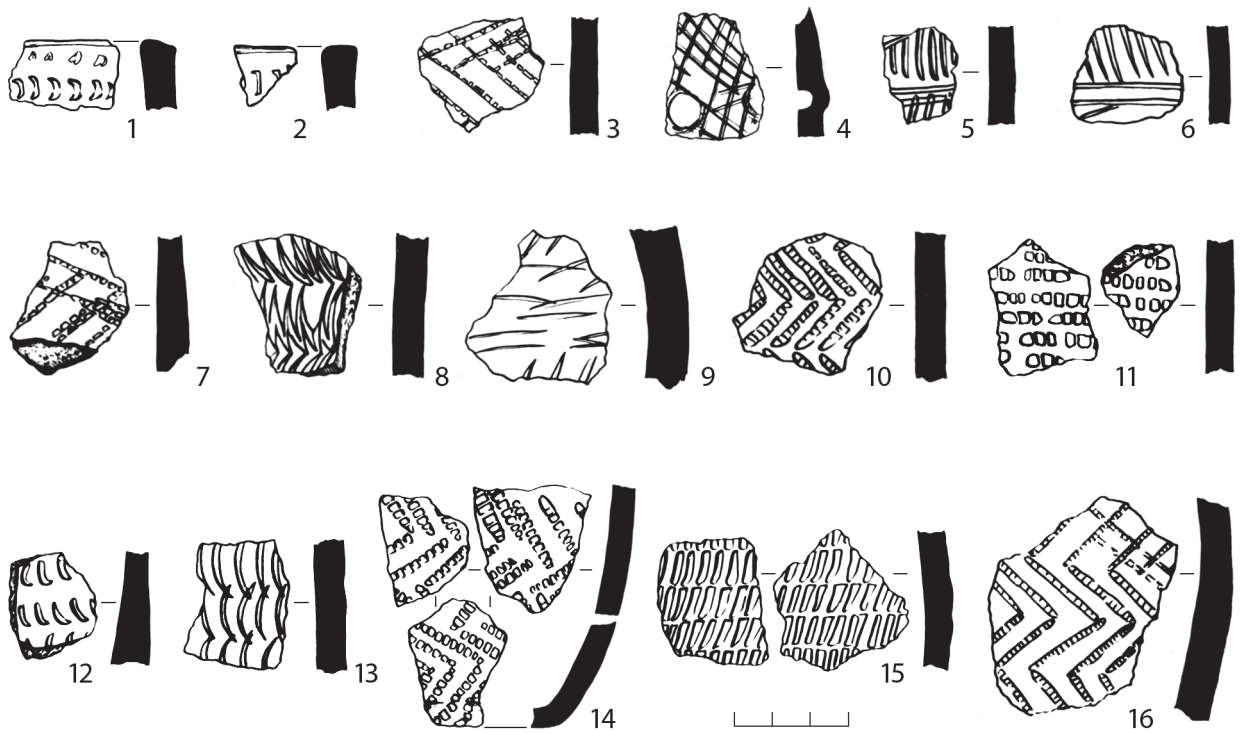


Рис. 188. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Керамика

Рис. 189. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Керамика

(рис. 181, *4*). В целом орнамент напоминает растительные мотивы. Нечто подобное, но в иной манере выполнено и на другом днище, диаметр которого 10 см. Здесь концентрические круги на днище выполнены ногтевыми вдавлениями, образующими орнамент в форме лепестков. Этот же декор украшает и стенки сосуда (рис. 181, *3*; 182). Он близок к скобчатой орнаментации, вообще широко распространенной на окуневской керамике к северу от Саян.

Количество сосудов, украшенных орнаментальными, вычурными штампами, невелико — их всего шесть. Пять представлены достаточно полно и один — двумя фрагментами стенки. Эти фрагменты декорированы горизонтальными рядами оттисков штампа, напоминающего след раздвоенного копыта (рис. 184, *9*). Подобный орнамент встречен в Восточном Казахстане на поселении Трушниково (*Черников*, 1960. С. 31). Наиболее богато декорирован сосуд высотой 12 см с таким же диаметром венчика. Это открытая банка с овально-асимметричным краем. По верхней части проходит фриз из взаимопроникающих заштрихованных треугольников. Пояс жемчужин ограничивает эту зону от следующей из восьми горизонтальных линий, ниже расположен пояс прочерченных треугольников, некоторые из них заштрихованы, а другие украшены пламевидными оттисками (рис. 190). Всю нижнюю часть сосуда покрывает ячеистый орнамент, на обломках — две слабо прочерченные линии.

18 фрагментов от другого баночного сосуда украшены горизонтальными рядами прямого штампа. Край венчика этого сосуда асимметрично приостренный, дно плоское, без орнамента (рис. 180, *1*).

Несколькими обломками представлен большой (20 см диаметром) сосуд с асимметрично приостренным венчиком, по краю которого нанесена косая сетка. Под венчиком проходят две прочерченные линии. Между ними расположены овальные оттиски косо поставленного штампа на расстоянии 1,5–2 см друг от друга, с внутренней стороны проходит ряд ямок, но жемчужины выдавлены не рельефно и на внешней поверхности их фактически не видно. Стенки этого сосуда украшены ромбическим штампом (рис. 179, *1*; 192, *2, 3, 5*). Его орнаментация несколько напоминает декор сосуда из погребения на р. Уюк.

Большой интерес представляет керамика, украшенная сложным штампованным орнаментом, сплошь покрывающим стенки сосуда. Край венчика такого сосуда был орнаментирован глубокими квадратными

Рис. 190. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Керамика

вдавлениями, внешняя поверхность украшена косой сеткой, под которой проходил пояс жемчужин, горизонтальные насечки. Стенки покрывал орнамент, имитирующий вычурную, сложную плетенку (рис. 184, *15*). Обнаружены фрагменты от двух таких сосудов. Один из них найден около жилища в седьмом слое (рис. 192, *1*).

Несколько сосудов представлено отдельными фрагментами. Среди них выделяется часть стенки с рельефными овальными гребенчатыми оттисками, после обжига черепок был затерт до блеска (рис. 184, *12*). Этот и предыдущий сосуд имеют большое сходство с керамикой, полученной из Малиновской ограды, раскопанной в 1977 г. А. М. Мандельштамом (*Мандельштам*, 1978).

Несмотря на богатство орнаментации на посуде седьмого культурного слоя, именно здесь найден вовсе гладкостенный сосуд, напоминающий закрытые тагарские банки (рис. 186). Его стратиграфическое положение не вызывает сомнения, так как обломки были приурочены к большому каменному ящику в кв. 52-53-Ж-3, перекрытому кремнеобрабатывающей мастерской, выявленной в верхнем горизонте седьмого слоя.

***

Шестой и седьмой слои последовательно залегают один над другим: шестой слой, более ранний, и седьмой, следующий по времени, представляют два этапа окуневской культуры в Туве. Эти слои и предшествующий им пятый слой разделены отчетливыми стерильными прослойками и нигде непосредственно не соприкасаются. Для сравнения обоих слоев мы можем использовать только керамику, и можно сделать следующие заключения, что общего и что отдельного, помимо очевидной стратиграфии, содержится в этих слоях. Вся керамика как в шестом, так и в седьмом слое плоскодонная, что сразу отличает ее от округлодонной афанасьевской, но сходство и отличия характерны и для керамики

окуневских слоев Тоора-Даша. Керамика шестого слоя более профилированная, в седьмом слое археологически целых форм почти нет, кроме одной конической гладкостенной банки, но и по фрагментам венчиков, стенок и днищ сосудов можно судить, что керамика имела в основном баночную форму с прямыми стенками. В обоих слоях встречается керамика с орнаментированным дном. В шестом слое преобладает гребенчатая орнаментация, в седьмом вместе с гребенчатым встречается вычурный орнамент наряду с геометрическим. В шестом слое много сосудов с массивными налепными валиками под венчиком, в седьмом — их замещают жемчужины. В целом оба керамических комплекса могут рассматриваться как окуневские.

Первоначально лесное неолитическое население находилось под воздействием афанасьевской культуры, в результате чего сформировался первый этап окуневской культуры. На втором этапе просматривается влияние степных культур, скорее всего карасукской. В результате в обиходе появляются изделия из бронзы, культы, связанные с домашними животными, затем на смену окуневской культуре приходят носители монгун-тайгинской культуры, оставившие восьмой и девятый культурные слои на Тоора-Даше.

Рис. 191. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Керамика

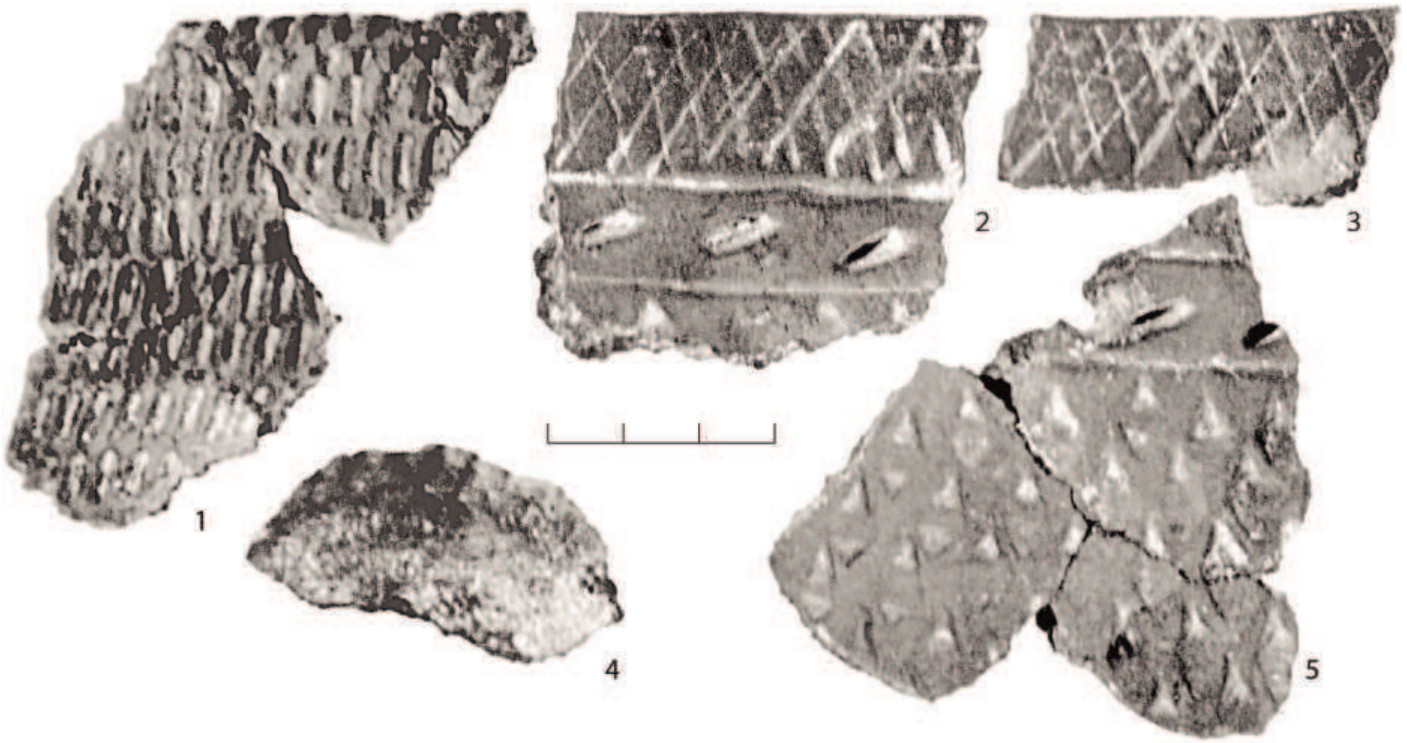


Рис. 192. Стоянка Тоора-Даш. Седьмой культурный слой. Керамика

Глава 8.
Предскифское время — восьмой и девятый культурные слои. Длительный переход к железному веку

К предскифскому времени относятся восьмой и девятый культурные слои, вскрытые на площади около 200 кв. м каждый. Они бедны находками, и их культурная принадлежность все еще остается не ясной.

8.1. Восьмой культурный слой

Восьмой культурный слой был приурочен к суглинисто-супесчаной прослойке мощностью от 5 до 8 см. Площадь слоя была весьма значительна (около 200 кв. м) и очень неравномерно насыщена культурными остатками. Открыт слой был в 1980 г. в кв. 23-35-Т-Ф, по линии С он выклинивался (рис. 193). В кв. 24-25-Ф под округлой каменной выкладкой около 0,6 м в диаметре, сделанной из валунов средних размеров в два-три ряда, обнаружены компактно уложенные рога косули, вокруг которых находилось несколько плоских камней, на которые опиралась вышеупомянутая каменная кладка (рис. 194, *1, 2*).

В кв. 29-30-Ф (в 4 м к востоку от рогов косули) располагалось овальное сооружение из семи некрупных плоских камней диаметром 0,6 м, внутри которого находились кальцинированные кости. Под одним из камней лежал обломок рога оленя. Вокруг сооружения наблюдаются аморфные гумусные пятна, в кв. 28-29-Ф — скопление мелких костей.

В кв. 32-34-Т-Ф собрано 332 фрагмента от сосуда с беспорядочно расчесанной поверхностью (рис. 195). Несколько фрагментов от него найдено в кв. 32-Х. Дна сосуда не найдено, венчик был украшен двумя налепными валиками, рассеченными оттисками зубчатого штампа, пространство между налепами орнаментировано ямочно-жемчужным орнаментом, вся поверхность сосуда покрыта расчесами (рис. 196). В 2016 г. несколько подобных фрагментов керамики были найдены в процессе разведке урочища Шоль Пий-Хемского кожууна. На остальной площади восьмого культурного слоя Тоора-Даша встречались следы очажных пятен и мелкие кости животных.

В 1981 г. слой выклинивался по линии О-Н. Концентрация находок была в кв. 35-42-О-С (рис. 197). В кв. 40-С-Т исследована кольцеобразная выкладка из восьми камней с кальцинированными костями. Прокал незначительный, следов огня на камнях нет. В кв. 37-П была обнаружена вертикально стоящая плитка, вокруг которой сохранились следы кострища, но тоже очень слабого. По всей площади раскопов встречались речные гальки, часть из которых носила следы раскалывания. В раскопе 1981 г. особенно четко прочитывался мощный пласт светлой глины, отделяющий восьмой культурный слой от нижележащего седьмого культурного слоя.

В 1982 г. восьмой слой был вскрыт на площади 60 кв. м и в нем не было обнаружено культурных остатков. Окраска слоя была равномерная, но в кв. Ф-42-41 окраска была более интенсивная, темно-коричневая. Он приурочен к глине и достигал мощности 6–7 см.

В 1983 г. восьмой слой был приурочен к светло-серому песку. Концентрация находок была в кв. 30-47-Х-Ч (рис. 198). На поверхности слоя встречались крупные камни, не образовавшие, впрочем, правильных очертаний и выкладок и, по-видимому, скатившиеся с горы. В кв. 37-Ч было выявлено небольшое кострище, а в кв. 44-43-Х-Ч около скопления камней встречено довольно много костей. В кв. 32-Х найдено несколько

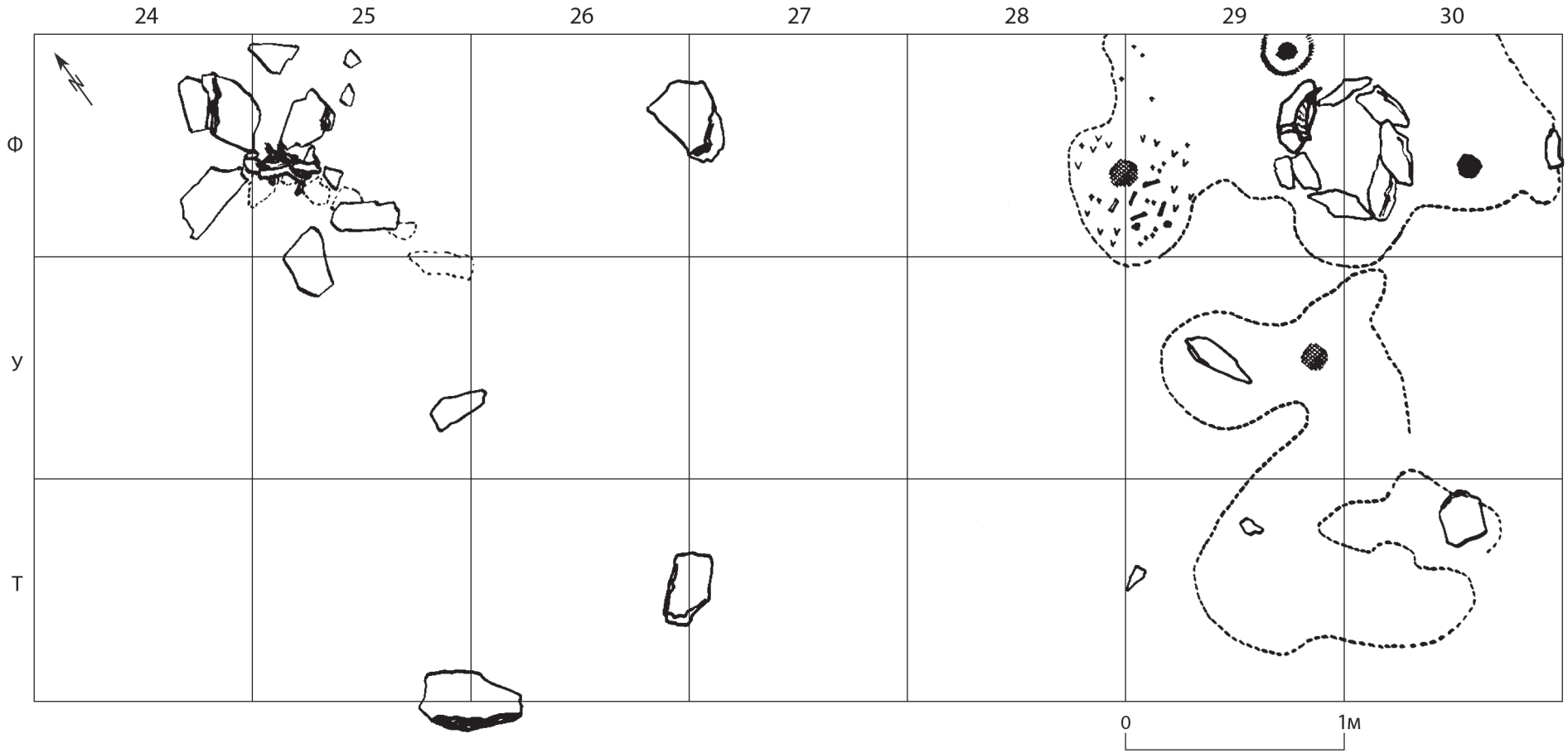


Рис. 193. Стоянка Тоора-Даш. Восьмой культурный слой. 1980 г. План раскопа в кв. 24-30-Т-Ф (рога косули — в кв. 24-25-Ф; выкладка из семи плоских камней — в кв. 29-30-Ф)

1

2

Рис. 194. Стоянка Тоора-Даш. Восьмой культурный слой. 1980 г. Кв. 24-30-Т-Ф: *1* — выкладка из плоских галек, покрывавшая клад из рогов косули; *2* — клад из рогов косули

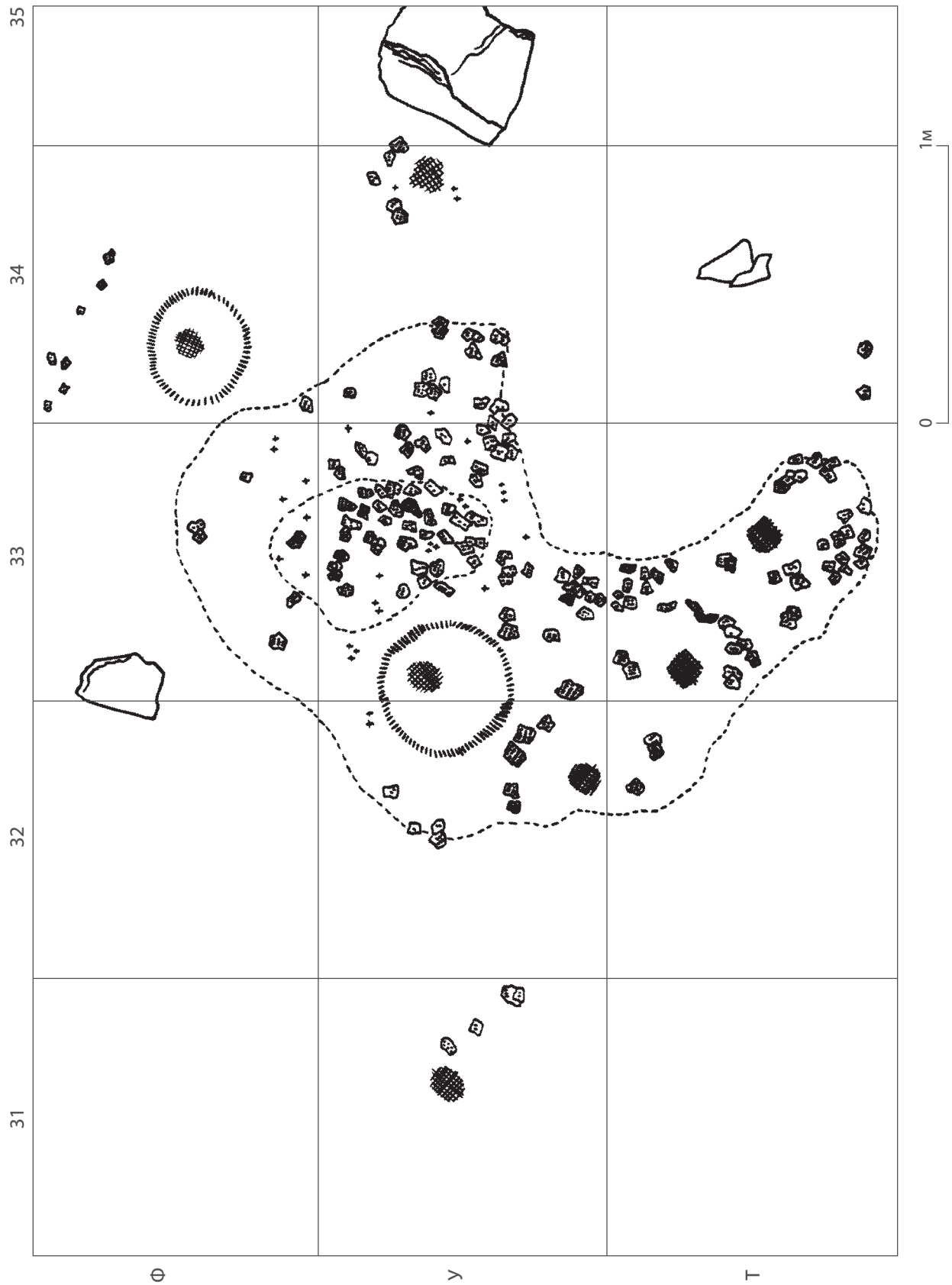


Рис. 195. Стоянка Тоора-Даш. Восьмой культурный слой. 1980 г. План раскопа в кв. 31-35-Т-Ф (пунктирной линией обозначено скопление фрагментов керамики от одного сосуда)

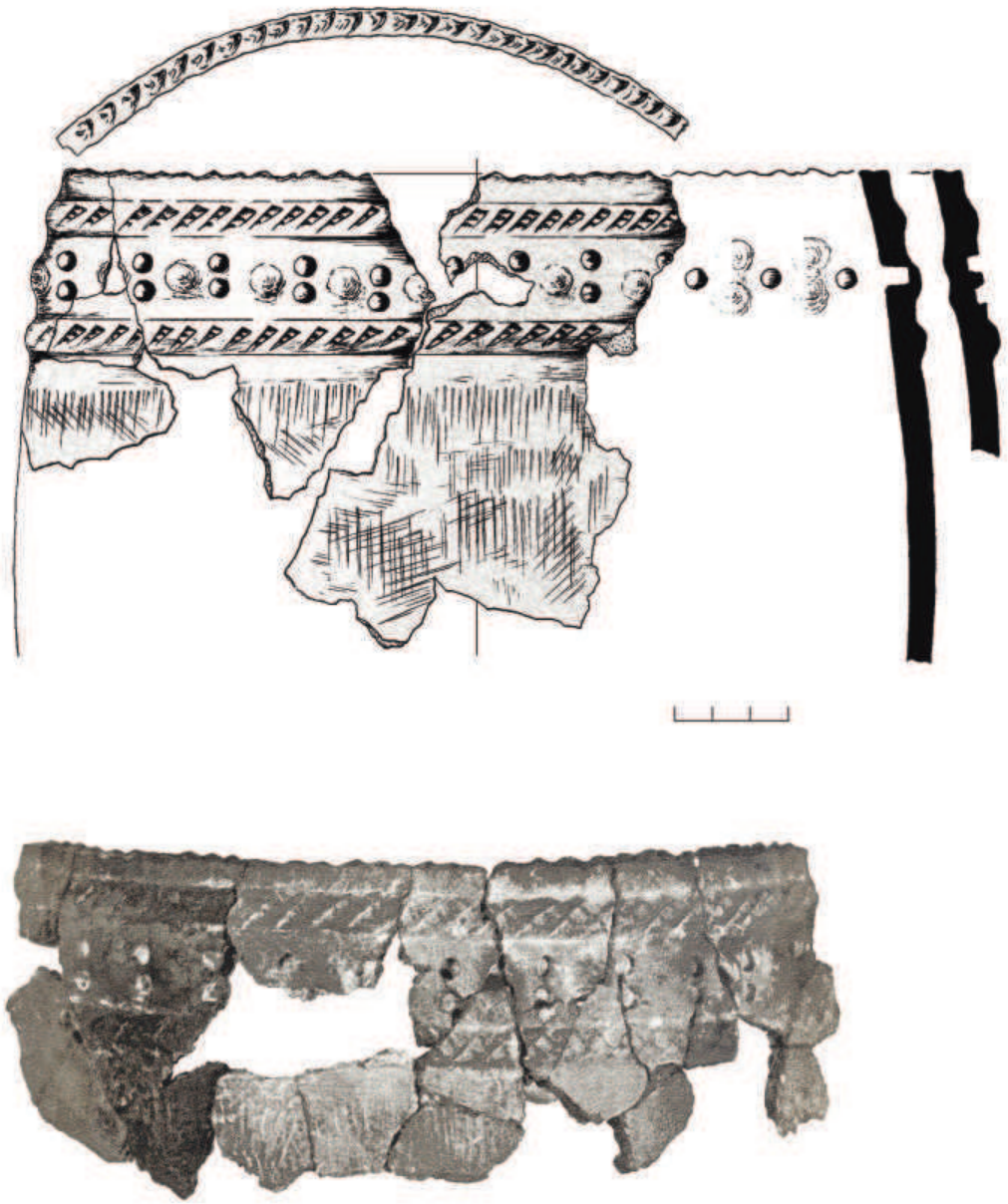


Рис. 196. Стоянка Тоора-Даш. Восьмой культурный слой. 1980 г. Керамика из кв. 32-34-Т-Ф (рисунок и фото)

мелких фрагментов керамики от сосуда, обнаруженного в 1980 г.

В кв. Х-24-25 в 1984 г. обнаружена каменная выкладка около 1 м длиной, вытянутая в направлении запад-восток (рис. 199). Выкладка перекрывала яму, заполненную песком и суглинком. Назначение данного объекта не ясно. В остальной части раскопа в этом слое ничего не найдено. Он был приурочен к осветленной супеси.

Керамика восьмого культурного слоя

В восьмом культурном слое найдено более 300 фрагментов от одного сосуда. Это большой сосуд с прямыми стенками и уплощенным дном. Венчик прямой, орнаментирован по краю оттисками трехзубого штампа. Диаметр 22 см. Под венчиком два налепных валика, рассеченных оттисками того же штампа. Между ними проходит ряд жемчужин в обрамлении цилиндрических ямок с плоским дном. Стенки этого сосуда покрыты штрихованным орнаментом, вероятно, технического происхождения (рис. 196). Подобная керамика в Туве до сих пор неизвестна.

***

Даты, полученные по ^{14}C, сравнительно ранние (см. Приложение) и уравниваются с датами лежащего ниже седьмого культурного слоя, найденная в нем керамика находит довольно много аналогов

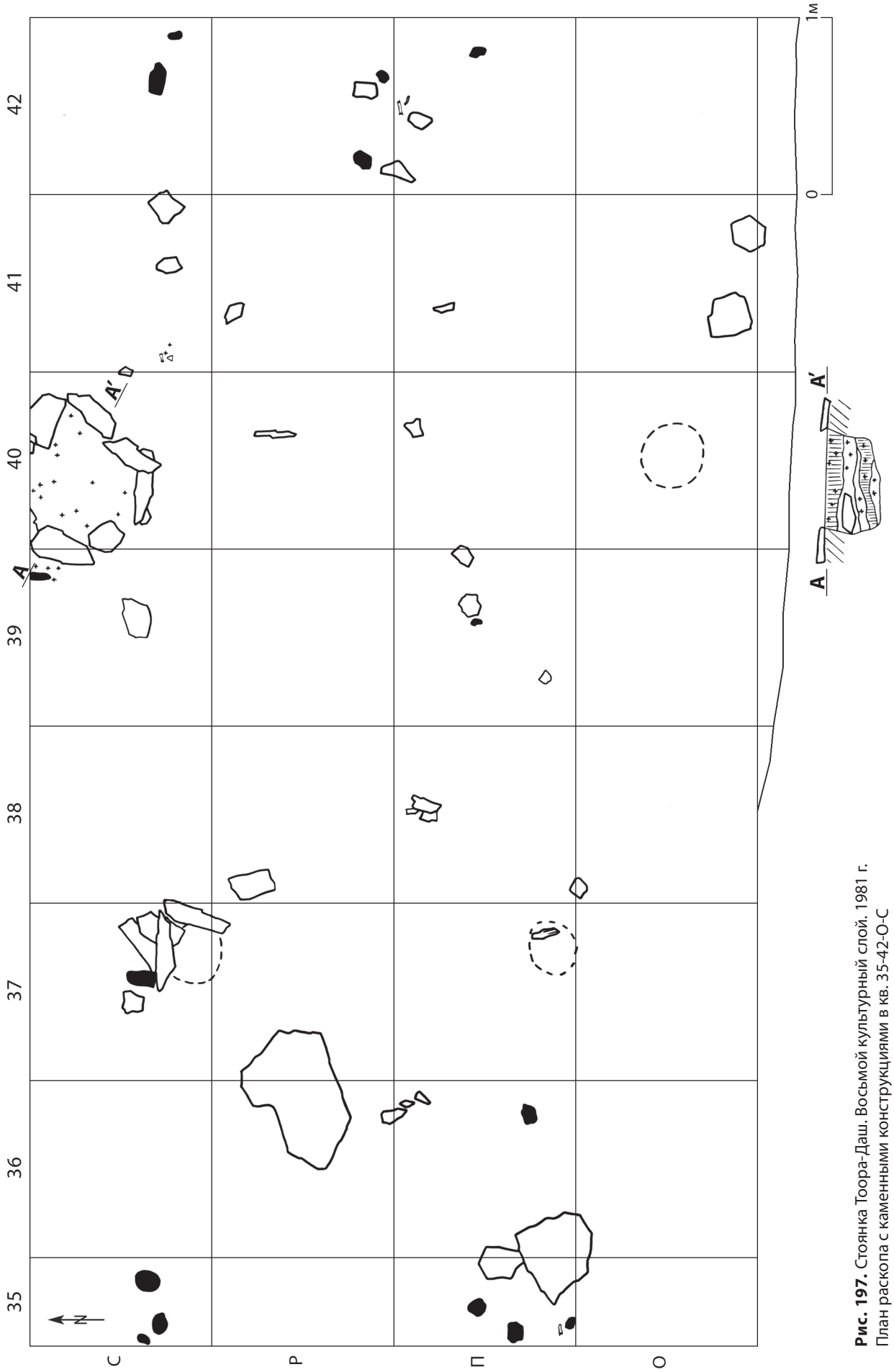


Рис. 197. Стоянка Тоора-Даш. Восьмой культурный слой. 1981 г.
План раскопа с каменными конструкциями в кв. 35-42-О-С

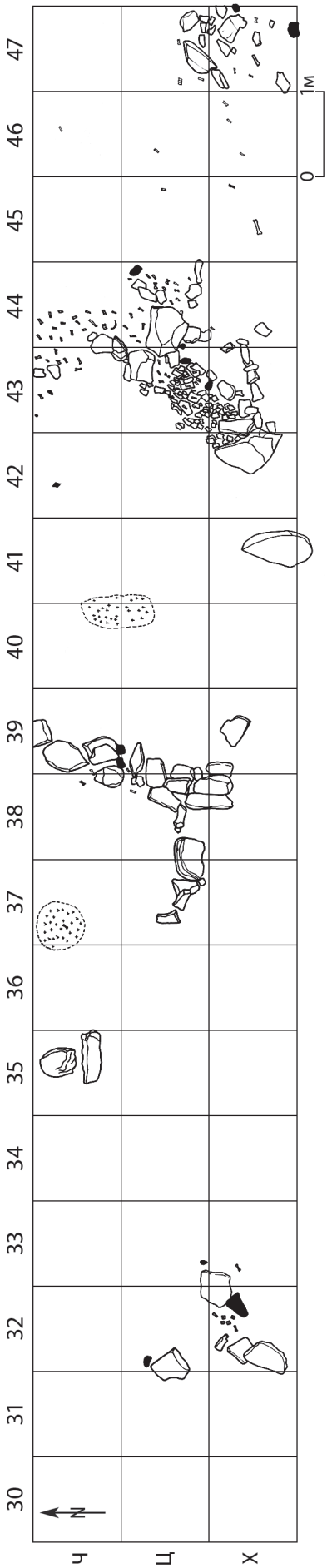


Рис. 198. Стоянка Тоора-Даш. Восьмой культурный слой. 1983 г. План раскопа в кв. 30-47-Х-Ч

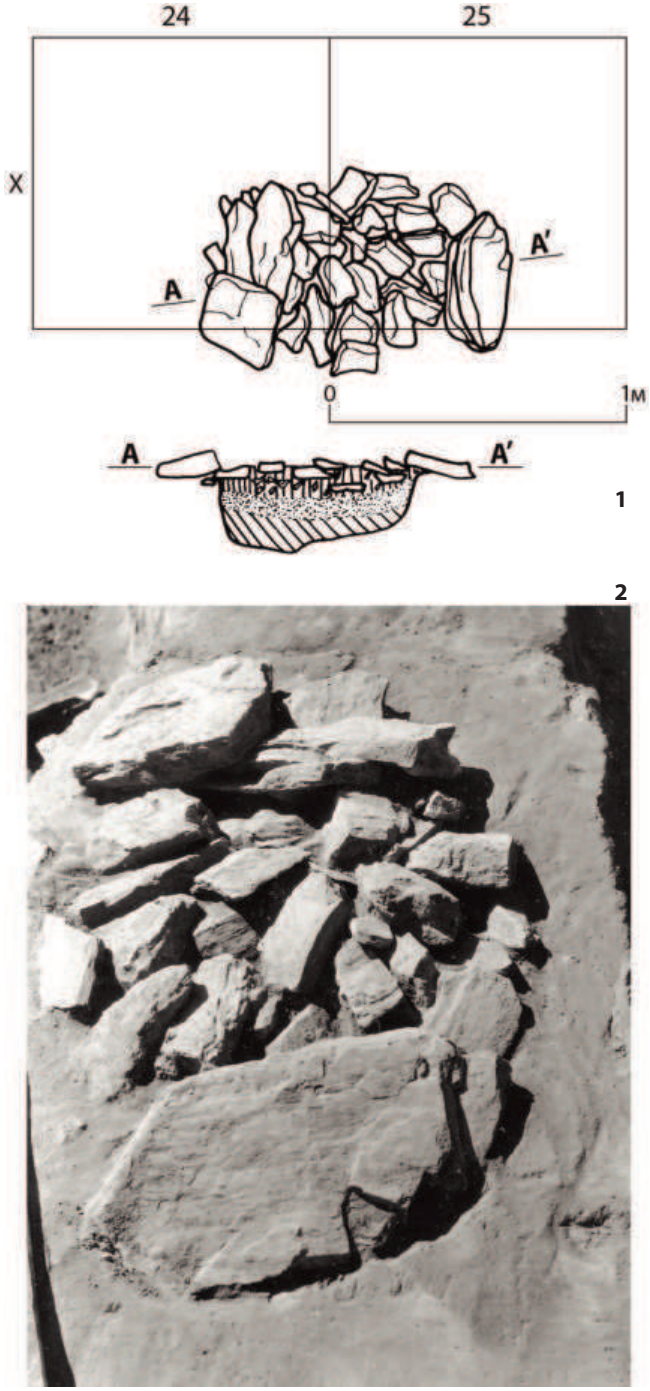


Рис. 199. Стоянка Тоора-Даш.
Восьмой культурный слой. 1984 г. План раскопа в кв.24-25-Х. Яма, перекрытая обломками плит:
1 — план и разрез; *2* — фото

в керамике на территории Тувы. Стратиграфическое положение седьмого культурного слоя по отношению к восьмому не вызывает сомнения. Эти слои разделены значительной по мощности стерильной прослойкой. Очевидно, ошибка кроется в качестве образцов, отобранных для определения возраста седьмого и восьмого культурных слоев стоянки Тоора-Даш.

8.2. Девятый культурный слой

Девятый культурный слой залегал в темных суглинках между восьмым культурным слоем и вышележащим культурным слоем 10А, от которых его отделяли стерильные прослойки. Насыщенность слоя была сравнительно умеренной, несмотря на достаточно большую площадь раскопа, которая достигала 200 кв. м (рис. 200–204). Слой впервые был зафиксирован в 1980 г., в тех же квадратах, что и восьмой культурный слой (кв. 24-35-Т-Ф) (рис. 200). Основные составляющие компоненты культурного слоя — мелкие сланцевые плитки (некоторые до 10–13 кв. см), маломощные зольные пятна и незначительные по размерам очаги. Культурные остатки представлены мелкими дроблеными костями, мелким углем и небольшими, сильно расслаивающимися фрагментами керамики. В одном из таких скоплений в кв. 37-38-С-Р (1981 г.) располагались два камня, поставленные под углом друг к другу (рис. 204). Основания этих камней достигали восьмого культурного слоя. Вероятно, они являются остатками очажного ограждения. Один из камней, образующий северную стенку очага, опирался на горизонтально уложенную плиту, под которую была подложена речная галька.

В 1980 г. в кв. 26-У обнаружен каменный треугольник со стороной приблизительно 0,4 м (рис. 201). Это довольно крупное сооружение для такого вида памятников, широко распространенных в Туве и Хакасии. Обычно они находятся под курганами на древней дневной поверхности или непосредственно на перекрытиях могильных ям. До сих пор не существует удовлетворительной интерпретации о назначении каменных треугольников в предскифской и скифской обрядности, но треугольник из девятого культурного слоя стоянки Тоора-Даш, вероятно, один из самых ранних.

Из других конструкций, обнаруженных на поверхности девятого слоя, следует отметить подовальную, почти круглую выкладку в кв. 37-38-У-Ф (1982 г.). Она сложена из десяти камней: пять камней в этой оградке являлись плитками, остальные пять — гальки

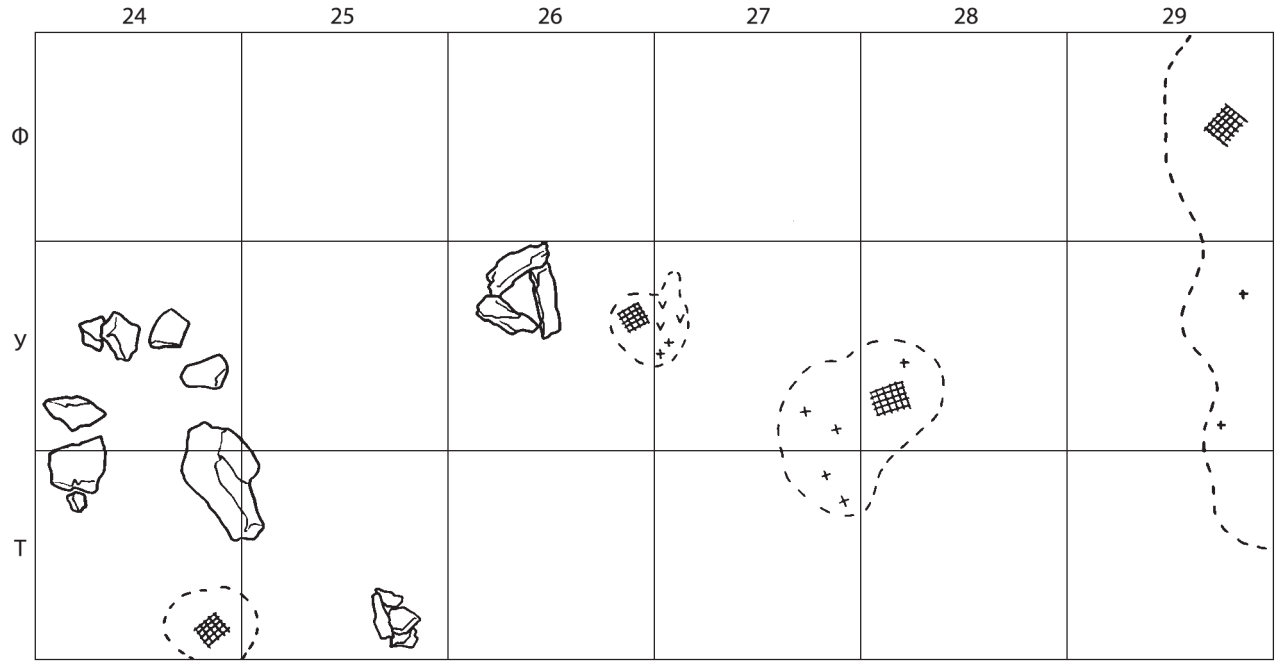


Рис. 200. Стоянка Тоора-Даш. Девятый культурный слой. 1980 г. План раскопа в кв. 24-29-Т-Ф (каменный треугольник в кв. 26-У)

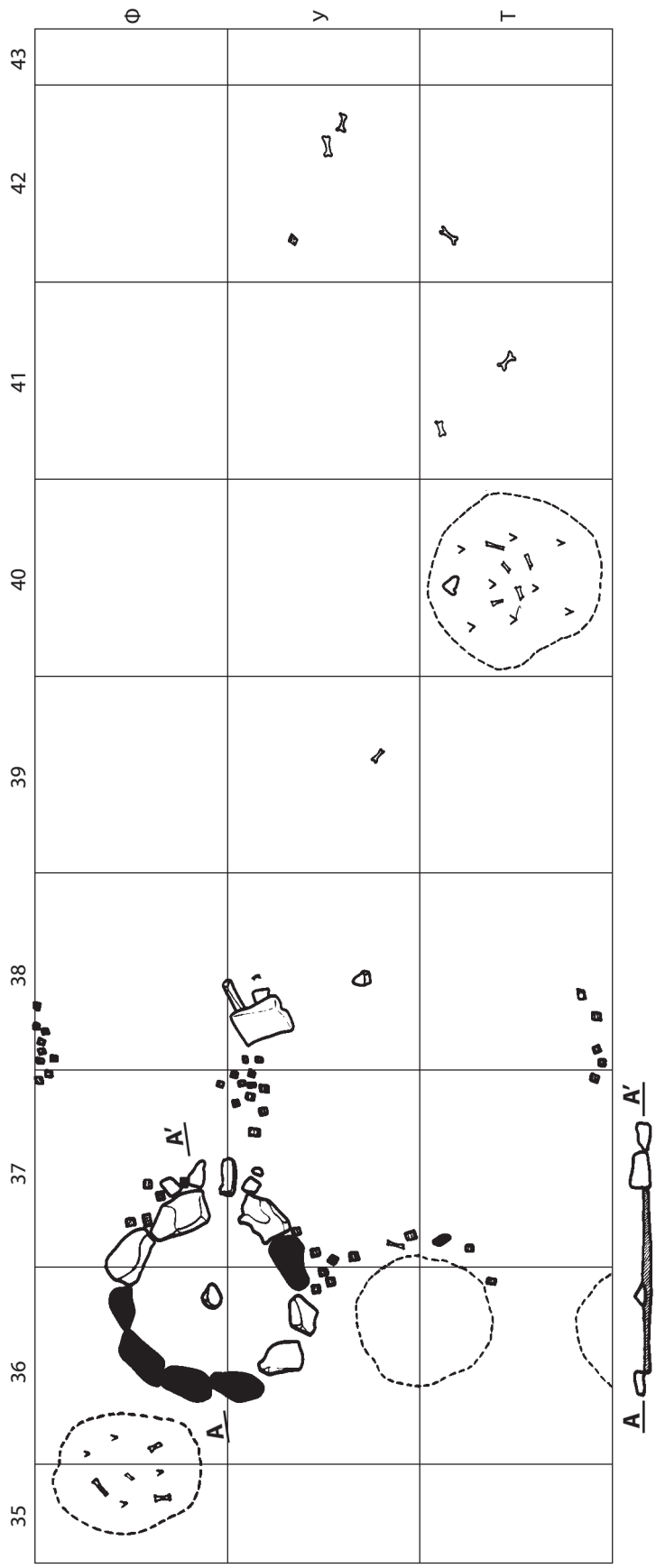


Рис. 202. Стоянка Тоора-Даш. Девятый культурный слой. 1982 г. План раскопа в кв. 35-43-Т-Ф (каменная кольцевая выкладка в кв. 36-37-У-Ф)

(рис. 202; 203). Диаметр этой оградки достигает 1 м. В центре кольца находился еще один камень (возможно, попавший сюда случайно, но это маловероятно). Заполнение этого объекта состояло из красной прокаленной земли, мелких кальцинированных костей, нескольких фрагментов керамики с прочерченным орнаментом. Эта же керамика рассеяна в кв. 36-38-У-Ф. Также найдено несколько фрагментов темной гладкостенной керамики.

В 1981 г. в кв. 35-36-С, 41-Р-П находились небольшие по площади очажные пятна (рис. 204). Диаметр этих пятен не превышал

Рис. 201. Стоянка Тоора-Даш. Девятый культурный слой. 1980 г. Каменный треугольник в кв. 26-У

Рис. 203. Стоянка Тоора-Даш. Девятый культурный слой. 1982 г. Каменная кольцевая выкладка в кв. 36-37-У-Ф

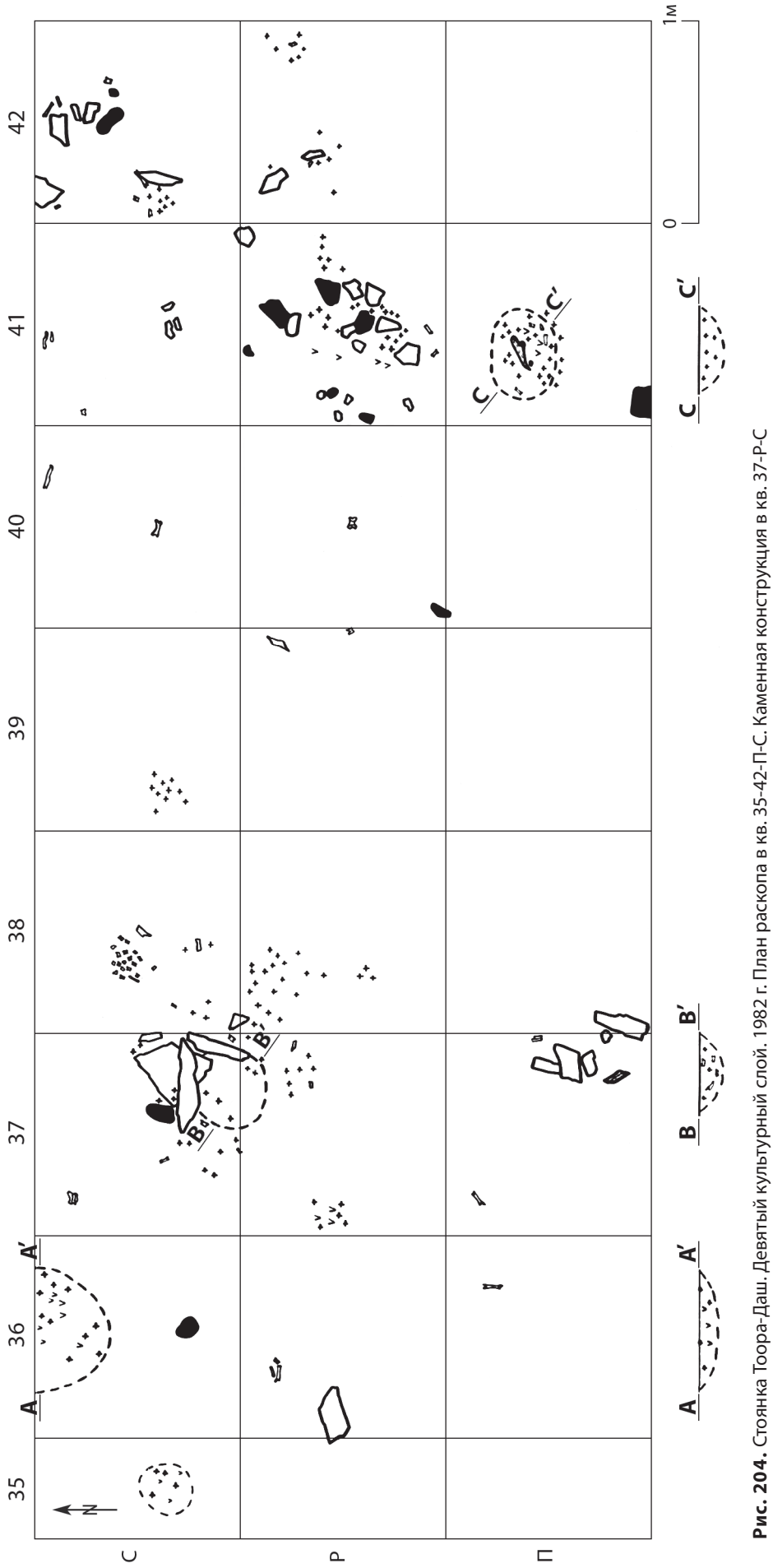


Рис. 204. Стоянка Тоора-Даш. Девятый культурный слой. 1982 г. План раскопа в кв. 35-42-П-С. Каменная конструкция в кв. 37-Р-С

полуметра, а мощность — 0,1–0,15 м. В кв. 37-П, 41-Р и 42-С располагались скопления камней, вероятно, случайного происхождения, кроме тех, которые якобы были принесены с реки. В кв. 37-38-С-Р — скопление мелких углей и костей.

В 1982 г. слой вскрыт на площади 60 кв. м (как и слои шестой, седьмой и восьмой). Здесь культурные остатки приурочены к серым или светло-коричневым суглинкам. Подстилает его светлая глина. Кроме выкладки в кв. 37-38-У-Ф также исследовано очажное пятно до 1 м в диаметре в кв. 40-Т. Прокал этого пятна доходит до восьмого культурного слоя. В кв. 47-М на выклинивании слоя была найдена зернотерка и курант к ней (рис. 205).

В 1983 г. девятый культурный слой вскрыт на площади 54 кв. м. Культурные остатки располагались равномерно, примерно до квадратов по линии 44. Ближе к восточной стенке раскопа слой ничего не содержал. Мощность слоя нигде не превышала 6–7 см. Он имел светло-коричневую окраску и был очень слабо гумусирован. Очажные пятна небольшие и маломощные. Артефакты не образовывали каких-либо скоплений. Здесь найдено несколько фрагментов гладкой керамики и керамики с прочерченным орнаментом.

В 1984 г. слой был вскрыт на той же площади, что и десятый культурный слой, от которого он был отделен светлыми супесями. Сам слой приурочен к отемненным супесям. Никаких культурных остатков не было обнаружено, кроме нескольких костей в кв. 29-Х.

Каменный инвентарь девятого культурного слоя

Найденные предметы из камня: зернотерка с курантом (рис. 205), обломок зернотерки или куранта из плоского песчаника, галечный клин с забитым обушком и обработанным грубыми сколами лезвием, расколотая поперек овальная кремневая галька, оббитая по периметру сколами с двух сторон, галечный отщеп с коркой со следами снятий со стороны брюшка, а также орнаментированная удлиненная галька с прочерченным орнаментом (см. рис. 176, *11*).

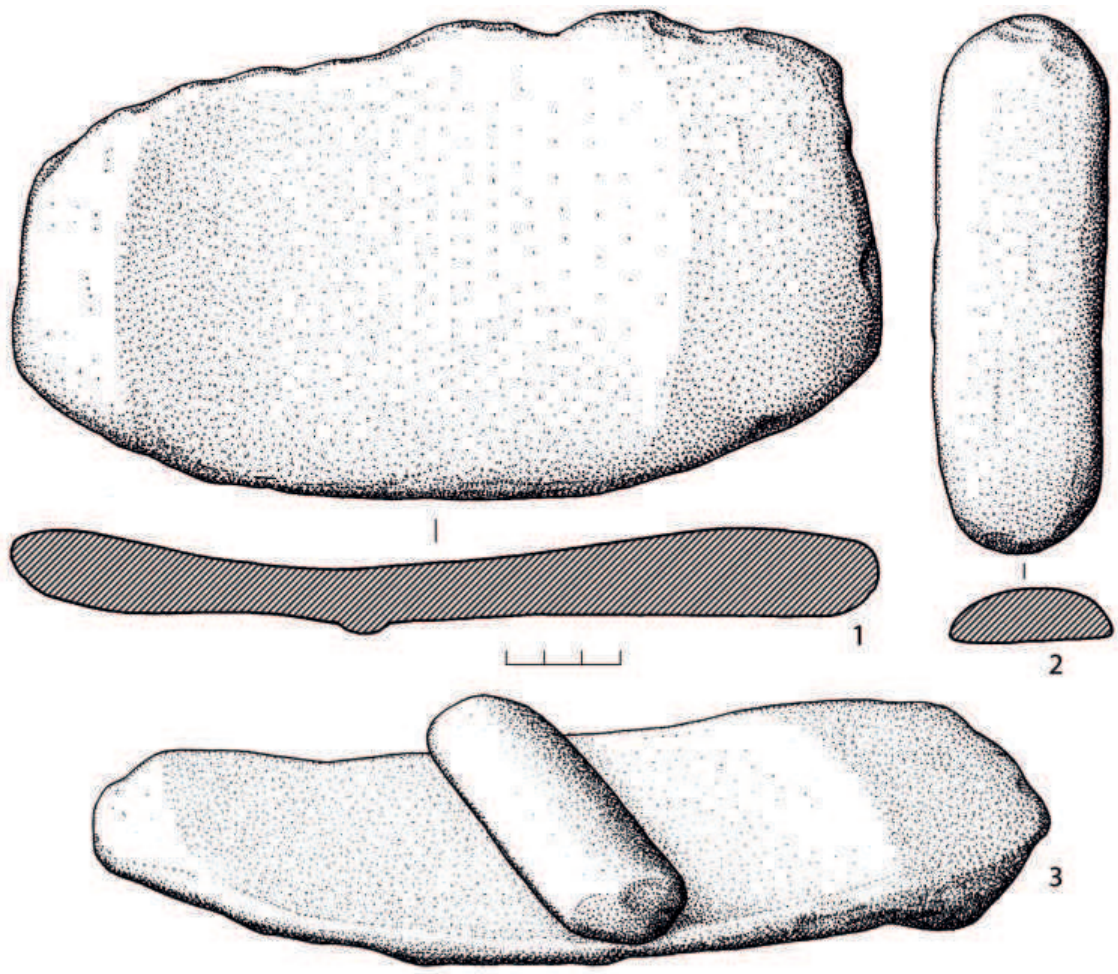


Рис. 205. Стоянка Тоора-Даш. Девятый культурный слой. 1982 г. Каменная зернотерка и курант

Керамика девятого культурного слоя

Найдена керамика от четырех сосудов. Один фрагмент венчика от сосуда диаметром 21 см, гладкий без орнамента, с округлым краем, под венчиком — жемчужины (рис. 206, *1*). Другой фрагмент венчика с округлым краем был орнаментирован крупнозубчатым штампом и имел жемчужину (рис. 206, *3*). Несколько мелких фрагментов также имеют гребенчатый декор. 10 обломков от одного сосуда были украшены глубокими оттисками зубчатых орудий с трапециевидным абрисом одного зубчика. На этих фрагментах остались следы отслоившихся валиков. Наибольшее число кусков керамики найдено от сосуда с елочным прочерченным орнаментом (рис. 206, *2*; 207, *1–5*). Край венчика этого сосуда асимметрично-грибовидный, слегка скошенный внутри, декорирован насечками. Верхняя наружная часть венчика без орнамента. Фрагменты стенок сохраняют рассеченный насечками валик. Всего от этого сосуда (может быть, от двух сосудов) найдено около 100 фрагментов. Тут же есть и обломки гладкой керамики (рис. 207, *6*).

***

Девятый культурный слой непосредственно предшествует слоям скифского времени, если исходить сугубо из стратиграфии. Даты по ^{14}C демонстрируют возраст этого слоя раннескифским временем (временем Аржана-1), и тогда придется допустить, что материальная культура поселений и стойбищ скифского времени несколько отличается от того, что мы получаем из погребений. Главным образом это касается керамики. В погребальных памятниках скифского времени нет керамики с прочерченным декором, тем более с гребенчатым штампом. Одна из дат указывает на одновременность девятого культурного слоя стоянки Тоора-Даш памятникам монгун-тайгинской культуры.

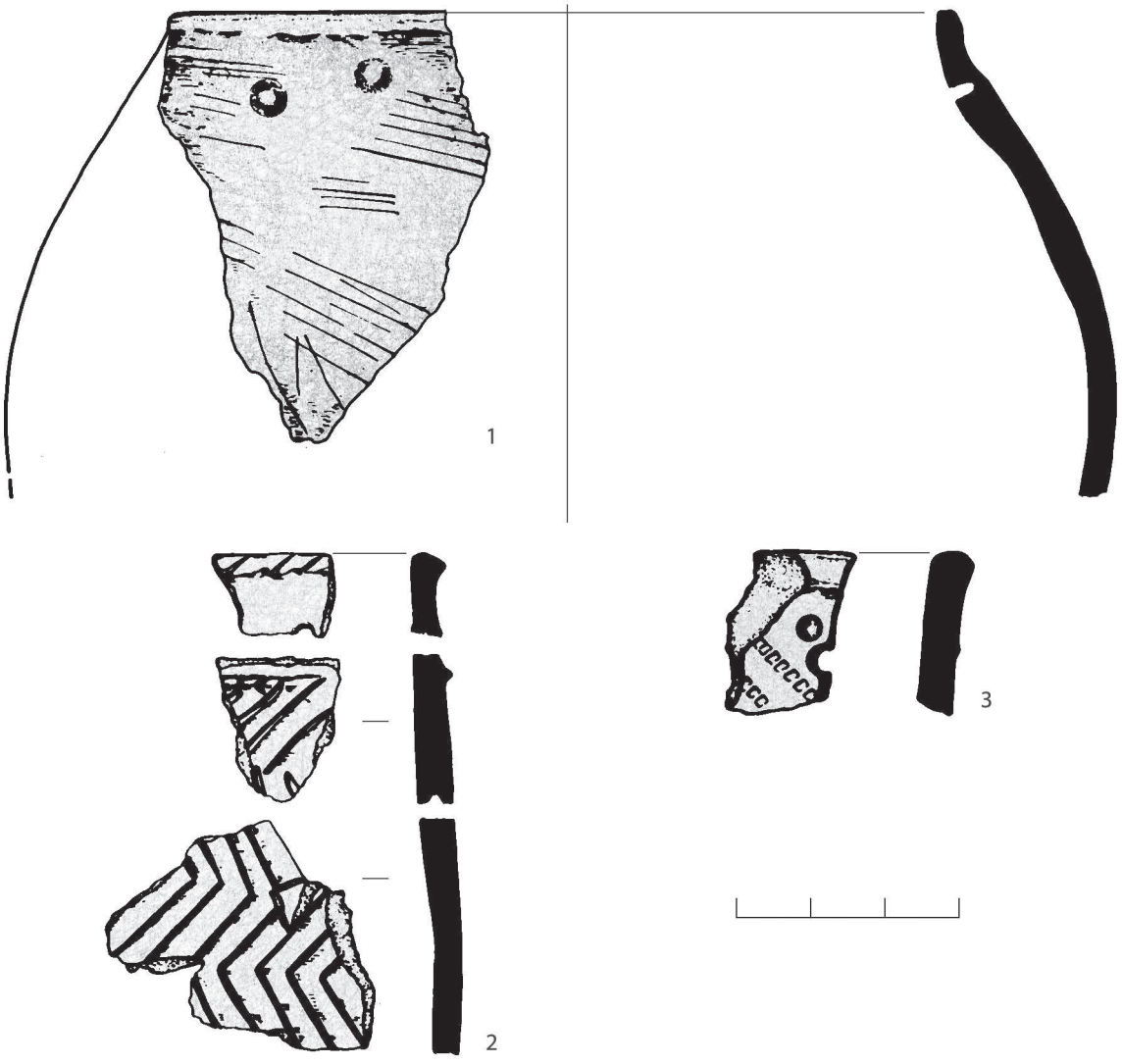


Рис. 206. Стоянка Тоора-Даш. Девятый культурный слой. Керамика

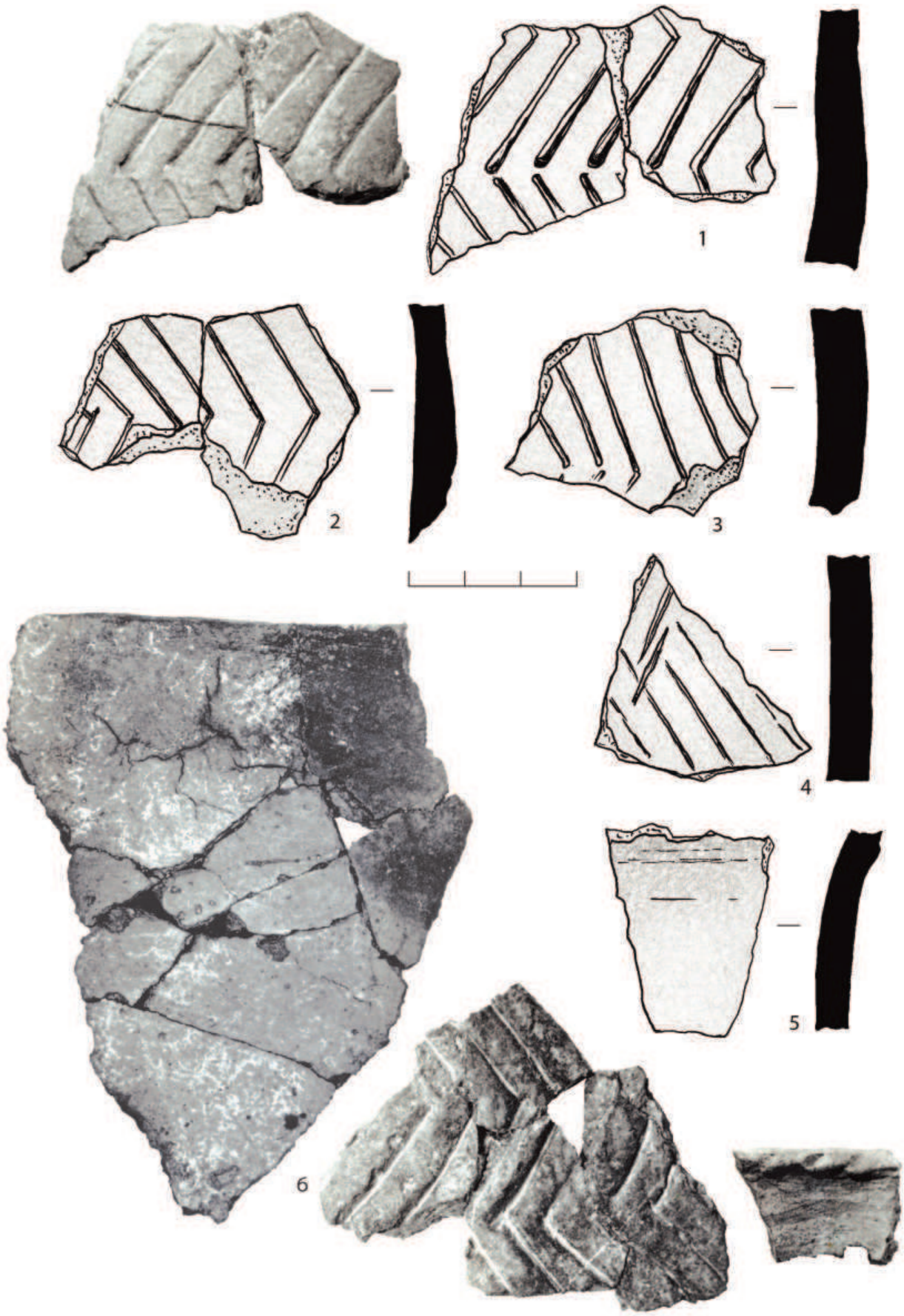


Рис. 207. Стоянка Тоора-Даш. Девятый культурный слой. Керамика

Глава 9.
Скифское и гунно-сарматское время — культурные слои 10А, 10-й и 10α

По мере тщательного исследования культурных напластований стоянки Тоора-Даш были выявлены слои, отсутствующие в раскопах, расположенных на краю береговой террасы или в ее пойме. В результате расширения раскопа от берега Енисея к скалам были выявлены слои, первоначально не зафиксированные в стратиграфической колонке, что нарушало, казалось бы, четкую нумерацию слоев. Так, в 1980 г. под уже выявленным 10-м культурным слоем был открыт культурный слой, который получил наименование 10А.

9.1. Культурный слой 10А

В 1980 г. в культурном слое 10А в отемненных супесях прослеживались аморфные зольные пятна, но артефактов обнаружено не было. Этот слой был отделен от вышележащего десятого слоя трехсантиметровым наносом глины.

В 1981 г. в культурном слое 10А в кв. 37-38-П-С обнаружено несколько мелких фрагментов керамики, образующих скопление вокруг того места, где стоял каменный ящик, впущенный из 10-го культурного слоя. Другое скопление керамики обнаружено в кв. 42-С. В этом слое, как и в предыдущем 10-м культурном слое, встречались мелкие речные гальки и кости, но гораздо в меньшем количестве (рис. 208).

В 1982 г. культурные остатки в слое 10А были выявлены в кв. 35-43-Ф-Т (рис. 209). В кв. 35-42 по линии Т встречались отдельные фрагменты гладкостенной керамики с налепным валиком под венчиком. Такая же керамика была найдена в этом слое в 1981 г. В кв. 38-40-У и 41-42-Ф-У находились зольные пятна, к которым приурочены кости животных и небольшое количество керамики. В очажном пятне, расположенном в кв. 37-Ф, выявлено скопление речных галек. В этом раскопе слой 10А был отделен от 10-го культурного слоя стерильной прослойкой супеси.

В раскопе 1983 г. слой 10А отделялся от 10-го культурного слоя тонкой прослойкой глины. Он вскрыт на площади 54 кв. м (рис. 210). Культурные остатки концентрировались в кв. 30-37-Х-Ц — мелкие фрагменты керамики и кости животных. В остальных квадратах слой был интенсивно окрашен в темно-коричневый цвет, но никаких артефактов не встречено, только в кв. 44-Ц обнаружена небольшая яма (диаметр 0,6 м, глубина 0,2 м), перекрытая обломками скал. По краям ямы находилось ограждение также из плоских обломков скал. В заполнении несколько обломков костей животных и зола (рис. 211).Здесь же найдены костяное лощило и наконечник стрелы (рис. 212).

К очажным пятнам в кв. 31-32-Ч и 33-34-Х были приурочены рассеянные по площади примерно в 9 кв. м кости животных, угли, остатки золы и т. п. Здесь найден всего один фрагмент от гладкостенного красноглиняного сосуда. В раскопе 1984 г. слой 10А не выявлен.

Керамика культурного слоя 10А

Для слоя 10А характерны гладкостенные сосуды с ровно срезанным прямым венчиком, по-видимому, баночной формы, с жемчужинами под венчиком. Здесь же встречены фрагменты с прочерченным декором (рис. 213), ближе по своему облику девятому культурному слою предскифского или раннескифского времени.

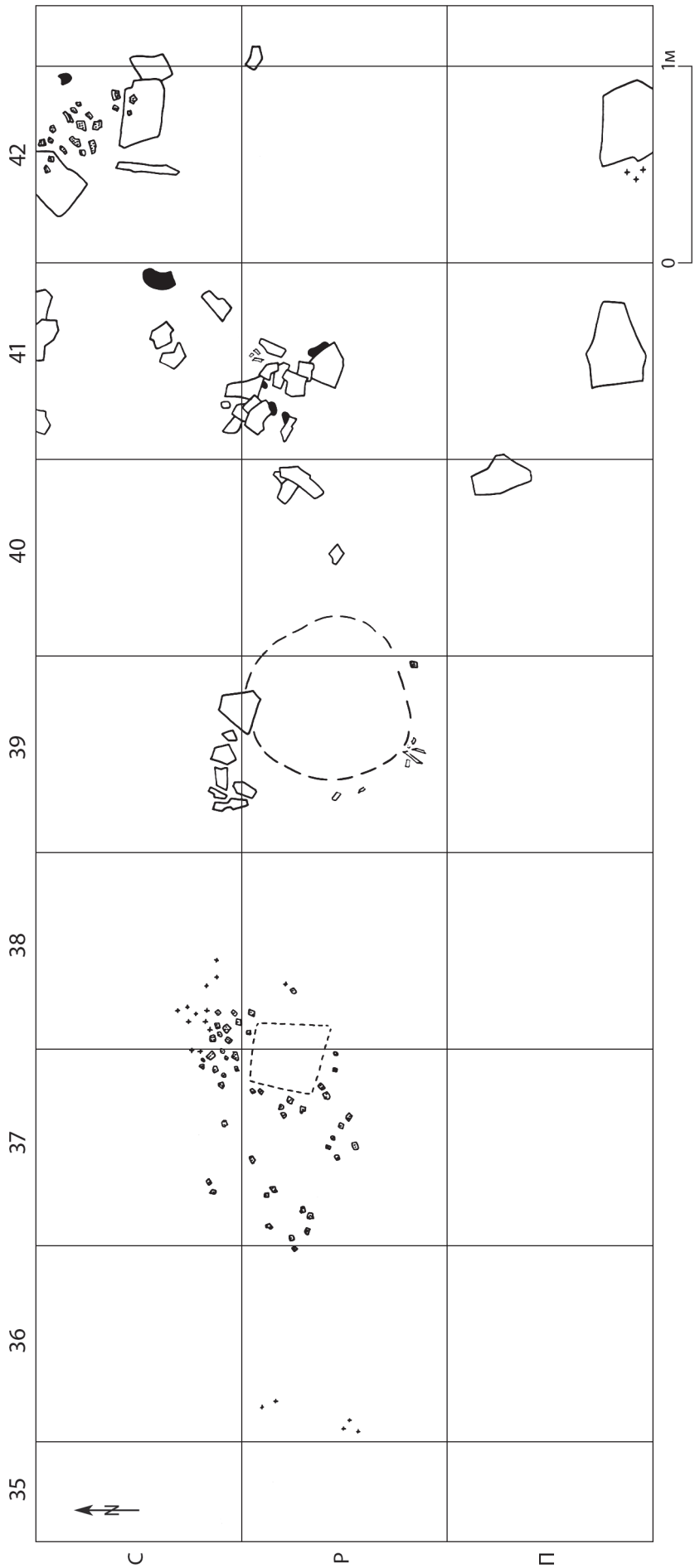


Рис. 208. Стоянка Тоора-Даш. Культурный слой 10А. 1981 г. План раскопа в кв. 35-43-П-С

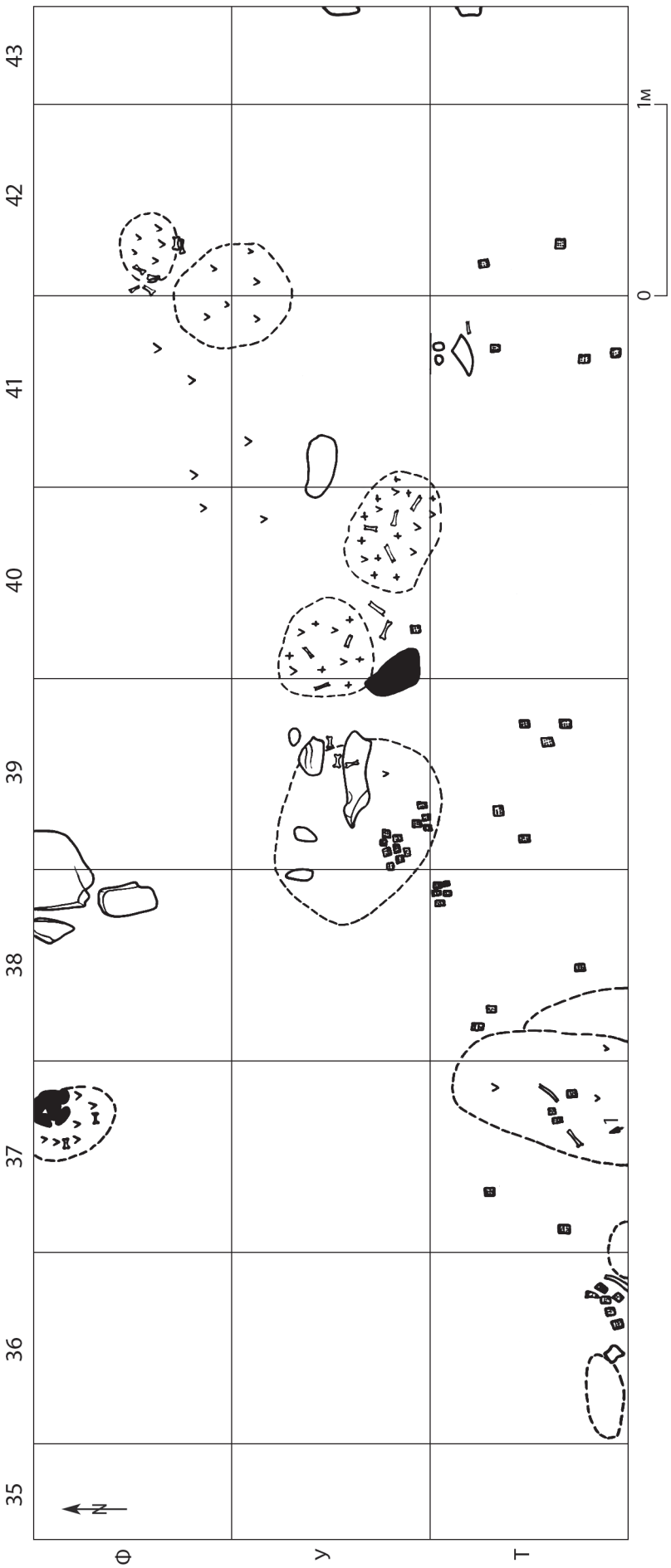


Рис. 209. Стоянка Тоора-Даш. Культурный слой 10А. 1982 г. План раскопа в кв. 35-43-Т-Ф

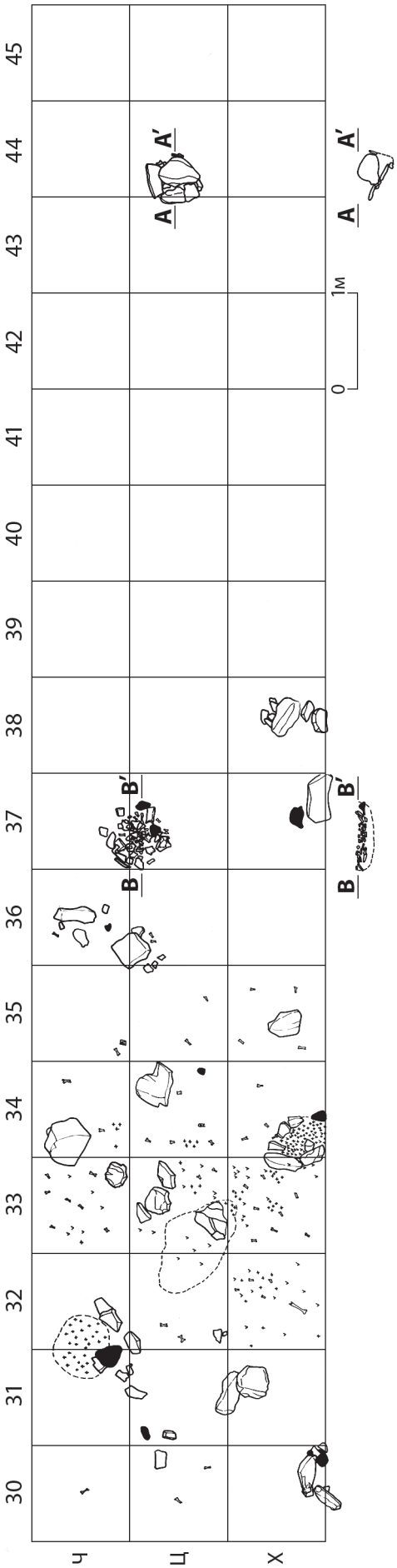


Рис. 210. Стоянка Тоора-Даш. Культурный слой 10А. 1983 г. План раскопа в кв. 30-45-Х-Ч

Рис. 211. Стоянка Тоора-Даш. Культурный слой 10А. 1983 г. Каменная выкладка в кв. 43-44-Ц

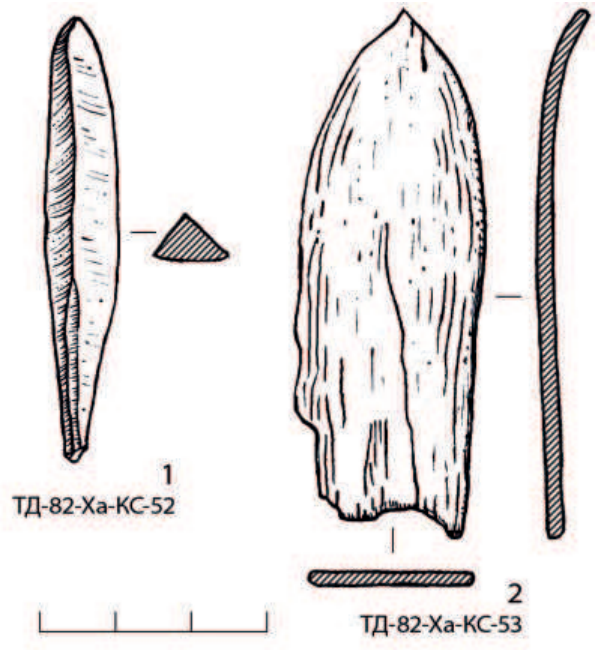


Рис. 212. Стоянка Тоора-Даш. Культурный слой 10А. Костяной наконечник стрелы и костяное лощило

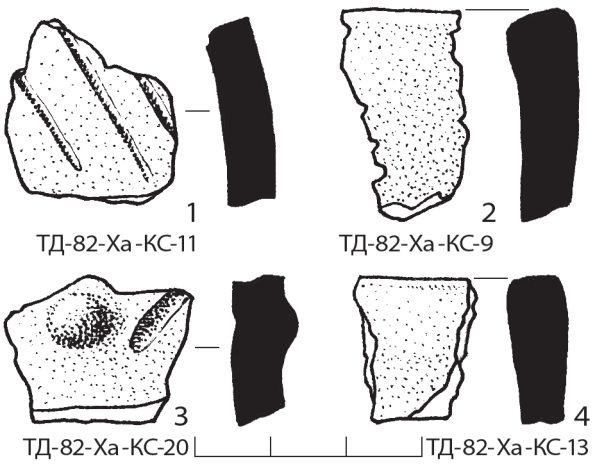


Рис. 213. Стоянка Тоора-Даш. Культурный слой 10А. Керамика

9.2. Десятый культурный слой

Десятый слой был обнаружен в 1980 г. при расширении раскопа от берега к скалам (рис. 214–228). Первоначально он был единым и находился в напластованиях темного суглинка, отделенного прослойками глины и супеси от нижележащего девятого культурного слоя. Затем в этом же году под ним был зафиксирован культурный слой 10А. В 1980 г. он вскрыт в кв. 16-35-Т-Ф на площади 60 кв. м (рис. 214). По линии Т слой выклинивался, а в кв. 16-26-Т-Ф был перекрыт щебнем, который отсутствовал в других квадратах. Наибольшая насыщенность слоя наблюдалась именно в этих не засыпанных оползнем квадратах. Здесь прослеживалось несколько значительных по размерам очажных пятен (в кв. 31-32-Т, 29-У и 29-30-Ф), около которых находились кости животных, некоторое количество фрагментов керамики скифского облика, 19 каменных плиток с отверстиями для подвешивания — вероятно, грузики для сетей (рис. 215–217). В кв. 23-26-Т-У — два зольных пятна аморфных очертаний, никаких артефактов при них не найдено.

В 1981 г. он исследовался на участке 35-43-П-С (17 кв. м) и выклинивался по линии П (рис. 218). Он залегал в слое коричневого суглинка мощностью 0,19 м. Его перекрывал конус выноса, на поверхности которого было очень много плоских плит и который состоял из слоев песка (0,4 м), супеси (0,3 м) и суглинка (0,45 м). Таким образом, слой залегал на глубине 1,1 м. Гумусированная толща слоя насыщена костями и мелкими речными гальками, часть галек расколота. В кв. 35-37-С открыты очажные пятна, частично перекрывающие друг друга, поэтому их диаметр не может быть точно установлен и, вероятно, варьировал от 0,5 до 1 м. В кв. 37-38-С-Р находился каменный ящик, к которому примыкало скопление мелких костей. Размеры ящика 0,4 × 0,4 м, высота плит 0,15 м, толщина плит около 3 см (рис. 219). В кв. 37-Р найден трехгранный костяной наконечник стрелы с плоским насадом (рис. 224, *7*). Керамики было мало и она вся гладкостенная.

В 1982 г. 10-й культурный слой вскрыт на площади 55,5 кв. м (кв. 35-47-О-Ф) (рис. 220). Здесь наблюдается скопление камней в кв. 42-46 по линии У, в кв. 45-46 по линии С-Т и в кв. Т-42. Эти камни лежали в большом беспорядке, но, возможно, ранее образовывали более правильную прямоугольную выкладку. В середине этого пространства в кв. 43-44-Т находилась округлая выкладка из девяти камней, диаметром 0,9 м (рис. 221). В кв. 46-Т-У расположено очажное пятно с кальцинированными костями. В кв. 44-Ф также обнаружено много кальцинированных костей. Среди плоских плит рассеяны окатанные камни с реки. В кв. 45-Р яма диаметром 0,3 м и глубиной 0,1 м. К югу от этой ямы в кв. 45-46-Р-П — скопление костей, неподалеку от которого на границе кв. 46-47-П-О лежала зернотерка (рис. 222). Очажные пятна обнаружены в кв. 42-43-У, 42-43-Т, 40-У, 37-У и 35-Ф. Все они имели нечеткие, аморфные очертания, мощность прокала и зольной прослойки невелика — 3–4 см. Вокруг них встречаются кости животных, обломки керамики, а в кв. 37-У найден обломок лезвия бронзового ножа (рис. 227, *6*). Камни в кв. 36-37-Ф и 39-Ф появились на поверхности слоя, вероятно, в результате оползания с горы.

В 1983 г. 10-й слой потревожили ямы, впущенные из культурного слоя 10α. Слой вскрыт в кв. 30-47-Х-Э на площади 66 кв. м (рис. 223). Он залегал в отемненном песке с небольшим включением щебня. В кв. 44-47-Ш-Э культурный слой выклинивался и находок практически не содержал. Слой интенсивно окрашен, и в нем было большое количество очагов, очажных пятен и зольников. В отличие от вышележащего «слоя с ямами» (слой 10α) этот слой является жилым и дает представление о характере скифского временного поселения. Культурные остатки встречались в кв. 35-47-Х-Ч. В кв. 35-Х, 38-Ц-Х и 46-47-Ц сохранились остатки кострищ. В кв. 35-37-Ч лежало три крупных облома скалы. В кострище в кв. 38-Ц-Х найдено несколько костей животных, но никаких артефактов не найдено.

Наибольшая концентрация находок была в квадратах по линиям Х и Ц. Здесь располагались довольно мощные очажные пятна, некоторые из них достигали 1 м и более в поперечнике, например в кв. 33-34-Х-Ц. Мощность этого очага превышала 0,1 м. В его запол-

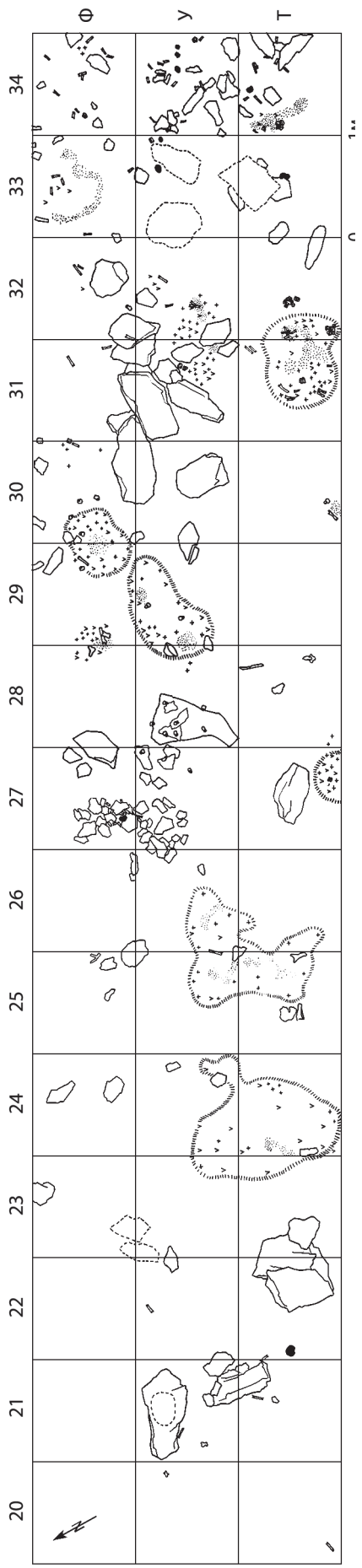


Рис. 214. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. 1980 г. План раскопа в кв. 20-34-Т-Ф

Рис. 215. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. 1980 г. Фрагменты керамики (*1–3, 7*) и перфорированные гальки (*4–6, 8–23*)

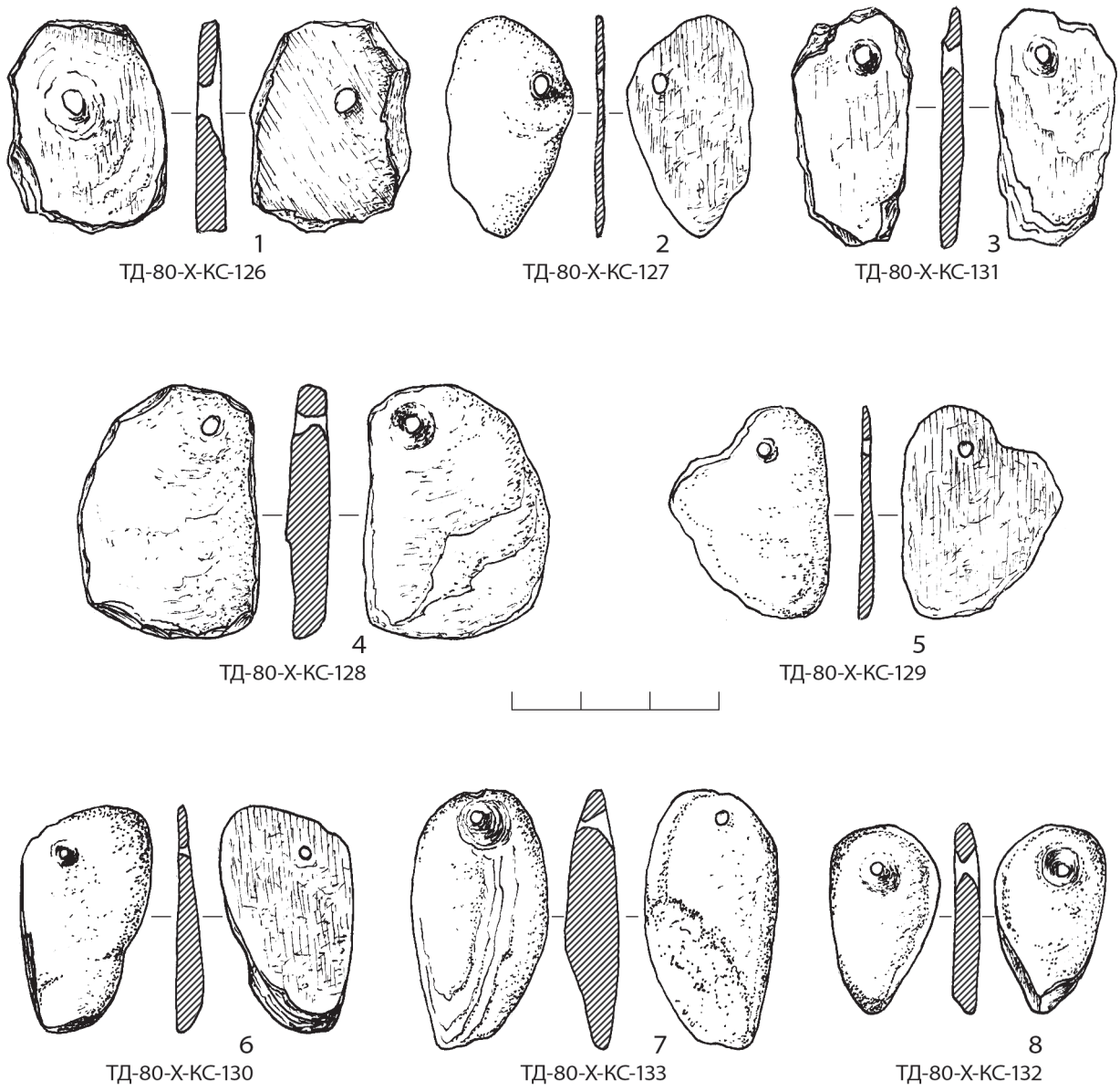


Рис. 216. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. 1980 г. Перфорированные гальки

нении встречено много керамики, костей и других предметов, в частности бронзовое шило (рис. 226, *6*; 227, *8*). Из керамики привлекает внимание венчик толстостенного сосуда с двумя налепными валиками и волнистым краем (рис. 226, *8*), а также фрагмент стенки сосуда с серповидным орнаментом, напоминающим керамику из седьмого культурного слоя (рис. 226, *7*). Обнаружены фрагменты уплощенных днищ. Здесь также есть фрагмент керамического пряслица (рис. 226, *2*). Помимо керамики в большом количестве найдены обрезки рогов косули и кости со следами обработки, что свидетельствует о наличии косторезного дела. Из кости и рога обнаружены следующие предметы: костяная пластина с отверстием, обломок двудырчатого псалия, две заколки, два черешковых наконечника стрелы, костяное изделие с выемкой у заостренного конца, перфорированный коленный сустав некрупного копытного животного, костяная игла с обломанным ушком (рис. 224) и костяной игольник (рис. 225, *2*).

Изделия из камня представлены грузиком с двумя отверстиями, оселком и абразивной плитой (рис. 227, *2, 9*). Также найдены каменные бусины: плоская округлая и две цилиндрические (рис. 227, *1, 3, 4*).

Из бронзы найдено указанное выше шило, обломок венчика котла и обломок предмета неясного назначения (рис. 227, *7, 8, 10, 11*).

Почти по всей площади раскопа рассеяны речные гальки различных размеров. Наибольшая их концентрация выявлена в кв. 43-44-Х, 37-44-Ц. В кв. 42-43-Х

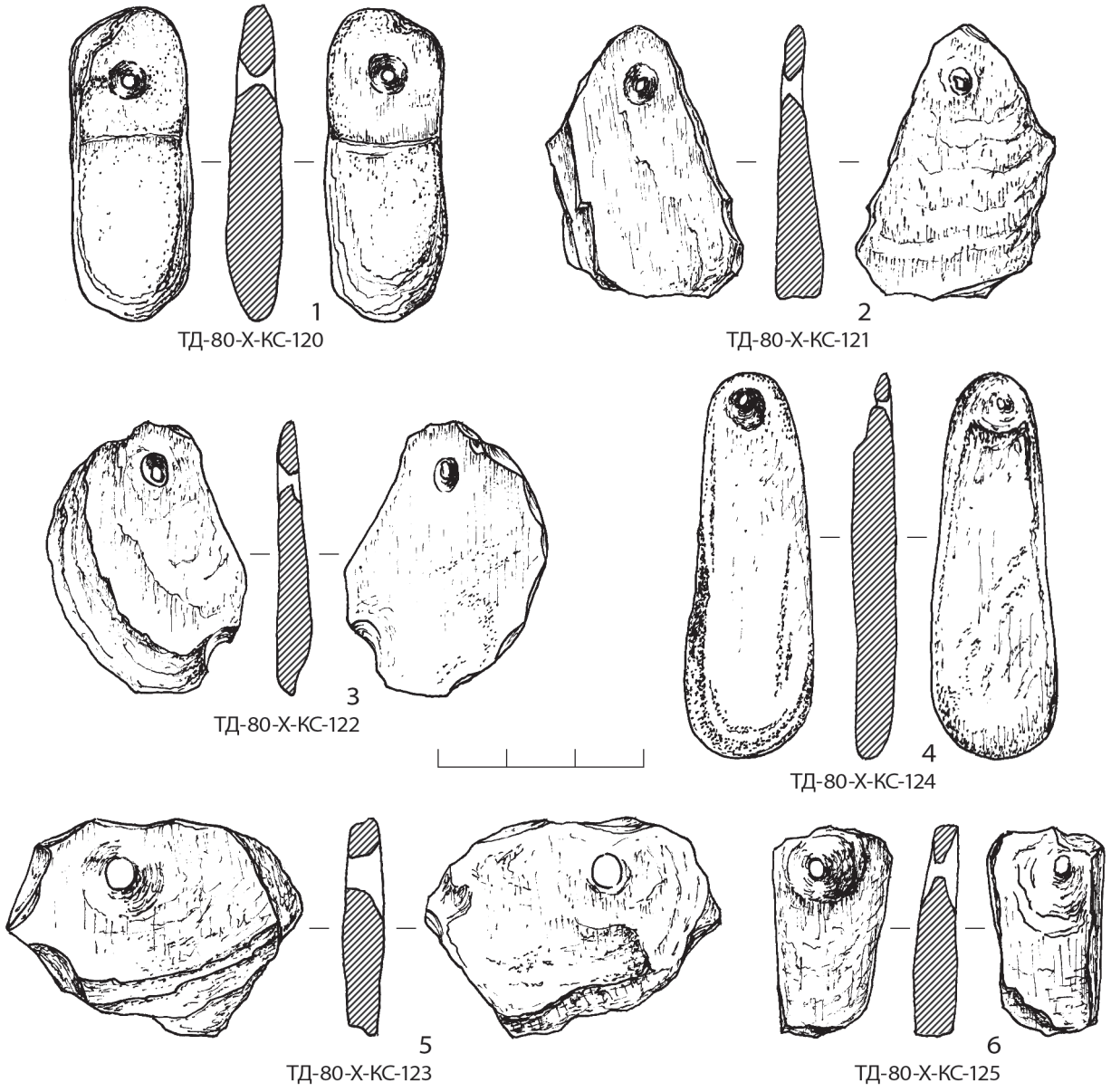


Рис. 217. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. 1980 г. Перфорированные гальки

расположены три ямки небольшого размера, вокруг которых найдено довольно много керамики.

В 1984 г. 10-й культурный слой залегал под мощным отложениями щебня. Слои 10А и 10α здесь не прослеживались, да и 10-й слой был выражен весьма неотчетливо. Слой залегал частично в щебне. Культурные остатки (в основном кости животных) найдены в кв. 25-29-Х-Ч. Далее в направлении к кв. 18-24 слой выклинивался и терялся в щебне. В кв. 29-Х было расположено отемненное пятно с угольками, в кв. 29-Ц — каменная выкладка неясного назначения. В кв. 25-Х найден единственный предмет — костяная колоколовидная подвеска с желобчатым орнаментом, типичная для скифского времени (рис. 225, *1*).

***

В 10-м культурном слое обнаружено большое количество скифской керамики, изделия из кости (наконечники стрел, обломки псалиев, заколки для волос, подвеска с желобчатым орнаментом) и бронзы (шилья, обломок бронзового котла, обломки лезвий ножей). Встреченная в слое керамика имеет слегка отогнутый загнутый наружу венчик, овальной формы в разрезе, налепной валик на шейке и выделенное плечико, украшенное также налепными валиками, что характерно для уюкско-саглынской культуры (рис. 228). Весь комплекс вещей из 10-го культурного слоя позволяет датировать его V–III вв. до н. э. Судя по характеру слоя и инвентаря, в скифское время здесь было временное стойбище, на котором изготавливались предметы из кости и рога.

Рис. 219. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. 1981 г. Каменный ящик в кв. 37-38-Р

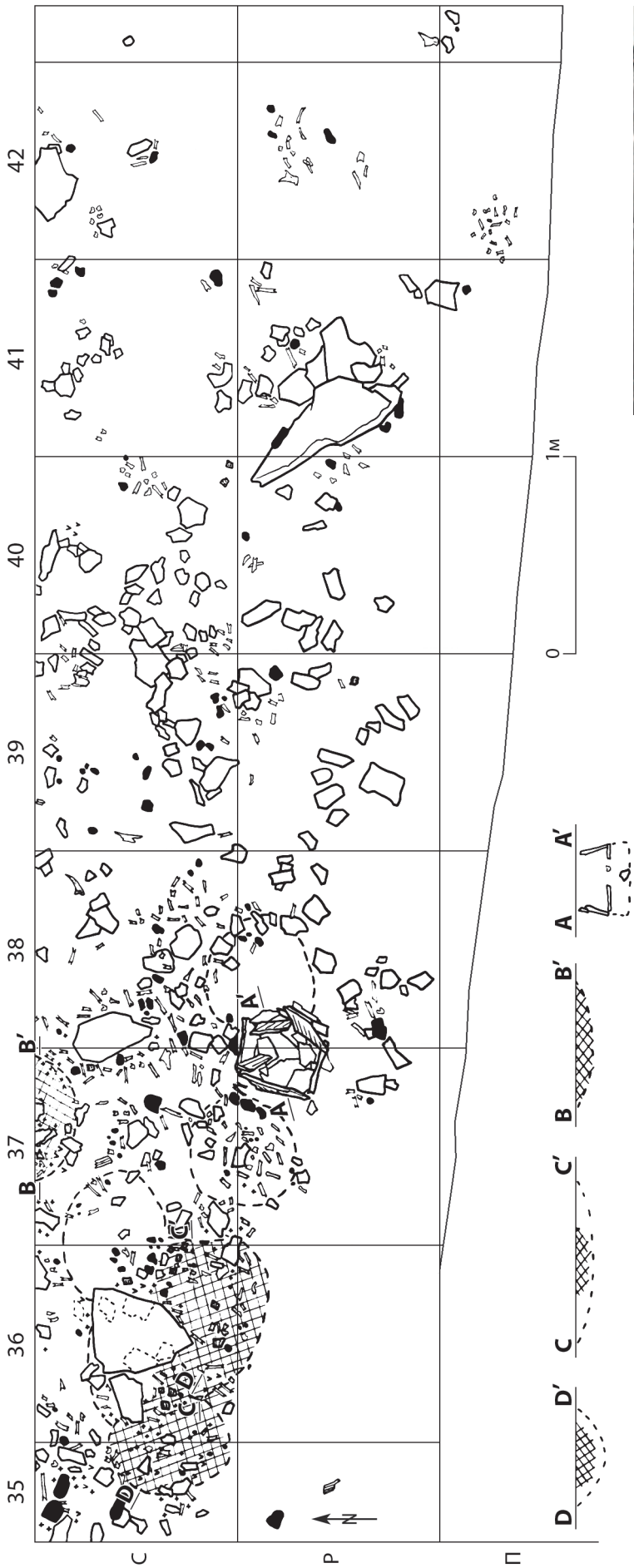


Рис. 218. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. 1981 г. План раскопа в кв. 35-43-П-С

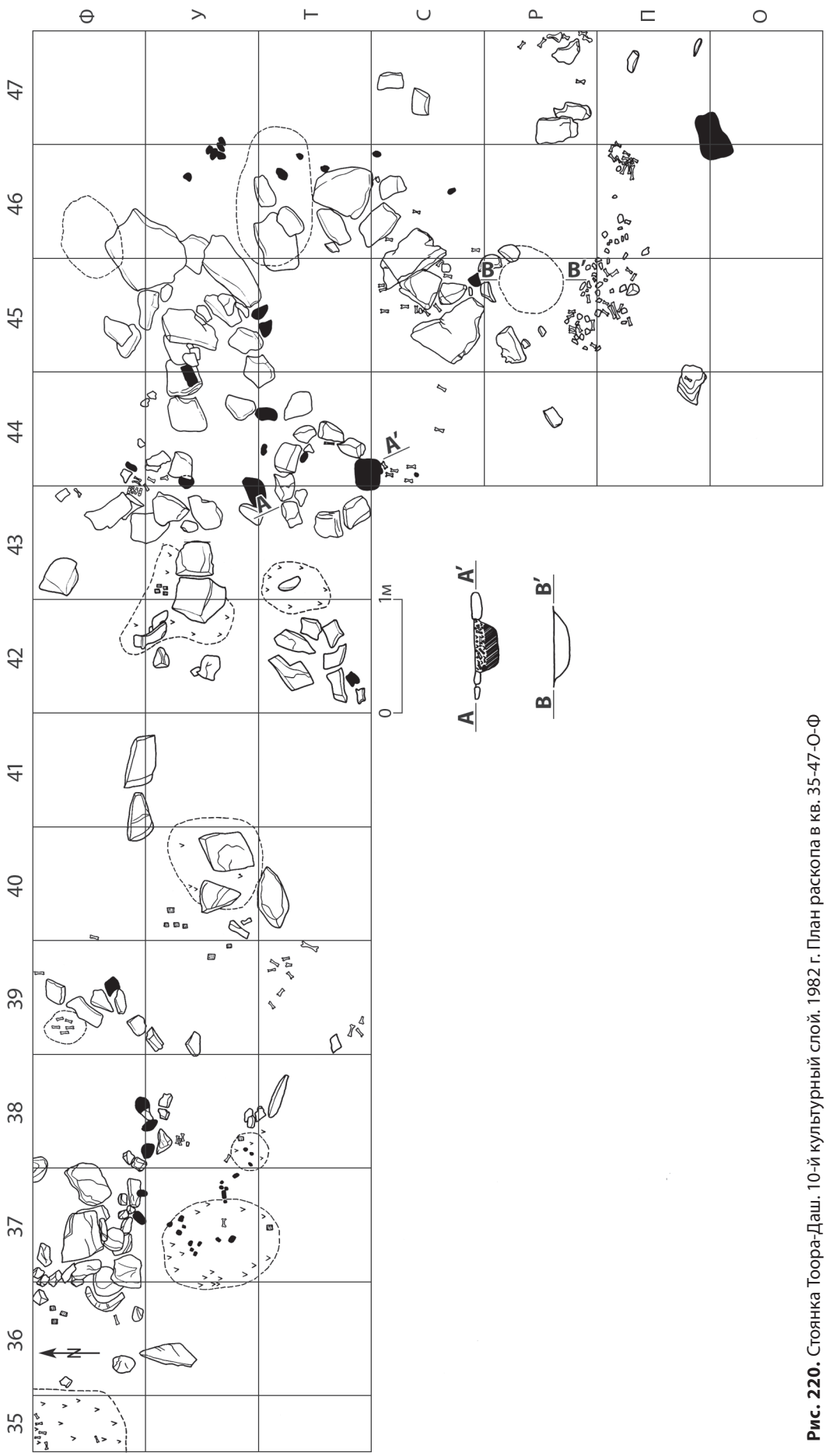


Рис. 220. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. 1982 г. План раскопа в кв. 35-47-О-Ф

Рис. 221. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. 1982 г. Овальная выкладка в кв. 43-44-Т

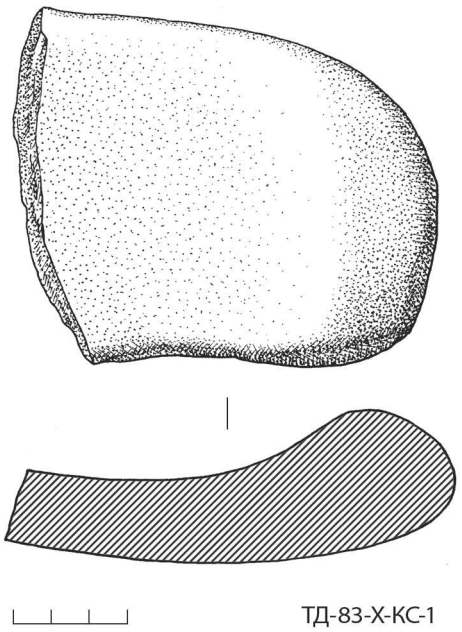


Рис. 222. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. 1982 г. Обломок зернотерки

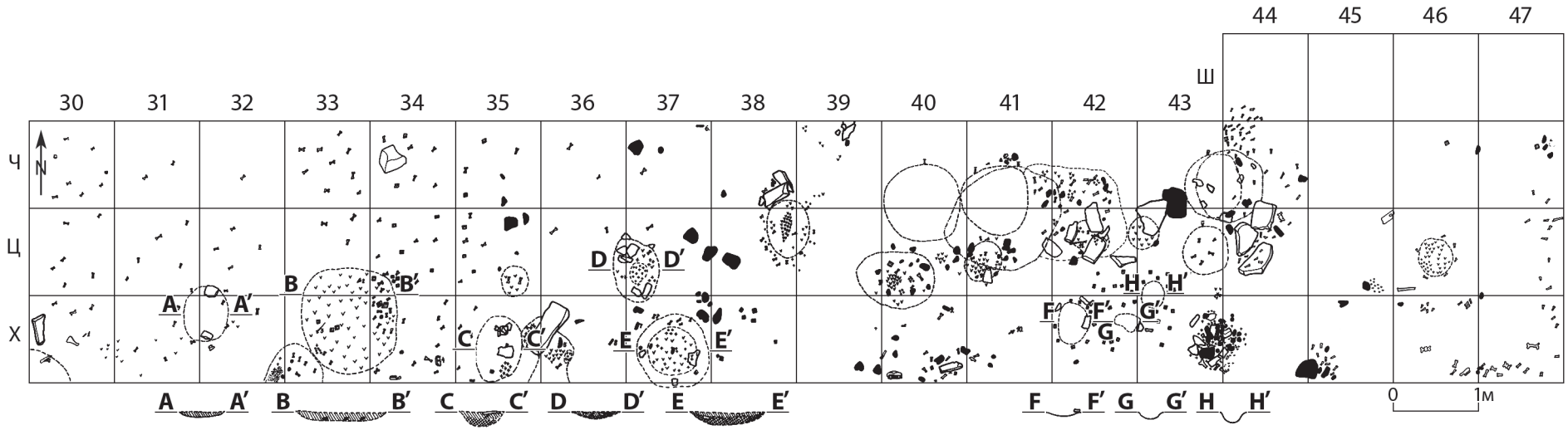


Рис. 223. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. 1983 г. План раскопа в кв. 30-47-Х-Ш

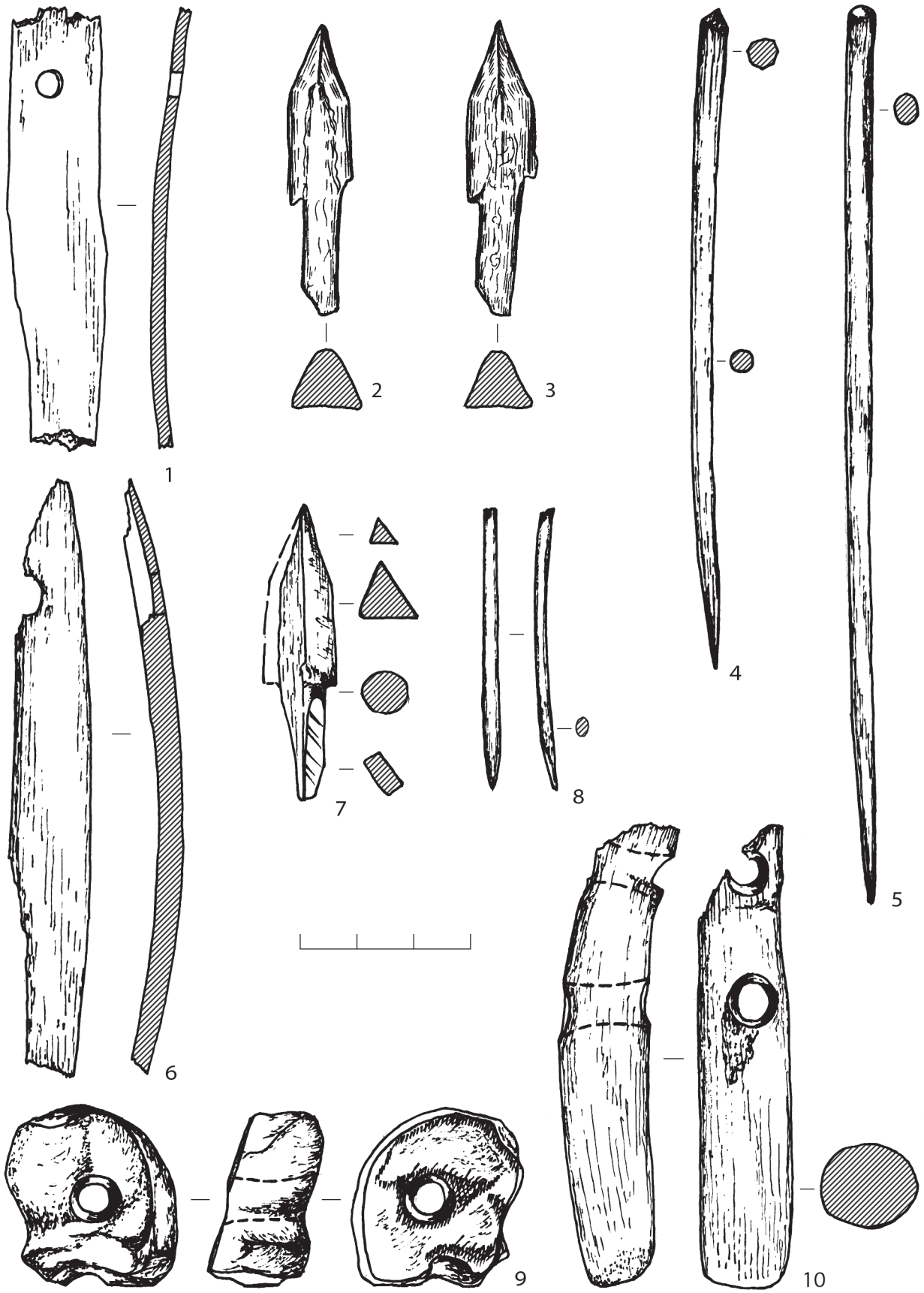


Рис. 224. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. Изделия из кости: *1* — пластинка с отверстием; *2, 3, 7* — наконечники стрел; *4, 5* — заколки; *6* — костяная заточенная пластина с выемкой в верхней части; *8* — игла; *9* — перфорированный коленный сустав; *10* — обломанный псалий

Рис. 225. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. Костяные подвеска и игольник

Рис. 226. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. *1* — плитка с отверстиями; *2* — обломок пряслица; *3, 7, 8* — керамика; *4* — оселок; *5* — обломок изделия; *6* — шило (*1, 4* — камень; *2, 3, 7, 8* — обожженная глина; *5, 6* — бронза)

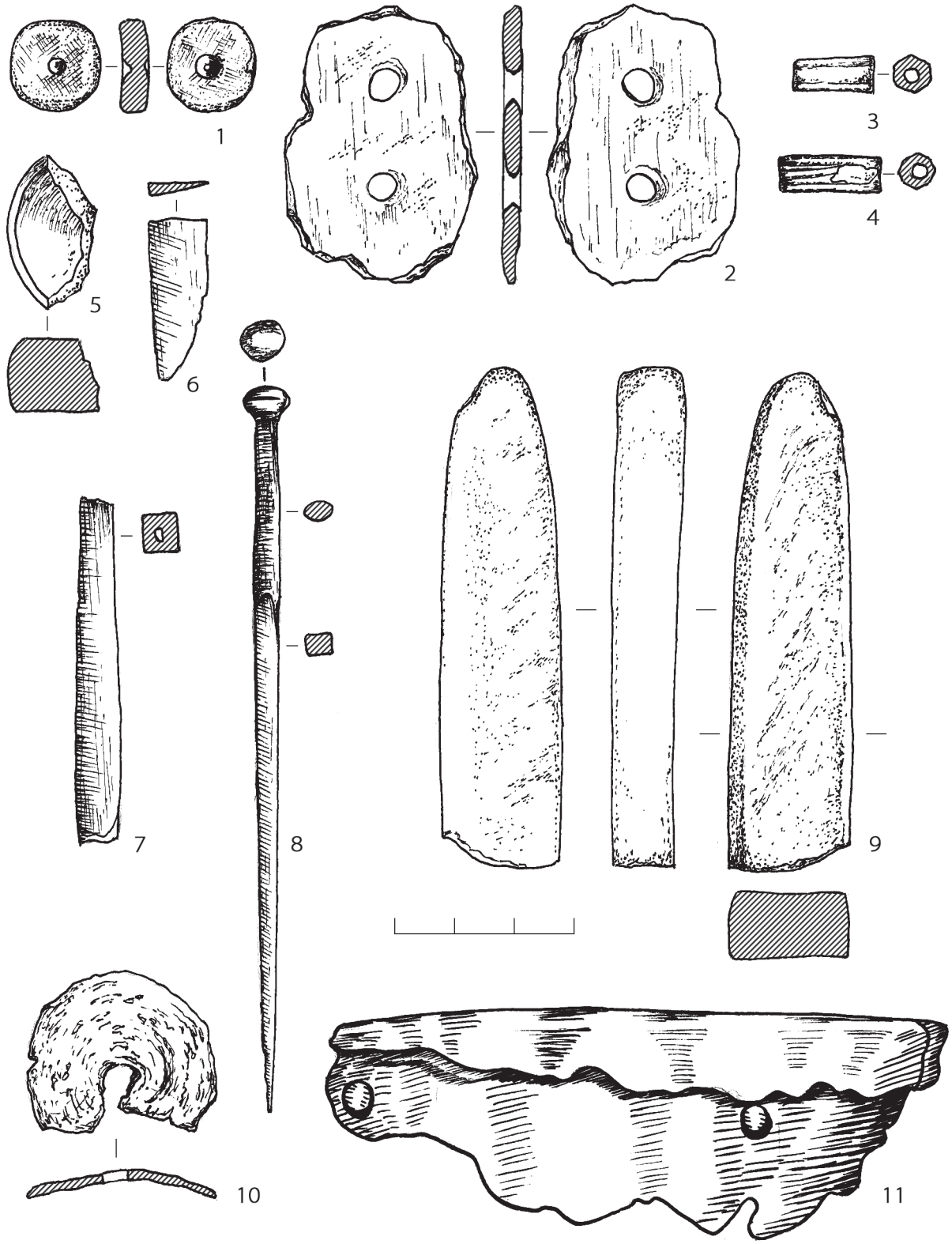


Рис. 227. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. *1* — бусина; *2* — пластинка; *3, 4* — цилиндрические бусы; *5* — обломок пряслица; *6* — обломок лезвия ножа; *7* — обломок стержня; *8* — шило; *9* — оселок; *10* — накладка; *11* — обломок котла (*1, 3, 4, 9* — камень; *2* — сланец; *5* — обожженная глина; *6–8, 10, 11* — бронза)

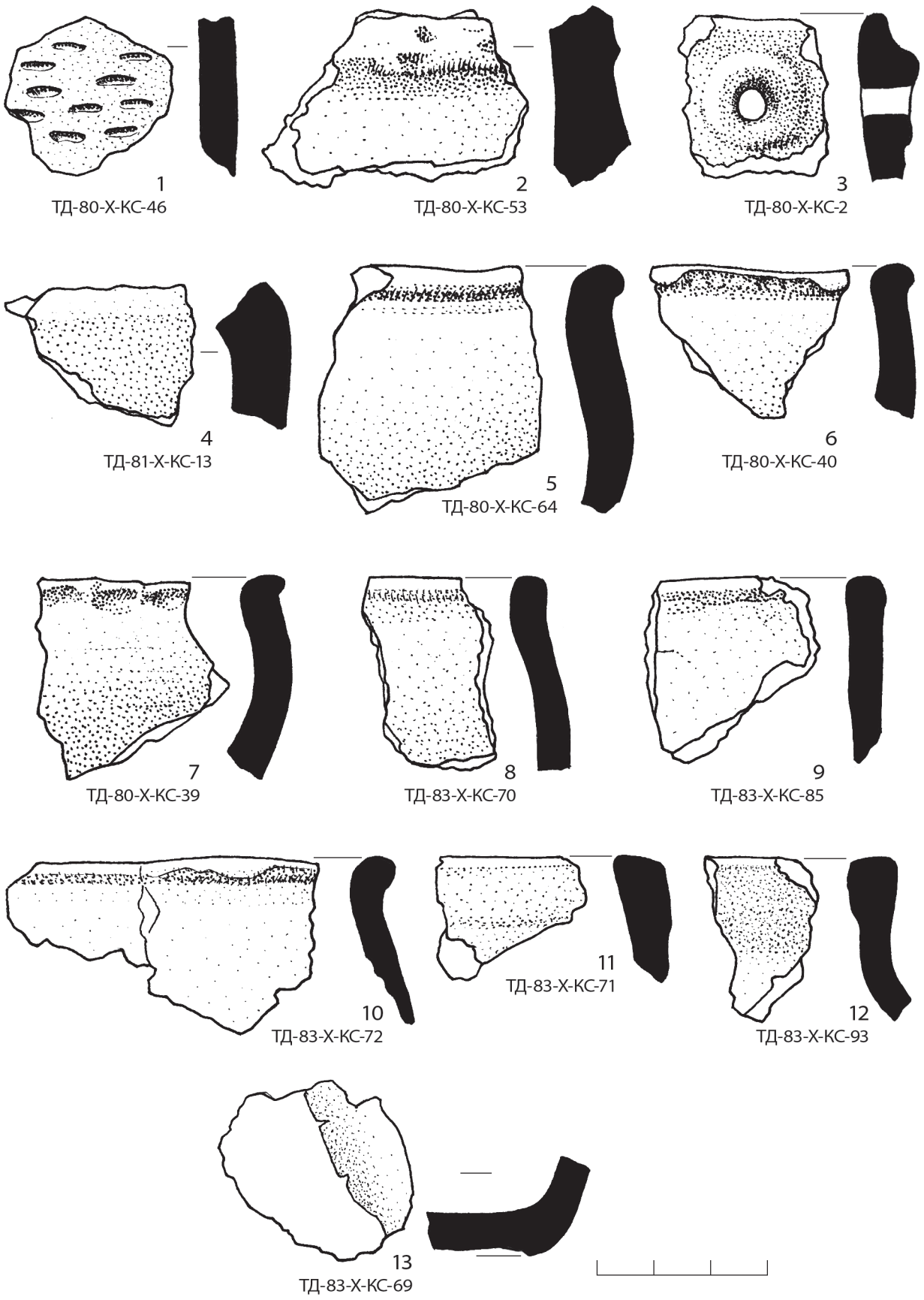


Рис. 228. Стоянка Тоора-Даш. 10-й культурный слой. Керамика

9.3. Культурный слой 10α

Слой 10α залегал выше 10-го культурного слоя. Их разделял слой крупнозернистого песка. Он был обнаружен в 1982 г. (рис. 229–234). Его перекрывали слои песка и глины. Слой приурочен к глине, мощностью 0,15 м. Культурные остатки в виде костей животных, углей, обломков камней, небольших золистых пятен найдены в кв. 35-42-Ф-Т (рис. 229). В кв. 41-У-Ф обнаружено скопление керамики с гребенчатой орнаментацией.

В 1983 г. в культурном слое 10α было обнаружено пять ям (рис. 230). Ямы № 1, 2 и 4 расположены на одной оси по границе кв. 40-44-Ч-Ц, ямы № 3 и 5 образуют как бы вторую линию, между ними в кв. 42-Ц зафиксирован небольшой очаг около полуметра в диаметре.

Яма № 1 расположена в кв. 40-Ч-Ц (разрез А-А). Ее диаметр чуть меньше 1 м, глубина около 0,35 м. Яма имела довольно четкие очертания благодаря светлому заполнению. Дно этой ямы (впрочем, как и ям № 2 и 4) достигало 10-го культурного слоя. К западной стенке этой ямы поставлена круглая (до 0,3 м в диаметре) каменная плита с обработанными по периметру краями. Других артефактов, за исключением нескольких случайно попавших в заполнение камней, в яме не обнаружено.

Яма № 2 примыкала непосредственно к яме № 1 с западной стороны (разрез В-В и два плана). Она имела неправильную форму, более вытянутую с юга на север (рис. 231). По линии запад-восток ее ширина

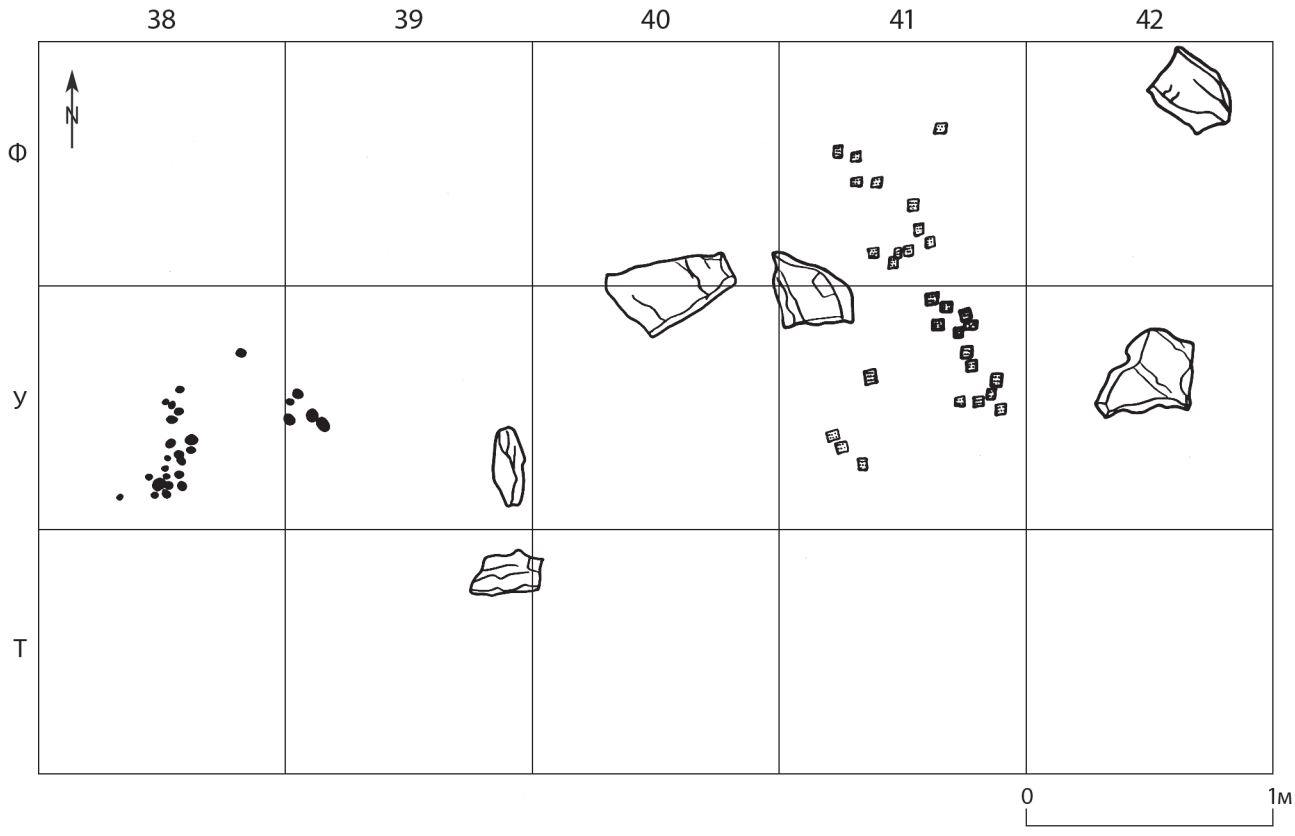


Рис. 229. Стоянка Тоора-Даш. Культурный слой 10α. 1982 г. План раскопа в кв. 38-42-Т-Ф

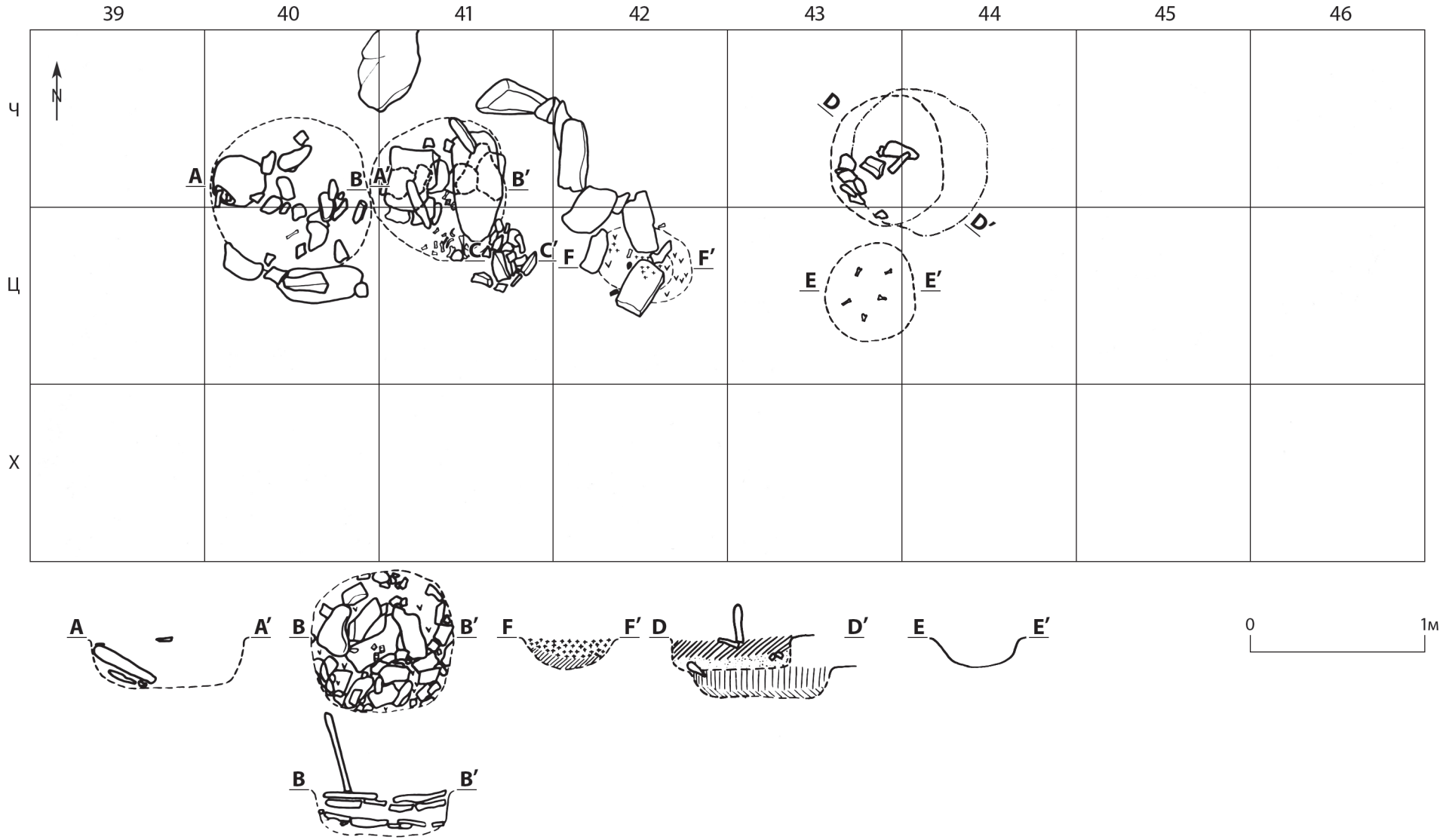


Рис. 230. Стоянка Тоора-Даш. Культурный слой 10α. 1983 г. План раскопа в кв. 39-46-Х-Ч. Планы и разрезы ям со стелами

Рис. 231. Стоянка Тоора-Даш. Культурный слой 10а. 1983 г. Яма № 2 со стелой: *1* — первый уровень; *2* — второй уровень заполнения

Рис. 232. Стоянка Тоора-Даш. Культурный слой 10α. 1983 г. Яма № 3 под ямами № 1 и № 2

составляла 0,6 м при общей глубине 0,3 м. В западной части ямы была установлена вертикальная стела высотой 0,6 м (рис. 231, *1*). Своими гранями стела ориентирована в направлении северо-запад — юго-восток. Стела опиралась на один из плоских камней в верхнем слое перекрытия ямы (рис. 231, *2*). Второй камень из верхнего перекрытия у восточного края ямы был обработан по периметру и имел овальную форму. На одной из плоскостей камня сохранились следы затертости, позволяющие предположить его использование в качестве зернотерки. Под верхним слоем перекрытия находился второй слой камней меньшего размера. Между камнями встречены кости барана и несколько фрагментов керамики с гребенчатой орнаментацией (рис. 234). На дне ямы также находилась каменная выкладка.

С юго-востока к яме № 2 примыкала яма № 3 (разрез С-С). Первоначально никаких следов ямы на поверхности слоя не прослеживалось. Несколько камней попало в стенку ямы № 2. После расчистки этих камней выявилось подобное сооружение с несколькими вертикально стоящими камнями по периметру ямы и заполнением между ними. Размеры этой ямы были невелики — 0,5 м в диаметре и около 0,3 м глубиной. В этой яме найдена керамика от того же горшка, что и в яме № 2. Это подтверждает одновременность функционирования обеих ям.

Под верхней ямой № 3 оказалось другая яма, больших размеров и более древняя, относящаяся к другому времени. Эта яма была сплошь заполнена камнями. Никаких следов и артефактов в яме не обнаружено. Она располагалась (рис. 232) под ямами № 2 и № 1, вместе с которыми была сооружена яма № 3, хорошо прослеженная на разрезе. Ниже этих ям существовала другая яма, созданная раньше, вероятно, во время существования десятого культурного слоя. Во всяком случае, она врезана в 10-й культурный слой на большую глубину, нежели ямы № 2 и № 1, во время

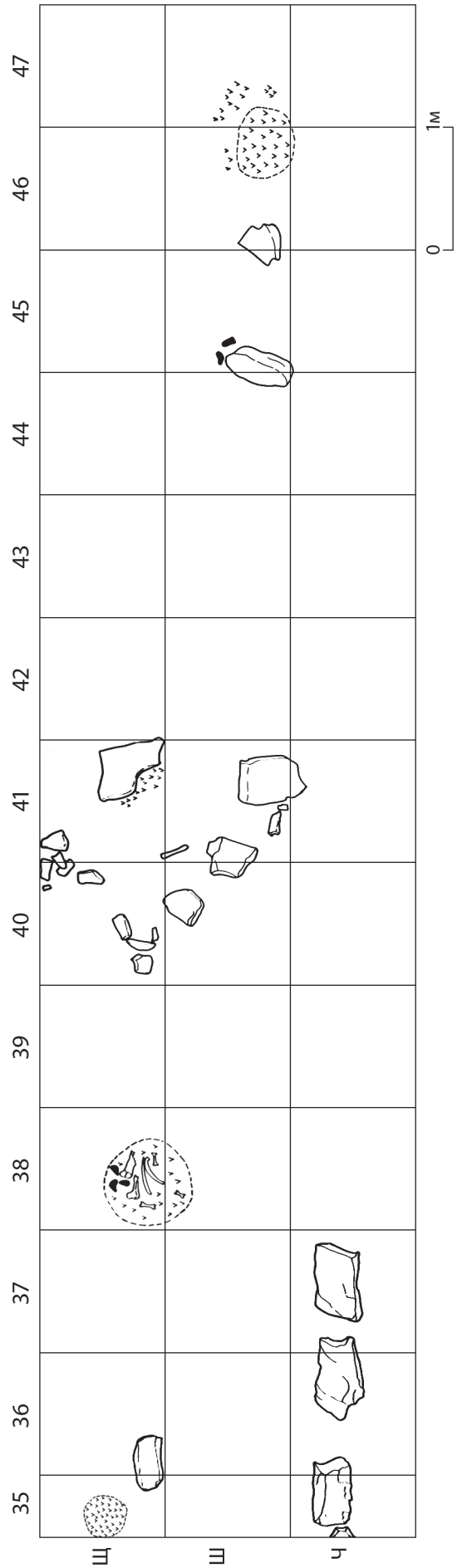


Рис. 233. Стоянка Тоора-Даш. Культурный слой 10α. 1983 г. План раскопа в кв. 35-47-Ч-Щ

Рис. 234. Фрагменты керамики таштыкского облика: *1, 2* — стоянка Хадынных I; *3, 4* — стоянка Тоора-Даш, культурный слой 10α

создания которых эта нижележащая яма была уже совсем не видна.

Яма № 4 располагалась на границе кв. Ч-43-44 (разрез D-D). Эта яма была отмечена небольшой стелой, установленной в ее середине. В ее заполнении встречено несколько мелких камней. Яма овальной формы, около 0,6 м диаметром и 0,15 м глубиной. Под этой ямой расположена другая яма, немного смещенная к востоку — 0,7 м диаметром и 0,15 м глубиной.

К югу от ямы № 4 в кв. 43-44-Ц расположена яма № 5 диаметром 0,4 м и глубиной около 0,2 м (разрез E-E). В ее заполнении встречено и несколько мелких костей.

В кв. 35-47-Ч-Щ было расчищено несколько очажных пятен с костями животных, а также обломки скал, которые, может быть, и образовывали какие-то конструкции, но проследить четко их не удалось (рис. 233).

***

По своему облику исследованные ямы больше всего напоминают поминальники таштыкской культуры. Встреченная в них необычная, на первый взгляд, керамика (рис. 234, *3, 4*) находит аналогии в посуде из погребений по обряду трупосожжения, исследованных в 1975 г. в 25 км от Тоора-Даша на стоянке Хадынных I (рис. 234, *1, 2*).

Глава 10.
Раннее и позднее средневековье: 11-й, 12-й, 13-й культурные слои

10.1. Одиннадцатый культурный слой

Слой 10α перекрыт 11-м культурным слоем с керамикой характерного гуннского облика с чернополосчатым лощением. Одиннадцатый слой обнаружен в 1980 г. и был отделен от 10-го культурного слоя прослойками песка (мощность 4 см) и отемненного суглинка (мощность 0,45 м). Он был открыт на той же площади, что и 10-й культурный слой, и выклинивался по линии Т. Слой приурочен к напластованиям песка (мощность 0,2 м). В кв. 21-22-Ф-У находился каменный ящик размерами 0,5 × 0,5 м (рис. 235). Высота плит варьировала от 0,25 до 0,3 м. В заполнении ящика найдены кальцинированные кости.

В 1982 г. слой был вскрыт на площади 39,5 кв. м (рис. 236). Мощность 0,1–0,15 м. Здесь в кв. 42-Ф-Х находилась поминальная выкладка, ориентированная по направлению север-юг (рис. 237). Длина выкладки 2,8 м, ширина 0,8–0,9 м. Камни лежали в один слой. С южной стороны выкладки стояла стела (плоская плита до 0,5 м высотой), развернутая гранями в направлении запад-восток. К северу от стелы у ее подножия найдена керамика гунно-сарматского времени.

В кв. 41-42-У-Ф находилась круглая яма диаметром до 1 м и глубиной около 0,5 м, заполненная мелкими камнями (рис. 238). Сверху над ямой расположен

Рис. 235. Стоянка Тоора-Даш. 11-й культурный слой. 1980 г. Каменный ящик в кв. 21-22-Ф-У

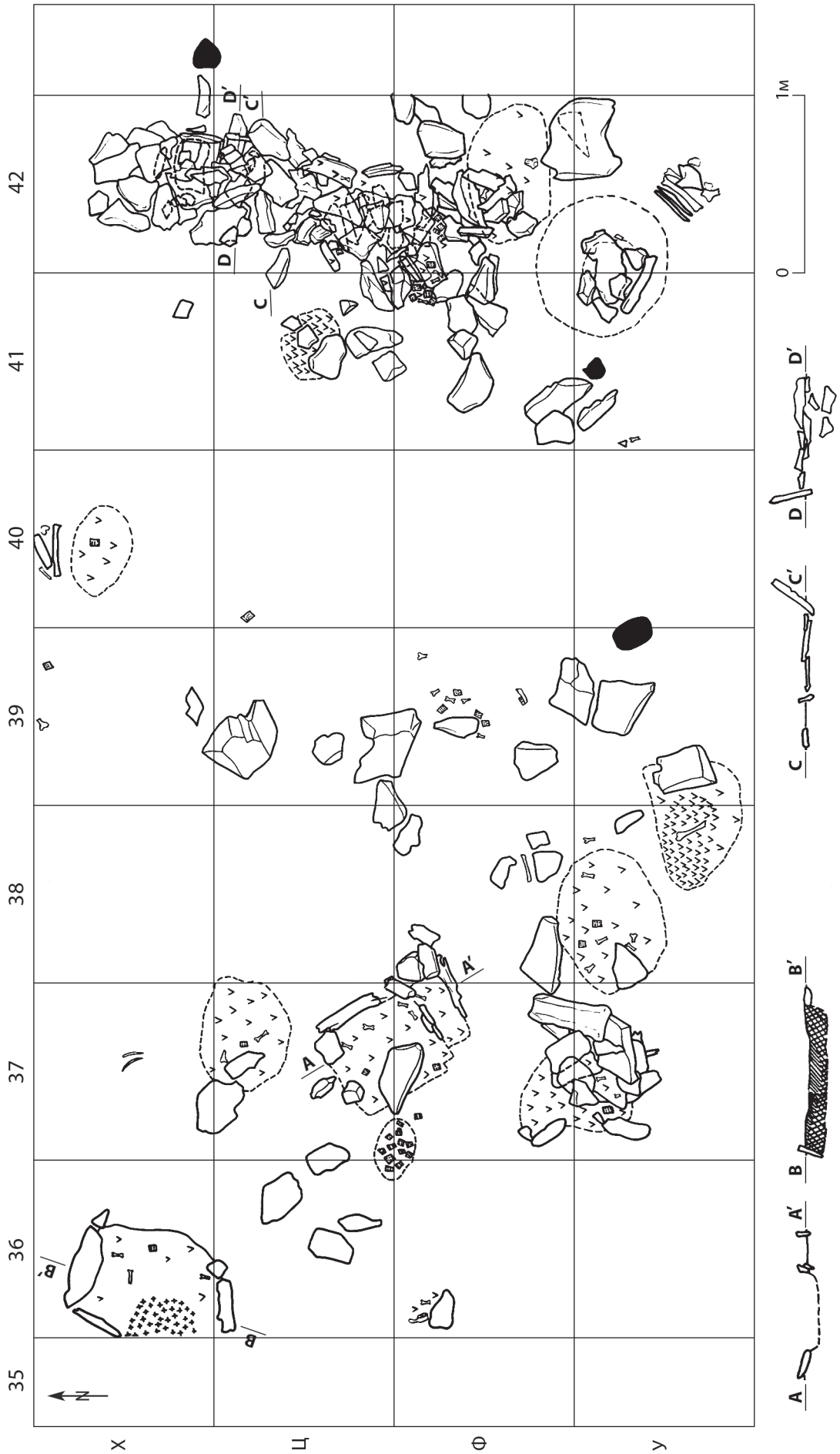


Рис. 236. Стоянка Тоора-Даш. 11-й культурный слой. 1982 г. План раскопа в кв. 35-43-У-Х

Рис. 237. Стоянка Тоора-Даш. 11-й культурный слой. 1982 г. Каменная выкладка в кв. 41-42-Ф-Х

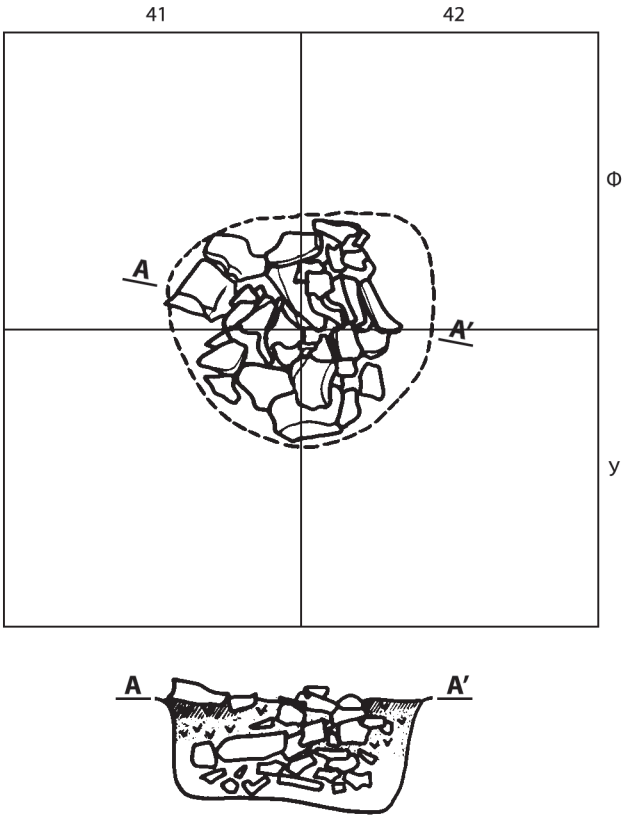


Рис. 238. Стоянка Тоора-Даш. 11-й культурный слой. 1982 г. Яма в кв. 41-42-У-Ф

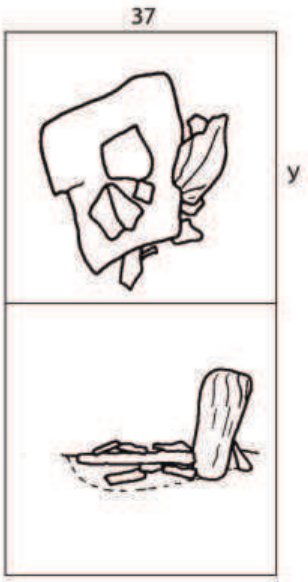


Рис. 239. Стоянка Тоора-Даш. 11-й культурный слой. 1982 г. Яма со стелой в кв. 37-У

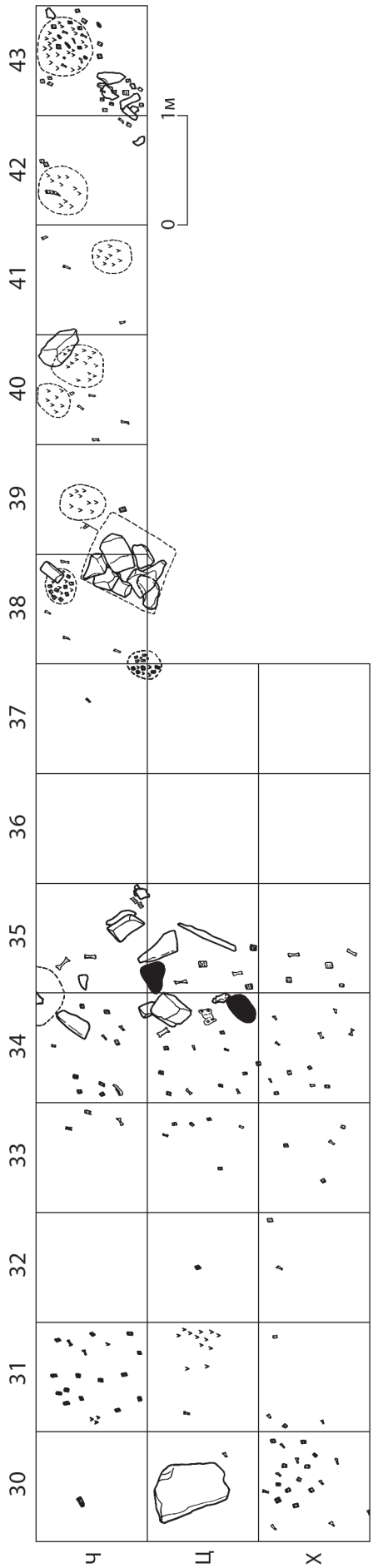


Рис. 240. Стоянка Тоора-Даш. 11-й культурный слой. 1983 г. План раскопа в кв. 30-43-Х-Ч

каменный треугольник, который был виден уже в вышележащем двенадцатом культурном слое. Под треугольником в красном прокаленном песке лежали каменные плиты. В кв. 36-37-Ф-Х обнаружен развал керамики, к востоку от него — остатки каменного ящика. От него сохранились остатки трех стенок. В заполнении ящика обнаружены обломки мелких костей. Отдельные фрагменты керамики найдены в кв. 37-38-У-Ф. Все фрагменты керамики были черного цвета и имели следы лощения. На границе квадратов 37-Ф-У находилась стела высотой 0,46 м (рис. 239). К западу к этой стеле примыкало очажное пятно, под которым залегали мощные каменные плиты. К востоку от стелы в кв. 35-У находилось еще два очага аморфных очертаний. В кв. 36-Ц выявлены три камня, оставшиеся от какого-то сооружения, возможно, тоже ящика. В заполнении этого сооружения выявлен слой прокаленного песка, в центре — компактное скопление кальцинированных костей.

В 1983 г. 11-й культурный слой вскрыт на площади 54 кв. м (кв. 30-47-Ч-Э) (рис. 240; 241). По своему характеру этот слой неоднороден. Он состоит из супесчаных и песчаных отложений с суглинистыми включениями и небольшим количеством щебня. Культурные остатки равномерно располагаются по всей поверхности слоя. Здесь встречено довольно много черно-полосчатой керамики кокэльского типа. Почти вся керамика представлена мелкими фрагментами. По линии кв. 38-44-Ч расположено несколько очажных пятен, как правило, мощностью не более 2–3 см, за исключением очагов в кв. 44-Ч и 44-Ш. В первом из них сохранились камни, которые, может быть, служили ограждением очага, второй имел значительный (до 10 см) прокал. На границе кв. 38-39-Ч встречена прямоугольная яма с каменной выкладкой по краю. Другая яма, более значительная по глубине, располагалась в кв. 45-Ц. На ее дне находились камни, и камнями же она была перекрыта. По всей площади раскопа рассеяны отдельные мелкие кости. Здесь слой подстилали значительные толщи песков, перекрывающих пачку близко расположенных культурный слоев 10α, 10-го и 10А.

Раскрытый в 1984 г. 11-й культурный слой залегал под суглинками и темной гумусированной супесью на глубине от 0,8 до 1 м. Его подстилала прослойка песка и под ним — мощные щебеночные отложения с уклоном в раскопе с северо-запада на юго-восток (рис. 242). Он был неравномерно насыщен культурными остатками. Наибольшая концентрация их прослеживалась в кв. 28-29-Ч и 19-20-Ч-Ц. Меньше их встречалось в кв. 25-29-Х-Ц, 24-27-Ч и 21-22-Ч, и практически ничего не было обнаружено в кв. 18-Х-Ч и 18-23-Х. В кв. 28-29-Ч была расположена яма, северный

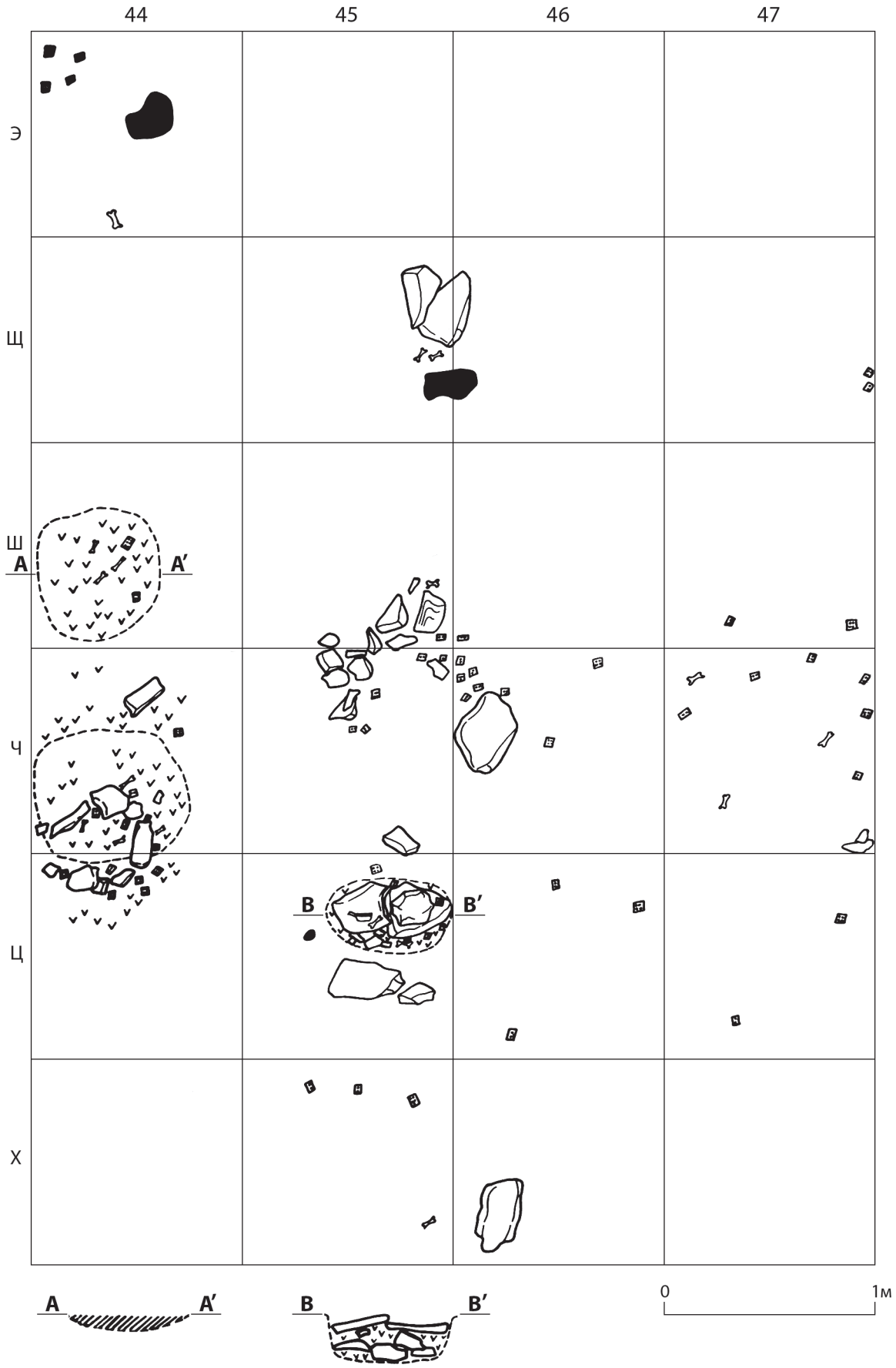


Рис. 241. Стоянка Тоора-Даш. 11-й культурный слой. 1983 г. План раскопа в кв. 44-47-Х-Э

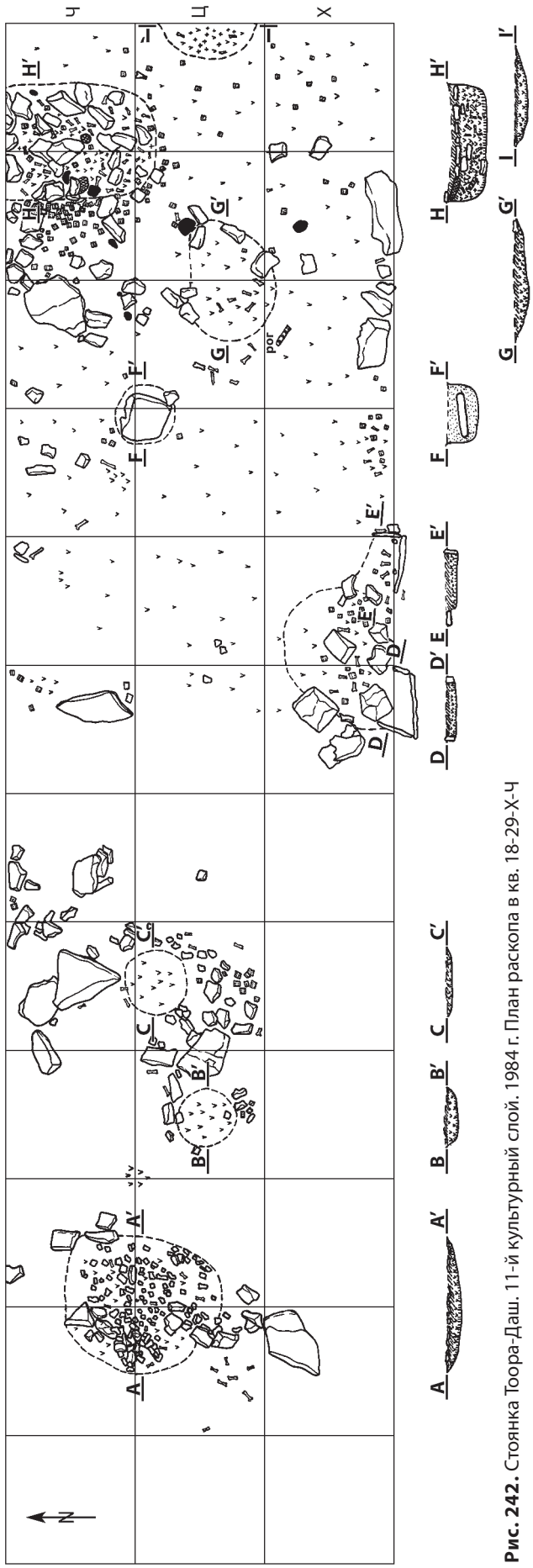


Рис. 242. Стоянка Тоора-Даш. 11-й культурный слой. 1984 г. План раскопа в кв. 18-29-Х-Ч

край которой уходил в бровку. Ширина ямы 0,95 м, длина в направлении север-юг 1,1 м, глубина 0,3 м. Яма заполнена камнями и является, очевидно, особым памятником поминального характера, которые встречаются по всей площади 11-го культурного слоя. Помимо щебня в заполнении ямы встречались угли, кости животных и фрагменты керамики. Особенно много керамики было найдено в кв. 28-Ч с западной стороны ямы. К югу от ямы в кв. 27-29-Ц выявлены остатки очагов диаметром 0,6–0,8 м. Очаг в кв. 29-Ц являлся продолжением очага, раскопанного в 1983 г. в кв. 30-Ц.

В кв. 26-27-Ц-Ч располагалась яма, заполненная песком, глубиной около 0,3 м. В яме находилась каменная плоская плита. В кв. 24-25-Х сохранились остатки двух каменных ящиков, к которым были приурочены кости животных и обломки керамики. Здесь была найдена железная пластинка и игольник (рис. 243, *2, 5*). Далее очажные пятна прослеживались в кв. 21-Ц и 22-Ц. В кв. 19-20-Ч-Ц был расположен очаг размерами 1,2 × 1,1 м, в заполнении которого найдено много обломков керамики. Мощность прокала этого очага около 10 см.

По характеру керамики, имеющей лощение, темно-коричневую поверхность, отогнутый венчик и приостренный налеп под венчиком, слой относится к кокэльской культуре гунно-сарматского времени (рис. 243, *1, 3, 4*; 244). Интересно, что в слое прослеживается несколько ритуальных выкладок с вертикально вкопанными стелами, возможно, эта площадка в данный период использовалась не только как жилая, но и для совершения каких-то обрядов. По радиокарбону слой датируется рубежом н. э.

***

Самые верхние культурные слои 12-й и 13-й на стоянке Тоора-Даш относятся к кыргызскому времени и формированию государства Алтын-хана.

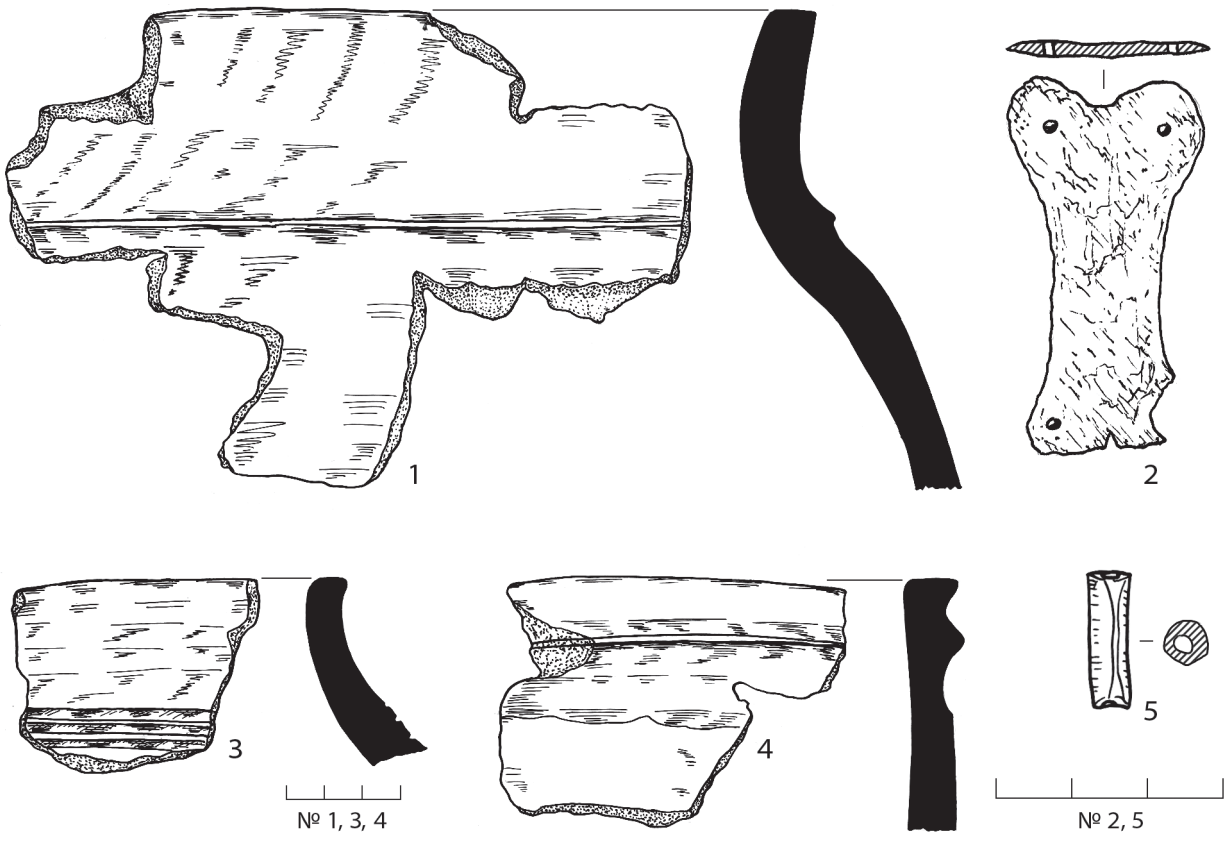


Рис. 243. Стоянка Тоора-Даш. 11-й культурный слой. Керамика

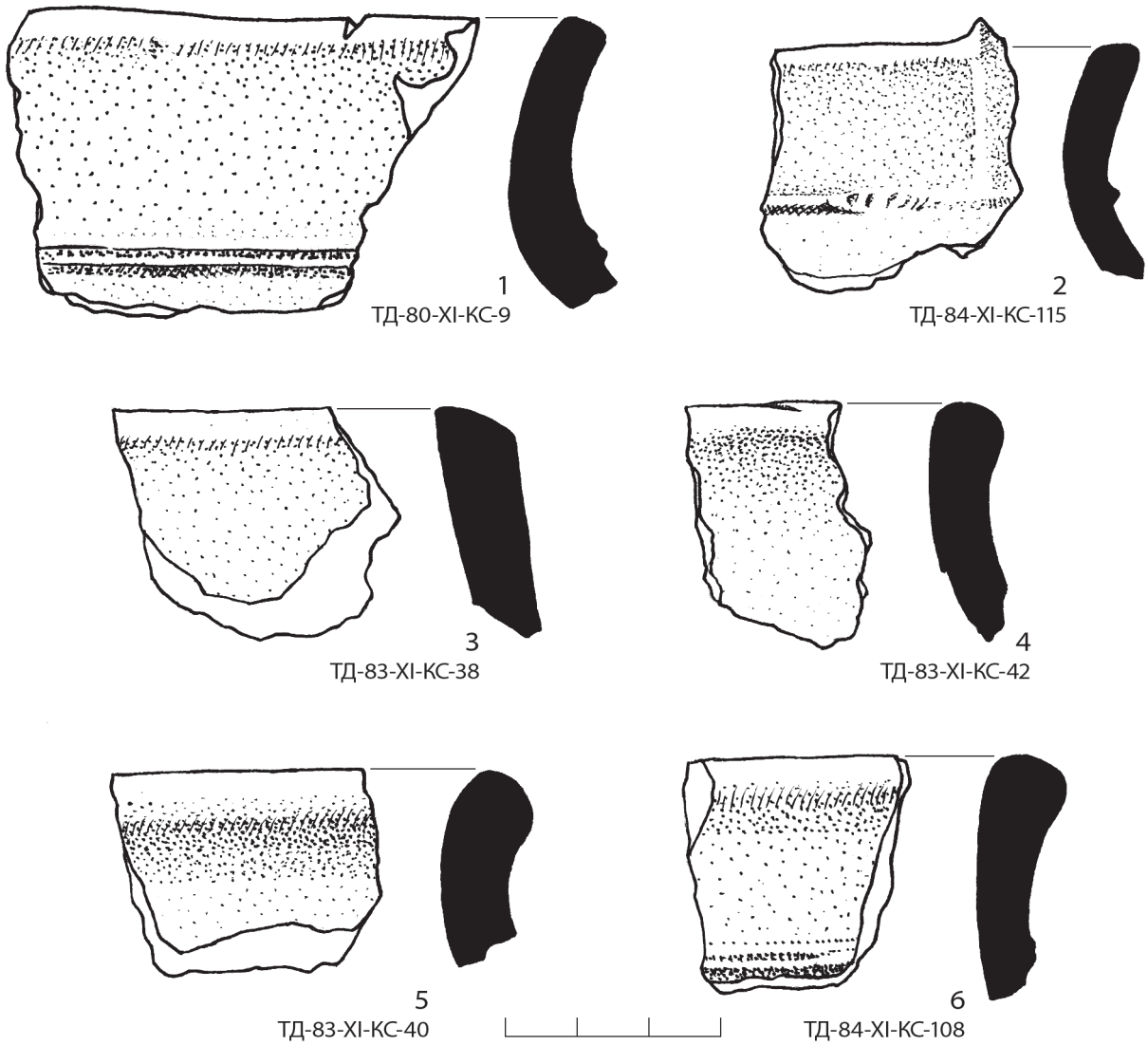


Рис. 244. Стоянка Тоора-Даш. 11-й культурный слой. Керамика

10.2. Двенадцатый культурный слой

Над 11-м культурным слоем под напластованиями супеси и песка мощностью от 0,3 до 0,5 м в 1980 г. был обнаружен 12-й культурный слой (мощностью 0,2 м), приуроченный к суглинкам (рис. 245). Он отделен от 11-го культурного слоя прослойкой супеси (мощностью 5 см). Он выклинивался по линии Ф, т. е. в раскоп попадал только периферийный участок данного культурного слоя. В нем в кв. 25-27-Ф найдено несколько мелких фрагментов неорнаментированной керамики, обломки трубчатых костей животных, приуроченных к слабому зольному пятну на границе кв. 26-27-Ф. В кв. Ф-25 был обнаружен обломок железного ножа. Несколько незначительных фрагментов неорнаментированной сероглиняной керамики найдено на границе кв. 31-32-Ф.

В 1982 г. слой залегал в темных суглинках (мощность до 0,15 м), он выклинивался по линии Т (рис. 246; 247). В кв. 36-У и 38-39-Ф-У найдено большое количество сероглиняной керамики кыргызского облика. Вскрыты незначительной мощности очажные пятна в кв. 37-38-Ц, 42-43-Ц и 41-Х. В кв. 37-38-Ф — скопление костей. В кв. 41-42-У был обнаружен каменный треугольник и стела, относящиеся к 11-му культурному слою.

В 1983 г. 12-й культурный слой был исследован в кв. 30-47-Х-Э на площади 54 кв. м (рис. 248; 249). В кв. 44-47-Ш-Щ культурных остатков не встречено. Здесь слой сильно поврежден оползнем. Этот культурный слой сильно гумусирован, встреченные отдельные фрагменты керамики имели очень плохую сохранность. В кв. 35-37-Ц-Ч вскрыто несколько маломощных очажных пятен. В толще культурного слоя встречаются крупные кости животных. В кв. 45-Ч обнаружена часть каменного ящика, другая половина которого осталась в бровке раскопа. К западной стенке ящика примыкало очажное пятно.

В 1984 г. слой вскрыт в кв. 18-29-Х-Ч (рис. 250). Он залегал в слое красно-коричневой супеси под слоем щебня. Мощность его достигала 0,2 м. По всей площади были рассеяны кости животных, не образующие каких-либо четких скоплений, а также встречались отдельные фрагменты плохо сохранившейся,

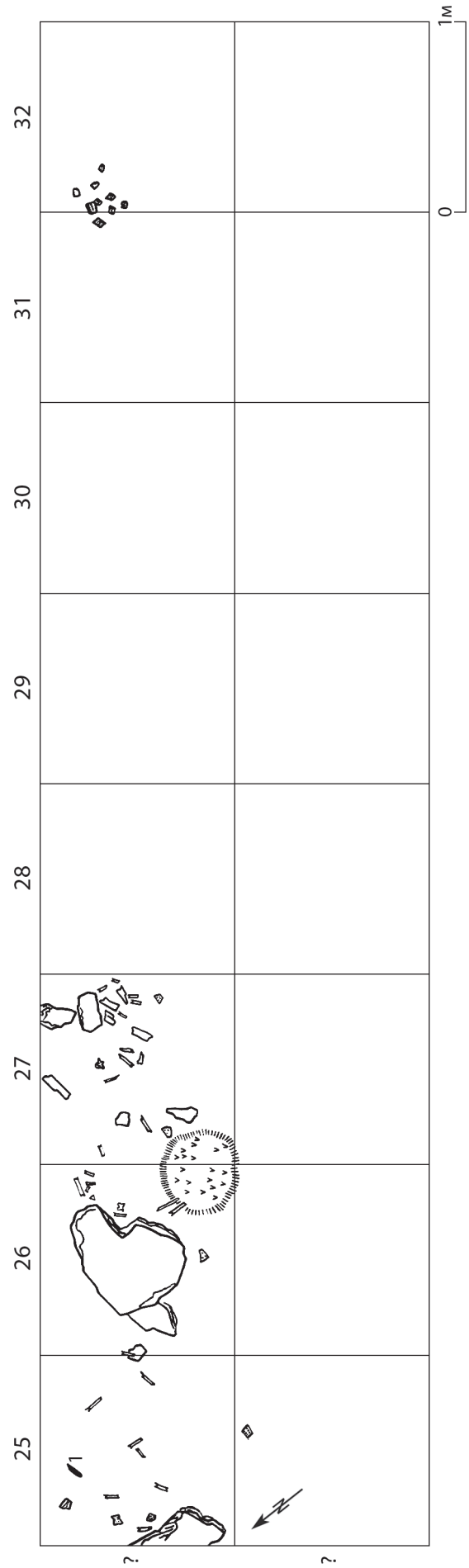


Рис. 245. Стоянка Тоора-Даш. 12-й культурный слой. 1980 г. План раскопа в кв. 25-32-У-Ф

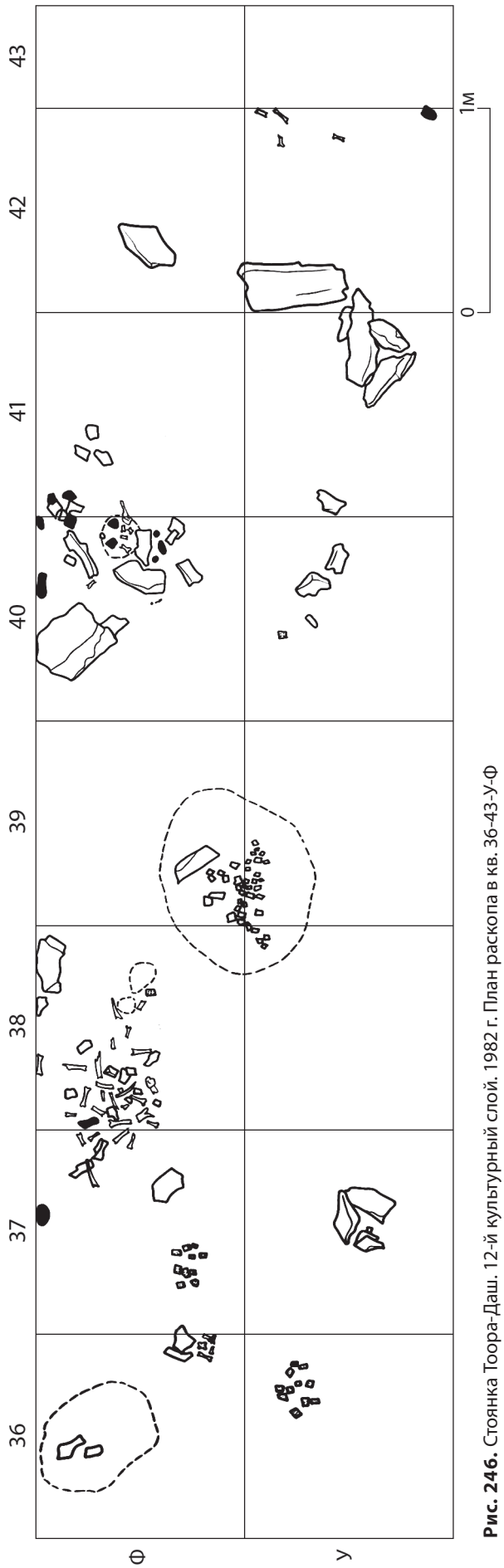


Рис. 246. Стоянка Тоора-Даш. 12-й культурный слой. 1982 г. План раскопа в кв. 36-43-У-Ф

расслаивающейся керамики. На границе кв. Ц-Ч-29 и в кв. Х-29 раскрыты следы маломощных кострищ. Подобное очажное пятно находилось в кв. Х-25. Мощность этих очагов колеблется от 5 до 8 см.

По обнаруженной в слое сероглиняной плотной керамике с валиком под венчиком (рис. 251) слой может быть соотнесен с культурой кыргызов. По радиоуглеродным датам он датируется от 695 до 764 г., причем дата 764 г. — 69,5 %, т. е. VIII в. н. э. — период Уйгурского каганата.

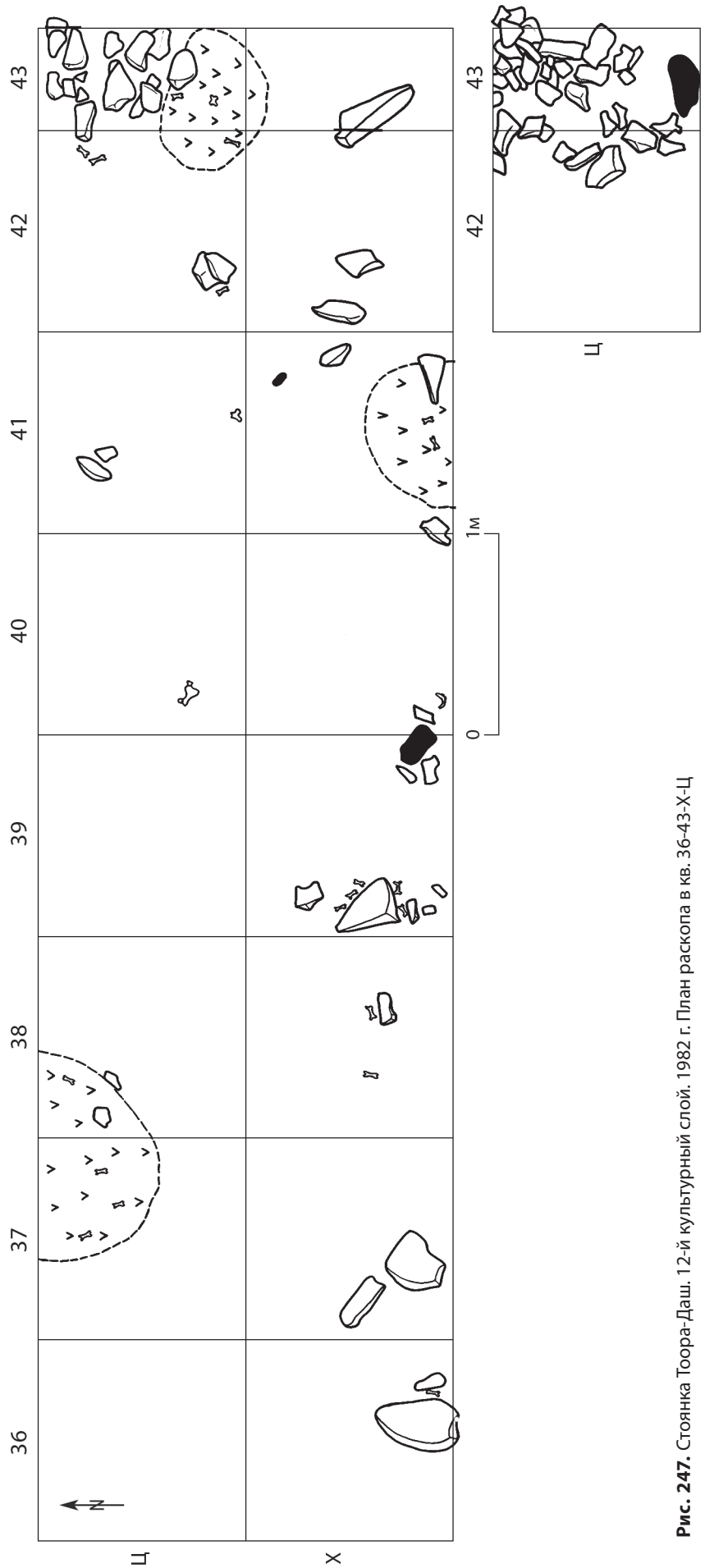


Рис. 247. Стоянка Тоора-Даш. 12-й культурный слой. 1982 г. План раскопа в кв. 36-43-Х-Ц

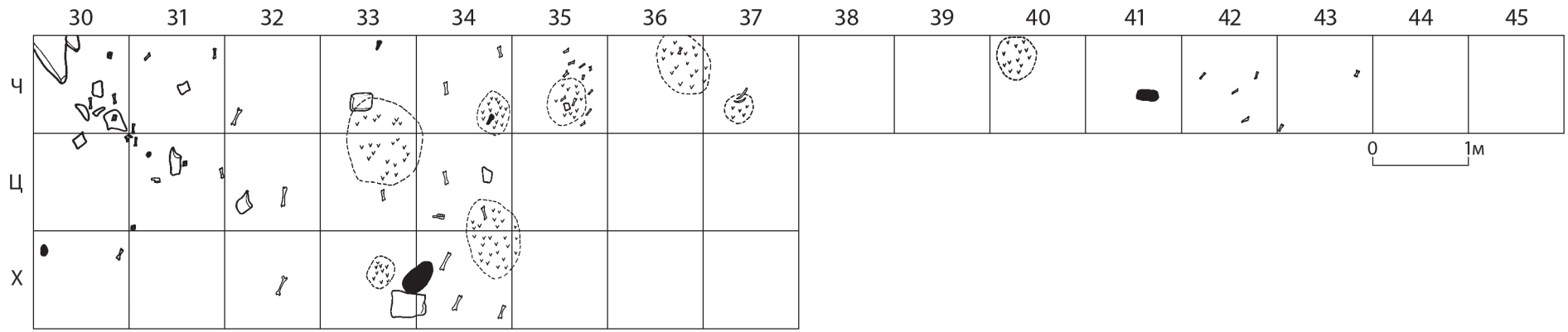


Рис. 248. Стоянка Тоора-Даш. 12-й культурный слой. 1983 г. План раскопа в кв. 30-45-Х-Ч

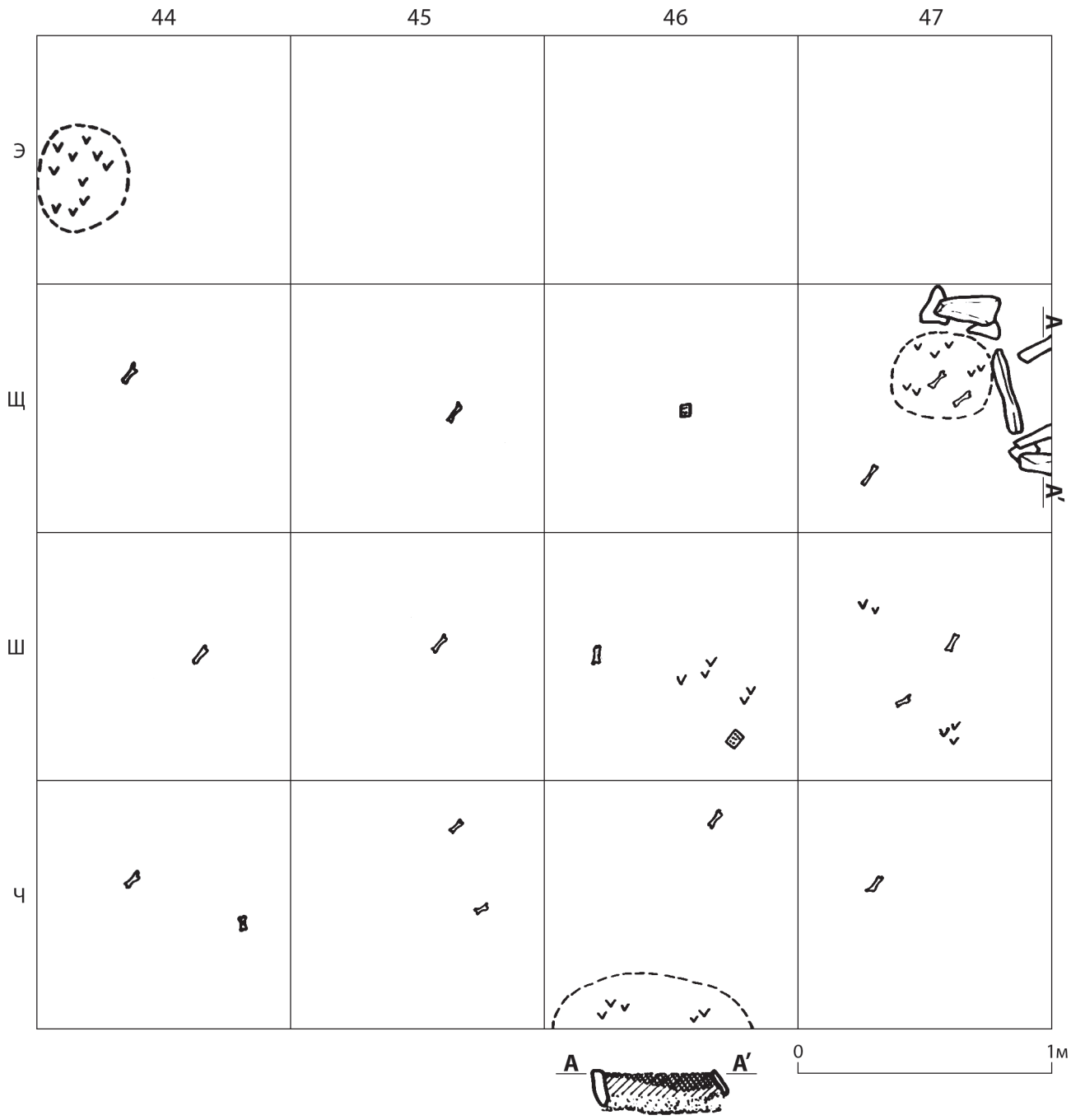


Рис. 249. Стоянка Тоора-Даш. 12-й культурный слой. 1983 г. План раскопа в кв. 44-47-Ч-Э

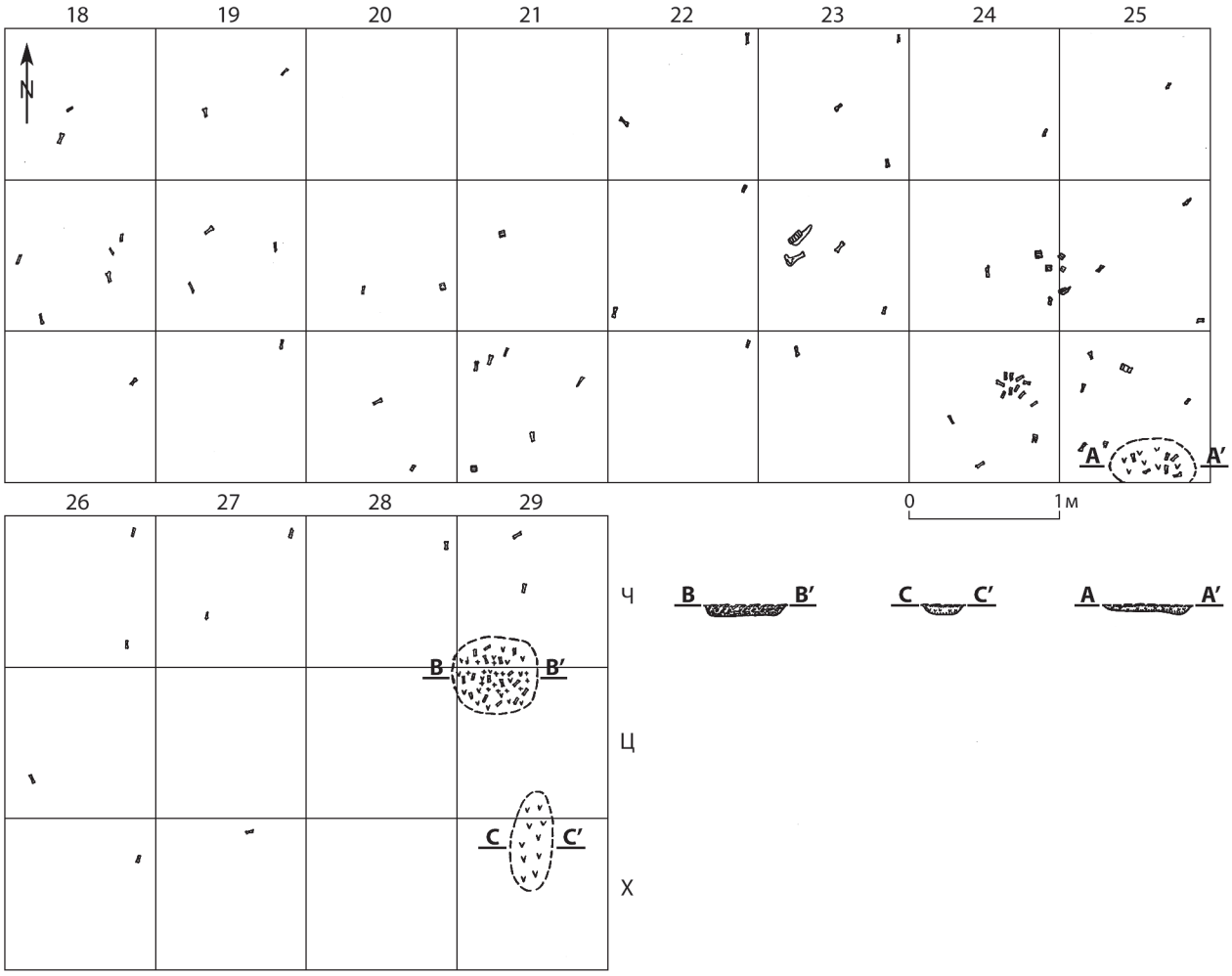


Рис. 250. Стоянка Тоора-Даш. 12-й культурный слой. 1984 г. План раскопа в кв. 18-29-Х-Ч

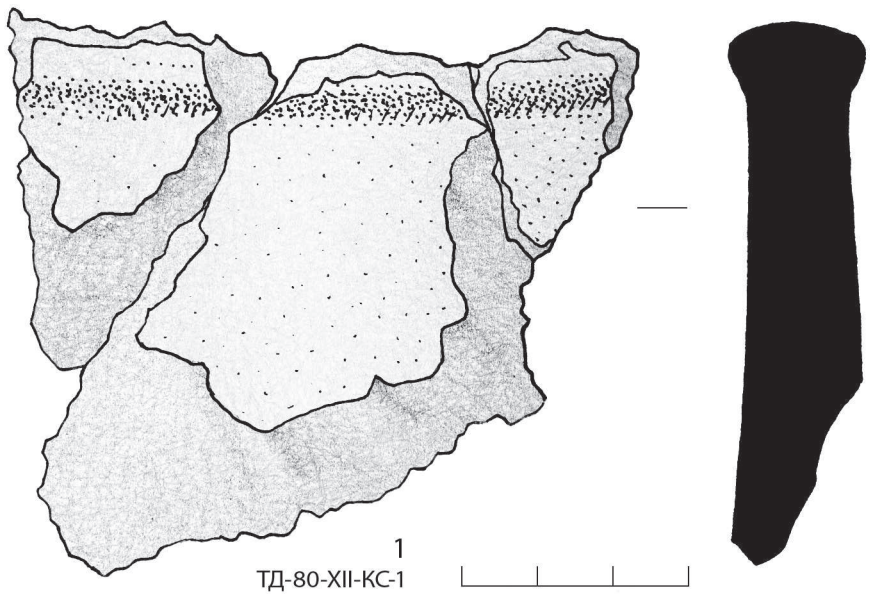


Рис. 251. Стоянка Тоора-Даш. 12-й культурный слой. Керамика

10.3. Тринадцатый культурный слой

Слой был прослежен в 1982 г. в кв. Ф-42-47 под слоем дерна мощностью 0,3 м в отемненной супеси. Его мощность была около 5 см, и культурных остатков в нем обнаружено не было. От 12-го культурного слоя его отделял слой глины.

В 1983 г. 13-й культурный слой вскрыт на площади 54 кв. м (рис. 252; 253). Слой залегал в пылеватых супесях светло-коричневого цвета. Мощность слоя варьировала от 0,2 до 0,3 м. Слой сильно гумусирован, насыщен остатками перегноя. Культурных остатков в нем встречено мало. Они приурочены в основном к нижнему отделу слоя. На границе кв. 30-31-Ч обнаружено несколько фрагментов гладкостенной керамики очень плохой сохранности. В кв. 33-34-Х-Ц и 43-Ч — маломощные кострища. Практически по всей площади встречались кости животных. В кв. 45-47-Х-Ц появляются беспорядочные скопления камней (рис. 253). Около камней и под ними найдено довольно большое количество фрагментов керамики коричневого цвета с шершавой поверхностью (рис. 254). Часть фрагментов имеет орнаментацию. Эту керамику можно отнести к периоду распада империи Чингизидов. В кв. 44-47-Ш-Э культурных остатков не содержалось.

В 1984 г. слой был выявлен в кв. 18-29-Х-Ч (рис. 255). В кв. 28-29 слой залегал в щебне, но далее в кв. 23-27 он поднимался и располагался под щебнем в темно-коричневой супеси непосредственно под дерном, а в кв. 18-23 снова смешивался с щебеночной прослойкой. В кв. 23-24-Х-Ц в очажном пятне диаметром около 0,8 м и мощностью до 10 см было найдено 20 фрагментов керамики с ногтевым орнаментом. Край венчика этой керамики орнаментирован скобчатым штампом (рис. 256). Примерно в 3,5 м севернее расположено пятно другого очага (кв. 23-24-Ч), овальное, размерами 0,8 × 0,4 м и глубиной прокала до 10 см. В нем также обнаружен один фрагмент керамики. В кв. 18-21 рассеяны остатки раздробленных костей. В остальных квадратах, начиная с линии Х-Ч-25 по Х-Ч-29, никаких артефактов встречено не было.

По характеру обнаруженной керамики слой относится к эпохе позднего средневековья. Эта датировка подтверждается и ^{14}C датами: 1438 г. — 95,4 %, т. е. XV–XVI вв. — время правления Алтын-ханов.

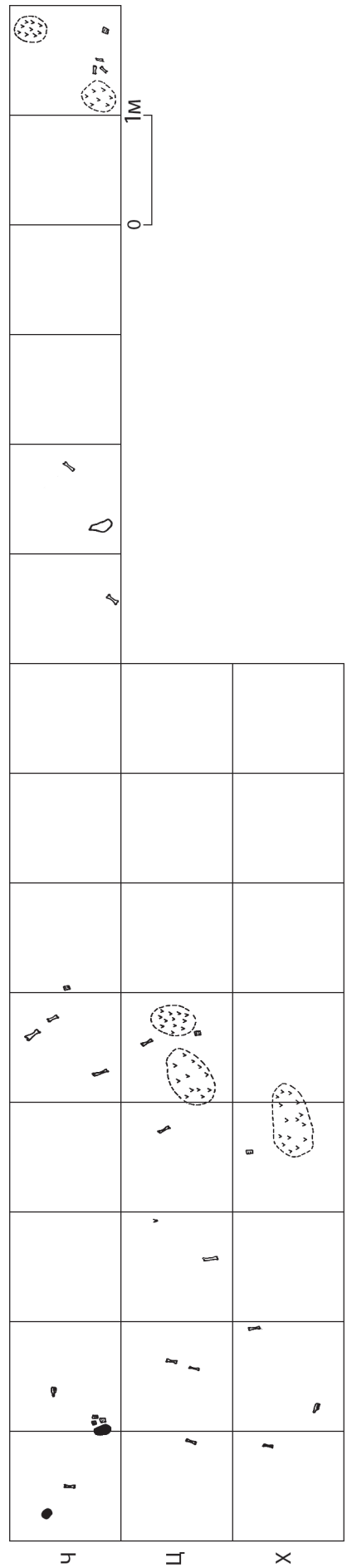


Рис. 252. Стоянка Тоора-Даш. 13-й культурный слой. 1983 г. План раскопа в кв. 30-43-Х-Ч

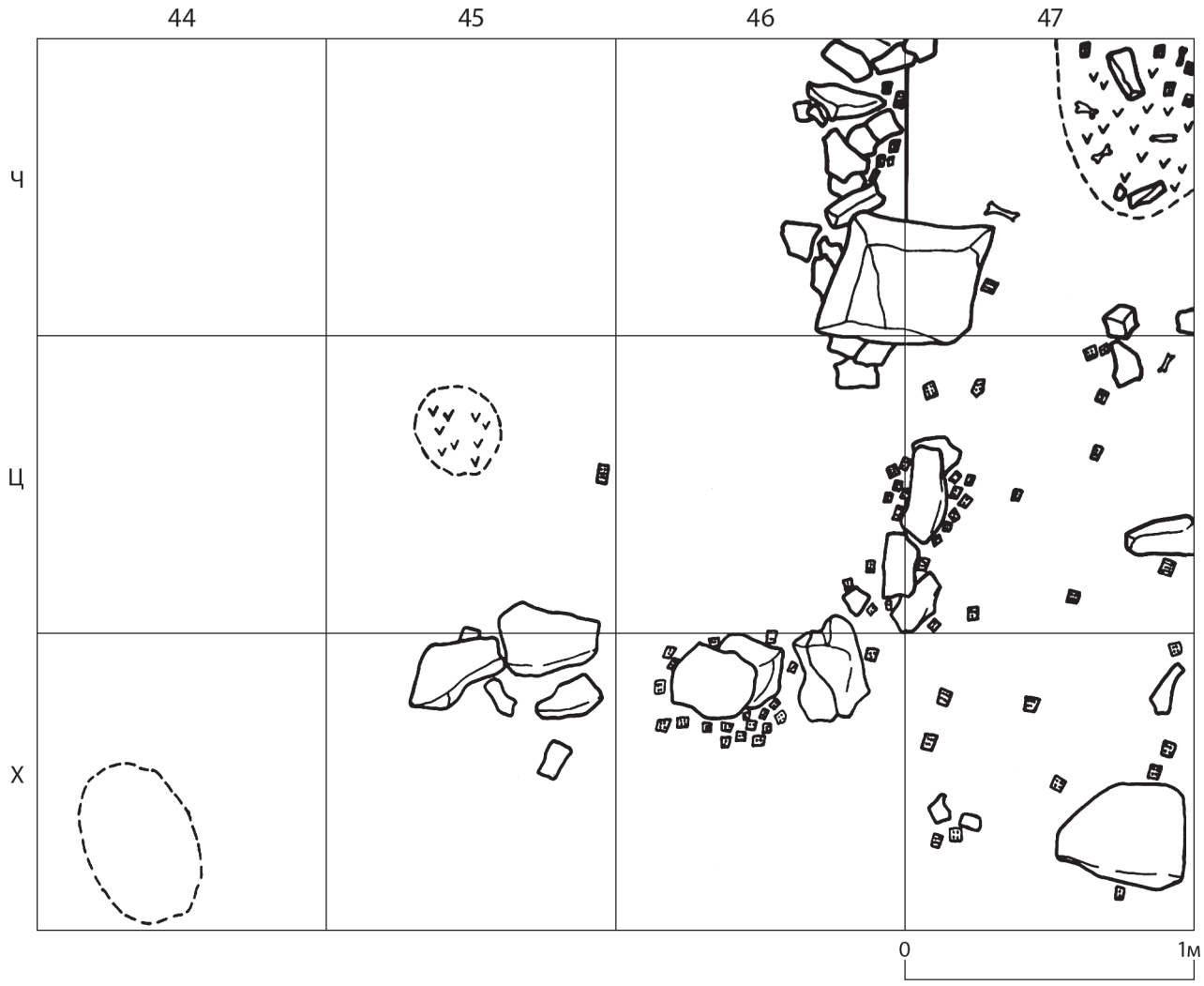


Рис. 253. Стоянка Тоора-Даш. 13-й культурный слой. 1983 г. План раскопа в кв. 44-47-Х-Ч

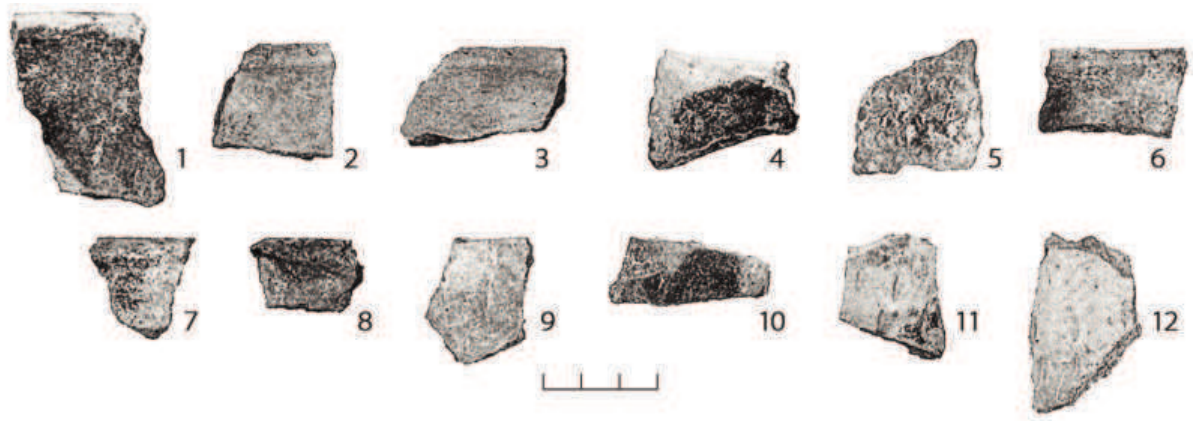


Рис. 254. Стоянка Тоора-Даш. 13-й культурный слой. 1983 г. Керамика

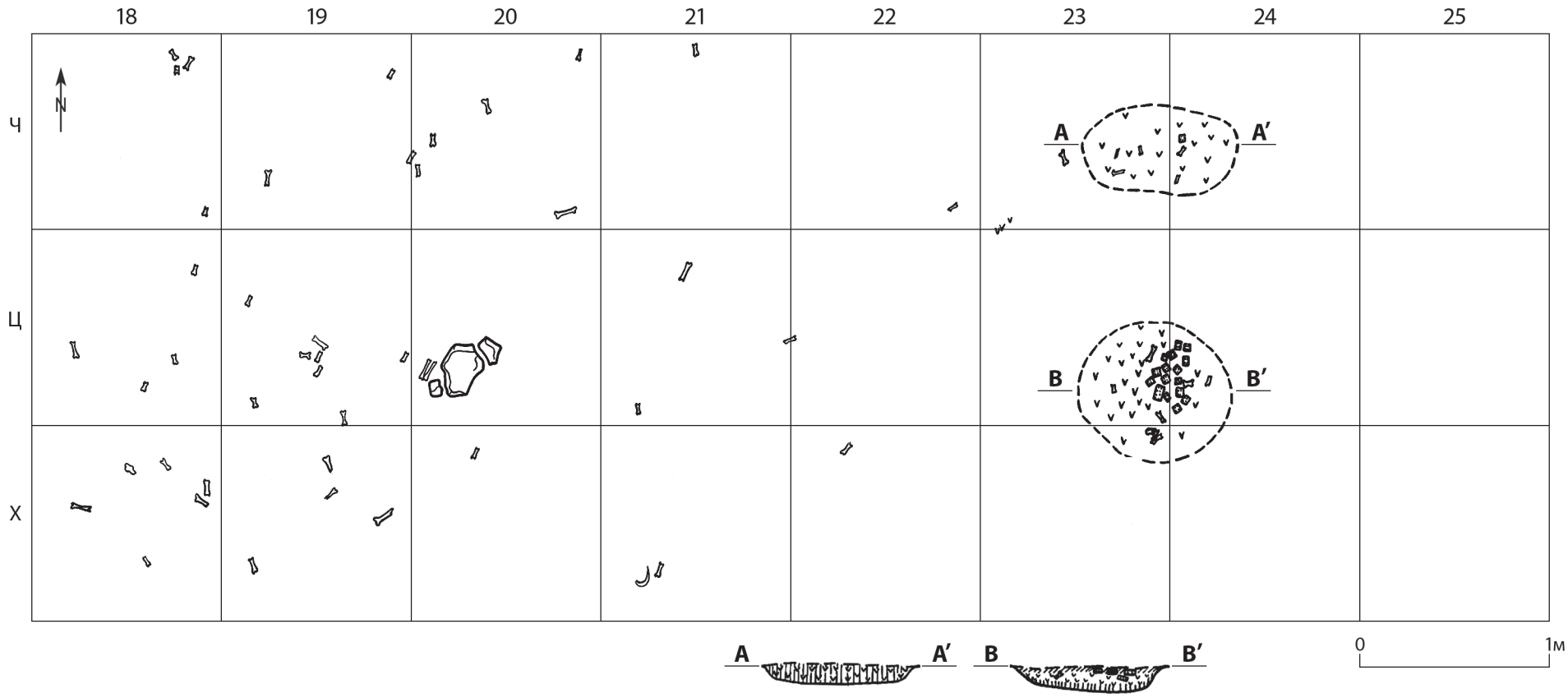


Рис. 255. Стоянка Тоора-Даш. 13-й культурный слой. 1984 г. План раскопа в кв. 18-25-Х-Ч

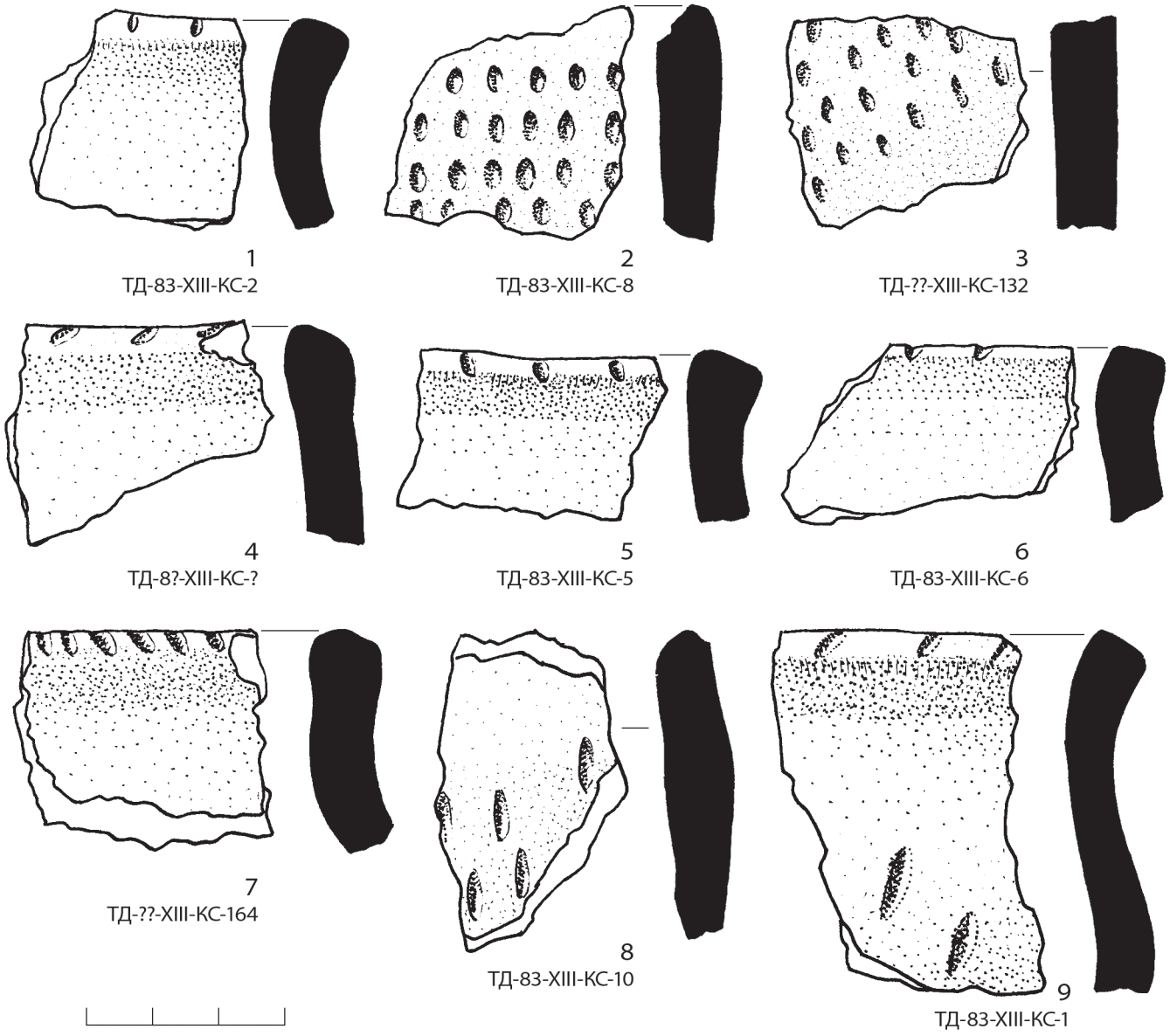


Рис. 256. Стоянка Тоора-Даш. 13-й культурный слой. Керамика

Рис. 257. Стоянка Тоора-Даш. Тувинское стойбище в 1977 г.

***

В 1977 г. в урочище под горой Тоора-Даш находилось тувинское стойбище — загон для скота, временное жилище в виде палатки, внутри которой был совсем небольшой каменный очаг, на котором варился чай (рис. 257). Эту модель обитания мы можем экстраполировать на все периоды, предшествующие современности, выявленные в процессе раскопок стоянки Тоора-Даш.

Глава 11.
Тоора-Даш и его культурное окружение

Стоянка Тоора-Даш является уникальным памятником не только для Тувы, но и всей Центральной Азии и Южной Сибири. Ее уникальность заключается в накоплении паводковых осадков р. Енисей, последовательно перекрывающих и консервирующих культурные слои различных эпох, начиная от неолита вплоть до позднего средневековья. Здесь были выделены четыре горизонта неолитической культуры с гребенчатой керамикой, датируемой V–IV тыс. до н. э. В этих слоях открыты древние очаги, вокруг которых концентрировались остеологические остатки животных, добытых древними охотниками, продукты расщепления камня, фрагменты керамических сосудов. Благодаря этому удалось выявить основной набор каменных орудий (скребки, скребла, наконечники стрел, вкладыши наборных лезвий различных инструментов), костяные орудия (гарпун, шилья, иглы, проколки), а также изучить состав фауны, на которую охотились древние люди Саянского каньона Енисея. В самом нижнем слое было открыто несколько каменных сооружений округлой формы с неглубокими (до 1 м) ямами в центре. Это остатки древних погребальных сооружений. На смену древней неолитической культуре, названной «верхнеенисейской», пришли древние скотоводы, носители афанасьевской культуры, частично ассимилировавшие неолитическое население Саянских гор (пятый культурный слой), в результате чего сложилась новая окуневская культура, относящаяся уже к эпохе бронзы. На Тоора-Даше к ней относятся шестой и седьмой культурные слои. В седьмом слое выявлены остатки жилища наподобие чума (круглое с очагом в центре) и культовые очаги круглой и квадратной формы. Культурные слои 8–10 оставлены населением предскифской и скифской эпохи, 11-й — гунно-сарматского времени, 12-й и 13-й — Средневековья. Однако культурные остатки в этих слоях не столь многочисленны и выразительны: отдельные фрагменты керамики, кости животных и небольшое количество обломков вещей.

Конечно, Тоора-Даш не единственный поселенческий памятник на территории Тувы. Самые близкие по материалу и местонахождению — стоянки в Саянском каньоне Енисея: Хадынных I, Кантегир, Сосновка-Джойская, Хем-Теректиг, Базага.

Первую стоянку на территории Тувы открыл и исследовал С. И. Вайнштейн на оз. Тоджа (Восточная Тува), которое в настоящее время переименовано в оз. Азас (*Вайнштейн,* 1957. С. 36–58). Позднее здесь производила раскопки М. А. Дэвлет, открывшая стоянку Азас II и две стоянки в низовьях реки Тора-Хем под названием «Первая» и «Вторая» поляны (*Дэвлет,* 1973а, 1973б). Позднее здесь работала Тувинская экспедиция ЛОИА (*Семенов,* 1992. С. 69–76). В процессе этих работ был изучен характер отложений на памятниках Тоджинской котловины, получен разнообразный археологический материал, включая неолитический по облику инвентарь, разнообразные типы керамических изделий, округлодонную посуду, погребения разных эпох и даже материалы палеолитического облика.

Палеолитические слои, перекрытые слоями неолитической верхнеенисейской культуры, были открыты в Первом Куйлуг-Хемском гроте, который был обнаружен мной в 2007 г. на правом берегу р. Куйлуг-Хем (в 12 км от современного устья) — правобережного притока Улуг-Хема. В гроте зафиксировано пять культурных слоев, разделенных меловыми натеками и обломками скальной породы. Два слоя — неолит, три слоя — верхний палеолит (*Семенов и др.,* 2006. С. 31–41).

Материалы эпохи бронзы, которые включали фрагменты керамики, а самое главное гальки, украшенные прочерченными линиями, представлены на стоянке

Этекшил, расположенной на левом берегу р. Бий-Хем (*Семенов,* 2007. С. 70–73).

Целая серия поселений, на которых зафиксированы культурные остатки, датируемые эпохами бронзы и раннего железного века, обнаружены в Уюкской котловине. Остатки поселения эпохи бронзы были зафиксированы под курганом Аржан-2 (*Чугунов и др.,* 2006. С. 303–311).

В 1,5 км от кургана в ходе разведок Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН по трассе строящейся железной дороги Элегест — Кызыл — Курагино в 2010 г. была обследована стоянка Кара-Орга, раскопки которой производились в 2011 г. Она находится у западного склона горы Кара-Орга, окаймляющей Белое озеро с востока. На горе существовала древняя каменоломня, из которой брали строительный материал на возведение курганов, в том числе и Аржана-2. У подножия горы в глубоком овраге находились многочисленные орудия из кремня, продукты раскалывания камня (отщепы, нуклеусы, пластины) и керамика с орнаментом. На стоянке выделяются два горизонта, один из которых относится к неолиту, а другой — к эпохе бронзы. Уникальными были находки плит с выбитыми личинами. Одна из таких плит была погребена в специальной могиле. На ней изображена личина, на лбу которой грубыми линиями обозначены брови, показан нос, рот с припухлыми губами. От глазниц ко рту пробиты две линии, возможно, это обозначение «плачущего» бога или богини (?), связанной с небесной дождевой стихией. На плоской голове двумя треугольниками изображены «рога» короны, в центре какое-то подобие антенны, отсылающей нас к более эффектным личинам Мугур-Саргола. Ниже короны с левой и правой стороны личины выбиты овальные выступы. Скорее всего, так изобразили уши (*Семенов,* 2011. С. 129–133). Кроме того здесь на поверхности была обнаружена плита с изображением трех личин, сделанных очень схематично: у двух кругом обозначен контур лица, точками — глаза, рот и нос, а у третьей нет внешнего контура, а только полоской передан рот и двумя точками глаза. Такие парциальные и примитивные личины также есть на Мугур-Сарголе и других петроглифических комплексах эпохи бронзы Тувы. В эпоху бронзы территория стоянки-мастерской и каменоломни могла относиться к пространству святилища окуневской культуры. Об этом говорят и плиты с петроглифами и гравировками этого периода, обнаруженные в слоях стоянки, и фрагменты орнаментированной керамики окуневского типа (*Соловьева и др.,* 2015. С. 122–123).

В 2013 г. экспедицией ГЭ найдено шесть стоянок с материалами эпохи бронзы и раннего железного века (*Жогова,* 2014. С. 202–204). Автором исследований была успешно применена методика горноалтайских коллег, согласно которой поселения кочевников раннего железного века располагаются в ущельях и логах (*Шульга,* 1990. С. 4–6). На местах древних поселений зафиксированы остатки временных стоянок современных тувинцев, что говорит о длительном существовании кочевого образа жизни в Центральной Азии.

Культурные остатки поселенческих слоев существенно отличаются от погребальных комплексов. На поселениях мы находим предметы, выбывшие из «живой» культуры в результате поломки или потери, в погребениях — преднамеренно включенные в комплексы, назначение которых заключалось в «удовлетворении» нужд усопшего в его инобытии. Поэтому поселенческая керамика собирается и реставрируется из отдельных фрагментов, недостачи заменяются гипсовыми вставками. Тем не менее по этим фрагментам можно составить представление о целом и более того установить процессы культурных изменений, тогда как в погребения попадают вещи, не вызывающие сомнения в их культурной принадлежности.

11.1. Стоянки Саянского каньона Енисея

В 5 км ниже стоянки Тоора-Даш проходит административная граница между Республикой Тыва и Красноярским краем. Однако географическая и культурно-историческая граница Тувы, как своеобразной центральноазиатской области, может быть с полным основанием отнесена к долине р. Ус, где до сих пор проживают тувинцы, равно как и по Енисею вплоть до поселка Усть-Уса. До Усть-Уса сохраняются те же горно-лесостепные ландшафты, что и в пределах Тувы, что позволяет местному населению заниматься скотоводством с вертикальным способом кочевания. Далее, ниже Усть-Уса Енисей входит в зону таежных лесов, которые оканчиваются только за пределами Саянских гор, в Минусинской котловине. В верхней части каньона (до устья р. Ус) нами исследованы стоянки с культурными слоями эпохи бронзы и более позднего времени — Хадынных I и II, Хем-Теректиг и Базага. В нижней части каньона исследованы две стоянки с неолитическими слоями, близкими Тоора-Дашу. Это стоянки Усть-Кантегир и Сосновка-Джойская. Они расположены в зоне тайги приблизительно в 25–30 км от выхода Енисея в Минусинские степи.

Кроме этих памятников С. А. Васильевым были исследованы еще две стоянки с каменным инвентарем, но без четкой культурной атрибуции: Сосновка-Голованьская в 10 км выше Усть-Кантегира и стоянка Малый Ур в 10 км ниже Хем-Теректига. В глубинных районах каньона С. Н. Астаховым исследовалась стоянка у ручья Мадарак с четкой стратиграфией, но

давшая незначительные находки. Материалы этих стоянок привлекаются как наиболее близкие тувинским и проливающие некоторый свет на этапы заселения и исторические судьбы древнего населения в пределах бассейна Верхнего Енисея. Несмотря на свою фрагментарность, это вполне надежные археологические источники, указывающие на полное освоение Саянского каньона в неолите и бронзовом веке, а также на определенные связи Тувы с сопредельными территориями Саяно-Алтайского нагорья.

11.1.1. Стоянка Хадынных I

Стоянка Хадынных I расположена в Ермаковском районе Красноярского края на правом берегу Енисея напротив устья ручья Колбак-Мыс в 27 км ниже устья р. Хемчик и в 22 км от стоянки Тоора-Даш (рис. 258–260). Стоянка получила название по ручью Хадынных, впадающему в Енисей в 1,5 км выше памятника. Она находится на второй надпойменной террасе, имеющей ширину от 6 до 15 м и длину около 300 м при высоте 7–8 м от уреза воды. В районе расположения памятника терраса имеет наименьшую ширину. Вся терраса была загромождена обломками скал и оползнями, что помешало исследовать стоянку на более широкой площади.

Окрестности стоянки Хадынных I исключительно благоприятны для обитания. Стоянка приурочена к южной солнечной экспозиции гор, лишенных древесной растительности. Такие склоны являются обычным местом обитания козерога, тогда как глубокие, заросшие кустарниковой растительностью ущелья ручьев Хадынных и Колбак-Мыс представляют собой экологические ниши, населенные благородным оленем и косулей. Своеобразная топография местности наряду с богатством животного мира, по-видимому, повлияли на длительное пребывание здесь человека. Не случайно на стоянке Хадынных I обнаружены культурные слои от раннего бронзового до позднего железного веков.

Первые находки на стоянке Хадынных I, наконечник стрелы и несколько фрагментов керамики без орнаментации, обнаружены в сентябре 1973 г. Эти предметы были, вероятно, вымыты из культурных слоев стоянки весенними паводками. Исследовалась стоянка в течение полевых сезонов 1973–1975 гг. двумя раскопами площадью 96 кв. м и 36 кв. м в западной оконечности (рис. 261). В результате работ 1973 г. было выделено два культурных слоя: с керамикой позднего облика (предположительно, скифского) и с ранней керамикой (ранний бронзовый век). Всего в 1973 г. было исследовано 20 кв. м. В 1974 г. общая площадь раскопов составляла 60 кв. м и был выделен культурный слой, залегающий под светлыми речными отложениями, подстилающими слой с керамикой эпохи бронзы. В 1975 г. расширялся раскоп 1 и в 50 м к северо-востоку от стоянки был заложен раскоп 2. В результате этих работ на раскопе 1 был выделен еще один культурный слой, а в раскопе 2 выделено пять культурных слоев (наименование их дается сверху вниз, в отличие от стоянки Тоора-Даш). Для удобства культурные слои в раскопе 1 также переименованы от 1-го до 4-го сверху вниз.

В раскопе 1 выявлено четыре культурных слоя, которые исследовались по квадратам (со стороной 1 м). По направлению от реки к скалам квадраты получили обозначения от А до З и в направлении с северо-востока к юго-западу (вниз по реке) от 1 до 10. Часть раскопа 16 кв. м, примыкающая к линии квадратов 1, с северо-восточной стороны получила римские обозначения от I до IV. Стратиграфические разрезы были проведены по линиям квадратов 6 и 10, а также по линии Г (от рек к скалам юго-запад — северо-восток и по линиям Д и З в направлении северо-запад — юго-восток). Основной особенностью стратиграфии стоянки является наличие мощных слоев оползней (в северо-восточной части раскопа — до 1 м и более), перекрывающих горизонты с культурными остатками, приуроченными к речным аллювиальным отложениям.

Стратиграфия стоянки Хадынных I, раскоп 1 (рис. 262):

№	Слой	Мощность (м)
1	Дерновый слой	до 0,2
2	Щебень мелкий	0,15–0,3
3	Песок мелкий, коричневый, увеличивающий мощность в направлении северо-запад — юго-восток (**первый культурный слой**)	0,2–0,3
4	Щебень	1,0–0,4
5	Песок средней зернистости зеленоватого цвета (на поверхности песка под щебнем — культурные остатки **второго культурного слоя**)	0,05
6	Супесь с мелким щебнем светло-коричневая	до 0,15
7	Суглинок темно-коричневый с крупной щебенкой (литологические слои 6 и 7 объединяются в **третий культурный слой**)	до 0,2
8	Суглинок белый	0,2
9	Суглинок коричневый (**четвертый культурный слой**)	0,15
10	Супесь отемненная	

Таким образом, видно, что стратиграфия стоянки Хадынных I представляет собой пачку аллювиально-пролювиальных отложений, причем пролювиальные слои, более мощные в северо-восточной части раскопа, выклиниваются по направлению к югу-юго-востоку, в то время как аллювиальные отложения наиболее выражены в юго-восточной части и утончаются по направлению к северо-востоку (рис. 262; 263). Поскольку культурные остатки 3-го и 4-го слоев приурочены к речным суглинкам, то и наибольшую мощность эти слои имеют в квадратах, находящихся ближе к краю террасы, где они хуже предохранялись

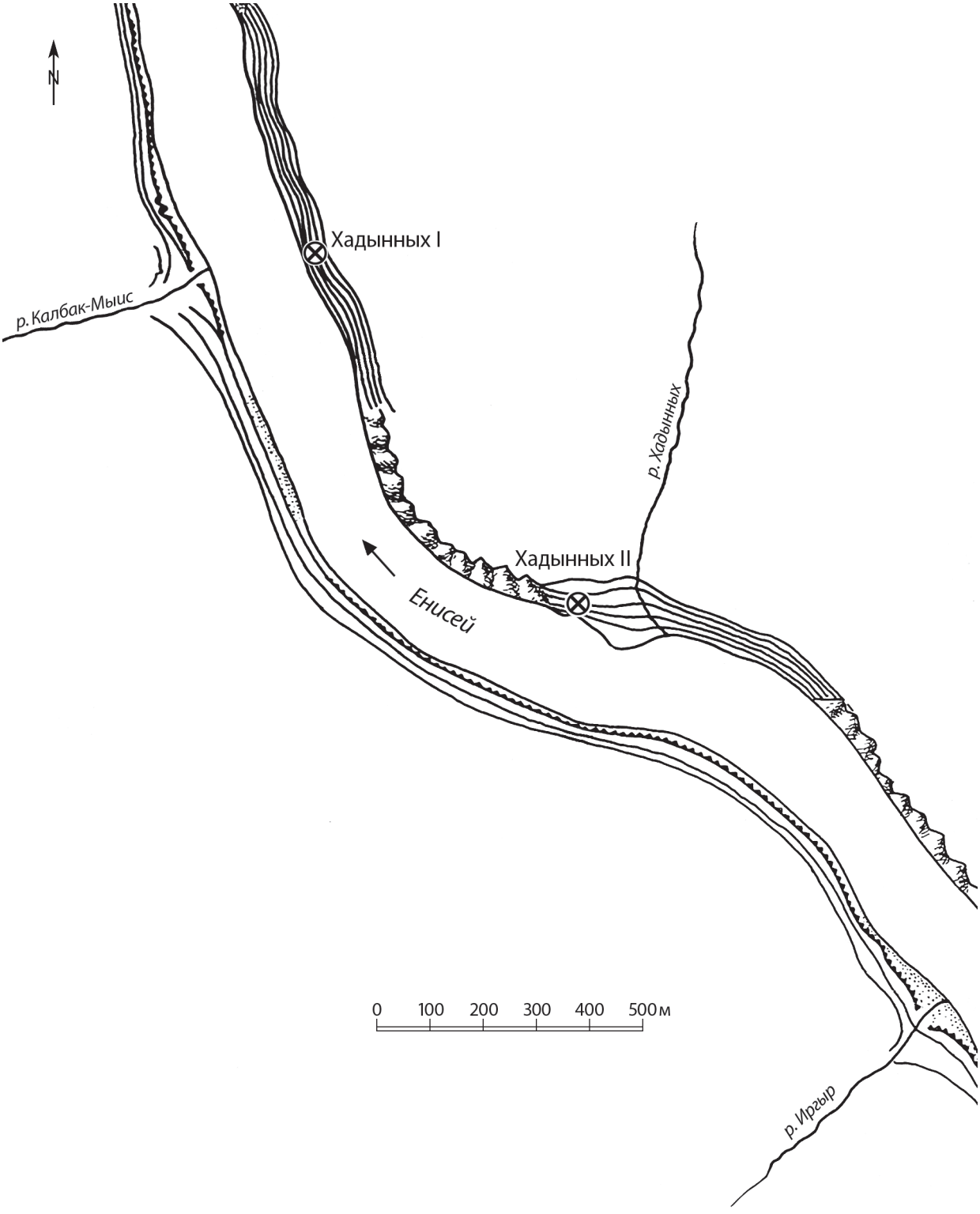


Рис. 258. Ситуационный план местонахождения стоянки Хадынных I

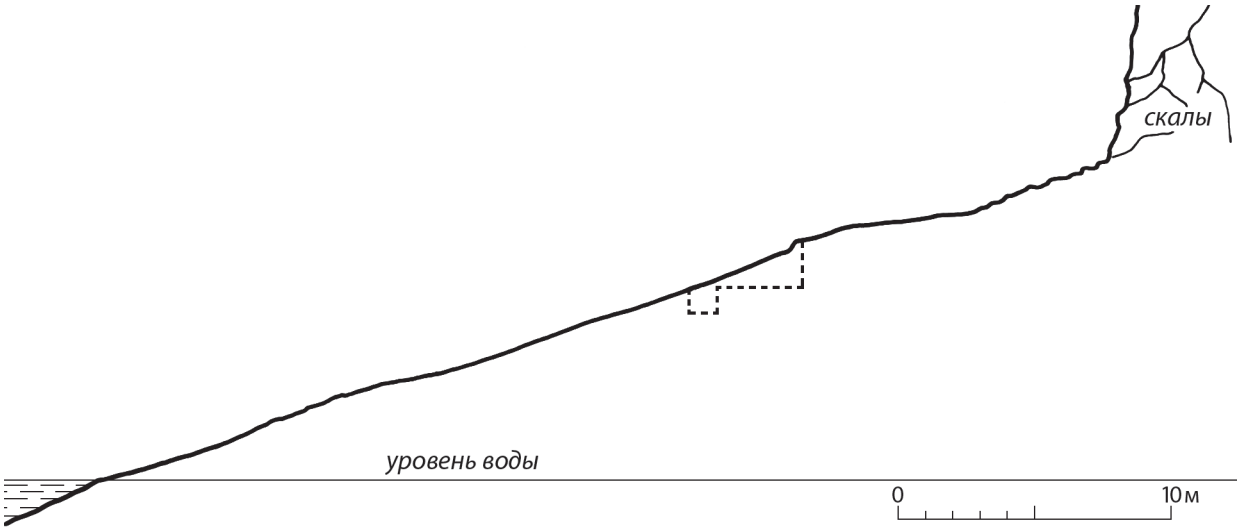


Рис. 259. Стоянка Хадынных I. Профиль правого берега р. Енисей через стоянку

Рис. 260. Стоянка Хадынных I. Общий вид стоянки с юго-запада

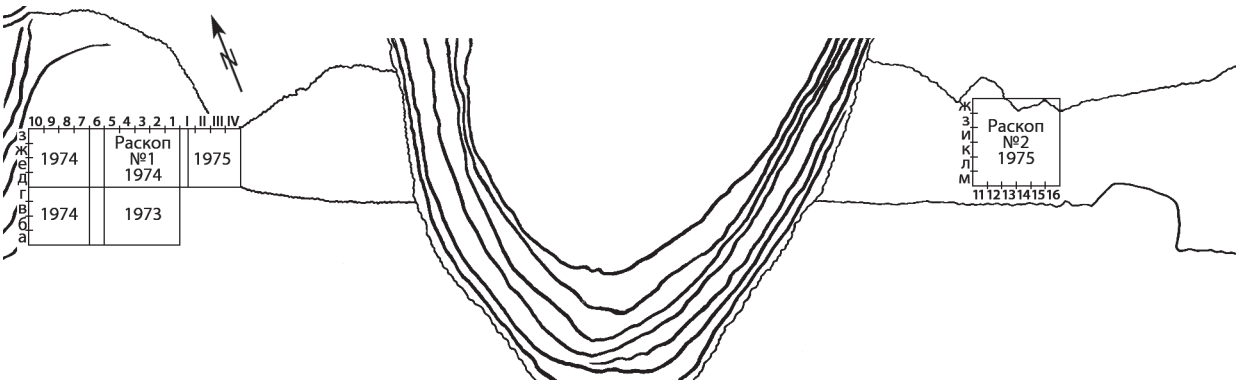


Рис. 261. Стоянка Хадынных I. Раскопки 1973–1975 гг.

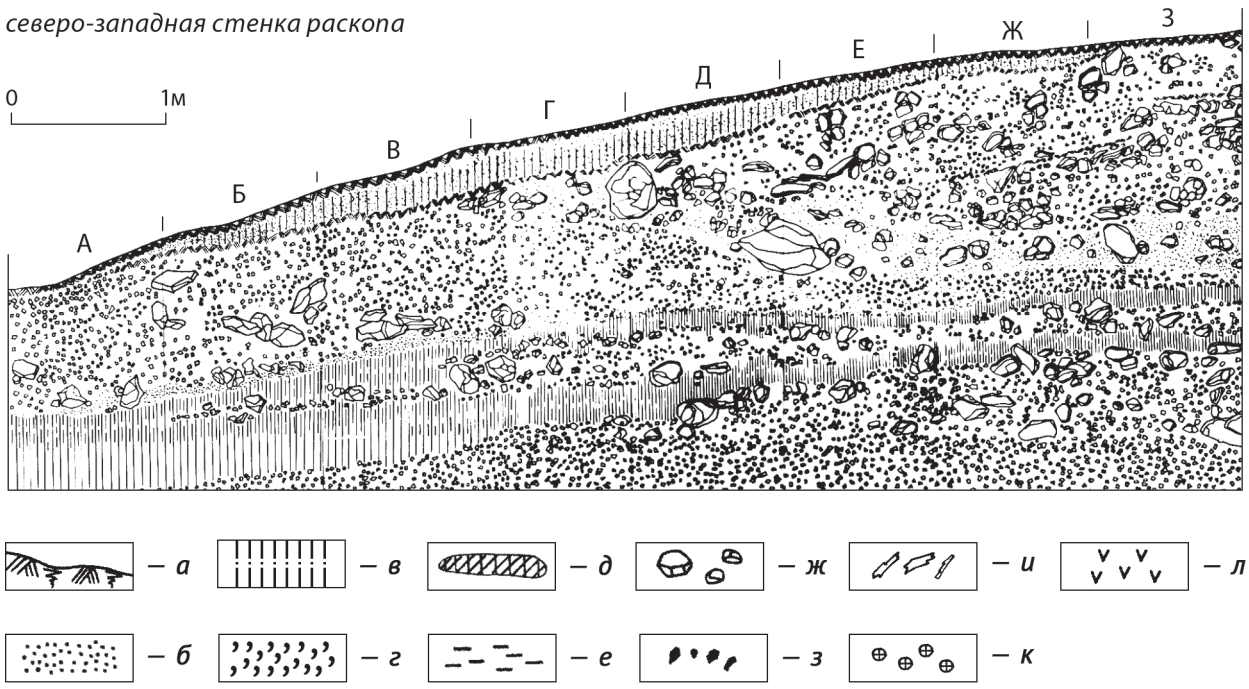


Рис. 262. Стоянка Хадынных I. Северо-западная стенка раскопа 1. *Условные обозначения: а* — дерн; *б* — песок; *в* — супесь; *г* — известковые включения; *д* — гумусные линзы; *е* — глина; *ж* — камни и валуны; *з* — кремни; *и* — кости; *к* — охра; *л* — угольки

от разрушения речными паводками. Второй культурный слой выражен менее отчетливо, так как залегал в щебенистых отложениях, но в кв. 1-IV-Д-З был приурочен к супесям и имел значительную мощность. Его подстилала прослойка песка зеленоватого цвета, находившаяся на глубине от 0,7 до 1,4 м (в соответствии с повышением склона террасы). Первый культурный слой не содержал находок, за исключением кв. IV-З, хотя литологически этот слой можно выделить по всей площади раскопа. Необходимо отметить, что вся пачка слоев была прорыта ходами грызунов, и не исключено попадание отдельных вещей из одного слоя в другой.

Первый культурный слой распространен в юго-восточной части раскопа 1, залегал на глубине 0,2–0,25 м от дневной поверхности под слоем чистого речного песка и подстилался щебеночными пролювиальными отложениями. В 1975 г. в северо-восточном углу раскопа в кв. IV-З было обнаружено большое количество обломков керамики, принадлежащих одному сосуду с S-видным профилем. Край венчика был несколько утолщен и орнаментирован насечками. Чуть ниже проходили два ряда насечек, сделанных острым концом орнаментира, и под ними — две прочерченные линии, образующие полукруг. Примесью к глиняному тесту, из которого был слеплен сосуд, служил песок. Поверхность сосуда грубая, шершавая. Цвет керамики коричневый. На границе кв. III-II-Е-Ж залегало золистое пятно расплывчатых очертаний. Помимо керамики обнаружено небольшое число костей животных, которые принадлежали, по определению Н. М. Ермоловой, лошади, верблюду, корове, овце и козе. Керамика, найденная в слое, относится к эпохе Средневековья (см. ниже рис. 291, *1*). Она подобна керамике из 13-го культурного слоя стоянки Тоора-Даш и 1-го культурного слоя стоянки Хадынных II.

Во ***втором культурном слое*** выявлены погребения по обряду трупосожжения и керамика таштыкского облика. Он был перекрыт конусом выноса и насыщен скальными обломками. Наибольшая мощность слоя прослежена в юго-восточной части раскопа 1 (рис. 264). По направлению к западу-северо-западу он выклинивался. В кв. 1-2-Д-Е находилось большое зольное пятно размерами 1,2 × 0,8 м, к которому приурочены кости животных и несколько фрагментов керамики (рис. 265). На границе кв. 3-2-Е-Ж найдено четыре ребра и лопатка барана, а также придонная часть тонкостенного сосуда черного цвета с плоским дном. Дальнейшие раскопки показали, что эта находка (кости барана и нижняя часть горшка) могла быть специально оставлена здесь в качестве приношения, совершенного при захоронении по обряду трупосожжения. Мелкие кальцинированные кости были рассыпаны в непосредственной близости от обломков горшка.

В кв. 2-3-Ж находилось зольное пятно размерами 0,5 × 0,5 м с большим количеством мелких пережжен-

ных костей. Здесь же найден фрагмент керамики с сильно утолщенным венчиком, орнаментированным косыми насечками, а также роговое острие и костяной игольник (рис. 268, *5, 6*). Несколько фрагментов керамики на границе кв. 5-Д-Е среди россыпей камней были не орнаментированы и имели округлый край с наплывом на внутренней стороне стенки сосуда. Один из фрагментов с выделенным плечиком и отогнутым наружу венчиком был орнаментирован косыми насечками, образующими сетчатый узор между двумя прямыми прочерченными линиями.

В раскопе 1975 г. были выявлены каменные сооружения: в кв. II-Е небольшой трехстенный ящик, в котором найден астрагал барана (рис. 266); в кв. III-Е — вертикально поставленная плита высотой 0,55 м, шириной 10 см и толщиной 4 см (рис. 265). На границе кв. III-IV-Е-Ж находилось погребение, совершенное по обряду трупосожжения (рис. 267). Это погребение было покрыто четырехугольной плитой размерами 0,4 × 0,45 м. На плите лежали лопатка барана и четыре ребра в анатомическом порядке. Рядом с плитой с северо-восточной стороны стоял плоскодонный горшок черного цвета с двумя рядами наколов под венчиком (рис. 267, *2*). Высота горшка 10 см, диаметр по венчику 11 см, диаметр днища 5 см. Стенки тонкие, обжиг плохой (рис. 267, *3*). Погребение, по определению Н. М. Ермоловой, являлось женским. Между захоронением и стелой было разбросано много кальцинированных костей.

Помимо погребения в культурном слое обнаружено несколько фрагментов керамики, из которых заслуживает внимания один фрагмент с налепным валиком (рис. 268, *1*). Из других предметов следует отметить бронзовое шило, покрытое черной патиной. Шило имеет грибовидную шляпку и круглую. покрытую насечками шейку с небольшим петлевидным ушком. Рабочая часть шила имеет четырехгранное сечение, конец острый и тонкий (см. рис. 293). Такие шилья характерны для раннескифского времени. Скорее всего, оно попало в слой случайно, может быть, через нору грызунов. Обнаруженные в культурном слое кости животных принадлежат овце, корове, лошади, благородному оленю и сибирскому козерогу.

Рис. 263. Стоянка Хадынных I. 1975 г. Раскоп 1. Средняя бровка

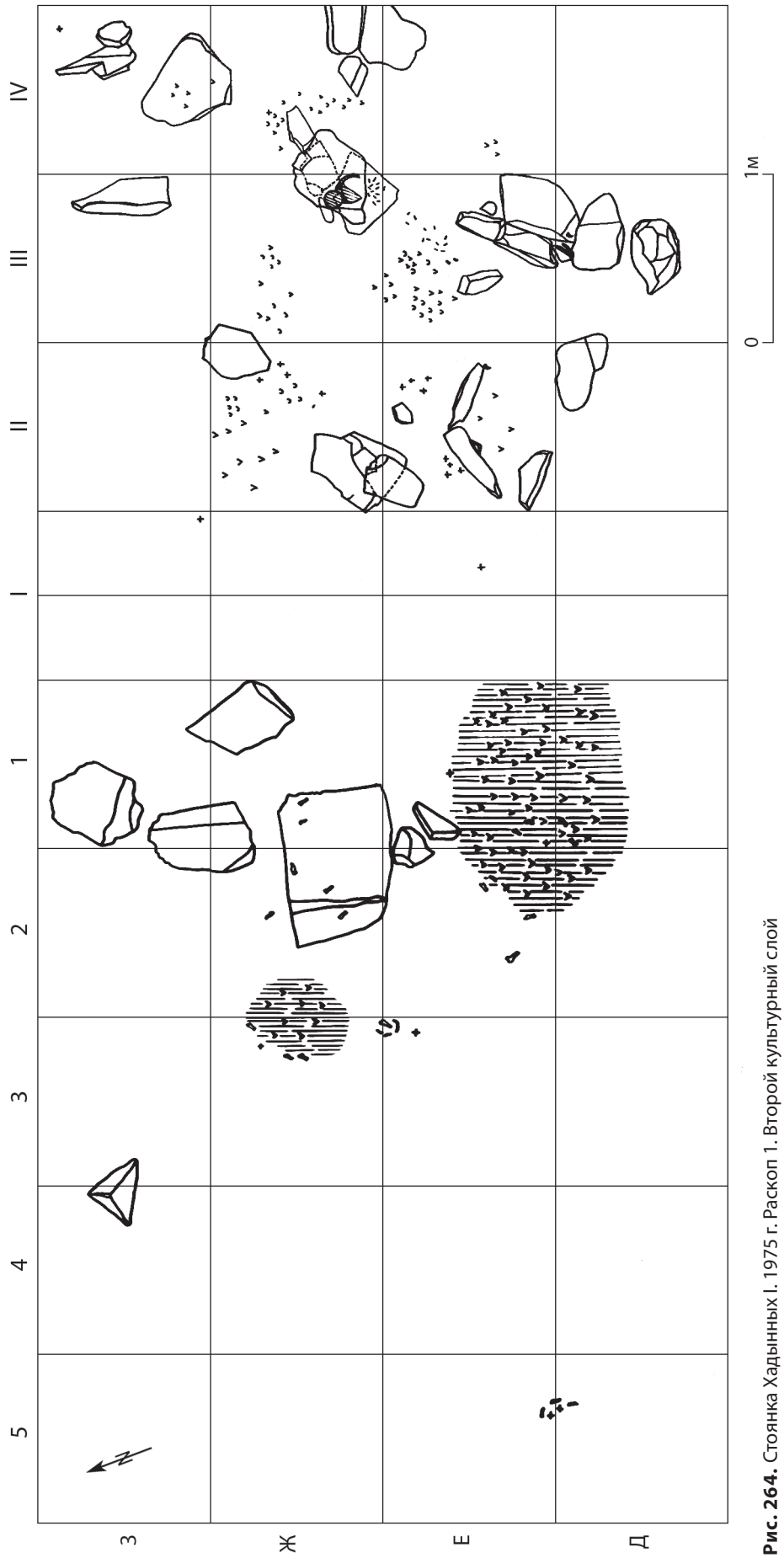


Рис. 264. Стоянка Хадынных I. 1975 г. Раскоп 1. Второй культурный слой

Рис. 265. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Второй культурный слой. Стела в кв. III-E

Рис. 266. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Второй культурный слой. Трехстенный ящик

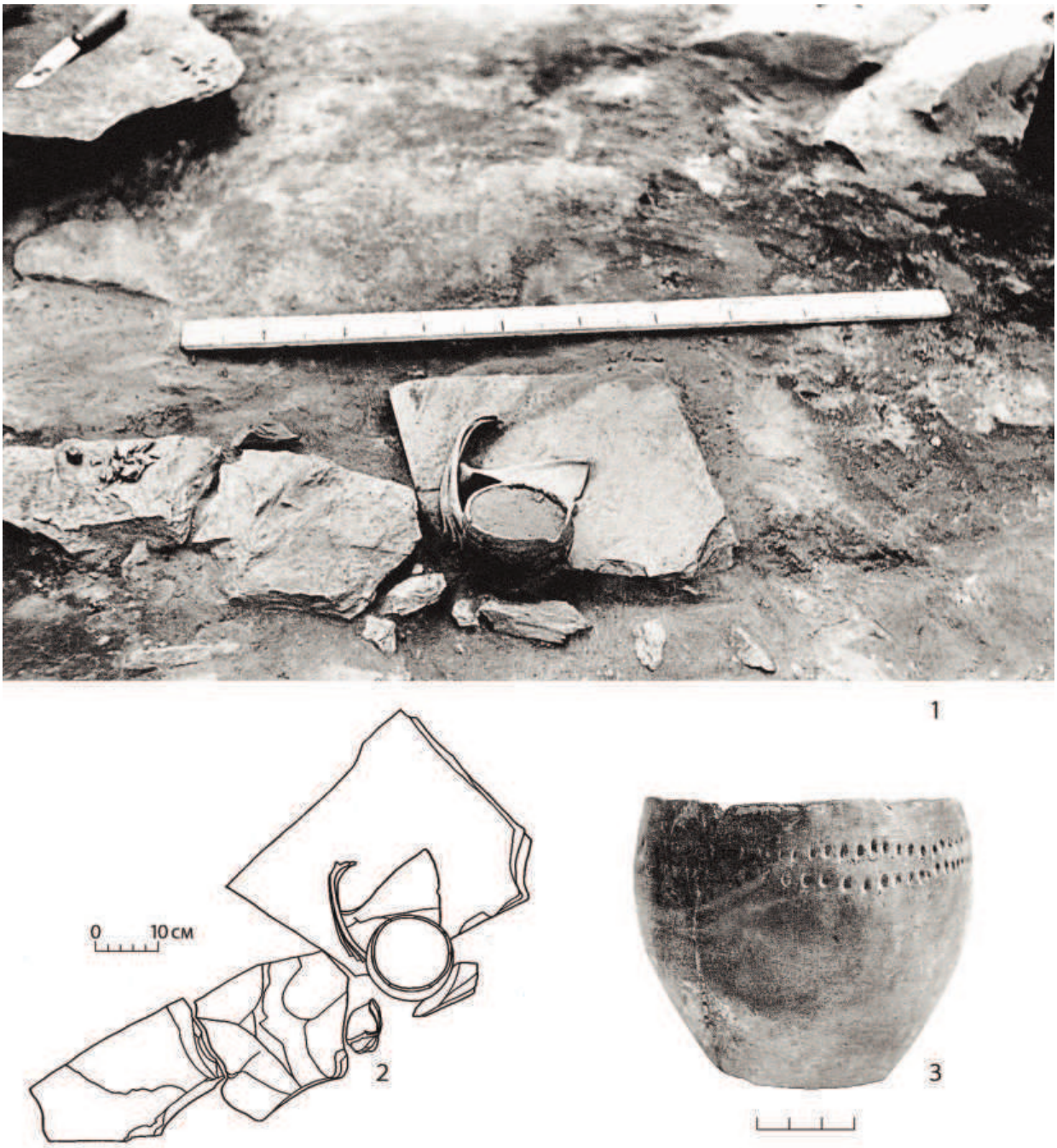


Рис. 267. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Второй культурный слой. Погребение по обряду трупосожжения в кв. III-IV-Е-Ж: *1* — фото; *2* — план; *3* — глиняный сосуд

Наибольший интерес представляет ***третий культурный слой*** (рис. 269–279), в котором были найдены орудия из камня и керамика, которую теперь можно уверенно отнести к афанасьевской и окуневской культурам (подобная керамика была обнаружена в пятом и шестом культурных слоях Тоора-Даша).

Этот слой вскрыт на площади 96 кв. м (рис. 269). Он имел мощность от 0,25 до 0,3 м. Верхние 10 см слоя окрашены в светло-коричневый цвет. В этой части слоя обнаружено несколько фрагментов керамики без орнамента, слабые зольники, кости животных. На глубине 0,1–0,15 м от поверхности слой окрашен в интенсивный темно-коричневый цвет с большим числом золистых пятен и четырьмя очагами. Очаг № 1 имел ограждение из четырех продолговатых камней — его диаметр около 0,5 м (рис. 270; 271). Очаг № 2 не был

огорожен, но его дно выложено плоскими сланцевыми плитками. Очаги № 3 и № 4 имели ограждение из камней — их диаметр не более 0,5 м (рис. 272; 273). Все четыре очага находились на расстоянии 1,5–2 м один от другого и образовывали неправильный четырехугольник. Здесь залегали почти все обнаруженные изделия из камня и керамика. По всей площади раскопа рассеяны обломки скал. Третий культурный слой подстилают речные отложения белого цвета, под которыми залегает четвертый культурный слой.

Четвертый культурный слой имел отчетливую темно-коричневую окраску и залегал под белыми суглинистыми отложениями. Его мощность 0,15–0,25 м. Вокруг очажных пятен в кв. Е-10 и 3-7 находились расколотые гальки и галечные отщепы. По всему слою в небольшом количестве встречались кости животных.

В этом слое обнаружено всего два фрагмента керамики, орнаментированной оттисками мелкозубчатого штампа, кремневый скребок и заготовка наконечника стрелы. В юго-восточном направлении по кв. Д-1-Е-1 слой выклинивается, в раскопе 1975 г. он отсутствовал.

Четвертый культурный слой подстилался речными супесями белого цвета. Он являлся последним из вскрытых культурных слоев в раскопе 1.

Раскоп 2, исследованный в 1975 г., площадью 36 кв. м был расположен приблизительно в 50 м к юго-востоку от раскопа 1 (рис. 261; 280–282). Между раскопами 1 и 2 находилась осыпь. Выбор места для раскопа 2 был продиктован находившимися здесь изображениями оленя с древовидными рогами и двух козлов, выбитыми на вертикальной поверхности скалы на высоте около 0,5 м над древней поверхностью (рис. 281). Раскоп размещен так, что скала с изображениями являлась продолжением его северо-восточной стенки.

В соответствии с рельефом местности квадраты, входившие в план раскопа, получили буквенные обозначения от Ж до М в направлении с северо-востока на юго-запад (от скал к реке) и цифры от 11 до 16

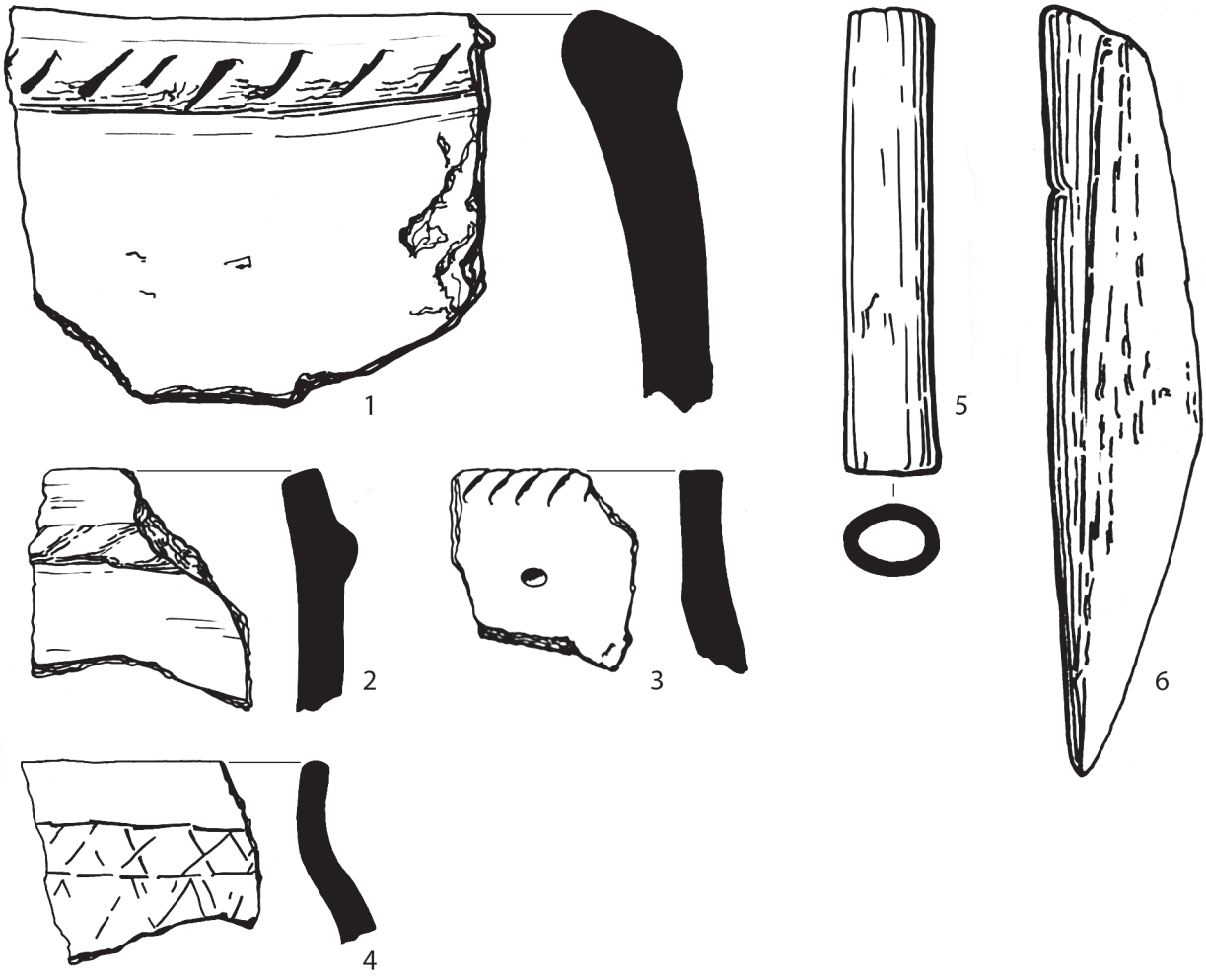


Рис. 268. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Второй культурный слой. Находки (*1–4* — керамика; *5* — кость; *6* — рог)

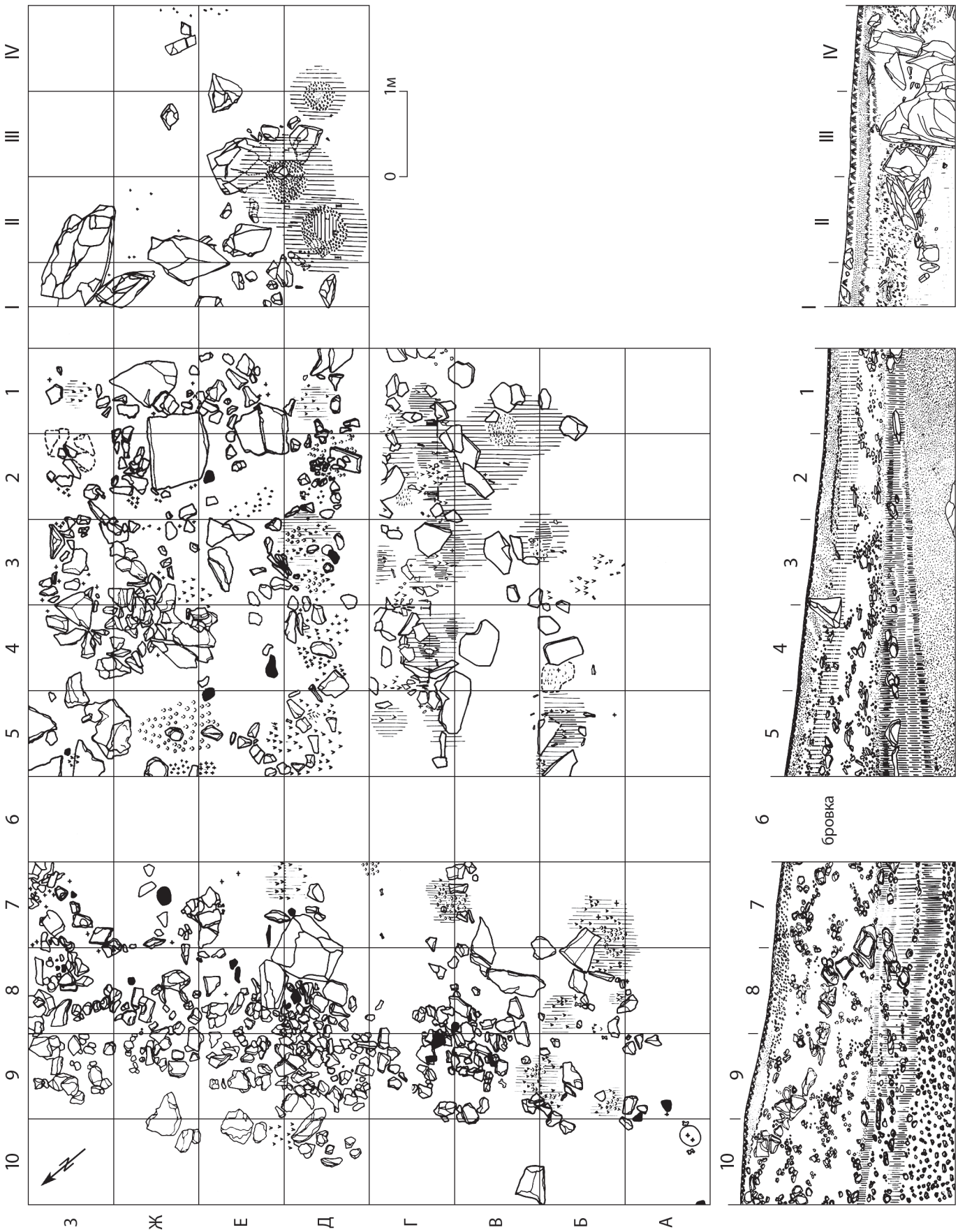


Рис. 269. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. План третьего культурного слоя. Северо-восточная бровка раскопа

Рис. 270. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Третий культурный слой. Очаг № 1

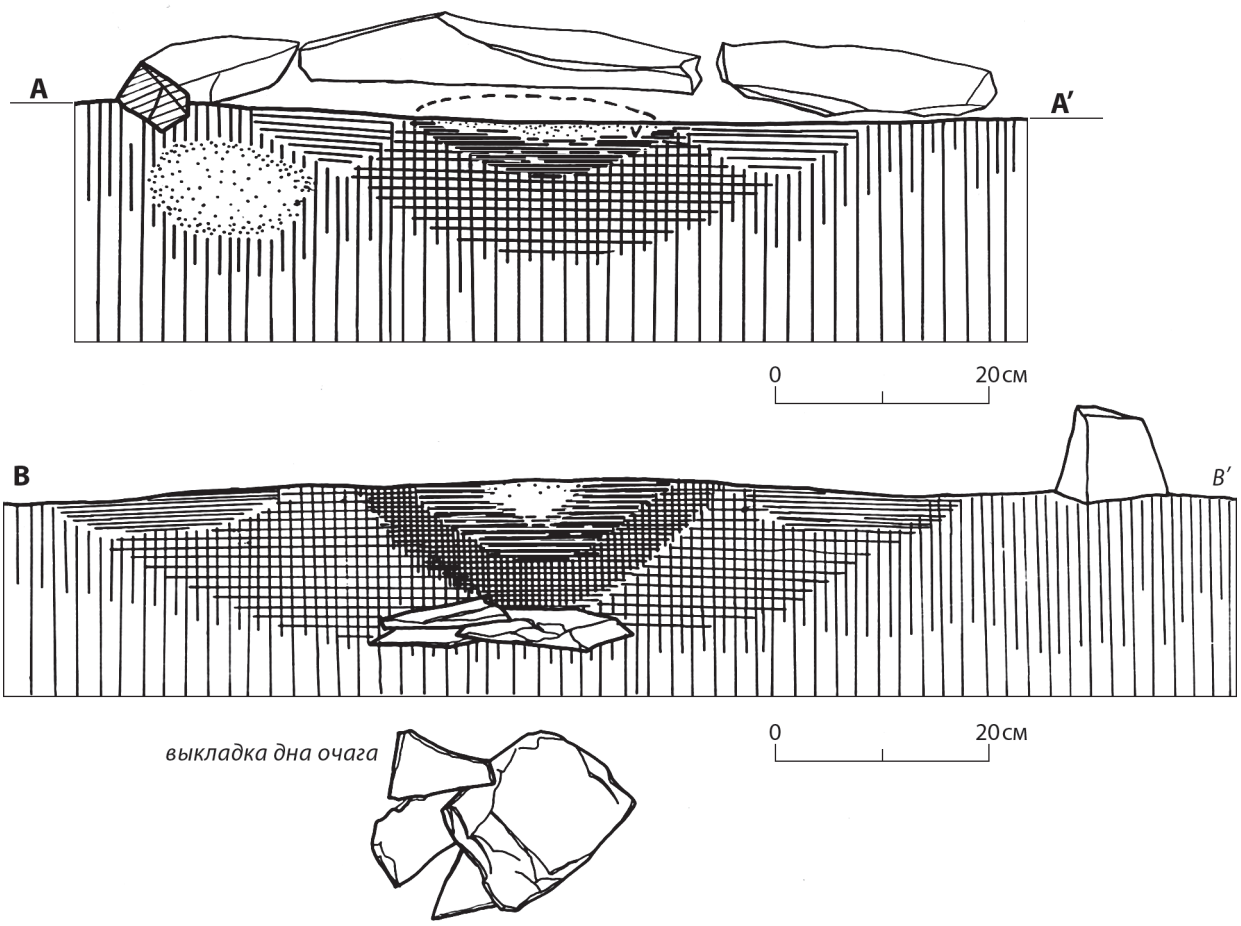


Рис. 271. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Третий культурный слой. Разрез очагов № 1 и № 2

с северо-запада на юго-восток (вдоль края береговой террасы).

Северо-восточный угол раскопа почти полностью сложен щебеночными отложениями. Культурные слои здесь не прослеживаются. В целом культурные слои, связанные с речными отложениями, имеют тенденцию к понижению в направлении с севера на юг. Некоторые из них выклиниваются и не прослеживаются на протяжении, например, восточной стенки раскопа.

Стратиграфия раскопа 2 стоянки Хадынных I (рис. 280; 282)

№	Слой	Мощность (м)
1	Дерновый слой	до 0,1
2	Песок светлый	0,1
3	Песок темный (**первый культурный слой**)	0,1
4	Супесь осветленная	0,15
5	Песок темный с гравием (**второй культурный слой**)	0,2
6	Песок светло-серый	0,1
7	Супесь светлая	0,15
8	Супесь темная (**третий культурный слой**)	0,05
9	Супесь светло-серая	0,2
10	Супесь светло-коричневая (**четвертый культурный слой**)	0,25
11	Суглинок желтый	0,05
12	Суглинок коричневый (**пятый культурный слой**)	0,25
13	Суглинок белый	

Всего в раскопе 2 выделено пять культурных слоев.

Первый культурный слой залегал на глубине 0,2–0,4 м под прослойкой светлого речного песка. Этот слой был разделен осветленной прослойкой на два горизонта. В верхнем горизонте слоя обнаружены зольные пятна, обломки обгоревшего дерева, кости животных и 29 фрагментов керамики (рис. 283). В нижней части слоя найдено 30 фрагментов керамики, прослеживаются слабые зольные пятна, встречались кости животных. Однородность керамического материала позволила рассматривать этот слой, разделенный на два горизонта, как однокультурный. Вся керамика не имеет орнамента, край венчика округлый, черепки толстые, довольно рыхлые, фрагментов днищ не обнаружено (рис. 284). Он может быть датирован предмонгольским временем. Найденные здесь кости животных принадлежали лошади, корове, овце, козерогу и косуле.

Рис. 272. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Третий культурный слой. Очаг № 4

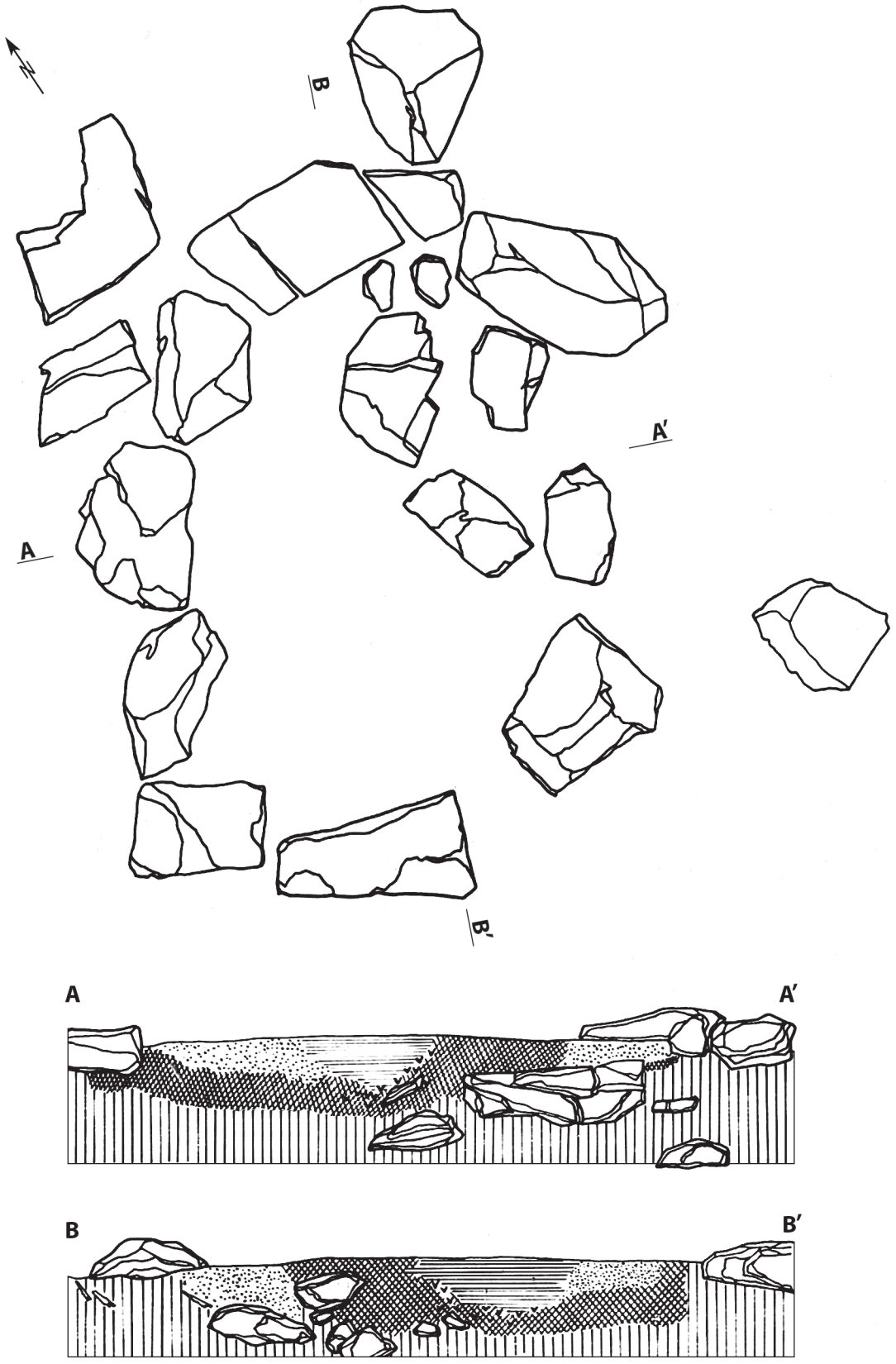


Рис. 273. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Третий культурный слой. План и разрез очага № 4

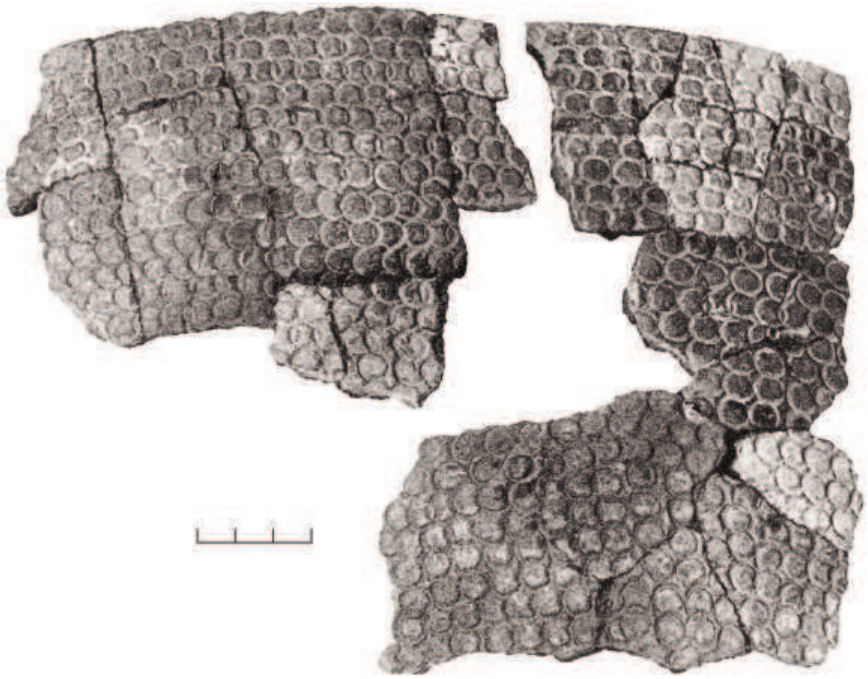


Рис. 274. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Третий культурный слой. Керамика (№ 5 на рис. 275)

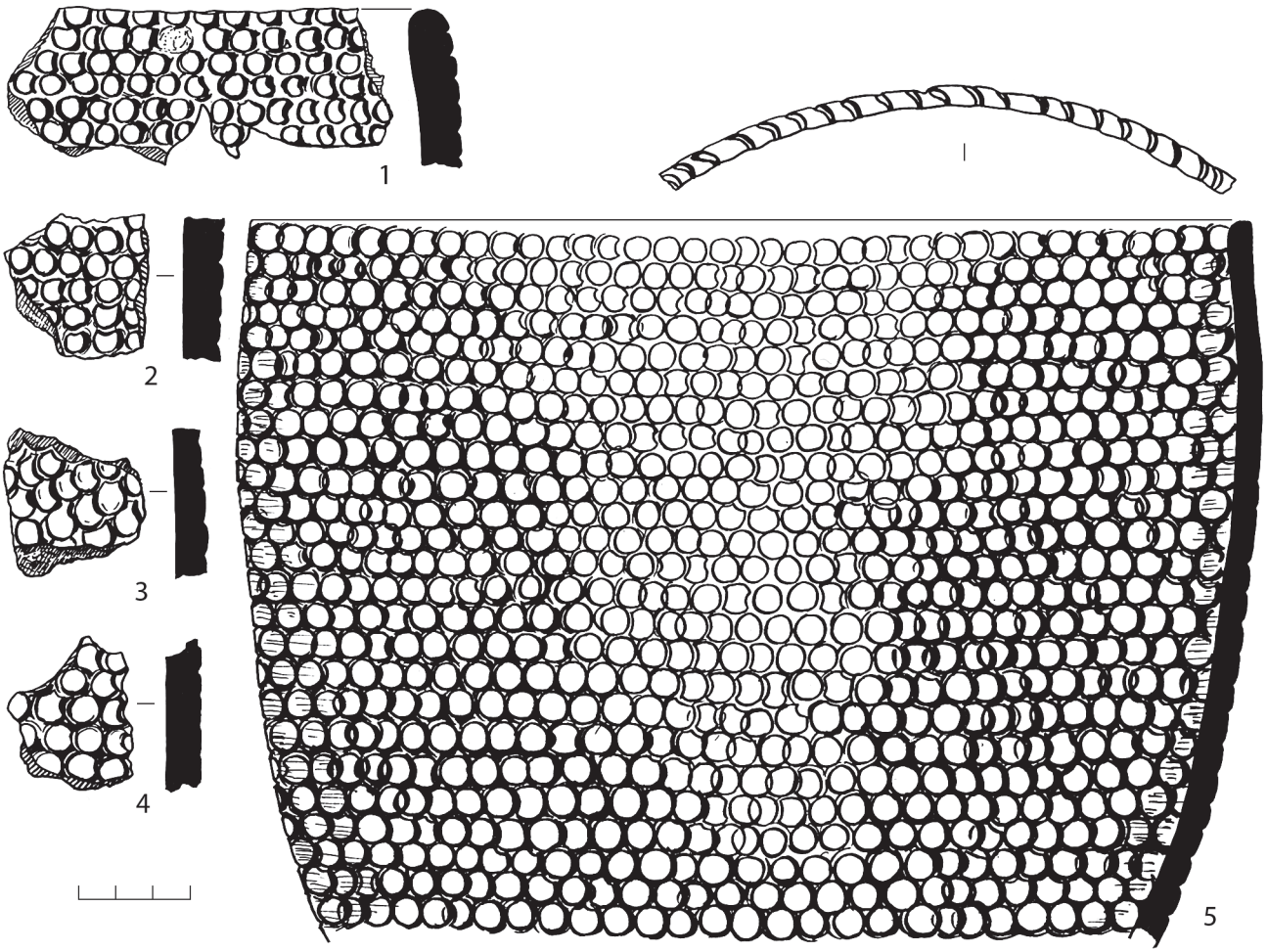


Рис. 275. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Третий культурный слой. Керамика

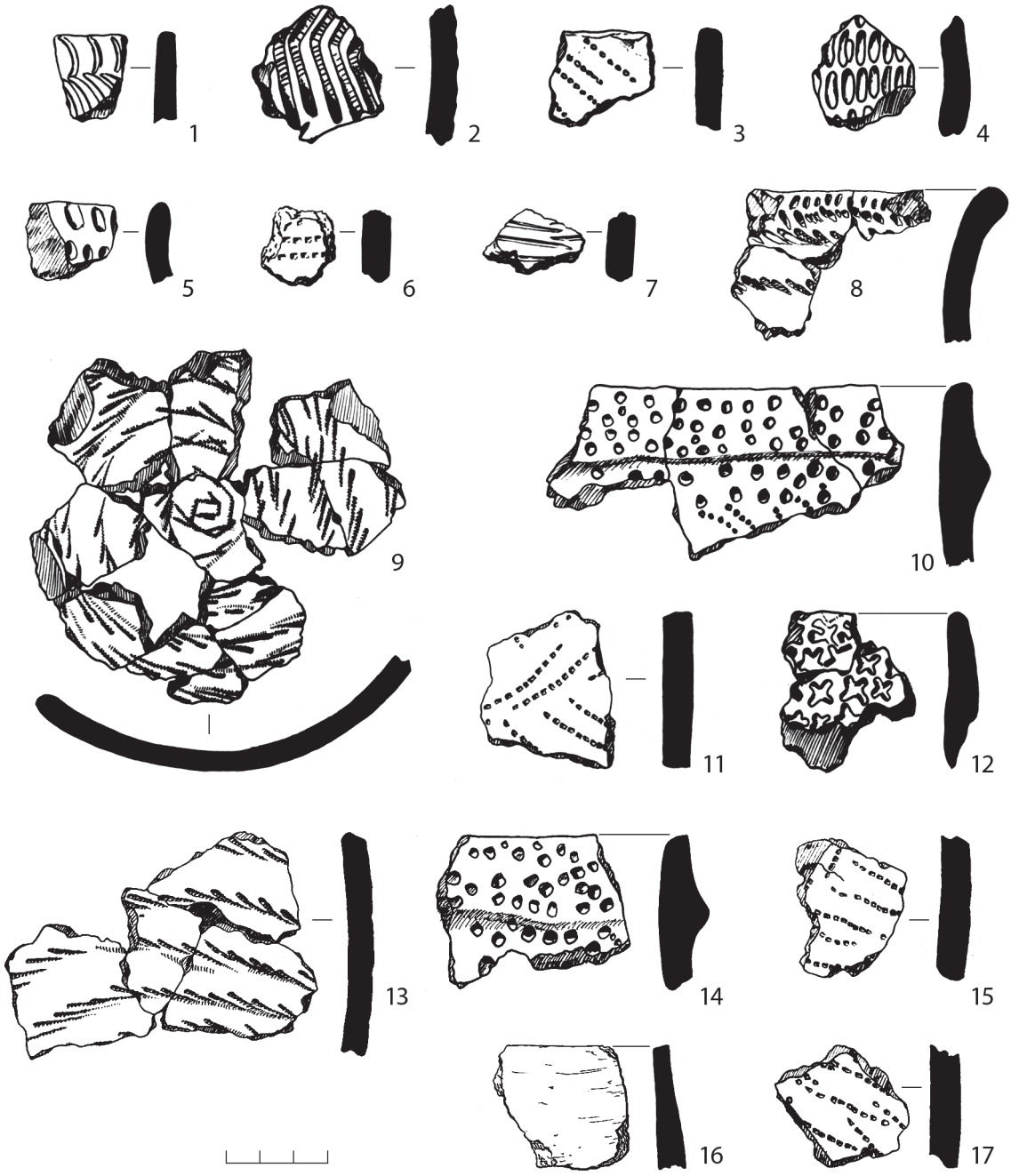


Рис. 276. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Третий культурный слой. Керамика: *1, 2, 4, 5, 7, 12, 16* — неопределимая; *3, 8, 9, 13* — афанасьевской культуры; *6, 10, 11, 14, 15, 17* — окуневской культуры

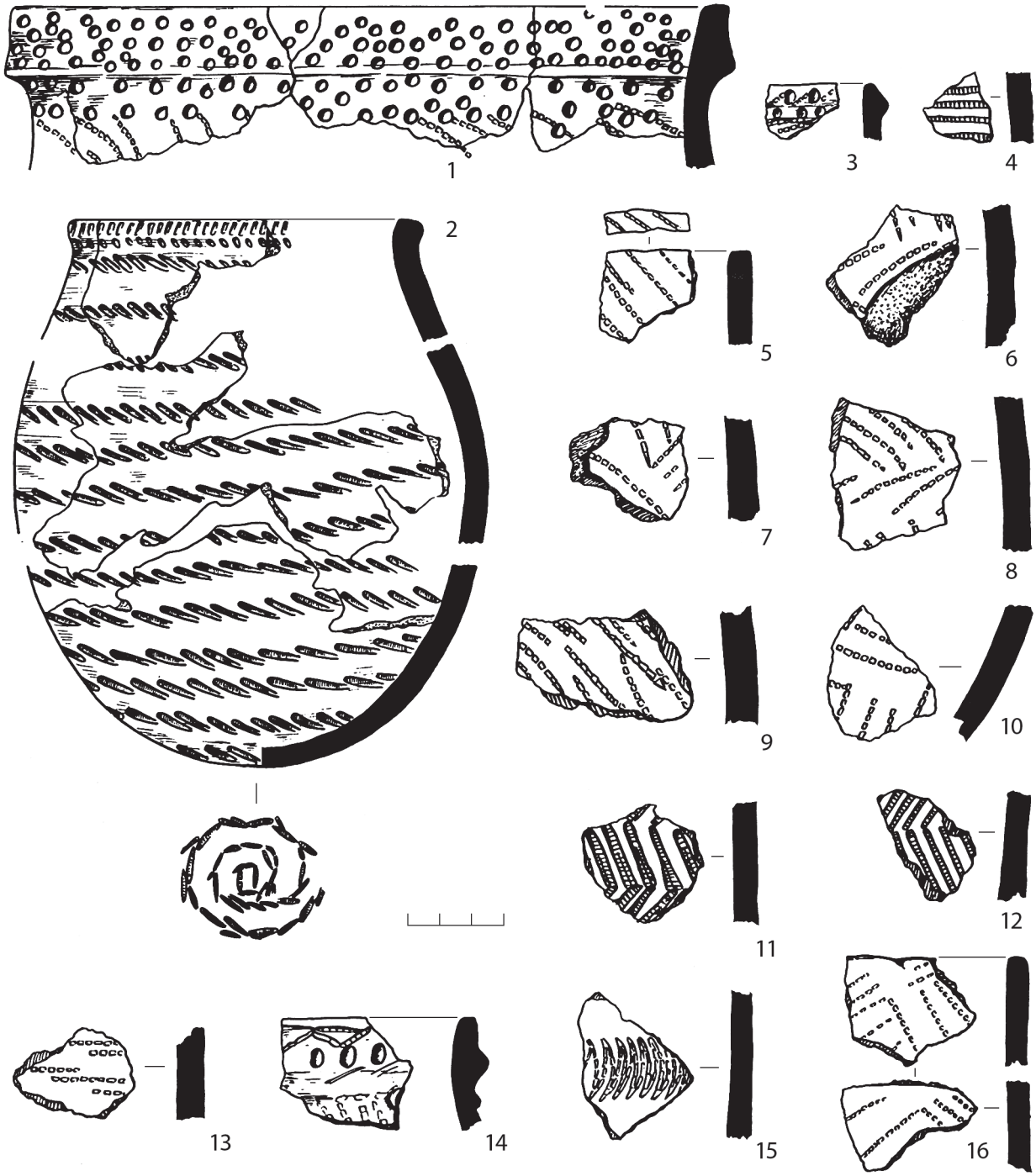


Рис. 277. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Третий культурный слой. Керамика: *1, 5–10, 13, 16* — окуневской культуры; *2* — реконструкция сосуда афанасьевской культуры; *3, 4, 11, 12, 14, 15* — неопределимая

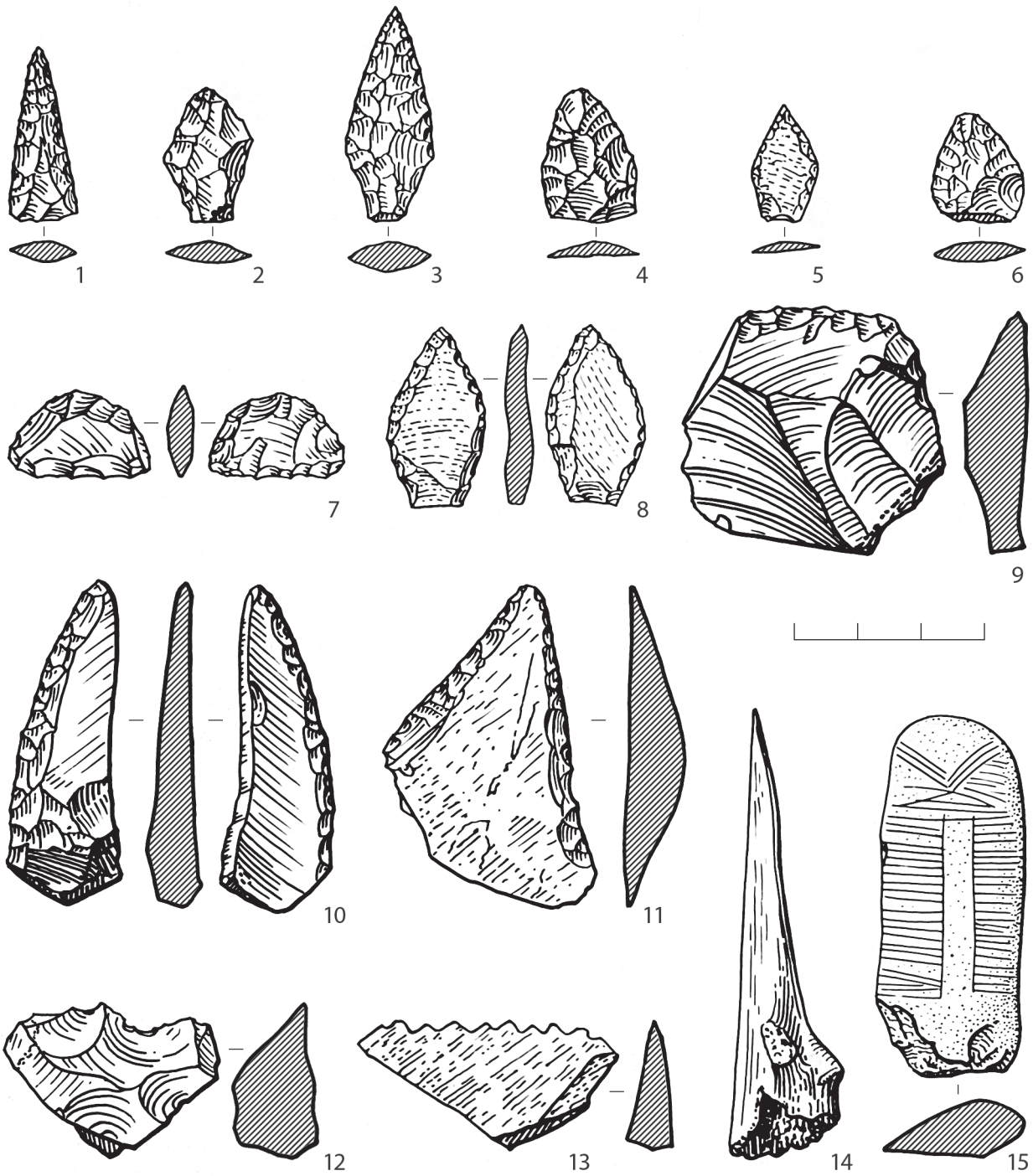


Рис. 278. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Третий культурный слой. Находки (*1–13, 15* — камень; *14* — кость)

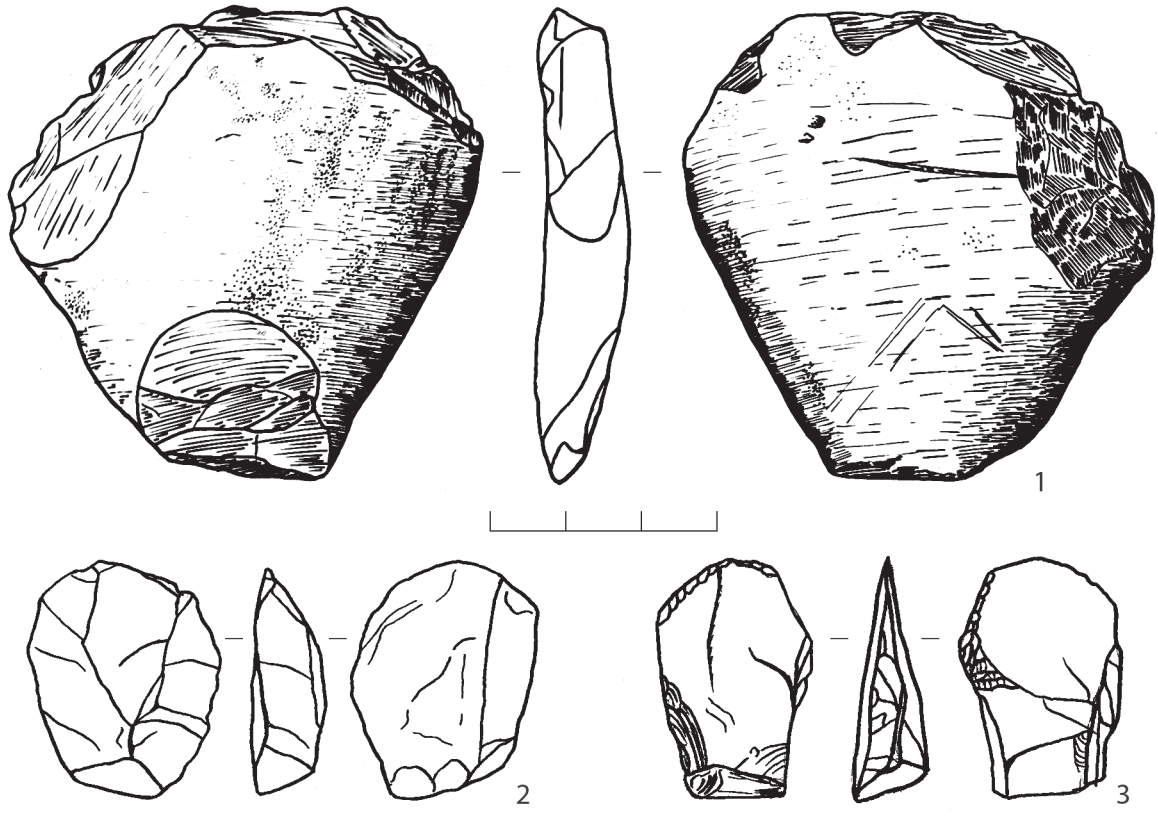


Рис. 279. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Третий культурный слой. Каменные орудия: *1* — галечное скребло; *2, 3* — скребки на галечных отщепах

Под первым культурным слоем залегал чистый речной песок, перекрывающий на глубине приблизительно 0,7 м от дневной поверхности прослойку песка черного цвета. Помимо песка этот ***второй культурный слой*** был отделен от вышележащего обломками скал и щебня. В нем открыто четыре каменных ящика, вероятно, это всего лишь небольшая часть могильника с погребениями по обряду трупосожжения (рис. 285–290). Все сооружения имели ориентацию юго-запад — северо-восток, кроме незначительного отклонения сооружения 4. Найденная в ящиках керамика имеет таштыкский облик.

Сооружение 1 является четырехстенным каменным ящиком (рис. 286). Оно находилось в юго-восточном углу раскопа и было, вероятно, изначально пустым. Это сооружение поставлено на древней дневной поверхности без могильной ямы. Высота плит составляла около 0,5 м, длина 0,7 м и ширина 0,5 м. Толщина плит не превышала 3–5 см. Их боковые грани слегка подтесаны для более плотного соединения. Ящик немного врыт в землю для большей устойчивости.

Сооружение 2 — каменный ящик длиной 1,7 м (рис. 287, *1, 2*). Форма ящика трапециевидная. Северо-восточная стенка шириной 1 м, высотой около 0,7 м, юго-западная стенка шириной около 0,6 м. Боковые стенки ящика сложены из нескольких плит высотой около 0,5 м и толщиной 5–10 см. Ширина ящика в середине около 0,8 м. Глубина могильной ямы на 0,1–0,15 м меньше высоты плит. В заполнении ящика встречаются кости животных и мелкие угольки. На глубине приблизительно 0,3 м от верхнего края плит найдены остатки дерева, вероятно, разрушенное перекрытие погребения. Погребение совершено по обряду трупосожжения, остатки кремированных костей покойного помещены в северо-восточный угол ящика. Рядом был поставлен плоскодонный горшок с чуть отогнутым наружу венчиком и одним рядом наколов, опоясывающим его по едва намеченным плечикам. Высота горшка 12 см, диаметр венчика 11 см, диаметр дна 5 см, толщина стенок около 1 см, цвет керамики черный (рис. 287, *3*). Обнаруженное здесь сожжение принадлежит мужчине (определение сожжений произвела Г. М. Афанасьева).

Сооружение 3 было расположено в юго-западном углу раскопа (рис. 288). Его длина 2 м, ширина 1,2 м. Ящик сложен из 12 плит. Длина плит варьирует от 0,35 до 1 м, толщина в среднем 4–7 см, высота 0,4–0,6 м. Около северо-западного и юго-западного углов ящика сохранились горизонтально положенные плиты. Поверх этих плит на северо-западной стенке лежали семь плит перекрытия, которые первоначально находились

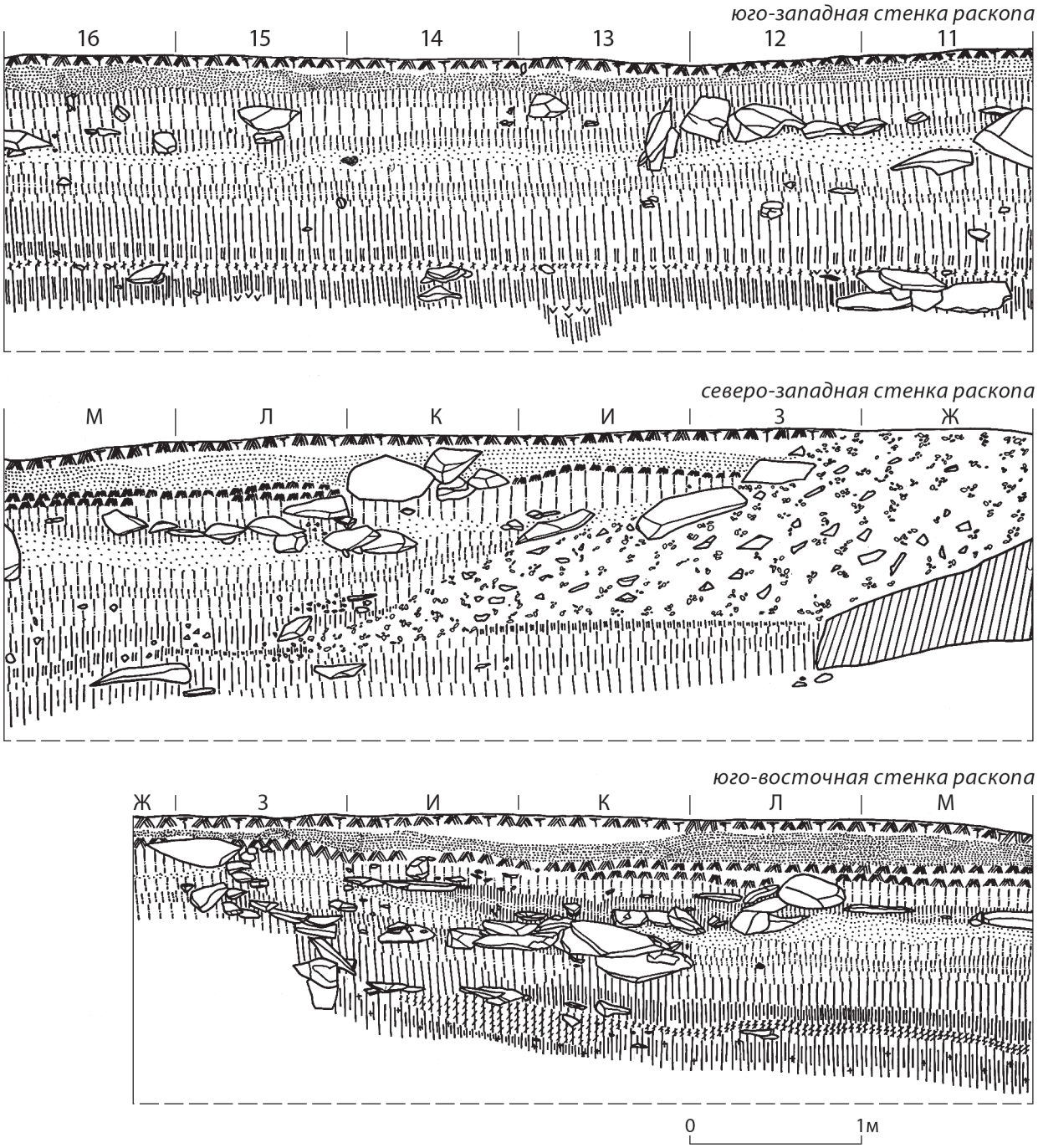


Рис. 280. Стоянка Хадынных I. Раскоп 2. Стратиграфия

Рис. 281. Стоянка Хадынных I. Раскоп 2. Петроглифы на скале между раскопами

Рис. 282. Стоянка Хадынных I. Раскоп 2. Вид с севера

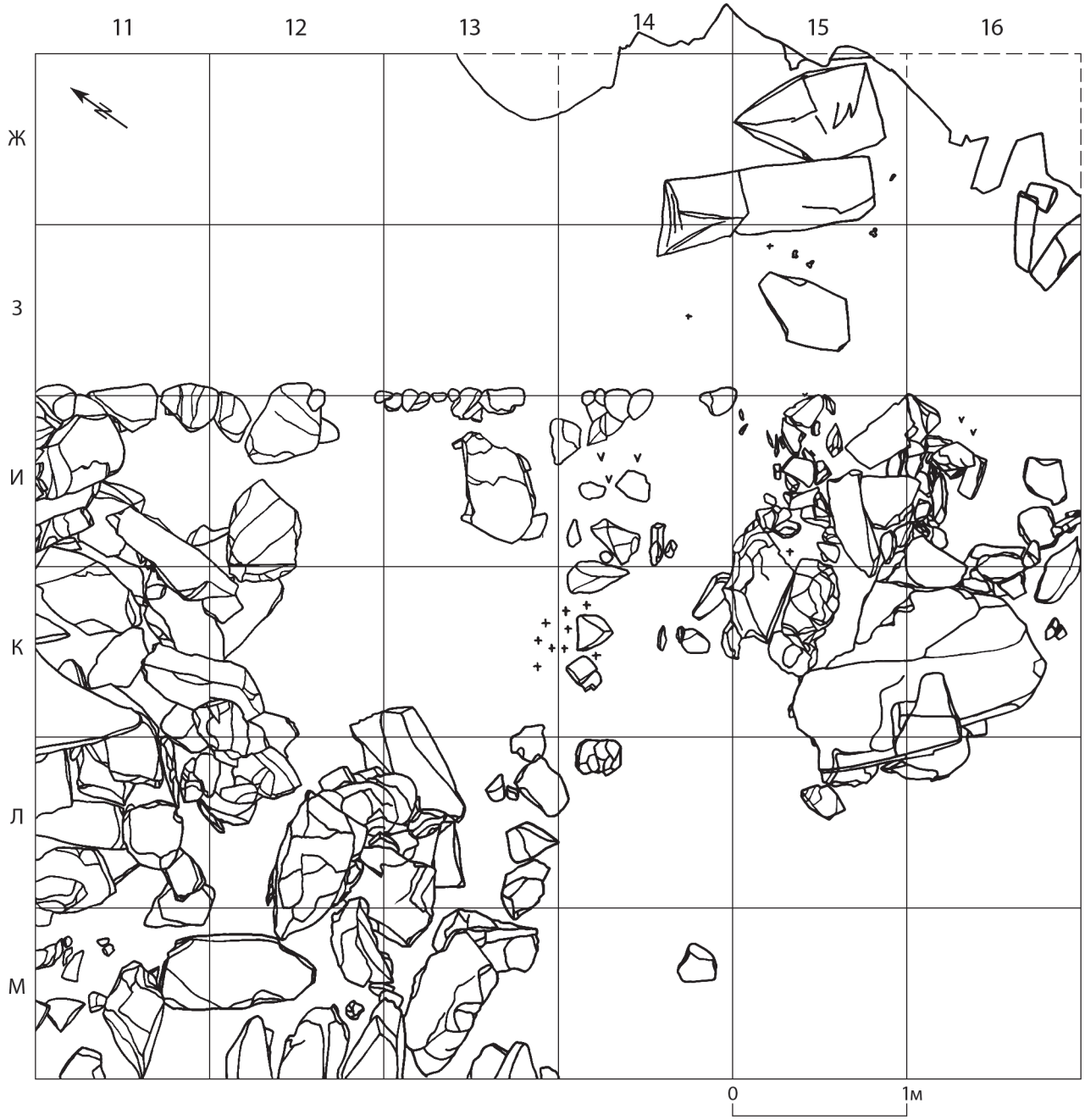


Рис. 283. Стоянка Хадынных I. Раскоп 2. Первый культурный слой. План раскопа

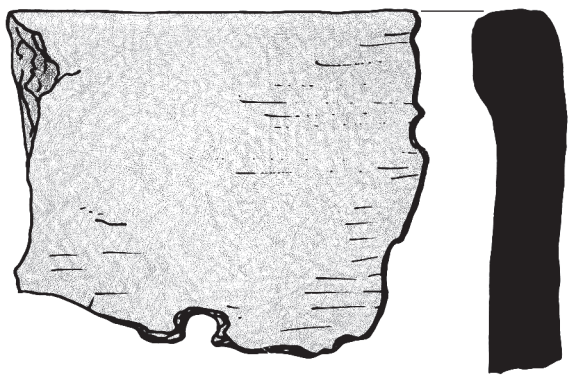


Рис. 284. Стоянка Хадынных I. Раскоп 2. Первый культурный слой. Керамика

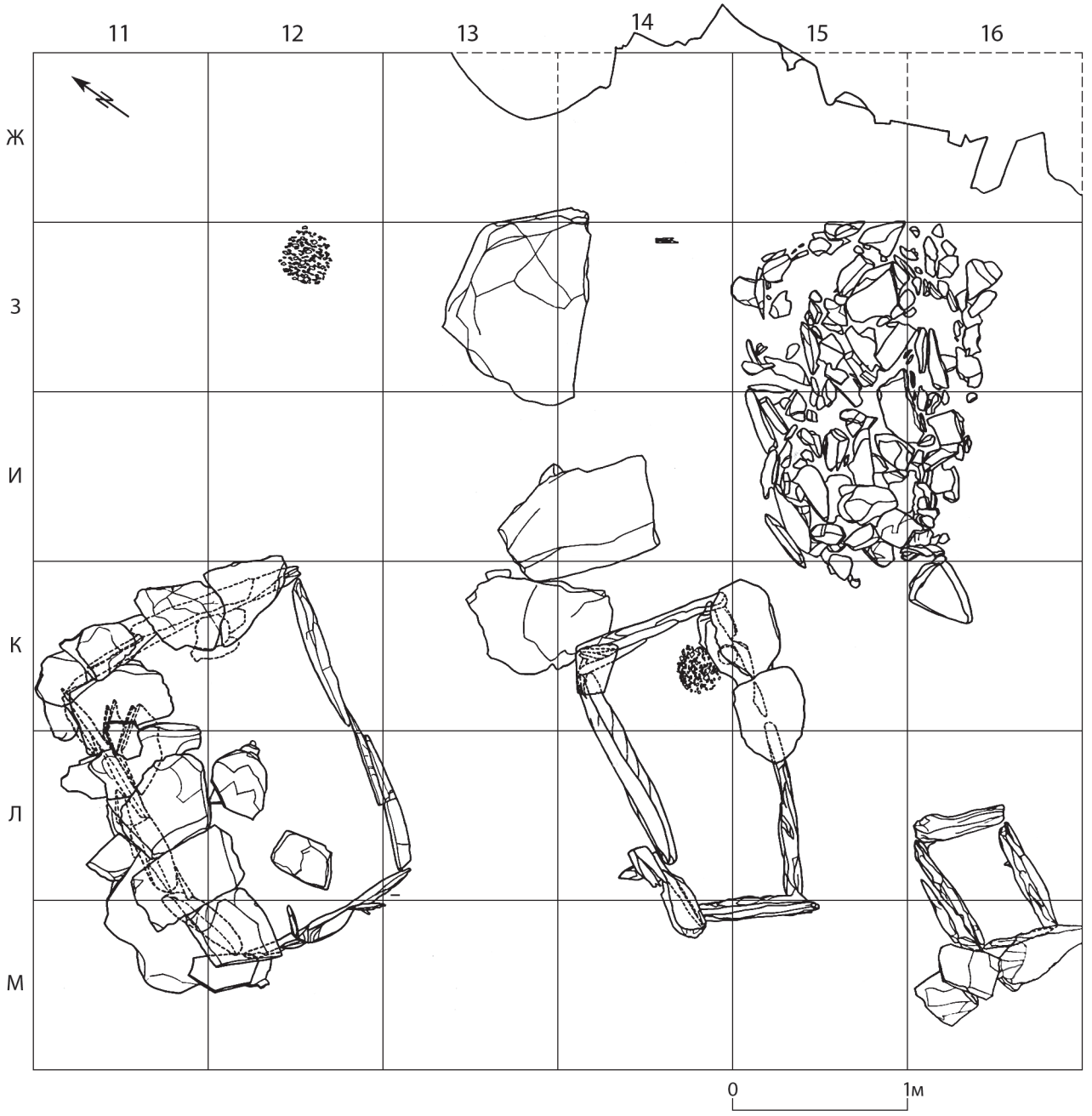


Рис. 285. Стоянка Хадынных I. Раскоп 2. Второй культурный слой. План погребальных сооружений

на деревянном настиле. Остатки сгнивших плах обнаружены под этими плитами. На дне могильной ямы находились кальцинированные остатки трех покойников, положенные на камни неправильных очертаний. Два сожжения располагались у северо-восточной стенки ящика и принадлежали мужчинам, третье — женское погребение — находилось почти в центре ящика, но ближе к юго-восточной стенке. В северо-западном углу ящика найден обломок витой железной цепочки из проволоки (рис. 290, *6*). В качестве жертвоприношения в могилу положена часть туши животного (шесть ребер разбросаны в северо-восточной части ящика). Здесь же найден фрагмент керамики, орнаментированный оттисками гребенчатого полулунного штампа.

Сооружение 4, сложенное из мелких камней прямо на древней дневной поверхности, имеет так же, как и сооружение 2, трапециевидные очертания (рис. 289). Северо-восточная сторона сооружения имеет ширину около 1,5 м, тогда как юго-западная — не более 1 м. Длина сооружения 2 м. Стенки гробницы были первоначально сложены из мелких плит, деревянный настил также был покрыт камнями, и когда сгнил, камни провалились внутрь камеры, образовав вытянутое

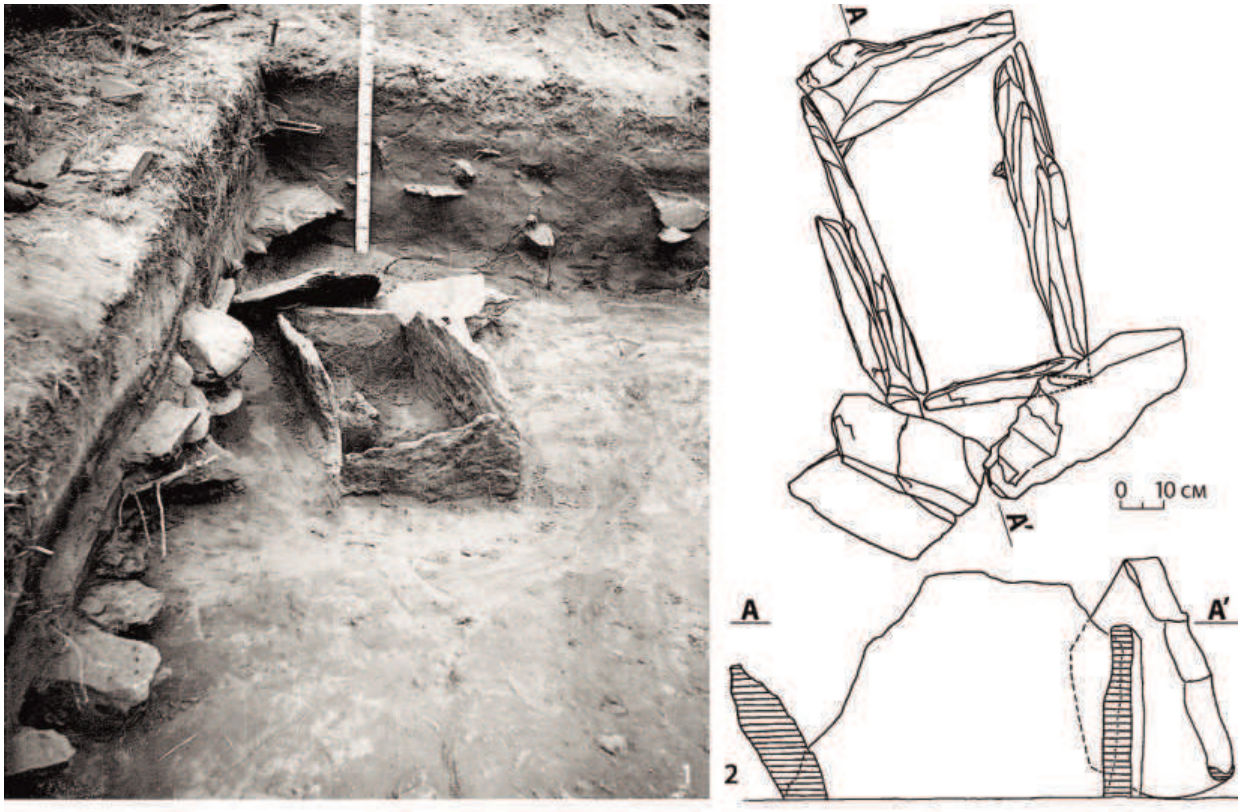


Рис. 286. Стоянка Хадынных I. Раскоп 2. Второй культурный слой. Сооружение 1. Общий вид

углубление. Трупосожжение, принадлежавшее мужчине, находилось примерно в середине камеры, ближе к северо-восточной стенке. Рядом с сожжением найден фрагмент керамики, подобный тому, что и в ящике № 3 (рис. 290, *5*). С северо-западной стороны могилы лежали четыре костяных предмета очень плохой сохранности, возможно, наконечники стрел (рис. 290, *1–4*). Кроме костяных предметов, между ящиками обнаружено 30 фрагментов керамики без орнамента, а также более 200 обломков костей животных — коровы, лошади, мелкого рогатого скота и благородного оленя.

Каменные ящики впущены в отемненные супеси (***третий культурный слой***), в которых встречено 18 фрагментов керамики. Из всех этих фрагментов выразительны только три (рис. 291, *1–3*). Один имеет округлый край и ряд ямок, выдавленных круглым концом орнаментира тремя см ниже венчика (рис. 291, *2*), на другом фрагменте черного цвета проходило острое ребро также немного ниже ровно срезанного края венчика (рис. 291, *1*). Третий фрагмент, с едва прослеживаемым переходом к плоскому дну, был покрыт горизонтальными расчесами (рис. 291, *3*). В целом керамика из третьего слоя не выглядит более ранней, чем керамика из второго культурного слоя.

Четвертый культурный слой сильно переотложен, и лишь у юго-западной стенки найдено несколько обломков керамики с зубчатой орнаментацией, выполненной гребенчатым штампом, насечками, ямочными вдавлениями. Эта керамика близка керамическому комплексу третьего слоя в раскопе 1.

Пятый культурный слой содержал около двух десятков кремневых чешуек и два фрагмента керамики. Этот слой подстилается чистыми речными отложениями. Незначительное число находок из четвертого и пятого культурных слоев объясняется тем, что терраса в этой части подверглась сильному разрушению со стороны реки.

***

К эпохе бронзы относятся материалы, полученные из третьего слоя раскопа 1 и четвертого и пятого слоев раскопа 2.

В третьем слое раскопа 1 найдено более 300 фрагментов керамики и около 200 предметов из камня. Как уже говорилось выше, этот слой содержал смешанный материал, часть которого, главным образом керамика, может быть отнесена к афанасьевской культуре, часть — к окуневской. Что касается каменного инвентаря, то здесь установить культурную атрибуцию несколько сложнее, но все же благодаря материалам, полученным

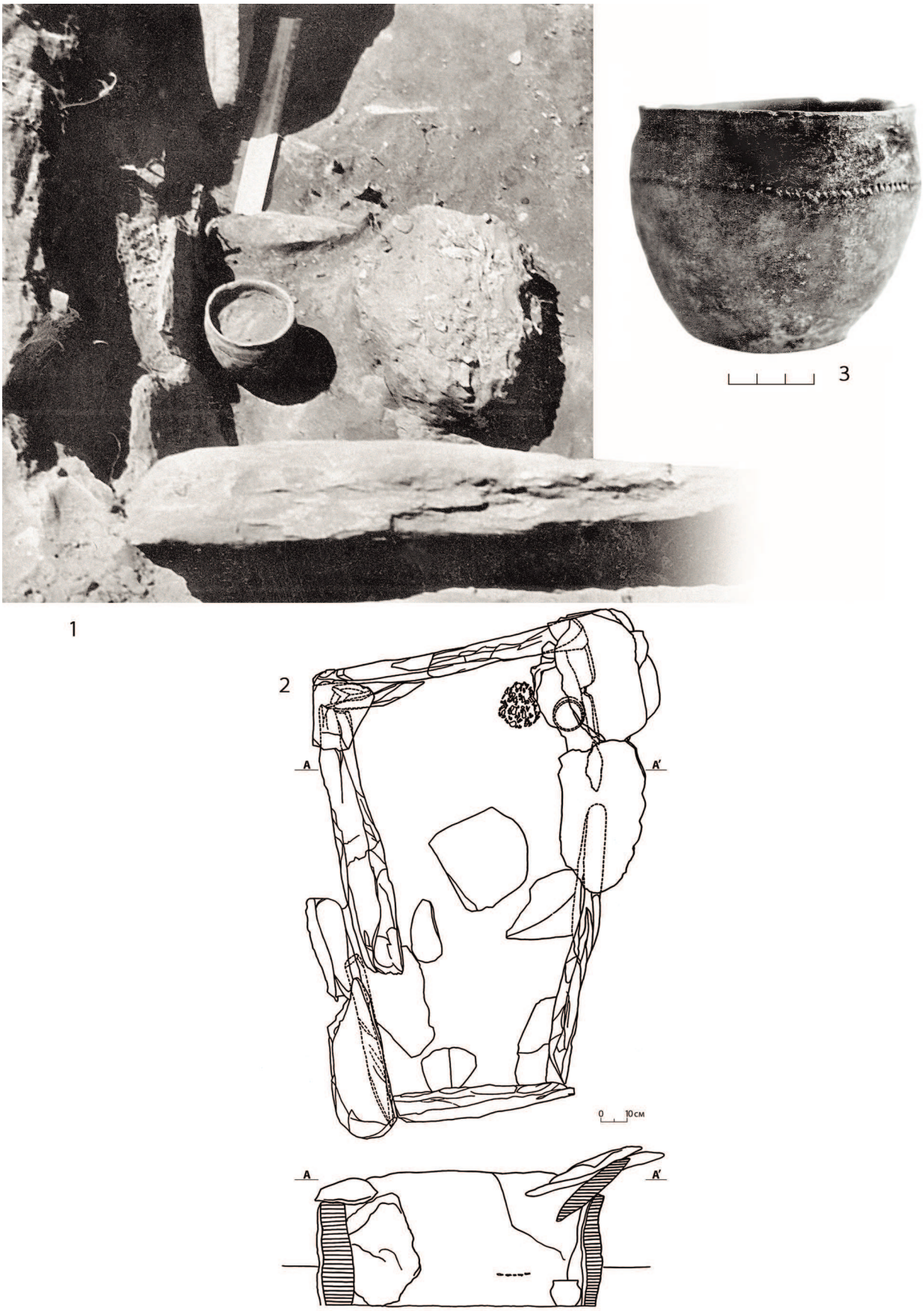


Рис. 287. Стоянка Хадынных I. Раскоп 2. Второй культурный слой. Сооружение 2: *1* — фото; *2* — план и разрез; *3* — глиняный сосуд

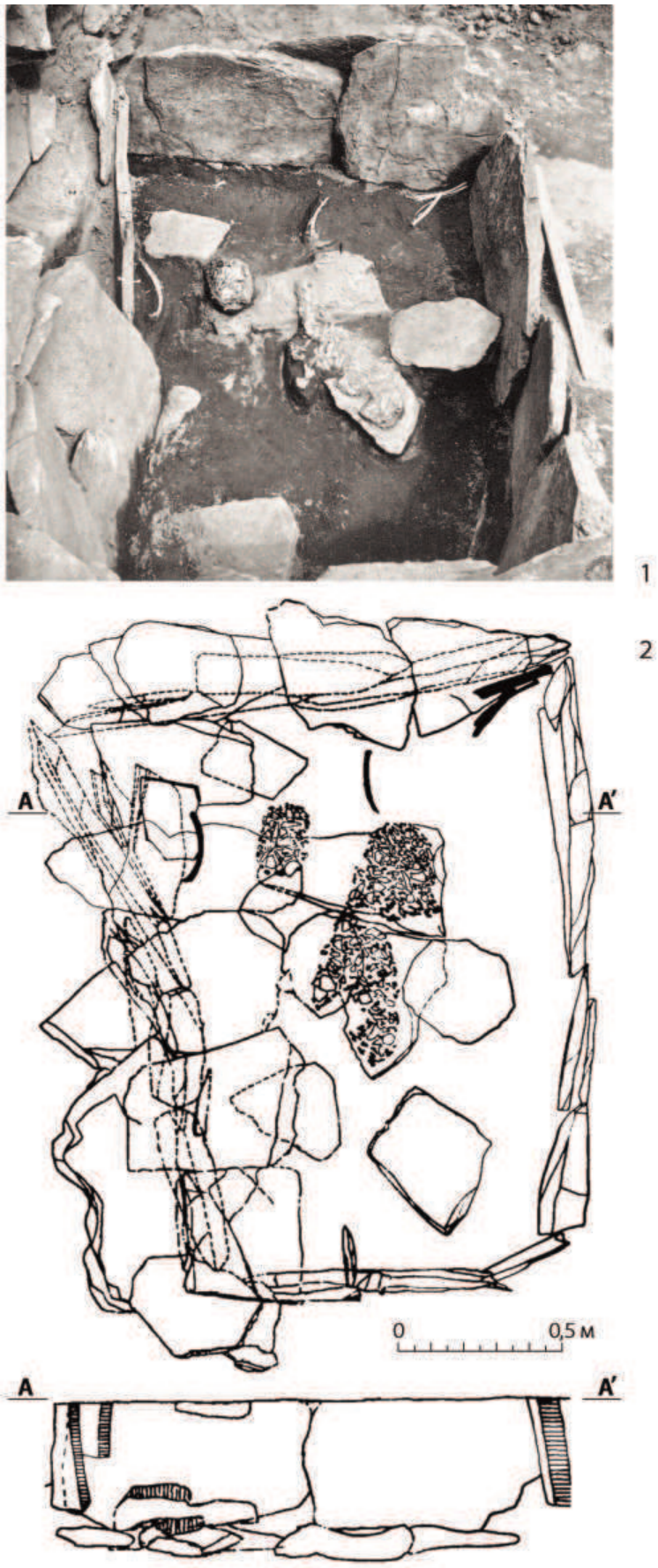


Рис. 288. Стоянка Хадынных I. Раскоп 2. Второй культурный слой. Сооружение 3: *1* — фото; *2* — план и разрез

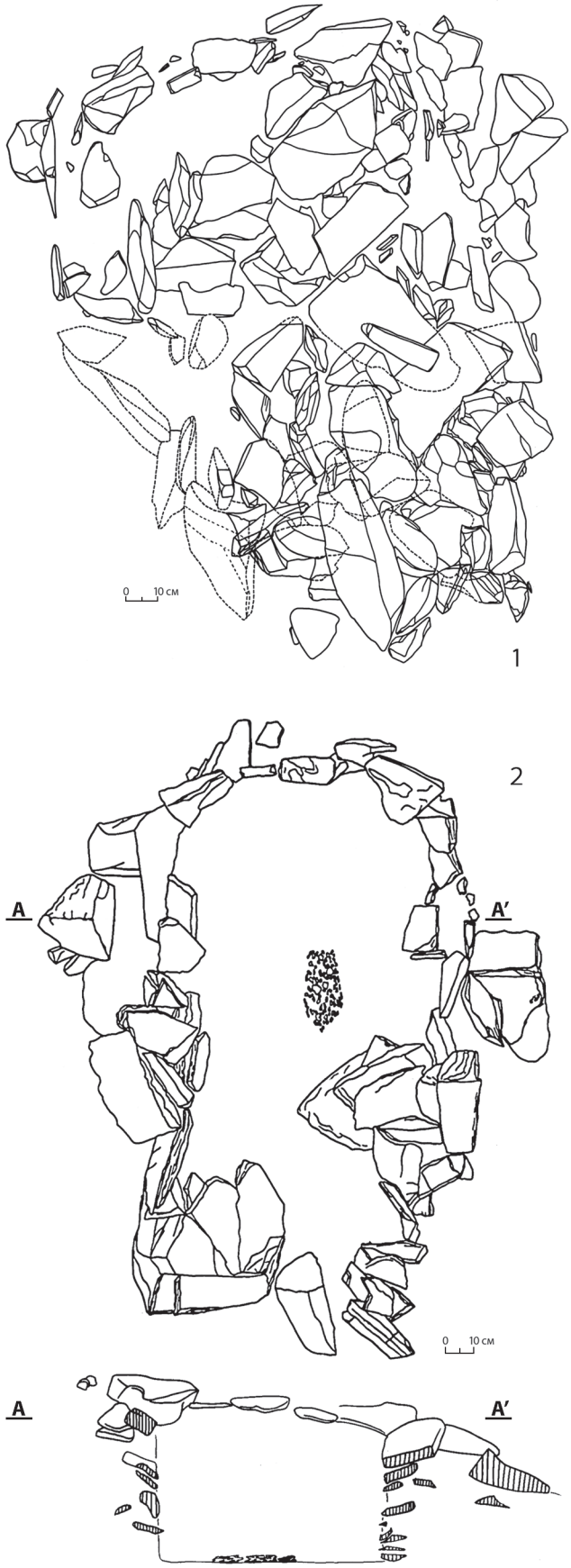


Рис. 289. Стоянка Хадынных I. Раскоп 2. Второй культурный слой. Сооружение 4: *1* — до разборки; *2* — после разборки

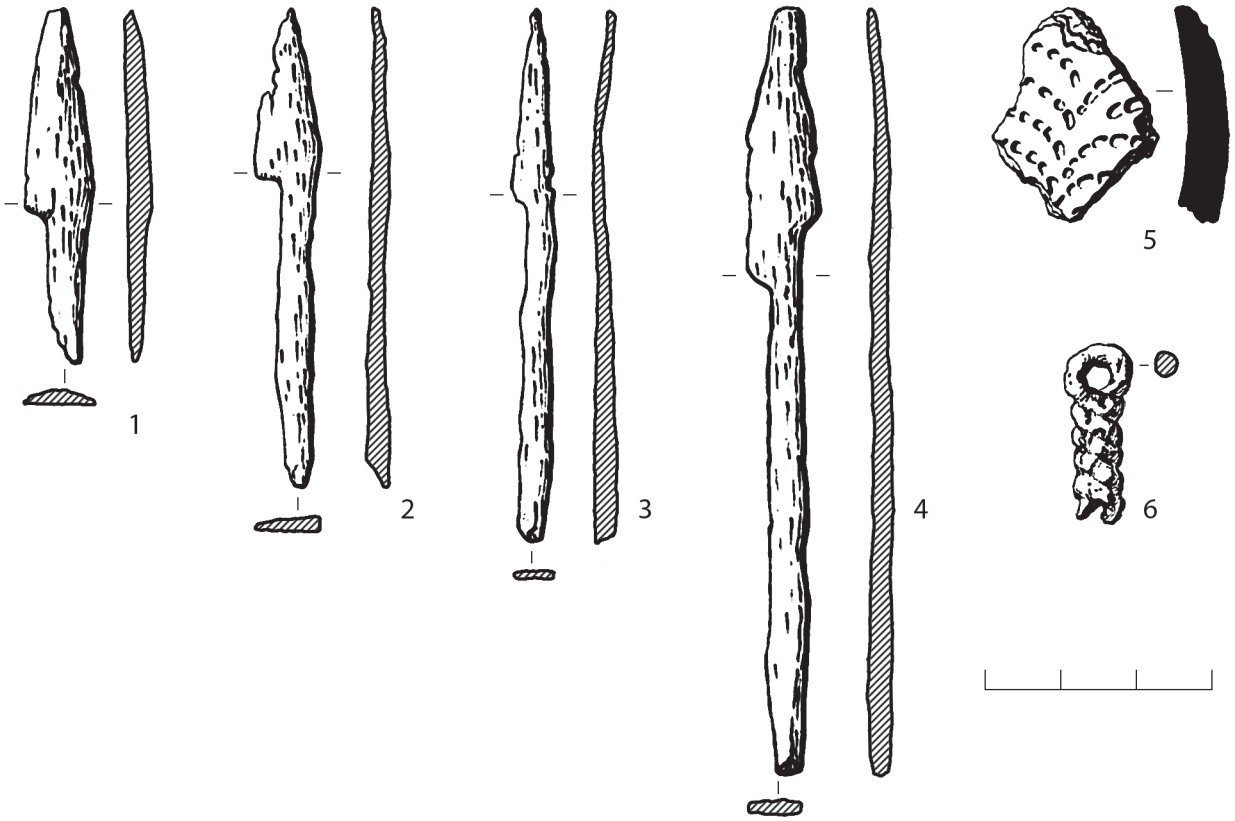


Рис. 290. Стоянка Хадынных I. Раскоп 2. Второй культурный слой. Находки из сооружения 4 (*1–5*) и сооружения 3 (*6*): *1–4* — костяные (роговые?) изделия; *5* — керамика; *6* — звено железной цепочки

из соответствующих слоев стоянки Тоора-Даш, стало возможным определение культурной принадлежности каменных наконечников стрел.

К афанасьевской культуре можно уверенно отнести более 70 фрагментов от одного сосуда серого цвета, орнаментированного оттисками мелкого гребенчатого штампа, горизонтально опоясывающего тулово сосуда и заканчивающегося на округлом дне в виде спирального узора. Венчик этого сосуда чуть отогнут наружу, а его край рассечен вдавлениями штампа. Под краем проходят еще два ряда наколов (рис. 276, *8, 9, 13*). Другой сосуд этого же времени представлен 10 фрагментами. Венчик его волнистый. Орнамент выполнен диагонально поставленной гребенкой (рис. 276, *3*).

К окуневской культуре относятся более 50 фрагментов от сосуда с массивным налепным валиком, покрытым рядами мелких ямочных вдавлений. Стенки этого сосуда имели гребенчатую орнаментацию. Его диаметр примерно 22 см. Фрагментов дна не обнаружено. По аналогиям из шестого слоя стоянки Тоора-Даш он относится к первому этапу окуневской культуры (рис. 277, *1*).

Также к первому этапу окуневской культуры могут быть отнесены фрагменты венчиков с налепными валиками, один из которых был орнаментирован овальными ямками (рис. 277, *3*), другой — такими же ямками и оттисками гребенки (рис. 277, *14*). Кроме того найдены: семь фрагментов с гребенчатой орнаментацией, образующей елочный узор (ширина штампа, которым выполнен орнамент, около 3 мм) (рис. 277, *11, 12*), — подобная керамика встречается в шестом и седьмом культурном слое Тоора-Даша; два фрагмента с узором, нанесенным крупным однозубым штампом (рис. 277, *16*) и фрагмент с прочерченным орнаментом (рис. 277, *13*).

К этому же времени принадлежит и керамика с орнаментом, выполненным оттисками трубчатой кости. Этот орнамент сплошь покрывает стенки сосуда, напоминая рыбью чешую. На Хадынныхе I обнаружено около 150 фрагментов такой керамики от трех сосудов. Диаметр одного из них 30 см (рис. 274; 275, *5*), другого — 20–22 см (рис. 275, *1–3*). В данном случае край венчика не орнаментирован, он округлый и гладкий. Фрагментов дна не найдено. Прямых аналогий подобной керамике на Тоора-Даше нет, но в шестом и особенно в седьмом культурном слое есть фрагменты, орнаментированные половиной трубки, серповидным или ногтевым орнаментом, что позволяет сопо-

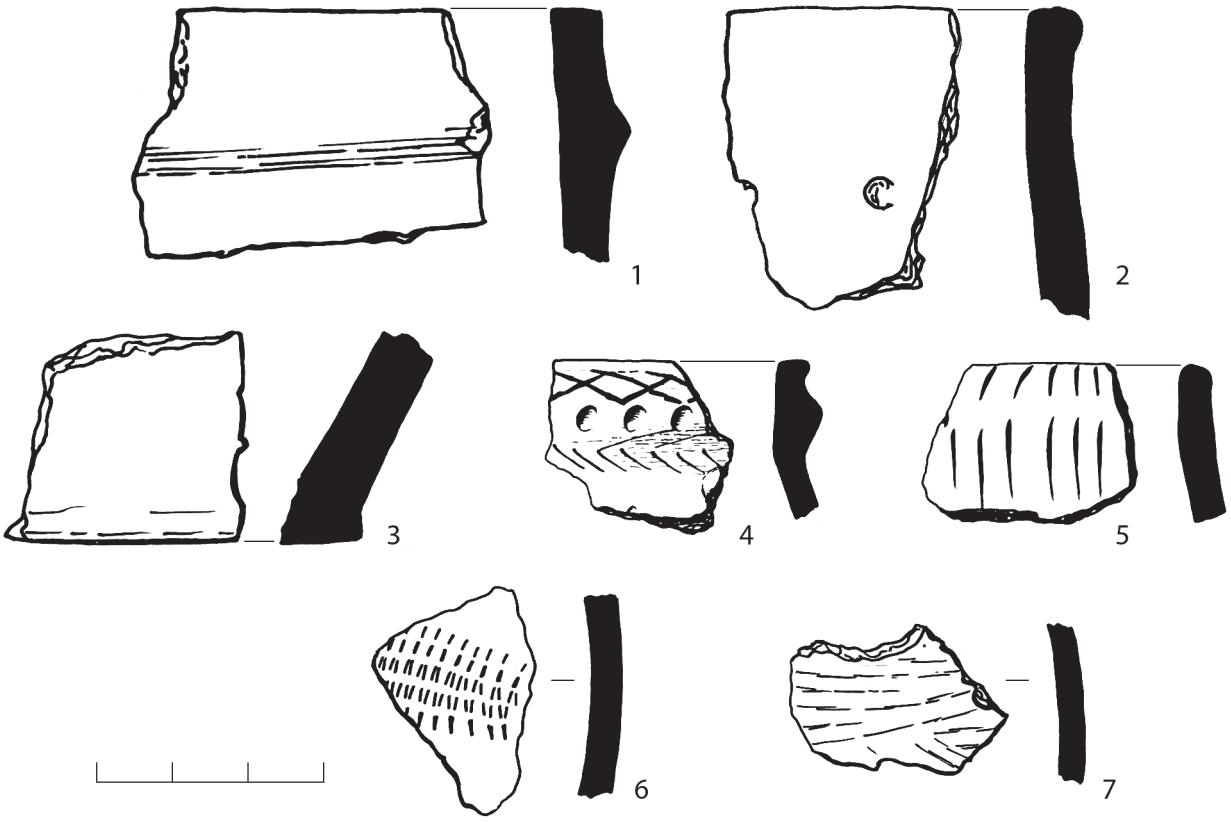


Рис. 291. Стоянка Хадынных I. Раскоп 2. Керамика: *1–3* — из третьего культурного слоя; *4–7* — из четвертого культурного слоя

ставить эту керамику между собой. Случайные находки керамики с трубчатым орнаментом сделаны на р. Ангачи С. Н. Астаховым (рис. 275, *4*), в Уюкской котловине — Л. Р. Кызласовым, на развеянной стоянке Этекшил и под курганом Аржан-2 — К. В. Чугуновым. Ранее эта керамика атрибутировалась как неолитическая (*Семенов,* 1982. С. 100–101). Также к неолиту относил подобную керамику и Л. Р. Кызласов (*Кызласов,* 1979). После раскопок Тоора-Даша стало ясно, что к эпохе неолита керамику с орнаментацией трубчатой костью относить нельзя.

Со вторым этапом окуневской культуры соотносятся два фрагмента с продолговатыми овальными оттисками штампа (рис. 276, *4, 5*) и венчик сосуда с серповидным узором (рис. 276, *1*).

Не может быть четко определена культурная принадлежность керамики без орнамента (рис. 276, *16*), венчик с узором, сделанным крестовидным штампом (рис. 276, *12*) и фрагмент сосуда с орнаментом в виде каннелюр (рис. 291, *7*).

Следующая категория находок — орудия и изделия из камня (рис. 278; 279). В качестве сырья для изготовления орудий использовался кварцит, кремнистый сланец или гальки зеленокаменной породы. Орудий со следами вторичной обработки немного. Это семь наконечников стрел, два скобеля, три скребка, штамп для орнаментации сосудов, сегментовидное орудие (вкладыш).

Большой интерес представляет серия галечных чопперовидных нуклеусов.

Из семи обнаруженных на стоянке наконечников стрел шесть происходят из культурного слоя и один подобран на склоне речной террасы. Этот наконечник имеет слабо выраженный, плавно переходящий в перо черешок. Длина пера 1,5 см, черешка — около 1 см. С двух сторон этот наконечник обработан мелкой струйчатой ретушью (рис. 278, *3*). Из шести других наконечников стрел два были сломаны и один представлен незаконченной заготовкой со слабо намеченным черешком (рис. 278, *2*). Из трех целых наконечников один изготовлен из галечного отщепа. Он имеет миндалевидную форму. По краям обработан противолежащей приостряющей ретушью. Длина наконечника 3 см, ширина около 1 см (рис. 278, *8*). Второй экземпляр представлен изделием из кремнистого сланца. Этот наконечник треугольной формы имеет длину 3 см и основание 0,5 см. С двух сторон он обработан мелкой струйчатой ретушью (рис. 278, *1*). Третий целый наконечник имел овальную форму. Он изготовлен из кварцитового отщепа. Его длина 1 см, а в основании небольшая выемка (рис. 278, *5*).

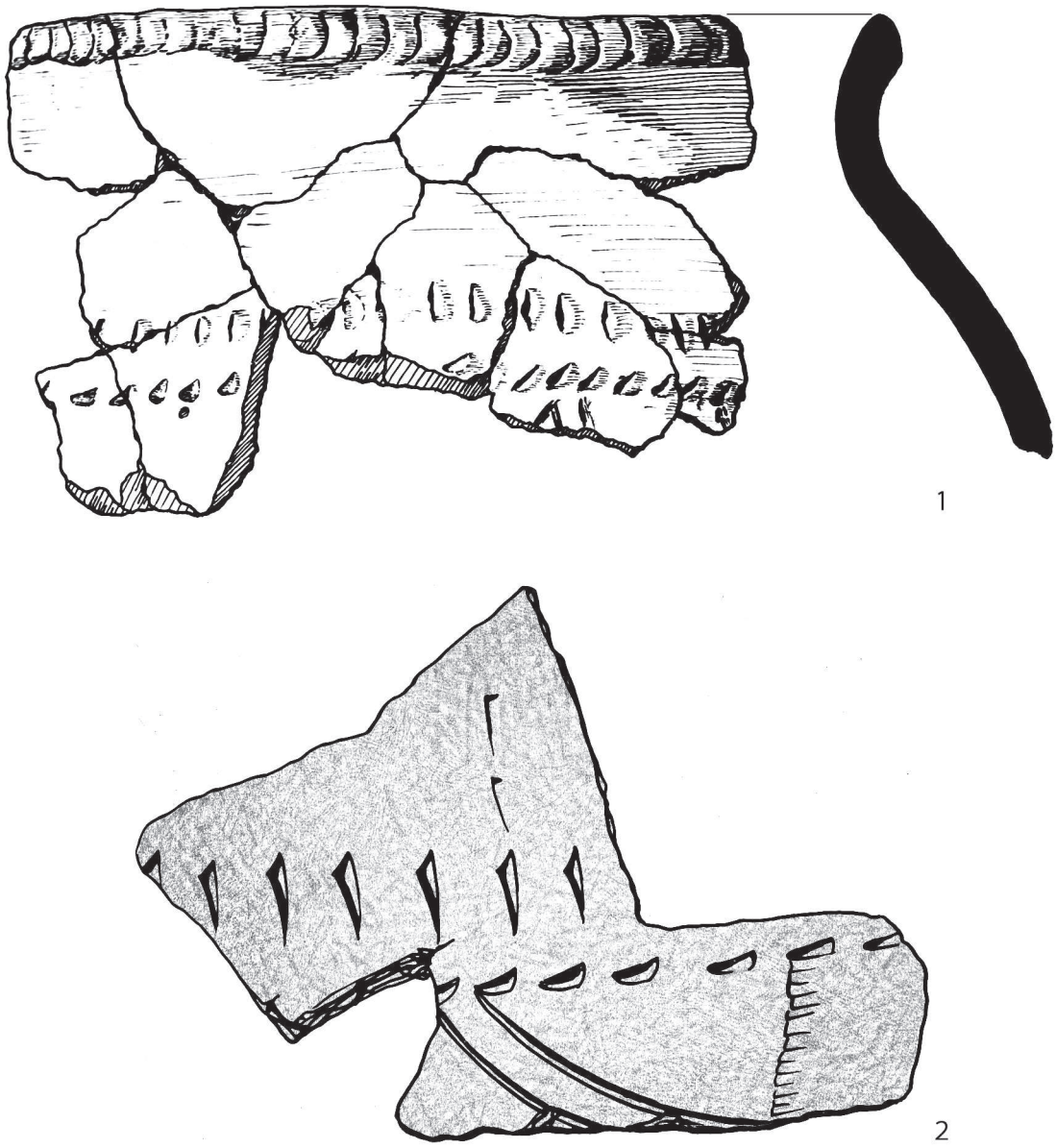


Рис. 292. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Первый культурный слой. Керамика

Из других орудий можно особо выделить скребок на шестиугольном отщепе из кремнистого сланца, три стороны которого имели ретушь и использовались в работе (рис. 278, *9*). Другой скребок не имел следов вторичной обработки. Это был отщеп гальки округлой формы, один из краев которого нес на себе следы использования. Скребел, сделанных из аморфных кусков кремнистой породы, найдено четыре (рис. 278, *12*), ножей без следов вторичной обработки найдено два. Один из ножей — сланцевая плитка четырехугольных очертаний около 8 см длиной, другой — из продолговатой гальки с одним продольным сколом. Острый край, получившийся в результате скола, использовался как лезвие ножа. На галечной поверхности его процарапан рисунок в виде двух параллельных линий и отходящих от них вертикальных черточек (рис. 278, *15*). Третий нож сделан из пластинчатого кварцитового отщепа, лезвие ножа обработано ретушью, острый конец отщепа использовался в качестве сверла. Четвертый нож на треугольном отщепе имел ретушь по двум краям, сходящимся под острым углом (рис. 278, *10*).

Интересна находка кварцитового сегментовидного орудия. Кварцитовый отщеп обработан по краям приостряющей ретушью. Длина основания 1,5 см, высота дуги сегмента 1 см. Аналогий этому орудию не найдено (рис. 278, *7*). Из более крупных орудий следует отметить скребло на чоппинговидной дискообразной гальке (рис. 279, *1*). Около одного из очагов обнаружен штамп для орнаментации сосудов, сделанный из треугольной сланцевой плитки. Он имеет на одной

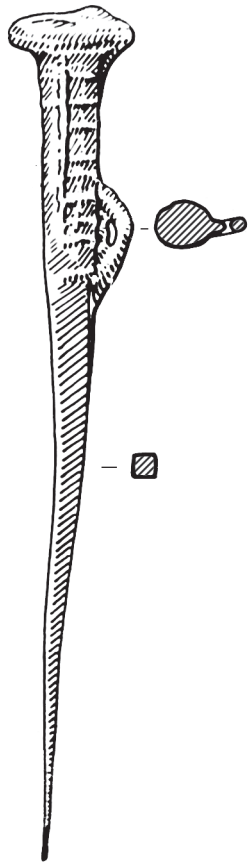


Рис. 293. Стоянка Хадынных I. Раскоп 1. Второй культурный слой. Бронзовое шило

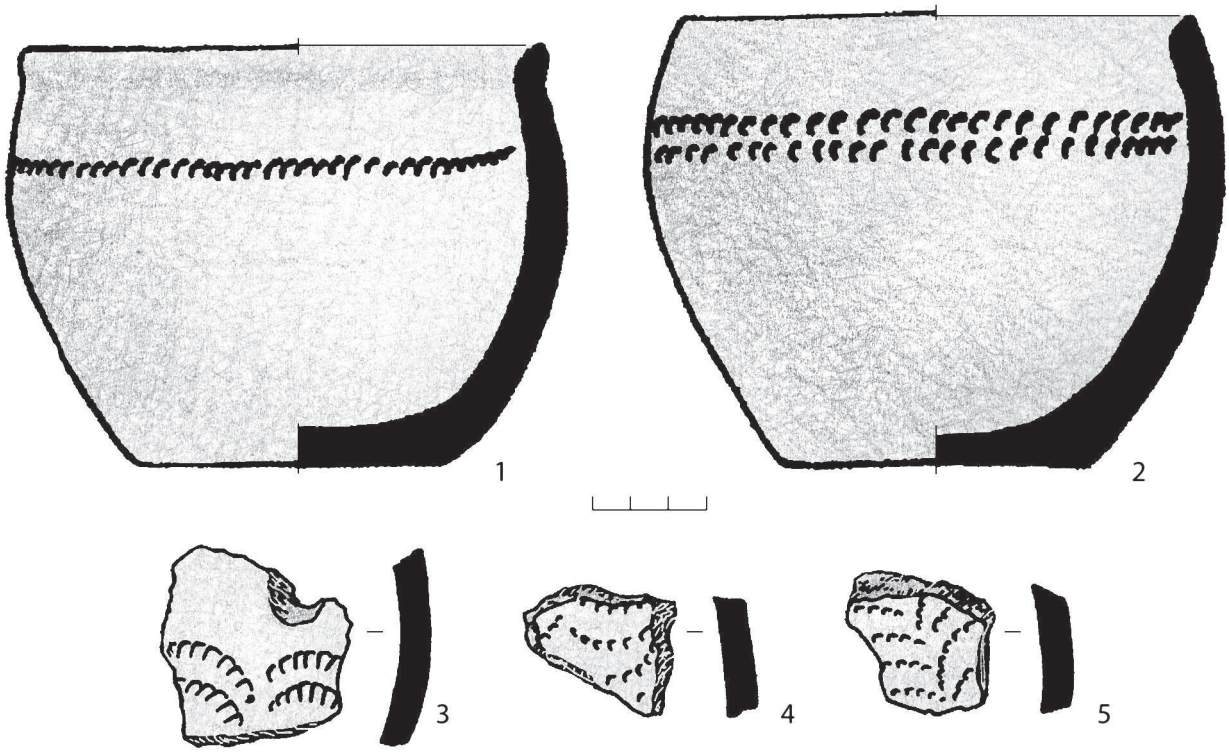


Рис. 294. Стоянки Хадынных I (*1, 2, 4, 5*) и Хадынных II (*3*). Керамика таштыкского времени

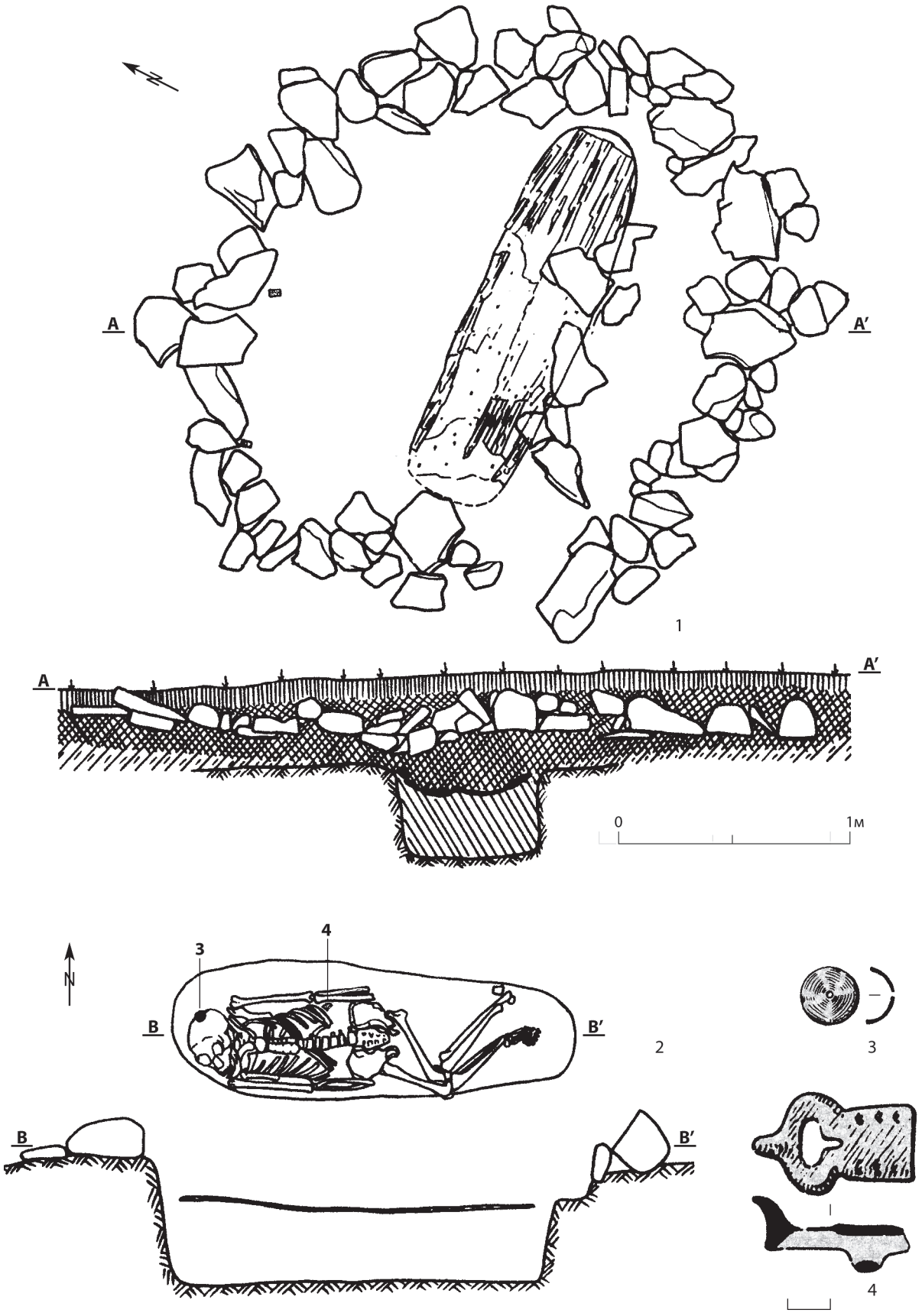


Рис. 295. Стоянка Азас II. Тоджинская котловина. Погребение таштыкского времени: *1, 2* — планы и разрезы; *3, 4* — бронзовые изделия

из сторон 10 зубцов разной высоты (рис. 278, *13*). Из других орудий можно указать на два скребка на кусках кварцита с округлым рабочим краем (рис. 279, *2, 3*).

Особо следует остановиться на целой серии галечных чопперовидных ядрищ. Галечные чопперы со стоянки Хадынных I являлись, очевидно, нуклеусами. Гальки зеленокаменной породы сохраняют большую часть своей гладкой исходной поверхности, использовавшейся в качестве ударной площадки для скалывания отщепов. Обычно для этого бралась продолговатая галька с плосковыпуклыми продольными сторонами. Отщепы скалывались вертикально или под острым углом по направлению к ударной площадке. Один из нуклеусов кубовидной формы имел торцевые сколы.

Наряду с чопперовидными ядрищами встречаются чоппинговидные, но не очень выразительные и не дающие такой устойчивой серии, как чопперы. Среди галечных орудий можно выделить несколько терочников, наковальни и отбойники, но большую часть составляют отщепы без следов вторичной обработки.

Найдено одно орудие из кости (рис. 278, *14*). Это шило длиной 8 см с сильно заполированным и острым концом (*Астахов, Семенов,* 1980. С. 34).

Обнаруженные в третьем культурном слое кости животных принадлежат лошади, овце, косуле, сибирскому козерогу и волку. Кроме того на стоянке была найдена берцовая кость человека (определение костей проведено Н. М. Ермоловой).

В раскопе 2 керамика эпохи бронзы была обнаружена в четвертом культурном слое. Здесь найдено всего несколько черепков, относящихся, по всей видимости, к окуневской культуре. Это фрагменты от сосуда с гребенчатым декором (рис. 277, *1–13*), обломок венчика сосуда с налепным валиком и ямочными вдавлениями на нем (рис. 277, *14*), венчик сосуда, орнаментированный насечками. В этом же слое обнаружен фрагмент с орнаментом, выполненным шагающей гребенкой (рис. 277, *15*).

Большая часть керамических материалов с Хадынных I относится к окуневской культуре, что же касается изделий из камня, то здесь к этой культуре можно отнести гальку с процарапанным рисунком и наконечник стрелы с черешком, найденный на склоне террасы. Остальные целые экземпляры и заготовка одного из них являются, по всей вероятности, афанасьевскими. Наконечник треугольной формы с прямым основанием не имеет аналогий ни в окуневском, ни в афанасьевском слоях стоянки Тоора-Даш.

В заключение описания стоянки Хадынных I следует сказать, что часть материалов со второго культурного слоя может быть соотнесена с каменноложским этапом карасукской культуры. В этом слое наряду с керамикой гунно-сарматского времени была обнаружена и керамика каменноложского облика. Это фрагменты сосуда с утолщенным венчиком, орнаментированные косыми насечками, и два венчика, имеющие лощение и слабые расчесы. Предположительно к тому же времени можно отнести острие из рога оленя и костяной игольник, а также бронзовое шило с грибовидной шляпкой и петелькой на круглой шейке с кольцевыми бороздками (рис. 293). Подобные шилья имеют аналогии в Забайкалье (*Диков,* 1958. Табл. 83) и в Монголии (*Волков,* 1967. С. 111).

Второй культурный слой синхронен в обоих раскопах на стоянке Хадынных I и в нем обнаружены погребальные сооружения. К ним, возможно, приурочены и наскальные изображения — выбитые фигуры двух козлов и оленя с древовидными рогами. Они сделаны схематично и находят ближайшие аналогии на скалах Бижиктиг-Хая в Саянском каньоне Енисея. Их можно датировать позднескифским временем в соответствии со стилистикой изображений на керамике из могильника Улангом в Монголии (*Семенов,* 2003. С. 189, табл. 101, рис. 25). Все могильные сооружения ориентированы по длинной оси с юго-запада на северо-восток. Часть их имеет трапециевидную форму. Одно сооружение было сложено из небольших горизонтально положенных плит. В трех сооружениях находились погребения по обряду трупосожжения. Останки кремированных покойников в раскопе 1 помещались просто под каменные плитки с поставленными возле них керамическими горшками. Синхронными второму культурному слою на стоянке Хадынных I были второй и третий культурные слои в раскопе на стоянке Хадынных II.

Случаи трупосожжения, северо-западная ориентировка, трапециевидные ящики встречаются уже в андроновское время (*Новгородова,* 1970. С. 170). Трапециевидная форма каменных ящиков в карасукское время является, по мнению Э. Л. Новгородовой, пережитком андроновского влияния. Трапециевидные ящики с северо-восточной ориентировкой существуют в Минусинской котловине до VII–VI вв. до н. э., затем подобные погребальные сооружения исчезают. Обряд трупосожжения возникает снова на первом этапе таштыкской культуры, где трупосожжения сосуществуют с трупоположениями в срубах. Возникновение трупосожжений Л. Р. Кызласов относит к раннему этапу таштыксой культуры и соотносит их с экспансией гипотетических гяньгуней, вытесненных из Западной Монголии сюнну (*Кызласов,* 1958. С. 97).

В погребениях на Хадынныхе I карасукскими по форме являются только погребальные сооружения. Керамика из каменных ящиков и из второго культурного слоя близка по своему облику таштыкской. Это,

прежде всего, горшок из погребального сооружения 2, появляющийся, по Л. Р. Кызласову, на первом этапе таштыкской культуры (*Кызласов,* 1960. С. 76, 85), два черепка из сооружений 3 и 4, имеющие орнаментацию полулунным зубчатым штампом, а также обломок железной цепочки из сооружения 3, характерные для этого же времени. Таким образом, мы имеем таштыкскую по своему облику керамику, железное изделие, широко представленное в таштыкских погребениях, и карасукские по форме и ориентации каменные ящики с несвойственным для карасукской культуры обрядом трупосожжения. В таштыкское время появляются бомбовидные сосуды, в которых С. В. Киселев усматривал возрожденные более древние формы карасукского времени, традиции которых, по-видимому, переживали где-то в тагарское время (*Киселев,* 1951). В таштыкское время возрождается и другая карасукская форма — коленчатый нож, правда, изготовленный уже из железа (*Кызласов,* 1960. С. 43). Наличие некоторых карасукских черт в таштыкское время может свидетельствовать о длительных пережитках карасукской культуры в изолированных районах Центральной Азии.

Второй культурный 2 в раскопе 1 предоставил не менее интересный материал. Во-первых, погребение, совершенное по обряду трупосожжения, помещено под плоскую каменную плиту и к юго-западу от него располагалась стела, что позволяет в какой-то мере говорить о стремлении подчеркнуть ориентацию юго-запад — северо-восток. Имеющийся при погребении горшок баночной формы более тяготеет к тагарским, нежели к таштыкским формам (рис. 294, *2*), так как таштыкские банки приближаются к цилиндрическим, тогда как у тагарских диаметр дна в два — два с половиной раза меньше диаметра венчика сосуда (*Дэвлет,* 1961. С. 82–83). Однако подобные банки существуют еще и на раннем этапе таштыка. Один из фрагментов, найденный во втором культурном слое, имеет профилированный венчик и сетчатый орнамент между двумя прочерченными линиями. Сетчатый орнамент известен на сосудах первого и второго этапов таштыкской культуры. Такой узор на керамике широко известен в Центральной Азии около рубежа н. э. Распространен он и на сосудах ханьского времени (*Кызласов,* 1960. С. 61–64), и встречается в землянках Нижне-Иволгинского городища (*Сосновский,* 1934. С. 154).

Другим предметом, тяготеющим к Центральной Азии, является бронзовое шило с грибовидной шляпкой и петлевидным ушком. Подобные шилья встречаются по всей Монголии, в Забайкалье и в Ордосе, но повсюду они происходят из подъемного материала, хотя ряд исследователей относит их к скифскому времени. Безотносительно ко времени бытования подобных шильев ясно, что в Туву такой предмет мог попасть только из Монголии, откуда, вероятно, вышли носители обряда трупосожжения. В Монголии трупосожжения были зафиксированы еще Г. И. Боровкой во время обследования им р. Толы (*Боровка,* 1927. С. 66). Вопрос заключается в том, когда подобное проникновение могло иметь место. Л. Р. Кызласов, как уже упоминалось, связывает проникновение обряда трупосожжения на территорию Минусинской котловины с гяньгунями-кыргызами, которые во II–I вв. до н. э. продвинулись в Туву и в Хакасию (*Кызласов,* 1958. С. 97). В. П. Алексеев отмечал, что в таштыкской культуре выделяется два элемента: пришлый из Центральной Азии, связанный с обрядом трупосожжения, и местный, восходящий к тагарскому населению. Начало проникновения центрально-азиатских пришельцев в Минусинские степи пока по антропологическим материалам датируется не ранее III–II вв. до н. э. (*Алексеев,* 1961. С. 223–226).

По ряду элементов, характерных для первого этапа таштыкской культуры, и по некоторым предметам, происходящим из Центральной Азии, а также по не свойственному для таштыкского населения обряду погребения в каменных ящиках трапециевидной формы, можно предположить, что мы имеем дело с одной из промежуточных фаз в период сложения таштыкской культуры, истоки которой лежат в Монголии. Исходя из этого, второй культурный слой и могильник на стоянке Хадынных I есть основания датировать началом н. э.

На стоянке Тоора-Даш таштыкская керамика в поминальниках (ямы со стелами) происходит из культурного слоя 10α. Погребения таштыкского времени обнаружены не только в Саянском каньоне Енисея. Небольшие каменные курганы открыты на стоянке Азас II в Тодже (рис. 295). Здесь под одним из курганов в узкой неглубокой яме обнаружено захоронение мужчины, на поясе которого находилась бронзовая пряжка, аналогичная предметам из таштыкских захоронений в Минусинской котловине (*Вадецкая,* 1999. Табл. 66). Очевидно, к этому же времени относится и курган на Азасе на «Горке», раскопанный М. А. Дэвлет в 1970 г. (*Дэвлет,* 1971. С. 250–253).

Самый верхний культурный слой на стоянке Хадынных I залегает под слоем чистого речного песка, поверх которого лежит дерновый слой. Глубина залегания первого культурного слоя — 0,2–0,25 м. Слой песка свидетельствует о сильном речном паводке, затопившем, по-видимому, весь Енисейский каньон. Слой этого песка лежит под дерном на всех террасах, повсюду перекрывая культурные слои с керамикой позднего облика. В силу этого мы сочли правомерным верхние культурные слои, перекрытые речным песком,

лежащим под дерновым слоем, считать одновременными, но это не означает, что эти слои, за исключением некоторых, будут являться однокультурными. Однако обратимся к первому культурному слою на стоянке Хадынных I. Здесь в раскопе 1 найдено более 100 фрагментов керамики, подобной описанной выше. Эта керамика выразительна, с характерной шероховатой поверхностью, светло-коричневая, плохого обжига и с большой примесью песка к глиняному тесту. Она отличается от керамики, найденной в первом культурном слое раскопа 2, но совершенно идентична керамике из первого культурного слоя на стоянке Хадынных II. Тем самым подтверждается не только одновременность, но и однокультурность верхних слоев этих стоянок. Однако определение конкретной культурной принадлежности этой керамики осложнено полным отсутствием каких-либо аналогий. Во всяком случае, эта керамика не таштыкская (таштыкские слои лежат ниже), не тюркская, не уйгурская и не кыргызская. Ничего подобного в могильниках Тувы не обнаружено. Можно предположить, что эта керамика оставлена одной из кочевых групп монгольского времени. Погребения этого периода в Туве изучены еще недостаточно.

11.1.2. Стоянка Хадынных II

Следующая исследованная в Саянском каньоне стоянка Хадынных II расположена в 200 м ниже устья ручья Хадынных на первой надпойменной террасе правого берега р. Енисей (рис. 296). Стоянка была открыта и частично исследована раскопом в 12 кв. м в 1974 г. Квадраты получили обозначение от А до В в направлении с юго-запада на северо-восток и от 1 до 4 с юго-востока на северо-запад.

Всего на стоянке вскрыто пять культурных слоев, залегающих в аллювиальных отложениях (рис. 297).

Первый культурный слой залегал на глубине от 0,2 до 0,3 м от дневной поверхности. Он вскрыт на площади всего 8 кв. м, так как выклинивался по линии А, которая приходилась на склон террасы. Слой имел мощность до 0,2 м. Культурные остатки — более 100 мелких фрагментов керамики — обнаружены на границе кв. Б-1-Б-2. Все фрагменты принадлежали одному сосуду. Цвет керамики коричневый. Примесью к глиняному тесту служил песок. Поверхность керамики шершавая как изнутри, так и снаружи, черепок толстый, обжиг плохой. Найдены фрагменты плоского днища сосуда, фрагментов венчика не найдено. Эта керамика совершенно идентична керамике, найденной в первом культурном слое раскопа 1 на стоянке Хадынных I. Оба керамических комплекса вполне сопоставимы благодаря характерным особенностям формовки сосудов.

Второй культурный слой залегал на 0,3–0,4 м ниже первого культурного слоя. Его мощность составляла около 0,3 м. Слой окрашен в светло-коричневый цвет. На границе кв. Б-1-В-1 прослеживалось слабое зольное пятно, к которому приурочены кости животных. Других культурных остатков в этом слое не было.

Третий культурный слой (глубина залегания 1,15–1,29 м) приурочен к светлым супесям с темными вкраплениями. В кв. А-1 находилось очажное пятно размерами 0,6 × 0,8 м, мощность которого достигала 0,18 м. В заполнении очажной ямы найден фрагмент кремневого наконечника стрелы с прямым основанием. В слое было обнаружено 18 фрагментов неорнаментированной керамики с примесью дресвы. Шесть фрагментов керамики имели орнаментацию, нанесенную серповидным зубчатым штампом (рис. 298, *3*). Цвет черепков серый, примеси не прослеживаются. Кроме того, имеется два фрагмента толстостенного сосуда с прочерченным орнаментом, образующим подобие елочного узора (рис. 298, *1*). Один черепок орнаментирован овальными вдавлениями, другой имеет утолщенный, отогнутый наружу венчик (рис. 298, *2*).

Четвертый культурный слой отделен от третьего культурного слоя прослойкой мелкого щебня мощностью от 0,07 до 0,2 м (рис. 299, *1*). Культурные остатки встречались в супесях коричневого цвета со значи-

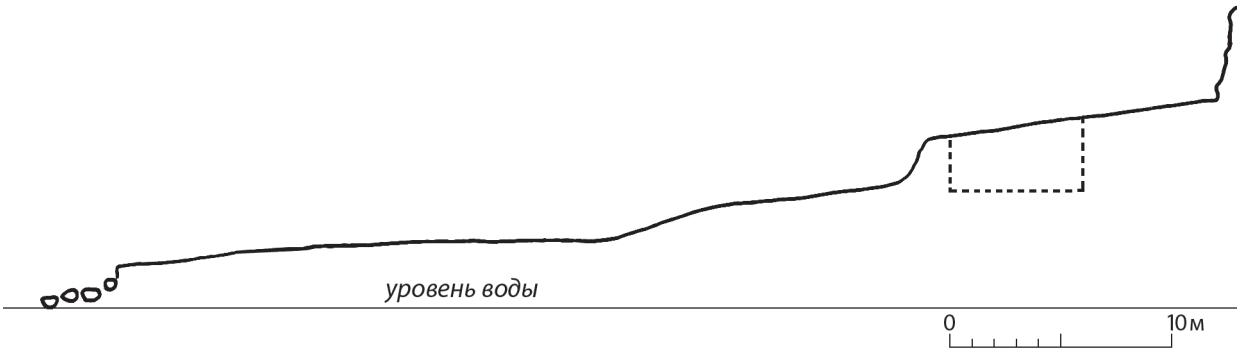


Рис. 296. Стоянка Хадынных II. Профиль террасы реки Енисей через стоянку

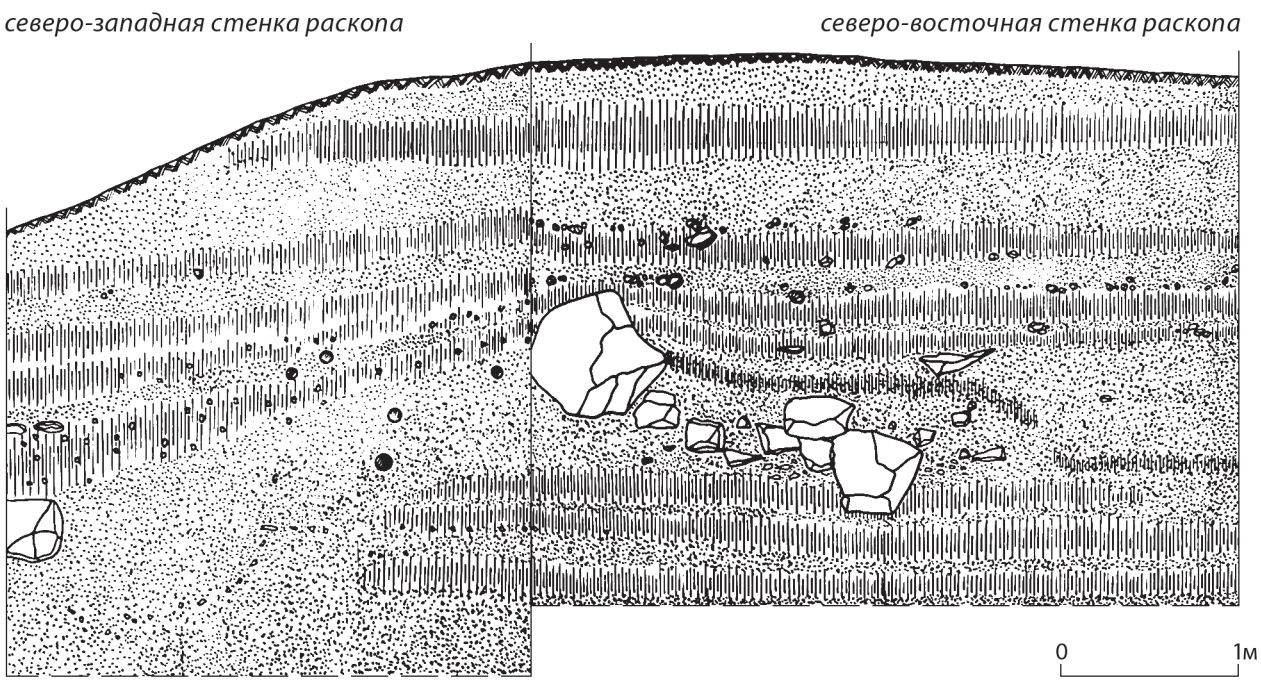


Рис. 297. Стоянка Хадынных II. Разрез северо-западной и северо-восточной стенок раскопа

тельным включением щебня и обломков скал. Глубина залегания четвертого культурного слоя 1,31–1,50 м и, соответственно, его мощность достигала 0,2 м.

В кв. А-2-Б-2 находилось очажное пятно, вытянутое в направлении с юго-запада на северо-восток. Размеры пятна 1,4 × 0,6 м (рис. 299, *2, 3*), мощность очажных отложений до 0,15 м. По всей площади раскопа попадались кости животных, тогда как керамики было немного. Один фрагмент принадлежал сосуду с приостренным округлым краем, другой сосуд имел ровно срезанный край с небольшим карнизиком с внутренней стороны и слабыми овальными вдавлениями по внешнему краю венчика (рис. 300). Цвет фрагментов этого сосуда черный, их толщина около 1,5 см. Два фрагмента тонкостенного сосуда имели глубокие и широкие следы расчесов, один черепок был орнаментирован насечками и еще 26 фрагментов с примесью дресвы не имели орнамента.

Пятый культурный слой (глубина залегания 1,62–1,8 м) имел большой уклон по склону террасы в направлении к югу. Этот слой, как и предыдущие четыре слоя, приурочен к аллювиальным отложениям. Культурные остатки встречались по всей площади раскопа. В кв. В-3 находилось скопление крупных костей животных. В кв. В-2 обнаружен костяной втульчатый наконечник стрелы длиной 6 см, шириной основания 3 см и с ромбовидным сечением (рис. 301, *4*). Из других предметов заслуживает внимания котловидный сосуд с четырьмя симметрично налепленными ушками. Диаметр сосуда около 15 см, неровность дна позволяет предположить, что этот сосуд имел поддон, впоследствии утраченный (рис. 301, *3*). Из 15 обломков сосудов, найденных в культурном слое, нужно отметить один фрагмент с двумя налепными валиками (рис. 301, *2*), другой фрагмент был орнамен-

Рис. 298. Стоянка Хадынных II. Третий культурный слой. Керамика

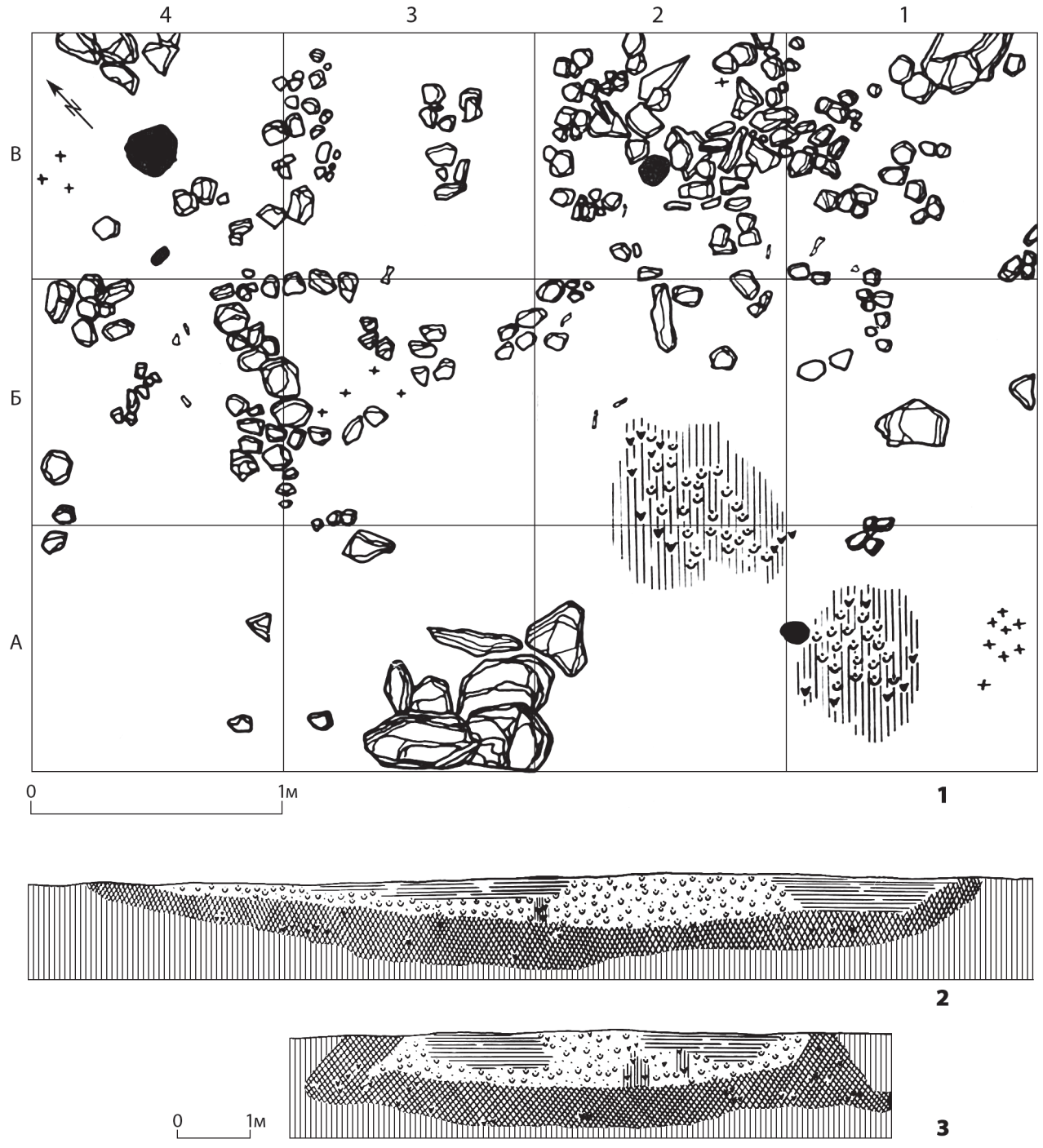


Рис. 299. Стоянка Хадынных II. Четвертый культурный слой. План (*1*) и разрезы очагов (*2*)

тирован по венчику оттисками зубчатого штампа (рис. 301, *1*). Пятый культурный слой подстилается стерильными речными отложениями. Наличие только поздних слоев на стоянке Хадынных II объясняется расположением ее на первой надпойменной террасе реки Енисей, образованной аллювиальными отложениями, вероятно, не ранее I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.

***

Относительно верхнего (пятого) слоя стоянки Хадынных II пока можно только сказать, что он одновременен верхнему слою на стоянке Хадынных I.

Датировка второго культурного слоя затруднена, так как никаких вещественных остатков, за исключением углей и костей животных, он не содержал. Поэто-

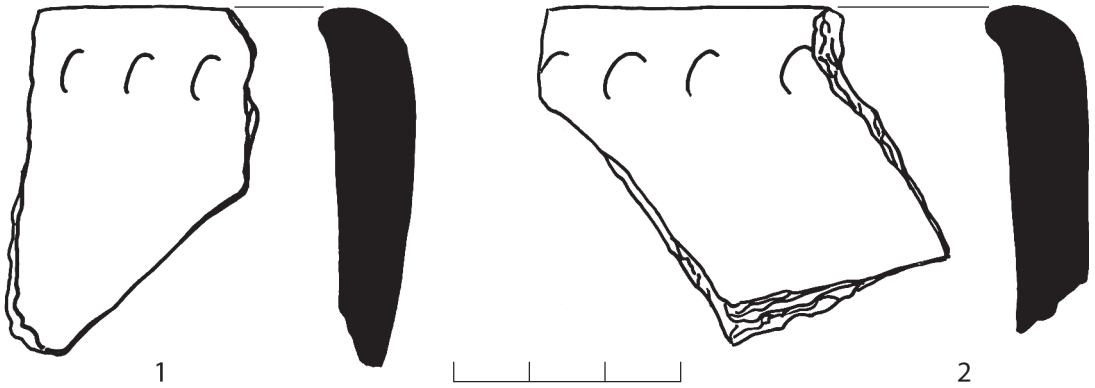


Рис. 300. Стоянка Хадынных II. Четвертый культурный слой. Керамика

му он не дает почти никакой информации, кроме того что фиксирует определенный промежуток времени, прошедший со времени существования третьего культурного слоя.

Третий культурный слой дал несколько фрагментов керамики, орнаментированной оттисками серповидного зубчатого штампа, которая находит четкие аналогии в таштыкской культуре. Этот орнамент встречен на сосудах первого (изыхского) этапа таштыкской культуры и позднее он не известен. Он известен и ранее, на тагарской посуде. Изыхский этап таштыкской культуры датируется Л. Р. Кызласовым от середины I в. до н. э. до середины I в. н. э. (*Кызласов,* 1960. С. 57).

Керамика, полученная из четвертого культурного слоя стоянки, не имеет четких датирующих признаков, но залегает ниже третьего раннеташтыкского слоя и выше пятого. На этом основании четвертый культурный слой можно отнести к началу I в. до н. э.

В пятом культурном слое на стоянке Хадынных II найдено два предмета, позволяющие довольно точно определить его культурную принадлежность. Это глиняный горшок с четырьмя симметрично расположенными налепными ушками, который ранее имел, вероятно, еще и поддон. Подобные горшки с налепными ушками известны как позднетагарские — тесинские (*Дэвлет,* 1964. С. 209, рис. 1–5). Тесинское время существования пятого культурного слоя подтверждает и другой предмет — костяной наконечник стрелы с ромбическим сечением и втулкой для насада на древко. Наконечники подобного рода известны по раскопкам сюннуского Иволгинского городища и относятся ко II–I вв. до н. э. (*Давыдова,* 1956. С. 291). Этим временем традиционно датируется тесинский этап татарской культуры в Минусинской котловине.

Таким образом, три нижних культурных слоя стоянки Хадынных II имеют довольно четкие временные границы. Пятый культурный слой оставлен носителями тесинского этапа тагарской культуры в самом конце ее существования (во II или в начале I в. до н. э.), четвертый культурный слой принадлежит, вероятно, к таштыкской культуре и относится к рубежу эр, что касается третьего слоя, то он датируется первыми веками н. э. Все три слоя на этой стоянке (особенно четвертый и третий) могут быть синхронны второму культурному слою со стоянки Хадынных I.

Рис. 301. Стоянка Хадынных II. Пятый культурный слой. Находки: *1–3* — керамика; *4* — костяной наконечник стрелы

11.1.3. Стоянка Хем-Теректиг

Стоянка Хем-Теректиг находится в Саянском каньоне на левом берегу Енисея в 300 м ниже устья Хем-Теректиг, в 32 км ниже р. Хемчик (рис. 302). Стоянка обнаружена в 1975 г. и исследована раскопом в 16 кв. м. Квадраты в раскопе получили номера 3 и 4 в направлении с юго-востока на северо-запад и буквенные обозначения И и К в направлении с юго-запада на северо-восток.

Стратиграфия стоянки Хем-Теректиг (рис. 303):

№	Слой	Мощность (м)
1	Дерновый слой	до 0,1
2	Песок мелкий светлый	0,1
3	Песок темный (**первый культурный слой**)	0,2
4	Супесь серая	0,2
5	Супесь коричневая (**второй культурный слой**)	0,15
6	Супесь светлая с золой	0,05
7	Супесь темная	0,2
8	Супесь белая	0,4
9	Далее песок светлый речной	

Всего вскрыто четыре культурных слоя. Все культурные слои залегают в речных отложениях и четко прослеживаются в разрезе раскопа. В четвертом слое появляются выходы основного скального массива. Вся пачка слоев состоит из речных супесчаных наносов.

Первый культурный слой залегает под мелким речным песком на глубине от 0,2 до 0,4 м (рис. 304; 305). Культурные остатки встречались в песчаном слое коричневого цвета. К остаткам кострищ приурочены кости животных, найдено железное шило, три фрагмента керамики без орнамента (рис. 306) и кусок шлака. Столь незначительные находки затрудняют их интерпретацию.

Второй культурный слой залегал в супесчаной почве на глубине от 0,65 до 0,75 м от дневной поверхности (рис. 307). Он имел светло-коричневую окраску. Около очажных пятен и в заполнении найдены мелкие кости животных и фрагменты керамики. Всего во втором культурном слое обнаружено 42 фрагмента керамики. Все они маловыразительны, но два из них имели S-видный профиль с косо срезанным наружу краем венчика и принадлежали одному сосуду, вероятно, вазообразному по форме (рис. 308, *1*). В кв. 3-И найдено несколько фрагментов сосуда с приостренным, слегка отогнутым наружу венчиком, по шейке которого проходила волнистая линия, ниже — прямая прочерченная линия, опоясывающая весь сосуд, который может быть отнесен к гунно-сарматскому времени (рис. 308, *2*). Их толщина до 0,8 см, в качестве примеси использовался шамот, цвет керамики бурый. Из этого же слоя происходит каменное пряслице диаметром 3,5 см (рис. 308, *3*).

Рис. 302. Стоянка Хем-Теректиг. Общий вид

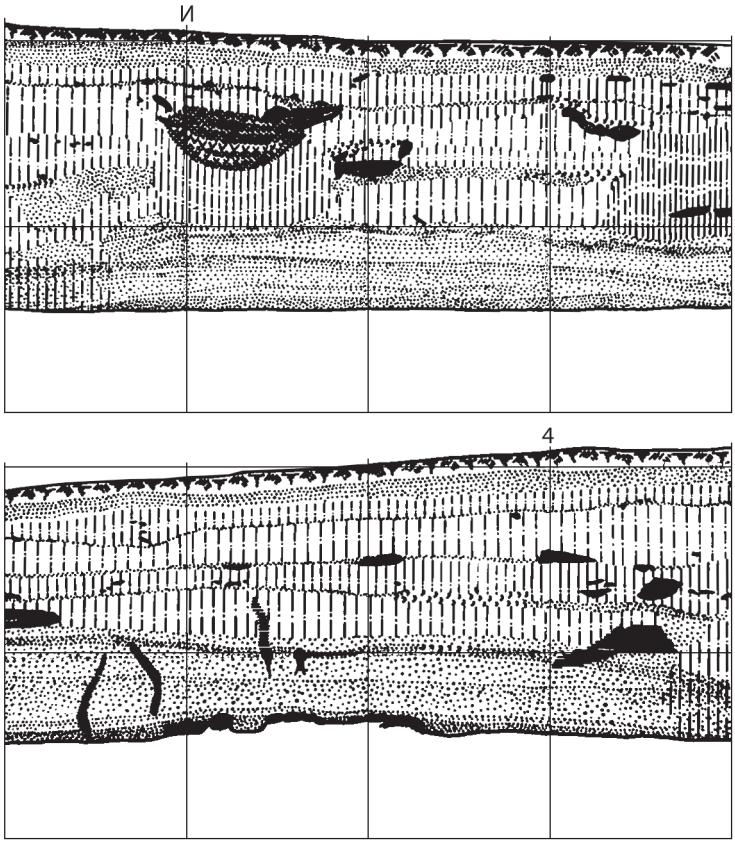


Рис. 303. Стоянка Хем-Теректиг. Стратиграфия

Рис. 304. Стоянка Хем-Теректиг. Первый культурный слой в процессе разборки

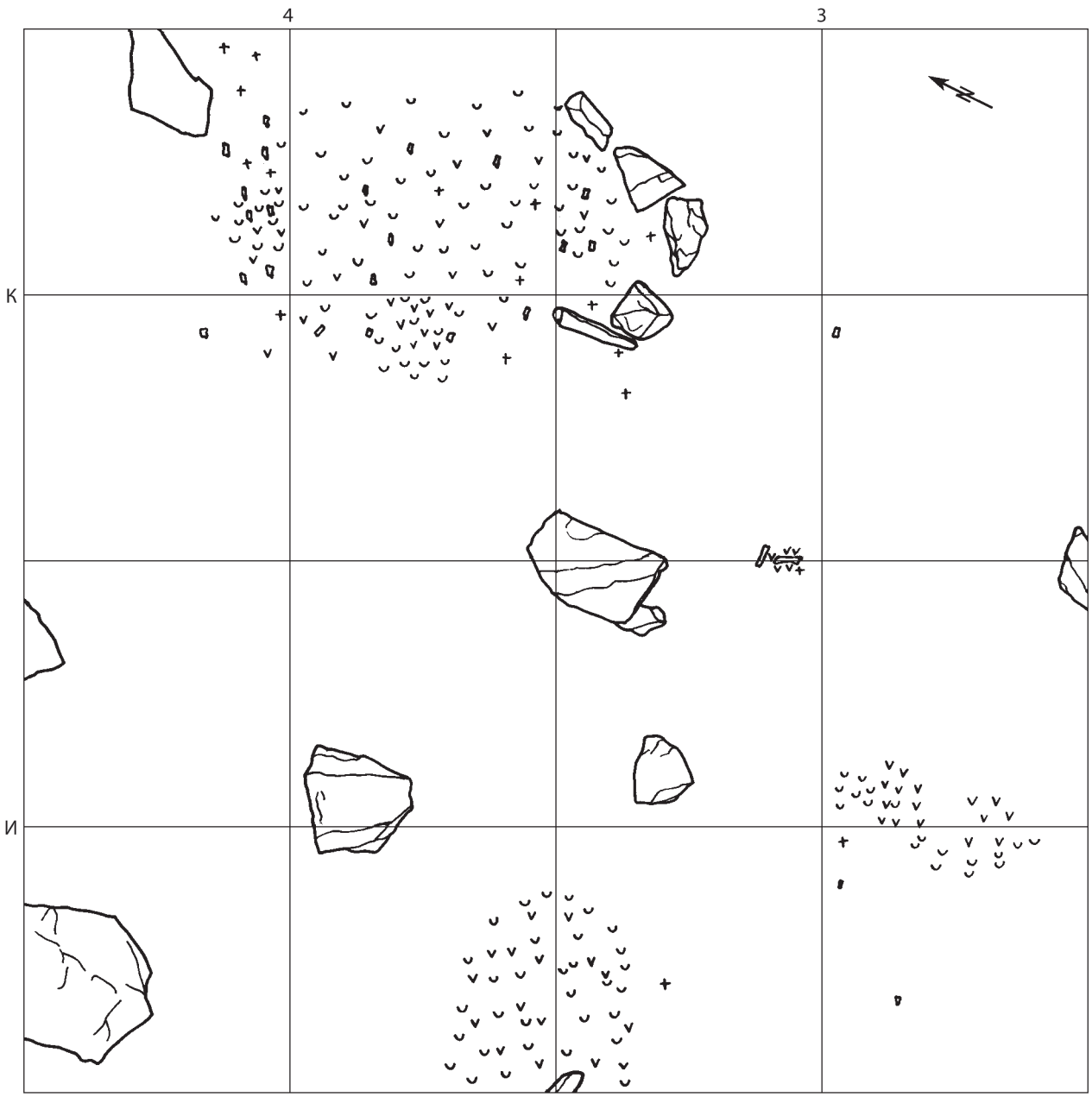


Рис. 305. Стоянка Хем-Теректиг. Первый культурный слой. План

Третий культурный слой отделен от второго светлыми супесями с примесью золы (рис. 309). Мощность этого слоя около 0,2 м. Он залегает на глубине от 0,8 до 1 м. Центром, вокруг которого концентрировались находки, являлась яма диаметром 0,8 м и глубиной более 0,5 м. На дне ямы сохранились остатки бересты. С юго-западной стороны к яме примыкало мощное зольное пятно аморфных очертаний с большим количеством углей. Здесь и были найдены следующие предметы: костяное шило длиной около 10 см, округлое в сечении, роговой псалий или заготовка для него (*Семенов,* 1984б), обломок лезвия бронзового ножа. Здесь же обнаружено большое количество керамики без орнамента. Часть черепков сильно залощена. К северу от ямы, в непосредственной близости от нее лежал раздавленный сосуд (рис. 311). Венчик этого сосуда ровно срезан и по краю орнаментирован четкими вертикальными оттисками трехзубого штампа. Шейка только намечена двумя горизонтальными линиями, стенки сосуда покрыты расчесами, слегка заглажены. Дно круглое, диаметр венчика 22 см (рис. 311). В целом получается орнамент, сходный с ложнотекстильным. Несколько фрагментов могут рассматриваться как куски округлого дна. Культурная принадлежность этой керамики не вызывает сомнения. Это сосуд каменоложского этапа карасукской

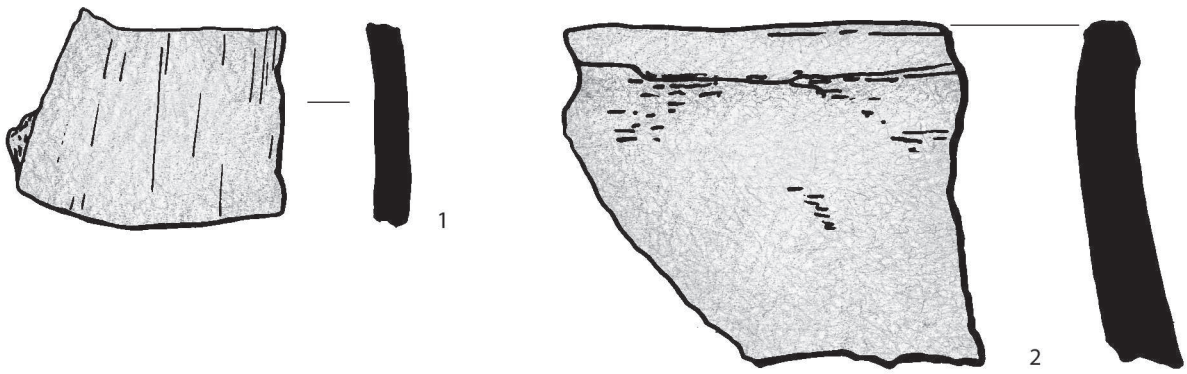


Рис. 306. Стоянка Хем-Теректиг. Первый культурный слой. Керамика

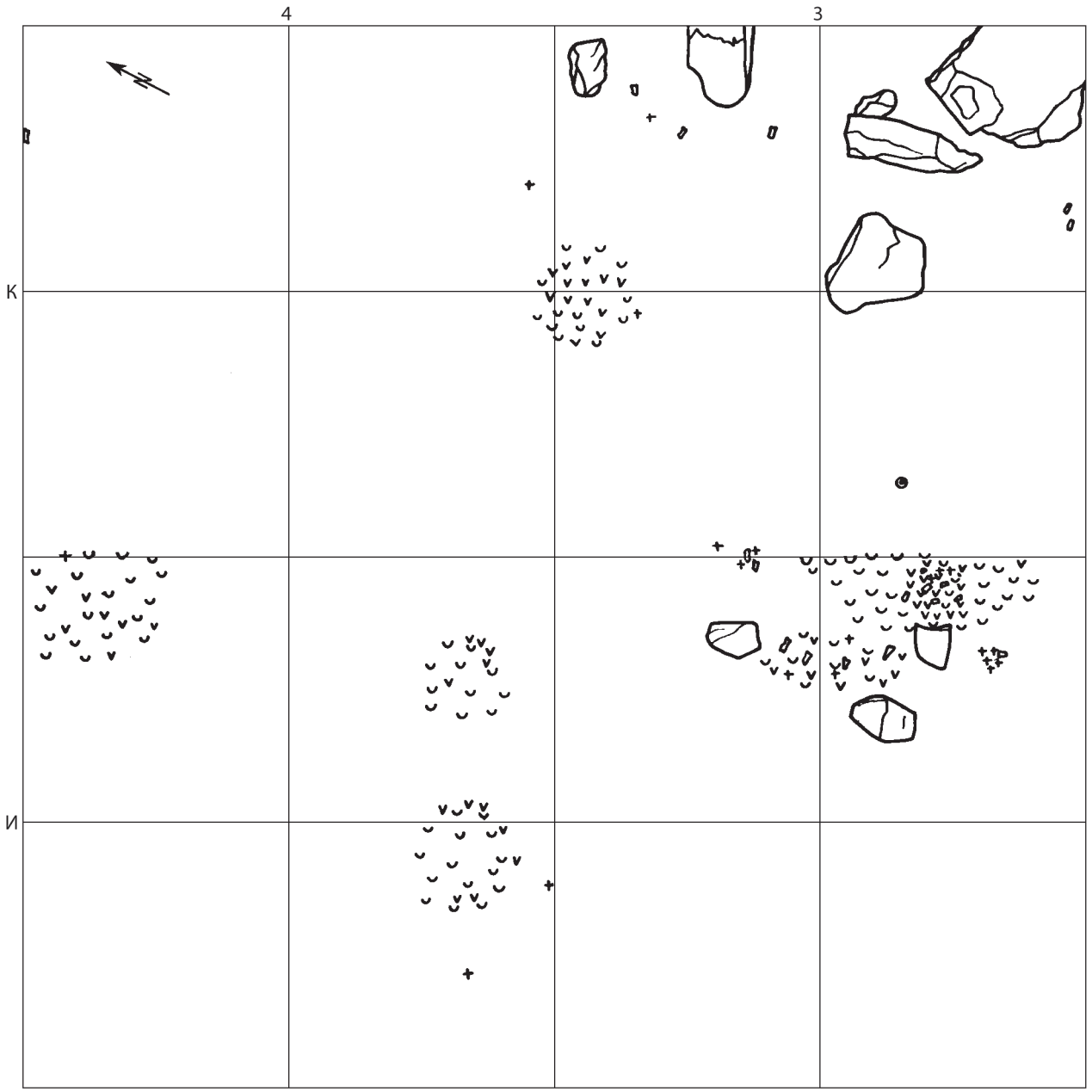


Рис. 307. Стоянка Хем-Теректиг. Второй культурный слой. План

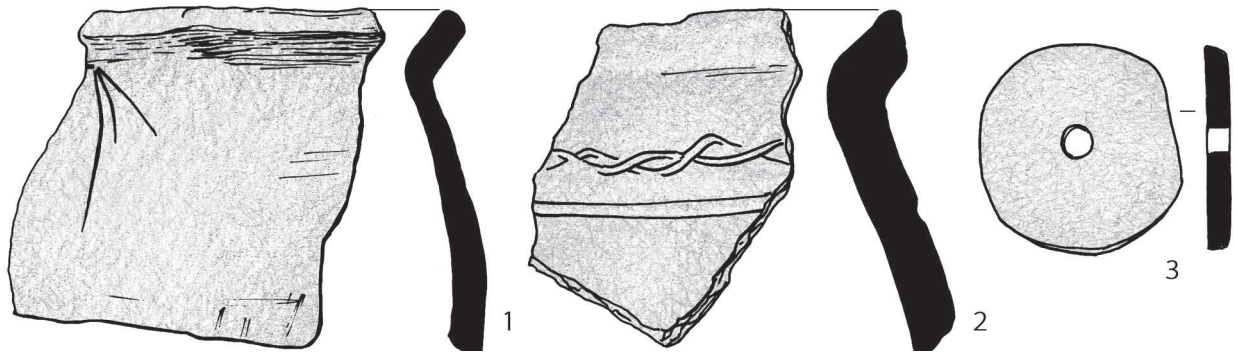


Рис. 308. Стоянка Хем-Теректиг. Второй культурный слой. Находки: *1, 2* — керамика; *3* — каменное пряслице

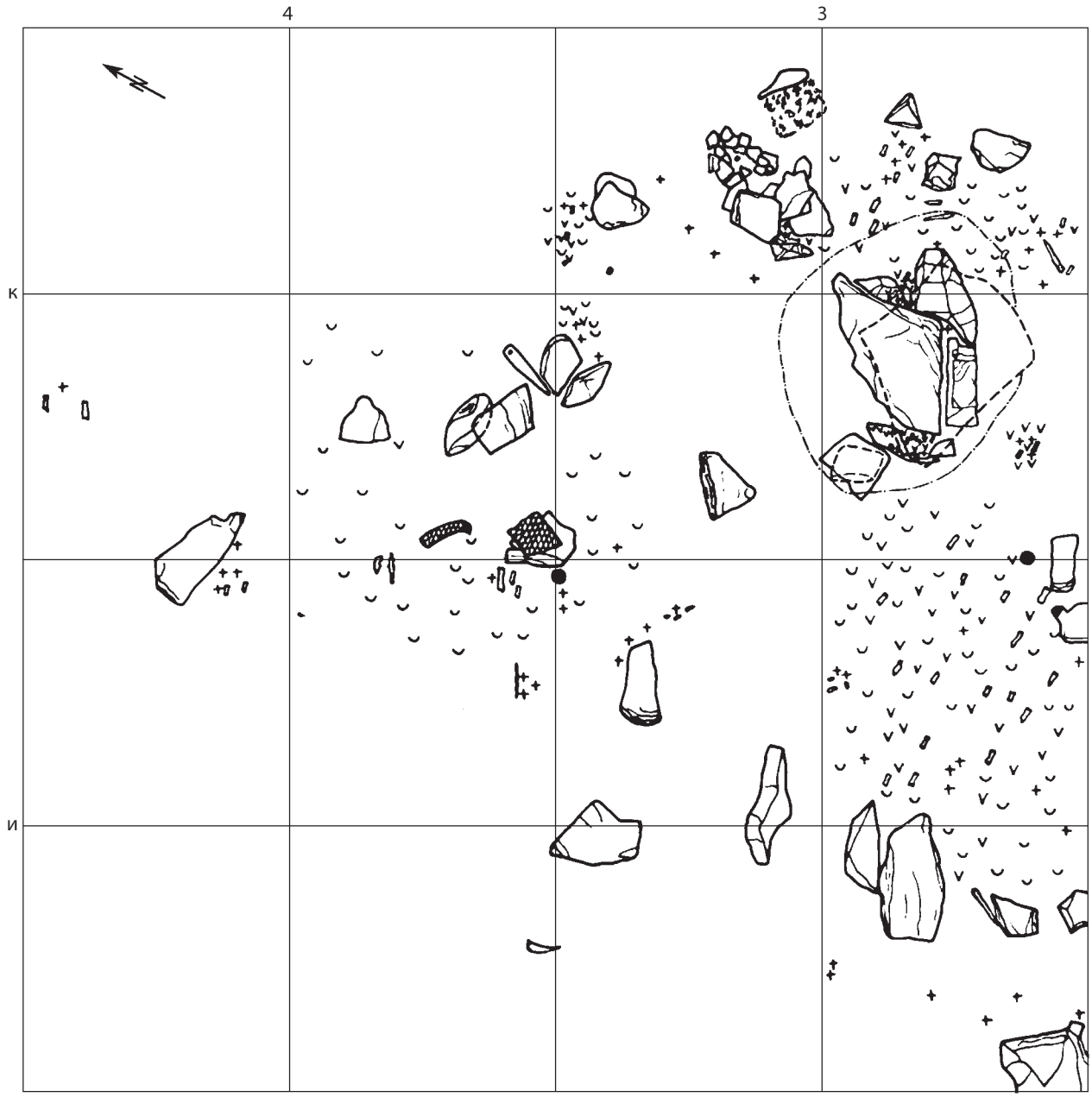


Рис. 309. Стоянка Хем-Теректиг. Третий культурный слой. План

Рис. 310. Стоянка Хем-Теректиг. Третий культурный слой в процессе расчистки

культуры (рис. 312, *11*). Ближайшие аналогии данной керамики найдены на поселении Каменный Лог в Минусинской котловине (коллекция керамики с поселения Каменный Лог хранится в ГЭ —№ 2399). Здесь найдены также сосуды с расчесами на стенках и фризом из оттисков вертикально поставленного штампа, проходящих по венчику. Подобные сосуды обнаружены в могильнике Федоров Улус (*Липский,* 1963. С. 57–62) и целом ряде других каменноложских памятников.

Из других сосудов, сохранившихся в обломках, можно выделить два фрагмента с ровно срезанным краем, орнаментированным насечками, с выделенной шейкой и намеченным плечиком; один фрагмент с массивным округлым венчиком, отогнутым наружу, и небольшим налепным валиком; еще два фрагмента имели венчик с ровно срезанным краем, но один из них, черного цвета, был покрыт расчесами и декорирован двумя рядами наколов, нанесенных острым концом орнаментира. Всего в третьем культурном слое собрано 128 фрагментов керамики (рис. 312, *1–6*).

В этом же слое обнаружено костяное орудие длиной 25 см и шириной 3 см, один конец которого слегка залощен, в другом небольшое отверстие (рис. 312, *12*). Подобные орудия (спицы для вязания сетей) имеют широкое распространение. Они встречаются на памятниках глазковской культуры (*Окладников,* 1955. С. 108), в плиточных могилах Забайкалья (*Сосновский,* 1941. С. 363) и др. Из других находок следует упомянуть кремневые чешуйки. Описанная выше яма, возможно, была ограбленной могилой, поскольку возле нее найдена челюсть человека.

Четвертый культурный слой. Под третьим культурным слоем, залегающим в темных супесях, находились супеси светлые, из которых происходит 20 пластинчатых отщепов и две микропластинки (рис. 313). Здесь найден фрагмент керамики красного цвета с двумя рядами зубчатых оттисков (рис. 314). Слой сильно перемыт водой. В целом даже незначительное число пластинчатых отщепов может свидетельствовать об этом слое как о неолитическом. На глубине 1,4 м он подстилается чистым речным песком, намытым на выходы коренных скальных пород (рис. 314).

***

Таким образом, на стоянке Хем-Теректиг выявлено четыре культурных слоя. Верхний культурный слой залегает также как и верхние слои на Хадынныхских стоянках (т. е. на глубине 0,2–0,25 м от дневной поверхности под слоем чистого речного песка). В этом слое нет датирующих предметов — обломок железного шила и несколько фрагментов керамики не дают оснований для каких-либо выводов, но этот слой можно считать одновременным с верхними слоями Хадынныхских стоянок.

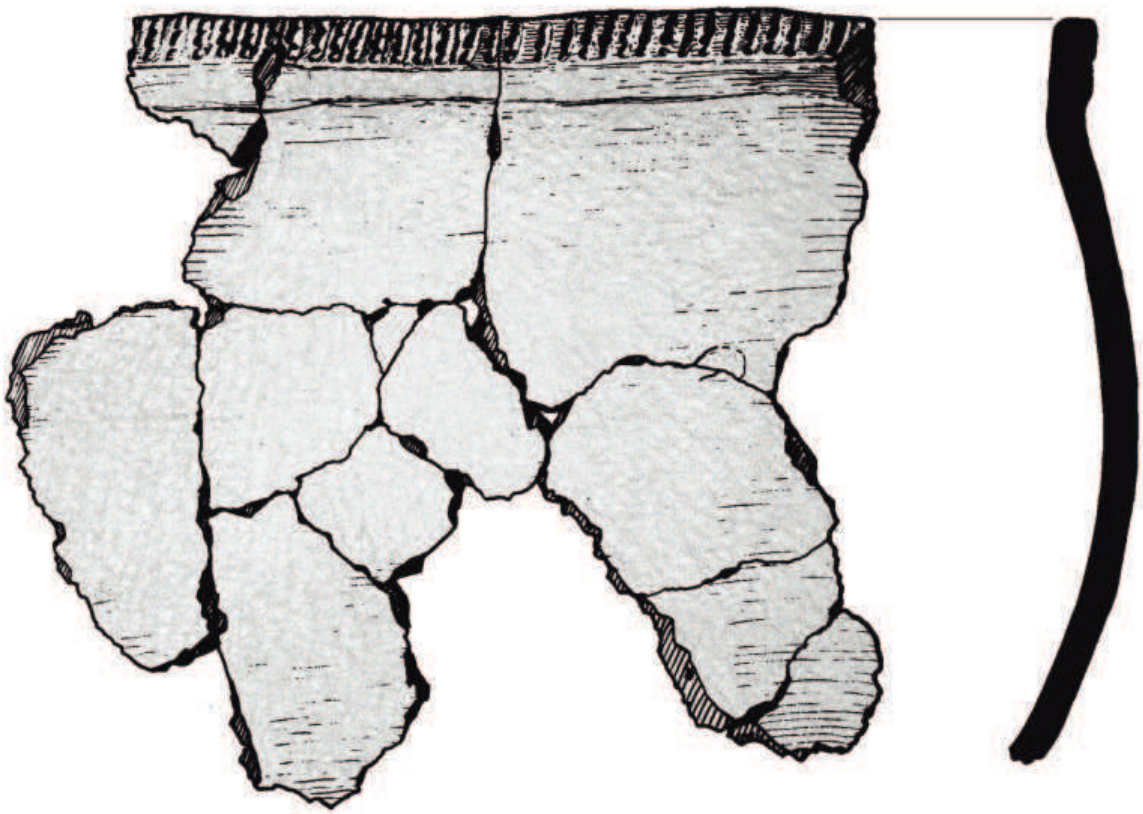


Рис. 311. Стоянка Хем-Теректиг. Третий культурный слой. Фрагменты керамического сосуда (реконструкция — № 11 на рис. 312)

Второй культурный слой Хем-Теректига определяется несколькими фрагментами керамики с волнистым орнаментом, характерным для сосудов сюннуской культуры, и фрагментами сосуда с развернутым венчиком и косо срезанным наружу краем. Подобные формы, хотя данная представлена и не полностью, характерны в Туве для шурмакской культуры (по терминологии Л. Р. Кызласова — *Кызласов,* 1958. С. 90–91; 1979), первый этап которой датируется I в. до н. э. — I в. н. э. Этим временем вполне можно определить бытование второго культурного слоя на данной стоянке.

Третий культурный слой на стоянке Хем-Теректиг является наиболее интересным и дает сравнительно разнообразный материал, пригодный для культурных и хронологических интерпретаций. Здесь найдено несколько выразительных фрагментов керамики, два бронзовых предмета (обломок лезвия ножа и обломок четырехгранной иглы), роговые двудырчатые псалии, костяное шило, костяное кинжаловидное орудие (рис. 312, *7–10, 12*). Итак, в третьем культурном слое мы имеем фрагменты бронзовых предметов, но в силу своей фрагментарности они ни о чем не говорят, хотя сравнение концов лезвий карасукских ножей показывает, что они в целом шире, чем лезвие ножа, обнаруженного на стоянке. Следующим предметом, имеющим широкое хождение, являются двудырчатые псалии, сделанные из отростка оленьего рога. Широко применялись роговые псалии в срубной, андроновской и карасукской культурах. Наши псалии стоят ближе всего к V типу псалиев, по классификации К. Ф. Смирнова, и датируются раннескифским или предскифским временем (*Смирнов,* 1961. С. 72), однако керамический материал стоянки не имеет ничего общего ни с одной из перечисленных культур.

Следующим широко распространенным в различных культурах предметом является костяное кинжалообразное орудие, которое интерпретируется некоторыми исследователями, как спицы для вязания сетей. Наибольшее число подобных предметов встречается в погребениях глазковской культуры, встречаются они и в окуневских могилах (*Максименков,* 1970. С. 76). Кинжаловидные острия изготовлялись из длинной трубчатой кости лося. На верхнем конце сквозное отверстие. Средняя длина — 22–24 см, ширина — 3–3,5 см; толщина около 0,4–0,5 см. Они впервые появляются в памятниках китойского времени, а затем становятся обычной принадлежностью глазковских погребений. Они найдены как на Лене и Ангаре, так и на Селенге (в Фофановском могильнике) (*Окладников,* 1950. С. 389;

Рис. 312. Стоянка Хем-Теректиг. Третий культурный слой. Находки: *1–6* — керамика; *7, 8* — псалии; *9* — шило; *10* — игольник; *11* — реконструкция сосуда; *12* — вязальная спица для сетей (*1–6, 11* — обожженная глина; *7, 8* — рог; *9, 10, 13* — кость)

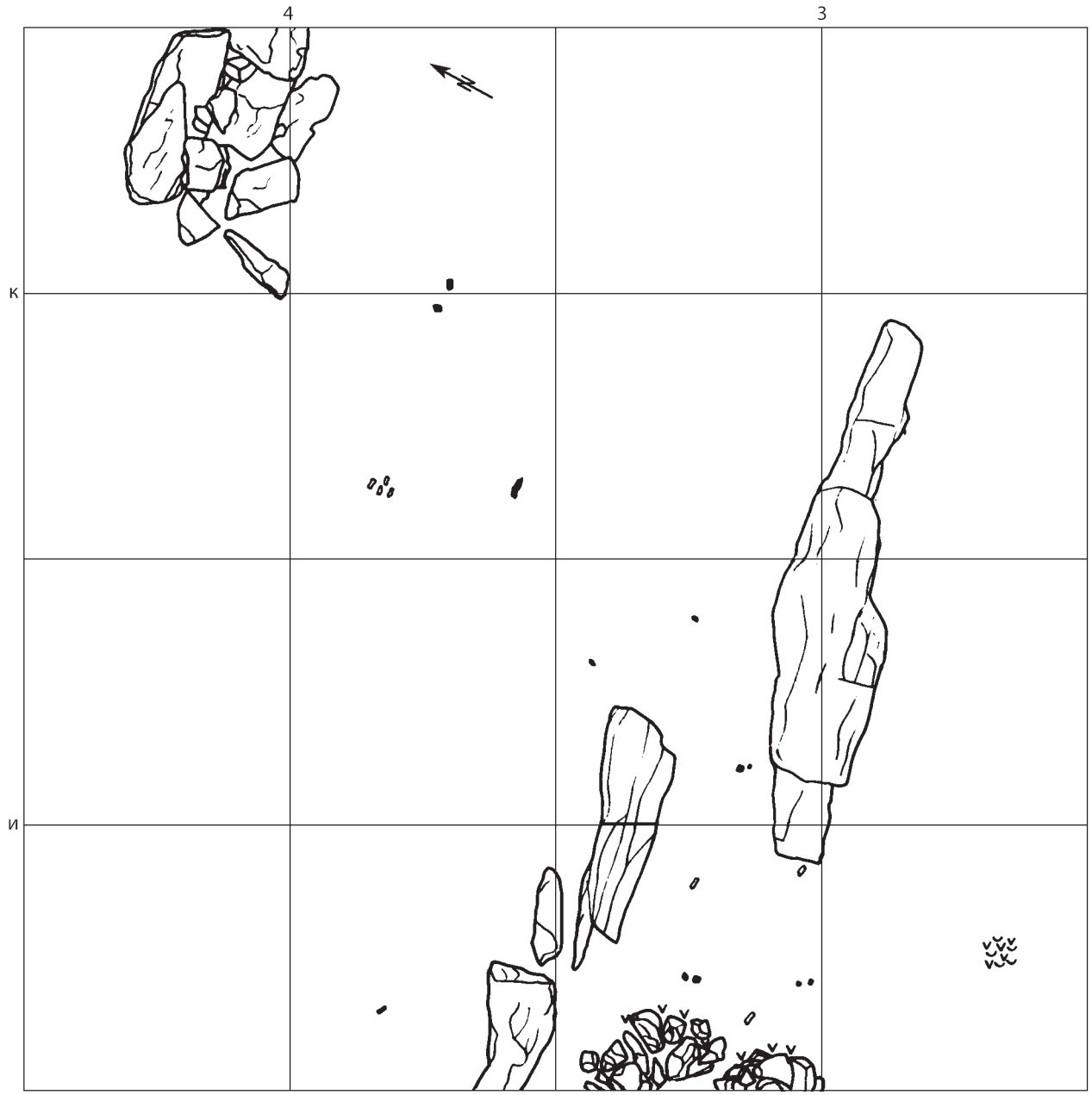


Рис. 313. Стоянка Хем-Теректиг. Четвертый культурный слой. План

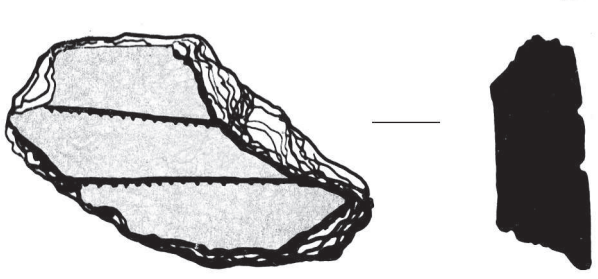


Рис. 314. Стоянка Хем-Теректиг. Четвертый культурный слой. Керамика

Рис. 315. Стоянка Хем-Теректиг. Зачистка раскопа по материку

1955. С. 108). Известно подобное орудие, происходящее из неолитического погребения в селе Батени (*Грязнов,* 1953. С. 335; *Косарев,* 1987. С. 292, рис. 128, *36, 37*). Под вопросом остается только неолитический возраст самого погребения. Такое же орудие из кости лося найдено в Шилкинской пещере (*Окладников,* 1960. С. 33), но культурный слой Шилкинской пещеры не однороден по составу обнаруженных в нем археологических артефактов. Все находки залегали в одном слое небольшой мощности, в верхней его части. Здесь были обнаружены наконечники стрел даурского типа; плечиковые тесла вилюйского типа; вкладышевые копья и ножи серовских форм, и, наконец, нефритовые кольца и костяные наконечники стрел с расщепом, датируемым глазковским временем. Костяное орудие, найденное в пещере, оставлено, по-видимому, глазковцами. Подобное орудие обнаружено в плиточной могиле у г. Топхар вместе с бронзовым ножом со слегка изогнутой рукояткой. Узкое лезвие при переходе в рукоятку расширяется, на ней — выпуклые поперечные полосы. Рукоятка заканчивается валиком и имеет небольшое отверстие. Данные костяные изделия имели широкое распространение в глазковское время в лесном Прибайкалье и в Забайкалье, где сходные вещи встречаются и в более позднее время (плиточные могилы) (*Сосновский,* 1941. С. 303, рис. 15, *2*). В этом же регионе широко распространена керамика со сглаженной штрихованной поверхностью, такая же керамика найдена в третьем культурном слое стоянки Хем-Теректиг. Это позволяет отнести данный слой ко времени более позднему, чем собственно глазковское время (XVI–XIII вв. до н. э.), о чем косвенно может свидетельствовать отсутствие кремневых орудий, встречаемых еще в глазковских погребениях, но и несколько более раннему, чем плиточные могилы Забайкалья, так как там уже отсутствуют округлодонные сосуды. Опираясь на все эти данные, мы можем сказать, что этот слой гораздо моложе третьего культурного слоя стоянки Хадынных I и древнее второго культурного слоя этой стоянки.

Под третьим культурным слоем залегал четвертый культурный слой, сильно перемытый водой. В этом слое, как уже говорилось, были найдены только пластинчатые кварцитовые отщепы и микропластинки. Предварительно этот слой можно отнести к неолиту.

11.1.4. Стоянка Базага

Стоянка Базага (Ханныхское займище) расположена на правом берегу Енисея в 8 км выше поселка Усть-Уса (рис. 316). Она исследовалась в 1977 и 1979 гг. двумя небольшими раскопами, общая площадь которых составляет 28 кв. м. Здесь выявлено пять культурных слоев (рис. 317), в одном из которых найдено несколько мелких фрагментов керамики с зубчатой орнаментацией (рис. 318, *1–12*) и два наконечника стрел окуневского облика (рис. 318, *14, 15*).

Стратиграфия стоянки Базага (рис. 317):

№	Слой	Мощность (м)
1	Дерновый слой	до 0,9
2	Песок темный (**первый культурный слой**)	более 0,1
3	Песок светлый	до 0,2
4	Песок темный (**второй культурный слой**)	0,3
5	Песок светлый	0,15
6	Супесь темная (**третий культурный слой**)	до 0,15
7	Песок светлый	0,1
8	Супесь темная (**четвертый культурный слой**)	0,15
9	Песок	0,1
10	Суглинки (**пятый культурный слой**)	0,1
11	Песок мелкий речной	

В ***третьем культурном слое*** найдена керамика скифского облика, в ***четвертом и пятом культурных слоях*** — керамика окуневского облика. На берегу Енисея подобрано еще несколько фрагментов орнаментированных сосудов.

11.1.5. Стоянка Сосновка-Джойская

Стоянка Сосновка-Джойская была открыта в 1975 г. С. Н. Астаховым. Она расположена на правом берегу Енисея в 60 м выше устья ручья Сосновка-Джойская (рис. 319). Культурный слой стоянки существенно пострадал в результате проводившихся здесь дорожно-строительных работ (рис. 320). Нетронутый участок террасы с сохранившимся культурным слоем примыкал к скалам и был сильно загроможден их обломками (рис. 321). На этом участке удалось вскрыть площадь всего 18 км. м, из них около 3 кв. м занимал скальный выход, который был прикрыт дерном и незначительным наносом песка, так что собственно неолитический слой вскрыт на площади не более 15 кв. м. Квадраты в раскопе получили цифровые обозначения от 3 до 8 вверх по ручью (т. е. вдоль речной террасы) и буквенные от Б до Д в направлении от скал к реке (поперек террасы) (рис. 322).

Рис. 316. Стоянка Базага. Общий вид

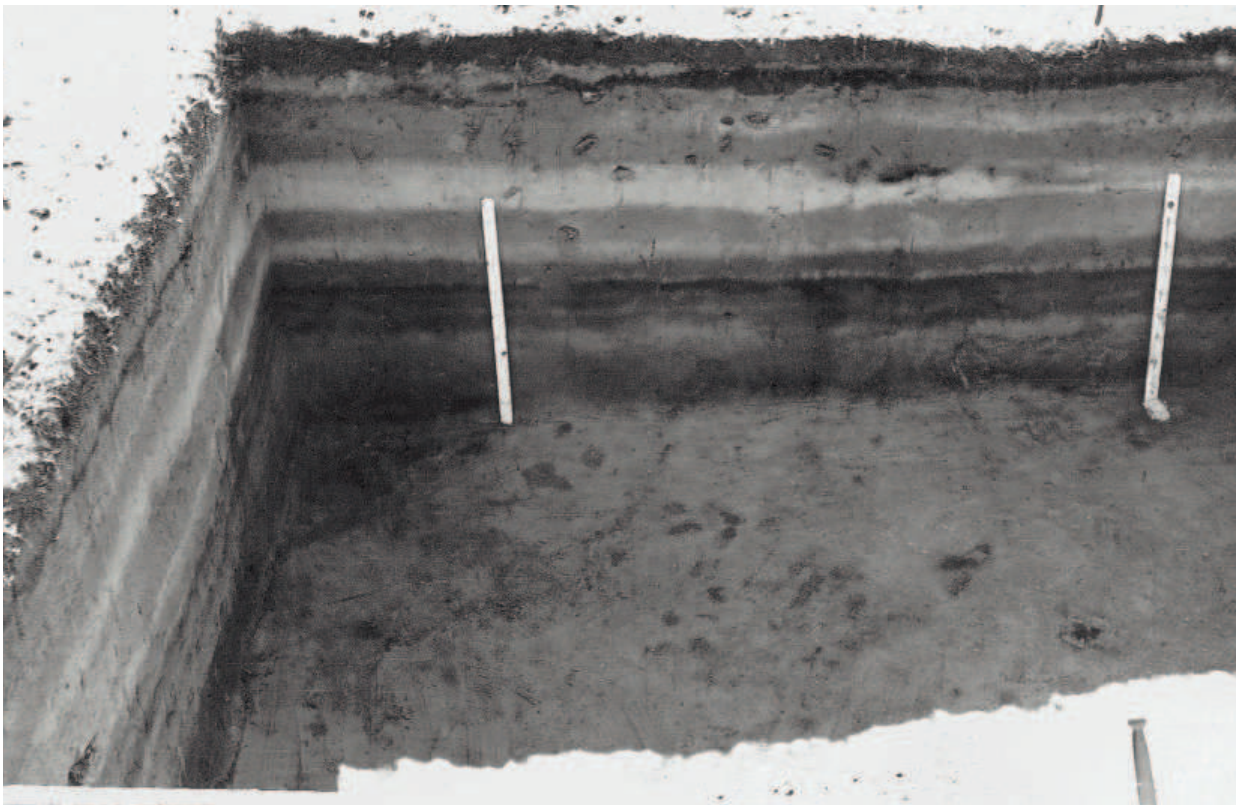


Рис. 317. Стоянка Базага. Стратиграфия раскопа

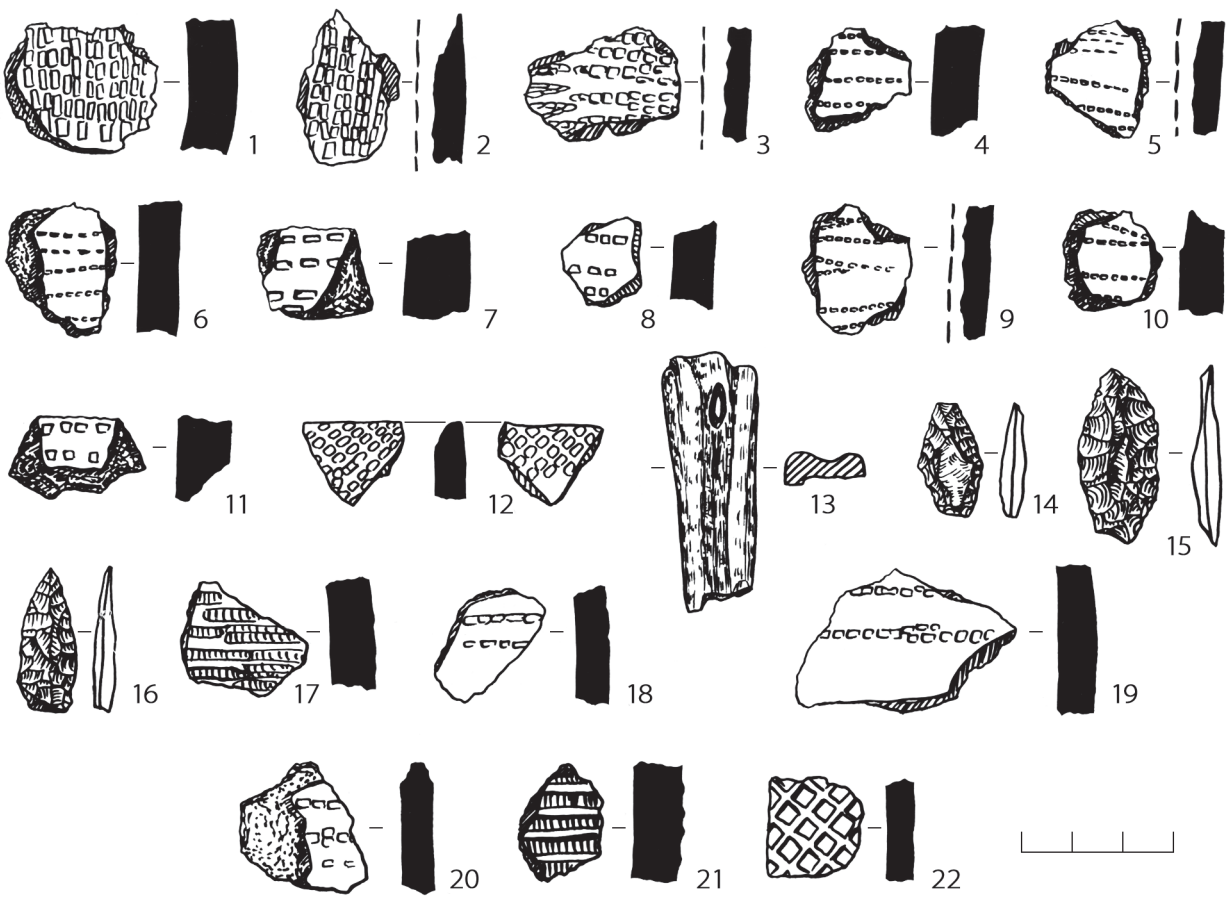


Рис. 318. Стоянки Базага (*1–16, 18–20, 22*) и Тес-Хем (*17, 21*). Находки: *1–12, 17–22* — керамика; *13–16* — камень

Стратиграфия стоянки Сосновка-Джойская (рис. 323):

№	Слой	Мощность (м)
1	Дерновый слой	до 0,2
2	Песок крупнозернистый с обломками скал	0,2
3	Песок мелкий светло-коричневый (**культурный слой**)	0,2
4	Песок мелкий с галечными включениями	

Правобережная терраса ручья Сосновка-Джойская сложена аллювиальными отложениями с делювиальными примесями. Культурные остатки встречены в первом и третьем литологических слоях. Первые находки встречались даже на поверхности земли под слоем опавших листьев. В дерновом слое обнаружены кварцитовые отщепы и гладкостенная керамика с большой примесью песка, близкая по облику керамике, встреченной во всех верхних культурных слоях на стоянках в каньоне Енисея. Всего найдено около 100 фрагментов. Керамика толстостенная, бурая, с примесью дресвы. Найдено несколько фрагментов плоских днищ и венчики с ровно срезанным краем; чуть отогнутым наружу. На тех памятниках, где это удавалось проследить, такая керамика занимала место в после скифское время. На глубине 5–10 см на границе кв. Г-6, Г-7 и В-6, В-7 вскрыто слабое зольное пятно с костями животных.

Культурные остатки неолитического облика встречены в третьем литологическом (***втором культурном***) слое. Этот слой имел светло-коричневую окраску и сильно загроможден обломками скал. Несмотря на это, в результате разборки культурного слоя, проведенной с максимальной тщательностью, была собрана значительная коллекция каменного инвентаря.

Находки распределялись довольно равномерно по всей площади раскопа, несколько большее число их приурочено к овальному очагу с ограждением из восьми больших камней и отемненному пятну размерами 1 × 2 м, прослеженному в нижней части третьего литологического слоя (рис. 324). Общее число отходов каменной индустрии превышает 650 ед. Из них мелких отщепов и чешуек — 535, крупных и массивных отщепов — более 100. Основным сырьем для изготовления орудий служили кварцитовые гальки, но встречаются и орудия из зеленокаменных пород.

О технике расщепления камня можно судить по одному дисковидному ядрищу с радиальными следами скалывания отщепов. Предпринимались и попытки изготовления торцовых нуклеусов, но материал не позволил использовать их для скалывания пластин и отщепов правильных форм, так как гальки были трещиноватые, с прожилками сланца. В связи с этим на стоянке имеется довольно много нуклевидных осколков и крупных отщепов бесформенных очертаний со следами беспорядочных снятий в различных направлениях.

Рис. 319. Стоянка Сосновка-Джойская. Профиль террасы через стоянку

Рис. 320. Стоянка Сосновка-Джойская. Сохранившийся участок стоянки

Рис. 321. Стоянка Сосновка-Джойская. Вид раскопа

Рис. 322. *Стоянка Сосновка-Джойская. Второй культурный слой*

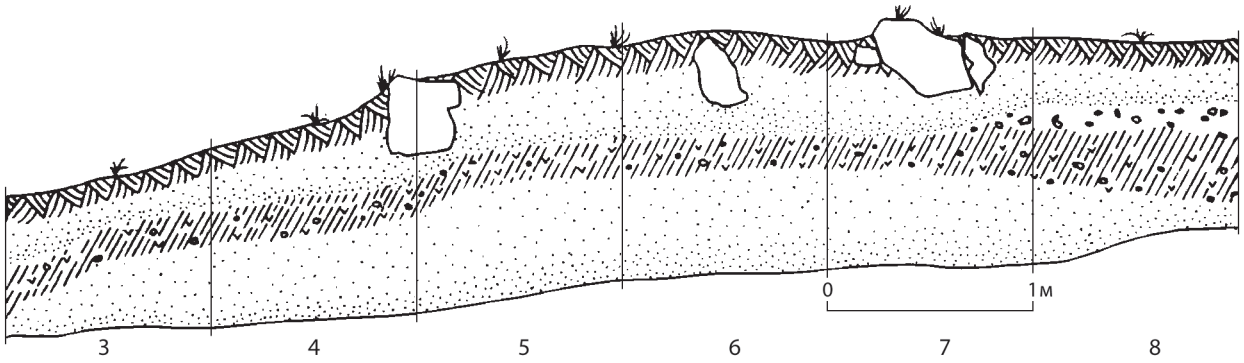


Рис. 323. Стоянка Сосновка-Джойская. Стратиграфия

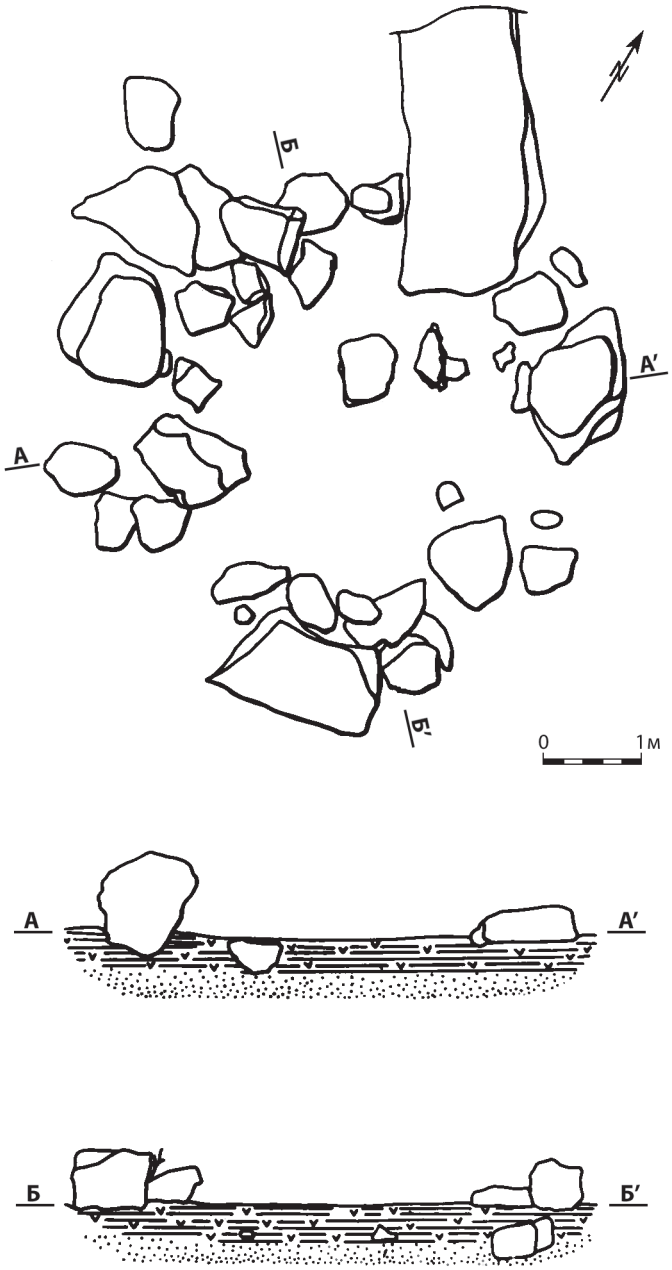


Рис. 324. Стоянка Сосновка-Джойская. Второй культурный слой. Очаг

Эти отходы каменного производства не поддаются никакой удовлетворительной классификации. Тем не менее, даже из этого сырья изготовлялись необходимые орудия. Прежде всего, можно отметить наличие массивных скребел на больших отщепах. Одно из них овальной формы, плосковыпуклое в сечении. Выпуклая сторона полностью обработана крупными сколами, плоская только по периметру (рис. 325, *6*). Второе подобное скребло также бифасиально, обработано плосковыпуклой ретушью (рис. 325, *2*). Другой вид скребел представлен одним экземпляром. Это скребло треугольных очертаний имеет выпуклый рабочий край. Оно довольно массивно и почти не подвергалось вторичной обработке (рис. 325, *3*).

Обнаружен скребок на плоском отщепе с округлым рабочим краем и с приостренным противоположным концом. Одно из орудий, сделанных из белого кварцита, было бифасиально обработано крупными уплощающими сколами. Это орудие приближается к пикообразной форме и является заготовкой наконечника дротика или стрелы (рис. 325, *7*). Оно не закончено, так как края образуют зигзагообразную линию. Длина этого орудия 8,5 см, ширина в средней части 3,5 см.

Два крупных тесловидных орудия были сделаны из зеленокаменных галек. Оба они сохраняли первоначальную форму гальки. Одно из них, овальное в сечении, 20,5 см длиной и около 8 см шириной, использовалось как клин. Один конец гальки подтесан и имел вид грубо оформленного лезвия. На противоположном конце сохранились следы забитости. Галечная корка покрывает почти всю поверхность орудия, но оно служило еще наковальней или ретушером (рис. 325, *9*). Подобное орудие меньшего размера было слегка уплощено сколами с одной стороны, так что галечная корка здесь снята. Лезвие его более тщательно оформлено мелкими снятиями, обушок также подтесан (рис. 325, *8*). Вероятно, это тоже клин. Его вбивали в дерево, отчего на боковых гранях появилась заполированность.

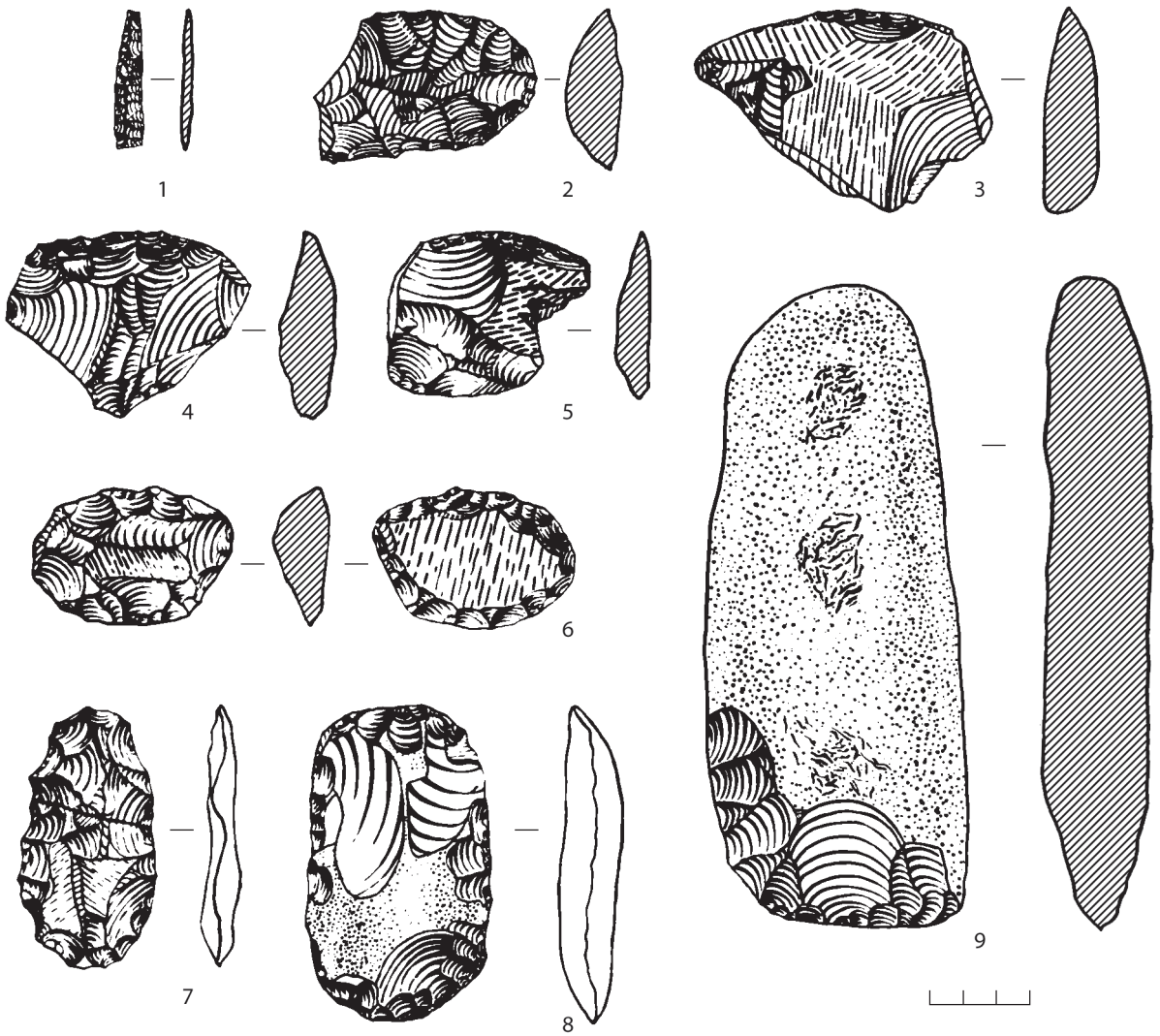


Рис. 325. Стоянка Сосновка-Джойская. Каменный инвентарь

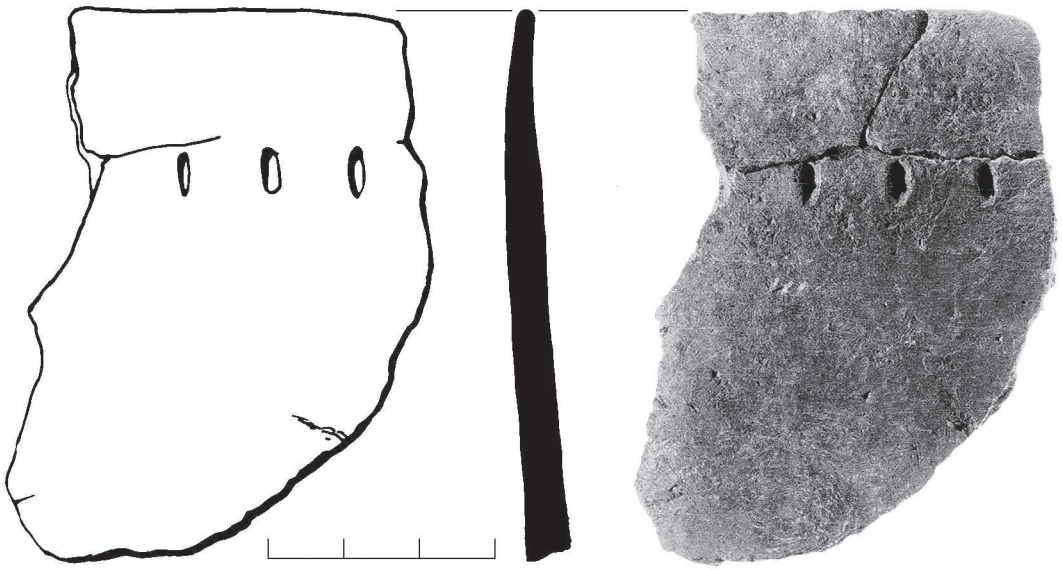


Рис. 326. Стоянка Сосновка-Джойская. Второй культурный слой. Керамика

В культурном слое стоянки найдены двусторонне ретушированные вкладыши: два обломка и один целый. Длина последнего 4,5 см, ширина 0,8 см (рис. 325, *1*). Кроме сравнительно крупных вкладышей имеется микро вкладыш длиной 1,6 см и шириной 0,4 см.

Помимо названных орудий следует еще отметить наличие обломка наконечника стрелы с прямым основанием, крупного бокового скребла на отщепе и бифасиального орудия.

Керамика, происходящая из этого культурного слоя, была представлена шестью фрагментами без орнаментации. Один более крупный фрагмент сосуда имел овальные неглубокие вдавления чуть ниже венчика, край которого рассечен мелкими насечками. Вся керамика красного цвета, с примесью шамота или органических отощителей. Толщина черепков 0,4–0,5 см. Один более крупный фрагмент сосуда имел овальные неглубокие вдавления чуть ниже венчика, край которого рассечен мелкими насечками. Глиняное тесто хорошо отмучено, цвет черепка красновато-бурый, что связано с условиями залегания (рис. 326).

Следует упомянуть и гематит, или красный железняк, найденный в культурном слое. Этот минерал использовался для получения краски. На скалах над стоянкой Сосновка-Джойская имеются изображения лосей, быка, человека с луком и лодки, написанные красной краской. В километре ниже Сосновки-Джойской на правом берегу Енисея расположен известный Джойский навес с личинами окуневского времени. Третий пункт с наскальными изображениями находится в 1 км ниже устья р. Кантегир и, возможно, связан с обитателями стоянки Усть-Кантегир, к описанию которой мы переходим ниже.

11.1.6. Стоянка Усть-Кантегир

Стоянка Усть-Кантегир исследовалась в 1976–1977 гг. на площади 96 кв. м (рис. 327). Она расположена на мысу, на второй надпойменной террасе реки на левом берегу древней старицы р. Кантегир в 200 м от ее устья. Вероятно, в то время когда здесь существовало неолитическое поселение, рядом проходил один из рукавов реки, впоследствии обмелевший. В неолите эта протока оставалась еще водной и во время паводков затапливала стоянку. Культурные слои залегали в супесчаных и песчаных отложениях и различались по окраске.

Стратиграфия стоянки Усть-Кантегир (рис. 328; 329):

№	Слой	Мощность (м)
1	Дерновый слой	до 0,2
2	Песок отемненный (**первый культурный слой**)	0,2
3	Песок желтый	0,35
4	Супесь черная (**второй культурный слой**)	0,2
5	Песок мелкий черный	0,3
6	Песок светлый	0,1
7	Песок мелкий серого цвета	

Культурные остатки распределялись по слоям следующим образом: в дерновом слое найден кыргызский наконечник стрелы, под дерном в верхней части второго литологического слоя — два бронзовых ножа

Рис. 327. Стоянка Усть-Кантегир. Общий вид

(рис. 330) и небольшое количество фрагментов керамики. Один нож обнаружен в кв. 13-Г-Б (размеры 14 × 1,8 см). У него в верху рукояти — кольцо, имеющее треугольное сечение, копытообразный значок в основании лезвия и желобок по краю рукояти. Кольцо значительно шире ручки (рис. 330, *2*). Второй нож аналогичный, размерами 14 × 1,5 см, но кольцо на рукояти у него отломано, место слома заполировано. В основании лезвия копытообразный знак и глубокий желобок по краю рукояти (рис. 330, *1*). Лезвия ножей сильно изогнуты. По-видимому, они вторично использовались как скобели. Оба ножа датируются V–IV вв. до н. э., т. е. сарагашенским этапом тагарской культуры.

Культурные остатки в ***первом культурном слое*** залегали в значительной толще темного песка (0,2–0,25 м) и являлись, вероятно, разновременными. В верхней части слоя были угольки и несколько фрагментов керамики с зубчатым штампом: один из них происходит от придонной части сосуда (переход к плоскому дну), а другой — обломок красного цвета — имел округлый край венчика, слегка отогнутый наружу. Также можно выделить фрагмент, орнаментированный косо поставленным гребенчатым штампом. Наряду с мелкими обломками керамики в слое найдено два кремневых отщепа и скребок. Помимо этих находок в первом культурном слое найден кусок бронзового шлака.

Никаких других предметов, на основании которых можно было бы говорить о смешении материалов, в нижней части слоя не найдено. Возможно, наконечник копья был принесен на стоянку тагарцами. В связи с этим следует заметить, что бурятские шаманисты особо почитали орудия из камня эпохи палеолита, неолита или бронзы, а также метеориты и другие необычные по форме камни, которые получили название буумалиэжен. Им приписывалось неземное происхождение. Каждый из подобных предметов персонифицировался в какого-либо духа (*Манжигеев,* 1978). Не исключено, что истоки этих представлений могли зародиться в скифское время.

В четвертом литологическом слое, в супесях черного цвета залегали остатки неолитического времени — ***второй культурный слой***. Слой, вероятно, затапливался во время паводков, в результате чего очень плохо сохранилась керамика и были размыты кострища. Этот слой подстилает черный оторфованный песок, что также свидетельствует об увлажненности почвы. Аллювиальные отложения накапливались вплоть до тагарского времени, когда ландшафт в приустьевой части Кантегира принял современный характер.

Основной раскоп имел площадь 72 кв. м. В нем вскрыты две выкладки из речных галек. Они могли

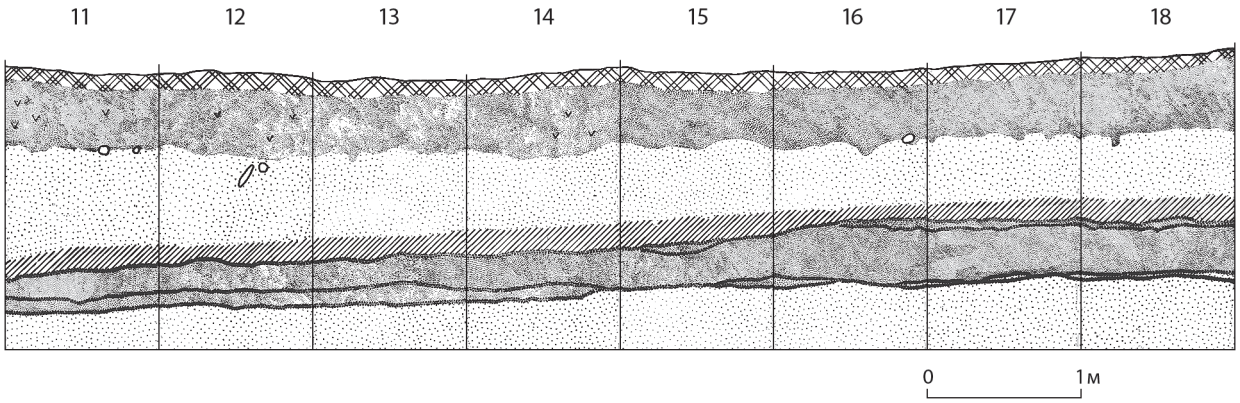


Рис. 328. Стоянка Усть-Кантегир. Стратиграфия

Рис. 329. Стоянка Усть-Кантегир. Раскоп 1976 г.

Рис. 330. Стоянка Усть-Кантегир. Первый культурный слой. Бронзовые ножи

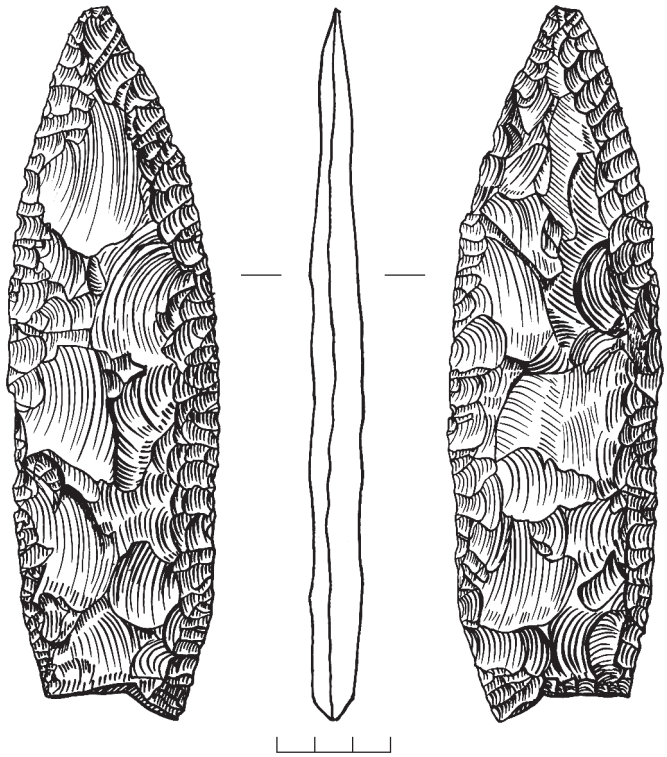


Рис. 331. Стоянка Усть-Кантегир. Первый культурный слой. Кремневый кинжал

Рис. 332. Стоянка Усть-Кантегир. Второй культурный слой. Очажная выкладка

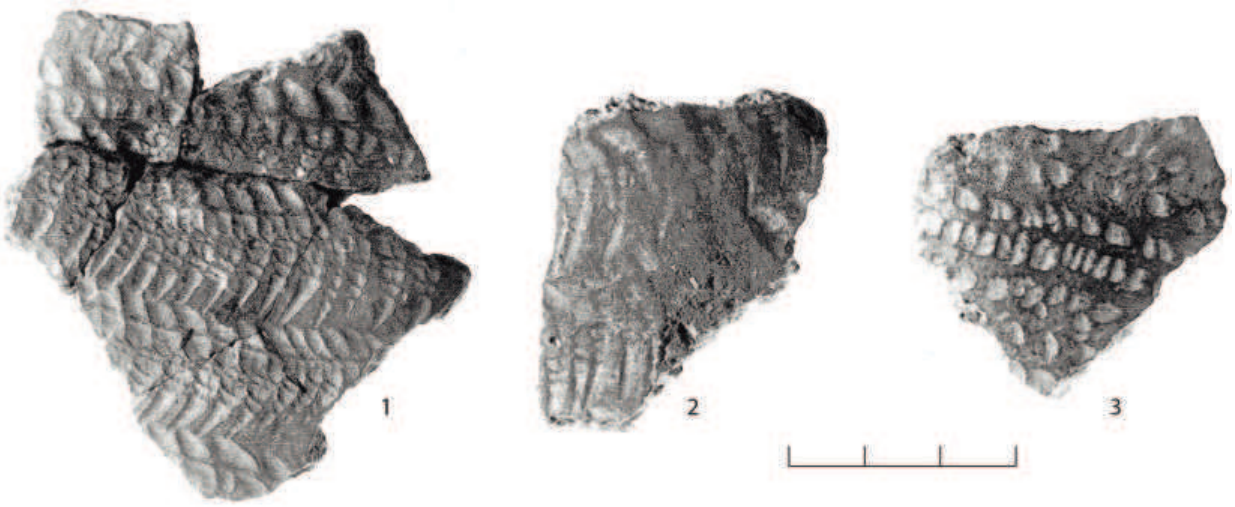


Рис. 333. Стоянка Усть-Кантегир. Второй культурный слой. Керамика

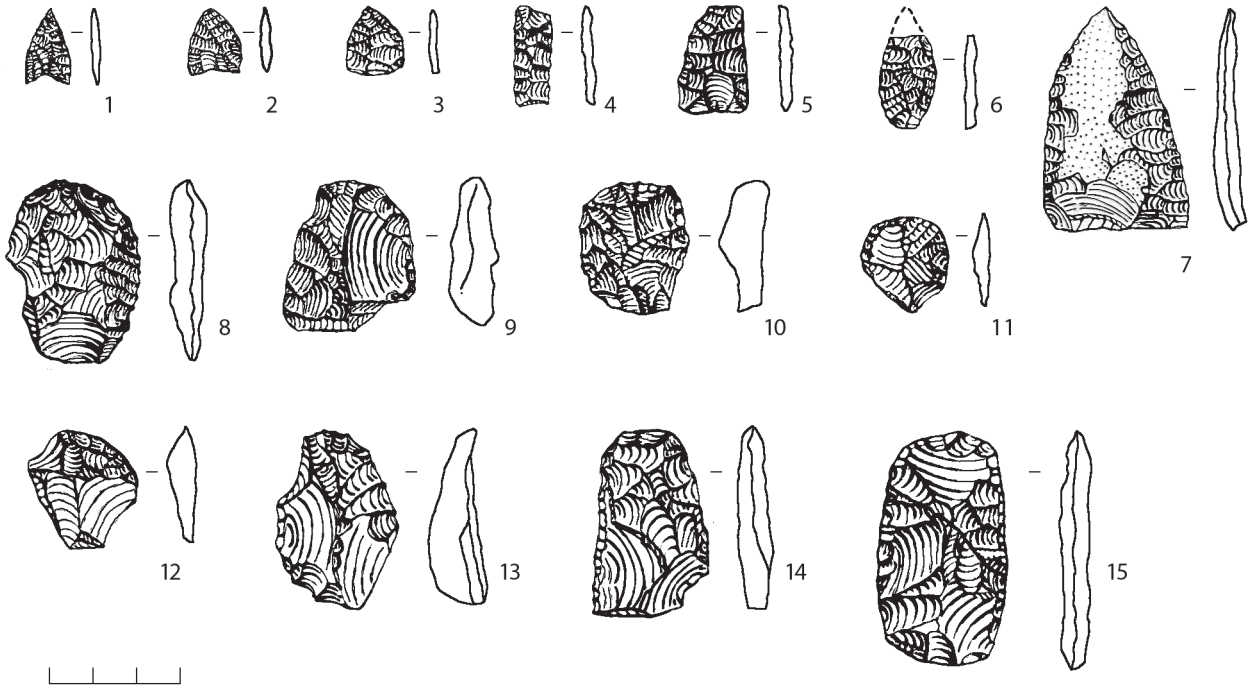


Рис. 334. Стоянка Усть-Кантегир. Второй культурный слой. Каменный инвентарь

служить очагами, так как между гальками остались угли и многие из них потрескались от пребывания в огне (рис. 332). Керамики сохранилось очень мало, найдено всего четыре фрагмента, орнаментированных шагающей гребенкой. На двух фрагментах оттиски гребенки нечеткие, два других орнаментированы несколько лучше (рис. 333).

Отходов каменной индустрии также немного — около 130 отщепов и чешуек, орудий менее 10 ед. Как и на Сосновке-Джойской, здесь использовались кварцитовые гальки. Из орудий можно отметить крупные скребла на массивных отщепах, скребки на отщепах высоких форм, обломок двусторонне ретушированного вкладыша (рис. 334, *4*), сломанный наконечник копья, который имеет длину сохранившейся части 5 см н ширины 3 см (рис. 334, *7*), наконечник стрелы с прямым основанием и обломанным жалом (рис. 334, *5*).

В 10 м к западу от основного раскопа была заложена траншея (№ 1) площадью 12 кв. м (6 × 2 м) и такая же траншея была расположена в 8 м к востоку от края раскопа. К западу терраса повышалась и стратиграфия была несколько иной. Культурный слой с каменным

инвентарем перекрыт маломощным слоем глины. Инвентарь оказался довольно беден. Здесь найдены в основном бесформенные отщепы, один одноплощадочный и два торцовых нуклеуса, из орудий всего один скребок из хорошего кремня.

Вторая траншея, расположенная на самом мысу древней террасы, дала гораздо большее количество материала. В этой траншее обнаружена выкладка из речных галек, подобная выкладкам в основном раскопе. К ней приурочено значительное количество отходов, полученных при расщеплении камня. Здесь найдено 230 чешуек, 330 мелких и средних отщепов, три сильно сработанных нуклеуса со следами беспорядочных снятий, девять осколков крупных кварцитовых галек, один из которых сохранял корку. Здесь же было шесть наконечников стрел, из них три с выемчатым основанием. Два целых экземпляра имели длину 1,5 см (рис. 334, *1, 2*), третий представлен только обломком без жала. Четвертый наконечник, также со сломанным жалом, был листовидной формы, его основание округлое, но острие утрачено (рис. 334, *6*). Еще два наконечника не имеют базы. Один из последних по очертаниям приближается к наконечникам с выемчатым основанием (рис. 334, *3*).

Из других орудий отметим скребки с округлым рабочим краем (рис. 334, *11*) и два бифасиально обработанных орудия, очень близких подобному изделию из Сосновки-Джойской. Одно из них сделано из такого же прозрачного кварцита, но меньше по размерам и более тщательно обработано (рис. 334, *15*), от другого (из черного кварцита) сохранилась одна половина (рис. 334, *14*). Также представлены концевые скребки на отщепах (рис. 334, *10, 12, 13*).

Во второй траншее найден кусок гематита, что может служить подтверждением связи наскальных изображений уже упоминавшейся группы в 1 км ниже устья р. Кантегир со стоянкой. Среди этих изображений, хотя и считаемых окуневскими, могут быть и неолитические.

***

В заключение следует отметить несомненное сходство каменного инвентаря стоянок Сосновка-Джойская и Усть-Кантегир. На той и другой найдены двусторонне ретушированные вкладыши, скребла на массивных отщепах, бифасиальное пикообразное орудие из кварцита. На обоих памятниках найден гематит, использовавшийся, вероятно, для изготовления краски. Но говорить о культурной однородности этих стоянок преждевременно, так как обнаруженные единичные фрагменты керамики имеют существенные различия. Тем не менее слой с каменным инвентарем стоянки Усть-Кантегир можно отнести к концу неолита, так как керамика, подобная посуде из Усть-Кантегир, была найдена в доафанасьевских слоях стоянки Тоора-Даш. На той же стоянке имеются и наконечники стрел с выемчатым основанием, и двусторонне ретушированные вкладыши. Возможно, что стоянка Сосновка-Джойская относится к этому же времени.

11.2. Стоянки Тоджинской котловины

На северо-востоке Тувы, в бассейнах рек Бий-Хема и Хамсары лежит межгорная Тоджинская впадина, в центре которой находятся большие озера Азас, Нойон-Холь, Маны-Холь и др. (рис. 335). Стоянки эпохи бронзы известны пока только на протоке, соединяющей озера Азас и Хочжир-Холь (рис. 336), и на правом берегу р. Тоора-Хем, вытекающей из оз. Хочжир-Холь и впадающей в Бий-Хем. Наибольшие по объему работы проведены на стоянке Азас I, исследованной на площади около 600 кв. м (в целом площадь культурного слоя на памятнике оценивается в 2000–2500 кв. м).

Первый исследователь Тоджинской стоянки (Азас I и Азас II) С. И. Вайнштейн заложил раскоп площадью 300 кв. м по краю береговой террасы высотой 4–5 м над урезом воды. М. А. Дэвлет продолжила исследование стоянки двумя раскопами и траншеями на площади свыше 270 кв. м (*Дэвлет,* 1973а, 1973б, 1973в, 1973г).

В 1989 г. к одному из раскопов М. А. Дэвлет нами была прирезана траншея 7 × 2 м и получены дополнительные данные по стратиграфии стоянки и новый археологический материал (рис. 337).

Стратиграфия стоянки **Азас I** (рис. 338):

№	Слой	Мощность (м)
1	Дерновый слой	0,00–0,25
2	Песок темный, гумусированный	0,2–0,4
3	Супесь желтая, слабо гумусированная	0,4–0,8
4	Далее супесь желтая с включениями мела и мелкого галечника (материк)	

Культурные остатки залегали практически по всей толще гумусированной почвы, начиная с дернового слоя до желтого чистого песка. В слое темного гумусированного песка мощностью 0,2–0,3 м (***первый горизонт***) было найдено 39 фрагментов орнаментированной керамики и 72 фрагмента гладкостенной, без орнамента посуды, 22 микропластинки и их обломки, два скребка из кремня, в том числе один на расколотом нуклеусе, острие двусторонне ретушированной стрелы (рис. 339, *1*).

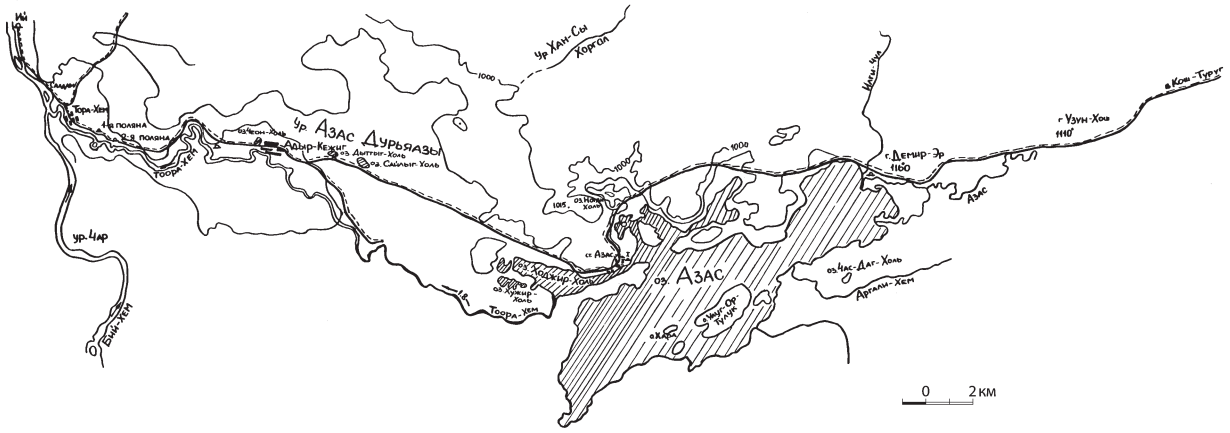


Рис. 335. Месторасположение стоянок Азас I и Азас II, Тоора-Хем «Первая Поляна» и Тоора-Хем «Вторая Поляна»

Рис. 336. Стоянка Азас II. Протока между озерами Азас и Хочжир-Холь

Культурные остатки ***второго горизонта*** приурочены к контакту темного и желтого слоя (рис. 339, *2*). Этот горизонт содержал также смешанные материалы, но неорнаментированной керамики здесь обнаружено значительно меньше. Встречалась керамика окуневского облика, но вся она сильно фрагментирована. Каменный инвентарь представлен коническими, клиновидными и призматическими нуклеусами, микропластинками, скребками и скреблами. Всего в этом горизонте найдено 43 фрагмента орнаментированной керамики и 10 фрагментов без орнамента. Из каменного инвентаря можно отметить два клиновидных нуклеуса (рис. 340, *1–30, 38–51*).

Для керамики стоянки Азас I характерны округлые венчики с защипами или орнаментом по краю (рис. 341, *1*). На ней преобладает гребенчатая орнаментация, встречается серповидный (или ногтевидный) и производный от него узоры (рис. 341; 342). Под венчиками иногда проходит ряд округлодонных ямок. В одном случае имеются жемчужины, в двух случаях налепные валики, характерные для ранней окуневской керамики (рис. 341, *3, 8*). Подобная керамика была получена и при раскопках М. А. Дэвлет. У некоторых сосудов орнаментировалось плоское днище, что является также чертой, характерной для окуневской культуры (рис. 341, *15*).

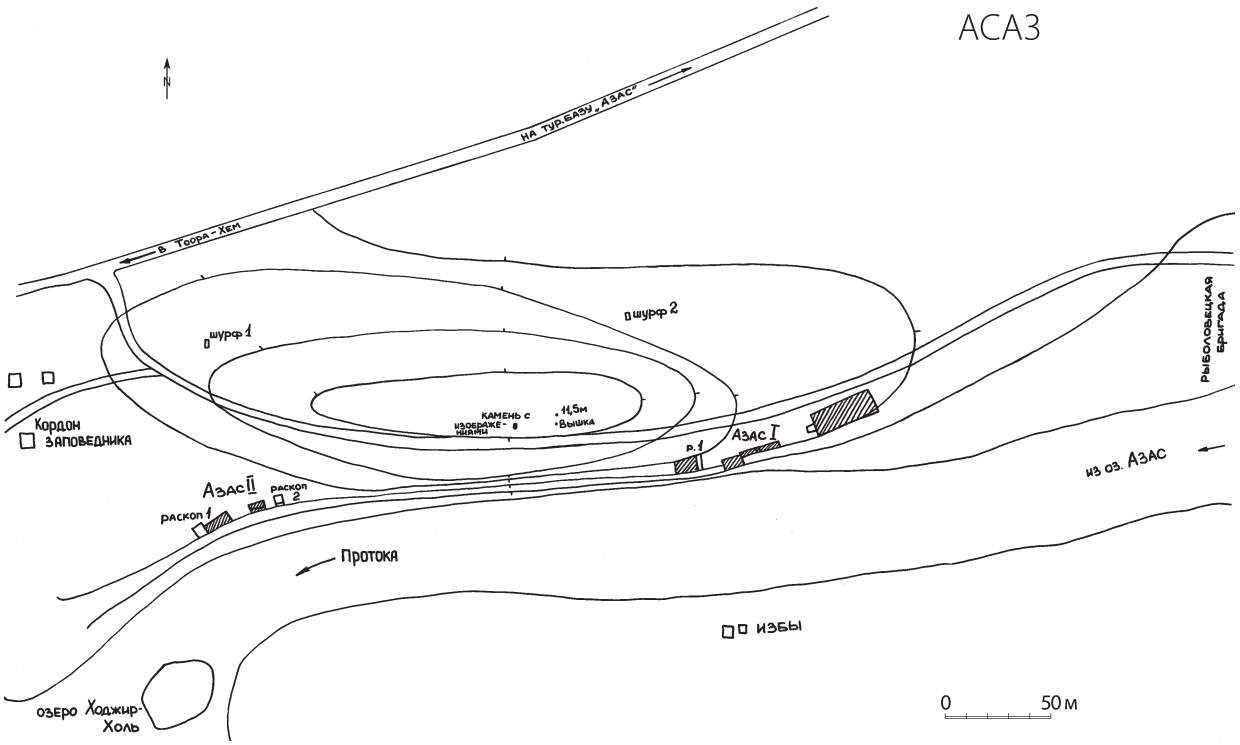


Рис. 337. Стоянки Азас I и Азас II. План местонахождений и расположение раскопов

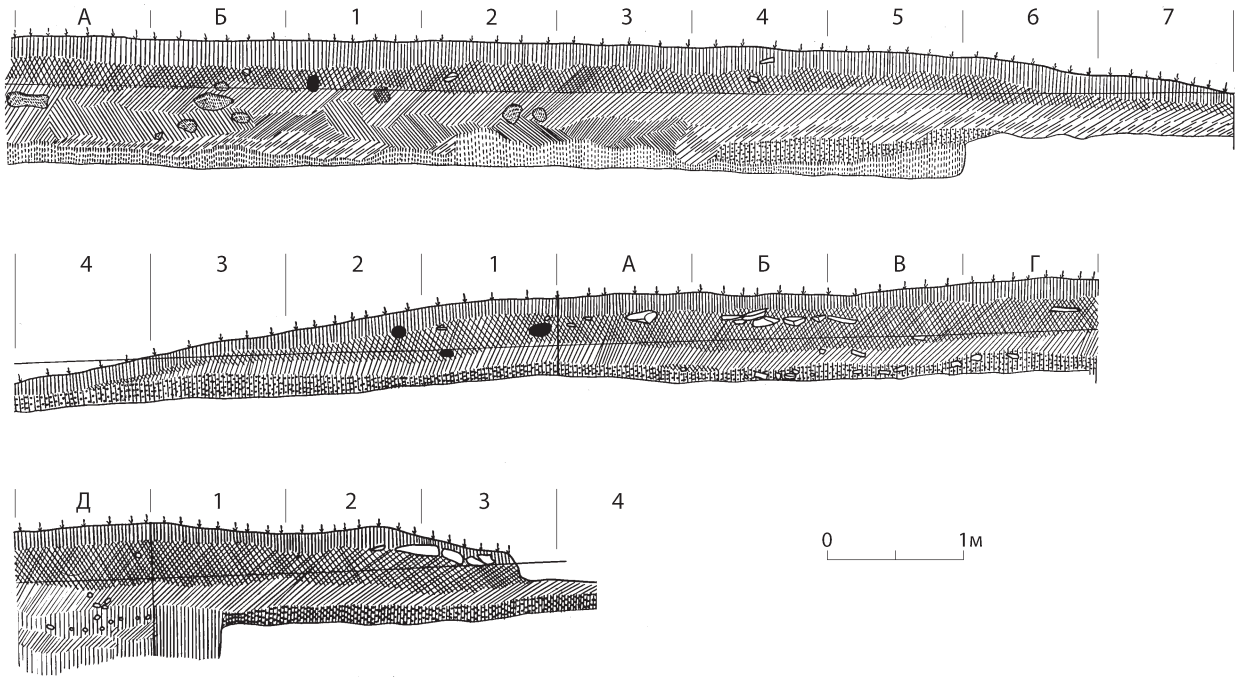


Рис. 338. Стоянка Азас I. 1989 г. Стратиграфия

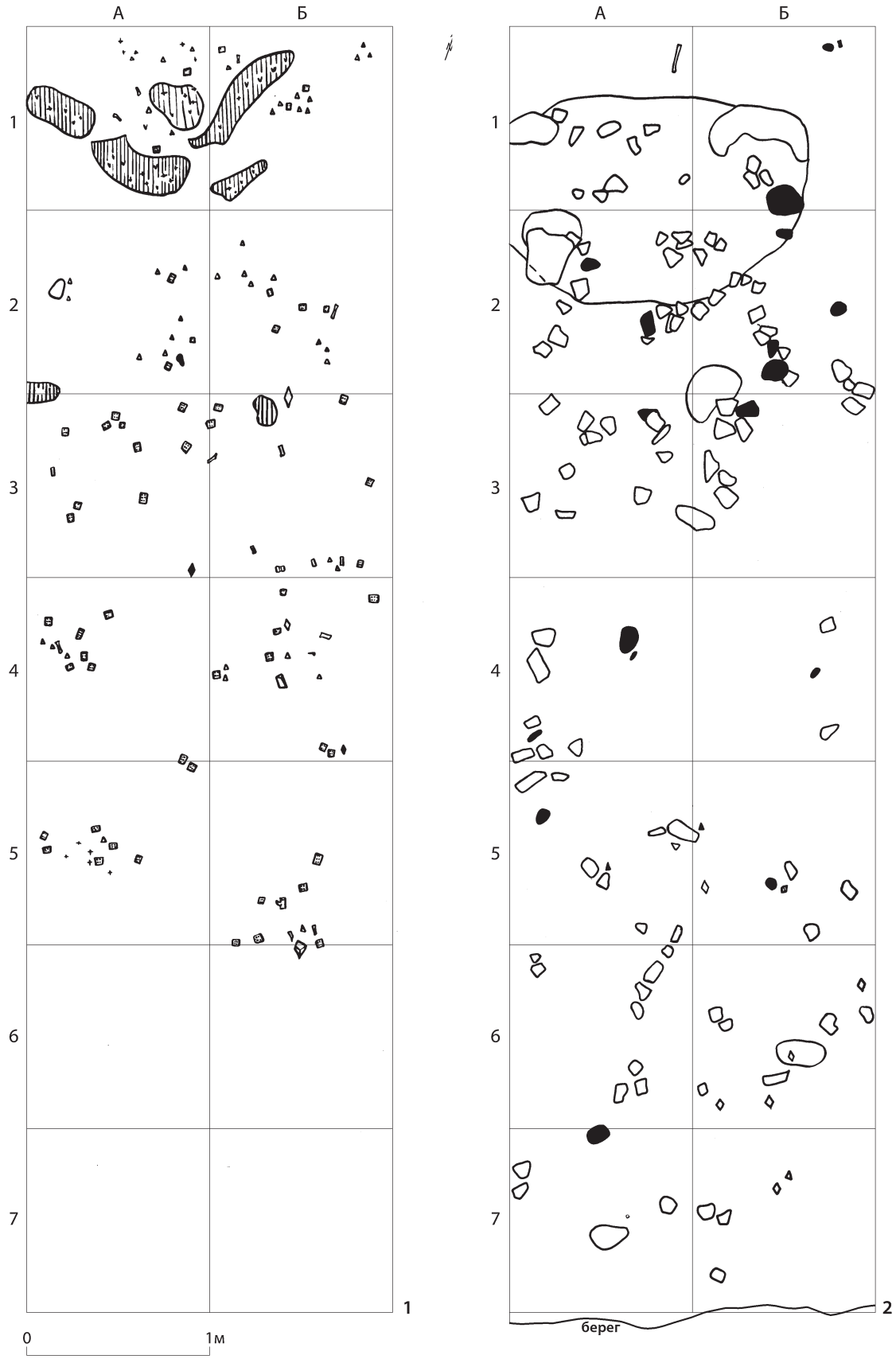


Рис. 339. Стоянка Азас I. 1989 г. Планы первого (*1*) и второго (*2*) горизонтов

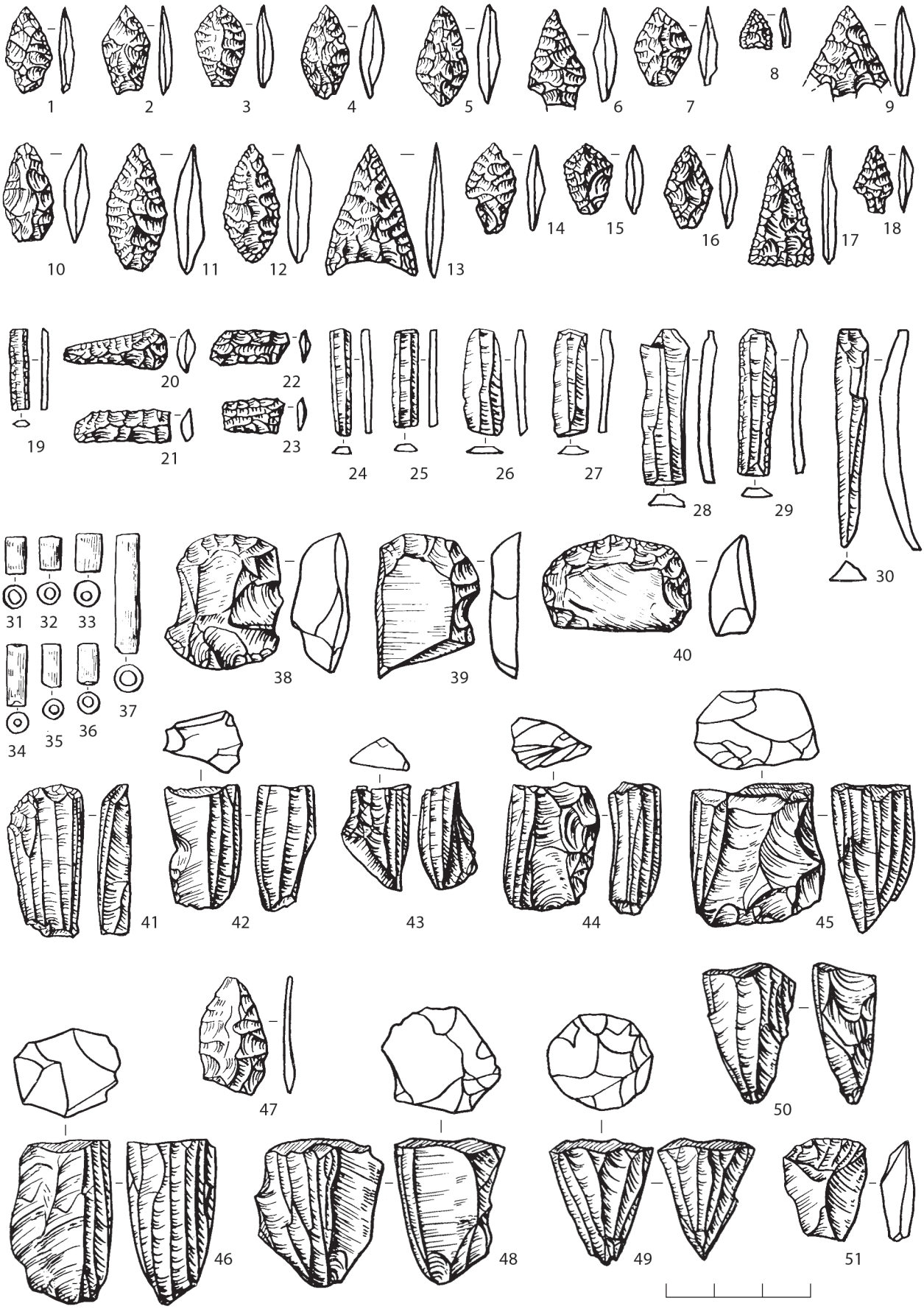


Рис. 340. Стоянки Азас I и Азас II. Находки: *1–30, 38–51* — камень; *31–37* — кость

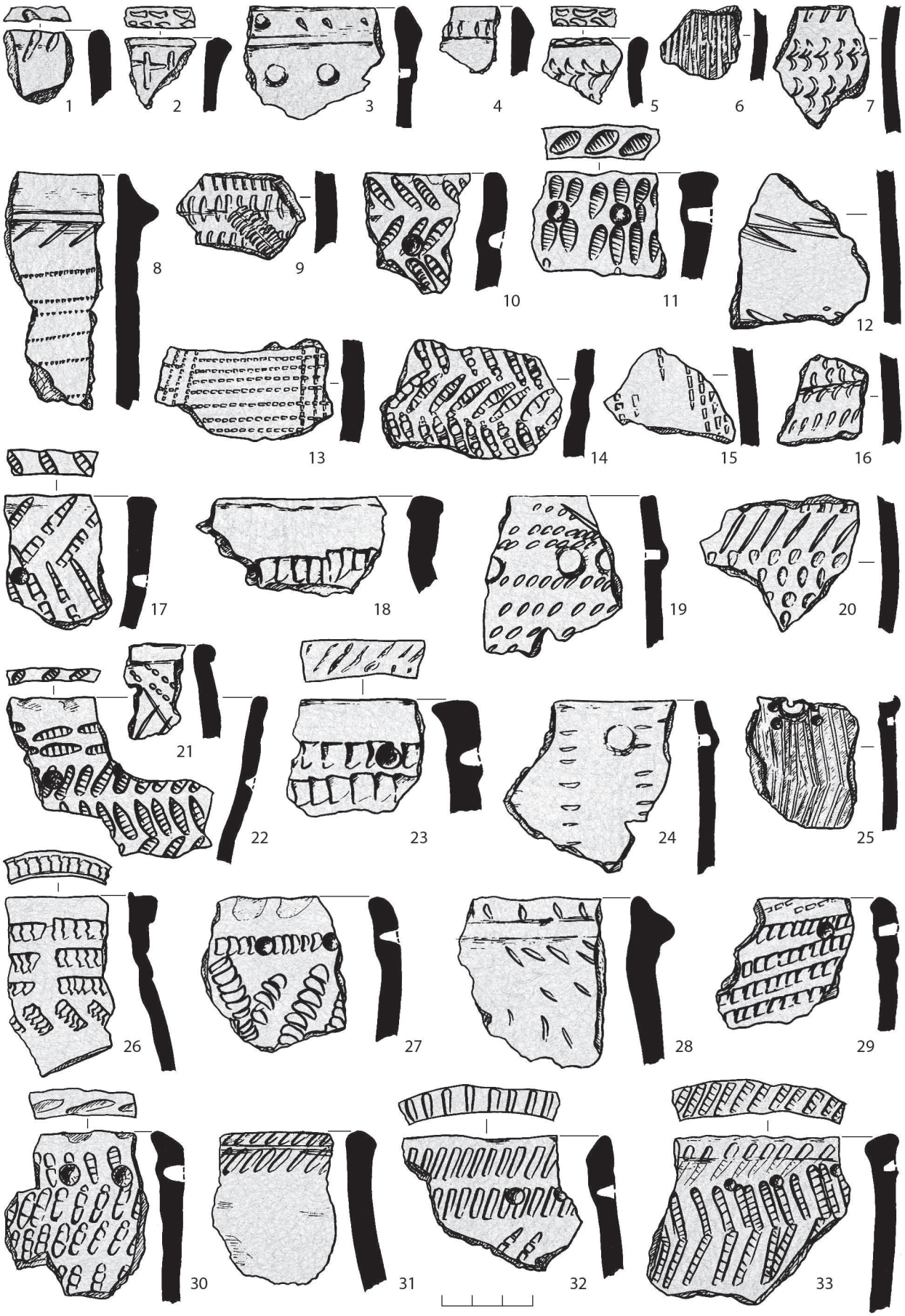


Рис. 341. Стоянки Азас I и Азас II. Керамика

Стоянка **Азас II** расположена в 200 м ниже Азаса I на правом берегу той же протоки, ближе к ее устью. Стоянка была открыта и частично исследована М. А. Дэвлет в 1970–1972 гг. В 1989 г. работы на этом памятнике возобновились, и общая величина раскопов достигла 186 кв. м, что составляет примерно одну десятую часть всей площади, занимаемой памятником. Во всех раскопах под дерновым слоем мощностью 0,2 м залегал темный гумусированный песок с культурными остатками. Этот слой мощностью 0,3–0,5 м подстилает желтый песок с мелким галечником, на поверхности которого найдено несколько палеолитических орудий.

В трех из четырех раскопов 1989–1990 гг. были открыты каменные сооружения (курганчики), подобные тем, что ранее раскапывались в первом культурном слое стоянки Тоора-Даш.

Сооружение 1 (рис. 343, *1*) выявлено в раскопе 1989–1990 гг., примыкающем с юго-западной стороны к раскопу М. А. Дэвлет. Его площадь 38 кв. м. При зачистке развала сооружения обнаружено много керамики, находящей аналогии в материалах шестого слоя стоянки Тоора-Даш вплоть до полного тождества. Здесь же найдены микропластинки и карандашевидный микронуклеус. Мощность культурного слоя, покрывающего сооружение, 0,1–0,2 м. Это темный гумусированный песок, ниже он становится немного светлее, в нем встречаются орудия, характерные для раннего неолита Тувы.

После удаления развала камней проявилась округлая выкладка размерами 1,7 × 1,2 м, вытянутая в направлении юг-юго-восток — север-северо-запад (рис. 343, *2*). Внутри кольца была заключена неглубокая могильная яма, в которой находился неполный скелет — череп без нижней челюсти, установленный на свое основание, тазовые кости в сочленении с длинными костями ног, положенными пятками кверху, разрозненные кости рук, второй позвонок (рис. 344). Между черепом и тазом оставался промежуток примерно в 0,25 м. Внутри могилы найден каменный наконечник стрелы и два фрагмента орнаментированной керамики. По определению И. И. Гохмана, череп принадлежал женщине 30–35 лет европеоидного облика, сходного с черепами из могильника эпохи бронзы на Аймырлыге.

С востока к главному погребению примыкала маленькая каменная пристроечка (рис. 344), внутри которой обнаружены разрозненные кости детского черепа и фрагмент длинной кости. В камнях основного сооружения собрано большое количество обломков округлодонного сосуда, декорированного вертикальными оттисками гладкого штампа (рис. 342, *24*).

Продолжение разборки слоя и снятие каменной обкладки могилы показало, что ее подстилал слой с окуневской керамикой, т. е. под камнями «кургана» находились отдельные фрагменты керамики окуневского облика. Темногумусированный слой, в котором совершено погребение, лежит на светло-желтом материке. На его поверхности уже не встречаются обломки сосудов, но есть каменные орудия: пластинки, отщепы, конические нуклеусы. В этом раскопе в верхнем слое найдено единственное изделие из бронзы — стержень, один конец которого уплощен, а другой приострен.

Сооружение 2 отстояло на 17 м к юго-западу от сооружения 1. Оно исследовано раскопом площадью 25 кв. м (рис. 345). Размеры кургана 3 × 3 м. После удаления развала камней осталось довольно четкое каменное кольцо 2,2 × 2 м, вытянутое в направлении северо-восток — юго-запад. Внутри кольца найден зуб человека, белые костяные пронизки (рис. 340, *31–37*), нуклеус, обломки орнаментированного сосуда. Как и в сооружении 1, здесь было много керамики и каменных изделий, описание которых приводится ниже.

В 34 м к северо-востоку от раскопа и сооружения 1 заложен раскоп в 12 кв. м. Стратиграфия его следующая: дерновый слой — 0,2 м, слой темного гумусированного песка, теряющего интенсивность окраски по мере углубления — 0,2–0,5 м. Под ним находится слой светло-серого песка, в котором почти не встречается керамика — его мощность от 0,5 до 0,8 м. Ниже залегал светлый ярко-желтый песок. В нем сделаны находки эпохи палеолита, переотложенные, вероятно, с более высокого участка моренной террасы.

В этом раскопе также встречено большое количество керамики окуневского облика, призматические нуклеусы и микропластинки. В 23 м к востоку от этого раскопа находилось погребальное сооружение 3 размерами 1,5 × 1,2 м, исследованное раскопом в 16 кв. м (рис. 346). В нем обнаружены фрагменты черепных костей человека.

Так, из трех раскопанных на стоянке Азас II могил только в одной обнаружен полноценный антропологический материал, но в двух других «курганах» собрана керамика окуневского облика с неолитической традицией и микролитический каменный инвентарь.

Всего из раскопов 1989–1990 гг. стоянки Азас II общей площадью 90 кв. м происходит 745 фрагментов керамики, более 800 отщепов, 21 нуклеус конической и призматической формы, 420 пластинок и их обломков, 21 скребок, 16 наконечников стрел, шесть микропластинок с ретушью, пять двусторонне ретушированных вкладышей, одна заготовка скребла, один каменный нож, 44 галечных скола, 40 сколов

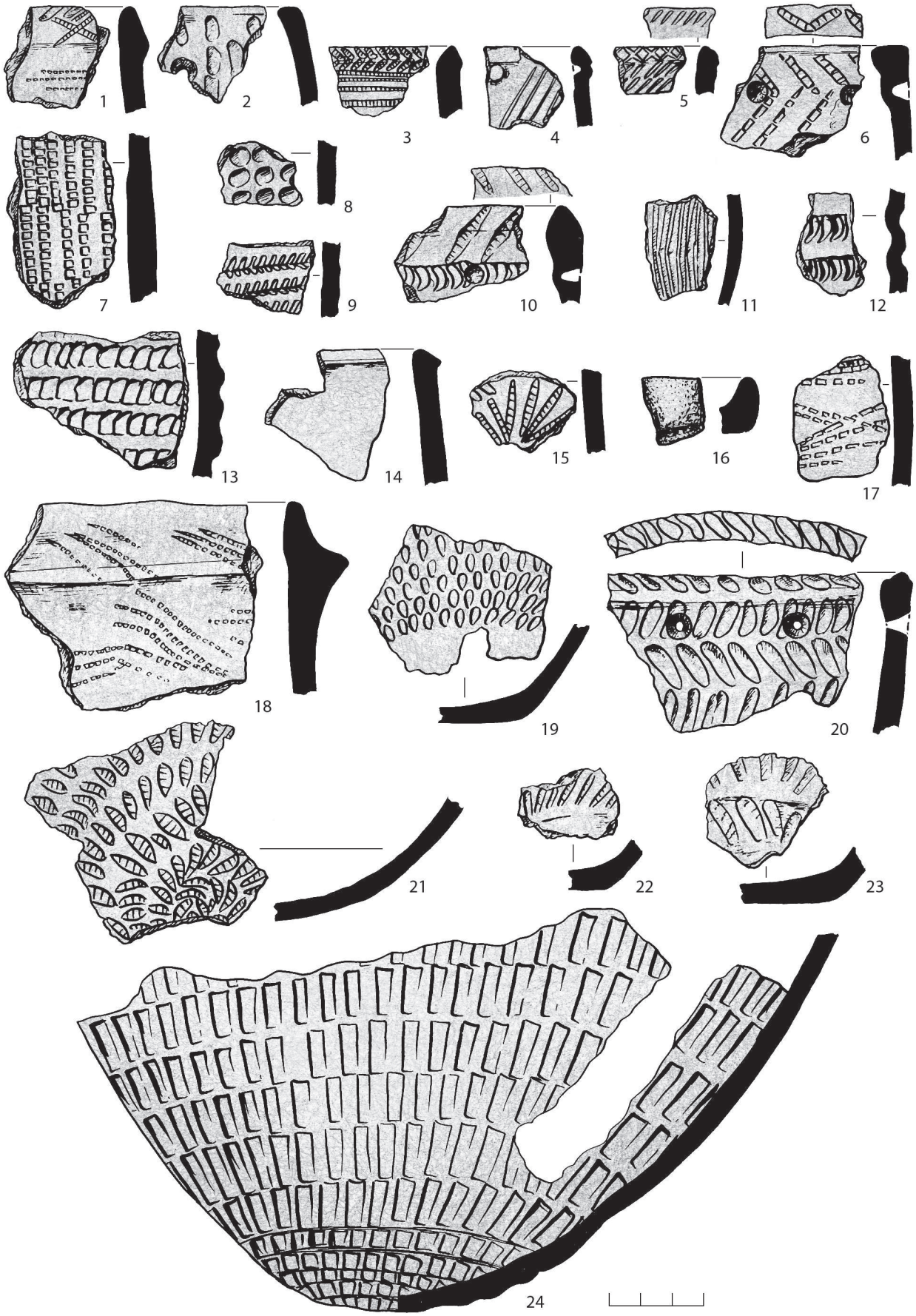


Рис. 342. Стоянки Азас I и Азас II. Керамика

Рис. 343. Стоянка Азас II. 1989 г. Каменное сооружение 1: *1* — до разборки; *2* — могильное сооружение с парциальным захоронением

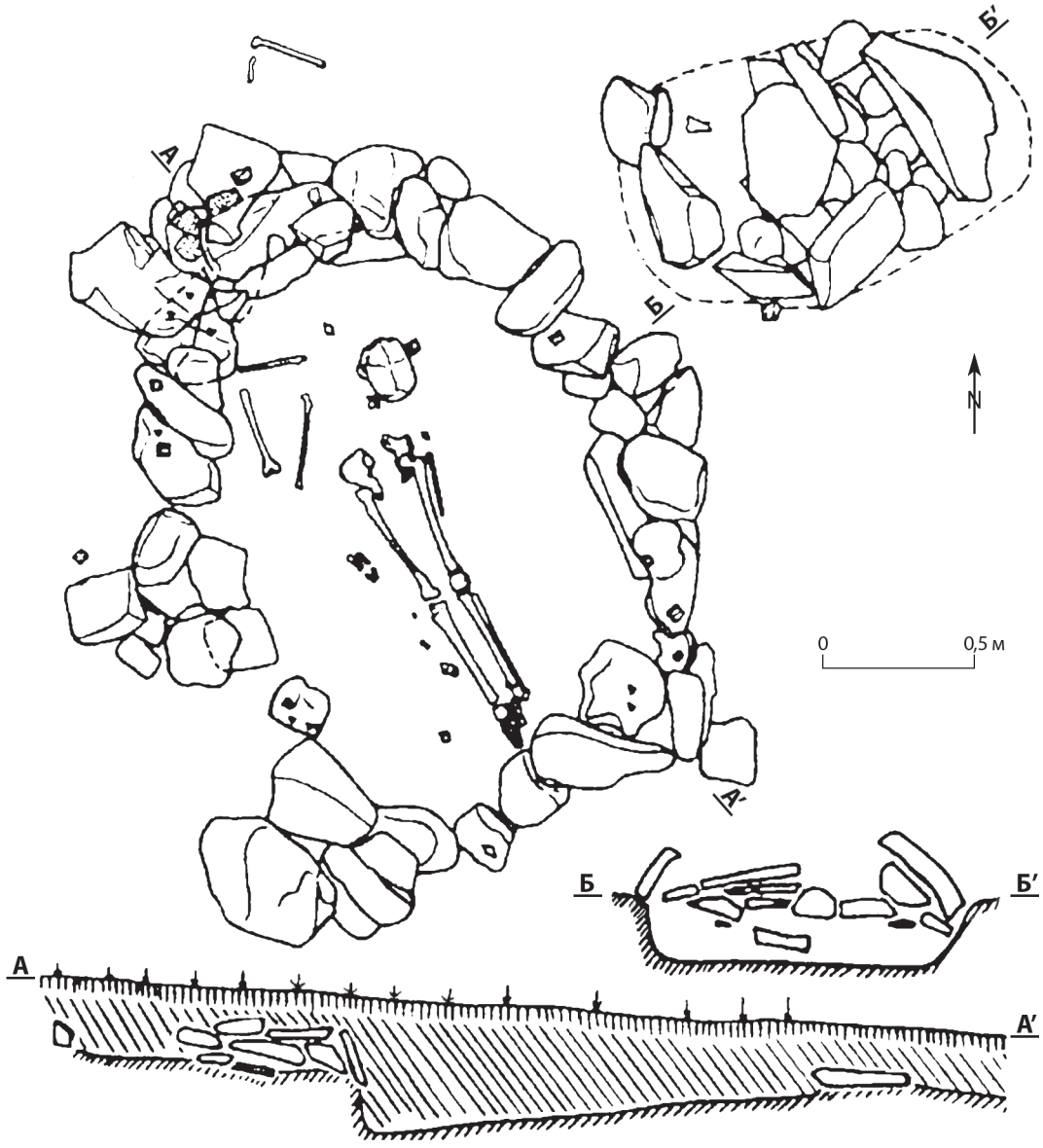


Рис. 344. Стоянка Азас II. 1989 г. Каменное сооружение 1 (рядом — захоронение ребенка). План

оживления с нуклеусов, расколотые гальки и т. п., всего более 1200 предметов.

Пластинчатая индустрия является ведущей на стоянке Азас II, при этом размеры пластинок варьируют от 18 до 50 мм, соответственно, при ширине от 2 до 5 мм. Обычными являются пластинки 30–35 мм длиной (при ширине 4–6 мм). Двусторонне ретушированных орудий очень мало. Как уже говорилось, это вкладыши и наконечники стрел. Последние представлены полутора десятками разнообразных форм, часть которых находит аналогии в шестом и седьмом культурных слоях стоянки Тоора-Даш. Таких наконечников пять экземпляров. Они листовидной формы, от 28 до 20 мм длиной при ширине от 10 до 13 мм. Некоторые из них имеют пильчатую ретушь по краю (рис. 340, *3–5, 11, 12*). Три наконечника ромбовидные. Один из них, с обломанным насадом (1,5 × 10 мм), имеет характерную для афанасьевских наконечников Тоора-Даша асимметричность, другой — ромбовидный с обломанным жальцем и слабо выраженным черешком длиной приблизительно 20 мм и шириной 10 мм (рис. 340, *5–18*), третий — 15 мм длиной и 10 мм шириной с маленькой выемкой в основании (рис. 340, *2*) — находит аналогии среди материалов стоянки Хадынных I. К этому же типу могут быть отнесены две заготовки для наконечников. Особняком стоит треугольный наконечник с выемчатой базой длиной 30 мм и шириной основания 20 мм. Выемка в основании глубиной 3 мм симметрично-овальная (рис. 340, *13*). Совершенно уникален наконечник стрелы треугольной формы с черешком и зазубринами с двух краев. Этот наконечник найден около воды на берегу протоки (рис. 340, 9).

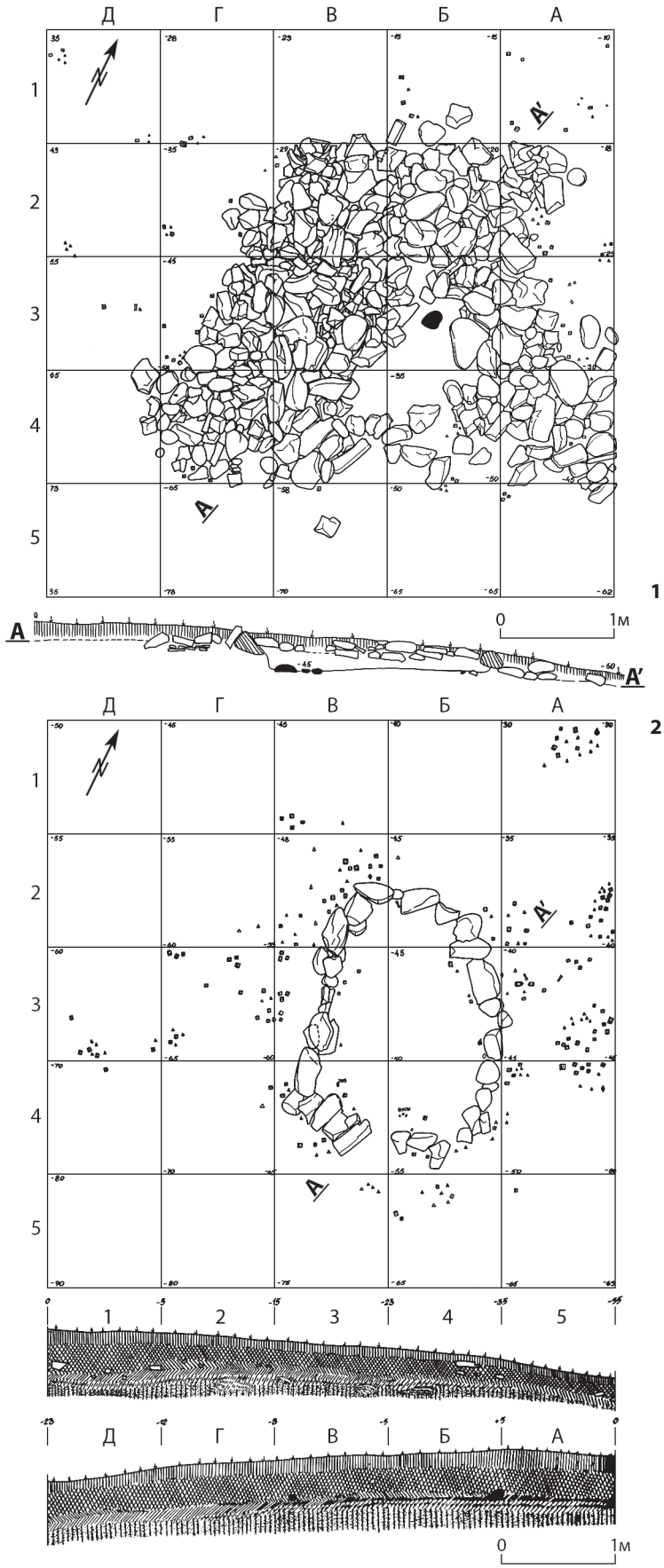


Рис. 345. Стоянка Азас II. 1990 г. Раскоп 3. Каменное сооружение 2, планы: *1* — до разборки; *2* — после разборки

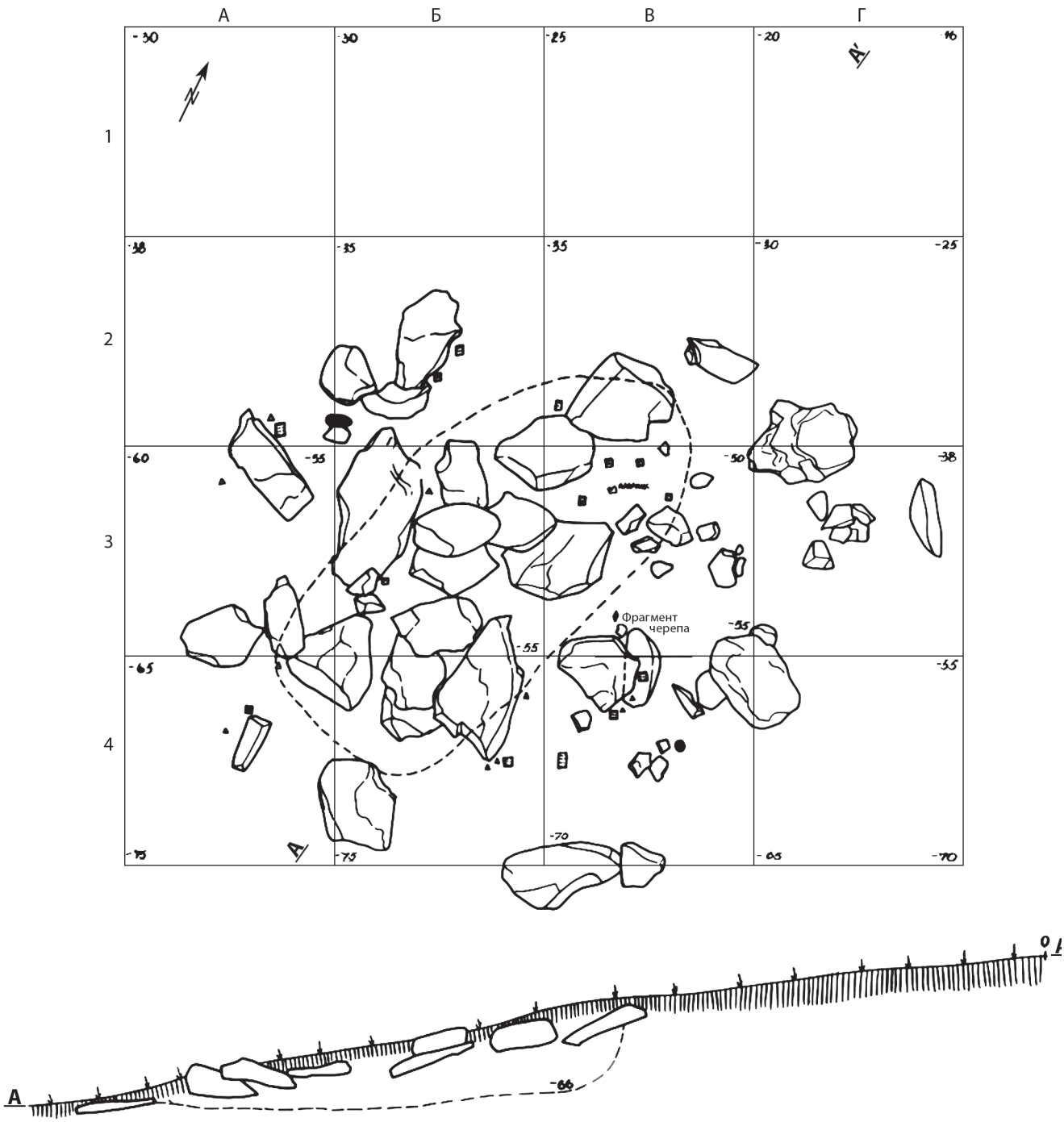


Рис. 346. Стоянка Азас II. 1990 г. Раскоп 2. Каменное сооружение 3. План

Материалами для изготовления наконечников служили кремень, яшма, кварцит.

Среди других орудий можно отметить скребки высоких форм на отщепах с округлым рабочим краем (рис. 340, *38–40*). Остальные орудия представлены единичными экземплярами и морфологически не выражены.

Слабая расчлененность культурного слоя на горизонты, к сожалению, не позволяет безоговорочно отнести каменный инвентарь к той или иной культуре. Коллекция керамики также не дает ответа на поставленные вопросы. Небольшая часть фрагментов лишена орнаментации. Встречается также керамика и раннекочевнического времени. Тем не менее часть сосудов

может быть уверенно отнесена к раннему этапу окуневской культуры. Это прежде всего керамика с налепными валиками под венчиком. На стоянке Азас II найдено четыре подобных венчика. Три из них декорированы гребенчатым штампом (рис. 342, *18*) и один — насечками, нанесенными острым концом орнаментира (рис. 341, *28*).

Помимо сосудов с налепными валиками здесь встречается достаточно много фрагментов, аналогичных керамике из шестого культурного слоя Тоора-Даша. Эта керамика орнаментирована различной формы гребенчатыми штампами. Край венчика обычно декорирован и имеет приостренную или ровно срезанную поверхность (рис. 342, *5*). Не редкость керамика с серповидным орнаментом (рис. 342, *12*), а также с глубокими оттисками гладкого овального штампа, образующего елочный узор (рис. 341, *29*), или с ромбовидным штампом (рис. 342, *19*). Небольшое число сосудов украшено жемчужинами (рис. 341, *19, 21*). Характерной чертой тоджинской керамики являются ямочные вдавления, нанесенные поверх основного декора. Эти пояски из ямок имеются как на керамике окуневского облика, так и на отличной от нее, украшенной рядами отступающей лопатки (рис. 341, *23, 30–33*; 342, *6, 10*). Помимо горизонтально проходящих орнаментальных строчек, образованных этим декоративным приемом, встречаются диагональные их ряды, а также шевроны. Защипами на венчиках у таких сосудов оформляется волнистый край (рис. 341, *27*). Несколько обломков несут следы расчесов, причем на одном из них жемчужины обрамлены ямками — деталь и технологический декор, характерные для посуды из восьмого культурного слоя стоянки Тоора-Даш. Впрочем, ямки в сочетании с жемчужинами встречаются и на поздней окуневской керамике (рис. 341, *25*).

На Азасе II найдены четыре обломка плоских днищ, три из которых орнаментированы (рис. 342, *23*). В то же время среди камней сооружений 1 и 3 есть и округлодонная керамика, причем совершенно ясно, что она намеренно оставлена в этих сооружениях, подложена под камни кольца, а в сооружении 1 фрагмент округлодонного сосуда найден в самой могиле. После реставрации этого сосуда удалось установить, что его дно украшено спиральным орнаментом (рис. 342, *24*). Такой же меандр, но образованный гребенчатым штампом, завершает орнаментацию и второго округлодонного горшка из сооружения 3 (рис. 342, *21*).

Сочетание плоскодонной и округлодонной керамики в одних комплексах (под камнями сооружения 1 были найдены днища обоих форм), неолитическая пластинчатая индустрия, не характерная для окуневской культуры, и наличие окуневских наконечников стрел, погребальные сооружения, известные по раскопкам первого культурного слоя на Тоора-Даше, и «афанасьевская» антропология погребенной здесь женщины — все это позволяет предположить, что в Тодже мы имеем самые ранние окуневские памятники, в которых сильны были еще неолитические традиции. Возможно, они отражают тот момент сложения культуры окуневского типа в Туве, когда неолитическое население практически не подверглось афанасьевскому влиянию, хотя уже и вступило с ним в контакт. Возможно и другое более простое объяснение — в Тодже неолитические традиции сосуществовали с окуневскими в силу удаленности этой территории от степных регионов, куда раньше проникли скотоводческие социумы.

Как бы там ни было, Тоджинская котловина представляется важным очагом формирования окуневской культуры, о чем свидетельствует и сравнительно большая плотность выявленных здесь энеолитических памятников. Так, помимо поселений на оз. Азас, как уже говорилось, открыты стоянки в низовьях р. Тоора-Хем.

Стоянка Тоора-Хем «Первая Поляна» расположена на Правобережье р. Тоора-Хем, недалеко от впадения ее в Бий-Хем, у дороги, ведущей из поселка Тоора-Хем в поселок Адыр-Кежиг. Стоянка исследовалась в течение ряда лет (с 1968 по 1975 г.) М. А. Дэвлет (*Дэвлет,* 1971, 1973г). Культурный слой залегает непосредственно под дерном и имеет мощность 0,25–0,45 м. Каменный инвентарь представлен коническими и призматическими нуклеусами, ножевидными пластинами, скребками на отщепах, наконечниками стрел длиной 1,4–2,7 см, ромбической, подтреугольной, листовидной формы с прямым, усеченным и вогнутым основанием.

Керамика орнаментирована скобчатым штампом, рядами ямок, отступающей лопаткой, гребенчатым штампом, встречаются сосуды с валиком под венчиком (*Дэвлет, Ельцов,* 1970). Всего к окуневской культуре можно с уверенностью отнести венчики от 11 сосудов, происходящие из раскопок этого памятника, семь из них имеют налепные валики под венчиком, что позволяет связать их с ранней окуневской керамикой, сопоставимой с шестым культурным слоем стоянки Тоора-Даш. Эта керамика, главным образом, имеет гребенчатую или прочерченную орнаментацию, образующую елочный узор, причем ребро налепного валика служит осью, организующей орнаментальную композицию на верхней части сосуда (рис. 347, *10, 12, 14, 16, 19–21*).

Три фрагмента венчиков окуневских сосудов без налепных валиков имеют аналогии в раннем окуневском слое Тоора-Даша (рис. 347, *9, 18*), среди них один

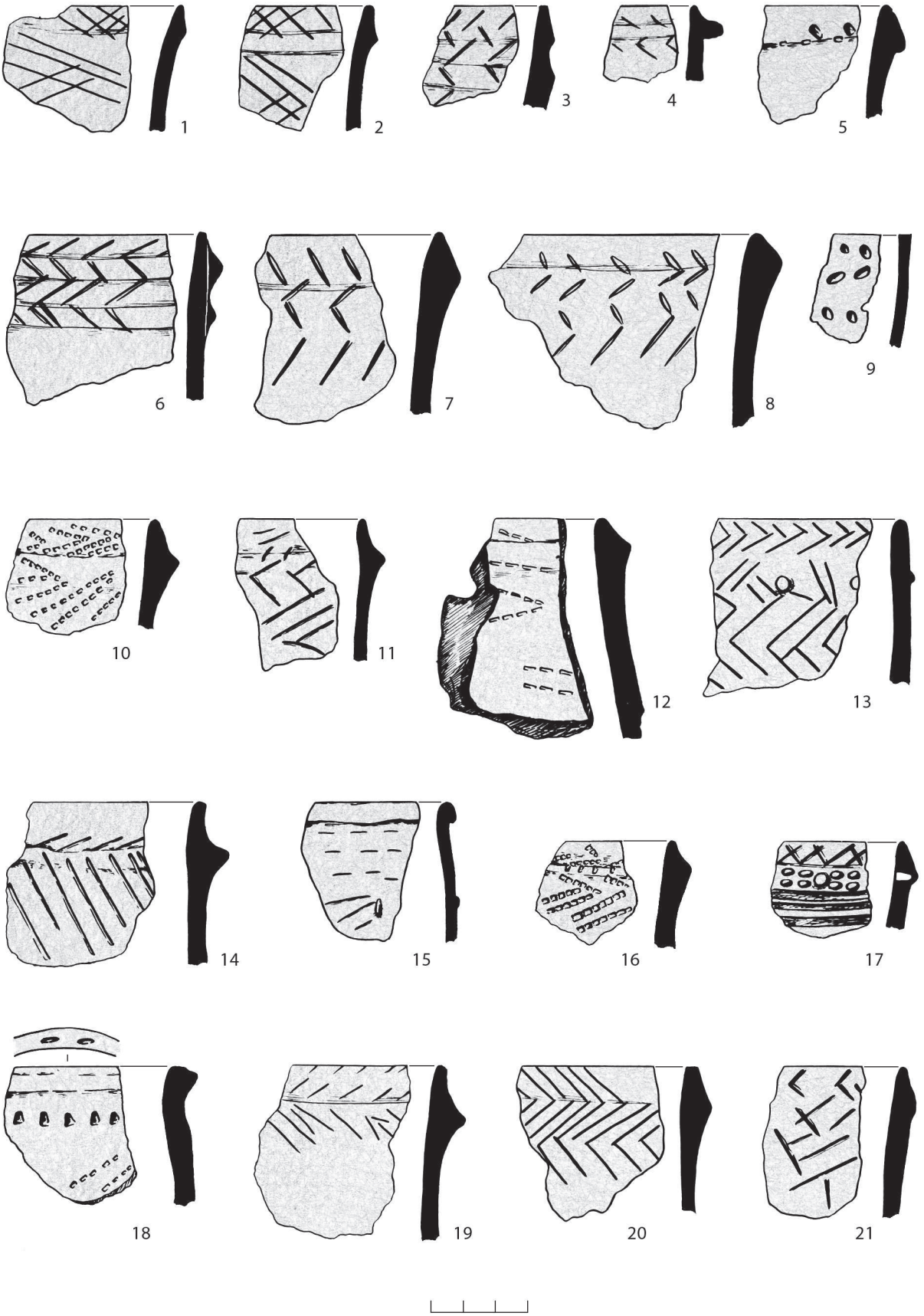


Рис. 347. Стоянки Тоджинской котловины. Керамика: *1–4, 6–8* — Тоора-Хем «Вторая Поляна»; *5, 13* — Азас I; *9–12, 14–21* — Тоора-Хем «Первая Поляна»

с венчиком, сильно оттогнутым наружу, и штрихованной орнаментацией (рис. 347, *15*), другой имеет орнаментацию по краю венчика и ряд тычковых вдавлений по шейке (рис. 347, *18*), третий, с округлым краем и небольшим уплощением, снаружи покрыт елочным прочерченным узором (рис. 347, *21*). Еще один фрагмент сосуда может быть отнесен ко второму этапу развития окуневской культуры в Туве. Край венчика этого сосуда покрыт косой сеткой, ниже проходят жемчужины в обрамлении ямочных вдавлений, на стенке прочерченные линии. Все это сопоставимо с орнаментацией ряда сосудов из седьмого культурного слоя стоянки Тоора-Даш (рис. 347, *17*).

Шесть венчиков от сосудов и два крупных фрагмента с характерной рельефной орнаментацией несколько отличны от окуневской керамики. Край венчиков этих сосудов чуть загнут внутрь. Штамп вдавлен так глубоко, что на внутренней стороне стенок сосуда остаются выпуклины. Дно ямок, проходящих под венчиком, круглое. Зубчики штампа бывают острые или подквадратные, но чаще неровные (рис. 348, *9–12*).

Встречаются также фрагменты сосудов с ровными рядами наколов или насечек, а также с ямочными вдавлениями под венчиком. Край венчиков орнаментирован, фрагменты орнаментированы отступающей палочкой с подквадратными ровными оттисками с упором на правую сторону (рис. 348, *14*).

На **стоянке Тоора-Хем «Вторая Поляна»** также найдено шесть фрагментов керамики с налепными валиками (в одном случае с двумя валиками) и елочным орнаментом, относящимся к окуневской культуре (рис. 347, *1–4, 6–8*), Другой подобный фрагмент венчика с двумя налепными валиками происходит из шурфа между 1-й и 2-й Полянами (рис. 348, *3*), а обломок орнаментированного днища и венчик с налепным валиком также окуневского облика происходят из карьера поблизости от этих памятников (рис. 348, *4, 19*).

Несмотря на то что керамики, которую можно уверенно отнести к окуневской культуре, здесь немного (фрагменты всего 24 сосудов), тем не менее, она находит аналогии на стоянках Тоора-Даш и Хадынных I в Саянском каньоне Енисея, тогда как в Минусинской котловине окуневская керамика с налепными валиками под венчиком практически неизвестна. Исключение составляют сосуд из могильника под Афанасьевской горой (раскопки С. А. Теплоухова), где таких валиков было три, а также сосуд из могильника Черновая IV, украшенный пятью налепными валиками, несущими функцию орнамента (*Вадецкая и др.,* 1980. Табл. XXIX, рис. 9).

В 1991 г. на стоянке Азас II было раскопано несколько курганов гунно-сарматского времени. Один из них сложен из камня в один-два слоя «черепичным» способом поверх невысокой земляной насыпи (см. рис. 295). Четкого кольца-крепиды вокруг кургана не было. После снятия земляной подсыпки была выявлена могильная яма, ориентированная в направлении запад-восток. Яма была овальной формы размерами 1,5 × 0,5 м и глубиной 0,3 м от уровня перекрытия. Перекрытие сильно истлело, состояло из деревянных плашек в 1–2 см толщиной. В могиле находился скелет, положенный на спину, головой на запад, с поднятыми коленями, которые свалились в правую сторону и опирались на стенку ямы. Череп повернут вполоборота на правую сторону. На черепе лежала бронзовая полусферическая бляшка с отверстием в центре. На поясе погребенного находилась бронзовая пряжка с неподвижным язычком. Подобные пряжки встречаются в большом количестве в таштыкских погребениях Минусинской котловины (*Вадецкая,* 1999). Рядом с этим курганом в раскопе 1991 г. (раскоп 3) был исследован еще один небольшой курганчик 2,5 × 2,5 м. Его конструкция аналогична предыдущей, за исключением того что под наземным сооружением не было могильной ямы и погребения. Скорее всего, это был поминальник. Среди каменного покрытия обнаружены железные предметы, возможно, наконечники стрел. Данные памятники следует датировать таштыкским временем.

***

Помимо стоянок эпохи бронзы в Тодже на озере Азас обнаружена стела с двухъярусным изображением антропоморфных личин окуневского облика (*Дэвлет,* 1973б. С. 211–212). Это позволяет поставить вопрос о связях Тоджинской и Минусинской котловин во II тыс. до н. э. и о более широком распространении окуневских антропоморфных стел. Ареал последних укладывался в фигуру треугольника, основание которого проходит по линии улуса Барбаков — Усть-Есь, а вершина упирается в с. Кавказское на р. Тубе, отстоящее от предыдущих пунктов на 150–200 км (*Грязнов, Шнейдер,* 1929. С. 62–93). Путь, связывающий Минусинскую котловину с Тоджей, отмечен Кундусукской писаницей на р. Амыл (*Леонтьев,* 1969. С. 245).

В целом тоджинские памятники являются важным звеном, существенно расширяющим наши представления о механизме сложения культур эпохи бронзы Тувы, позволяющим предположить возможные контакты носителей культуры неолитического типа с ранними окуневцами.

11.3. Стоянка Этекшил I

В 1985 г. на левом берегу г. Бий-Хем напротив и чуть ниже устья р. Уюк была открыта развеянная дюнная стоянка, названная Этекшил I (рис. 349–352). Цепь дюн

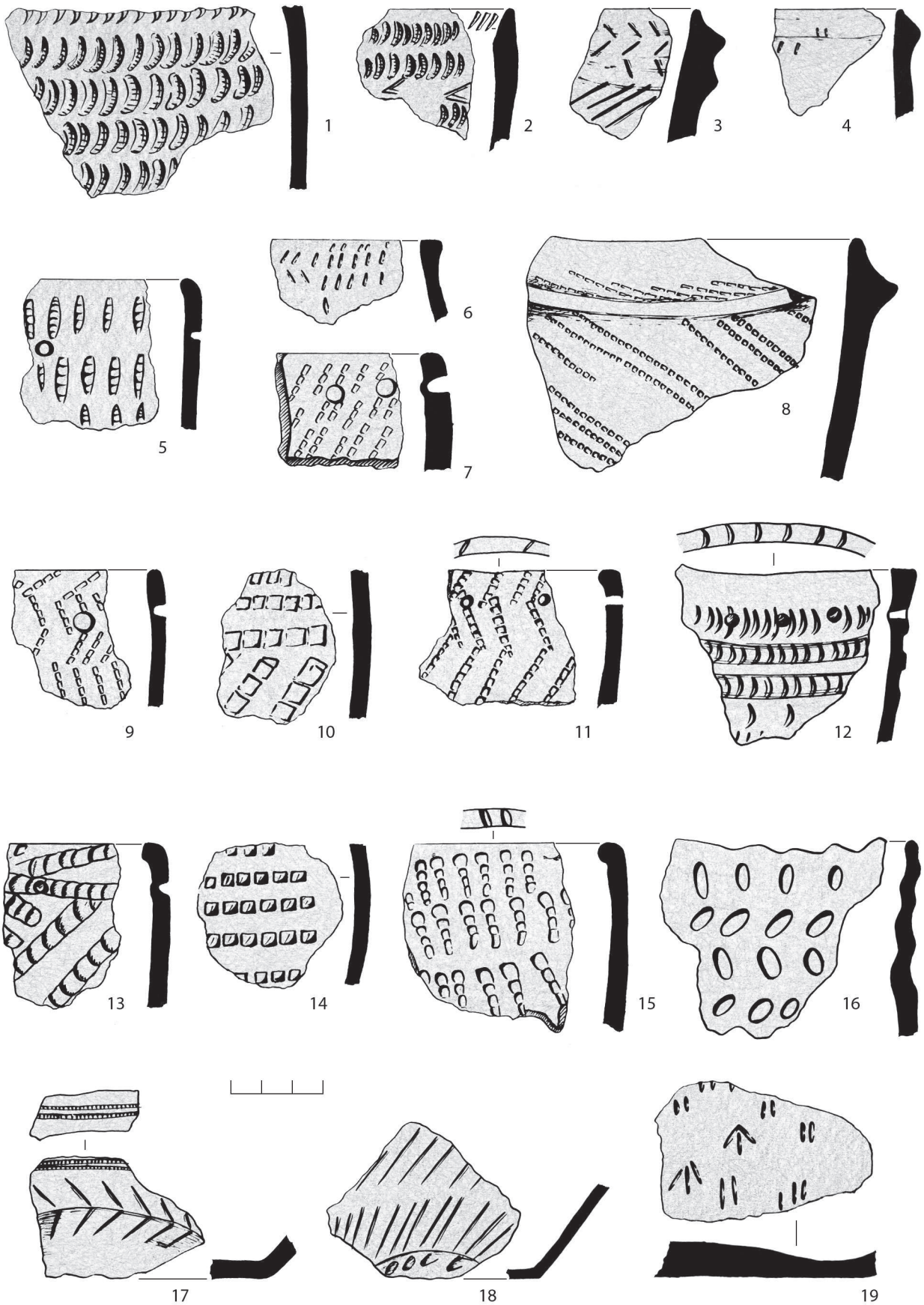


Рис. 348. Стоянки Тоджинской котловины. Керамика: *1, 2, 6, 18* — Азас I; *3* — Тоора-Хем, шурф; *4, 19* — Тоора-Хем, карьер; *5, 9–12, 14–16* — Тоора-Хем «Первая Поляна»; *7, 8, 13* — Азас II; *17* — Тоора-Хем «Вторая Поляна»

находится на высокой десятиметровой террасе Бий-Хема в 30–40 м от ее края. Площадь, на которой встречаются находки, превышает 1600 кв. м: самые ранние из них можно датировать окуневской культурой, а самые поздние — гунно-сарматским временем.

Скопление керамики окуневского облика — 30–40 фрагментов от одного сосуда с ногтевым орнаментом — приурочено к овальной выкладке из речных галек (рис. 351). Подобная керамика была встречена в седьмом культурном слое Тоора-Даша.

Возле второй подобной выкладки собраны расколотые гальки, грубый каменный пест, гладкостенная керамика. На дюнах собрано большое количество плоских галек с геометрическими рисунками (рис. 349, *3–12*; 350), также имеющими аналогии в шестом, седьмом, восьмом и девятом культурных слоях Тоора-Даша. Ближайшими аналогиями галькам из Тувы являются гравированные гальки с поселения Торгажак, которое датируется X–IX вв. до н. э. Д. Г. Савинов, отмечая сходство торгажакских галек с этекшильскими, датирует их карасукским временем (*Савинов,* 2003. С. 90–91). В этом нет ничего необыкновенного. Дело в том, что второй этап окуневской культуры в Туве синхронен андроновской и карасукской культурам Минусинской котловины. Орнаментальная композиция на сланцевых плитках как из шестого, так и седьмого культурных слоев Тоора-Даша ничуть не выпадает из стиля торгажакских галек. Что же касается карасукской культуры, то в Туве она до сих пор не представлена ничем, кроме случайных находок ножей карасукского типа, которые могли попасть туда как престижные вещи.

Гальки, собранные на Этекшиле I, как правило имеют овальную, продолговатую форму. В двух слу-

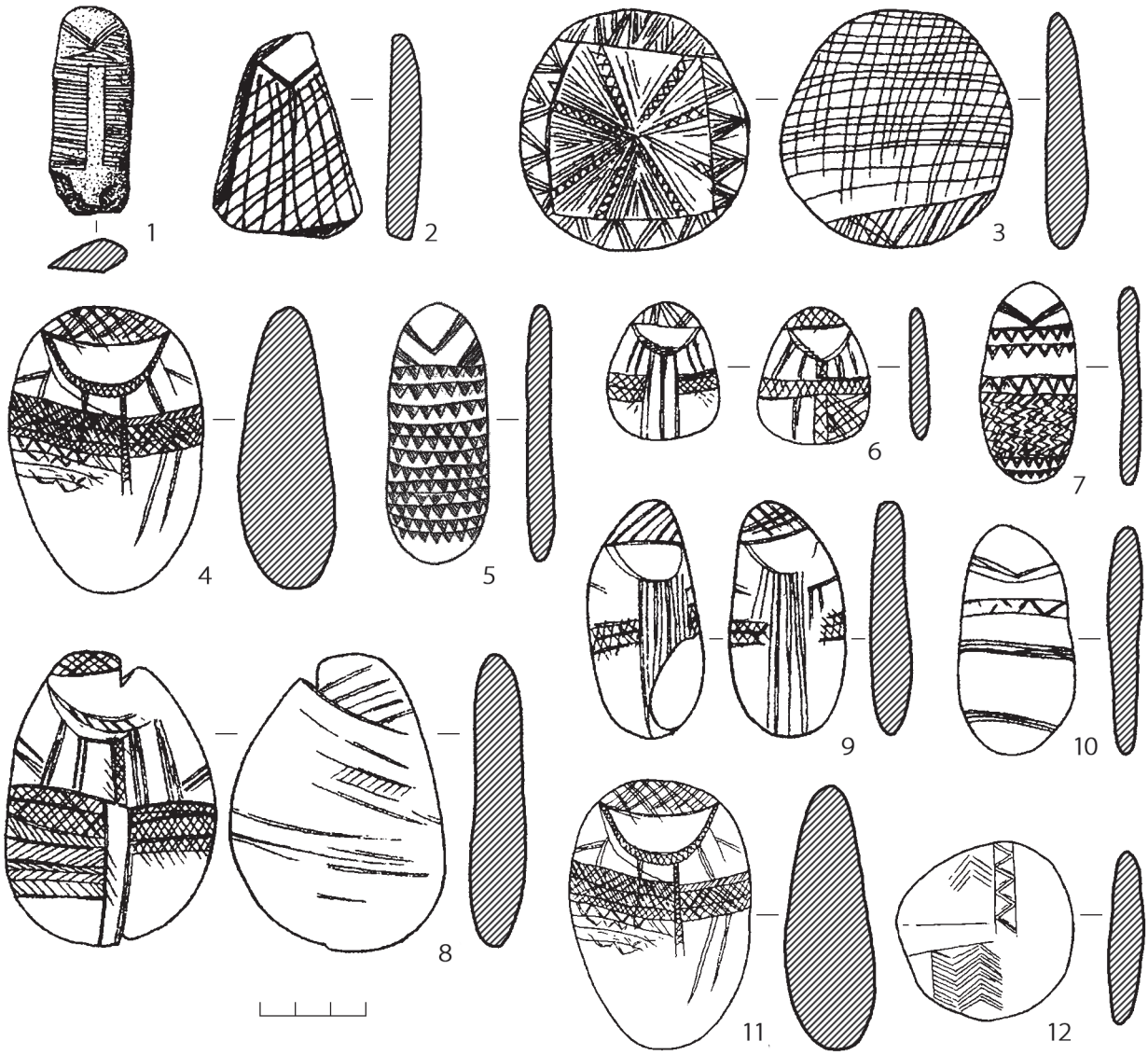


Рис. 349. Гравированные гальки: *1* — Хадынных I; *2* — Тоора-Даш; *3–12* — Этекшил I

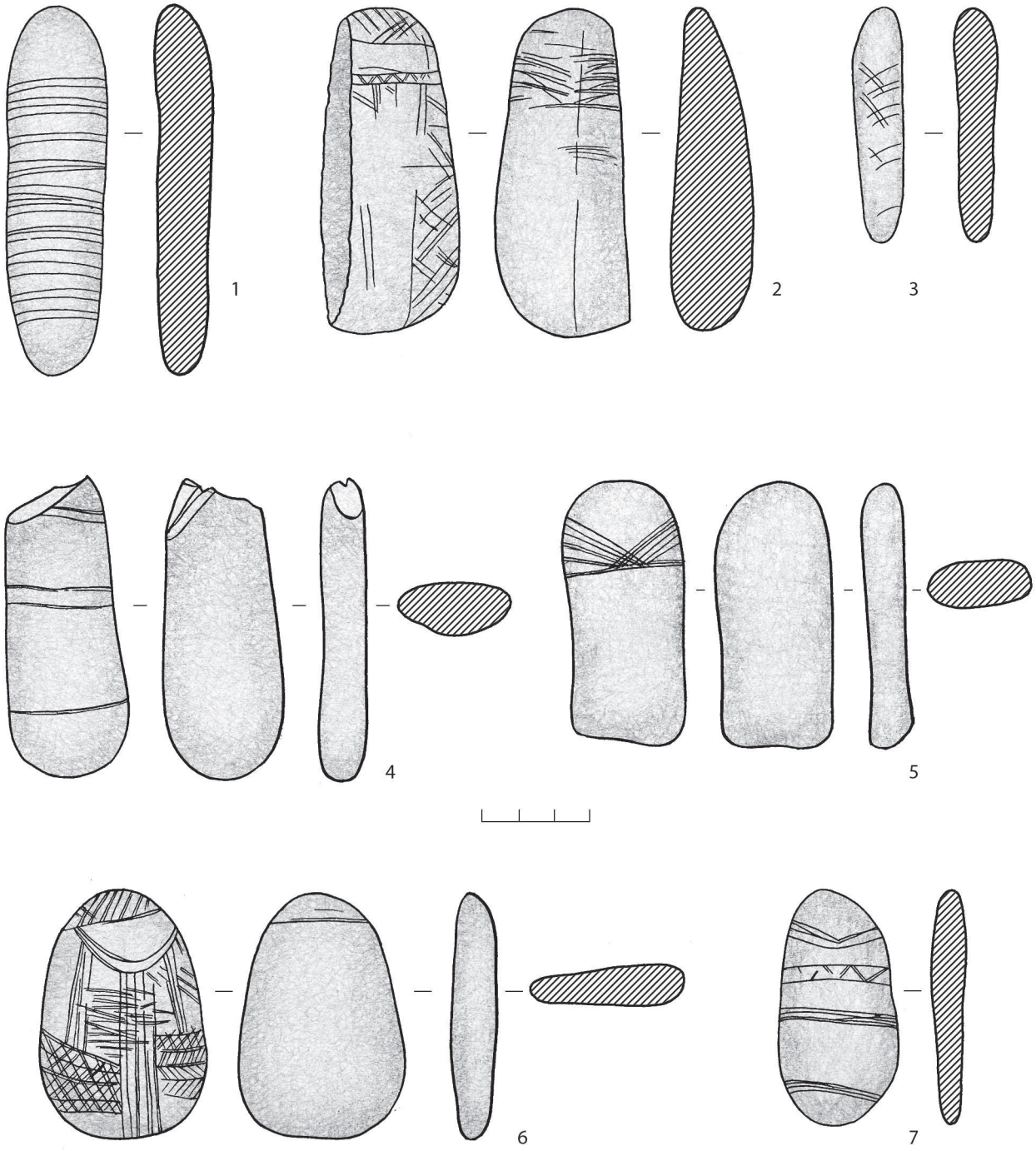


Рис. 350. Стоянка Этекшил I. Гравированные гальки

чаях она приближается к окружности. Эти две гальки, по-видимому, не несут антропоморфной семантики, выявленной на большей части торгажакской серии (*Семенов,* 2007. С. 70–73). Некоторые из галек имеют сравнительно простой орнамент (пересекающиеся или горизонтально прочерченные линии) и декорированы с одной стороны, другие выделяются по ряду устойчивых признаков. Верхняя часть их оформлена в виде треугольной или сегментовидной фигуры, от которой вниз спускаются «ленты», «косы» или «дождевые потоки», в средней части изображен декорированный «пояс» (рис. 349, *4–10*). Одна из галек украшена 12 рядами заштрихованных треугольников (рис. 349, *5*), другая — раппортами из треугольников и серией пересекающихся загзагообразных линий (рис. 349, *8*). Галька округлой формы несет на себе какую-то космограмму (рис. 349, *3*). В ее окружность вписан квадрат (разумеется, это не идеальные геометрические фигуры), разделенный заштрихованными поясами на восемь секторов, а с внешней

Рис. 351. Стоянка Этекшил I. Керамика

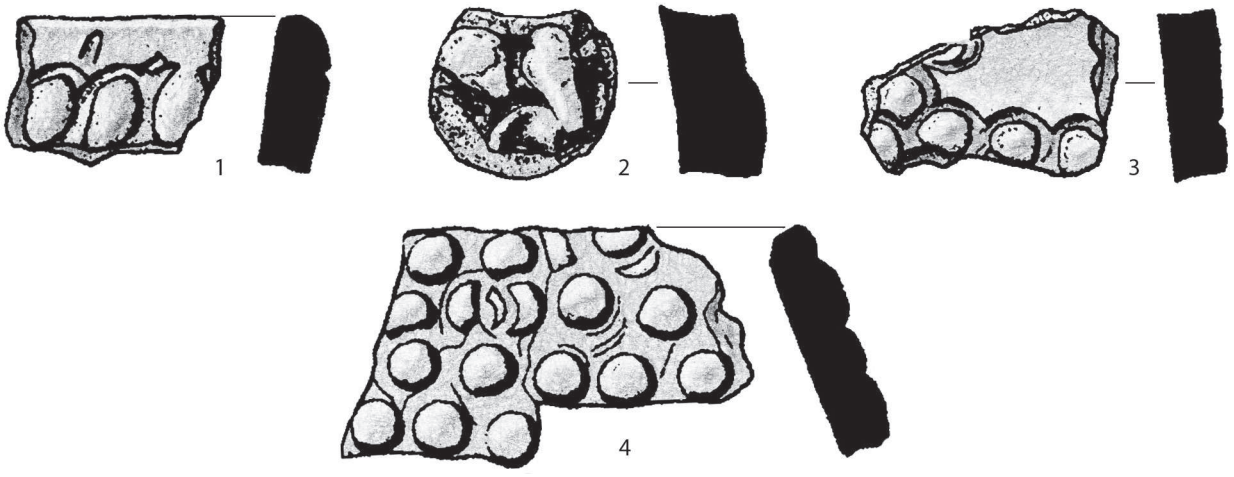


Рис. 352. Стоянка Этекшил I. Керамика

стороны обрамленный треугольниками. Вся композиция может рассматриваться как солярный знак, а также наводит на мысль о планиграфии керексуров, имеющих как круглые, так и прямоугольные ограды, из центра которых по странам света расходятся четыре, восемь или более лучей, число которых всегда кратно четырем.

В 1990 г. на дюнах Этекшила I был поднят обломок сосуда, декорированного оттисками трубчатой кости (рис. 352).

Открытие развеянной стоянки Этекшил I заполняет территориальную лакуну между памятниками бронзового века Тоджи, Центральной Тувы и Уюкской котловины.

Глава 12.
Погребения и жертвенно-поминальные комплексы эпохи бронзы и раннего железного века в Туве

Характерной особенностью древних культур Тувы является очень консервативное отношение к надмогильному курганному сооружению, в основе которого лежит каменное кольцо, крепида или кромлех из уложенных плашмя или, реже, поставленных на ребро плит. В центре кольца возводился собственно курган из плитняка или булыжного камня. В некоторых случаях удается реконструировать это сооружение в виде усеченного конуса или пирамиды, но иногда это именно каменная наброска, или уплощенная платформа в два-три слоя плит. Также может отсутствовать и кольцевая выкладка (например, на алды-бельских курганах могильника Копту-Аксы). Нередко кольцо-крепида возводилось не по всему периметру кургана, но зато создавалось много более мелких каменных поминальных выкладок в виде небольших по диаметру колечек, набросок камней или плоских каменных площадок, не замкнутых в кольцевую оградку (могильники Чарга, Баян-Кол и др.). Несмотря на сравнительно слабую изученность в Туве культур, предшествующих раннему железному веку, можно проследить истоки зарождения сакрального отношения к камню и его использование для создания погребальных/поминальных памятников уже в неолитическую эпоху (*Семенов,* 2000. С. 134–157). Самый ранний комплекс каменных сооружений в Туве был исследован в нижнем слое стоянках Тоора-Даш и Азас II в Тодже (*Семенов,* 1992; 1997а).

Параллельно с окуневской — неолитической погребальной практикой, связанной, по-видимому, с расчлененными захоронениями под каменными выкладками, существуют и подкурганные погребения в неглубоких грунтовых ямах с окрашенными скорченными скелетами. Эти погребения, исследованные на могильнике Хайыракан I в 1978 г. А. М. Мандельштамом, а затем в 1987–1988 гг. Л. И. Ревой (*Мандельштам и др.,* 1979), были с достаточной долей достоверности интерпретированы как афанасьевские (*Семенов,* 1992. С. 77–78; *Рева,* 1995. С. 17–22). В надмогильных сооружениях между камней и под камнями на горизонте обнаружена керамика афанасьевского облика и кремневые наконечники стрел, тогда как сами захоронения оставались безынвентарными (рис. 353). В отличие от более ранних погребальных сооружений здесь прослеживалась четкая кольцевая выкладка вокруг могилы. К сожалению, черепа получены только из раскопок А. М. Мандельштама, но антропологические определения их не проводились. Тем не менее, поза и ориентация погребенных, использование охры и наличие керамики в каменных кладках курганов сближает этот могильник с раскопанным В. В. Волковым у Баян-Хонгора в Монголии (*Волков,* 1980. С. 13–16). По-видимому, в Центральной Азии существовал особый вариант афанасьевской культуры (отличный от минусинского и алтайского), для которого характерно влияние культуры местного этнического субстрата, хоронившего без сопроводительного инвентаря, но оставившего керамику и какие-то иные вещи (кремневые наконечники стрел и т. п.) в каменных надмогильных сооружениях.

Окуневская культура в том виде, в каком она на ранних этапах своего существования выделяется в Туве, может рассматриваться как производное местного неолитического населения, вступающего в более или менее близкие контакты с проникающими за Саяны носителями афанасьевской культуры. Вероятно, ранее всего афанасьевцы появились в Центрально-Тувинской и Уюкской котловинах, тогда как в Тодже их влияние могло быть не столь существенным, о чем свидетельствуют некоторые черты неолитических традиций в погребальном обряде, описанные выше. Но вскоре захоронения в грунтовых ямах и каменных ящиках

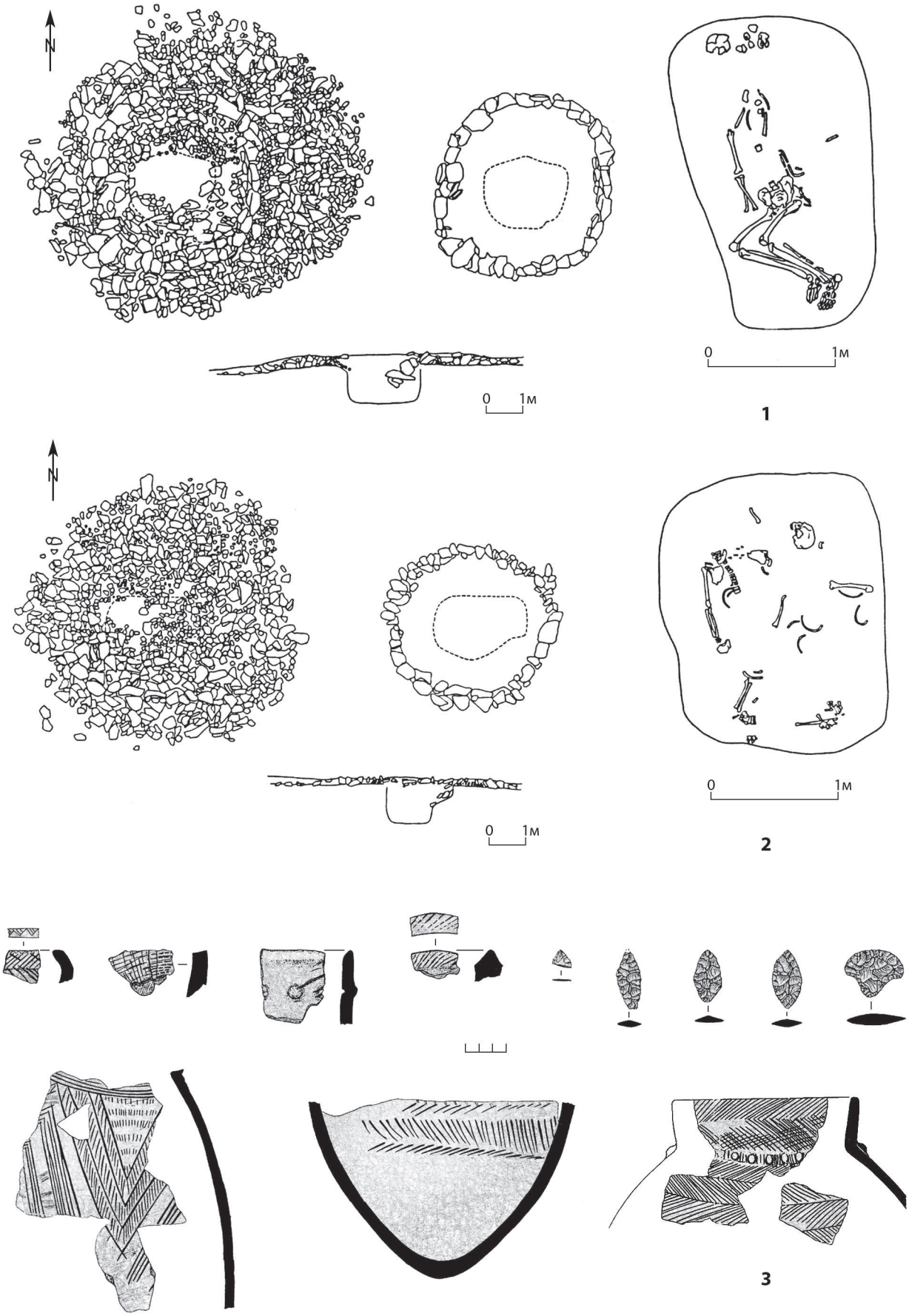


Рис. 353. Могильник Хайыракан I. Афанасьевская культура. *1* — курган 1; *2* — курган 2; *3* — материалы из курганов (керамика, наконечники стрел и скребок)

становятся характерными и для окуневской культуры в Туве. К сожалению, таких погребений известно все еще очень не много. Первое из них раскопано С. И. Вайнштейном на реке Уюк в 1953 г. (*Вайнштейн*, 1954. С. 142). Здесь в грунтовой яме обнаружен глиняный сосуд (см. рис. 181, *2*), соотносимый с керамическим комплексом из седьмого культурного слоя стоянки Тоора-Даш (второй этап окуневской культуры в Туве).

Второе погребение подобного рода, со скорченным скелетом, открыто М. Х. Маннай-оолом на р. Тарлышкин в бассейне р. Тес-Хем. Скелет ориентирован головой на запад. При погребенном находился бронзовый нож, каменный жезл с головой лося, ковш, вырезанный из бедра крупного животного (*Маннай-оол,* 1963. С. 244–245). Над могилой был сооружен небольшой каменный курганчик. Отсутствие керамики затрудняет определение культурной принадлежности тарлышкинского комплекса. По составу бронзы ножа или кинжала Л. Р. Кызласов датирует это погребение серединой — третьей четвертью II тыс. до н. э. и синхронизирует его с андроновской культурой на Енисее (*Кызласов,* 1979. С. 26), что соответствует времени существования второго этапа окуневской культуры в Туве (*Семенов,* 1984а. С. 252–264). К окуневской культуре относил тарлышкинское погребение и Н. В. Леонтьев (*Леонтьев,* 1975. С. 63–67).

Как бы там ни было, но уже на основании только этих двух памятников можно говорить об изменениях в нормах погребального обряда, происшедших в это время в Туве, так как в погребения помещается сопроводительный инвентарь, в том числе и керамика. Еще более отчетливые изменения демонстрируют окуневские некрополи на могильном поле Аймырлыг. Здесь в пунктах № XIII и XXVII было раскопано несколько погребений в каменных ящиках, при этом надмогильные сооружения (курганы, круглые или квадратные ограды, выкладки) отсутствовали. Пункт Аймырлыг XIII открыт в 1972 г., пункт Аймырлыг XXVII — в 1979 г. Могильники располагались на небольших останцах, прилегающих с запада к террасе р. Чаа-Холь. Судя по отчетам и фотографиям, концы плит каменных ящиков выступали над поверхностью почвы. Другими словами, ящики были впущены в сравнительно неглубокие ямы. Перекрытия ящиков сохранились не во всех случаях. В трех из шести раскопанных могил скелеты были ориентированы головой на северо-восток, в других трех — на северо-запад, все — в скорченном положении на правом боку. Погребальный инвентарь включал керамические и каменные сосуды, мелкие изделия из бронзы, украшения (*Мандельштам,* 1973; 1983; *Стамбульник,* 1979. С. 242; *Стамбульник, Чугунов,* 2006. С. 295–302). Ориентация на северо-восток и северо-запад в какой-то мере соотносится с подобной биполярностью в ориентации погребенных в афанасьевских могилах Монголии, о которых говорилось выше, где из шести погребений четыре были ориентированы на восток и два — на запад. Учитывая определенный хронологический разрыв и культурные отличия обоих памятников, не следует забывать заключения антропологов, свидетельствующие, что в обоих случаях похоронены люди афанасьевского антропологического типа (*Гохман,* 1980; *Алексеев и др.,* 1987; *Мамонова,* 1980).

Открытие погребений в каменных ящиках эпохи бронзы на Аймырлыге позволило сделать А. М. Мандельштаму вывод о длительном переживании погребальных черт окуневской культуры в Туве вплоть до эпохи ранних кочевников. К таким чертам он относил устройство и форму каменных ящиков, расположение скелетов на боку и их ориентировку. На этом основании А. М. Мандельштам говорил о «возможности существования генетических связей между населением «скифского» периода и носителями культуры окуневского типа» (*Мандельштам, Стамбульник,* 1980. С. 53). Этому не противоречат и данные антропологии, согласно которым население скифского времени в Туве является наследником предшествующих ему «окуневцев» (*Гохман,* 1980; *Козинцев,* 2009. С. 125–136).

На этом фоне приобретают вес и другие, казалось бы, незначительные следы преемственности между культурами бронзового и раннего железного веков в Туве. Построенная на базе данных многослойной стоянки Тоора-Даш колонная секвенция позволяет вычленить некоторые «сквозные», переходящие из одного периода в другой общие идеи, отраженные в памятниках материальной культуры. Так, в седьмом культурном слое стоянки (второй этап окуневской культуры, синхронный захоронениям в каменных ящиках Аймырлыга) было выявлено несколько очагов с кольцевым или прямоугольным в плане ограждением из камней, служивших для каких-то культовых целей. Вероятно, очаги использовались эпизодически, так как здесь нет мощных зольных или углистых накоплений, но встречаются мелкие жженые кости и иногда фрагменты керамики. В одном из таких очагов находились фрагменты гладкостенного баночного сосуда, типологически сходного с посудой алды-бельской или тагарской культур. Прямоугольные и круглые в плане ограждения вокруг очагов или просто каких-то мест встречались в девятом культурном слое Тоора-Даша (предскифское время), а затем в десятом культурном слое, который содержал разнообразные находки скифского времени. Среди этих находок можно отметить довольно большое число небольших каменных плиток с отверстием, служивших, вероятно,

грузиками для сетей или каких-то иных целей. Такая плитка с отверстием была найдена и в раннем окуневском слое стоянки.

Особый интерес представляют простые гальки или сланцевые плитки с процарапанными на них геометрическими узорами. Эти орнаментированные камни происходят из шестого, седьмого, девятого и десятого культурных слоев стоянки Тоора-Даш. Они были найдены на развеянной стоянке Этекшил I на левом берегу Бий-Хема и на стоянке Хадынных I в каньоне Енисея вместе с керамикой, которую можно отнести ко второму этапу окуневской культуры в Туве, ранее датированному XV–XII вв. до н. э. (*Семенов,* 1992. С. 84; 2007. С. 70–73). Все подобные артефакты использовались, вероятно, в каких-то сакральных целях. Этому периоду соответствуют слои погребенной почвы, сохранившиеся под кладкой кургана Аржан-2, с керамикой окуневского облика, конкретно — второго этапа существования этой культуры в Туве. Полученная радиоуглеродная дата для образцов погребенной почвы 3000 ± 20 BP (Ле-6219) укладывается в калибровочные интервалы от XIV до XII в. до н. э. (*Чугунов и др.*, 2006. С. 304–305). Присутствие здесь керамики, орнаментированной трубчатым штампом, обнаруженной в большом количестве на стоянке Хадынных I, а также на дюнах Этекшил I, дает нам все основания датировать тем же временем и коллекцию гравированных галек, собранных на этом памятнике.

Появление одной гравированной гальки в десятом культурном слое скифского времени на Тоора-Даше не может рассматриваться как случайность, а свидетельствует о переживании традиций предшествующей эпохи, для которой эти предметы оставались важной составляющей частью духовной культуры.

Если принять во внимание все эти аргументы, в том числе и происхождение определенных норм погребального обряда, восходящих к окуневской культуре, то следует признать, что параллельно с окуневской традицией существовала другая линия развития, связанная с безынвентарными захоронениями. На каких-то этапах эти линии перекрещивались, но окончательно не сливались. Но прежде следует рассмотреть еще один тип памятников эпохи бронзы — каменные геометрические конструкции, исследованные в Уюкской котловине и на крайнем западе Тувы и имеющие аналогии на Восточном Алтае.

Эти конструкции связаны как с окуневской, так и с монгун-тайгинской культурами и в какой-то мере демонстрируют сближение, если не соединение двух культурных традиций в Туве. В долине р. Уюк большие прямоугольные ограды в разных местах исследовались А. В. Адриановым, С. А. Теплоуховым и А. М. Мандельштамом. Подробное описание первых двух было приведено Л. Р. Кызласовым (*Кызласов,* 1979. С. 25).

Информация об ограде, раскопанной А. М. Мандельштамом у дер. Малиновки, попала только в сборник «Археологические открытия 1977 года», но она может быть расширена благодаря сохранившимся фотографиям, которые были сделаны мной в процессе раскопок этого памятника. Малиновская ограда расположена у подножия горы Чидаллыг-Тей и имела размеры 17 × 13 м. Она вытянута в направлении восток-запад (рис. 354). С восточной стороны в ограду вел каменный коридор, в котором была захоронена собака. Вся площадь сооружения имела сплошную вымостку из плашмя уложенных плит. После их удаления появились частично сохранившиеся вертикально установленные камни внутренних перемычек. В центре сооружения была локализована линза кальцинированных костей размерами приблизительно 1,2 × 0,8 м. Рядом лежала каменная ступка (рис. 355). В разных частях сооружения, но главным образом около восточной и западной стенок, обнаружены скопления богато декорированной керамики (рис. 356–358). Подобный сосуд был найден при раскопках могильника Аймырлыг-карьер, в могиле 2 (рис. 359). При раскопках стоянки Тоора-Даш аналогии этой керамики (в 1977 г. она казалась совершенно необычной) были найдены в седьмом культурном слое, и таким образом удалось установить, что Малиновская ограда и другие подобные ей сооружения появились на втором этапе окуневской культуры в Туве. Чем являлись эти сооружения для их создателей, сказать сейчас трудно. Принимая во внимание видовой состав домашних животных (овца/коза, бык, конь), кости которых обнаружены внутри ограды, раскопанной А. В. Адриановым, можно предположить, что на каких-то этапах своего существования эти сооружения использовались как культовые площадки для жертвоприношений, и смысл ритуала может быть приоткрыт текстами гимнов Ригведы, о чем уже приходилось говорить (*Семенов,* 1997а. С. 32).

Распространение каменных ритуальных выкладок в различных горно-степных районах Саяно-Алтая позволяет предположить и столь же широкие хронологические рамки их бытования (*Окладникова,* 1986; *Суразаков,* 1988; *Савинов, Рева,* 1993). Памятники подобного рода в Туве были исследованы Ю. И. Трифоновым у хребта Аргалыкты (*Трифонов,* 1966. С. 26), Л. И. Ревой — на р. Барлык, автором — в долине р. Моген-Бурен. По своим конструктивным особенностям они отличаются от Малиновской ограды. Как правило, они выложены из валунов средней величины, иногда имеют трехчастную структуру. В центре оградок выложены имитации очагов или каких-либо других каменных сооружений. Оградки, аналогичные тувинским,

Рис. 354. Малиновская ограда: *1* — после расчистки; *2* — после разборки, конструкция

были исследованы и на Алтае: в долине реки Елангаш (*Окладникова,* 1986. С. 74–89), на р. Бугузун (*Савинов, Рева,* 1993), на могильнике Ирбисту 1 (*Суразаков,* 1988). Их датировки проблематичны, но в некоторых случаях, например на р. Барлыке, в этих оградах была найдена керамика с гребенчатой орнаментацией, что позволяет синхронизировать эти ограды с Малиновской. На Моген-Бурене и Бугузуне подобные конструкции были пристроены к курганам с погребениями монгун-тайгинского типа (*Семенов,* 1997а). С монгун-тайгинской культурой сопоставлял эти сооружения и К. В. Чугунов, включая сюда и некоторые типы керексуров (*Чугунов,* 1994. С. 43–53).

Каменная выкладка была исследована нами у горы Шолде-Тей, где было зафиксировано большое количество петроглифов, которые можно отнести к эпохе бронзы и скифскому времени (около 1000 фигур). Шолде-Тей — это отдельно стоящая гора в центре широкого Куйлугхемского плато, со всех сторон окруженная курганными сооружениями различных исторических эпох. Гора образует амфитеатр, обращенный к Енисею. У его подножия сооружен большой керексур, окруженный небольшими кольцевидными выкладками. В 300 м на восток от него стоит вертикальный заостренный камень, по своей форме напоминающий оленные камни, известные в Туве в раннескифское время, но без изображений. Между керексуром и камнем, на одной линии находится геометрическая выкладка, которую мы условно назвали «храм» (рис. 360). Она сделана на поверхности земли из небольших вертикально поставленных камней, составляющих прямые дорожки, забутованные мелкими гальками белого цвета. В планиграфии выкладка представляет собой правильный прямоугольник, разделенный дорожками на отсеки; с северо-востока центральная дорожка заканчивается кругом. В заполнении выкладки между камней найдены фрагменты керамики эпохи бронзы и кремневые

Рис. 355. Малиновская ограда. Каменная ступка

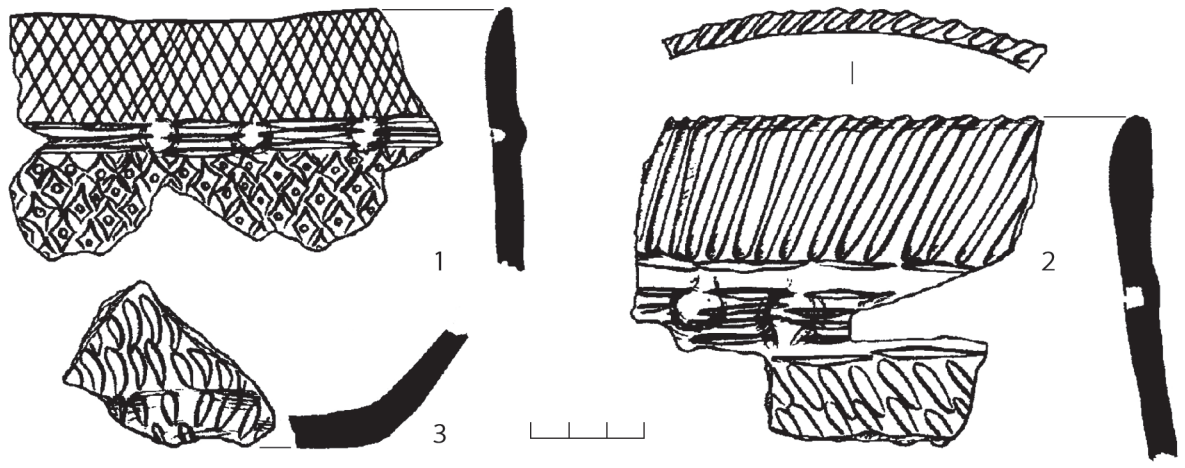


Рис. 356. Малиновская ограда. Керамика

отщепы. Уникальным является то, что на западной плоскости Шолде-Тея зафиксированы выбитые круглые углубления и геометрические знаки в виде прямоугольника, напоминающие эту выкладку.

Параллельно ли с окуневской традицией существовала практика сооружения культовых геометрических памятников в монгун-тайгинской культуре, или здесь следует видеть культурную преемственность? Почти во всех раскопанных оградках встречаются следы огня, мелкие кальцинированные кости, трехчастное или двухчастное деление, ориентация запад-восток. Восточная сторона является «главной», хотя в некоторых случаях маркируются и противолежащие точки на западной «стенке» выкладок. С восточной стороны же устраивались или полукруглые, или прямоугольные «апсиды» (Аргалыкты, Ирбисту 1, Елангаш, Моген-Бурен), вертикальные камни-стелы и каменные дорожки (Моген-Бурен), «коридоры» (Малиновка). Внутри оградок, ближе к северной стенке, встречаются овальные каменные выкладки, в центре — очаги прямоугольной формы или их имитации.

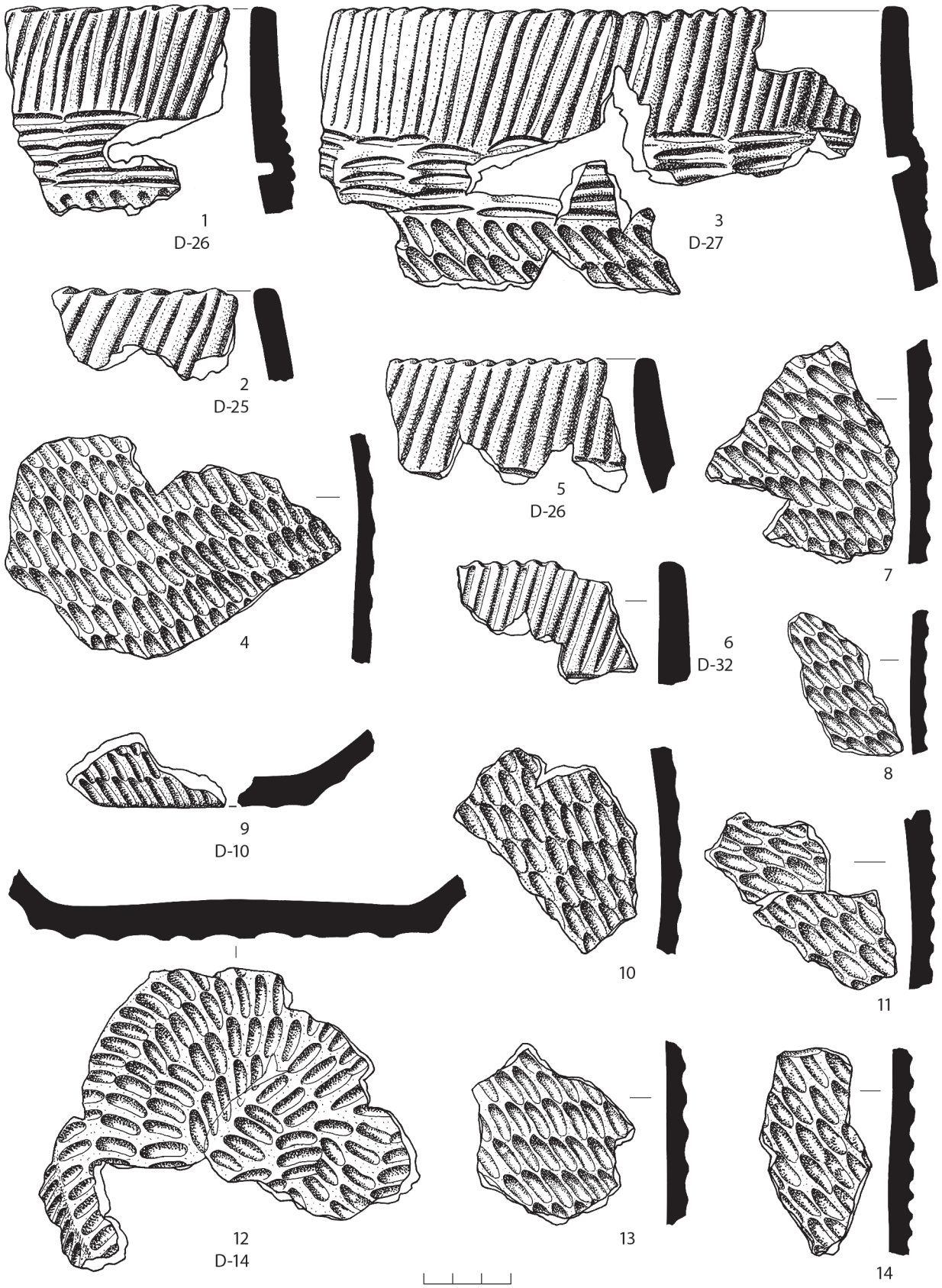


Рис. 357. Малиновская ограда. Керамика

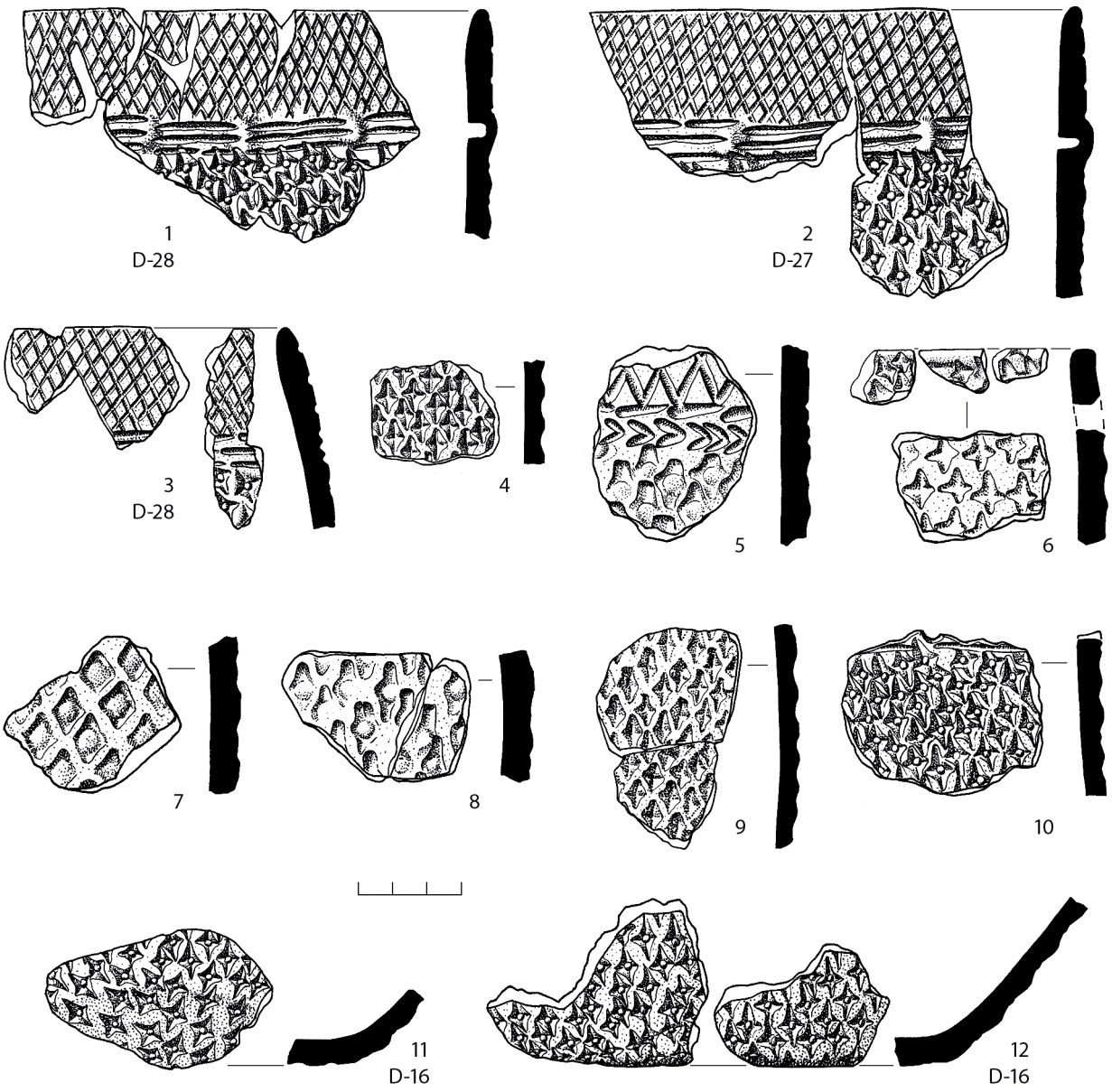


Рис. 358. Малиновская ограда. Керамика

Культовый характер целого ряда геометрических наземных конструкций дублируется сюжетами петроглифов Мугур-Саргола. Здесь на многих камнях представлены так называемые «дома» и «загоны» (*Дэвлет,* 1976. С. 26–27), конфигурация которых в ряде случаев соответствует планиграфии рассматриваемых памятников. Такие соответствия не могут быть случайными. Особенный интерес здесь представляет наличие личин, вписанных в композиции, составленные из примыкающих друг к другу изображений «оградок» (Мугур-Саргол, камни № 97, 283 и др.). Во-первых, они косвенно датируют подобные конструкции, возведенные на земле из камня, во-вторых, соответствуют действительным реалиям, таким как наличие камня с антропоморфным изображением в «алтарной» нише жилища 1 на поселении Торгажак (*Дэвлет,* 1992. С. 112–115; *Савинов,* 1996. С. 29). Учитывая ранее упоминаемые декорированные гальки, происходящие из этого поселения, и их аналогии на Тоора-Даше и других окуневских памятниках Тувы, можно представить себе определенное единое мировоззрение, сложившееся на Саяно-Алтае в конце бронзового века и в периоды, непосредственно предшествующие появлению культур скифо-сибирского круга. Торгажакская валиковая керамика относится, по мнению ее исследователя И. П. Лазаретова, к каменноложскому этапу карасукской культуры (или к лугавской культуре) и ведет свое происхождение из районов Центральной Азии, лежащих к югу от Саян, включая и Туву. Это позволяет нам использовать материалы этого уни-

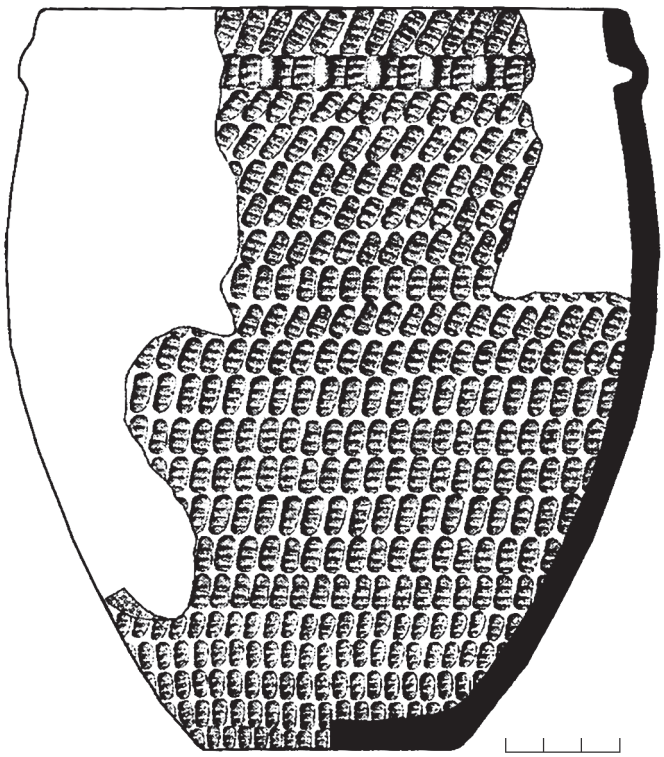


Рис. 359. Могильник Аймырлыг-карьер, могила 2. Сосуд

кального памятника для реконструкции культурных состояний в Туве и на прилегающих территориях, тем более что, согласно данным антропологии, погребения монгун-тайгинского типа оставлены населением, близким по своему облику карасукской популяции Минусинской котловины.

Хронология памятников поздней бронзы Тувы разработана до сих пор недостаточно хорошо в силу отсутствия в этих погребениях сопроводительного инвентаря. Случаи стратиграфического наслоения на монгун-тайгинские курганы более поздних алды-бельских позволили А. Д. Грачу сделать вывод о полной смене культур в начале эпохи ранних кочевников, поскольку факт перекрывания полой одного кургана края другого он рассматривал как некий символический знак победы пришлого этноса над аборигенами (*Грач*, 1980. С. 34). Созданная А. Д. Грачом типология погребений монгун-тайгинского типа не отражала их хронологического развития (*Грач*, 1971). Позднее А. Д. Грач внес некоторые коррективы в этот вопрос (*Грач*, 1983. С. 244–265), отметив карасукский возраст курганов, раскопанных А. М. Мандельштамом на Бай-Даге, что как будто бы подтверждало доскифский возраст большей части безынвентарных погребений с западной ориентировкой. Меньшая часть этих курганов, которые содержали захоронения в цистах на горизонте, отнесена Л. Р. Кызласовым к раннескифскому времени. Эти курганы Л. Р. Кызласов считал сакскими, синхронными Аржану (*Кызласов,* 1977. С. 69–88).

Таким образом, были обозначены два хронологических полюса монгун-тайгинской проблемы. Отправная точка лежала где-то в пределах рубежа II–I тыс. до н. э., конечная — синхронизировалась с курганом Аржан-1. Исходя из этих данных, намечается преемственность погребальных камер с безынвентарными захоронениями от эпохи бронзы к скифским сооружениям аржанского времени. Древнейшими являются захоронения в узких неглубоких ямах, окруженных каменными кольцами. К ним относятся памятники на могильнике Бай-Даг III, Сут-Холь 59/9 и Сут-Холь 59/15 (сразу надо отметить ориентировку сут-хольских захоронений в юго-западный сектор); Аргалыкты I и II; Урбюн I, II и III; Куйлуг-Хем I (14 и 21), Эрзин I (1 и 2) и др. (подробная сводка памятников монгун-тайгинского типа — см. *Чугунов,* 1994. С. 43–53). На следующем этапе появляются захоронения в узких ямах, обложенных по периметру камнями. Здесь можно назвать курганы на могильниках Торгалык II (*Семенов,* 1985. С. 68–69), Сут-Холь 59/1 и 59/2 (*Грач,* 1966. С. 81–95) и др. Затем захоронения совершаются на древнем горизонте в узких низких цистах из валунного камня или плитняка, и, наконец, появляются наиболее близкие к аржанскому времени высокие, большие по площади

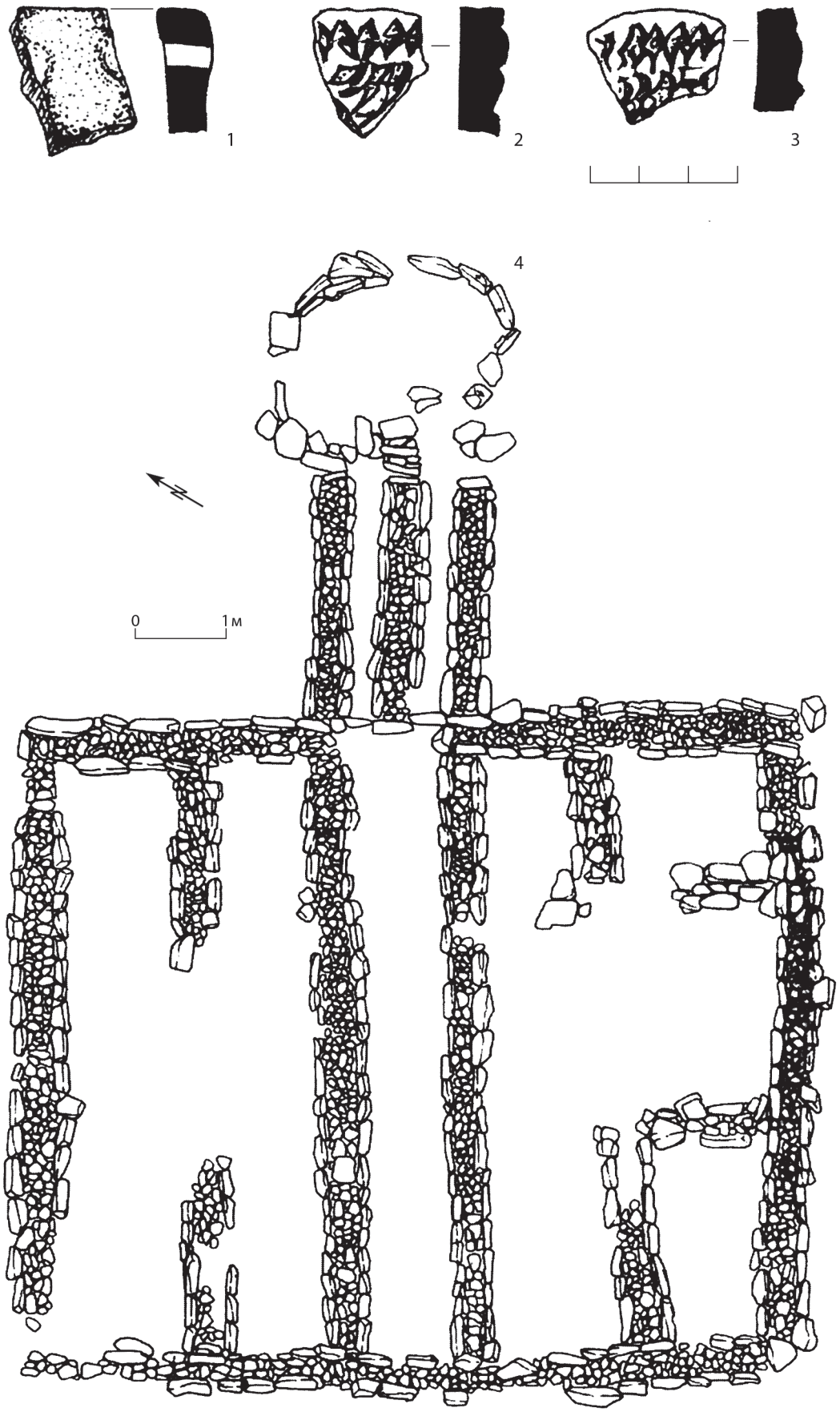


Рис. 360. Выкладка «храм» у горы Шолде-Тей. Керамика из нее (*1–3*) и план (*4*)

цисты с крепидами с захоронениями как на боку со слегка согнутыми в коленях ногами, так и скорченные, скифские по погребальному обряду. Данная типология погребений монгун-тайгинского типа, сформулированная нами к 1987 г. (*Семенов, Чугунов,* 1987. С. 73–75), получила в дальнейшем поддержку других исследователей (*Савинов,* 1994. С. 58–59). Отражает ли данная схема эволюционное четырехэтапное развитие памятников монгун-тайгинского типа или она может быть сведена к двум хронологическим стадиям — захоронения в неглубоких ямах (независимо от того, существует ли вокруг них обкладка или нет) и захоронения в цистах на горизонте — сказать пока трудно. К. В. Чугунов, выделяя монгун-тайгинскую культуру, разделил ее на три этапа: первый этап включает в себя захоронения в ямах обоих типов, второй — захоронения в низких валунных цистах, третий — захоронения в высоких цистах из плитняка. Надо отметить, что валунные камеры требуют более тщательной подборки строительного материала и потому всегда могут быть несколько ниже плитовых, тогда как последние бывают как низкими, в один-два слоя камней, так и высокими — в четыре-пять слоев плит, и имеют перекрытия в виде ложного свода. Часть цистовых захоронений отнесена по положению в них скелетов к эпохе ранних кочевников (*Чугунов,* 1994. С. 48–50), но при раскопках Большого кургана на реке Холаш автором были выявлены цисты с захоронениями по монгун-тайгинскому обряду. Эти цисты вмонтированы в насыпь кургана — они являлись частью платформы, окружающей захоронение в яме раннескифского периода. К сожалению, курган был разграблен и ничего определенного о его возрасте сказать пока что нельзя, но сами цисты и обнаруженные там же оленные камни свидетельствуют о ранней дате всего памятника (*Семенов,* 1997б). Во всяком случае, здесь твердо устанавливается единовременность захоронений в цистах и захоронений в ямах. Положение же скелетов на ранних и переходных стадиях скифской культуры может варьировать, о чем свидетельствуют и некоторые раскопки А. М. Мандельштама на могильниках Темир-Суг I, в срубах которого были обнаружены вытянутые на спине скелеты, ориентированные головой на север (*Мандельштам,* 1983б. С. 13–14), или Аймырлыг, с таким же вытянутым положением скелетов на спине, но с северо-восточной ориентацией (*Мандельштам,* 1992. С. 183).

К этим проблемам нам еще предстоит обращаться в будущем, а сейчас подробнее остановимся на конкретных ключевых памятниках монгун-тайгинского типа, иллюстрирующих выше изложенную концепцию их развития.

Могильник Бай-Даг III исследовался А. М. Мандельштамом в 1967 г., затем в 1977–1978 гг. Он был компактно расположен на невысокой песчаной гряде, протянувшейся севернее горы Бай-Даг, у подножия которой в настоящее время раскинулся г. Новый Шагонар. Наибольший интерес для нас представляют раскопки 1967 г., когда было исследовано семь из восьми курганов под № 1–6 и 8 (*Мандельштам,* 1968. С. 169–170). Все исследованные здесь курганы содержали захоронения в узких грунтовых ямах, перекрытых плитами. Могилы были заключены в сплошные кольцевые выкладки. Скелеты лежали на левом боку и были ориентированы на запад и северо-запад. Вещевой инвентарь здесь отсутствовал, и только в кургане 3, содержащем две могилы (рис. 361), среди костей погребенных обнаружены кремневые наконечники стрел (рис. 362, *17–21*), что позволило привязать весь могильник к эпохе поздней бронзы.

Эти наконечники стрел (характер их расположения в могиле позволяет предположить, что погребенные были ими убиты) находят широкие аналогии в целом ряде памятников карасукской культуры и близких им по времени. Они имеют треугольные очертания, строго симметричные с прямым или, редко, слабо вогнутым основанием (рис. 362, *11*). В Минусинском крае подобные наконечники происходят из могильников Черновая VII, курган 3, погребение 1 (раскопки Г. А. Максименкова 1962 г.); Сухое озеро, курган 236, могила 1; Варча 1, курган 27, могила 2 (*Максименков,* 1965б. С. 204–211), Карасук 1, ограда 43, могилы 1 и 3 (*Грязнов, Комарова,* 1966. С. 12–15), Каменка II, ограда 9, погребения 2 и 3 (*Шер, Хлобыстин,* 1966. С. 10–12), Хара-Хая, могилы 1 и 8 (*Кызласов,* 1971. С. 170–188) (рис. 362, *15, 16*).

Кремневые наконечники стрел не входят в набор погребального инвентаря карасукской культуры и, так или иначе, попали в могилы случайно. Подобные наконечники происходят из Осинкинского могильника (рис. 362, *1–14*). Памятник датируется Д. Г. Савиновым X–VIII вв. до н. э. (*Савинов,* 1975. С. 99), Н. Л. Членова сужает дату до IX–VIII вв. до н. э. (*Членова,* 1994. С. 35). Более отдаленные аналогии происходят из Ростовкинского могильника (*Матющенко, Синицына,* 1988. С. 4–63). Другие сближения между карасукскими (каменноложскими) и ранними монгун-тайгинскими (бай-дагскими) памятниками прослеживаются в некоторых чертах погребального обряда. В частности, захоронения в грунтовых ямах на левом боку, со слабо согнутыми ногами, с ориентировкой головой в западный сектор с небольшими отклонениями встречаются на могильниках Арбан I (*Лазаретов,* 1995. С. 39–45) и др. Конечно, подобные сближения между памятниками монгун-тайгинского типа и каменноложского

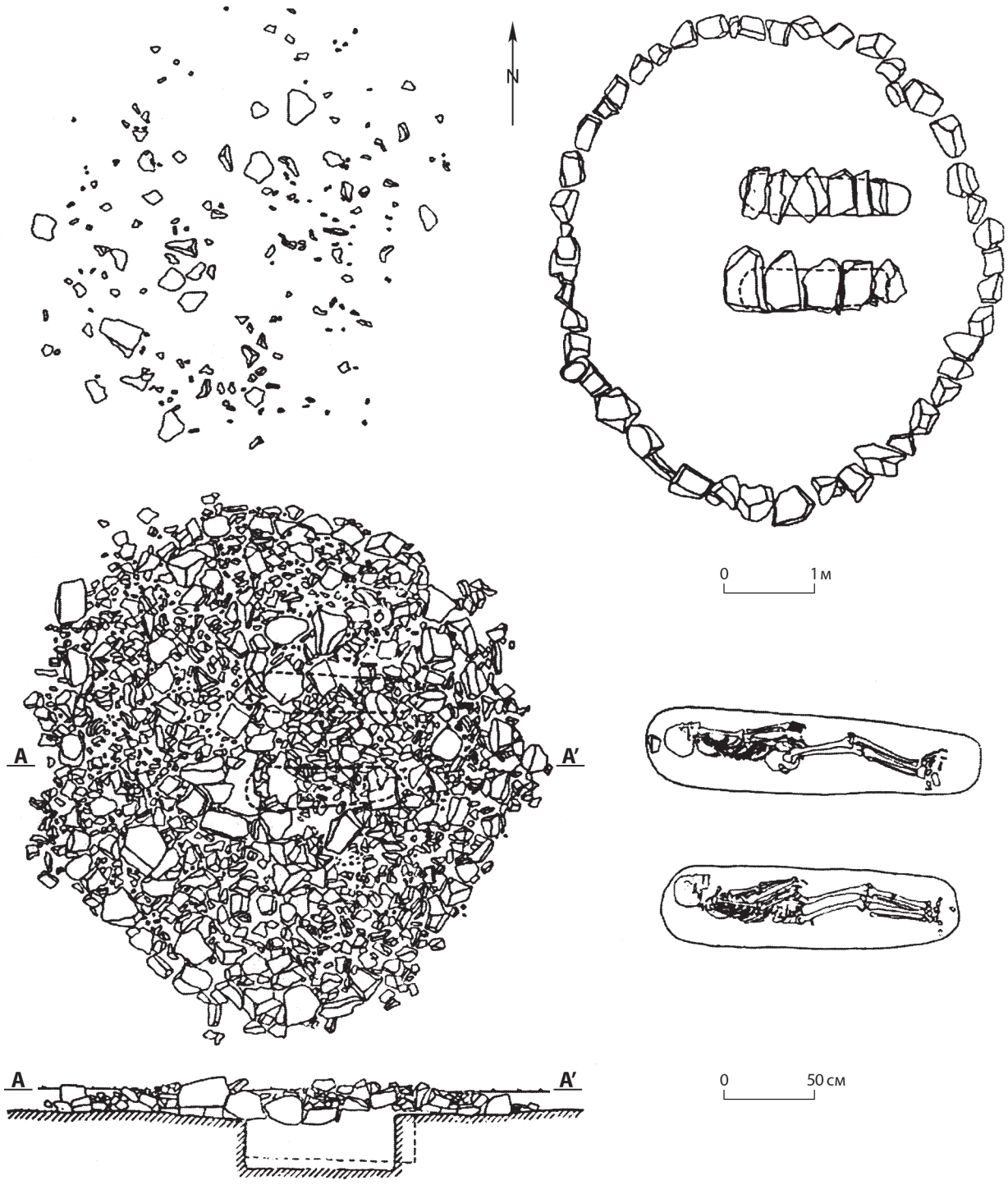


Рис. 361. Могильник Бай-Даг III. Курган 3. Планы, разрез и планы погребений

этапа носят достаточно условный, как принято говорить, «эпохальный» характер. Однако вышеизложенная точка зрения о центральноазиатских корнях культуры валиковой керамики в Минусинской котловине допускает продолжение этого ряда сопоставлений.

Возможно, одновременно с захоронениями в грунтовых ямах существовали погребения второго типа, в ямах с каменной обкладкой по периметру. Подобные погребения были исследованы на могильниках Торгалык 2, Баян-Кол (раскопки автора), Сут-Холь (Грач, раскопки 1962 г.) и др. Можно допустить, что в ряде случаев на такие особенности исследователи не обращали внимания. Этот тип погребений рассматривается как переходная стадия от захоронений в неглубоких ямах к захоронениям в невысоких цистах на горизонте (3-й тип). Как вариант можно рассматривать погребение в узкой яме, обставленной внутри

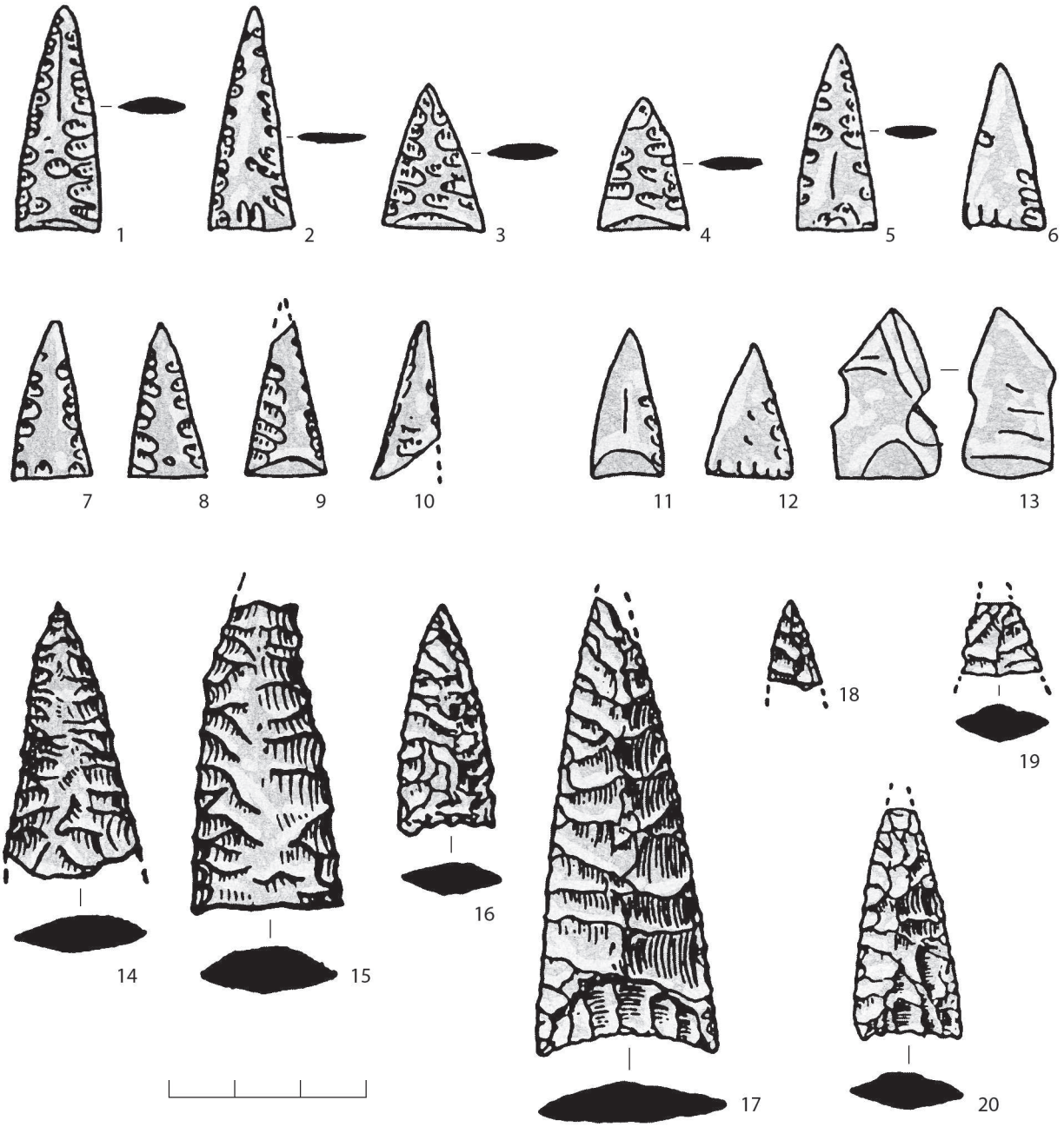


Рис. 362. Наконечники стрел. *1–14* — Осинскинский могильник (по *Членова*, 1994); *15, 16* — Хара-Хая (по *Кызласов*, 1958); *17–20* — Бай-Даг III (по *Мандельштам*, 1968)

плитами, на могильнике Аргалыкты (раскопки автора, 1991 г.). Такие цисты раскопаны в Монгун-Тайге, на могильнике Торгалык I с погребениями, как на боку со слабо согнутыми ногами, так и на спине, вполоборота. В одной из таких низких цист на Торгалыке I (курган 1) было захоронено два человека. Разграбление цисты не позволяет с уверенностью говорить о положении погребенных, но по положению длинных костей ног можно догадаться, что оба они лежали на правом боку с вытянутыми, а не согнутыми в коленях ногами. Такие курганы достигают значительных размеров, но их высота не превышает полуметра. Стенки цисты подняты на два-три ряда плит или уплощенных булыжных камней.

Так же как и для второго типа погребений, характерны камеры из вертикально установленных плит на древнем горизонте (каменные ящики). Заслуживают внимания случаи (Суглуг-Хем 1) захоронения детей в кольцах курганов с такими наземными камерами. Конечно, возможно переиспользование их в раннескифское время, но не исключена и изначальная обрядовая практика подобного рода у создателей курганов монгун-тайгинского типа, так как детские захоронения в них встречаются сравнительно редко.

Во всяком случае, в кургане 17 на могильнике Суглуг-Хем 1 обнаружено два детских погребения в каменных ящиках, впущенные в ограду. Наземная же камера, составленная из больших плит, была разрушена. Среди плит на поверхности земли находились кости человека. Детские захоронения, замаскированные в оградах курганов, встречались в алды-бельских памятниках на Торгалыке I, Сарыг-Булуне, Аргалыкты и др. Находки из насыпи кургана — бронзовый пластинчатый нож и железная булавка с шаровидным навершием — могут относиться к V–VI вв. до н. э. Таким образом, возраст кургана остается неопределенным, но все-таки можно допустить, что захоронения на горизонте существуют параллельно с алды-бельской традицией.

К этому времени, вероятно, относятся и захоронения в высоких цистах, распространенных в Туве на значительной территории. Курганов с такими цистами довольно много в Монгун-Тайге, Овюрском и Эрзинском районах Тувы. В последнем из них у горы Ямалык цисты помещались в центре оград с «лучами», т. е. эти курганы подпадают под определение керексуров. Высокие цисты раскопаны на могильниках Куйлуг-Хем, Демир-Суг, Чарга.

Л. Р. Кызласов выделял последние два типа памятников в шанчигскую группу (на основании главным образом погребального обряда) и датировал их раннескифским временем на основании находки бронзового молота в кургане Шанчыг 15 (*Кызласов,* 1979). При раскопках могильника Чарга на правом берегу Улуг-Хема, в 13 км ниже поселка Ээрбек нами также были найдены изделия раннескифского времени —нож с валютообразным орнаментом на ручке с прорезным отверстием и бронзовое кольцо. Эти предметы происходят из курганной насыпи, в центре была возведена большая по площади, но разграбленная циста, ориентированная по длинной оси юго-восток — северо-запад. Фрагменты черепных костей лежали у северо-западной стенки.

Окончательное подтверждение существования цист и курганов с погребениями в ямах было получено при раскопках Большого кургана на могильнике Холаш в Монгун-Тайгинском районе Тувы (*Семенов,* 1997а). В каждой из цист похоронено по одному человеку в вытянутом положении на боку со слабо согнутыми в коленях ногами, что свидетельствует о том, что в раннескифское время хоронили не только в сильно скорченном положении.

Безусловно, к памятникам, которые можно датировать раннескифским временем, относятся и керексуры. Говорить об их более раннем возрасте пока что нет оснований. Наиболее представительный из раскопанных керексуров — Улуг-Хорум в Саглах — имел внешнее кольцо диаметром 66 м. От центрального сооружения расходилось 32 каменных луча. Высота этого кургана значительно превышала 2 м, о чем, к сожалению, можно судить лишь на основании полевых фотографий (НА ИИМК РАН. Ф. № 1). В процессе раскопок на горизонте обнаружены кости одного погребенного. Вероятно, они были первоначально помещены в цисту, не замеченную исследователями при снятии гигантского сооружения (объемом 630 куб. м, площадью 450 кв. м, весом 1540 т — *Грач,* 1980. С. 120). Чертежей бровок сооружения нет. Его высота также не указана. В крепиду кургана вмонтировано несколько каменных блоков с изображениями в скифском зверином стиле. Здесь же найден обломок оленного камня. Стилистика рисунков не позволяет сомневаться в том, что курган создавался в раннескифское время. На плане Улуг-Хорума не указано точное местоположение камней с рисунками, что снижает информативность всего комплекса.

Раннескифский возраст памятника подтверждается некоторыми реминисценциями культуры эпохи бронзы. К таковым относится наличие каменного треугольника в пределах пространства между внешним кольцом и крепидой кургана. Как известно, наиболее ранние каменные треугольники встречаются в курганах карасукской культуры (*Вадецкая,* 1986. С. 54). На Тоора-Даше они появляются в девятом культурном слое и довольно обычны в курганах как монгун-тайгинской культуры, так и скифского времени. Затем в пределах внешнего кольца было выявлено захоронение собаки при входе в катакомбу — кенотаф. Как известно, захоронение собаки было исследовано при раскопках Малиновской ограды, и тоже во входе в сооружение. Интересно, что в Улуг-Хоруме собака была похоронена со своей деревянной чашкой. Сопровождающие захоронения собак известны и в алды-бельских погребениях (*Семенов,* 1993. С. 82–88). Наконец, помещение в крепиду кургана камней с изображениями отражает общеевразийскую тенденцию, характерную для памятников бронзового века. В эпоху поздней бронзы эта традиция прослеживается на окраинах ареала индоевропейской общности. Как пример, можно привести курган Сагахольм в Южной Швеции (*Randsborg,* 1993. P. 160).

Помимо погребений в цистах (*Гохман, Волчек,* 1991. С. 48–54) или на горизонте (керексур Ов-60-3, раскопки А. Д. Грача — *Грач,* 1980. С. 121) встречаются и захоронения в неглубоких грунтовых ямах. В частности, керексур на могильнике МТ-57-XXII (МТ-57-А) (*Грач,* 1960) содержал погребение в неглубокой яме. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Тем не менее, этот керексур с прямоугольной оградой и четырьмя лучами-дорожками от центра к углам породил целый ряд ги-

потез, небезразличных для нас ввиду вопроса о происхождении этого типа памятников. Керексур с могильника Мугур-Аксы II был сопоставлен М. Н. Комаровой с курганами могильников Карасук II и Карасук VIII (*Комарова,* 1981. С. 76–90). Эти курганы также имеют прямоугольные ограды с лучами и захоронения в неглубоких ямах. По всем признакам они относятся к окуневской культуре, хотя М. Н. Комарова пыталась обосновать их серьезное отличие и выделяла в особый тип памятников. Комплекс с подобной планиграфией был исследован Л. Р. Кызласовым на р. Туим. Наличие курганов с крестообразными «дорожками» или «лучами» в Минусинской котловине и их семантическая адекватность керексурам позволили Д. Г. Савинову и Л. И. Реве связать последние с окуневским культурным субстратом (*Савинов, Рева,* 1993. С. 48). Вероятно, здесь мы еще раз сталкиваемся с пересечением двух или более линий развития культур эпохи бронзы на Саяно-Алтае, приведших в конечном итоге к появлению памятников скифского типа.

Памятник, типологически сопоставимый с керексурами, был исследован нами в 1987 г. на правобережье Улуг-Хема на трассе строящейся дороги Эрбек — Баян-кол. Этот курган именовался Хорум. Он находился неподалеку от источника Кара-Сук. Расстояние от Эрбека 43,1 км. В центре кольца диаметром 24,6 м и шириной 0,5–0,8 м был возведен курган с крепидой (10 × 12 м). Высота кургана по разрезу достигала 1 м. С юго-западной стороны крепиды лежал оленный камень. Под курганом находилась грунтовая яма размерами 1,2 × 0,8 × 1 м. В заполнении встречались кости человека. К юго-западу и северо-востоку от ямы установлены две стелы. В восточном секторе зафиксировано начало «луча», который начинался у внешнего кольца и был направлен к центру.

Помимо монгун-тайгинских погребений четырех типов и керексуров в это же время уже существуют и другие захоронения — в открытых кольцевых оградах небольшого размера на древнем горизонте. Такие ограды исследовались на могильниках Суглуг-Хем 1, Сыпучий Яр, Копту-Аксы. Кости погребенных в разрозненном состоянии обнаружены далеко не во всех подобных усыпальницах. На могильнике Сыпучий Яр такая кольцевая могила, окруженная кромлехом большего диаметра, была перекрыта курганом алды-бельской культуры. На могильнике Суглуг-Хем 1 остатки погребения обнаружены на горизонте внутри разрушенного каменного кольца. Как вариант такого захоронения можно рассматривать курган на трассе дороги Новый Чаа-Холь — Улуг-Саргол (Аймырлыг 25). Этот курган 9 был обведен двумя каменными кольцами. В кладке внутреннего кольца находилась стела без изображений. Внутри поставлена циста, в которой лежали кости лошади. Рядом с цистой был захоронен один человек (*Стамбульник*, 1977. С. 2–4, рис. 4–12). Черепа жеребят обнаружены при раскопках Г. В. Длужневской на могильнике Эйлиг-Хем. Черепа были помещены в валунные камеры в центре оградок, вытянутых по оси запад-восток на уровне древней дневной поверхности (*Длужневская,* 1983. С. 196–197). За пределами Тувы подобные кольцевые ограды с погребением коня и человека на древнем горизонте и фрагментами керамики в засыпке были раскопаны Н. А. Боковенко в Усинской котловине (могильник Баданка). Исследователь считает, что этот памятник относится к аржанскому этапу (*Боковенко,* 1995. С. 85–89). Г. В. Длужневской такой памятник исследован в Саянском каньоне Енисея (могильник Хадынных II). Здесь погребение отсутствовало, но каменное кольцо было очень высоким, сложенным из тщательно подобранных плит (*Длужневская,* 1977. С. 275–278).

В заключение хотелось бы представить ***общую схему развития и взаимовлияний погребальных сооружений*** эпохи бронзы — скифского времени Тувы (рис. 363). В неолите можно наблюдать первые, сравнительно небольшие каменные курганчики, связанные с поминально-погребальной обрядностью, в камнях которых встречается керамика и некоторые другие предметы. Проникающие в Туву и далее в Монголию скотоводы — носители афанасьевской культуры вступают в контакт с местным населением, о чем свидетельствует декор и некоторые особенности выделки керамики (*Семенов,* 1992. С. 83). Они хоронят своих умерших в неглубоких ямах, скорченно, на боку, но погребальный инвентарь остается в надмогильных сооружениях. В это же время и несколько позже на первом этапе окуневской культуры существуют и погребения под каменными кладками на древнем горизонте. Дальнейшая взаимная аккультурация и проникновение андроновских и карасукских влияний приводят к появлению захоронений в каменных ящиках с погребальным инвентарем (второй этап окуневской культуры в Туве). Каменный ящик и поза погребенного скорченно на боку головой на запад, по замечанию А. М. Мандельштама, доживают до скифского времени. В то же время уже есть гладкостенная баночная керамика. Под влиянием каких-то идей, инвазии инокультурного населения из глубин Центральной Азии или возрождения древних традиций в Туве распространяются безынвентарные захоронения. Сначала в узких неглубоких ямах, а затем на поверхности земли в цистах, керексурах и в кольцеобразных оградах без кургана. Иногда такие захоронения сопровождают погребения коня или конские черепа (*Семенов,* 1990. С. 111–113). Появляются первые оленные камни. Продолжение влияния этих идей

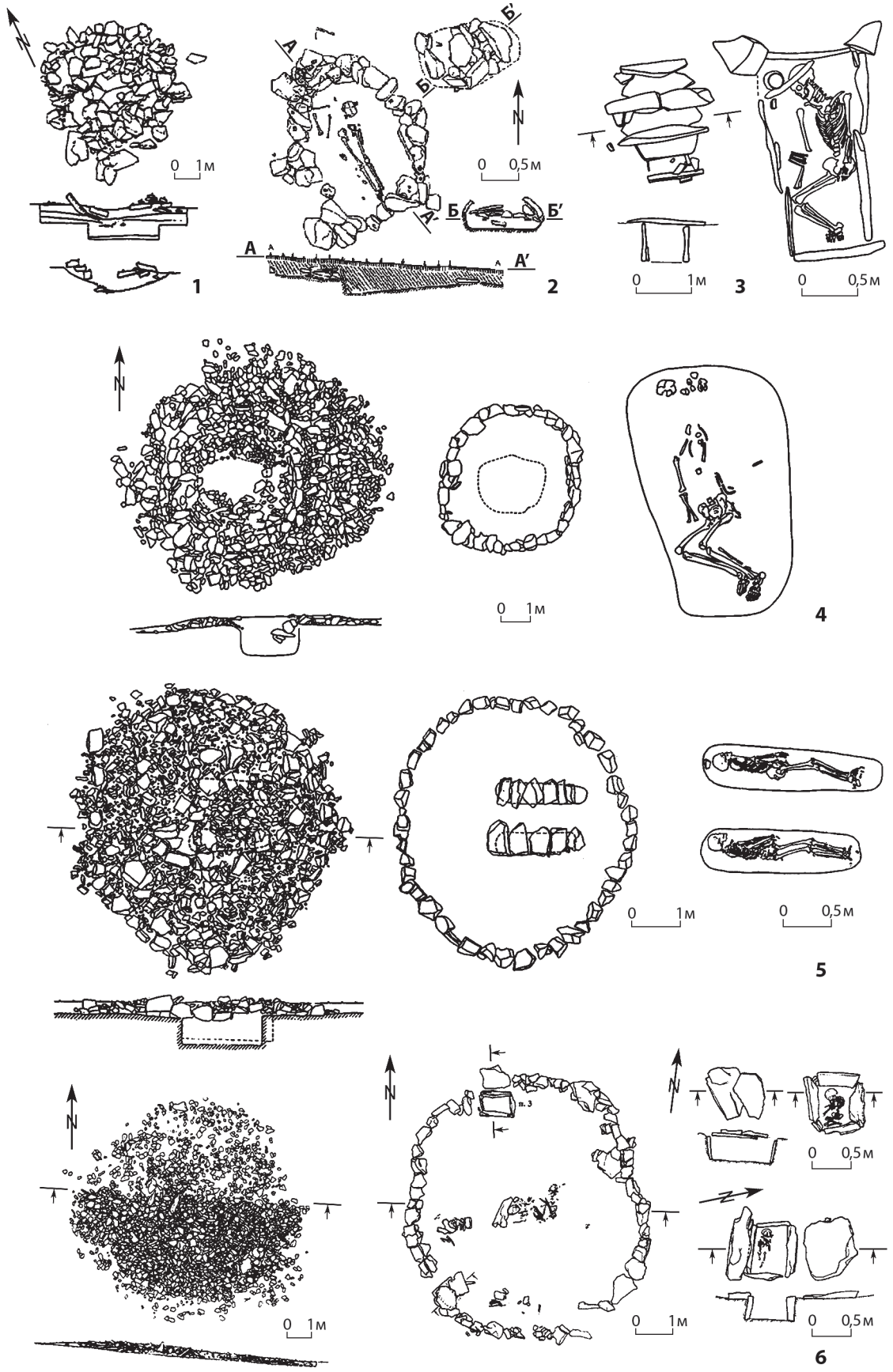


Рис. 363. Типы погребальных сооружений эпохи бронзы: *1* — неолитическая верхнеенисейская культура (Тоора-Даш); *2, 3* — окуневская культура (Азас, Аймырлыг); *4* — афанасьевская культура (Хайракан); *5* — монгун-тайгинская культура (Бош-Даг III); *6* — алды-бельская культура (Чарга)

приводит к появлению уникального кургана Аржан-1, но в то же время, или вследствие такого «скачка», получает развитие отличная от предыдущей культура скифского типа.

Уже в VIII в. до н. э. мы можем говорить о появлении ранних памятников алды-бельской культуры (Усть-Хадынныг), а в VII в. до н. э. в Уюкской долине появляется царский алды-бельский курган Аржан-2 с конскими захоронениями и погребальным инвентарем, позволяющим синхронизировать с ним рядовые алды-бельские могильники, такие как Сыпучий Яр, Демир-Суг, Чинге (правый берег) и др. В некоторых алды-бельских комплексах наряду с одиночными в каменных ящиках представлены коллективные погребения в небольших срубах, помещенных в сравнительно глубокие ямы (Сыпучий Яр).

Постепенно эта традиция начинает доминировать в алды-бельской погребальной обрядности и в таких некрополях, как Чарга 1 и Баян-Кол, мы фиксируем только погребения в срубах, тогда как детские захоронения в каменных ящиках и грунтовых ямах еще сохраняются под тем же надмогильным сооружением. Срубы в этих курганах приобретают те черты, которые характерны для последующей уюкской культуры, в основном оформившейся в конце VI в. до н. э.

В V–IV вв. до н. э. под влиянием алтайских пазырыкцев и юечжей из более отдаленных оазисов Восточного Туркестана в Туве появляются носители отличной от уюкской саглынской культуры.

На поздних этапах своего сосуществования, в III–II вв. до н. э., уюкцы и саглынцы смешиваются, что можно отчетливо проследить на могильниках Суглуг-Хем I и II, где представлены срубы двух типов — уюкского и саглынского. Различаются в них и некоторые черты погребального обряда. Конец скифских культур в Туве приходится на II в. до н. э., когда под давлением сюнну часть носителей саглынской культуры откочевывает в среднеазиатское Семиречье, часть подвергается аккультурации сюнну. Это представлено небольшим числом известных в настоящее время погребений в каменных ящиках, в которых погребенные захоронены по скифскому обряду, т. е. скорченно на боку, с сюннуской керамикой. Эти памятники были выделены А. Д. Грачом в улуг-хемскую культуру.

Заключение

Стратиграфическая колонка на стоянке Тоора-Даш демонстрирует объективную последовательность смены археологических культур в бассейне Верхнего Енисея. В общих чертах она дублирует культурную секвенцию, выработанную в процессе длительных исследований в Минусинской котловине, главным образом погребальных памятников. Материалы из культурных слоев Тоора-Даша также находят соответствия с находками из разновременных курганных могильников Тувы и из других стоянок Саянского каньона Енисея и Тоджинской котловины.

Так, выделенная на Тоора-Даше верхнеенисейская неолитическая культура с характерной гребенчатой керамикой и специфическими типами каменного инвентаря сопоставима с материалами Первого Куйлуг-Хемского грота (слои 1 и 2) (*Семенов*, 2004). Даты, полученные для неолитических слоев в гроте, оказались более ранними, чем даты с Тоора-Даша. Для верхнего (первого) слоя в гроте получена одна дата: 6710 ± 90, для нижележащего второго — две даты: 3510 ± 75 и 9260 ± 100. Вероятно, эти слои можно датировать VII–V тыс. до н. э. (*Боковенко и др.*, 2009. С. 110–118). Однако на Тоора-Даше неолитические слои по данным ^{14}C относятся к IV–III тыс. до н. э. В сущности, значительного временного разрыва между неолитическими слоями Тоора-Даша на Енисее и Куйлуг-Хемского грота не должно быть. Археологический материал с обоих памятников имеет очень незначительные, по-видимому, локальные, отличия.

Затем на Тоора-Даше появляются первые скотоводы Сибири, носители афанасьевской культуры. Их появление связано с глобальной аридизацией, о чем свидетельствуют эоловые отложения между слоями верхнеенисейской и афанасьевской культур. Слой афанасьевской культуры был выявлен на стоянке Хадынных I. Помимо афанасьевских стоянок, обнаруженных в теснине Енисея, были обнаружены и погребения в степных Центрально-Тувинской и Хемчикской котловинах. Небольшие курганы у г. Хайыракан (всего пять) содержали окрашенные погребения в неглубоких грунтовых ямах без инвентаря. В небольших надмогильных сооружениях встречались фрагменты орнаментированной керамики, в которых Л. И. Рева опознала принадлежность к афанасьевской культуре (*Рева,* 1995. С. 17–22). Еще одна афанасьевская могила была раскопана Я. А. Шером на могильнике Оруг-Аксы на левом берегу р. Хемчик напротив поселка Кызыл-Мажалык (*Шер,* 1988). Вероятно, афанасьевцы, появившись в сравнительно небольшом числе на Саяно-Алтайском нагорье, привнесли сюда новую экономику и идеологию, воспринятую местным, также немногочисленным, неолитическим населением. Взаимная аккультурация привела к сложению новой окуневской культуры (на Алтае — каракольской), имеющей свои особенности в Туве, Минусинской котловине и в Горном Алтае. Общей здесь является «афанасьевская» составляющая, а частным — включенный в новое образование местный неолитический субстрат. Сохранившийся афанасьевский антропологический тип в погребениях на стоянке Азас II в Тодже и в окуневских погребениях на могильниках Аймырлыг XIII и Аймырлыг XXVIII — безусловное подтверждение данной гипотезы (*Гохман,* 1980).

Установить последовательность развития энеолитических культур Тоджинской котловины пока сложно. Культурный слой на стоянке Азас II достигает мощности 0,7–0,8 м. Материал в этом слое смешанный. В верхних горизонтах (0,2–0,4 м от дневной поверхности) преобладает неорнаментированная, гладкая керамика, в нижних (на глубине от 0,5 м до материка) — керамика орнаментирована, больше каменных орудий, но встречаются фрагменты гладкой, поздней

керамики. В одном из раскопов на материке лежали орудия палеолитического облика. Наряду с каменными курганчиками, аналогичными цепочке сооружений в первом культурном слое Тоора-Даша, в толще этих отложений были выявлены и погребения, которые можно уверенно датировать первыми веками н. э. Несмотря на все эти сложности, выделяется керамика как на Азасе II, так и на стоянках Тоора-Хем (Первая и Вторая Поляны), сопоставимая с керамикой шестого культурного слоя Тоора-Даша, т. е. первого этапа окуневской культуры в Туве. Этот культурный горизонт в большой мере, несмотря на присутствие здесь носителей афанасьевской культуры, сохраняет пережитки неолитической традиции.

Второй этап окуневской культуры в Туве отражает влияние степной бронзы Минусинской котловины. Погребения в каменных ящиках на Аймырлыге, на р. Тарлышкин и Уюке относятся к этому периоду. Орнаментация керамической банки из погребения на Уюке, раскопанного С. И. Вайнштейном, который отнес его к андроновской культуре, находит почти полную аналогию в орнаментации одного из сосудов из седьмого культурного слоя Тоора-Даша. Определенные параллели между ритуалами захоронения бычьих черепов, возможно, связанные с жертвоприношениями быков, выявленными на Тоора-Даше, известны также и в Минусинской котловине (*Наглер, Парцингер,* 2006. С. 104–119).

Открытие погребений в каменных ящиках эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг позволило А. М. Мандельштаму сделать вывод о длительном переживании элементов погребальной обрядности окуневской культуры в Туве вплоть до эпохи ранних кочевников (*Мандельштам,* 1983б. С. 5–14).

Скептические настроения ряда исследователей, сомневающихся в существовании памятников окуневской культуры в Туве, основаны либо на незнании полученного материала, либо на принципиальной позиции, на которой эти исследователи находятся, не признавая распространения окуневской культуры за пределы Минусинской котловины. Безусловно, между окуневской культурой Минусинского края и тувинским вариантом окуневской культуры нет полного тождества. Однако стадиально в Туве окуневская культура занимает то же место, что и в Минусинской котловине, т. е. после появления в этих регионах афанасьевской культуры. Действительно, антропологический тип различный — в небольшой серии из Тувы представлены европеоиды, в Минусинской котловине смешанная, метисная раса — «европеизированные американоиды» (*Козинцев,* 2009). Различаются детали погребального обряда: в Туве погребения в каменных ящиках без наземных сооружений, а в Минусинской котловине в тех же ящиках, но обнесенных оградой и закрытых сверху невысокой насыпью. Я не согласен с переименованием тувинского варианта окуневской культуры в чаа-хольскую культуру сейминского времени, предложенным В. В. Бобровым (*Бобров,* 1994). Нет причин запутывать понятийный аппарат (*Семенов,* 1995б. С. 24–26).

В ареал памятников второго этапа окуневской культуры в Туве могут быть включены культовые ограды, стоянки с керамикой, орнаментированной трубчатым штампом, обнаруженные в Усинской, Уюкской и Улуг-Хемской котловинах. Впервые такая керамика была обнаружена на стоянке Хадынных I. Есть и другие находки, но керамика с трубчатым штампом является надежным индикатором присутствия носителей второго этапа окуневской культуры в Туве. Погребальные памятники пока ускользают от нас, так как не выработаны диагностические признаки для успешного поиска этих объектов, у которых, судя по всему, отсутствуют наземные сооружения.

Следующие культурные слои Тоора-Даша — восьмой и девятый, залегающие между седьмым окуневским и 10А скифским слоями, содержат незначительное число артефактов. Восьмой культурный слой относится к эпохе бронзы, а девятый — к раннескифскому времени. В этот период в Туве существовали курганы монгун-тайгинской культуры, керексуры и ранние оленные камни. Они были многочисленны, но погребения в них не содержат инвентаря. Вероятно, оленные камни, олицетворяющие символ воинского сословия, включали в свой антураж совокупность предметов, изображение которых замещало непосредственно погребальный инвентарь, т. е. в тоже время они являлись мировой осью, наделенной генетативными функциями. Верхняя, средняя и нижняя зоны на камне отражают градацию мирового древа, разграниченного на три пространственные сферы. Сама по себе достаточно сложная геометрическая структура больших монгун-тайгинских курганов и керексуров, где от 4, 8 и более лучей, упорядочивает горизонтальную картину мира, т. е. макрокосма. Этот период «красивых» курганов может и предшествовать, и сопутствовать возникновению кургана Аржан-1, многокамерная солярная структура которого тоже была возведена на поверхности земли.

Непосредственно к скифскому времени относятся культурные слои 10А и 10 стоянки Тоора-Даш. Этот период представлен большим количеством курганов алдыбельской и уюкско-саглынской культуры. Получена серия ^{14}С-дат. Дата для десятого культурного слоя стоянки Тоора-Даш приходится на III в. до н. э. — 2230 ± 65. Она

демонстрирует разницу между датой, полученной по костным остаткам, собранным в этом слое, и теми артефактами, которые из него происходят. Наиболее ранним предметом можно считать обломок рогового двудырчатого (а может, трехдырчатого, так как он сломан) псалия. Подобные псалии встречаются в могильнике Бийке на Алтае. Костяная колоколовидная подвеска — женский амулет, фрагмент бронзового котла, просверленные речные гальки неизвестного назначения и др., — весь этот материал не укладывается в рамки III в. до н. э. В свою очередь, этот слой перекрыт культурным слоем 10α, определенно соотносим с таштыкским временем, которым датируются и погребения по обряду трупосожжения на стоянке Хадынных I.

Одиннадцатый культурный слой стоянки Тоора-Даш согласно ^{14}C дате 1900 ± 140 относится к рубежу эр. Он очень слабо насыщен. Его можно соотнести с материалами стоянки Хадынных II, в слоях которой обнаружены и фрагменты «таштыкоидной» керамики, и глиняный горшок с утраченным поддоном, и хуннский костяной наконечник стрелы, а также с погребениями гунно-сарматского времени, раскопанными в разных частях Тувы.

12-й культурный слой стоянки Тоора-Даш датируется рубежом VIII–IX вв. Формально это время правления уйгуров, самым ярким памятником которых в Туве является крепость Пор-Бажын на оз. Тере-Холь.

Наконец, 13-й культурный слой приходится на XVI в. «Ошершавленная» керамика, встречающаяся в этом слое, была обнаружена мной при раскопках стоянок Хадынных I и II и Сосновка-Джойская. Здесь, вероятно, обитали племена усов (*Вайнштейн,* 1974. С. 194). Усинские тувинцы проживают на р. Ус до настоящего времени. Вплоть до набора водохранилища их летники встречались в Саянском каньоне Енисея.

Стоянка Тоора-Даш является уникальным многослойным памятником, речные отложения на котором скапливались, если верить ^{14}C датам, много более пяти тысяч лет. Приглянувшаяся по каким-то соображениям надпойменная терраса периодически заселялась различными группами населения в течение многих веков. При значительном подъеме воды во время паводков здесь оседал надпойменный аллювий, перекрывающий культурные слои, оставленные охотниками и скотоводами Саянского каньона. Кроме речных отложений уровень террасы менялся и в результате периодических скальных оползней. Так благодаря естественным факторам и благоприятному местоположению сформировалась стоянка Тоора-Даш, ставшая опорным археологическим памятником не только для теснины Енисея, но, вероятно, и для остальной территории Тувы.

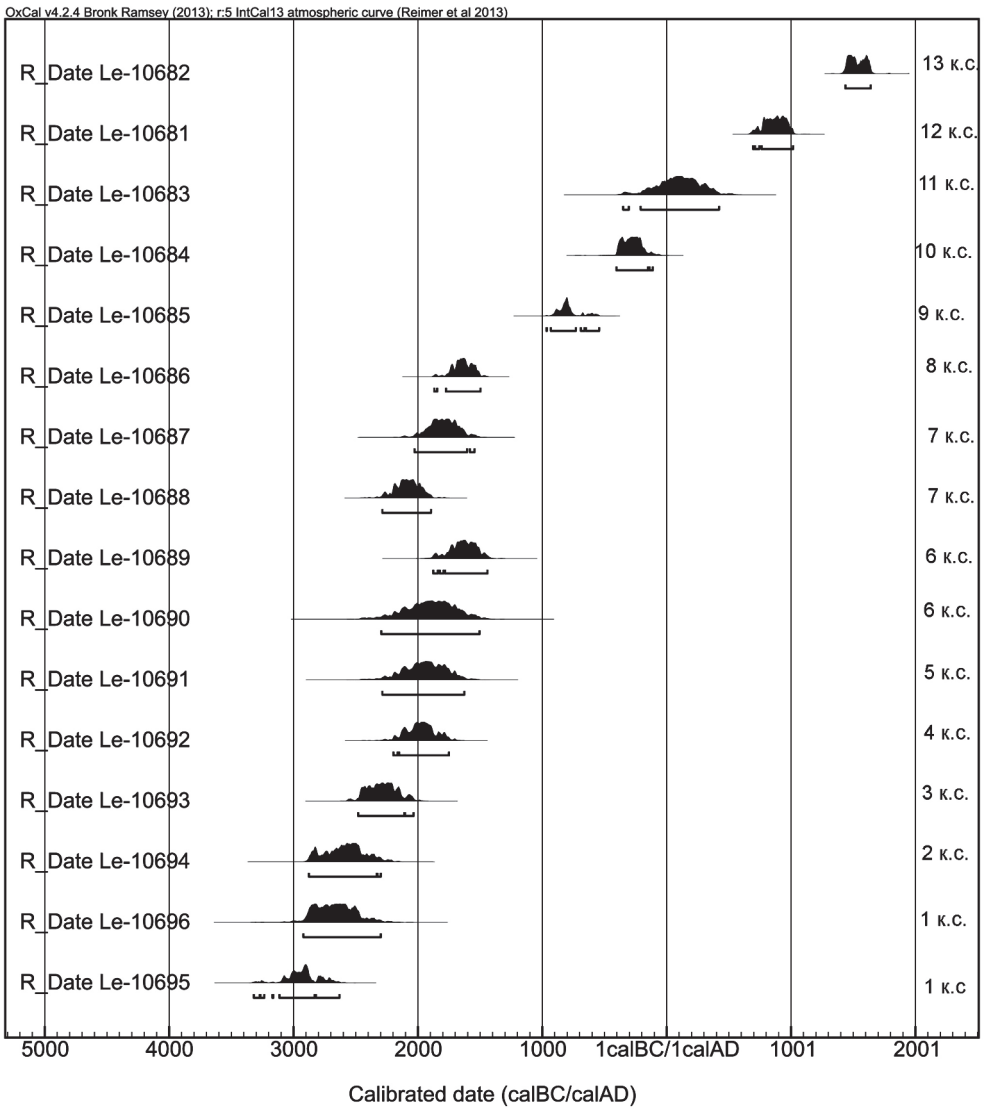
В настоящее время Тоора-Даш не существует. Его поглотили воды Саянского водохранилища. Это был последний паводок в истории маленькой енисейской террасы.

Приложение.
Радиоуглеродные даты стоянки Тоора-Даш

Для тринадцати культурных слоев Тора-Даша были получены даты ^{14}C (табл.). Материалом для датирования служили обломки костей животных, собранные в процессе исследования стоянки. Безупречная колонная секвенция памятника позволяет считать Тоора-Даш опорным памятником для культур неолита и бронзы в бассейне Верхнего Енисея. В силу естественного местонахождения стоянки на берегу Енисея при раскопках отсчет слоев велся снизу вверх, что соответствовало естественному накоплению речных (аллювиальных), а затем и скальных (пролювиальных) отложений.

Полученные даты свидетельствуют, что неолитические слои (первый, второй, третий и четвертый) датируются III тыс. до н. э. Вышележащий слой с материалами афанасьевской культуры (пятый) образовался на рубеже III–II тыс. до н. э. Слои шестой и седьмой с материалами, соответствующими тувинскому варианту окуневской культуры, датируются первой половиной — серединой II тыс. до н. э. Слои предскифского времени (восьмой и девятый) появились, соответственно, к середине I тыс. до н. э. Слой скифского времени (10-й) согласно радиоуглеродным датам относится ко второй половине I тыс. до н. э. Последующие слои 11-й, 12-й и 13-й датируются I–II тыс. н. э.

Даты, полученные по содержанию ^{14}C для нижележащих слоев стоянки Тоора-Даш, соответствуют короткой хронологии, разработанной М. П. Грязновым и Г. А. Максименковым для памятников афанасьевской и окуневской культур Минусинской котловины, которая базировалась на стратиграфии погребальных памятников и типологии археологических материалов.



Литература и источники

Абдулганеев и др., 1982 — *Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х.* Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.

Аванесова, 1979 — *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского ку льтурного единства (По металлическим изделиям): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1979. 25 с.

Алексеев, 1961 — *Алексеев В. П.* Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Тр. конф. по истории Сибири и Дал. Востока: Материалы пленар. заседания и секции истории досов. периода, археологии и этнографии, март 1960 г. Новосибирск, 1961. С. 377–385.

Алексеев и др., 1987 — *Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д.* Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 208–241.

Астахов, 1968 — *Астахов С. Н.* Поиски памятников каменного века в Туве // АО 1967 года. 1968. С. 242.

Астахов, 1971 — *Астахов С. Н.* Исследование стоянки Е-15 // АО 1970 года. 1971. С. 84.

Астахов, 1973 — *Астахов С. Н.* Саяно-тувинская экспедиция // АО 1972 года. 1973. С. 199.

Астахов, 1974 — *Астахов С. Н.* Саяно-Тувинская экспедиция // АО 1973 года. М., 1974. С. 181.

Астахов, 1975 — *Астахов С. Н.* Работы Саяно-Тувинской экспедиции // АО 1974 года. 1975. С. 190.

Астахов, 2008 — *Астахов С. Н.* Палеолитические памятники Тувы. СПб., 2008. 178 с.

Астахов, Беляева, 1970 — *Астахов С. Н., Беляева В. И.* Памятники каменного века в Саянском каньоне Енисея и долине р. Саглы // АО 1969 года. 1970. С. 180–182.

Астахов, Семенов, 1980 — *Астахов С. Н., Семенов Вл. А.* Палеолит и неолит Тувы (По материалам Саяно-Тувинской экспедиции) // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 17–35.

Беляева, 1972 — *Беляева В. И.* Неолитическая стоянка Усть-Хемчик 3 // КСИА. 1972. Вып. 131. С. 114–124.

Бобров, 1994 — *Бобров В. В.* К проблеме миграции европеоидного населения на территории Южной Сибири в сейминскую эпоху // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 53–56.

Боковенко, 1995 — *Боковенко Н. А.* Новый памятник аржанского этапа в Центре Азии // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 85–89.

Боковенко и др., 2009 — *Боковенко Н. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Кулькова М. А., Лазаретов И. П., Семенов Вл. А.* Развитие древних культур Центральной Азии в контексте климатических изменений (по материалам Минусинско-Хакасских котловин и Тувы) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2009. С. 110–118.

Боровка, 1927 — *Боровка Г.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Т. II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л., 1927. С. 43–88.

Вадецкая, 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 33–62.

Вадецкая, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л., 1986. 178 с.

Вадецкая, 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 435 с.

Вадецкая, 2014 — *Вадецкая Э. Б.* Этапы ассимиляции населения афанасьевской культуры племенами окуневской культуры // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения.

Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929 – 19.02.2010). СПб., 2014. С. 315–331.

Вадецкая и др., 1980 — *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980. 147 с.

Вайнштейн, 1954 — *Вайнштейн С. И.* Археологические раскопки в Туве в 1953 г. // УЗ ТНИИЯЛИ. 1954. Вып. 2. С. 148–154.

Вайнштейн, 1957 — *Вайнштейн С. И.* Археологические исследования в Туве в 1955 году // УЗ ТНИИЯЛИ. 1957. Вып. 4. С. 36–38.

Вайнштейн, 1971 — *Вайнштейн С. И.* Вопросы этнической истории и этнографии тувинского народа // УЗ ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 5. С. 77–82.

Вайнштейн, 1974 — *Вайнштейн С. И.* Этнический состав древнего населения Саян // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974. Вып. 4. С. 189–195.

Васильев, 1980 — *Васильев С. А.* Раскопки неолитической стоянки Малые Уры I // АО 1979 года. 1980. С. 194–195.

Васильев, 1981 — *Васильев С. А.* Сосновка-Голованьская — новый многослойный памятник каменного века в Западном Саяне // КСИА. 1981. Вып. 165. С. 123–125.

Васильев, 1986 — *Васильев С. А.* Неолитическая стоянка Малые Уры // Палеолит и неолит. Л., 1986. С. 113–117.

Виноградов, Мамедов, 1975 — *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан. М., 1975. 287 с.

Виноградов, 1982 — *Виноградов А. В.* Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1982. 24 с.

Волков, 1967 — *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.

Волков, 1980 — *Волков В. В.* Курганы афанасьевского типа в Монголии // Археологийн судлал. Улаан-баатар, 1980. Т. 9. Fasc. 1–4. Табл. 13–16.

Геология, 1966 — Геология СССР. Т. 29. М., 1966. 464 с.

Гохман, 1980 — *Гохман И. И.* Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник МАЭ. 1980. Вып. 36. С. 5–34.

Гохман, Волчек, 1991 — *Гохман И. И., Волчек Э. Э.* Древнее погребение из Худжирта (Центральная Монголия) // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. Сборник МАЭ. 1991. Вып. 44. С. 48–54.

Грач, 1957 — *Грач А. Д.* Петроглифы Тувы // Сборник МАЭ. 1957. Вып. 17. С. 339–384.

Грач, 1960 — *Грач А. Д.* Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // ТКЭАН. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 73–150.

Грач, 1966 — *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге // ТКЭАН. М.; Л., 1966. Т. 2. С. 81–107.

Грач, 1971 — *Грач А. Д.* Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 93–106.

Грач, 1980 — *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 255 с.

Грач, 1983 — *Грач А. Д.* Центральная Азия как историко-археологический регион // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 244–265.

Грязнов, 1953 — *Грязнов М. П.* Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее // МИА. 1953. № 39. С. 332–335.

Грязнов, 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 62 с.

Грязнов, Комарова, 1966 — *Грязнов М. П., Комарова М. Н.* Раскопки могильников в Западной Сибири // АО 1965 года. 1966. С. 12–15.

Грязнов, Шнейдер, 1929 — *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4, вып. 2. С. 63–93.

Давыдова, 1956 — *Давыдова А. В.* Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА. 1956. Вып. 25. С. 261–300.

Диков, 1958 — *Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958. 108 с.

Длужневская, 1977 — *Длужневская Г. В.* Некоторые особенности наземных сооружений курганов Саянского каньона р. Енисей (могильник Хадынных II) // СА. 1977. № 3. С. 275–278.

Длужневская, 1983 — *Длужневская Г. В.* Средневековые погребения с трупосожжением в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 41–45.

Длужневская, Семенов, 1979 — *Длужневская Г. В., Семенов В. А.* Окружающая среда и хозяйственно-культурные особенности южной части Саянского каньона р. Енисей // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 87–89.

Дэвлет, 1961 — *Дэвлет М. А.* К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях // СА. 1961. № 4. С. 78–83.

Дэвлет, 1964 — *Дэвлет М. А.* Керамика позднетагарских курганов Красноярского района // СА. 1964. № 2. С. 205–210.

Дэвлет, Ельцов, 1970 — *Дэвлет М. А., Ельцов А. В.* Работы в Тоджинском районе Тувинской АССР // АО 1969 года. 1970. С. 193–194.

Дэвлет, 1971 — *Дэвлет М. А.* Археологические раскопки в Тодже в 1970 г. // УЗ ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 250–263.

Дэвлет, 1973а — *Дэвлет М. А.* Археологические исследования в Тодже в 1971–1972 гг. // УЗ ТНИИЯЛИ. 1973. Вып. 16. С. 76–80.

Дэвлет, 1973б — *Дэвлет М. А.* Работы Тоджинской экспедиции // АО 1972 года. 1973. С. 211–212.

Дэвлет, 1973в — *Дэвлет М. А.* Раскопки стоянок с каменным инвентарем в Тодже (Восточные Саяны) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 74–84.

Дэвлет, 1973г — *Дэвлет М. А.* Стоянка Тоора-Хем «Вторая Поляна» в северо-восточной Туве // КСИА. 1973. Вып. 137. С. 104–106.

Дэвлет, 1976 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976. 120 с.

Дэвлет, 1980 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980. 272 с.

Дэвлет, 1982 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982. 128 с.

Дэвлет, 1989 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы Алды-Мозага // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск, 1989. С. 42–52.

Дэвлет, 1990 — *Дэвлет М. А.* Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл, 1990. 120 с.

Дэвлет, 1992 — *Дэвлет М. А.* Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск, 1992. С. 29–43.

Дэвлет, 1996 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы Енисея. История изучения XVIII — начало XX вв. М., 1996. 250 с.

Дэвлет, 1998 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы на дне Саянского моря. М., 1998. 287 с.

Дэвлет, 2004 — *Дэвлет М. А.* Каменный «компас» в Саянском каньоне Енисея. М., 2004. 88 с.

Дэвлет, 2007 — *Дэвлет М. А.* Тоджа — своеобразный «островок» традиционной культуры в Восточных Саянах // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007. С. 165–176.

Жогова, 2014 — *Жогова Н. А.* Первые результаты поисков стоянок раннего железного века на севере Тувы // Труды IV (XX) ВАС в Казани. Казань, 2014. Т. 2. С. 202–204.

Зданович, 1975 — *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1975. 24 с.

Иванова, 1968 — *Иванова Л. А.* О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культуры // СА. 1968. № 2. С. 251–254.

Иванова, Кожин, 1971 — *Иванова Л. А., Кожин П. М.* О характере взаимосвязей культур эпохи бронзы Хакасско-Минусинских степей // Краткое содержание докладов Годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1970. Л., 1971. С. 112–113.

Ивашина, 1979 — *Ивашина Л. Г.* Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск, 1979. 158 с.

История Тувы, 1964 — История Тувы. Т. 1. М., 1964. 410 с.

Килуновская, 2011 — *Килуновская М. Е.* Колесницы эпохи бронзы в наскальном искусстве Тувы // Наскальное искусство в современном обществе к 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово, 2011. Т. 2. С. 129–133.

Киселев, 1951 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 643 с.

Козинцев, 2009 — *Козинцев А. Г.* О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // АЭАЕ. 2009. № 4 (40). С. 125–136.

Комарова, 1952 — *Комарова М. Н.* Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. М., 1952. Т. 1. С. 7–50 (МИА. № 24).

Комарова, 1981 — *Комарова М. Н.* Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 76–90.

Косарев, 1981 — *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 278 с.

Косарев, 1987 — *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987. С. 248–312.

Кубарев, 1986 — *Кубарев В. Д.* О локальном варианте окуневской культуры на Алтае // Скифская эпоха Алтая. Тезисы докладов к конференции. Барнаул, 1986. С. 102–104.

Кузьмина, 1966 — *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966. 150 с. (САИ. Вып. В4-9).

Кузьмина, 1985 — *Кузьмина Е. Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Информационный бюллетень МАИКЦА. М., 1985. Вып. 9. С. 24–45.

Кузьмина и др., 1981 — *Кузьмина Е. Е., Мерперт Н. Я., Шилов В. Л.* Новое в изучении культур бронзового века евразийских степей // Studia Praehistorica. Sofia, 1981. № 5–6. С. 73–102.

Курочкин, 1983 — *Курочкин Г. Н.* Поселение эпохи ранней бронзы на Кадатском водохранилище // Древние культуры Евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л., 1983. С. 56–58.

Кызласов, 1958 — *Кызласов Л. Р.* Этапы древней истории Тувы // Вестник МГУ. Ист.-фил. серия. 1958. № 4. С. 71–99.

Кызласов, 1960 — *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. 198 с.

Кызласов, 1969 — *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969. 199 с.

Кызласов, 1971 — *Кызласов Л. Р.* Карасукский могильник Хара-Хая // СА. 1971. № 3. С. 170–188.

Кызласов, 1977 — *Кызласов Л. Р.* Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. 1977. № 2. С. 69–88.

Кызласов, 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М., 1979. 206 с.

Кызласов, 1986 — *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М., 1986. 295 с.

Лазаретов, 1995 — *Лазаретов И. П.* Каменноложские погребения могильника Арбан 1 (к характеристике погребального обряда) // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 39–46.

Леонтьев, 1969 — *Леонтьев Н. В.* Кундусукские росписи // СА. 1969. № 4. С. 245–248.

Леонтьев, 1975 — *Леонтьев Н. В.* Каменные фигурные жезлы Сибири // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 63–66.

Липский, 1963 — *Липский А. Н.* Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 57–62.

Максименков, 1965а — *Максименков Г. А.* Окуневская культура в Южной Сибири // МИА. 1965. № 130. С. 168–174.

Максименков, 1965б — *Максименков Г. А.* Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах // СА. 1965. № 4. С. 204–211.

Максименков, 1970 — *Максименков Г. А.* О культурах эпохи бронзы южной части Сибири // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 75–85.

Максименков, 1975 — *Максименков Г. А.* Окуневская культура: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975. 40 с.

Мамонова, 1980 — *Мамонова Н. Н.* Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сборник МАЭ. 1980. Вып. 31. С. 60–74.

Мандельштам, 1968 — *Мандельштам А. М.* Новые данные о могильниках Бай-Даг II и III // АО 1967 года. 1968. С. 169–170.

Мандельштам, 1973 — *Мандельштам А. М.* Раскопки могильника Аймырлыг // АО 1972 года. 1973. С. 228.

Мандельштам, 1978 — *Мандельштам А. М.* Работы в зоне Малиновской оросительной системы // АО 1977 года. 1978. С. 253.

Мандельштам, 1983а — *Мандельштам А. М.* Исследования на могильном поле Аймырлыг // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 25–33.

Мандельштам, 1983б — *Мандельштам А. М.* О некоторых результатах новых археологических исследований в Центральной Туве // Информационный бюллетень МАИКЦА. М., 1983. Вып. 4. С. 5–14.

Мандельштам, 1992 — *Мандельштам А. М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. С. 178–196.

Мандельштам, Резепкин, 1979 — *Мандельштам А. М., Резепкин А. Д.* Работы Уюкской экспедиции // АО 1978 года. 1979. С. 246.

Мандельштам, Стамбульник, 1980 — *Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 45–47.

Мандельштам и др., 1979 — *Мандельштам А. М., Шаровская Т. А., Бестужев Г. Н.* Раскопки в зоне строительства г. Новый Шагонар // АО 1978 года. 1979. С. 247.

Манжигеев, 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978. 128 с.

Маннай-оол, 1963 — *Маннай-оол М. Х.* Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // УЗ ТНИИЯЛИ. 1963. Вып. 10. С. 238–246.

Матющенко, Синицына, 1988 — *Матющенко Б. И., Синицына Г. В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 132 с.

Молодин, 1985 — *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Мочанов, 1969 — *Мочанов Ю. А.* Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969. 254 с.

Наглер, Парцингер, 2006 — *Наглер А., Парцингер Г.* Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник. 2. СПб., 2006. С. 104–119.

Новгородова, 1970 — *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970. 192 с.

Окладников, 1950 — *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I и II. М.; Л., 1950 (МИА. № 18).

Окладников, 1955 — *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. М.; Л., 1955. 374 с. (МИА. № 19).

Окладников, 1960 — *Окладников А. П.* Шилкинская пещера — памятник древней культуры верхнего Амура // МИА. 1960. № 86. С. 9–71.

Окладникова, 1986 — *Окладникова Е. А.* К вопросу о каменных выкладках в долине реки Елонгаш // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 74–89.

Ондар, 2007 — *Ондар Б. К.* Топонимический словарь Тувы. Кызыл, 2007. 550 с.

Рева, 1995 — *Рева Л. И.* Хайыракан 1 — могильник эпохи бронзы // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 17–22.

Савинов, 1975 — *Савинов Д. Г.* Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 94–100.

Савинов, 1981 — *Савинов Д. Г.* Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 111–117.

Савинов, 1994 — *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.

Савинов, 1996 — *Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб., 1996. 112 с.

Савинов, 2003 — *Савинов Д. Г.* Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // АЭАЕ. 2003. № 2. С. 48–70.

Савинов, Рева, 1993 — *Савинов Д. Г., Рева Л. И.* К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 45–51.

Семенов, 1979а — *Семенов В. А.* Раскопки многослойной стоянки Тоора-Даш в Западной Туве // АО 1978 года. 1979. С. 270.

Семенов, 1979б — *Семенов В. А.* Археологические памятник и конца I тыс. до н. э. в Саянском каньоне Енисея // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. Кемерово. 1979. С. 87–89.

Семенов, 1980 — *Семенов В. А.* Раскопки многослойной стоянки Тоора-Даш в Западной Туве // АО 1979 года. 1980. С. 230–231.

Семенов, 1981 — *Семенов В. А.* Раскопки стоянки Тоора-Даш // АО 1980 года. 1981. С. 208.

Семенов, 1982 — *Семенов В. А.* Керамика стоянки Хадынных I в Западном Саяне // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 100–101.

Семенов, 1983 — *Семенов В. А.* Раскопки стоянки Тоора-Даш // АО 1981 года. 1983. С. 230.

Семенов, 1984а — *Семенов В. А.* О двух этапах окуневской культуры Тувы // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984. С. 252–264.

Семенов, 1984б — *Семенов В. А.* Каменноложский этап карасукской культуры на Верхнем Енисее // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984. С. 265–268.

Семенов, 1985 — *Семенов В. А.* Раскопки курганов в зоне строительства Торгалыкской оросительной системы в Туве // Археологические исследования в зонах мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985. С. 68–69.

Семенов, 1986 — *Семенов В. А.* Неолитические памятники Верхнего Енисея // Палеолит и неолит. Л., 1986. С. 127–131.

Семенов, 1988 — *Семенов В. А.* Периодизация культур неолита и бронзы Тувы (по материалам археологических памятников Саянского каньона Енисея): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1988. 24 с.

Семенов, 1990 — *Семенов В. А.* Улуг-Хорум и Аржан (к интерпретации модели мира древних кочевников Тувы) // Проблемы исторической интерпретации архео-

логических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 111–113.

Семенов, 1992 — *Семенов В. А.* Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992. 136 с.

Семенов, 1993 — *Семенов В. А.* Древнейшая миграция индоевропейцев на восток (к столетию открытия тохарских рукописей) // ПАВ. 1993. № 1. С. 25–30.

Семенов, 1995а — *Семенов В. А.* Тува в эпоху переселения народов (начальный этап) // УЗ ТНИИЯЛИ. 1995. Вып. 18. С. 157–165.

Семенов, 1995б — *Семенов В. А.* Несколько слов об окуневской и чаа-хольской культуре в Туве // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб., 1995. С. 24–26.

Семенов, 1996 — *Семенов В. А.* Ритуальные сооружения высокогорных районов Внутренней Азии // Курган — историко-культурные исследования и реконструкции. СПб., 1996. С. 37–38.

Семенов, 1997а — *Семенов В. А.* Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). СПб., 1997. 48 с.

Семенов, 1997б — *Семенов В. А.* Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 152–160.

Семенов, 2000 — *Семенов В. А.* Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: Сборник статей к 60-летию М. Л. Подольского. СПб., 2000. С. 134–157.

Семенов, 2002 — *Семенов В. А.* Фатьяновская культура — карасукская культура и «миграция тохаров в свете археологии» // Северная Евразия в эпоху бронзы. Пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 114–116.

Семенов, 2003 — *Семенов В. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003. 320 с.

Семенов, 2004 — *Семенов В. А.* К проблеме неолитизации Минусинской котловины и Тувы (верхнеенисейская неолитическая культура) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С. 70–87.

Семенов, 2006а — *Семенов В. А.* Многослойные стоянки каменного и бронзового веков Тувы // Современные проблемы археологии России. Т. I. Материалы ВАС (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006. С. 52–54.

Семенов, 2006б — *Семенов В. А.* Миграция степных племен в эпоху бронзы (к тохарской проблеме) // 2-й Северный конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск. М., 2006. Т. 2. С. 95–96.

Семенов, 2007 — *Семенов В. А.* Гравированные гальки из Тувы // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 70–73.

Семенов, 2011 — *Семенов В. А.* Плита с окуневской личиной со стоянки Кара-Орга в Туве // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово, 2011. Т. 2. С. 129–133.

Семенов, Чугунов, 1987 — *Семенов В. А., Чугунов К. В.* Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 73–75.

Семенов и др., 2006 — *Семенов В. А., Васильев С. А., Килуновская М. Е.* Куйлуг-Хемский 1 грот — новый многослойный памятник каменного века в Туве // Записки ИИМК РАН. 2006. № 1. С. 31–41.

Семенов и др., 1995 — *Семенов В. А., Килуновская М. Е., Чугунов К. В.* Археологические исследования на правобережье Улуг-Хема // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 23–30.

Сидоров, 1969 — *Сидоров В. В.* Стоянки каменного века в Центральной Туве // СА. 1969. № 4. С. 126–140.

Смирнов, 1961 — *Смирнов К. Ф.* Вооружение сарматов. М., 1961 (МИА. № 101).

Соловьева и др., 2015 — *Соловьева Н. Ф., Александров С. В., Боковенко Н. А., Горлов К. В., Городилов А. Ю., Килуновская М. Е., Курганов Н. С., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Садыков Т. Р., Семенов Вл. А., Смирнов Н. Ю., Шапиро С. Б.* «Дорога длиной в тысячелетия…». СПб., 2015. 195 с.

Сосновский, 1934 — *Сосновский Г. П.* Нижне-Иволгинское городище // ПИДО. 1934. № 7/8. С. 150–156.

Сосновский, 1941 — *Сосновский Г. П.* Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Л., 1941. Вып. 1. С. 273–309.

Стамбульник, 1977 — *Стамбульник Э. У.* Отчет об археологических раскопках в 1977 г. // НОА ИА РАН. № 6827, д. 12.

Стамбульник, 1979 — *Стамбульник Э. У.* Раскопки на могильнике Аймырлыг // АО 1978 года. 1979. С. 272.

Стамбульник, Чугунов, 2006 — *Стамбульник Э. У., Чугунов К. В.* Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник. 2. СПб., 2006. С. 292–302.

Суразаков, 1988 — *Суразаков А. С.* Ирбисту 1 // Проблемы изучения культур населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 22–59.

Теплоухов, 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.

Тимофеев и др., 2004 — *Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М.* Радиоуглеродная хронология Северной Евразии. СПб., 2004. 157 с.

Трифонов, 1966 — *Трифонов Ю. И.* Работы на могильнике Аргалыкты // АО 1965 года. 1966. С. 26.

Трифонов, 1970 — *Трифонов Ю. И.* Исследование в Центральной Туве (могильник Аргалыкты I и VIII) // АО 1969 года. 1970. С. 184–185.

Формозов, 1969 — *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969. 254 с.

Формозов, 1972 — *Формозов А. А.* О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. 1972. № 1. С. 22–35.

Хлобыстин, 1964 — *Хлобыстин Л. П.* Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок В. Э. Петри) // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 25–32.

Хлобыстина, 1971 — *Хлобыстина М. Д.* Могильник Черемушный Лог и эпоха раннего металла на Среднем Енисее // СА. 1971. № 4. С. 23–35.

Черников, 1960 — *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М., 1960. 272 с. (МИА. № 88).

Членова, 1994 — *Членова Н. Л.* Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.

Чугунов, 1994 — *Чугунов К. В.* Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. 1994. № 8. С. 43–52.

Чугунов, 2002 — *Чугунов К. В.* Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Сборник научных работ. Барнаул, 2002. С. 142–149.

Чугунов, 2009 — *Чугунов К. В.* Саяно-Алтай в начале эпохи ранних кочевников: перспективы комплексного анализа // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Сборник научных работ. Барнаул, 2009. С. 347–349.

Чугунов и др., 2006 — *Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г.* Аржан-2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник. 2. СПб., 2006. С. 303–311.

Шер, 1980 — *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 328 с.

Шер, 1988 — *Шер Я. А.* Отчет об археологических раскопках на могильнике Оруг-Аксы I в районе оз. Мешкен-Холь Бай-Тайгинского района Кызыл-Дагский сельсовет. 1988 // НОА ИА РАН. Дело № 12676.

Шер, Хлобыстин, 1966 — *Шер Я. А., Хлобыстин Л. П.* Раскопки на среднем Енисее // АО 1965 года. 1966. С. 10–12.

Шульга, 1990 — *Шульга П. И.* Поселения раннего железного века в Горном Алтае: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 18 с.

Элиаде, 1998 — *Элиаде М.* Мефистофель и андрогин. СПб., 1998. 374 с.

Čugunov et al., 2010 — *Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010. 330 S.

Kilunovskaya, Semenov, 1995 — *Kilunovskaya M., Semenov V.* The Land in the Heart of Asia. СПб., 1995. 108 с. (Сокровища мировой культуры. Вып. 2).

Randsborg, 1993 — *Randsborg K.* Kivik: Archaeology and iconography. København, 1993. 147 p. (Acta Archaeologica. Vol. 64 (1)).

Список сокращений

АО	— Археологические открытия. Москва
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
ВАС	— Всероссийский археологический съезд
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград/Санкт-Петербург
ИИМК	— Институт истории материальной культуры РАН. Ленинград (1937–1945), Москва (1945–1959). Санкт-Петербург (с 1991 г.)
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Ленинград
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР/РАН. Ленинград/Санкт-Петербург
МИА	— Материалы по археологии СССР. Москва; Ленинград
НОА ИА РАН	— Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ. Ленинград
РА	— Российская археология. Москва
РАН	— Российская академия наук
СА	— Советская археология. Москва
САИ	— Свод археологических источников. Археология СССР. Москва
СМАЭ	— Сборник МАЭ
ТТКАЭЭ	— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Ленинград
УЗ ТНИИЯЛИ	— Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл

Summary

The long-lived camp-site of Toora-Dash is situated on the right bank of the Chaa-Khol district of the Republic of Tyva, 5 km below the mouth of the Khemchik River and 7 km from the border between Tuva and Krasnoyarskiy Kray. At the site there have been discovered 15 cultural layers in a vertically deposited column sequence. Some of these layers additionally comprise internal cultural horizons separated by thin sterile intercalations. In the course of excavation at Toora-Dash, numeration of the layers was registered from the bottom upwards because the investigations of the riverine terrace here were started upwards from the water edge. The first cultural level was left by bearers of the Upper-Yenisey Neolithic culture dating from the beginning and the middle of the 3rd millennium BC. Here a chain of 13 stone structures was revealed. Subsequently, during the 3rd millennium BC, it was covered by the 2nd and 3rd cultural layers also belonging to the Upper-Yenisey culture. The archaeological materials represented by comb ware and stone tools were similar in all of the three layers. In the late 3rd — early 2nd millennium BC, a fourth layer was deposited marked only by fireplaces, poorly distinguishable stone pavements and animal bones. Afterwards, a comparatively long period of desolation began at Toora-Dash. This period was evidently caused by cooliцng and expansion of steppes in the Ulug-Khem depression as indicated by considerable layers of ashes. After that, the first herders of Siberia here appeared — the bearers of the Afanasyevo culture. Artefacts belonging to the Afanasyevo culture were discovered in the 5th cultural layer and were first identified in Tuva exactly at Toora-Dash. The pottery from the 5th layer is represented both by typical Afanasyevo forms and by local (Tuvinian) variants corresponding to a phase transitional from the Afanasyevo to Okunevo cultures. This fact probably was due to the acculturation of the local Neolithic (Upper-Yenisey) population that does not run counter the chronological column based on ^{14}C dates. Anthropological data, according Ilya I. Gokhman's investigations, confirm this process of the development and replacement of cultures in Tuva. This is the way how the first stage of the Okunevo culture, represented by materials of the 6th cultural layer from Toora-Dash, took place in Tuva. The same version is confirmed by excavations at the site of Azas-II where a burial structure similar to the funeral and memorial complex investigated in the first layer of Toora-Dash was revealed. The Azas structure was found in the cultural layer containing pottery of the Okunevo culture. The woman here buried was of the Afanasyevo anthropological type.

The second stage of the Okunevo culture took place in Tuva owing to the afflux of a new wave of Okunevo people ousted from the Minusinsk Kettle. In the opinion of Gleb A. Maksimenkov, it was a result of the invasion of Andronovo tribes. Thus three components are distinguishable in the formation of the Tuvinian variant of the Okunevo culture, viz. the local Neolithic Upper-Yenisey substratum, Afanasyevo newcomers and subsequently the bearers of the Okunevo culture from the Minusinsk Kettle. Because of the unreliable ^{14}C dates, the 7th cultural layer at Toora-Dash was dated through an analogy with two bronze knives from Western Siberia of the 14th–13th centuries BC. This date, although contrary to that obtained by ^{14}C for the 7th layer of Toora-Dash, has been confirmed through parallel dating of the cultural layer found beneath the barrow of Arzhan-2 with pottery typical to the 7th layer at Toora-Dash and the site of Khadynnykh-1.

The eighth cultural layer is dated to the last quarter of the 2nd millennium BC. It is poor in finds but contained over a hundred fragments of a unique vessel with the walls covered with a hatched design and a rim ornamented with two parallel belts with impressed pits between them. In addition, there were here different stone structures including triangles characteristic of Scythian sites constructed under barrows or on the roofs of log structures. This layer is comparable with the earlier burials of the Mongun-Tayga culture.

The ninth cultural layer is dated to the early 1st millennium BC. Similarly to the 8th cultural layer, it also was

poor in artefacts. Here only a few fragments of decorated pottery indicating a limited character of the visits to the Toora-Dash tract of land and the beginning of the period of steppe herding. The increased livestock needed pastures more expansive than the narrow terraces on the rocky banks of the Yenisey. Probably this layer also belonged to the Mongun-Tayga culture with burials devoid of artefacts. Such burials were widely distributed in the Ulug-Khem Kettle and other regions of Tuva.

Layers 10α and 10 contained artefacts dated to the Scythian period. In layer 10A, only smooth-wall indistinct pottery is represented. In layer 10, there were a fragment of a bronze kettle, a fragment of a horn cheekpiece, a bronze awl, a three-edged bone arrowhead, a bell-shaped horn pendant with a circular decoration, etc. Fragments of clay pottery were fairly numerous. In addition, 14 perforated pebbles and slate plates were here found — probably weights for fishing nets. The layer under consideration belonged to the Uyuk-Saglyn culture.

Layer 10A covered the 10th cultural layer. It preserved remains of memorial structures of the Tashtyk period. A few pits with vertical steles installed in them contained pottery with comb decorations. Similar pottery was found in burials with cremations at the site of Khadynnykh-1. Analogous sites are known also in the Minusinsk Kettle.

The 11th cultural layer is dated to the first centuries AD — the 12th epoch of the Kyrgyz great power or the Uygur Khaganate. Finally, the 13th layer was linked with the period of the formation of the state of Altyn-khans i. e. the 17th century AD.

Научное издание

Семенов Вл. А.

ТООРА-ДАШ — МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА НА ЕНИСЕЕ В ТУВЕ

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Редактор *М. А. Молчанова*
Верстка и художественное оформление *И. Н. Лицука*
Корректор *М. А. Молчанова*

Подписано в печать 00.00.2018. Формат 60×90 $^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 42,5. Усл. печ. л. ??.
Тираж 300 экз. Заказ 000

Отпечатано в ООО «Невская Книжная Типография»
197198, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 21, литер «А»,
помещение 9-Н, комната 19

Тел./факс: +7(812) 380-7950
E-mail: spbcolor@mail.ru

Тоора-Даш – уникальный многослойный памятник, расположенный на правом берегу Верхнего Енисея на территории Республики Тыва. Он насчитывает 13 культурных слоев от неолита до позднего монгольского времени. Памятник исследовался Вл. А. Семеновым с 1978 по 1984 годы, после чего его затопило водами Саянского водохранилища. Помимо Тоора-Даш в книгу включены материалы других стоянок, исследованных в Саянском каньоне Енисея, таких как Хадынных I и II, Хем-Теректиг и др., а также поселенческих памятников в Тоджинской котловине.

Автор книги Владимир Анатольевич Семенов — петербургский археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, профессор кафедры зарубежного искусства Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина — более 40 лет проработал в Туве и других регионах Центральной Азии. Он является ведущим специалистом по археологии Центральной Азии и Южной Сибири. Автор более 200 научных работ, в том числе 10 монографий и каталогов выставок на английском и испанском языках.

ISBN 978-5-907053-05-2
9 785907 053052